

Ф. И. ЕЛИСЕЕВ

ЛАБИНЦЫ.
ПОБЕГ
ИЗ КРАСНОЙ
РОССИИ

Ф.И. ЕЛИСЕЕВ

**ЛАБИНЦЫ.
ПОБЕГ
ИЗ КРАСНОЙ
РОССИИ**

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2006

Серия основана в 2000 году

Под общей редакцией авторов проекта
Валентины Алексеевны БЛАГОВО
и Сергея Алексеевича САПОЖНИКОВА,
членов Российского Дворянского Соборания

Оформление художника И.А. Озерова

- Е51 **Елисеев Ф.И.**
Лабинцы. Побег из красной России / Составление, научная редакция, предисловие, приложения и комментарии, подбор иллюстраций П.Н. Стрелянова (Калабухова). — М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. — 543 с.

ISBN 5-9524-2066-4

Книга посвящена истории последнего этапа Белой борьбы Кубанского Казачьего Войска в начале 1920 г. и раскрывает трагизм положения тысяч кубанских казаков, отступивших с боями на Черноморское побережье и вынужденных сдаться в красный плен. Автор подробно описывает заключение казаков в лагеря, этапы в Москву, на Урал, в Архангельскую губернию и захватывающую историю своего побега из красной России через Финляндию на Запад.

Книга снабжена обширными и впервые публикуемыми иллюстрациями и комментариями из нескольких сот неизвестных биографических справок об упоминаемых в книге персонажах.

Книга входит в выпускаемую издательством «Центрполиграф» серию под общим названием «Россия забытая и неизвестная».

Как и вся серия, она рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей, а также на государственных и общественно-политических деятелей, ученых, причастных к формированию новых духовных ценностей возрождающейся России.

ББК 63.3(2)-8

ISBN 5-9524-2066-4

© П.Н. Стрелянов (Калабухов), 2006
© Художественное оформление серии
ЗАО «Центрполиграф», 2006
© ЗАО «Центрполиграф», 2006

Верные, храбрые, благородные Лабинцы!..
Вашу кровь и стойкость никогда не забудет Кубань!

Генерал-лейтенант С.Г. Улагай, 1920 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Равное по территории одной российской губернии, Кубанское Казачье Войско (ККВ) с его казачьим населением в полтора миллиона человек выставило в Гражданскую войну 1918—1920 гг. четыре корпуса: 38 конных полков, 3 пластунические бригады, 24 батареи. Кроме того, некоторые части Добровольческой армии иногда состояли наполовину из кубанских казаков. И выставлены они были в полном обмундировании, с холодным оружием и лошадьми на деньги своих семейств. Несмотря на эту жертву и доблесть казаков, Войско на протяжении всей войны не имело своей армии. Только к концу декабря 1919 г., когда все армии — Добровольческая, Донская и Кавказская — с тяжелыми боями, оставив Ростов, отошли за Дон, Главнокомандующий Вооруженными Силами* на Юге России (ВСЮР) дал согласие на организацию Кубанской армии. Надо признать, что это было сделано очень поздно.

История Белого движения на Юге России в течение зимы—весны 1920 г., по отношению к казачеству, в мемуарах его высших руководителей изобилует целым рядом следующих утверждений: «рассчитывать на продолжение казаками борьбы нельзя», «дезертирство Кубанцев приняло массовый характер», «пафос Белой идеи казакам малопонятен» и т. п.

«Эти слова были оскорбительны для всего Казачества», — пишет военный историк Русского зарубежья Федор Иванович Елисеев, опровергая вышеперечисленные «аксиомы» в представленной работе, о чем мы еще скажем ниже.

В первом цикле книги «Лабинцы» повествуется о последних месяцах Белой борьбы казаков на Кубани, отступлении с боями казачьих соединений на Черноморское побережье, где 27-летний полковник Елисеев командовал полком, бригадой и дивизией.

1-й Лабинский генерала Засса полк ККВ Ф.И. Елисеев хорошо знал по боевой работе в Великой войне 1914—1917 гг. на Кавказском фронте. Из этой части Русской Императорской армии в Гражданской войне вышло четыре генерала.

* Здесь и далее сохраняется написание войсковых подразделений и воинских званий, принятое в эмигрантской литературе.

Молодые офицеры, «за единичными исключениями, были кровными Лабинцами, почему вне своего полка они не мыслили жить, служить, воевать. Это был совершенно однородный элемент, молодой возрастом, в полном расцвете своих физических сил, совершенно не потерявший сердце». В полку до половины людей некоторых сотен составляли казаки одной фамилии, все родственники.

Стойкость Лабинцев была вызвана тем, что летом 1918 г., после восстания против красных, их станицы подверглись жестоким репрессиям, погибли многие сотни казаков. «Террор красных был необыкновенный. Сгнав на площадь станицы арестованных, их рубили шашками. И ни в одном отделе Кубанского Войска не было такого массового восстания против красных, как и террора над казаками, как в Лабинском полковом округе. Таковы были казаки-Лабинцы в самом начале борьбы против красных, таковыми и оставались до конца, до самой гибели Кубанской армии на Черноморском побережье в апреле 1920 года».

Последний командир 1-го Лабинского полка на родной земле, командующий дивизией (Улагаевской), полковник Елисеев дает свою оценку старшим военачальникам Белого движения, известным ему лично, — С.Г. Улагаю, А.Г. Шкуро, Н.Г. Бабиеву, В.Г. Науменко, А.М. Шифнер-Маркевичу, А.В. Голубинцеву, М.А. Фостикову и другим.

Выписанные им портреты генералов останутся живой страничкой в военной истории: «После боя начальник штаба дивизии, 65-летний генерал-лейтенант барон Арпсгофен благодарил своего начальника, полковника Елисеева за то, что ему довелось хоть раз в жизни ощутить так близко «запах смерти» в настоящей конной атаке, в которой душа уходит в пятки. В атаке он даже потерял свою английскую фуражку с длинным козырьком».

Самобытно, с точной передачей их поведения и интонаций родного языка, показаны всадники-горцы Черкесской конной дивизии, воевавшие с большевиками в рядах Белых армий.

Надо заметить, что приведенные Елисеевым (находившимся в самой гуще зимне-весенних боев 1920 г. на Кубани) боевые расписания дают основание не согласиться с утверждением мемуаристов о «дезертирстве казаков». А описание им походов и конных атак заставляет серьезно усомниться в том, что «рассчитывать на продолжение казаками борьбы было нельзя»:

«Три полка красной конницы прорвались и обходят нас слева. Мысль работает молниеносно.

— По переднему уступу!.. карьером! — бросаю штаб-трубачу.

И запела труба в пространство снежной степи: «Стремглав, друзья, постройтесь, чтоб фронтом идти на врага-а!»

Повернув головную сотню фронтом против красных, остановил ее. Остальные сотни, несясь с быстротой молнии, пристраивались левее головной, образуя густую резервную колонну полка. Пулеметная команда, взяв лошадей в кнуты, неслась вслед.

— Взять позицию правее полка! — кричу я.

В большой белой косматой папахе, крупный телом есаул С., пригнувшись к луке с хищным видом, доскакал до бурьянов, круто остановился, повернул свою лошадь кругом и, став лицом к своим пулеметам, сложенной вдвое плетью бросил руку направо и налево, чем указал развернутый строй своим 22 пулеметам.

Пулеметные линейки всеором бросились вправо таким аллюром, как скачет во все лошадиные силы пожарная команда.

Красные, увидев образовавшийся строй казаков фронтом против них, блестя шашками и густой ватагой, без строя, перешли в атаку. Их было горздо больше, чем нас. Мне стало страшно. Своей численностью они могут смять полк.

Полк стоял молча. Командиры сотен бросали иногда взгляды на меня и на несущуюся на нас конницу красных, как бы спрашивая: «Чего же мы стоим?»

Молча проехав перед строем, остановился на правом фланге полка. И когда красные передними всадниками приблизились шагов на 500—600, я взмахом руки открыл по ним огонь. И застрекотали, заклокотали, зашипели все 22 полковых пулемета, и легким сизым дымком заиндевелась линия огня. Есаул С. скачет вдоль линии своих линеек, что-то кричит, и от его крика пулеметы еще более слились в сплошную бурю развернувшейся грозы огня.

А полк стоит и смотрит — как смешались первые ряды красных, как свалилось несколько коней и как они, повернув своих лошадей кругом, потоком хлынули назад. Широким наметом, с места, полк бросился вперед, в преследование».

В последнем походе Елисеев, только волею обстоятельств не ставший генералом, командует дивизией. Казачьи полки атакуют красную конницу под бравурные марши трубачей 1-го Лабинского полка: головокружительная скачка удирающих и преследующих, распластавшихся в карьере красноармейцев и казаков, захваченные пулеметные тачанки красных строчат по своим — возле каждой по несколько урядников с револьверами в руках требуют от пленных пулеметчиков «лучше целиться».

В середине марта 1920 г. три Кубанских конных корпуса и 4-й Донской конный отходили к Черноморскому побережью. Связи между корпусами и с Новороссийском (где погрузились на пароходы лишь подоспевшие туда кадры двух полков ККВ) не было. Единственная дорога на Туапсе. Впереди Гойтхский перевал. Вся Черноморская губерния занята «красно-зелеными». И передовые отряды генерала Шкуро разметали противника, взяли перевал, потом Туапсе, двинулись на Сочи и заняли город.

Капитуляция почти 40-тысячной (60 тысяч вместе с донцами и беженцами) Кубанской армии в апреле 1920-го под Адлером—Сочи. Никому не известны затаенные мысли Кубанского атамана Букретова и генерала Врангеля. Особенно первого. Офицер Генерального штаба и боевой генерал, герой Сарыкамыша, георгиевский кавалер Великой войны принимает командование Кубан-

ской армией, отослав в Крым «неугодных ему» старших казачьих генералов: Улагая, Шкуро, Науменко, Бабиева и Муравьева. Видимо понимая при отступлении казачьих корпусов к Черному морю, что ничего сделать уже не сможет, возможно, желая «спасти армию», Букретов договаривается с красными об условиях ее сдачи.

Но остается также фактом, что о Кубанской армии в трагические дни ее гибели словно забыли — рука помощи из ставки не была протянута. Наверное, генерал Врангель думал об эвакуации Крыма как о неизбежности, и не было необходимости усиливать армию на полуострове еще многими десятками тысяч казаков и беженцами, брать нравственную за них ответственность и потом эвакуировать в общем исходе. Так погибли сила и цвет Кубанского войска.

Позже писали и говорили, что «Кубанские казаки не поехали бы в Крым». Это заблуждение. При отступлении с Кубани не только рядовой казак, но и офицер мог остаться в любой станице и не уходить к Туапсе. Ни контроля, ни принуждения не было. Казаки просто не выезжал в строй, полки продолжали отступать на юг. Следовательно, к Черному морю ушли непримиримые враги красных, добровольно.

В полках никто не думал о возможной капитуляции, когда до них дошел слух о начавшихся переговорах с красными. В естественном порядке воинской дисциплины все ждали приказа, чтобы оставить позиции и идти грузиться на корабли. Но приказа не последовало, как и не прибыли корабли. Их бросили (единственный генерал Шкуро сумел прибыть на судах к хутору Веселому и подобрать своих соратников, около полутора тысяч человек).

Получив уведомление о капитуляции, офицерам и казакам, желающим выйти одиночно, препятствий не чинили.

«Сам погибай, но товарища выручай», — говорит один из параграфов Устава внутренней службы Императорской армии, на котором твердо, свяшенно она воспитывалась.

Офицеры остались в полках: первопоходники, старейшие Корниловцы и Лабинцы, командиры сотен во 2-м Кубанском походе и младшие офицеры-пластуны. Остался последний командир Корниловского конного полка Безладнов. И был расстрелян красными в Екатеринодаре во время десанта из Крыма на Кубань за верность воинской чести — он погиб, до конца оставаясь со своими казаками.

Если в армии будут знать, что в самые трагические моменты начальники могут бросить своих подчиненных и спастись в одиночку, армия эта будет неустойчива в боях и морально больна.

Началась красная вакханалия. «Военком 34-й красной дивизии Рабинович, словно обрадовавшись своей очереди, как застоявшийся конь — он быстро стал впереди говорившего, окинул казаков торжествующе-победным взглядом и тонким фальцетом запищал, зашебетал, заговорил. «Проп-пали, проп-пали мы, — думал я тогда. — Революция, советская республика, красная власть — навалились опять на нас всем своим отвратительным существом»

В Туапсе красные в который раз обыскивали казаков и забирали у них последнее. Уже сданы лошади и седла. У многих казаков были Георгиевские кресты и медали. «Серебро нам нужно для государства. У нас все народное», — говорили красноармейцы, собираясь их отобрать. Навсегда запомнил Елисеев подхорунжего Н., награжденного в Великой войне тремя Георгиевскими крестами: «Я-то знаю, как он их заслужил! При мне все это было! На южных склонах Большого Арарата были убиты командир и вахмистр сотни. Я остался за командира сотни, а он, взводный урядник, стал вахмистром сотни. Ранено было десять казаков, и все тяжело, свинцовыми курдинскими пулями. Выбрались мы тогда благополучно. Прибытия в полк 1911 года, десять лет в строю и на войне без перерыва — что он переживал, умягало?! А сколько здесь было других, подобных Н.?!.. Нужно полагать — м н о г о!

И теперь эти царские Георгиевские кресты, заслуженные кровью и невзгодами голодного Турецкого фронта, красные хотят отобрать «для народа, для народного государства»... И вот он вынул их из сум и показывает этим хамам. Как бывало в трудные и ответственные минуты, он сощурил глаза и смотрит на меня. И я не знаю, что он думал, испытывал в эти минуты? Ненависть к красным? Или к тем старшим генералам в Крыму, что оставили их здесь, непримиримых к большевикам? А может быть, удивлялся, что «и я здесь»? »

Второй цикл — «Побег из красной России» — начинается с лагерей, этапов в Москву и на Урал, первых унижений и оскорблений. К старым полковникам злобно цепляются конвоиры: «А ты не есть ли сам Деникин, йо... твою мать?.. Смотри, как бы я вам бороды не выщипал, белые бля-и» — и говоривший начинает изощряться, что бы он сделал с генералом Деникиным, если бы тот живьем попался ему в руки, подчеркивая, что его «надо было бы вначале пытать, а потом — по кусочкам раздергивать». «И откуда появились на Руси Святой такие дикари, варвары?! — задается вопросом прошедший две войны Елисеев. — При желании он мог любого из нас пристрелить. Я понял, что мы попали в лапы не одного зверя, а в лапы сонмища зверей».

Лабинцы и Корниловцы держались вместе. Большевицские лагеря ничего не смогли изменить в воинских взаимоотношениях казачьих офицеров. Все оставались почтительными к старшим, помогали физически слабым. «Друзья познаются только в несчастье» — был их девиз. И благородное офицерское воспитание, как никогда и нигде, проявилось у всех тогда в высшей мере.

В Москве командиры эскадронов Конной армии Буденного, направленные на командные курсы, подошли к Елисееву с воровским вопросом — спекулировать на черном рынке белой мукой, которую они привезли конечно же не из своего амбара. «Герои красной конницы, против которых мы дрались в течение двух лет!.. Командиры, которые порой очень смело ходили против нас в атаки! Их лица, глаза, манеры людей, видавших виды — и грабеж, и насилия, и кровь, и животные удовольствия, людей, привыкших к своеобразной власти». И выдали свои спекулятивные тайны полковнику Белой армии, врагу. Можно ли представить строевых офицеров Русской Императорской армии на их месте?!

Судьба русского офицерства, уцелевшего в двух войнах, была predeterminedена большевиками. Летом—осенью 1920 г. в Москве красное командование устроило «военно-политические курсы» для пленных офицеров Кубанской, Донской и колчаковской армий, отправляемых на Польский фронт. Глядя в глаза Елисееву, моему прадеду генералу Абашкину и другим старшим офицерам, комиссар курсов выразился вполне ясно: «Мы вас, кадровых офицеров, держим потому, что вы нам нужны для построения нашей Красной армии, — после этого лицо его стало жестким, и он добавил: — А потом мы всех вас сошлем на север и сгноим в мурманских лесах и болотах»...

Нынешние «объективные» историки определяют Гражданскую войну прежней меркой, штампом — как «братоубийственную», ставят на одну доску вместе с красным и «белый террор». Но припомнится ли со стороны белых хотя бы один случай, подобный тому, о котором впервые поведал Ф.И. Елисеев? Это — случай поголовного уничтожения *всего* офицерского и военно-чиновничьего сословия целого Казачьего края в конце войны.

Кровавую дань понесло Кубанское Войско после неудачного десанта из Крыма в августе 1920 г. «Никто не описал — какова была расправа красных по станицам, по уходе десанта? Но *6 тысяч офицеров и военных чиновников* Кубанского Войска, с которыми мы встретились в Москве, являлись первыми жертвами».

Эшелоны с офицерами большевики гнали через Москву в Архангельскую губернию, эшелоны с урядниками — за Урал. Судьба казаков была ужасна. Прибывших в Архангельск в августе—сентябре 1920-го, их пачками грузили в закрытые баржи, вывозили вверх по Северной Двине и расстреливали на пустырях из пулеметов. Затем баржи возвращались, в них грузили следующих — и так пока не уничтожили все шесть тысяч... «Кубань, наше Кубанское казачье Войско, захлестнулось и еще слезами шести тысяч вдов!.. а сколько после них осталось сирот — мы теперь и НЕ УЗНАЕМ».

Скитаясь по лагерям и тюрьмам, казаки получали вести из станиц. Еще в 1920—1921 гг. (задолго до 30-х) красные власти жестоко мстили казачьим семьям: расстреливали стариков, «за невыполнение prodразверстки» сажали в подвалы ЧК, насильничали, брали «на учет» с запретом выезда из станиц...

Елисеев свидетельствует: на Урале и на северо-западе, в местах ссылки казаков, население ненавидело советскую власть, белых офицеров принимало как героев. Услышав, что они «издалека, с юга России», крестьяне заключали: «Есть адна Расея, а иде юх, а иде север — ета усе равно. Адна страна».

Разоренный красными в своем свободном труде — «все дай, да дай!», встречая пленных офицеров, хозяин дома радостно переспросил: «Бел-лые?.. значить колчаковцы?.. Я сам у Колчака служил и вот, вернулся зря в село, но Колчак придет иш-шо!» Он, как и соседи-мужики, ждал возвращения Верховного правителя: «Все пойдем к нему! И уж не сдадимся».

«Я ему не сказал, — пишет полковник Елисеев, — что адмирала Колчака давно нет в живых».

Сосланный за Урал, Елисеев решает: «Бежать!.. Бежать из этой красной России, бежать, куда глаза глядят, но только не быть здесь и переживать беспомощно все преступления и варварство красной власти, с которой надо бороться. Эта борьба возможна лишь тогда, когда я буду свободен».

Ему это удалось — он стал свободен. Началась новая жизнь, и была еще одна война...

* * *

Брошюры Ф.И. Елисеева «Лабинцы и последние дни на Кубани. 1920 г.», «Одиссея по красной России» и «Побег из красной России» выходили в США на ротаторе в 1962—1965 гг. и представляют собой библиографическую редкость.

Общее количество брошюр-тетрадей, сведенное составителем в данной книге, — четырнадцать. Они хронологически продолжают более ранние воспоминания Елисеева (Казачи на Кавказском фронте. 1914—1917 гг. М.: Воениздат, Редкая книга, 2001; С Корниловским конным. М.: АСТ, Астрель, 2003; Дневники казачьих офицеров. С Хоперцами. М.: Центрполиграф, 2004). Выпуская брошюры каждого цикла в течение нескольких лет, по отдельной тетрадке, Ф.И. Елисееву приходилось повторять или напоминать читателям что-либо, уже написанное ранее. При редактировании такие повторы убирались; некоторые разделы, небольшие по объему, сводились в более крупные, под общим заголовком.

В приложение 1 вошла краткая памятка 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ с указанием его командиров в Великой и Гражданской войнах, подготовленная составителем.

В своих брошюрах полковник Елисеев вспоминает 1-й Лабинский полк Императорской армии и его офицеров, хорошо известных ему по совместным боям в 1914—1917 гг. на Кавказском фронте; именно поэтому мы сочли нужным представить документы того времени в приложении 3.

В приложении 4 дан послужной список командира 1-го Лабинского полка полковника Ф.И. Елисеева.

В комментарии включены биографические справки около 300 офицеров и лиц, упоминаемых в книге; некоторые сведения предоставлены д. и. н. С.В. Волковым, К.А. Залесским и историком Терского Казачьего Войска Ф.С. Киреевым. Для кавалеров ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия в скобках проставлена дата награждения, а не дата совершения подвига; они сверены с данными из труда «Военный орден Св. Великомученика и Победоносца Георгия» (М.: РГВИА, 2004). В справках перечислены установленные нами награды казачьих офицеров в Великой войне, поскольку такие материалы никогда не публиковались.

Практически все фотографии, вошедшие в книгу, читатель увидит впервые. Ряд снимков передали составителю сын полковника Елисеева — Георгий Фе-

дорович Елисеев (США), дочь генерала В.Г. Науменко — Наталия Вячеславовна Назаренко-Науменко (США), с любезной помощью старшего научного сотрудника Краснодарского исторического музея Н.А. Корсаковой, и сын генерала М.А. Фостикова — Борис Михайлович Фостиков (Югославия).

Фотографии казаков 1-го Лабинского и других полков Великой войны — из семейного архива составителя, редкие фотоснимки передали Т.В. Рачинская (Абашкина) и семья Абашкиных (Кисловодск).

Всем вышеназванным приношу сердечную благодарность.

П. Стрелянов (Калабухов)

ЛАБИНЦЫ

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ

От составителя. В первых числах января 1920 года полковник Елисеев приводит от Ростова на Кубань кадрированные части 1-й Кавказской казачьей дивизии на переформирование. Образовывалась Кубанская армия, командующим ею назначается генерал-лейтенант А.Г. Шкуро¹.

Формирование шло медленно. Елисеев решает идти на фронт во 2-й Кубанский конный корпус, который уже выступил на Маныч. Дав телеграмму его командиру, генерал-майору В.Г. Науменко²: «Желаю командовать полком на фронте в Вашем корпусе. Приеду немедленно. Телеграфируйте в Невинномысскую. Командир 2-го Хоперского полка, полковник *Елисеев*», в тот же день получает ответ: «Согласен. Приезжайте. Получите полк. Генерал *Науменко*».

30 января 1920 года Елисеев выехал в станицу Кавказскую.

Кубанская армия

После революции в Петрограде в феврале 1917 года на территориях всех Казачьих Войск были созданы Войсковые Круги, на Кубани Войсковая Рада, избраны Войсковые Атаманы, образованы Войсковые правительства, то есть было восстановлено древнее казачье самоуправление на своих казачьих землях, но с подчинением центральной российской власти, только что образованному Временному правительству в Петрограде.

В конце октября того же года, с захватом в Петрограде государственной власти большевиками, все казачьи правительства, не сговариваясь предварительно, этой новой власти не признали и объявили полную независимость от нее по управлению своими землями впредь до образования правового правительства России. Для обеспечения порядка на своих землях на территориях Казачьих Войск стали формироваться пра-

вительственные отряды. Наиболее явно это выразилось в Оренбургском, Уральском, Донском, Кубанском и Терском казачьих Войсках.

Осенью 1917 года на Дону начала формироваться Русская Добровольческая армия под политическим руководством генерала Алексеева³, которую возглавил мужественный сердцем генерал Корнилов⁴.

В феврале 1918 года Дон пал. Добровольческая армия ушла на Кубань. В марте в Закубанье она соединилась с Кубанскими правительственными отрядами. 14 марта того же года в станице Ново-Дмитриевской Екатеринодарского отдела произошло заседание высших генералов Добровольческой армии с Кубанским Атаманом и правительством, на котором постановили:

1. Ввиду прибытия Добровольческой армии в Кубанскую Область и осуществления ею тех же задач, которые поставлены Кубанскому Правительственному отряду — для объединения всех сил и средств — признается необходимым переход Кубанского Правительственного отряда в полное подчинение генералу Корнилову, которому предоставляется право реорганизовать отряд, как это будет необходимо.

2. Законодательная Рада, Войсковое Правительство и Войсковой Атаман продолжают свою деятельность, всемерно содействуя военным мероприятиям командующего армией.

3. Командующий войсками Кубанского Края с его начальником штаба отзываются в распоряжение Кубанского Правительства для дальнейшего формирования Кубанской армии.

Подписали: генералы — *Корнилов*, *Алексеев*, *Деникин*⁵, Кубанский Войсковой Атаман полковник *Филимонов*⁶, генералы — *Эрдели*⁷, *Романовский*⁸, *Покровский*⁹, председатель Кубанского Правительства *Быч*¹⁰, председатель Кубанской Законодательной Рады *Рябовол*¹¹, товарищ председателя Законодательной Рады *Султан Шахим-Гирей*¹² (Скобцов Д.Е. Воспоминания)¹³.

После трагической гибели генерала Корнилова при штурме Екатеринодара 31 марта 1918 года и отхода Добровольческой армии на Дон между командующим Добровольческой армией генералом Деникиным и Кубанским правительством начались трения по поводу формирования Кубанской армии, не приведшие к положительным результатам. Кубанская армия так и не была сформирована.

Казачья печать винит в этом Кубанского Войскового Атамана генерала Филимонова и Походного Атамана генерала Науменко, но это было не совсем так. Военные условия на Кубани с лета 1918 года были совершенно не такими, каковыми они были в Донском, Уральском и в Оренбургском казачьих Войсках, где казаки самостоятельно освободили свои территории от красных, поэтому Войсковые Атаманы и правитель-

ства этих Войск были совершенно независимы в своих действиях. На Кубани события развивались иначе. Кубань была освобождена от красных войск не только что своими храбрыми конными дивизиями и пластунскими бригадами, но была освобождена при помощи доблестных полков Добровольческой армии под общим руководством командующего всеми этими войсками генерала Деникина.

Все казачьи восстания на Кубани против красных весной и летом 1918 года были подавлены. И надо осознать, что без Добровольческой армии Кубань, своими чисто казачьими силами, не могла быть освобождена. Поэтому добровольческое командование считало своим правом вникать даже в автономное управление Кубанским Войском, так как Кубань являлась главной базой и воинских казачьих сил, и богатых материальных средств ее.

Кубанская Краевая Рада, Войсковой Атаман Филимонов и правительство отстаивали свои права над не зависимым ни от кого управлением Кубанским краем и по своей конституции и по договору с генералом Корниловым и его военным окружением настаивали иметь свою Кубанскую армию.

В противовес этому настоятельному требованию Кубанского правительства генерал Деникин пишет: «Кубань, волею судьбы, являлась нашим тылом, источником комплектования и питания Кавказской армии и связующим путем как с Северным Кавказом, так и с единственной нашей базой Новороссийском. Нас сковывали цепи, которых рвать было невозможно»¹⁴.

10 января 1919 года генерал Врангель¹⁵ был назначен Командующим Кавказской Добровольческой армией¹⁶, которая с Терека должна быть переброшена в Донецкий каменноугольный район. Заболев сыпным тифом на Тереке, он лечился в Сочи. В конце марта, по выздоровлении, прибыл в Екатеринодар. Вот что он пишет:

«Непокорный генерал Краснов¹⁷ только что передал атаманскую булаву генералу Богаевскому¹⁸; последний, мягкий человек, явился послушным орудием Ставки. На Кубани и Тереке власть Главного командования была почти неограниченной. Правда, в Екатеринодаре, между Ставкой и местной властью, в лице Атамана и Правительства, не обходилось без трений.

Атаман, генерал Филимонов, горько жаловался мне на чинимые генералом Деникиным кубанцам незаслуженные обиды, на постоянно подчеркиваемое Ставкой пренебрежительное отношение к нему и местным властям.

На то же сетовал и Походный Атаман генерал Науменко, указывая, что, признав наравне с Доном автономию и прочих казачьих новообразований, Главное командование в то же время сплошь и рядом по отно-

шению к Кубани нарушает свои обязательства. В то время как Дон имел свою Донскую армию, подчиненную генералу Деникину лишь в оперативном отношении, Кубань, пославшая на защиту родины большую часть своих сынов, этого права была фактически лишена. В то время как в Донской армии назначения, производства исходили непосредственно от Атамана, в Кубанских частях право оставлял за собой генерал Деникин».

Тут же генерал Врангель добавляет от себя: «Эти жалобы имели, несомненно, некоторое основание. Для единства действий и успешности нашей борьбы главное командование, в отношении подведомственных ему войск, должно было располагать полной мощью. Двойственное подчинение казачьих частей, несомненно, создавало немало затруднений. Однако принцип полного и единоличного подчинения казаков необходимо было бы провести в жизнь в равной степени как в отношении Кубани и Терека, так и Дона. Нахождение же в рядах Вооруженных Сил Юга России казачьих частей, хотя бы и разных Войск, на различных основаниях, представлялось, несомненно, несправедливым и должно было быть чревато последствиями.

Существование Отдельных Казачьих армий в оперативном, да и в других отношениях, несомненно, крайне усложняет дело, однако если, тем не менее, находится необходимым оставить за Доном право иметь свою армию, то и Кубань и Терек должны иметь это право»¹⁹.

Продолжим дальше по книге генерала Врангеля. Генерал Романовский, начальник штаба главнокомандующего, в письме к генералу Врангелю от 24 апреля 1919 года со станции Тихорецкая, пишет: «У Вас, вероятно, был уже генерал Науменко и говорил по поводу Кубанской армии. Сама обстановка создана, что почти все Кубанские части собрались на Царицынском направлении и мечты кубанцев иметь свою армию могут быть осуществлены. Это Главнокомандующий и наметил исполнить. Науменко, конечно, очень обрадовался. С созданием Кубанской армии становится сложный вопрос о командовании ею. Все соображения приводят к выводу, что единственным лицом, приемлемым для Кубани, и таким, которого будут слушаться все наши Кубанские полководцы — Покровский, Улагай и Шкуро, являетесь Вы. Главнокомандующий интересуется — как Вы к этому вопросу относитесь?»

В этом же письме генерал Романовский пишет, что из терских частей будет создан «Терский корпус», который не войдет в Кубанскую армию, а войдет в Добровольческую²⁰. В ответ на письмо Романовского генерал Врангель рассуждает: «Мысль, что мне придется командовать Кубанской армией, армией отдельного Государственного образования, в политике, в значительной мере идущей вразрез с политикой Главного командования, справедливо меня пугала.

Как Командующий Кубанской армией, я оказался бы в некотором подчинении Кубанской власти и был бы неизбежно причастен к политике Кубани, которую я разделять не мог».

Свои мысли генерал Врангель, видимо, сообщил генералу Романовскому, который ему ответил: «Объединение Кубанских частей в армию с наименованием КУБАНСКОЙ не должно быть понимаемо как признание какой-либо зависимости этой армии от Кубанского Правительства и расширения прав последнего в отношении Кубанских войск».

Продолжим и еще: на Маныч к генералу Врангелю прибыли Кубанский Атаман генерал Филимонов и генерал Науменко. Было совещание, которое генералом Врангелем описывается так: «При этих условиях Кубанский Атаман сам отказался от предложения генерала Деникина именовать новую армию КУБАНСКОЙ, признав, что раз, по существу, вопрос не разрешен, то лучше уж вновь формируемой армии дать название КАВКАЗСКОЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ, под каковым большинство войск Манычского фронта сражались за освобождение родного им Кавказа».

Тут же, за обедом, составили телеграмму генералу Деникину, какую подписали Кубанский Атаман и я»²¹.

Вопрос о создании Кубанской армии все же не закончился. После взятия Царицына Кавказской Добровольческой армией, состоящей из трех Кубанских корпусов, 2-й Терской казачьей дивизии и Горских частей, генерал Врангель прибыл в Екатеринодар. Продолжим его строки:

«30 июня 1919 года состоялось совещание с казаками. Совещание происходило на квартире генерала Науменко. Присутствовали генералы — Романовский, Плющевский-Плющик²², Атаман генерал Филимонов и генерал Науменко.

Я изложил общую обстановку, дал сведения о боевом составе частей, данные о необходимом количестве пополнений.

Генерал Филимонов, не касаясь вопроса по существу, стал говорить о том, что казаки глубоко обижены несправедливым к себе отношением; что давнишние чаяния их иметь собственную Кубанскую армию, несмотря на неоднократные обещания генерала Деникина, не получили удовлетворения. Что — будь у казаков собственная армия, все, от мала до велика, сами стали бы в ее ряды.

Генерал Романовский возражал, указав, между прочим, что среди кубанцев нет даже подходящего лица, чтобы стать во главе армии. «Разве что Вячеслав Григорьевич мог бы командовать армией?» — со скрытой иронией добавил начальник штаба.

Генерал Науменко поспешил заявить, что он сам не считает себя подготовленным к этой должности, но что в замене Командующего Кубанской армией нет и надобности. Командующий Кавказской армией, ко-

торая состоит почти из одних кубанцев, хотя по рождению и не казак, но имя его достаточно популярно среди Кубанского казачества, и оставление его во главе Кубанской армии удовлетворило бы и «правительство», и казаков.

Войсковой Атаман поддержал генерала Науменко. Я решил сразу покончить с делом и, раз навсегда, совершенно определенно, выяснить взгляд мой на этот вопрос.

«Пока я Командующий Кавказской армией — я не отвечаю за политику Кубани. С той минуты, как я явился бы командующим Кубанской армией, армией отдельного государственного образования, я стал бы ответственным за его политику. При настоящем же политическом направлении мне, ставши во главе Кубанской армии, осталось бы одно — командовать: «Взводами налево крутом» — и разогнать Законодательную Раду».

Наступило общее смущенное молчание. Генерал Романовский поспешил закончить совещание, прося Атамана и генерала Науменко сделать все возможное для скорейшей высылки в мою армию пополнений. Ничего определенного я добиться не мог²³.

Кубанская армия не была сформирована. Все армии генерала Деникина — Добровольческая, Донская и Кавказская — к концу декабря 1919 года с тяжелыми боями отошли за Дон. Холодный расчет говорил — это конец.

Мы, фронтовики, так не думали. Считали, что это есть временные неудачи. А что происходило тогда в тылу — послушаем генерала Деникина: «Настал 1920-й год. Генерал Врангель получил назначение формировать Казачью конную армию, прибыл в Екатеринодар, где имел ряд совещаний с Кубанскими деятелями. На этих совещаниях были выработаны общие основания формирования трех Кубанских корпусов, во главе которых должны были стать генералы — Топорков²⁴, Науменко и Шкуро.

Между тем, как оказалось, с возглавлением Казачьей группы бароном Врангелем вышло недоразумение (на Тереке. — Ф. Е.) и на Кубани. Заместитель Кубанского Атамана Сушков и председатель Кубанской Рады Скобцов²⁵ отнесли к такому предложению совершенно отрицательно, заявив, что «если это случится, то казаки не пойдут в полки, так как генерал Врангель потерял свой престиж на Кубани». Они просили генерала Науменко «принять меры, чтобы барон сам отказался от этой мысли». Науменко поручение исполнил²⁶.

В январе 1920 года оформилась Кубанская армия и первым командующим генералом Деникиным был назначен генерал-лейтенант Андрей Григорьевич Шкуро.

Через полтора месяца вся наша богатая и цветущая Кубань-Отчизна была оккупирована красными войсками.

В апреле 1919 года, по выздоровлении, едучи из Сочи в Екатеринодар, генерал Врангель посетил по пути станицы Лабинского отдела: Петропавловскую, Михайловскую, Курганную, Константиновскую, Чамлыкскую, по которым прошел во главе нашей 1-й Конной дивизии, состоявшей из полков: 1-го Запорожского, 1-го Уманского, Корниловского конного, 1-го Екатеринодарского, 1-го Линейного и 2-го Черкесского конного. И вот его отзыв о станицах и о казаках: «Тепло и сердечно встречали меня казаки. Подолгу беседовал я со станичными сборами. Обедал со стариками в станичном правлении. Осматривал школы, училища и лечебные заведения. Пронесшаяся над краем гроза, казалось, не оставила никакого следа. Жизнь вошла в обычный уклад, и огромные богатые станицы успели оправиться. Все дышало довольством и благодушием. Казаки очень интересовались общим нашим положением, подробно меня обо всем расспрашивали».

И этот теплый отзыв об огромных и богатых станицах, которые не только что оправились от пронесшейся над краем красной грозы, но от которой не осталось и следа, генерал Врангель заканчивает так: «Я лишний раз убедился — насколько общий умственный уровень Кубанских казаков сравнительно высок»²⁷.

Но перейдем к событиям «о Лабинцах».

В своей станице

Для семьи мое появление без предупреждения было исключительной радостью. Наша страдалица-мать, казалось забыв свое печальное вдовье положение, всю свою любовь в эти два дня моего пребывания «дома», по пути вновь на фронт, перенесла исключительно на меня, которого не видела около 5 месяцев. И вот теперь он здесь — живой, бодрый и веселый. И не только он сам, родной сын ее здесь, но с ним жива и здорова так хорошо знакомая ей его кобылица Ольга, участница всех боев «от Воронежа».

Такие, кажущиеся второстепенными детали в казачьем семействе — они очень дороги в быту семьи и захватывают всех домашних. Это означало, что их сын, внук или брат вернулся с войны не только что целым и невредимым, но он вернулся с войны даже на той же строевой лошади, на которой и ушел из дому.

Это возвращение у казаков «домой» так ярко и образно описал большой донской писатель Ф.Д. Крюков²⁸. Вот оно: «Мать, вся охваченная

благодарным восторгом и счастьем, подошла к старому Зальяну и поклонилась ему в копыта.

— Спаси тебя Христос, милая лошадушка!.. Носила ты моего сыночка родимаво, служила ему верно, товарищем была и целым принесла мне его назад! — произнесла она.

И плача — взяла руками умную голову лошади и поцеловала ее в мягкие вздрагивающие ноздри».

Так расценивала наша мать мое возвращение домой и роль моей кобылицы Ольги, в седле, с тяжелыми арьергардными боями доставившей ее сына «от Воронежа и до Кубани».

Матери тогда было 50 лет. После трагической гибели нашего отца она постарела и так нуждалась в нашем сыновьем присутствии при ней, нашей моральной помощи ей.

Но какая же могла быть моральная помощь?! Вот и сейчас: старший сын Андрей²⁹, есаул 1-го Кавказского полка, — где-то на фронте. Младший Георгий³⁰, сотник Корниловского конного полка, — также где-то на фронте. А при ней, в доме, в хозяйстве, — 70-летняя старушка, мать мужа, наша дорогая бабушка, да три дочери-подростка. На кого же опереться ей?!

Бедные наши казачки-матери! И кто поймет их бескрайнее горе в той войне, которую вело казачество «за свой порог и угол»?

На «полковом выезде» (о нем ниже), в отцовских парадных санках, мы катим с матерью к кому-то в станице. Мать, запахнувшись в теплую шаль, от радости не находит слов, что сказать мне.

— Ах, сыночек!.. Был бы жив отец!.. Как бы он был счастлив! — вывалось у нее из души.

На Кубани, да и вообще в Казачьих Войсках, достигнуть должности командира полка в мирное время считалось редким случаем для строевого офицера. Вот это именно и сказала мать о достижении своего сына. Я на это ничего ей не ответил, но понял, насколько она была счастлива, неграмотная казачка, мать 12 детей, давшая своему Кубанскому Войску трех сыновей-офицеров.

Глубокая, неискушенная, чистая и честная станичная душа, перед которой надо преклониться и лобызать ее чистые уста и мозолистые руки трудолюбивых земледельцев-казаков и казачек.

Кучером у меня воронежский крестьянин, бывший унтер-офицер Максим — с румянцем на смуглом лице, молодецкий, расторопный и очень хозяйственный мужчина 30 лет, бросивший свой дом и семью и со 2-м Хоперским полком отступавший до самой Кубани. Обо мне за общим столом в семье он говорит только так:

— Мы с господином полковником, Федор Ивановичем, — и дальше продолжает рассказ о каком-либо случае.

На восхищение приятный русский крестьянин был этот Максим. Мать нашу он почтительно называет «тетенька» или «мамаша», и она от него в восторге. Моих сестренек-гимназисток — Надю, Фисю и Нину — он называет по именам и все завлекает их «прокатить по станице» на его черных как смоль вороных воронежских жеребцах в санках. Все в семье в восторге от Максима — хорошо сложенного физически и всегда веселого.

Возвращаясь домой, с матерью заехали в штаб Кавказской запасной сотни, временным командиром которой состоит старший урядник Михаил Егорыч Ткачев. Он был инструктором в станице молодых казаков и обучал нас, школьников, и пешему строю, и гимнастике на снарядах, и словесности. Потом был образцовым станичным атаманом. Богатый, умный, почетный в станице казак, летами чуть моложе нашего отца. Черная густая борода — округленная — была у него еще и тогда, когда он был инструктором, то есть когда ему было около 30 лет. Образный казак старых времен. Старовер. Выходец с Дона, из станицы Нижне-Чирской. С него можно было писать портрет Степана Разина.

Большой дом, штаб сотни, полон бородастых казаков-станичников. В комнате тесно от толпы, дымно, накурено, плохо пахнет овчинными шубами, в кои были одеты казаки. Все гомонят и беспрестанно курят. Командир сотни, увидев меня, скомандовал только «встать!». Все встали, но, увидев мою мать, дали дорогу и посадили ее на почетное место.

— Расскажите нам, Федор Ваныч, што на фронте? Нужно ли туда идти? — спрашивает меня под гробовое молчание Михаил Егорыч.

Все напряженно слушают меня и курят, курят без конца махорку. И когда мать, наглотавшись этого табачного чада, громко чихнула, Ткачев досадливо выкрикнул:

— Да не курите вы, анчихристы!.. Сколько раз я вам говорю об этом!

Если бы были времена Минина и Пожарского, эти воины достойны восхищения, но теперь... Я им не сказал, что они «устарели», но видел, как они боятся прихода красных и хватаются за спасительную соломинку, которую ожидали от моих слов. Я их, конечно, обнадежил, что «красные сюда не придут». Хотя тогда я и сам так верил.

Образование своей Кубанской армии их порадовало, и они считали, что общими силами мы отстоим свою Кубань. Счастлив, кто верует...

Но каково было удивление и огорчение моей матери, когда она узнала от меня, что я еду вновь на фронт, и ровно через два дня.

— Ты все, сыночек, на фронт да на фронт... посмотри, как другие! Даже соседи удивляются и говорят: «Чивой-то ваших сынов не видно дома?.. Хучь бы матери помогли в хозяйстве?.. Все на фронте да на фронте».

Что я мог ответить ей, жалкой (то есть любимой — станичный термин)? Слово «надо» было единственным для нее понятным аргументом, который для нее был равносильен закону.

В станицах глубоко вкоренилось в психологию и казаков, и их жен, и матерей, что казак для того родился, чтобы «служить Царю и Отечеству». И хотя царя убили, а Отечество — Россия занята красными, служить все же надо, а бороться против красных — в особенности.

И на мой ответ «надо» мать горестно и беспомощно покачала головой и ее добрые, уставшие плакать глаза наполнились слезами.

Бедная наша мать, то ли ее ждало еще впереди!.. И если бы она знала «ближайшее будущее», то стоило ли ей еще жить?!

Мой конный вестовой, старший урядник Тимофей Сальников, доложил мне, что он «разбит душою», не верит в нашу победу над красными и просит меня по-братски — отпустить домой. А что дальше будет с ним — на мой вопрос махнул рукой и печально опустил свою умную голову.

— Федор Иванович!.. Я с Вами был безотлучно от самого Воронежа, Вы же знаете, что мы переживали!.. И я молчал, так как это «надо было»... а сейчас — уж все ни к чему... мы не устоим перед красными. Отпустите меня! — закончил он.

С точки зрения воинской дисциплины это было совершенно недопустимое обращение и мышление казака перед офицером, своим начальником, но в тот период времени многие уже не верили в нашу победу, а «высший класс», с семьями, выехал уже в Крым и даже за границу.

Мы, офицеры, думали тогда, что рядовой казак, даже урядник, не умеет, не сможет разобраться в происходивших событиях, политических и военных. Военная служба Сальникова в Собственном Конвое Русского Императора, в блеске, при многочисленных всевозможных наблюдениях и ощущениях — она, конечно, умному казаку дала жизненную школу. И теперь передо мной стоял не образцовый старший урядник, долженствующий отвечать офицеру: «Слушаюсь... так точно... никак нет», — а стоял казак-гражданин в полном развитии своих физических и духовных сил, 27-летний мужчина, видевший и переживший многое. Я его отпустил.

Полковой командирский выезд

В печати часто встречаются слова «о грабежах казаков на фронте». Вмутительно это читать, как и оскорбительно.

На войне все армии всех стран порою не церемонятся с имуществом жителей, но почему-то «оттеняют» в этом только казаков.

В тех полках, в которых я служил в Великой войне на Турецком фронте и в Гражданской войне, этого не было. При всегдашних недостатках довольствия казаков и лошадей, конечно, приходилось брать фураж у жителей, но всегда за плату.

В Гражданской войне у офицеров было больше скромности, нежели нормальных возможностей в жизни и в походах, как командному составу.

В Корниловском конном полку я пробыл с сентября 1918-го по май 1919 года, пройдя с боями от Закубанья и до Маныча. На Маныче 3 месяца командовал этим полком. Все видел и все знал — как жили наши офицеры. Даже у командиров сотен не было никакого личного багажа, а на сотенной канцелярской линейке возились обыкновенные ковровые казачьи сумы с бельем, запасной гимнастеркой, сапогами да шуба-кожух.

Полковник Н.Г. Бабиев³¹, прибыв в наш полк 13 октября 1918 года в станицу Урупскую, в седле, в тороках, имел полупустые детские ковровые сумы, в которых было белье, запасные чевяки и бритвенный прибор. Это и был весь его «командирский багаж».

Мой личный багаж, который состоял из пары белья и запасных чевяк, возил в сумках конный вестовой Данилка Ермолов.

Во 2-м Хоперском полку офицеры были еще скромнее корниловцев и некоторые офицеры лишний багаж имели в сумках, в тороках своего же седла.

Мой «командирский багаж» (белье и чевяки) держал в своих сумках конный вестовой, урядник Тимофей Сальников. И главное, ни у кого из офицеров вышеуказанных полков не было стремления «обогатиться», в особенности за счет жителей. Иное дело — военная добыча, главное — лошади, в которых всегда нуждается всякая кавалерия.

На переходе 2-го Хоперского полка от Матвеева Кургана и до Ростова полк получил «подводную повинность» от жителей. В Батайске ко мне обратился подводчик, молодой стройный парень, весь красный лицом. Он просил дать ему удостоверение в том, что он «заболел тифом, отправлен в госпиталь, а сани с двумя лошадьми оставлены в полку». Он действительно был в остром приступе этой болезни. Как работнику у хозяина — ему нужен этот документ, чтобы показать хозяину, что он «заболев».

Приказал ему показать мне лошадей в санях как факт, что он не врет. В упряжи один старый, как смоль вороной, воронежской породы конь, а вторая была гнедая кобыленка, почти годная под седло. Выдав документ, приказал «этот выезд» держать при мне. Кучером нашелся вот этот самый Максим, о котором пишу.

В хуторе Тихорецком Максим доложил, что во 2-м Партизанском полку, в одной из сотен, есть «в масть», очень подходящий «в пару к нашему», также воронежский жеребец, которого можно выменять на гнедую кобыленку. Коня привели на показ. Он стар. Одно копыто передней ноги расщеплено от самого венчика и до подковы. Старая рана. Он чуть нахрамывает, но конь действительно и мастью, и гривой, и пышным хвостом был словно двойник «нашему». Командир сотни с удовольствием обменял его на молодую кобыленку, а у нас получилась пара одномастных, вороных как смоль, гривастых и хвостатых воронежских жеребцов.

За время пребывания в Новолеушковской и Невинномысской Максим кормил и ухаживал за ними, как за своими собственными. Расчесал хвосты и гривы. Кони отдохнули и приняли приличный вид. И вот, уезжая из 2-го Хоперского полка, по праву пережитого «от Воронежа» я взял их с собой, предполагая завести собственный «командирский выезд». В полку оставил и линейку, и хомуты-шлеи. Взял с собой, как говорят, «голых лошадей» и кучера Максима.

К этому было еще одно моральное право: в мирное время в Императорской армии каждому командиру полка полагался именно «полковой выезд» — экипаж с двумя лошадьми и кучер. Качество их зависело от личности того, кому они полагались. Я, законно, был прав в своих действиях.

У меня есть лошади, но нет ни саней, ни экипажа. И хотя стояла зима, я беру отцовскую «барскую» тачанку, выездные хомуты к ней с четырьмя нитяными цветными вожжами и отправляюсь на фронт.

Во всех странах мира в военных училищах молодежь готовится для строительства армии и, главное, для войны. Это так глубоко впитывается в души, что большинство офицеров всегда рады войне. Как ни странно, но так. Таков был и я. Тыл для меня был нуден и не интересен.

Перед самым отъездом наша горемычная мать глубоко посмотрела на меня своими глазами и произнесла только два слова: «Опять, сыночек?..» Она уже не плакала. Все слезы были выплаканы.

2-й Кубанский корпус генерала Науменко находится на фронте, где в стороне Торговой Ставропольской губернии. Под станицей Ильинской навстречу идет табун лошадей голов в двести. Оказалось, отходит какой-то донской коннозаводчик. Все лошади рыжие и еще в хороших телах. Что они «отходят», мне показалось странным и неприятным. Значит, на фронте не так спокойно — заключаю.

В Песчаноокопской Ставропольской губернии стояли какие-то запасные части. Здесь этап. Лежал глубокий снег. Морозно. И мне по-

казались смешными и ненужными гимнастические упражнения на обширной площади со старыми солдатами, одетыми в короткие овчинные безрукавки и в валенки. Здесь я напал «на след» корпуса. На заборах мелом, крупными буквами, указаны стоянки полков, по которым я определил, из каких частей он состоит. 1-й Лабинский, 2-й Лабинский, 1-й Кубанский, 2-й Кубанский, 1-й Кавказский, 2-й Кавказский, 1-й Черноморский, 2-й Черноморский — гласили надписи, и для меня, и... для красных. Мне показалось, что этого писать на заборах было не нужно. Указаны и батареи. Все надписи были четки и свежи и усиливали мои чувства — как можно скорее достигнуть корпуса.

Бывают предчувствия и очень реальные. Читая надписи так мне знакомых полков, я почувствовал какую-то особенную близость к надписи — «1-й Лабинский полк» и подумал, что командовать буду именно этим полком.

1-й Кавказский полк был моя кровная родина и колыбель моих первых офицерских лет с 1913-го по 1918 год. Казалось бы, сердце должно биться только для него и должно вызывать «биение души» только этим названием — ан нет!.. 1-й Лабинский полк заморозил меня. И это оказалась реальная действительность ровно через 2 дня.

Ночью в доме очень богатого крестьянина. Села не помню. Его 25-летний сын-телефонист тут же, в отпуску, отец и сын против красных, но «удержим ли мы фронт?» — спрашивают они оба. «И не лучше ли как-то помириться с красными?» — добавляют.

Мне этот разговор совершенно не нравится. Их глаза явно говорят мне — надо помириться...

— Смотрите, господин офицер, куда идем мы, — говорит отец. — У всех у нас «колокольчики» (деникинские деньги), да столько, что хоть стену лепи ими вместо шпалер. И меньше 500 рублей бумажки нет. А идешь в лавку — никто не меняет. Хоть рви ее на куски...

Эту «действительность» я и сам знал, как знали все. И так как я не хотел подрывать авторитет главного командования, то ответил им:

— Я строевой офицер и в этом мало разбираюсь.

Но я заметил, что они совершенно мне не поверили и разговор прекратили.

— Мне нужна комната переночевать. Я еду в корпус генерала Науменко, — говорю я писарю этапа следующего села.

— Этапный комендант спать, и не приказано будить, они очень строгий насчет этого, — докладывает мне писарь.

— Кто он таков?... В каком чине? — досадливо спрашиваю.

— Полковник, старик из отставки, — поясняет писарь.

— Так вот — пойди, разбуди и доложи ему, что один полковник едет на фронт в корпус генерала Науменко и что ему нужна комната для ночлега. Понял?.. Иди! — строго сказал этому писарю-«деревне».

Что он говорил своему полковнику, я не знаю, но скоро передо мною появился заспанный худенький, небольшого роста старичок лет под 70, заегазил и услужливо докладывает:

— Ваше превосходительство изволите спрашивать комнату?.. Пожалуйста, есть, есть одна.

Я вначале удивленно посмотрел на него, годящегося по летам мне в деды и титулующего меня «ваше превосходительство», и хотел ему сказать, что я только полковник. Но вижу, что «генералом» для меня быть выгоднее, кстати, бурка закрывала мои погоны, и, не вдаваясь в подробности, занял ночлег. И это было в ближайшей прифронтовой полосе. И кто это назначал сюда таких этапных комендантов, вынутых из-под нафталина? И мы хотели победить...

Жители поговаривали, что в селах неспокойно. Много солдат, вооруженных «обрезами», которые по ночам постреливают... Вот, думаю, чего еще не хватало — попасть в тылу одному в их руки... А добыча моя была богатая: три отличные лошади, щегольская тачанка. Но — все обошлось благополучно.

Мы въезжаем в новое село. В нем так тихо, как бывает тихо в селах перед захватом неприятелем, когда все жители прячутся в свои дома, а на улицах нет ни одной души.

Мое сердце похолодело. Рукой невольно нащупываю свой револьвер. А потом думаю — и он не поможет... И как я был рад, когда встретились обозные казаки какого-то полка. Они сказали мне, что это ближайший тыл 2-го Кубанского корпуса, который находится в 15 верстах отсюда, в селе Ивановка. Они также в некоторой панике, так как кругом действительно неспокойно.

Глубокий снег заволок дорогу. Колеса моей тачанки режут его по глубине четверти на две. Метель жестоко бьет спереди. Навстречу нам идет сотня пластунов. Дорога очень тяжелая для пешехода, но ветер дует им в спину, и они идут, идут. Свернув с дороги, остановился, чтобы узнать — кто они и откуда? В их командире сотни узнал майкопского техника Павла Сокола, казака станицы Дядьковской. Его я не видел с 1908 года. От радости такой встречи, под вьюгу, кричу ему: «Здорово, Павел!» Но он безучастно посмотрел на меня, явно не узнал и, не останавливаясь, тяжелым шагом продолжал свой путь с пластунами, числом до сотни человек.

После пластунов в мертвой снежной степи встречаю конные группы казаков. Они идут без строя, а так, по-станичному — гуртами. Все они

очень тепло одеты, в положенных овчинных шубах поверх, с бурками, и закутаны башлыками. Ледяной попутный ветер в спину словно усиливал «их ход домой».

Их очень много. По «гуртам», думаю, человек двести. Кричу им, заглушая выюгу:

— Кто вы?..

— Больные, — отвечает кто-то.

Все они на приличных лошадях. На меня не смотрят, но я стараюсь рассмотреть их и по обмундированию вижу, что они из Кавказской бригады. А когда промелькнули крупная фигура и лицо Михаила Савелова, сына конвойца Алексея Савелова, нашего родного дяди по матери, казака станицы Казанской, у меня сомнений не стало — это мои родные кавказцы. Мне было очень неприятно это осознать, так как я видел, чувствовал, что все они, или большинство, просто «закончили войну» и идут домой «навсегда»...

У генералов Науменко и Фостикова

6 февраля 1920 года, в 10 часов утра, в ясный, солнечный зимний день, я въехал в село Ивановка Медвежинского уезда Ставропольской губернии. Въезжаю на площадь и вижу конную группу спешенных казаков в противоположной стороне, у дома на высоком фундаменте. Впереди группы вижу генерала Науменко, который тихо прохаживался по дороге и, видимо, чего-то ждал. Неожидаемое появление «хорошего выезда» с заводной оседланной лошастью позади тачанки привлекло внимание многих. Генерал Науменко остановился и пытливо всматривается в мою сторону. Смотрит в мою сторону и его штаб. Я невольно смущаюсь, подумав — почему я не в седле? Вот, скажут, какой барин приехал на фронт... воевать в тачанке ишь!

Пройдя скорой рысью разделяющее нас расстояние, остановился, быстро сбросил с плеч бурку, соскочил в снег и в одной черной черкеске при серебряных погонах, в чевяках с мелкими галошами быстро направился прямо к генералу Науменко, стоявшему от меня шагах в двадцати пяти.

— Ваше превосходительство!.. Полковник Елисеев, представляюсь, прибыл в Ваше распоряжение! — отрапортовал ему по-положенному, приложив руку к белой низкой корниловской папахе.

— А-а!.. Так скоро, Елисеев?.. Вот-то не ожидал!.. А мы смотрим — кто же это там подъезжает в тачанке, на рысках? Совсем не думал, что это Вы. Молодцом!.. Очень приятно. Вы видите его, непоседу? —

обращается он к начальнику штаба, к полковнику Егорову³², так мне хорошо знакомому.

Егоров, как всегда, мило улыбается сквозь пенсне и жмет мне руку.

— Ну, на тачанке сейчас тут того, — вдруг говорит мне Науменко, — ведь мы приготовились к драпу. Опять насаждает конница красных. Только что была тревога. Одна моя дивизия здесь, а 2-я генерала Фостикова³³ где-то впереди. Если он не отобьет, то мы сейчас же сматываемся отсюда. И Вам советую сесть в седло, — закончил он.

И потом, взяв меня под руку, отводит в сторону и спрашивает:

— Ну, что там в тылу? Каково настроение? Что говорят? Налажена ли эвакуация семейств?

Все эти вопросы были для меня неожиданны и неведомы, почему я и ответил:

— Ничего не знаю... Я прибыл воевать, а в тылу все спокойно.

Тут же от генерала Фостикова получено было донесение «с мельницы», что красные отбиты, все спокойно, можно возвращаться на квартиры. Науменко сразу же прояснел:

— Ну, пойдете ко мне. Поговорим еще там и напьемся чаю.

Мы в его штаб-квартире, в очень большом доме какого-то местного богача. Генерал Науменко уже рад и весел, что «красные отбиты», стал мил и разговорчив.

— Чаю полковнику! — кричит он денщикам и вновь ко мне с вопросами об эвакуации, что меня удивило.

Я был молод, холост, верил, что это наш временный военный неупех, и, конечно, ни о какой эвакуации и не думал. Он был откровенен о неустойчивом настроении некоторых полков и подкупал меня своей искренностью. Я почувствовал, что прибыл в родную семью и был обласкан самим генералом Науменко.

— У нас вакантный 1-й Лабинский полк, — говорит он, — но я это передам уже исключительно на усмотрение начальника дивизии генерала Фостикова.

Скоро прибывает «с мельницы», с наблюдательного пункта, и генерал Фостиков. Я его не видел со Ставрополя, ровно 15 месяцев. Он несколько не переменился видом, разве вот стал более уверен в своем положении заслуженного в боях «старого генерала». В Ставрополе, у Шкуро, после прихода из гор, он был войсковым старшиной и командиром 1-го Кубанского полка. Знаком я был с ним с начала 1915 года в Турции, в Алашкертской долине. Он тогда был сотником и адъютантом 1-го Лабинского полка у полковника Рафаловича³⁴. Я же был хорунжим 1-го Кавказского полка. Наши полки стояли одно время в очень маленьком курдинском селе Челканы. Сотник Коля Бабиев был

командиром сотни. Тогда там мы очень дружили с Лабинцами. И вот теперь — новая и приятная встреча.

Науменко «представил» меня ему, а он, узнав, по-доброму, по-братски пожал мне руку.

Его лицо очень обветренное, мужественно-молодецкое, без всякой натяжки на генеральскую важность, малодоступность. Ему было тогда 33 года от рождения, только на 6 лет старше меня и на 3—4 года моложе генерала Науменко. Мы были одной эпохи по выпуску из военных училищ, хотя и разных, следовательно, психологически мы были однородны в понятии воинской этики, службы и субординации.

— Только им мы и держимся, — спокойно и откровенно говорит мне Науменко, глазами указывая на Фостикова, — все же остальные в панике, — добавляет он.

Все это у Науменко получается так просто и бесхитростно, что мы все трое весело улыбаемся.

Среди офицеров, в особенности кадровых, такие слова, как «драп, паника, шляпа», не считались оскорбительными и обидными, и они, в своей краткости, точно выражали и настроение, и события, и характеристику личности, к которому это относилось. Не в осуждение, а больше в похвалу, скажу, что на подобные слова и фразы особенно щедр был Бабиев, будучи и молодым офицером, и штаб-офицером, и уже генералом. Они, эти слова, точно попадали «в глаз» сплеховавшему в бою офицеру и заставляли его бояться больше Бабиева, чем противника.

Генералы между собою на «ты». Все это было только приятно, и я почувствовал, что попал не в официальный круг «штабов», а словно в семейный.

— Ну, Вячеслав Григорьевич, я поеду к себе в штаб... надо пообедать, — говорит Фостиков.

— Поезжай, поезжай, Михаил Архипович, и захвати с собой полковника. Там у тебя вакантный 1-й Лабинский полк. Ему надо дать полк, — как бы между прочим добавил Науменко.

— Ну, едемте со мною, — говорит мне Фостиков.

Мы прощаемся с Науменко и Егоровым, выходим из дома, садимся на лошадей и движемся по селу к югу. Мы идем наметом (галопом, покавалерийски). Фостиков сидит в седле просто, безо всякого напряжения и щегольства, уверенно, по привычке. Под ним добрый конь рыжей масти, довольно высокий против кабардинских коней.

Бросив несколько взглядов на мою кобылицу, которая, промерзши, «просит повода», он спрашивает — где я ее купил? Этот, казалось, праздный его вопрос показал мне, что он понимает в лошадях и любит верховую езду.

За нами скачут его ординарцы с флагом его дивизии, на котором красуется белый конский хвост, как у нас было в Корниловском полку на Маныче. Явно было, что перенял это он у нас, корниловцев, заменив наш черный хвост на полковом флаге и сотенных значках на белый.

Белый хвост на флаге очень красиво отдает своей белизной на ярком зимнем солнце. Он заметил, что я обратил внимание на его оригинальный флаг, и говорит мне, не укорачивая быстрого аллюра наших лошадей:

— Казаки говорят, что я ввел хвосты на значках потому, что моя фамилия Х в о с т и к о в, но это не так. Я видел при наступлении на Царицын в прошлом году конские черные хвосты на значках в Корниловском полку; мне это понравилось, и я ввел их у себя, но белые, — закончил он.

Идя все тем же аллюром и перебрасываясь отдельными фразами, я впервые ощущаю мышление Фостикова, и он мне очень понравился. В нем виден настоящий мужчина — умный и бесхитростный, а главное — безо всякой генеральской фанаберии.

Правее его скачет его начальник штаба дивизии, очень пожилой «солдатский генерал», как говорят казаки, на небольшой лошади и на кавалерийском седле. Одет он во все английское обмундирование. Всю дорогу он молчал.

Мы в его штаб-квартире. Вестовые подхватили наших лошадей. Войдя в дом, Фостиков моментально сбросил с себя шубу, потом черкеску и остался в одном черном длинном бешмете.

Меня подкупила ненапрянутая простота генерала Фостикова. Он показачьи, как хозяин дома, первым сел за стол, жестом показав мне место против него, и предложил «снять черкеску», если она стесняет меня за обедом. Но нас, бабиевцев, она никогда «не стесняла», а только украшала.

Сел и начальник штаба, очень милый и слегка тонный генерал-лейтенант. Он обращается к Фостикову по имени и отчеству, а Фостиков его титулует «ваше превосходительство». Как его фамилия — я еще не знал.

— Ну, давайте нам, што там у вас есть? — крикнул Фостиков денщикам на кухню.

Нам подали борщ, мясо и что-то соленое. Все было просто, навари-сто и вкусно. С нами за столом сидит какая-то фигура в штатском, но в сапогах, с подстриженной бородкой; а лицо наше, кубанское.

Мы аппетитно едим. Нашлась и рюмка водки. Наливает и говорит сам Фостиков, генерал-майор, что является чисто по-казачьи. Он ведь хозяин стола!

Денщики что-то заругались на кухне. Один из них напал на другого за то, что тот — «денщик тавричанина, не офицера, черти зачем притулившегося до нашего штабу». Это было так громко сказано на кухне и так было ясно услышано нами, что «тавричанин» смутился. Фостиков улыбается, посмотрел на тавричанина, потом на меня и, по-семейному, не зло, выкрикнул на кухню:

— Ну, вы там, замолчите!.. А то я вас, — и не договорил, что именно заключалось в словах «а то я вас», но мы все поняли и улыбнулись.

Казак сразу же притихли, но шепотом все же продолжали спорить. Потом, в полку, мне сказали, что это был родственник супруги Фостикова. Мы пообедали.

— Ну а теперь, полковник, езжайте и примите 1-й Лабинский полк. Вам посчастливилось. Он самый лучший, самый стойкий и самый многочисленный во всем корпусе. В нем свыше 550 шашек, не считая пулеметной команды полного состава. И хорошие офицеры, как и в достаточном количестве.

— Ваше превосходительство, — обращается он к начальнику штаба, — напишите полковнику предписание о вступлении в командование 1-м Лабинским полком.

В 1-м Лабинском полку

Получив предписание, следуя в его расквартирование. На душе неспокойно. Я иду в незнакомую мне семью офицеров полка. Как они примут меня? Временный их командир, полковник А.П. Булавинов³⁵, летами и по выпуску из военного училища старше меня лет на пять.

— Он ничего, но — «шляповатый» и многоразговорчивый. И командовать полком не умеет, — аттестовал его мне генерал Науменко.

Такого же о нем мнения и Фостиков. Оба просили меня — «сразу же поставить его на место» (?!). Хорошо это сказать, но вот сделать это новичку, незнакомому с офицерами полка и младшему его в чине, это не совсем удобно и... легко.

Командирский опыт у меня большой, но все же... И с этими мыслями я въехал в очень широкий двор крестьянина-земледела. Дом большой, много сараев и других хозяйственных построек, но сам дом хозяина стоит во дворе и представляет «одну хату» под крышей, с продолжением конюшни, сараев и пр.

Переступив порог у самой земли и открыв следующую дверь, я увидел трех офицеров за столом и произнес:

— Можно ли войти?

— Заходи! — не поворачиваясь ко мне, произносит кто-то.

Я захожу и сразу же определяю, кто командир полка.

Полковник Булавинов сидит за столом лицом к двери. Он в крытой шубе-черкеске, при полном вооружении. Видно, что полк находится «начеку». Рядом с ним сидят два обер-офицера. Все в серебряных погонах. Они что-то рассматривали на столе, возможно, карту местности.

Булавинову 35 лет. У него тонкие черты лица блондина. Он, видимо, не брил бороду несколько дней, да и не интересуется этим, так как обстановка боевая была не для щегольства молодостью.

Как ему сказать, «кто я» — думаю. Нельзя же войти и сказать: «Я есть вновь назначенный командир 1-го Лабинского полка. Прошу сдать мне полк»... Если бы он был моложе меня, еще допустимо такое обращение, но вижу, он действительно старше, чем я.

Я в черной черкеске, так же как и они, в серебряных погонах. Кинжал и шашка в скромной серебряной оправе «под чернью». Не торопясь подхожу к ним, беру руку под козырек и произношу:

— Командир 1-го Лабинского полка, полковник Елисеев — представляюсь.

При моих словах все встали и также взяли руки под козырек. Здороваясь за руку. Булавинов очень вежливо произносит: «Очень рад» — и просит садиться за стол, как гостю, как будущему однополчанину.

Я вижу, что он меня не понял. Его жесты и слова были как обращение к младшему. Я немедленно же «поправляюсь» и спокойно поясняю:

— Я назначен командиром 1-го Лабинского полка, почему и пришел сюда.

— Ах, извините!.. Я не понял, — совершенно не растерянно и безо всякой обиды говорит он, берет «под козырек» и представляется так: — Временно командующий 1-м Лабинским полком, полковник Булавинов.

Он тут же уступает мне свое командирское место за столом и спрашивает:

— Что прикажете, господин полковник, для приема полка?

— Пошлите за всеми офицерами полка, я хочу познакомиться с ними в комнате. Где канцелярия, обоз и хозяйственная часть полка? — добавляю.

И как всегда и во всех полках, все это оказалось в тылу, а где — он и сам не знает.

За офицерами послано. Вдруг входит очень красивый и бравый есаул, бронет, хорошо сложенный и «хорошо сшитый». Он рапортует Булавинову:

— Господин полковник, с 4-ю сотнею из сторожевого охранения прибыл.

Булавинов, приняв рапорт, говорит ему:

— Рапортуйте теперь новому нашему командиру полка, полковнику Елисееву, — и жестом показал на меня.

Есаул от неожиданности повернулся ко мне, легкая, приятная улыбка озарила его смуглое лицо, и он, взяв под козырек, повторил:

— Господин полковник, есаул Сахно³⁶ с 4-й сотней из сторожевого охранения прибыл.

Я жму ему руку, и что-то знакомое мною замечено в его лице, главное — в его улыбающихся черных ясных глазах.

— Вы меня не узнаете, господин полковник? — спрашивает он, при этом мягко улыбаясь.

— Право, не знаю, что-то знакомое, но не помню, — отвечаю ему.

— Да, я тот казак Сахно, учитель, что прибыл на пополнение в Турцию в наш 1-й Кавказский полк. А потом, при Вас, когда Вы были полковым адъютантом, командирован в школу прапорщиков и ее окончил вместе с Вашим братом, Андреем Ивановичем... и потом с ним вышли офицерами в 3-й Кавказский полк. Мы с ним были большими друзьями, — пространно пояснил он.

Я «все вспомнил». Да, это он, Сахно. Но какой он стал мужественный видом. И красивый, и уверенный в своем офицерском положении, и уже есаул!

Я вторично жму ему руку, как приветствие от своего старшего брата, его друга и однополчанина в былом, и... официальность моего появления среди неведомого мне 1-го Лабинского полка тут же рассеялась.

Сахно отлично знает все наше семейство, не раз бывал в нашем доме. Как все это было приятно и вовремя, к моменту, знать! Я повеселел.

Офицерский состав 1-го Лабинского полка

Офицеры прибыли. Все испытывающе смотрят на нового и неведомого им командира полка.

Все они молоды. Воински подтянуты. Из них — три есаула, а остальные сотники и хорунжие. Почти все коренные Лабинцы. Большинство стали офицерами из урядников. У всех заметен тот «гиковый» вид, специально лабинский, который внедрили в них офицеры мирного и военного времени. Все они, своей воинской подтянутостью, напомнили мне храбрых офицеров Корниловского конного полка. Среди них не

было ни одного офицера «не казака». Все они были исключительно «линейцы», почему мне было очень легко взять соответствующий тон с ними. Вот их состав к этому дню:

1. Полковник Елисеев — командир полка.
2. Полковник Булавинов — помощник по строевой части.
3. Войсковой старшина Баранов Лука³⁷ — помощник по хозяйственной части.
4. Есаул Бобряшев Минай³⁸ — командир 1-й сотни.
5. Сотник Луценко³⁹ — командир 2-й сотни.
6. Сотник Ковалев⁴⁰ — командир 3-й сотни.
7. Есаул Сахно — командир 4-й сотни.
8. Командир 5-й сотни (на тот момент не помню).
9. Хорунжий Меремьянин 1-й⁴¹ — командир 6-й сотни.
10. Есаул Сапунов⁴² — начальник пулеметной команды.
11. Сотник Севостьянов Сергей⁴³ — полковой адъютант.
12. Сотник Щепетной Николай⁴⁴ — полковой казначей.

Младшие офицеры:

13. Хорунжий Лаптев⁴⁵.
14. Хорунжий Диденко⁴⁶.
15. Хорунжий Маховицкий⁴⁷.
16. Хорунжий Копанев Михаил⁴⁸.
17. Хорунжий Конорез Иван⁴⁹.
18. Хорунжий Шопин⁵⁰.
19. Хорунжий Меремьянин 2-й⁵¹ — пулеметчик.
20. Сотник Гончаров⁵² — начальник обоза 1-го разряда.

Некоторых младших офицеров не помню. Для полка времен Гражданской войны этот численный состав офицеров надо считать очень большим.

Сдача и прием полка был краток. Приказом по полку я уведомил о своем вступлении, а полковника Булавинова назначил своим помощником. Последний совершенно «не закусился» (таков и еще есть военный термин), а скорее обрадовался, что вот, мол, «гора свалилась с плеч». Он оказался отличным и опытным офицером, интеллигентным и умным, как и авторитетным в полку. Он был правдив и склонен к критике «всего высшего начальства». Много правды было в его словах. И он дальше, глубже видел будущее, чем офицеры полка, в том числе и автор этих строк. У меня никогда с ним не было недоразумений, и взаимоотношения вне службы были дружеские и доверительные.

2-й Кубанский конный корпус. Начальники

Чтобы не впасть в ошибку, я запросил своих бывших начальников, генералов Науменко и Фостикова, как и где переформировался корпус на Кубани после отхода с Северного Донца и его новый путь на фронт? Расхождение у обоих генералов было только в мелочах и в датах. Генерал Науменко вел записки, они сохранились, и я приведу поэтому его выдержки. От себя добавлю — ввиду образования Кубанской армии дивизии формировались по своим отделам. Так, 2-я Кубанская дивизия по-прежнему выставила 1-й и 2-й Кубанские и 1-й и 2-й Лабинские полки — из Лабинского отдела.

4-я Кубанская дивизия выставила полки из Кавказского отдела — 1-й и 2-й Кавказские и 1-й и 2-й Черноморские.

Оба генерала пишут, что 2-я дивизия формировалась в станице Григориполисской, штаб корпуса в Армавире. О 4-й дивизии они не пишут, но надо полагать, что она формировалась в отдельской Кавказской станице.

Генерал Науменко пишет, что до 21 января 1920 года дивизии оставались на местах формирования и только 21 января перешли — 2-я дивизия в станицу Новопокровскую, а 4-я — в Калниболотскую и числились в резерве главнокомандующего.

26 января корпус перешел в село Песчаноокопское Ставропольской губернии, а 27 января был смотр корпуса генералом Деникиным. Генерал Фостиков так пишет о смотре: «Стояли сильные морозы. Утром в день смотра была гололедица. Конь под генералом Деникиным поскользнулся, и Главнокомандующий упал на землю и разбился. Его отвезли в поезд, а начальник его штаба, генерал Романовский закончил напутствие.

Вечером в вагон Деникина были приглашены генералы — Науменко, Косинов⁵³ и я. Он пожелал нам успеха, но его падение, показалось, предвещало падение Добровольческой армии; и настроение, у кого оно было, пало»⁵⁴.

О случае с генералом Деникиным генерал Науменко пишет: «Он действительно разбился, но не так серьезно. После смотра он разговаривал с представителями частей корпуса в зале станции Песчаноокопской и напутствовал их добрыми пожеланиями»⁵⁵.

О первых боях корпуса генерал Науменко в том же письме пишет: «30-го января, из хутора Жуковского, через Сандату, корпус подошел к селению Новогорлякскому и, после 3-х часового боя с красными, овладел этим селением.

31-го января, после боя с той же конницей, были заняты селения Баранниковское и Новомарьевское».

На этом я закончу движение корпуса «вперед», но через 6 дней, когда я прибыл в его ряды, весь корпус уже отошел в селение Ивановка, откуда и начинается мое описание событий, участником которых был лично.

Наутро 7 февраля корпус покидает село Ивановка. Полки выстроили за селом. Я впервые подъезжаю к своему 1-му Лабинскому полку. И каково же было мое удивление, когда я увидел перед собой многолюдный полк, выстроенный в резервную колонну, с полковым знаменем и с хором трубачей на правом фланге, встретившим меня «встречным полковым маршем», как и полагалось всегда в мирное время.

Знаком руки останавливаю оркестр и здороваюсь с каждой сотней отдельно. По опыту я хорошо знал, как казаки любят «рассмотреть и оценить» каждого нового своего начальника.

Поздоровавшись, объехал все сотни по рядам. Вид казаков был отличный и совершенно не уставший. Казаки были хорошо и тепло одеты и не обременены выюком. Лошади были свежие и в хороших телах. В общем, полк был в отличном состоянии и очень порадовал мою душу. В строю было 550 шашек и 8 пулеметов системы «Максим» на санях. После осмотра скомандовал «вольно», так как полки ждали своего начальника дивизии.

Я стою в седле впереди своего полка и изучаю другие полки. Вдруг вижу впереди 4-й Кубанской дивизии нашего бывшего командира 1-го Кавказского полка после Февральской революции 1917 года, когда полк был переброшен в Финляндию, генерала Георгия Яковлевича Косинова. Мы тогда искренне его полюбили. Я в то время был командиром сотни, подьесаулом.

От радости такой встречи, нарушая воинскую дисциплину, рысью подхожу к нему, беру руку под козырек и почтительно произношу:

— Здравия желаю, ваше превосходительство!

Он тепло одет и глубоко закутан башлыком. Под ним все та же его рослая темно-рыжая кобылица, на которой он командовал нашим полком и на которой совершил 1-й Кубанский поход.

Я подъехал к нему облически сзади. Не видя меня, он словно был недоволен тем, что кто-то потревожил его, когда он в одиночестве думал о чем-то. Повернулся ко мне, и вдруг у него прорвалось:

— Федор Иванович!.. дорогой!.. Откуда Вы взялись здесь?

— Вчера прибыл в корпус и вчера же принял 1-й Лабинский полк, — улыбаясь, говорю ему по-свойски.

— Очень рад, очень рад!.. Дайте Вашу руку!.. Командуйте на славу, а я... я совсем пал духом, — вдруг говорит он. — Не удержимся мы... И что будет дальше — сам не знаю, — продолжил он.

Мне было очень жаль этого безусловно храброго и очень большого, с широкой душой, кубанского казака, который видел гораздо глубже и дальше нас, и меня в частности, грядущие события.

Вдали показался наш начальник дивизии генерал Фостиков, и я быстро вернулся в полк.

Фостиков ехал без башлыка, но в овчинной шубе. Его свободная манера здороваться с полками показала мне, что генерал хорошо знает свои полки, уверен в них, уверен и в себе и знает, что полки верят ему, ценят и любят его.

За официальными приветствиями Фостиков «отпускал» и полкам, и сотням, и некоторым офицерам «вольные фразы», направленные исключительно на то, чтобы подтянуть, подбодрить людей.

Казаки любовно смотрели на своего «генерала Хвостика», как они называли его и, видимо, совершенно не боялись, а только любили и готовы были слушаться его беспрекословно. С ними он провел всю Гражданскую войну, много раз раненный.

Весь его внешний вид хотя и «не кричал» по-бабиевски, но был очень прочен и выглядел только положительно, с черточкой народного вождя-генерала, мало заботящегося о себе и своей внешности.

Казалось, ему важнее было то, чтобы хорошо и тепло быть одетым, иметь под собою добрую сытую лошадь, а у себя лично — светлую голову. А остальное все — само приложится. С этим он и подъезжал к своим полкам дивизии, чтобы внушить им свою волю и вести их в бой.

«За время, когда генерал Фостиков командовал дивизией, я о нем плохого ничего сказать не могу. Он был храбрым и всегда бодрым. Этот дух бодрости передавал казакам»⁵⁶, — писал генерал Науменко.

Корпус выступил в село Красная Поляна. 1-й Лабинский полк шел правой, северной колонной. В снежной степи, на железнодорожном полотне в сторону Песчанокской, стоял какой-то штабной поезд. На площадке одного пассажирского вагона высокий, стройный ротмистр в гимнастерке с подвернутым воротником умывался теплой водой, которую лил ему на руки денщик-казак. На мой вопрос ротмистр ответил, что это есть поезд командира 1-го Кубанского корпуса генерала Крыжановского⁵⁷. Я удивился, что в такое тревожное время нашего общего отступления они живут как бы безмятежно. С этим чувством я и оставил поезд Крыжановского позади себя, с долей критики. И моему удивлению и сожалению не было конца, когда мы узнали,

что на второй или третий день весь этот состав поезда штаба 1-го Кубанского корпуса во главе с генералом Крыжановским был отрезан красной конницей Буденного, и все чины его погибли в неравном бою вместе со своим генералом. Жуткая история, как и героическая, которая никогда не была освещена в нашей печати и о которой мы узнали потом из красных источников.

Полковой врач и полковой казначей

Корпус два дня стоит в Красной Поляне. Из Екатеринодара прибыл в наш полк сотник Веприцкий⁵⁸, переведенный из Гвардейского дивизиона. Он был сын подбесаула Веприцкого, старшего адъютанта управления Кавказского отдела, который жил на квартире рядом с нашим домом, в бытность мою юнкером. Сотник — бывший кадет, хорошо воспитанный, отчетливый. Назначил его временно полковым адъютантом, так как действительный адъютант, сотник Севостьянов, болен и эвакуирован.

Верхом проезжая по селу, вижу в одном дворе полковую санитарную летучку. Какой-то мужчина свыше 50 лет, в штатском черном тяжелом пальто и неуклюже закутанный в башлык, по-штатски козыряет мне, при этом низко кланяясь. В нем я узнал своего полкового врача, которого видел впервые сутки тому назад.

— Почему Вы так одеты? — по-сыновьи спрашиваю его.

— Да я ведь не военный врач... и под Купянском перебежал к белым... прямо в 1-й Лабинский полк, ну в нем и остался служить, как убежденный политический противник большевиков, — говорит он мне просто, умно, хорошо и по-штатски. — А что одет не по форме, то — где же взять?.. Да это и не так важно! И я с удовольствием служу среди казаков, которых так полюбил, — продолжает он.

— Так чего же Вы одеты по-походному? Выступаем же мы только завтра!

— А-а... господин полковник! Это не лишнее. Надо всегда быть на чеку. А красным попасться я не хочу, — добавляет он.

Заинтересованный этим оригинальным и, видимо, очень умным человеком, я прошу зайти его ко мне на чай. И он пришел.

Оказывается, что он не только что врач, но и политический деятель. «Левее кадет», — как он сказал о себе. И вот — не выдержал «советодержавия», сознательно бежал от них, чтобы бороться против них.

— Если бы Вы знали, господин полковник, как крестьяне, да и рабочие, ненавидят красных! Казалось бы, еще раз толкни, и власть па-

дет. И вот не знаю, почему мы отступаем? Мне-то, как врачу и человеку штатскому, у крестьян секрета не было. Но я верю, что наше отступление только временное, — закончил он.

С полковником Булавиновым мы остановились в одной комнате и сразу же подружились. Мы говорим между собой, словно старые знакомые, и говорим откровенно, как это бывает среди кадровых офицеров, прошедших одну школу. Говорим искренне, бесхитростно.

Неожиданно в полк прибыл полковой казначей сотник Николай Щепетной с авансом и жалованьем для всех чинов полка. Это было больше чем неожиданно. Щепетной так отчетливо отрапортовал мне о своем прибытии и был так легко и подтянуто одет, что я выразил ему свое удивление — как это он, такой молодецкий офицер, а занимает столь не почетный пост.

— Я готов всегда в строй, господин полковник, — отвечает он.

— Хорошо. Раздайте жалованье и останетесь в полку. И я, при первом же случае, казначеем назначу чиновника, — ответил ему.

Щепетной был очень щупленький и казался молодым. Учился в духовной семинарии, отлично пел в хоре, и мы с ним подружились надолго. Удивило меня, что он так молод и был женат. Дальнейшая судьба его очень интересна, она будет описана.

9 февраля, с утра, от полка приказано было послать офицерский разъезд силою в один взвод казаков в направлении на северо-запад, для связи с частями 1-го Кубанского корпуса генерала Крыжановского.

Назначен был хорунжий Михаил Копанев. Разъезд выступил, как часа через два была поднята тревога, что красная конница наступает на наше село. Приказано покинуть его.

Крупной рысью полки шли по главной улице на запад. 1-й Лабинский полк в хвосте всего корпуса. От генерала Фостикова получено приказание — в конце села выдвинуться прямо на север и обеспечить отход его дивизии.

Наша улица заканчивается площадью, которая замыкается с запада рядом крестьянских дворов. К югу — деревянный мостик через замерзшую речку, а к северу — снежный перекат, из-за которого ничего не видно — что там на севере?

Полк во взводной колонне идет широкой рысью. Из дворов спешно выскакивают запоздавшие казаки и присоединяются к общей колонне. На мостике закупорка хвоста колонны дивизии: конные казаки, артиллерия, обозные сани.

Не уменьшая аллюра лошадей, повернул полк прямо на север, чтобы быстрее ориентироваться в обстановке, карьером выскочил на гребень перевальчика и — что я увидел?!

Густая масса красной конницы, во много превышающая численность нашего полка, в резервной колонне, широким наметом с севера шла на село в каких-нибудь 500 шагах от перевальчика. С шашками «наголо» и с дикими победными криками они неслись вперед, готовые сокрушить все на своем пути. Вижу, что наша контратака будет «смята» и их численностью, и уверенностью в победе. Я сорвался с переката вниз и бросил полк к мостику, который уже освобождался от хвостов дивизии, но где еще находился генерал Фостиков.

Скача с последней сотней своего полка, около моста вижу брошенные сани и некоторые наши орудия, перевернутые на неровностях. Было страшно, что красные врываются в остатки наших рядов с печальным концом для нас.

Почему — неизвестно, но красные, заняв тот перевальчик, открыли по казакам только ружейный огонь. Кажется, здесь был ранен ружейной пулей генерал Фостиков.

Отходя с полком в юго-западном направлении от села, на перевале вижу генерала Науменко и являюсь к нему за распоряжениями. Он спокоен, но в недоумении. «Как все это случилось?» — спрашивает меня, командира арьергардного полка. Но я и сам не знал — как это случилось?

Приказав занять здесь спешенными сотнями все бугорки и к вечеру отойти в село Кулишевка, где будет сосредоточен весь корпус, Науменко покинул наши новые позиции. К удивлению, красная конница, заняв село, не стала преследовать нас. Этот бой произошел у села Жуковского.

Поздно ночью 1-й Лабинский полк вошел в село Кулишевка и присоединился к корпусу. Иду с докладом к начальнику дивизии, к генералу Фостикову, не зная еще, что он ранен. Генерал лежал посредине хаты, на полу, на сене, покрытый буркой. Картина была достойная художника, по своей фронтовой образности после боя. С ним был и начальник штаба дивизии, генерал-лейтенант, писавший какие-то распоряжения дивизии. Здесь же находился и командир 1-го Кубанского полка, молодой полковник А.И. Кравченко⁵⁹. Он назначался временным начальником 2-й Кубанской дивизии.

Кравченко — выпуска 1911 года из Оренбургского казачьего военного училища, вместе с Атаманом Семеновым⁶⁰ и полковником В.Д. Галиаием⁶¹.

Генерал Фостиков был эвакуирован на Кубань на следующий день. В тот же день весь корпус выступил в станицу Успенскую, в первую станицу на Кубани от Ставропольской губернии.

Трагическая гибель генерала Крыжановского со штабом

Чтобы были понятны причины отхода нашего корпуса, приведу разъяснения в послевоенной печати о событиях того дня:

«8-го февраля 1920 года поездной состав 1-го Кубанского корпуса стоял в станции Белая Глина. Тут же были и два бронепоезда.

По получении донесений о нахождении в тылу красной конницы штаб корпуса и бронепоезда двинулись на Тихорецкую, но путь уже был перехвачен красными, и у взорванного моста поезда застряли. Скоро на них вышла конница Буденного — 4-я и 6-я кавалерийские дивизии. Сторяча командир 2-й бригады 4-й дивизии Мироненко повел части своей бригады и 35-й полк 6-й дивизии в конную атаку на бронепоезда. Атака была отбита командами бронепоездов и присоединившимися к ним офицерами штаба корпуса. Мироненко и командир 35-го полка были убиты. Красная конница отхлынула. Тогда, по приказанию прибывшего к месту боя Буденного, были вызваны на открытую позицию конные батареи, начавшие бить прямой наводкой по белым.

Держаться далее в бронепоездных составах было нельзя. Вооружившись винтовками, штаб корпуса и команды бронепоездов, с генералом Крыжановским и инспектором артиллерии корпуса генералом Стопчанским⁶² во главе, стали отходить от железной дороги. Сразу же они оказались окруженными красной конницей. Несмотря на совершенно безвыходное положение, белые не сдавались и пытались пробиться в степь. Конные атаки красных встречались и отбивались выдержанным залповым огнем. Попытка захватить штаб корпуса живьем не удалась — мы теряли убитых и раненых. Тогда вылетевшие вперед пулеметные тачанки открыли огонь по группе белых, а минуты через две эскадроны 2-й бригады с товарищем Городовиковым пошли в атаку. Штаб корпуса с командами броневиков были целиком зарублены на месте. В этом бою был убит командир корпуса генерал Крыжановский, начальник артиллерии, а с ними до 70 офицеров»⁶³.

Окрыленная успехом, эта конница красных обрушилась потом и на 2-й Кубанский конный корпус. Все эти события произошли 9 февраля.

А что же пластуны Крыжановского?! Где они были? «В это время две стрелковые дивизии красных — 50-я и 20-я — атаковали Кубанских пластунов в Песчаноккопской — встретив стойкое сопротивление белой пехоты. В 3 часа дня, после короткого боя, противник (пластуны) все же не выдержал наступления наших превосходных сил и отступил на Белую Глину»⁶⁴.

Сводка Донской армии говорит: «Большевики не преследовали пластунов, поэтому казаки могли свободно отходить к Белой Глине. В районе х. Христенко, в 4-х верстах восточнее Белой Глины, около 5-ти часов вечера, 2-я и 3-я Кубанские бригады пластунов были атакованы бригадами красной конницы Буденного, после разгрома штаба корпуса генерала Крыжановского, уже занявшими Белую Глину».

Та же Донская сводка за 12 февраля продолжает: «2-я и 3-я Кубанские пластунские бригады, 9-го февраля, после неудачной попытки пробиться от Песчанок на Белую Глину — отошли на село Новопокровское Ставропольской губернии⁶⁵ и станицу Успенскую, откуда большинство пластунов разошлось по станицам. Оставшиеся, с 6-ю орудиями, сосредоточились в районе станицы Кавказской, где приводятся в порядок. Все имущество 1-го Кубанского корпуса попало в руки красным»⁶⁶.

Обо всем этом автор этих строк тогда еще ничего не знал.

На рубеже Войсковой земли. Станица Успенская

Меня волновал вопрос: офицерский разъезд в 30 коней во главе с хорунжим Копаневым, высланный вчера, 9 февраля, с утра на северозапад для связи с частями 1-го Кубанского корпуса, не вернулся ни вчера, ни ночью, ни сегодня утром. И так как мы очень быстро отошли на юго-запад, разъезд мог быть отрезан от нас, перебит или захвачен в плен. Было о чем волноваться!..

10 февраля, утром, весь корпус выступил из села Кулишевка в первую кубанскую станицу от Ставропольской губернии — в Успенскую. На перекате двух балок «межа», может быть в аршин шириною, поросшая бурьяном и занесенная снегом, явно говорила мне, что это и есть «кровная казачья граница» с крестьянской Ставропольской губернией. А вдали, на белом фоне снега, вырисовывался и контур Успенской с высокой колокольной церкви.

Мы вступали на свою Кубанскую казачью землю и... без боя. Я заволновался: Успенская, Дмитриевская, а за ними — и моя родная Кавказская станица, третья по счету от этой казачьей межи. «Неужели и в самом деле конец?» — впервые подумал я. Выскочив в сторону от дороги и указывая рукою на межу, выкрикнул:

— Лабинцы!.. Смотрите! Это есть уже граница нашего Кубанского Войска!.. Запомните это!

Это могли слышать, может быть, только головные сотни полка. Как они реагировали на мой «крик души», я не знаю. Но у меня это сорва-

лось от инстинктивного предчувствия какого-то несчастья, которое может случиться с нами, переходя эту магическую казачью границу нашего Войска.

Корпус вошел в станицу Успенскую в первой половине дня. 1-й Лабинский полк разместился в северо-западной окраине ее. Штабу полка отведена была квартира у очень богатого казака, во дворе которого стояли две паровые молотилки. Двор был широкий, с амбарами и сараями, но «дома», казачьего дома «под железом», не было. Вместо него стояла длинная, низкая хата с одним черным ходом во двор. Это меня удивило.

Оставив полковника Булавинова с ординарцами здесь, как всегда, стал разводить сотни по квартирам.

Разместив сотни с тяжелым чувством, что мы уже докатились до своих станиц, я въехал в этот двор и вошел в хату.

У окна, за прялкой, сидела стройная, высокая казачка с мрачным лицом лет под тридцать. Булавинов сидел вдали у стола, не раздеваясь и, вижу, чем-то недоволен.

По нашему «староверско-кавказскому» обычаю, войдя в хату, я снял папаху, перекрестился на образа и произнес:

— Здравствуй, хозяйшшка.

— Здрастуйтя, — нехотя ответила она и, не меняя своего положения, продолжала прясть шерсть.

Окинув глазами хату, я ничего не нашел в ней того, что говорило и мило было бы казачьему глазу: портреты служилых казаков или лубочные картины на стенах. И даже в святом углу была небольшая икона. В хате было не уютно и пустынно.

Булавинов привстал и говорит мне, что «кушать у хозяйки нечего и приняла нас недружелюбно. Не дали и фуража для лошадей». Это меня задело. Я молча посмотрел на хозяйку, спрашиваю:

— Где хозяин?

— А хтой-ево зная у дворе иде-та... — отвечает нехотя и «по-кацапски».

Послал ординарца за хозяином. В окно вижу — идет молодой казак лет тридцати, в овчинной шубе и в «котах». Ремнями охвачены его онучи по икрам. Он прихрамывал.

Войдя в хату, снял шапку и молча сел на лавку около жены, у двери. Сел и молчит, словно в хате нет никого и его никто не звал. Я стою у стола и выжидаю. Но он молчит. Тогда начинаю я, но уже «с напылом в душе»...

— Ты будешь хозяин?

— Я-а, — отвечает, не сдвинувшись с места.

— Такой молодой и уже хозяин?.. И даже две молотилки имеешь? — спрашиваю.

— А што-ш!.. Отец вмер, старший брат тоже... вот я и остался на готовое, — поясняет он с недружелюбием.

— Служил в Первом полку? — выматываю его.

— Не-е, ниспасобнай я да ета, и ни так важна, лишь бы была хозяйства, — распространяется он.

Я его «уже понял»... И тоном не повышенным, а тем, когда молчать нельзя, твердо говорю ему:

— Ну так вот что, хозяин. Между прочим, я казак станицы Кавказской, с вашими успехами провел всю Турецкую войну в нашем 1-м Кавказском полку. Меня они хорошо знают. И тебя я хорошо «познал»... дымарь!.. («Дымарь» — по-станичному, не служилый казак, остался дома, в своей хате, «дымит», то есть наживает хозяйство, когда его сверстники отбывают положенную действительную службу на далеких окраинах России. Кличка Дымарь — унижительная.)

И продолжаю:

— Мой помощник сказал мне, что у тебя нет ни сена, ни зерна для наших лошадей... и нечего поесть, даже нам, кубанским офицерам... Так вот что я тебе говорю: пойди и сейчас же отпусти казакам сена и зерна для лошадей. И за все мы, конечно, уплатим. А своей жене-негоднице прикажи сейчас же приготовить нам что-нибудь поесть. И немедленно же! — закончил я.

Во время моего «монолога» он сидел молча, как бы пропуская всю мою горечь мимо ушей. Чтобы он не ослушался и чтобы ему показать, насколько я говорю серьезно и насколько я смогу показать свою власть над ним, глядя сурово в его глаза, твердо произнес:

— Да встать, когда с тобой говорит командир полка Кубанского Войска! Понял?.. И иди исполняй сейчас же! — закончил ему.

Он мне на это ничего не ответил. «Приготовь там», — буркнул он жене и вышел во двор отпустить фураж казакам.

Я молча сел на лавку и вспомнил о пройденной «казачьей меже». И мне стало еще большее на душе.

Свинство есть и среди казаков. И этому куцегузому неслуживому казаку, у которого на стенах в хате нет и одной картины из военного быта, как принято у казаков, — что ему «белые или красные»? «Маво не трожь» — вот и все. Он даже своим родным казакам за плату не хочет отпускать фуража, которого у него так много, и не хочет накормить своих же кубанских офицеров... Ну куда же двигать его душу «для казачьей чести»? Или на другие жертвы.

Прискакал ординарец из штаба дивизии, что весь корпус выступает в станицу Дмитриевскую и полку приказано поторопиться. Это было так неожиданно. Здесь корпус простоял только 3 часа и вновь отходит.

Сигнал «тревога» — и 1-й Лабинский полк следует на запад по широкой северной улице станицы. Во дворах — полная тишина. Словно попрятался народ.

На одном из перекрестков улиц стоит группа детей, их 15—20 казачат. Все очень тепло одеты. Все они в своих домашних овчинных, в талию, дубленых полушубках, перехваченных или полотенцами, или поясами. Все в валенках или «чириках» с ушками. Все они в своих неизменных мохнатых казачьих папахах от своих ягнят, рябого или белого курпея. Станица Успенская богатая. У казаков много скота, овец. Все свое, до железной дороги далеко, почему все делается, шьется домашним способом.

Все казачата хорошо упитаны. Вид их серьезный, недоумевающий. Они молча смотрят на кучные взводы казаков, которых никогда не видели в таком большом количестве.

Проходя, я посмотрел на них и подумал: что с ними будет, когда сюда войдут красные войска и потом, может быть, усялятся на многие годы? Кем тогда будут эти, теперь не испорченные подростки? Будут ли они помнить свое казачье происхождение? И будут ли они одеваться по-казачьи вот так, как одеты теперь? И с какими мыслями они будут вспоминать тогда нас — проходящие теперь кубанские конные полки казаков? И не будет ли тогда для них это как миф или приятный сон?

С этими мыслями я оставил их позади себя. Они продолжали молча стоять и с детским любопытством смотреть на ряды 1-го Лабинского полка, уходящего из их станицы.

На окраине станицы какой-то усенец, у порога дома, седлал своего коня. Жена укладывала ему в переметные походные сумы что-то... Кто-то крикнул ему из ординарцев:

— Скорей выезжай!.. Красные уже в станице!

Казак кивнул, чем ответил, что понял и, дескать, поспешу.

Я не знаю, когда вновь увидела своего мужа-сокола эта молодая казачка, которая так торопливо помогала мужу собираться «в путь-дороженьку»? И увидела ли она его-то потом в своей жизни?.. Может быть, он был убит в следующем же бою?! Может быть, он ушел с войсками за границу? Может быть, он умер от тоски, и горя, и труда за границей?!

Это была последняя картинка в моих глазах, и мысли, когда мы покидали «первую станицу» Кубанского Войска и отдавали ее — как и всю Кубань потом — в постоянную власть красного сатанинского правительства.

В станице Дмитриевской

Поздним вечером 10 февраля корпус вошел в станицу Дмитриевскую. Утром 11 февраля приказано двигаться в станицу Кавказскую, в мою родную станицу. Нам это показалось непонятным. Мы оторвались от противника и не знаем, где он.

1-й Лабинский полк прибыл к штабу дивизии и выстроился на улице в ожидании распоряжений. Меня вызвали в штаб.

Вхожу и вижу жуткую картину: временный начальник 2-й Кубанской дивизии, мой старый друг, полковник Кравченко в глубоком расстройстве, даже со слезами на глазах. Такой же вид и у начальника штаба дивизии. Два родных брата, сотники, казаки станицы Новотроицкой, служившие при штабе дивизии — один в должности командира комендантской сотни, а другой — обер-офицера для поручений (забыл их фамилию), стояли тут же в очень сокрушенном виде.

Войдя в штаб и отрапортовав полковнику Кравченко о прибытии с полком, увидев их странный вид, спрашиваю:

— Что случилось, Афанасий Иванович?

— Да разве ты не знаешь, что вся 2-я дивизия разбежалась ночью!.. От обоих Кубанских полков осталось так мало казаков, ушла домой даже наша комендантская сотня. Спроси вот у сотника, командира этой сотни! Ну а твои Лабинцы как?... Много осталось в полку? — вдруг заканчивает он.

— Да ты што, Афанасий Иванович... рехнулся, што ли? — говорю я резко, совершенно не обращая внимания на старика генерала, его начальника штаба. — Я впервые слышу об этом от тебя... 1-й Лабинский полк ничего об этом не знает. Он весь цел. И в строю находятся все 550 шашек и 8 пулеметов. Полюбуйся на него в окно! — горячо произнес я всю эту тираду слов.

— Да ну?!. Неужели это правда, Федор Иванович? — вдруг радостно говорит он. — Значит, не все потеряно? — спрашивает мой старый друг Афоня.

Я смотрю на всех присутствующих и вижу, что у всех лица просветлели. Весь штаб быстро выходит из дома, садится на лошадей, и мы все вместе выезжаем к 1-му Лабинскому полку. А рядом с ним стоял уже и 2-й Лабинский полк полковника Кротова⁶⁷ в 400 шашек, не считая пулеметной команды.

Наш штаб дивизии сразу же ожил. Действительно — от 1-го и 2-го Кубанских полков остались лишь жалкие остатки.

В эту же ночь обессилилась и 4-я Кубанская дивизия генерала Косинова. Большое число казаков 1-го и 2-го Черноморских полков, оставив

свои части, ушли на запад в свои станицы. 1-й и 2-й Кавказские полки частью разошлись по своим станицам, но большая часть отошла в Кавказскую, как отдельскую станицу, где, по их мнению, что-то должно случиться... А что именно — они и сами не знали, но знали, что это есть их военно-административный центр всего Кавказского отдела, где еще находилось управление отдела с Атаманом отдела, которое и даст соответствующее распоряжение.

Это, конечно, не было дезертирство казаков в том понимании, как говорит воинский устав и принципы военной службы. Казаки устали от долгой войны, начиная с 1914 года и по сей год включительно. В Гражданской войне, строго говоря, казаки остались одинокими. Крестьянская Россия их, казаков, не поддержала. К тому же «конец» чувствовался ими интуитивно. Но сочувствия большевикам, конечно, не было между ними. Многие потом вернулись в свои полки, а домой они уехали «попрощаться с семьями» — житейски резонно оправдывались многие.

Да что казаки!.. Уехали домой и многие офицеры к своим семьям, как и все остальные «грешные люди». Чувство семьи и судьба своего дома заговорили властно и в сердцах доблестного кубанского офицерства. В корпусе не было и одного командира бригады. Наш командир Лабинской бригады полковник С. так и не появился в ней до самого конца ее существования.

Генерал Косинов, этот смелый, храбрый и умный кубанский казак, он тогда же покинул свою 4-й Кубанскую дивизию и больше к ней не вернулся. Сгорело все Отечество, и сил духовных и воинских уже не стало. Вот и все. И если так думало некоторое доблестное русское и кубанское офицерство, то казаки-земледельцы, с большими семьями, для них чувство «своего дома» было главной и непререкаемой целью жизни. Кубань «догорала», и в ее полымях казаки поскакали хоть еще раз посмотреть на отчий дом и, если нельзя спасти его, лучше уж сгореть там, с ним вместе... Такова была психологическая сторона тех жутких дней.

Штабом корпуса издавался бюллетень, озаглавленный «Официальное Сообщение Командира 2-го Кубанского корпуса населению Лабинского и Кавказского Отделов». Издавался он типографским способом и заканчивался подписями командира корпуса генерала Науменко и начальника штаба полковника Егорова.

В «Сообщении № 6» от 15 февраля 1920 года, помеченном станицей Кавказской, о событиях этих дней пишется обстоятельно, но я помещу только короткий абзац, касающийся Лабинцев. Вот он:

«С особым удовольствием я довожу до общего сведения, что 1-й Лабинский полк сохранился в том же блестящем виде, в котором он представлялся на смотр 27-го января сего года.

В то время, когда Черноморцы, Кавказцы и частью Кубанцы расходились по домам — честные Лабинцы еще тесней сплотились и, в дни всеобщей разрухи, не только не уменьшились, но увеличились в своем боевом составе.

Хвала и честь Вам, Лабинские станицы! Низко кланяюсь Вам, старики и казаки, воспитавшие храбрых и честных казаков».

В станице Кавказской. Похвальные дела

11 февраля весь корпус вошел в станицу Кавказскую. 1-му Лабинскому полку отведены были две самые крайние улицы северо-западной окраины станицы, где я родился, рос и учился до 16 лет. Устроив сотни по квартирам и оставив полковника Булавинова при штабе полка, поскакал в дом своего отца на Красной улице. О радости семьи не нужно писать. Кстати, в дом прибыл и наш старший брат Андрей, есаул 1-го Кавказского полка.

На второй день генерал Науменко собрал всех офицеров корпуса в станичном правлении, осветил обстановку и приказал оздоровить полки.

Среди нас офицеры-пластуны. Командиру 10-го пластунского батальона, полковнику Бобряшеву⁶⁸, приказано формировать 2-ю Кубанскую пластунскую бригаду. Маленького роста, буднично одетый, после гибели всего штаба своего корпуса вместе с генералом Крыжановским он был мрачен.

В станице еще сохранилось полное управление Кавказского отдела. Исполняющим должность Атамана отдела был войсковой старшина Иван Иванович Забей-Ворота⁶⁹, казак хутора Романовского, принадлежащего Кавказской станице. О нем следует сказать несколько слов.

Сын простого богатого казака. После окончания Оренбургского юнкерского казачьего училища вышел хорунжим в свой 1-й Кавказский полк, в город Мерв Закаспийской области. Был адъютантом полка. В 1913 году по окончании того же Оренбургского казачьего училища, но уже военного, молодым хорунжим я застал его на льготе, в чине сотника. Жил он рядом с нами в своем богатом кирпичном доме.

С объявлением войны в 1914 году со 2-м Кавказским полком выступил на Западный фронт, но скоро вернулся. И все годы Великой и Гражданской войн служил при управлении Кавказского отдела. Овдовев, второй раз женился на дочери Атамана Кавказского отдела, полковника Ретникова⁷⁰.

Пишется это для того, чтобы читатель знал — насколько Забей-Ворота был в курсе по управлению отделом и каким доверием он пользовался со стороны Атамана отдела, теперь его тестя.

В 1919 году Атаманом Кавказского отдела был полковник Бедаков. Он отсутствовал, и все функции перешли к Забей-Воротам. Умный и энергичный, отлично знающий быт казаков и очень популярный в своей станице, он активно приступил к мобилизации оставшихся в его управлении станиц Кавказского полкового округа и, в особенности, казаков своей Кавказской станицы.

На второй или третий день образовалось два Партизанских отряда, до 150 конных казаков в каждом. Один отряд состоял из казаков Успенской и Темижбекской станиц, под командой есаула Польского⁷¹. Он из старых заслуженных урядников. В манере одеваться в черкеску и сидеть в седле подражал Бабиеву. Среди темижбекцев три отличных офицера: сотники братья Масловы, старший из урядников, а младший из студентов, и хорунжий Фидан Толстов⁷², наш старый Кавказец, урядник полковой учебной команды 1913—1914 годов, сын урядника, штаб-трубача Конвоя Императора Александра III. Все они участники нашего восстания в марте 1918 года.

Второй Партизанский отряд состоял исключительно из казаков станицы Кавказской. Возглавлял его есаул Миша Жуков⁷³, любимец станицы. На станичные митинги в начале 1918 года, когда «шаталась» казачья власть от местных иногородних, с отцом появлялись оба с винтовками в руках. Не выдержав, уехал в Ростов, поступил в Добровольческую Армию, с нею прошел Кубань, при штурме Екатеринодара 31 марта был тяжело ранен в позвоночник и лишился возможности передвигаться. С тяжело ранеными был оставлен в станице Дядьковской. Выжил, но остался калекой. Теперь в седло его сажают два казака-станичника, для которых он так и остался «Мишей Жуковым» — умным, веселым, сыном простой казачьей семьи. Его мать — казачка станицы Казанской.

Об этих двух отрядах генерал Науменко похвально отзывался в своих Сообщениях за номерами 6 и 7 и поощрял эти образования.

В станице неожиданно появился наш старый Кавказец мирного времени полковник Хоранов⁷⁴ Уджук Джанхотович, а по-русски — Валентин Захарович, младший брат известного на Тереке генерала Хоранова. Я его не видел с 1914 года, когда он, 39-летний подьесаул, младший офицер одной из сотен, по мобилизации был командирован из Мерва в отдел и со 2-м Кавказским полком выступил на Западный фронт.

Отличный гимнаст и дамский кавалер. Он тогда был дружен со мной, почему еду к нему, и мы обнимаемся. О нем напишется по событиям.

— Зачем?.. как?.. Почему Вы здесь? — закидываю его вопросами.

— Как почему?.. Я же старый Кавказец!.. вот и приехал в свою окрестную станицу, — отвечает он и добавляет: — А отчего же мне не принять Кавказскую бригаду? Казаков я хорошо знаю, да и они меня давно знают. Высшее начальство разбежалось, ну я и приехал из Екатеринодара, так как был свободен.

Не знаю, как это случилось, но генерал Науменко назначил его сразу же начальником 4-й Кубанской дивизии, так как генерал Косинов к своим частям уже не вернулся.

У командира 1-го Кавказского полка полковника Товстика⁷⁵ произошли разногласия со своими старшими офицерами: он ушел. Командиром назначен был полковник В.Н. Хоменко⁷⁶, старый Кавказец, умный, корректный офицер.

С Товстиком я познакомился в майских льготных лагерях на реке Челбасы в 1914 году. Он был тогда в чине сотника. Маленького роста, рыженький, пухленький, среди широкой по разгулу молодежи хорунжих и сотников тогда 2-го Черноморского полка он был скромн и замкнут. Судьба его мне неизвестна.

Конная атака 1-го Лабинского полка у хутора Лосева

За 5 дней пребывания в Кавказской — 2-й Кубанский корпус был приведен в хорошее состояние. Сильными бригадами оставались Лабинская и Кавказская. Мы были безмятежны, словно стояли на отдыхе в глубоком тылу, как 16 февраля, далеко до рассвета, по станице с севера был открыт редкий орудийный огонь. Это было больше чем неожиданно. По диспозиции полки выбросились по тревоге на запад от станицы и выстроились в резервную колонну. Скоро прибыл и генерал Науменко. Стояла еще ночь. Боевая обстановка нам, начальникам частей, была известна.

Подъехав ко мне, Науменко тихо, просто сказал:

— Полковник Елисеев, Вы местный житель, все дороги Вам известны. Мы должны отступить в Романовский. Со своим полком продвиньтесь в степь и займите местность севернее хутора. И когда займете, донесите мне. Я буду на буграх, восточнее хутора, или в самом хуторе.

Хутор Романовский расположен в глубокой котловине между станицами Кавказской и Казанской. Он не был уже «хуторком» времен Кавказской войны, а разросся в город с 40-тысячным населением рабочего класса, являясь важным железнодорожным узлом Северного Кавказа:

Ростов—Баку, Новороссийск—Ставрополь. Оказалось — он был захвачен красными в эту ночь.

Исполняя приказание, с полком оторвался от корпуса на северо-запад, прорезал глубокую балку у станичного «става», пересек железнодорожное полотно Ставрополь—Кавказская и параллельно железной дороге, рядом с ней, рысью двинулся к хутору Романовскому, до которого было 7 верст. Местность и дороги здесь действительно были мне отлично знакомы с самого детства, почему и вел я полк уверенно. Вперед выслан был лишь офицерский разъезд.

Полк — у будки, что у железнодорожного моста по шляху хутор Романовский — хутор Лосев. Оба эти хутора принадлежали станице Кавказской.

Будочник спокойно доложил мне, что красные войска пришли ночью из Лосева, заняли хутор и станцию, а потом, часа через два, вернулись обратно, ведя с собой до сотни пленных, и что они прошли «обратно будку» не больше как час тому назад. Сколько было красных, он не знает, так как было темно, но «было много, и все пехота», — закончил он.

Весь рассказ будочника слушали и командиры сотен, которых я вызвал вперед. Налет красных на Романовский, захват его и отход был для всех нас полной неожиданностью.

Не теряя времени, с полком бросаюсь на север, построив его «в линию взводных колонн», то есть все сотни во взводной колонне, по фронту на одном уровне. Между дивизионами — пулеметная команда на линейках, на одном уровне с сотнями. Интервалы между сотнями — один взвод. Этот строй был очень удобен для всевозможных конных перестроений, имея полк «в кулаке». Вперед была выдвинута 4-я сотня есаула Сахно.

Уже светало, но спустившийся густой туман был темнее ночи. Местность была покрыта молочной мглой, и в 25 шагах ничего не было видно.

Поднимаясь шагом к северным песчаным буграм от хутора, головная сотня Сахно неожиданно была обсыпана жесточайшим пулеметным и ружейным огнем красных на очень близком расстоянии, который достиг и полка. Сотня быстро отскочила назад к полку. По кучности огня в темноте ясно определилась довольно большая сила красных. Атаковать пехоту красных, поднимаясь к буграм, не имея возможности развить резкого аллюра лошадей, не представлялось возможным.

— Пулеметы — ОГОНЬ! — выкрикнул я.

Все восемь пулеметов храброго есаула Сапунова, молниеносно выскочив чуть впереди полка, сноровисто открыли свой полный огонь, взяв цель «на огонек» противника.

Густой пулеметный огонь заклокотал с обеих сторон, а полк, под прикрытием своих пулеметов, подбирая раненых и держась в тумане «чувством стремени», чтобы не разорваться, шагом перевалил на юг железнодорожное полотно и остановился в ближайшей ложбине. 6-я сотня хорунжего Меремьянина-первого заняла впереди лежащий перевальчик перед полотном. Отошли назад и пулеметы Лабинцев. Огонь утих с обеих сторон. Потери полка только ранеными были незначительны, так как стрельба вниз всегда бывает ложная.

Неожиданно для себя к югу от полка, в какой-либо версте, на высоком бугорчатом кургане, на котором при моем детстве еще стояла неуклюжая сторожевая казачья вышка времен Кавказской войны, с которого далеко за Кубань на десятки верст открывалась равнина, обнаружился штаб корпуса. Через глубокую балку скачу туда и докладываю генералу Науменко обстановку. Корпусной командир принимает доклад спокойно. Мы стоим на кургане-«бикете» и ожидаем схода тумана. Ждать пришлось недолго.

Около часу времени спустя дохнул восточный ветерок и как рукой смахнул туман со всех возвышенностей. В утренней мгле нам представилась неожиданная картина: красная пехота свернулась в колонну и стала отходить к северу, оставив на буграх только редкие цепи с пулеметами. Расстояние между нами было в 3 версты, но нас разделяли две глубокие балки, две гряды перекатов между ними и полотно железной дороги. Не теряя времени, генерал Науменко немедленно бросает 1-й Лабинский полк в преследование.

Широким наметом скачу к полку, сажаю его в седло и строю «в линии взводных колонн» рысью переваливаю первую гряду бугров. Потом сваливаюсь в глубокую, узкую балку, карабкаюсь на второй бугор, переваливаю железнодорожное полотно и, оставляя шлях Романовский—Лосев западнее себя версты на две, без дорог, по прошлогоднему жнивю, веду полк вдогонку красных, следуя в их параллельном движении.

Хорунжий Меремьянин, со своей 6-й сотней находившийся левее полка, самостоятельно снялся с позиции и бросился по самому шляху, по пятам красных. А когда полк вышел на последние бугры, вправо от себя увидел две роты красных, до 250 человек, которые, с пулеметами на тачанках, видимо, демонстрировали на станицу Кавказскую. Теперь они также отступали к хутору Лосеву. До Лосева было 12 верст.

Не останавливаясь и не замедляя аллюра рысью, на них была брошена правофланговая 1-я сотня умного и доблестного есаула Миняя Бобряшева.

Бобрятин с места перевел сотню в широкий намет и бросился вправо от полка на северо-восток, к этой, неожиданно для нас отступавшей группе красной пехоты.

Оставшиеся со мной четыре сотни, около 400 шашек и 8 пулеметов системы «Максим» на линейках, крупной рысью, молча, «в кулаке» шли прямо на север к Лосеву.

Бобрятин сокрушительным наскоком пленил полностью эти две роты, которые в своем походном порядке не успели открыть огня, но их пулеметы на тачанках, взяв лошадей «в кнуты», полным карьером бросились на север. Отдельные казаки сотни Бобрятина устремились за ними. Издали интересно было наблюдать эту дикую скачку по широкой степи. Казаки настигли и захватили все шесть тачанок с пулеметами, не дав уйти за речку Челбасы ни одному красному.

Полк был уже воодушевлен этим успехом, но тяжелый сап и фыркание лошадей говорили об усталости их и некотором выдыхании. Под ногами мокрый снег и грязь. Порою топкие места. Крупной рысью, и безостановочно, полк прошел уже 10 верст. Но нужно было торопиться, чтобы не допустить красных в Лосев, где их, через единственную узкую, низкую и длинную греблю, так хорошо знакомую мне, не достать. Хутор Лосев раскинут на северной стороне реки.

Два орудия красных, укрытых где-то за Челбасами к северо-западу, взяв полк «в вилку» издалека, тревожили его кроваво. Полк подходил к последним минутам победы или отхода назад при неудаче. Уже и моя сильная и прыткая кобылица требовала понукания каблуками. И уж если «сдавала» она, то я боялся за казачьих лошадей, ниже сортом и обремененных व्यюками.

Полк шел без дозоров. Впереди была равнина с перекатными балками южных полей, и каждый казак из строя все видел впереди и по сторонам от себя. Кругом было серое поле прошлогодней жнивы, покрытое легким мокрым снегом. Но вот полк выдвинулся после последнего переката к хутору, идущему с запада на восток, с понижением в нашу сторону от шляха и загнутому чуть к северу, как мы увидели западнее себя длинную черную кишку со многими подводами, спускающуюся вниз. Это грузно выползла из балки колонна пехоты красных. В своем параллельном движении, не видя, мы опередили ее. Она двигалась вперед, на север, чуть юго-западнее полка. До головы колонны было не больше полверсты.

От неожиданности такой близкой встречи полк как бы содрогнулся. Наш успех мог быть только от быстроты действий. Криком команды поворачиваю весь полк «взводами налево», чем образуется двухшереножный развернутый строй всех четырех сотен при мне, стоявших в затылок одна за другой.

— Шашки к бою-у!.. 5-я и 4-я сотни, в атаку, карьером — МАРШ-МАРШ! — выкрикнул немедленно, и сотни, размыкаясь на ходу в одну шеренгу, как стая голодных волков, с леденящим душу казачьим гиком бросились на красных, загибая свой правый фланг.

С 3-й и 2-й сотнями, развернутым строем в одну линию двухшереножного строя, последовал за ними в каких-нибудь 50 шагах дистанции. Красные бросились врассыпную. Пронеслись с визгом несколько снопов пуль над казаками; свалилось на землю несколько седоков и лошадей... еще момент... еще один миг — и сотни врезались в пехоту красных. Все как-то сразу, жутко стихло... То захлестнулся полк атакой и... кончил бой. Красноармейцы побросали винтовки на землю и подняли руки вверх. Десятка три подвод остановились и замерли на месте. Толпы красных солдат уже стонались казаками в кучу, чтобы оттеснить их от брошенных винтовок. И кругом на разгоряченных, взмыленных и фуркающих от усталости лошадях разъезжали задорные гиковые Лабинцы, присоединяясь к своим сотенным значкам с белыми конскими хвостами на них. Вдали, к северо-западу, полным карьером своих лошадей улепетывали до десятка комиссаров и командиров, бросивших своих солдат в бою...

— Спасибо, храбрые Лабинцы! — вдруг слышу я знакомый голос позади себя и, обернувшись, увидел генерала Науменко, который с начальником штаба и немногими ординарцами, как оказалось, скакал вслед за полком.

Разрозненные после атаки, не видя, кто это выкрикнул, казаки ответили:

— Рады стараться! — а кому, вначале и сами не знали.

Взволнованный и радостный, на разгоряченном коне, Науменко подсккал ко мне, благодарит за успех, быстро дает мне большой пропарусиненный конверт с Георгиевскими крестами для раздачи казакам и приказывает немедленно двигаться вперед и занять хутор Лосев. Начальник штаба полковник Егоров, как всегда, мило улыбается и молчит.

Крупной рысью под уклон все шесть сотен полка с присоединившимися 1-й и 6-й сотнями вошли в Лосев. Противника там не оказалось. Он был полностью пленен до хутора.

Генерал Науменко с пленными направился в станицу Кавказскую. Лабинцы так и не узнали, сколько и какие части красных они захватили.

1-я сотня есаула Бобряшева захватила 6 пулеметов, а здесь полк взял 12 пулеметов. Все они были на тачанках и с хорошей упряжью. Все они остались в полку и стали в строй своей пулеметной команды. Дерзко храбрый есаул Сапунов ликовал, имея у себя 26 боевых пулеметов. Ликовал и полк, было отчего ликовать!

Полк выстроен в резервную колонну на небольшой хуторской площади. Дождь, под ногами лошадей кубанская черноземная слякоть. Поблагодарив за победную атаку, приказал тут же и самим казакам, по взводам, выделить отличившихся казаков, которым выехать перед строем. Всех Георгиевских крестов оказалось 70, по 10 на каждую сотню и 10 пулеметной команде.

Казаки перед строем, в мокрых полушубках поверх черкесок. Вид не парадный, но внушительный. Все кресты без Георгиевских лент, почему, проезжая в седле с правого фланга, вручал каждому казаку в его собственные руки. Картина была хотя и не импозантная, но очень памятная.

(В 1956 году в г. Патерсоне, США, на Войсковом празднике ко мне подошел казак, представился по-воински и доложил, что он 1-го Лабинского полка. Я был ассистентом при Войсковых знаменах — в черкеске, в погонах, при шашке. Он полез в карман, достал свой кошелек, вынул из него Георгиевский крест и пояснил, что получил его из моих рук в Лосеве; хранил 40 лет и теперь просит достать для него Георгиевскую ленточку. Быль Славы молодецкого полка взволновала кровь. Ленточку я достал. Это был подхорунжий Михаил Григорьевич Енин, тогда молодой 20-летний казак.)

Разместив сотни скученно по квартирам, узнал, что в хуторе лежит больной тифом полковой адъютант, сотник Сережа Севостьянов — любимец всех офицеров за свой ум, обходительность и веселость. Со всеми офицерами иду к нему. Вошли в уютную небольшую квартиру. Он лежал в постели. Нас встретила высокая, стройная женщина, лет под тридцать, видная собой, смуглая и с тем приятным выражением лица, которое так свойственно многим казачкам Кубани.

Он сын урядника-старовера Конвоя Императора Александра III. Окончив военную службу пластуном на правах вольноопределяющегося 2-го разряда, стал хуторским учителем. Теперь он сотник. Старше меня на 5—6 лет. Еще в станичном двухклассном училище он был примером казакоманства. Его я не видел с 1909 года. Расцеловались. Офицеры смотрят на него влюбленными глазами. Он уж в периоде выздоровления, почему охотно рассказывает следующее.

Как только красные заняли хутор, к нему явился политический комиссар, который поведал, «что теперь в Красной армии порядок; произвола нет; в армии много старых офицеров; Красная армия несет мир и тишину; почему просит не волноваться, так как с ним никто ничего худого не сделает».

А потом, в этот день, был вновь тот же комиссар. Он провозил много их раненых, так как «напоролись утром на сильный пулеметный огонь

белых», — выразился он. Провели они и до сотни казаков, захваченных в плен на вокзале, в вагонах.

Комиссар настаивал ехать с ним и даже хотел силой увезти с собой, нельзя было оставлять офицера в хуторе, который, конечно, расскажет все своим казакам.

Севостьянов сильно перепугался; плач жены, а хуторские казачки, узнав об этом, окружили комиссара и, заявив ему, что они «не отдадут своего учителя!», спасли его.

— А в общем, братцы, если вы отступите, я тоже сегодня же уеду с вами к тестю, в станицу Казанскую, — закончил он.

Так оно и случилось: прибыл полковой ординарец из штаба корпуса с распоряжением от генерала Науменко: «С сумерками незаметно покинуть Лосев и вернуться в станицу Кавказскую». С полком ушел и Севостьянов со своей супругой.

В полночь полк подошел к станице. Идем без дозоров, так как они не нужны. У железнодорожного моста вдруг слышу окрик:

— Стой!.. Кто идет?

— 1-й Лабинский полк, — отвечаю с седла, вступив уже на мост.

Из канавы у моста, где проложена широкая цементная труба для стока дождевой воды, вдруг выскочили несколько фигур в больших папах, в шубах, с винтовками в руках и, быстро обступив мою кобылицу, заговорили:

— Федор Ваныч!.. Господин полковник!.. Федюшка — спаситель станицы!.. Мы вынесем Вам завтра станичный приговор!.. Ты же спас сиводня нашу родную станицу! — слышу сразу несколько голосов, и среди толпы старых бородатых казаков человек в 20—25 вижу друзей и сверстников нашего погибшего отца, а впереди всех урядники Михаил Иванович Татаринцев, Козьма Иванович Стуколов — баяны и трибуны казачества на станичных сборах.

— В чем дело, господа старики?.. Почему вы здесь? — спрашиваю их.

— Да мы застава, охраняем станицу, — заговорили, как всегда в толпе, многие.

— Никакого приговора мне не надо. Полк сделал то, что сделал каждый бы, — говорю им, сердешным нашим станичным величинам.

— Не-ет, Федор Ваныч!.. Мы постановим!.. Да, и ваапче, ежели б не Лабинцы — нынче же был бы каюк нашей станице! Разве мы этого не видим! — говорит высокий матерый урядник Татаринцев.

Диалог окончен. Я говорю им, что мы идем «последними» и после Лабинского полка уже никого нет позади «из белых», почему теперь им надо смотреть и охранять станицу внимательно.

Услышав это, они сразу же замолчали, безусловно почувствовав и поняв, что по отходе полка может быть что-то страшное.

Милые и дорогие, неискушенные, благообразные и благородные все эти наши «старики» — как глубоко я понимал их тогда! И жалел! Но их счастью и спокойствию в своей станице оставалось жить еще только 10 дней. Красные неизбежно должны были занять Кавказскую. И заняли ее. И в числе первых жертв станицы был 50-летний урядник Михаил Иванович Татаринцев, расстрелянный первым.

Все это было мною написано в мае 1941 года в Сайгоне, во французской тогда колонии Индокитай. Написано по памяти, не имея никаких письменных заметок и бумаг. В официальном сообщении номер 7, напечатанном типографским способом в те дни, помеченном 19 февраля 1920 года, станица Дмитриевская, и подписанном командиром корпуса генералом Науменко и начальником штаба полковником Егоровым, об этом дне сообщено так:

«16-го февраля 1920 года, на рассвете, пользуясь густым туманом, два полка 39-й стрелковой дивизии большевиков, с частью конницы и артиллерии, выдвинувшись из станицы Дмитриевской, атаковали хутор Романовский и станцию Кавказскую, причем им удалось захватить северную часть хут. Романовского и ворваться на несколько минут на станцию Кавказская. Выдвинутыми из станицы Кавказской конными частями корпуса, при содействии бронепоездов «Степной» и «Генерал Черняев», дальнейшее продвижение противника было приостановлено и он был оттеснен из хутора на северные высоты, а затем, когда к 11-ти часам утра рассеялся туман и ясно обозначилось расположение противника, направленное в охват полками, противник был опрокинут и начал отступление на хутор Лосевский. В то же время третий полк 39-й стрелковой дивизии, с конными разведчиками и артиллерией, подошел к станице Кавказской и атаковал ее, но огнем пластунов и гренадер полк был отброшен и начал спешно отступать к реке Челбасы.

Доблестные Лабинцы первого полка, под командой полковника Ф. Елисеева, направленные в разрез между двумя группами, нанесли вправо удар, захватив несколько десятков пленных и несколько пулеметов, а затем, повернув налево, отрезали отходившую большевистскую бригаду от ее отступления и, поддержанные огнем бронепоезда «Генерал Черняев», захватили целиком 343-й и 344-й советские полки со всеми их пулеметами и обозами».

В этом правдивом сообщении одно неверно: бронепоезд не мог видеть красных, когда они покинули северные высоты, так как хутор расположен в глубокой низине, как и не мог достать своим огнем красных, находившихся за 10 верст от хутора Романовского, где-то в степи, за многими перекатами. Но это есть мелочь. В остальном расхождение нет.

После Второй мировой войны в Париже, совершенно случайно, нашел и приказ Войскового Атамана генерала Букретова о событиях тех дней, который и помещаю:

«ПРИКАЗ

Кубанскому Казачьему Войску № 170

г. Екатеринодар. 20 февраля 1920 г.

Враг вошел в пределы Кубанского Края и уже заливает кровью наши родные станицы. Первый большевистский удар пришелся по станицам Кавказского Отдела, где в первые же дни было расстреляно около ста казаков.

В управление Кавказского Отдела стали стекаться казаки из занятых противником станиц и сообщать о творимых большевиками зверствах и насилиях. Рассказы живых свидетелей большевистского террора освежили отуманенные головы казаков этого Отдела, и они, раскаявшись, взялись за оружие. Результат этого сказался немедленно.

16-го февраля Кавказцы и Лабинцы наголову разбили под станицей Кавказской бригаду 39-й советской дивизии, причем 343-й и 344-й советские полки взяли целиком в плен, а 345-й полк почти весь уничтожен. Захватили свыше 600 пленных, 5 орудий, 20 пулеметов, много винтовок и обозов.

Объявляю доблестным Кавказцам и лихим Лабинцам свое Атаманское спасибо. Да послужат славные действия Кавказцев и Лабинцев примером для Вольной Кубани.

Войсковой Атаман,
Генерального штаба генерал-майор *Букретов*⁷⁷.

В этом приказе не все верно. Все это сделал только один 1-й Лабинский полк, и Кавказцы в атаке не участвовали, как и не участвовал ни один полк корпуса. Красные полки положили оружие, и ни один красноармеец не был зарублен казаками. Где и кем были захвачены орудия, мне неизвестно. На второй день генерал Науменко мне говорил, что полком было захвачено 1500 пленных, с начальником дивизии, бывшим капитаном Генерального штаба — латышом⁷⁸.

ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ

Положение на фронте в начале февраля

Неудачная операция Донской конной группы генерала Павлова⁷⁹ под Торговой 5 и 6 февраля 1920 года против 1-й Конной армии Буденного, поражение пластунов 1-го Кубанского корпуса 8 и 9 февраля под Песчанокосопской и Белой Глиной, а главное — трагическая гибель всего штаба этого корпуса во главе с командиром, генералом Крыжановским, произвели тяжкое впечатление на войска этого участка фронта.

Наш 2-й Кубанский конный корпус генерала Науменко, находясь 9 февраля в селении Красная Поляна Ставропольской губернии, оказался изолированным и вынужден был к поспешному отступлению на юго-запад под давлением красных: 32-й стрелковой дивизии с фронта, 39-й стрелковой дивизии — угрозы правому флангу корпуса и удара с севера Отдельной кавалерийской бригады Курьшко.

В Красной армии кавалерийские бригады были трехполкового состава. В Кубанском Войске они оставались, как и раньше, двухполкового состава.

Описание этих двух трагических операций, Донской конной группы генерала Павлова и 1-го Кубанского корпуса генерала Крыжановского, помещено очень подробно в трех книгах⁸⁰. Несмотря на политическую разность авторов этих трех книг, картина описания боевых действий не идет в похвалу командирам казачьих корпусов; особенно ярко высказался о причинах этих неудач участник боев, командир 14-й Донской отдельной бригады генерал-майор Голубинцев⁸¹, не пожалевший для этого красок.

Как описано мною выше, 2-й Кубанский корпус после незначительного боя западнее села Красная Поляна, оторвавшись от противника, в два перехода через станицы Успенскую и Дмитриевскую 11 февраля вошел в станицу Кавказскую и всеми восемью полками расположился по квартирам.

Об этих днях генерал Деникин пишет: «Кубанская армия расплылась. К 10-му февраля разрозненные остатки Кубанской армии сосредоточились в трех группах —

1. В районе Тихорецкой 600 бойцов,
2. В районе Кавказской 700 и
3. Небольшой отряд генерала Бабиева прикрывал еще Ставрополь»⁸².

Эти сведения главнокомандующего генерала Деникина не точны. В «Трагедии Казачества» сказано: «Группа войск генерала Шифнер-Маркевича⁸³, получившая название 1-го Кубанского корпуса, имея 1000 пластунов в районе Тихорецкой и Терновской станиц и 600 пластунов на

станции Тихорецкой, успешно защищала район узловой станции Тихорецкой»⁸⁴.

В нашем 2-м Кубанском корпусе только одна Лабинская бригада имела в строю 950 шашек, не считая пулеметных команд, и сохранила полностью свою боевую стойкость. В остальных шести полках корпуса было до 1000 шашек.

Под Ставрополем действовал 4-й Кубанский конный корпус Писарева⁸⁵, в который входили: 3-я Кубанская казачья дивизия генерала Бабиева, Черкесская конная дивизия генерала Султан Келеч-Гирея⁸⁶ и остатки Астраханской казачьей дивизии.

Для точности сообщается, что дивизия генерала Бабиева состояла из четырех полков: 1) Корниловского конного полка — войскового старшины Владимира Безладнова⁸⁷; 2) 2-го Сводно-Кубанского полка — полковника Игната Лиманского⁸⁸; 3) 1-го Хоперского полка — полковника Михаила Соламахина⁸⁹; 4) 2-го Хоперского полка (командира не знаю. — Ф. Е.) и 5) Волчьего дивизиона имени генерала Шкуро — есаула Колкова⁹⁰.

Кроме этих частей Кубанской армии, в составе Донской армии действовал 3-й Кубанский корпус генерала Топоркова, но из каких полков он состоял — нигде не указано. Как нигде не указано и не написано — куда входили тогда следующие полки Войска: 1-й и 2-й Запорожские, 1-й и 2-й Уманские, 1-й и 2-й Полтавские, 1-й и 2-й Таманские, 1-й и 2-й Екатеринодарские и 1-й и 2-й Линейные. Нигде также не написано, в какие дивизии они входили и кто командовал этими полками и дивизиями⁹¹.

2-й Кубанский конный корпус, расположившись в станице Кавказской, имел восточнее себя 4-й Кубанский конный корпус в Ставропольском районе, до которого было свыше 120 верст по железной дороге. На северо-северо-запад от себя, до станции Тихорецкая, до войск генерала Шифнер-Маркевича, имел 60 верст расстояния. Кроме телефонной и телеграфной связи, живой связи между нами не было из-за дальности расстояний.

Штаб Кубанской армии генерала Шкуро находился в вагонах на станции Усть-Лабинская, то есть в 80 верстах по грунтовой дороге до станции Тихорецкая, в 80 верстах от станции Кавказская (хутор Романовский) и в 200 верстах по железной дороге до Ставрополя, где действовал 4-й Кубанский конный корпус.

Прикидывая эти расстояния, трудно представить реальное и полезное управление в боях своими, широко по фронту разбросанными корпусами из штаба Кубанской армии, так поздно сформированной, оформленной.

Генерал Деникин в своих описаниях не жалуется кубанских казаков тех месяцев упадка духа всего воинства, словно от Кубанского Войска зависело спасение всей России. Им же назначенный командующим Кубанской армией генерал Шкуро был смещен, а назначен генерал Улагай⁹². В приказе говорится:

«По Казачьим Войскам: назначается состоящий в резерве при штабе Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России генерал-лейтенант Улагай — Командующим Кубанской армией. Командующий Кубанской армией генерал-лейтенант Шкуро откомандировывается в мое распоряжение с сохранением содержания по последней должности»⁹³.

Сам генерал Деникин об этом пишет: «Шкуро был вскоре сменен генералом Улагаем, доблестным воином, чуждым политике и безупречном человеком, но — и его никто не слушал»⁹⁴. От себя добавим: тогда многие старшие не слушались своих начальников, не только рядовые воины.

В Кавказской. 6-я сотня

Оторвавшись от противника и расположившись широко по квартирам, полки корпуса спокойно отдыхали ровно 4 дня. В эти дни усиленно работало управление Кавказского отдела и штаб нашего корпуса по приведению в порядок пластунов и Кавказских полков — 1-го и 2-го.

За успешность работы исполнявший должность Атамана Кавказского отдела войсковой старшина И.И. Забей-Ворота был произведен в чин полковника, несомненно, по ходатайству командира корпуса генерала Науменко.

Были и еще отрадные явления.

1. Через 3 дня в станицу вернулся разъезд хорунжего Михаила Копанева, посланный мною еще из Красной Поляны на северо-запад для связи с частями 1-го Кубанского корпуса, который считался «погибшим», так как корпус безостановочно отходил все 3 дня до Кавказской.

2. На усиление корпуса в станицу прибыли 4-й Лабинский и 4-й Линеинный полки, но незначительного состава.

3. В 1-й Лабинский полк прибыло пополнение конных казаков, числом свыше 120 человек.

4. По Красной улице, с молодецкими солдатскими песнями «в ногу», вошел гренадерский батальон до 150 человек. «Батальон чести» назывался он, так как был составлен из солдат, бывших во Франции и недавно вернувшихся на Родину через Новороссийск. Видом они были молодецкие, просто brave. Желтые погоны на шинелях, желтые околыши на фуражках и петлицы их мундиров радовали глаз обывателя.

Несмотря на грязь и слякоть, они шли бодрым шагом, весело и игриво, с залихватскими своими песнями, видимо давно и долго знакомыми им и любимыми ими. Своим видом они хотели, думаю, щегольнуть перед казаками.

В эти дни станица Кавказская была переполнена казаками. Жизнь бурлила так, словно красных и не было «у порога». Исправно работала отдельская военно-ремесленная школа, начальником которой состоял старый полковник Каменский. Генерал Науменко сделал ему визит со мною и получил от него в подарок плеть работы его казаков.

Такая тихая жизнь в станице шла до 16 февраля, когда красными была сделана демонстрация на станицу, а хутор Романовский заняла бригада 39-й стрелковой красной дивизии, о чем описано выше.

На второй день, 17 февраля, жители станицы ликовали. 1-й Лабинский полк — спаситель от красного нашествия — спрягался ими всеми похвальными терминами. Тротуар Красной улицы против штаба корпуса был заполнен пленными красноармейцами, как наглядный пример доблести Лабинцев. После обеда верхом еду в расположение полка, чтобы осмотреть все упряжки новых 18 пулеметов, захваченных вчера у красных. На широкой улице-площади, недалеко от войсковой больницы, у двора старика Осипа Белоусова, вижу большой гурт казаков, поющих песни.

— 6-я сотня!.. СМИР-НО-О! — слышу команду и вижу выскочившего вперед хорунжего Меремьянина.

— Здорово, молодецкая 6-я! — подъехав рысью, произношу им.

— Здрав-вия жел-лаем, господин полковник! — ответило около ста голосов, сильных и возбужденных событиями, гордых и достойных, с полным сознанием своего молодечества и безудержным желанием воевать для защиты своей Кубани-Матери.

— Что делаете? — спрашиваю молодецкого, очень стройного блондина с веснушками и очень приятного на вид хорунжего Меремьянина, которому было, думаю, не свыше 22 лет от роду.

— От нечего делать — поем песни и танцуем, господин полковник! — весело отвечает он.

Такой ответ командира сотни, видимо, очень понравился его казакам. Они с доброй улыбкой смотрят на меня и ждут чего-то. Казаки все с обветренными лицами и очень солидные в летах. И их командир сотни против них кажется совершенным мальчиком.

— Из каких станиц состоит Ваша сотня? — спрашиваю Меремьянина.

— Да все они, господин полковник, мои станичники из Константиновской.

Меня это очень заинтересовало.

— Слушаются ли они Вас? — нарочно спрашиваю его.

Беленький, чистенький, краснощекий, хорунжий еще больше краснеет в лице и с улыбкой отвечает:

— Так точно, господин полковник, — поняв мою шутку.

— Господин полковник!.. Мы все — вся сотня одной станицы, и мы сами за этим следим. И пусть попробует кто послушаться нашего хорунжего! — вдруг говорит мне очень чистый лицом, с усами и бритой головой, нарядный казак лет 36, стоявший рядом с хорунжим Меремьяниным.

Я понял, что это был взводный урядник, а может быть, и вахмистр сотни. А он, словно желая подчеркнуть свой вес в сотне, продолжал:

— Хорунжий — он наш. Да, нас, Меремьяниных, здесь почти целая полусотня. И все родня. А я — его родной дядя. Вахмистр и взводные — все станичники.

Я вижу, что после этих слов, видимо, самого вахмистра сотни расспрашивать «о состоянии сотни» дальше не следует.

— Ну, так тогда отшкварте мне свою лабинскую лезгинку, — весело говорю.

— Слушаюсь, господин полковник! — отвечает хорунжий Меремьянин, и, забыв, что тут стоит «его родной дядя», он уже командует: — Ну-ка!.. Круг!.. И начинай!

И казаки запели протяжно «Горе нам, Фези к нам, с войском стремится», и, когда дошли до «дэл-ла», командир сотни хорунжий Меремьянин сам «первым» понесся в лезгинке.

— Довольно, братцы!.. Молодцы!.. Больше слов для Вас не нахожу. Спасибо за все! Но я должен посмотреть и другие сотни, — весело бросаю в их широкий круг и, нажав на тебеньки седла, широкой рысью отошел от этой оригинальной и прекрасной сотни константиновцев.

Я въехал в свою старую улицу, где родился, жил и учился до 16 лет. Но как она теперь узка, крива и буднична. А когда-то казалась мне, в детстве, «лучшей из всех улиц станицы».

Судьбе было угодно, чтобы последние дни трагедии Кубани я провел в своей родной станице в 1920 году.

Судьбе было угодно, чтобы в те дни я встретил в своей станице очень многих дорогих своих станичников, от млада до старшего, которых, видимо, не увижу никогда.

Судьбе было угодно, чтобы эти памятные дни я провел в доме своего отца, в кругу своей семьи, которых уже не увижу н и к о г д а.

Все погибли. Рухнул и отцовский дом. Кругом пустырь, духовный пустырь, который мраком черной грусти порою преследует меня во сне.

Когда любимое существо умирает «за глаза», его очень жаль. Но когда то же любимое существо умирает на твоих глазах, да еще трагически, жалость эта не з а б ы в а е м а. Вот почему и рисуются многие картины, как исповедь человеческой души, как глубочайшая трагедия, которая не з а б ы в а е м а.

Войсковая история должна знать не только боевые дела храбрых полков и доблестных своих сынов, но должна знать казачество тогдашнего исключительного времени, которое не повторится н и к о г д а.

В дни поражений, в месяцы падения духа всех Белых армий начала 1920 года 1-й Лабинский полк проявил исключительную боевую стойкость, воинскую преданность и послушание, которые, как их командир, должен засвидетельствовать.

Не сомневаюсь, что были и другие полки, равные храбрым Лабинцам, но — для войсковой истории — пусть о них напишут их офицеры и командиры.

Итак, я въехал на свою старую улицу, на западной окраине станицы, где родился.

Было послеобеденное время. Снегу было мало, слегка морозно. Стояло теплящееся весеннее солнышко перед Масленицей, почему, «от нечего делать», народ был на улице, на бревнах и завалинках возле своих дворов. А может быть, это был праздничный день?

Я въехал в родную улицу, и она взбудоражилась. Должен подчеркнуть, что эта часть станицы называлась «Хохловка», так как она была населена после Севастопольской кампании 1854—1855 годов малороссийскими казаками. Вот их фамилии в порядке дворов: Недай-Каши, Бондаренко, Романенко, Рябченко, Горошко, Крупа, Белич, Ляшенко, Переяславец, Джено, Морозко, Опас, Диденко, Стабровский, Шокол, Лала, Торгаш, Писаренко, Друзенко, Катенятка, Сабельник. Семьи разрослись, и однофамильцев уже было несколько дворов. И среди них только две фамилии «старожилов» из донских казаков, к которым принадлежала и наша семья деда, переселившись сюда после пожара станицы. Прадед же, Фома Иванович Елисеев (по-станичному «Алисеев»), имел большое подворье у станичных укрепленных ворот времен Кавказской войны, которое и сгорело. В семье та улица называлась «наша старая», идущая параллельно с Красной улицей.

Из отцов малороссийских казаков я застал уже взрослым мальчиком только Романенко и Горошко, как и постройки «их хат» глубоко во дворе. Они говорили старинным шевченковским языком, так как иного не знали. Но их дети, сверстники нашего отца и старше его, уже говорили донским наречием первых поселенцев здесь. И — начались встречи.

Вот братья Романенко и Рябченко. Из 1-го Кавказского полка, из Мерва и Кушки, они пришли на льготу, когда я был учеником двухклассного училища. Все были brave казаки, лихачи. Теперь все четверо уже бородастые казаки, а их жены, тогда слегка фривольные казачки в отсутствие своих мужей на действительной службе далеко «в Закаспии», теперь уже скромные пожилые женщины. Сыновья их, тогда подростки, теперь находятся в строю 1-го Кавказского полка. Так прошло незаметно время.

Многочисленное, хозяйственное и очень трудолюбивое семейство Горошко, увидев меня, валом валит к моему седлу. Они были непосредственными соседями слева. Я с любопытством рассматриваю взрослых мальчиков Горошко, совершенно неведомых мне. Их мать, кума нашей матери, заметив это, поясняет с некоторым украинским акцентом:

— А оцэй — сверстник Вашему Васе, а оцэей — Мише.

Я смотрю на них, на мальчиков лет 16 и 14, и мне стало так тяжело на душе и грустно. Значит, и мои меньшие братья, Вася и Миша, умершие в младенчестве, были бы такими большими? И как отец гордился тогда, говоря при случае: «У меня пять сыновей!.. Да я — это ведь шесть паев земли 48 десятин! Вот тогда я начну богатеть!..» И не дождался этого наш дорогой отец.

Работая в степи, мать выкупала их теплой водой, но дохнул ветерок, они простудились и умерли. Нас осталось только трое. Все стали офицерами, за что красные и расстреляли отца после восстания в марте 1918 года.

— Здравия желаю, господин полковник! — слышу знакомый голос позади себя.

Оборачиваюсь и вижу друга детства, самого близкого и дорогого мне, их второго сына Алексея.

— Алексей?! Здравствуй, дорогой!.. Жив, здоров? — восклицаю.

— До-ома, — протянул он.

Он меня видит в чине полковника впервые. С 1912 года он в 1-м Кавказском полку, в Мерве. Отличный казак, отличный у него конь, но он малограмотный, почему и не попал в учебную команду. Но как отличного казака и на отличной лошади — полк командировал его в бригадную пулеметную команду в Асхабад, где находилась эта команда при 1-м Таманском полку. Всю войну на Турецком фронте провел пулеметчиком. Видел его, как на карьере, с пулеметом системы «Максим» на вьюке, они выскочили по камням на возвышенность, мигом сорвали пулемет с вьючного седла и немедленно открыли огонь против турецкой пехоты. В Кавказском восстании был самым надежным пулеметчиком у брата. Нас разбили. С тех пор я его не видел. Вот почему и приятна была встреча.

— Федор Ваныч! — обращается он ко мне уже по-станичному. — У Вас в полку много пулеметов, отбитых вчера у красных. Позвольте мне и Ивану Коробченку поступить в Ваш полк пулеметчиками. Вы же знаете, что мы старые пулеметчики еще с Турецкого фронта.

— Канешна, канешна, — отвечаю ему. — Явитесь к начальнику команды есаулу Сапунову и доложите, что я согласен.

— Да мы уже были у него. Он и сам рад, когда узнал, что мы старые пулеметчики. К тому же мы вступим на своей линейке и со своей упряжкой, только дайте нам один пулемет, — докладывает он.

Дорогое наше казачество!.. Всегда и всюду мой поклон тебе до земли за твою жертвенность.

Семья Горошко зовет меня войти в дом отведать хлеба-соли. Говорю, что это невозможно.

— Да хуть посмотреть «святой угол», Федор Ваныч, — упрашивают они.

Но я отлично знаю, что значит «посмотреть святой угол». Легко войти в дом, а там уже «заматаются» бабы-снохи у печи, побегут в погреб — и хочешь не хочешь, садись за стол, ешь, пей, и скоро уйти уже нельзя будет.

Доказал и рысью двинулся дальше вдоль улицы. А у ворот стоит наш сосед «напротив», маленький, рыженький Иван Крупа. Он окончил действительную службу также давно, когда я был мальчиком. Ему теперь свыше 40 лет. Он такой же маленький, но с рыжей небольшой бородой. Увидев меня, вышел на середину улицы, расставил руки в стороны, загородил мне дорогу и все тем же мягким голосом заговорил:

— Федор Ваныч, здравия желаю, Федор Ваныч, господин полковник! Как приятно, как радостно Вас видеть! Заезжайте, заезжайте к нам во двор, — и взял мою кобылу под уздцы, словно боясь, что я проеду дальше.

— Здравствуйте, Иван Романович, — вторю ему. — Очень приятно повидать близкого соседа, но заехать не могу, некогда.

— Ды как же эта так?.. Ну, хуть на минутку, я сейчас скажу жене, и она приготовит что-нибудь.

Отказываюсь и здесь, но спрашиваю:

— Как жена, как дочка Галина?

Оказывается, не только что их единственная дочка Галина, подросток тогда, но и все ее сверстницы — Фекла Рябченко, Апросья Горошко, Марина Епиха, Дуняшка Белич — не только что все вышли давно замуж, но уже и имеют детей. Все это было так странно знать, так как сам был еще холост, и мне думалось, что в этом холостяцком положении остановился и весь мир.

Правее меня стоит наше старое подворье, которое отец продал в 1907 году и купил новое на Красной улице. Я давно хочу посмотреть на него, и Иван Романович Крупа меня понял.

— Хотите посмотреть на свою родину? — спрашивает он, и я с ним поворачиваю на север.

Из всех отцовских построек остались лишь кухня с летним сараем вдоль улицы да колодезь во дворе. Все остальное абсолютно новое, чуждое и ничего не говорит моему сердцу. Нет и нашего роскошного фруктового сада. Он весь выкорчеван и превращен в огород. Хотя выкорчеваны все сады и у соседей, и позади построек — голое поле у всех. Зады двух улиц спускались в балку, по которой тянулась широкая и глубокая канава для стока воды в станичный став. Эти зады были заросшие акациями, бузиной, крапивой и разным бурьяном, куда нам, детям, страшно было ходить, так как там должны водиться волки, ведьмы и другие разные чудовища. Переселившись на Кубань из Украины, жители перенесли сюда и все украинские поверья. Вера в леших, домовых, в ведьм и русалок наполняла наше детство. И вот эти бывшие заросшие «зады» дворов теперь полностью очищены и потеряли свою прелесть, как и все страшные поверья. Такая жалость. Словно вырвали из груди часть моей жизни.

«Ведьма». В пулеметной команде. Станичники

От Крупы я еду к полковнику Булавинову, в штаб своего полка, который помещается в очень богатом доме вдовы Белич, наших соседей справа. Наша семья не особенно дружила с косоногим стариком Беличем, сверстником нашего деда Гавриила Фомича. Уж больно он был лют ко всем людям. Овдовев, он женился на молодой вдове с детьми. От нового брака появились новые дети. Вторая жена годилась ему в дочери. У нее было что-то цыганское. Жила замкнуто. О ней соседки говорили, что она «тоже ведьма», но пока молода, еще ничего, а когда постареет, будет настоящая ведьма. Но она и теперь иногда выходит по ночам доить чужих коров, хотя у них и своих много. Слушая, мы, дети, верили этому и сторонились ее. А в ее тихой поступи, словно крадучись, мы видели настоящий «признак ведьмы». И не без смущения я вошел в дом вдовы Белича (старик давно умер), не видя его хозяйшки 13 лет.

Полковник Булавинов встретил меня очень внимательно. Он был приятный человек в жизни. Я быстро осмотрел залу, где он помещался, мне хорошо знакомую, и нашел, что ничего не переменялось в этом большом доме.

— Ну, как хозяйushка? — спрашиваю его затаенно, ожидая от него соответствующего ответа, что у нее что-то «от ведьмы».

— Очень хорошая женщина, так внимательна ко мне. Всего вдоволь, накормила, — отвечает он. И добавляет: — Да, оказывается, Федор Иванович, Вы были их ближайшими соседями? Она так много расспрашивала о всем Вашем семействе и прямо-таки не верит, что вот «Федя командует нашим полком». Давно ли он был мальчиком? — говорит она.

Мы с Булавиновым улыбаемся на это, и я иду поздороваться с нею. Через знакомую столовую и спальню, окном в наш бывший двор, иду на кухню. Увидев меня, навстречу поднялась она, «ведьма».

Боже!.. Какие у нее добрые и красивые глаза! Она очень печальная, но, увидев меня, глаза ее так мило, так ясно проявились. Ей, как и нашей матери, под 50 лет, но она мельче ростом, почему кажется свежее.

— Здравствуйте, тетенька, — говорю ласково ей, обнимаю и целую в губы (в станице целуют только в губы).

— Федюшка-а, да какой же ты ста-ал?! А я все не верила — неужели это ты, полка командир? И все расспрашивала нашего квартиранта, полковника, уж не ошибается ли он? И вот — правда. Ну, чем же тебя потчевать? Все ведь у нас есть, — говорит-причитает она ласково.

Я отказываюсь и здесь. К тому же мне стыдно стало, что так несправедливо говорили и внушали нам, что «Белиха — ведьма». Вижу мальчика лет четырнадцати.

— А это наш Трофимка, што сверстник Вашему Мише. Мы с Петровнушкой, Вашей матерью, Федор Иванович, вместе тада (тогда) рожали, — поясняет она.

Слыша это — скорбь обуяла мою душу по умершим младшим братьям.

Во дворе вдовы Белич, с Булавиновым и есаулом Сапуновым, мы осматриваем свою полковую пулеметную команду в 22 пулемета системы «Максим» на линейках. 4 пулемета из 18, захваченных вчера у красных, генерал Науменко просил дать в какой-то другой полк. Команда получается очень сильная, но есть захудалые лошади в упряжке. Сапунов, фанатик-пулеметчик из урядников мирного времени, просит меня воздействовать на своих станичников «обменять некоторых лошадей, может быть, с додачей денег». Я отлично знаю, что «менять лошадей у казаков» — операция совершенно невозможная. Кубань — это не Ставропольская или какая другая русская губерния, где это можно было делать «в порядке победителей». А пока мы находились во дворе, у ворот Белич собралась толпа людей. Весть о том, что приехал сюда сам

командир полка «Федя Алисеев», как нас называли в станице, быстро стала известна всем.

Ну кому не хотелось повидать его, родного и близкого им человека, теперь полковника и «полка командира» по-станичному, которого все знали с пеленок! И я вышел к ним с Булавиновым и Сапуновым.

— Здравия желаем, Федор Ваньч, — прогудела толпа, и многие потянулись руками к папахам в знак приветствия.

Тут были и те, коих я уже проехал раньше. Впереди стояли «старики», сверстники нашего отца, то есть мужи в 50, старше и младше лет. Я всем жму руки и каждому стараюсь сказать ласковое слово. Все ведь знают и меня, и всю нашу семью насквозь. Здесь уже нельзя показать себя не только что «командиром полка», но и начальником. Станичный был осудит это.

На мое обращение к ним помочь обменять лошадей многие немедленно согласились. По вчерашнему бою у хутора Лосева 1-й Лабинский полк засиял в их сердцах, как героический полк.

Стоявший позади всех дяденька Переяславцев, образцовый хозяин, глава многочисленной семьи, старший сын у которого вернулся со службы приказным, вместе с Иваном Крупой, молча пошел к себе во двор, вывел в поводу двух сытых лошадей из шести, подвел ко мне и говорит:

— Федор Ваньч, Вы знаете, как я люблю лошадей и что у меня никогда не было ни плохих, ни худых. Для родной казачьей армии, для полка, для Вас, ради Вашего покойного папы, которого мы все так любили и уважали, вот Вам пара моих лошадей бесплатно!

— Господин полковник, так позвольте же нам троим поступить в вашу пулеметную команду, — опять спрашивает меня Алексей Горошко, друг детства.

— Кто же это трое? — улыбаясь, спрашиваю его.

— Да вот я, Иван Коробченко и дядя гвардеец Протопопов. У нас своя линейка с упряжкой, а дяденька Протопопов верхом на своем коне.

Протопопов, урядник Конвоя Его Величества, пришел на льготу из Петербурга давно, когда мы были с Алексеем мальчиками. Высокий, стройный брюнет с густой черной окладистой бородой теперь. Здорово они кутили тогда, сверстники братья Рябченко, Романенко, Крупа и другие, по его прибытии. А он, крупный и красивый, в красном «шалоновом» бешмете гвардейца, красный от вина, не раз затягивал любимую песню в станице:

Я рожден для службы Царской,
И люблю кровавый бой.

Кутили они во дворе, и мы, мальчишки, воспитанные в духе необходимой казачьей царской службы, влюбленно смотрели на них в щелки забора. С тех пор я его не видел.

— Разве Вы, дяденька Протопопов, подлежите мобилизации? — спрашиваю я гвардейского урядника, стоявшего скромно в толпе.

— Да нет, господин полковник, — отвечает он, — но я не хочу мириться с большевиками.

Эта тройка пулеметчиков в строю была самой нарядной и лучшей. Фанатичный пулеметчик, есаул Сапунов, был от нее в восторге.

Все ликовали, и все думали: «Теперь большевикам несдобровать». И мое посещение полка вылилось в местный патриотический подъем населения. Ощущать все это мне было радостно, хотя я и знал, что станицу свою мы все же оставим.

Под возгласы толпы, под махание папахами, под счастливые слезы казачек, не желая томить душу себе и им, широким наметом оторвался от них дальше на запад станицы, чтобы домой вернуться по параллельной Сабельниковой улице.

— Федор Ваныч, загляните к нам, — просит меня мой новый вестовой-станичник, штаб-трубач Василий Диденко, до дома которого было саженой сто.

— Поезжай, Василий, сам отдохни, а к вечеру прибудешь ко мне, — ответил ему и сам широкой рысью двинулся теперь на восток, домой, по другой улице.

И здесь было все мне знакомо с детства. Два двора Друзенко, два двора Катинятка, два двора Сабельниковых, вот двухэтажная Войсковая больница, дом полковника Грамотина, дом хорунжего Мачнева, который был ранен при гибели Императора Александра II, сидя на козлах рядом с кучером, тогда будучи урядником. Получив чин хорунжего и какое-то денежное вознаграждение, сам он, казак станицы Ильинской, переселился в нашу станицу, купил богатый кирпичный дом и жил замкнуто «баринном»⁹⁵.

Чтобы оторваться от приятных, так острых, так волнующих воспоминаний своего далекого и невозвратного милого детства, через площадь перевел свою застоявшуюся кобылицу в широкий намет, вдохнул в себя воздух и под мелкий дождик навстречу мне остановил ее только у своего дома.

Прощай! Прощай, не только невозвратное детство, но и те казачьи семьи, с которыми я только что говорил и которых уже больше никогда не увидел.

Тогда я не представлял, что в эти дни трагически переворачивалась одна из страниц многовековой казачьей жизни, оригинального и интересного организма в Российском государстве.

Набег красных на станицу Темижбекскую

Утром 18 февраля в Кавказской неожиданно появились беженцы и вооруженные казаки станицы Темижбекской, во главе с атаманом-вахмистром. Оказалось — красные атаковали Темижбекскую со стороны станицы Расшеватской. Это было полной неожиданностью.

Для ликвидации этого продвижения красных немедленно были брошены Партизанские отряды есаула Польского и сотника Жукова, а в поддержку им — 1-й Лабинский полк. Красные были уже на полпути к станице Кавказской. Их конница была быстро сбита и бросилась назад — часть в Темижбекскую, а главная масса прямо на север. Это была, думаю, глубокая разведка.

Партизанские отряды с молодецким задором устремились на Темижбекскую и заняли ее, а Лабинцы гнали красных 12 верст на север и отбросили их за реку Челбасы, в направлении станицы Дмитриевской. Боя красная конница не дала, но скачка по снежному полю обеих сторон была красочная.

Выполнив задачу, 1-й Лабинский полк возвращался в Кавказскую. Настроение было отличное. Чтобы дать казакам почувствовать силу своего полка, построил его в резервную колонну с пулеметной командой посередине строя; темной массой конницы по широкому, ровному белому полю шел в Кавказскую. Эта масса конницы до 700 шашек в сотнях и 22 пулемета на линейках при своих номерах, конечно, представляла прочную силу. И ее надо было психологически показать казакам в резервной колонне, но не в растянутой на целую версту «в колонне по три». К тому же полк шел без дороги, по заледелому снегу «толоки» (непаханое поле).

Казакам разрешено было курить и негромко разговаривать в строю, что всегда очень нравилось рядовому казачеству. Но все офицеры — на своих местах, так как неожиданности могли быть всегда.

В таком положении строя, не доходя, может быть, одной версты до железнодорожного переезда Ставрополь—Кавказская, полк увидел своего командира корпуса генерала Науменко, рысью идущего навстречу полку с несколькими ординарцами. Это было неожиданно. Остановив полк и скомандовав только: «Смирно-о!.. Господа оф-фицеры! (без обнажения шашек)», — подскакал к нему и доложил о выполненной задаче.

Генерал Науменко в хорошем настроении. Он дает мне небольшой кулек Георгиевских крестов для казаков, дает копию телеграммы Войскового Атамана генерала Букретова для прочтения перед строем, благодарит полк за воинскую стойкость и рысью возвращается в Кавказскую.

Здесь я должен поместить некоторый частный штрих. Передавая копию телеграммы Атамана Букретова, генерал Науменко, как бы вскользь, предложил мне лично донести председателю Краевой Рады о стойкости и вчерашней успешной атаке 1-го Лабинского полка, чем фиксировалось бы боевое состояние частей корпуса. Не вдаваясь в рассуждение тогда, и по моменту, и по молодости своих лет, я телеграммы не послал и вообще совершенно не принял во внимание слова его. И уже потом, за границей, и из разговоров, и из казачьей печати узнал, что у генерала Науменко как Походного Атамана были разногласия с Радой, и он должен был оставить свой пост. И теперь в печати указывается, что тогда, под Кавказской, 2-й Кубанский конный корпус, которым командовал генерал Науменко, якобы «разложился». Конечно, это было не так. И если в станице Дмитриевской 10 февраля «дрогнули» некоторые полки корпуса, то в эти дни пребывания их в Кавказской корпус был в достойном порядке тех дней «общего упадка духа» всех армий генерала Деникина.

Телеграмма Атамана была прочтена перед полком, но — в степи, в холоде, с утра ничего не евшим и казакам, и офицерам — всем она была малоинтересна по тому моменту. Да и все ли казаки в строю слышали мои слова? Да и воевали, сражались тогда казаки против красных не из-за похвалы, а из-за жизненной необходимости.

Сам я содержание телеграммы забыл, недавно нашел и обратил на нее внимание. Вот она: «Лихие действия Лабинцев и Кавказцев, конных и пластунов, 16-го февраля при отбитии наступления красных на станицу Кавказскую и хутор Романовский, где доблестные Лабинцы и Кавказцы совершенно разгромили красных, взяли целиком в плен 443-й и 444-й советские полки в составе 600 человек и 8 пулеметов — заставили биться сердца всех Кубанцев, честно любящих свой Край.

Объявите мое Атаманское спасибо славным сынам родной нашей Кубани — непобедимым Лабинцам и Кавказцам, перед доблестью которых будет преклоняться все население Кубанского Края»⁹⁶.

В телеграмме Атамана Букретова и в приказе⁹⁷ по Войску от 20 февраля есть разночтения. В телеграмме указывается, что захвачено 8 пулеметов, тогда как полком было захвачено 18 пулеметов, которые в тот же день остались при полку. Они были на тачанках и с полной упряжкой. В приказе же указано, что захвачено 20 пулеметов и 5 орудий.

Опередив колонну красных, выползавшую из-за переката, 1-й Лабинский полк атаковал ее в лоб. Короткое ружейно-огневое сопротивление — и красноармейцы побросали оружие и сдались. Подскакавший генерал Науменко немедленно бросил полк на север, чтобы занять хутор Лосев, поэтому полк не мог знать ни численности сдав-

шихся, ни того, из чего состоял их обоз, приблизительно в 30 упряжек. Возможно, там были орудия с зарядными ящиками и патронными дукоками.

Удивительно и то, что в двух полках пехоты у красных оказалось только 600 штыков, то есть по 300 человек в полку.

Указано, что «445-й полк почти весь унижтожен», чего в действительности не было.

Если полки имели по 300 штыков, то 445-й полк должен быть тот, который был полностью захвачен 1-й сотней есаула Миная Бобряшева, отступавший от станицы Кавказской на северо-запад по шляху к Лосеву, видимо, для присоединения к своим главным силам. Он отходил двумя группами и на глаз, издали, на ровной местности, определялся приблизительно в 250 штыков.

Много конных атак совершили кубанские полки на пехоту красных. И кто в них участвовал, тот знает, что пехота, отстреливаясь, даже и упорно, не выдерживала духовно, безудержно несущейся на нее конницы с блеском шашек, шагов за сто бросала винтовки на землю, поднимала руки вверх и бежала навстречу казакам, как показатель «полной сдачи», прося милосердия — прося «не рубить их». И я не помню случая, чтобы казаки рубили уже сдающихся, безоружных. И в реляциях, считаю, о такой фантазии писать не нужно.

Так было и 16 февраля. Красные открыли огонь по полку, но, видя его бесплодность, побросали винтовки и побежали навстречу казакам с поднятыми вверх руками. Хотя так сдается пехота во всех армиях и всех государств.

В той атаке полк понес малые потери, но вот участник атаки, тогда молодой казак Михаил Енин, в своем письме сообщал, что «в бою под х. Лосевым погиб наш доблестный долголетний атаман станицы Урупской Михаил Гамагин»⁹⁸.

Сам же этот тогда молодой казак был награжден в Лосеве Георгиевским крестом IV степени по выбору своего взвода.

16 февраля красные продемонстрировали на станицу Кавказскую только несколькими орудийными выстрелами с севера по центру станицы и от станицы Дмитриевской. Дав несколько орудийных выстрелов, красные замолкли и отошли назад. Во всяком случае, больше орудийных выстрелов не было слышно. В это время главными своими силами из хутора Лосева они без боя заняли хутор Романовский и железнодорожный вокзал, находящийся на южной стороне хутора. Наших войск в хуторе не было. Все восемь полков конницы, пластуны и гренадерский батальон в 100 штыков находились в станице Кавказской в 7 верстах на восток от Романовского.

Нужно полагать, что на узловой станции Кавказская в ту ночь не было наших бронепоездов, если красные беспрепятственно заняли и самый вокзал, захватив в поезде до 100 казаков, куда-то отправляющихся.

Как и непонятно: зачем красные сделали «пеший налет» на хутор Романовский, отстоявший от хутора Лосева в 12 верстах? И почему они, пробыв в нем часа два, покинули его? И в то же утро все были захвачены в плен со всей своей материальной частью.

Для истории 1-го Лабинского полка считаю своим долгом свидетельствовать все то, что произошло на моих глазах и под моим командованием.

«Последнее прости»

В эти дни в нашем доме ежедневно гостили, обедали и ужинали некоторые офицеры-лабинцы. Временный полковой адъютант сотник Веприцкий безотлучно был со мной и жил в доме.

К старшему брату Андрею, есаулу и второму помощнику командира 1-го Кавказского полка, также ежедневно приходили друзья. Приятно и мне было встречаться с немногими старыми кавказцами, однополчанами и по мирному времени, и по Турецкому фронту. Холостяцкую молодежь прельщала наша младшая сестренка, щебетунья Надюша, гимназистка 6-го класса. Бывать в нашем большом и многолюдном доме всем было приятно. И наша добрейшая мать кормила всех безотказно. В доме всего было вдоволь — и жареного, и печеного, и засоленного в погребе из своего сада.

Откуда прошел слух — неизвестно, но жители станицы говорили, что «Войско отойдет в Грузию».

Под впечатлением этих слухов мать мне сказала: «Забирайте люцерну, сыночек, чтобы она не досталась этим поганцам-красным».

У нас было два сада. Верхний, по кочугурам, — фруктовый и овощной, а нижний, над Кубанью, — только под траву люцерну. Оба по 2 десятины каждый. Люцерну мы косили три раза за лето. В прошлом году, находясь «в опале» с фронта, я сделал два укоса косилкой, с помощью соседей перевез ее во двор и сложил в скираду.

Желание матери передал командирам сотен. Прибыли сотенные урядники — фуражиры, наложили мажары «по-хозяйски» и увезли к себе. Я понял, что мать отдает сено бесплатно, чтобы оно не досталось «этим поганцам-красным», которые придут, может быть, «завтра», и уж в наш-то дом ворвутся «первым долгом», и не поцеремонятся в своих желаниях.

Сотенные командиры, естественно, прибыли лично заплатить матери и вот слышат от нее: «Берите, деточки!.. Берите все, что надо для ваших казаков, ничего мне не жалко».

Удивленные, они обращаются уже ко мне. Говорю им, что мать отдала сено бесплатно. Но не тут-то было! Они и слушать не хотят. А я не могу фиксировать желание матери. Есаул Сахно, лучший друг нашего старшего брата, обратился к нему за содействием, доказывая, что «о бесплатности» не может быть и речи.

Брат подтверждает слова матери «о бесплатности». Полковник Булавинов смотрит в мою сторону удивленно, потом быстро встает, с сотенными командирами окружает мать и насильно вручает ей деньги, даже в повышенной стоимости цены на сено. Хотя тогда на все цены были неизвестны. Армия отступала, и все катилось «вниз».

Но самое замечательное здесь то, что наша мать, простая казачка, сотенных командиров называла «деточки». Это есть одна из характерных черт старинного патриархального казачества. Хорунжий Максим Порфирович Курочкин, проживавший под Нью-Йорком, тому свидетель.

В те немногие дни наш дом жил нежной и счастливой жизнью, окруженный вниманием и станичников, и, в особенности, офицеров 1-го Лабинского полка, предопределенный судьбою для того, чтобы потом, и очень скоро, ощутить самое большое горе, которое бывает в человечестве, это — разорение всего хозяйства красными и трагическую гибель всех членов семьи.

18 февраля, вернувшись с полком из-под Челбас, в доме застал неожиданных гостей: офицеров Корниловского конного полка — есаулов Н. Кононенко⁹⁹ и И. Ростовцева¹⁰⁰ — и сотника А. Бэха¹⁰¹. Они возвращались в свой полк, который действовал в Ставропольском направлении в 3-й Кубанской дивизии генерала Бабиева. Старые Корниловцы, старые мои соратники в моем доме — ну как можно не приветствовать их! Немедленно же собрал всех офицеров-лабинцев на ужин.

Наш дом ярко освещен. В зале большой стол покрыт разными домашними яствами. Полковой хор трубачей разместился в большом стеклянном коридоре. Для них также подано — и выпить и закусить. Вся наша многочисленная женская часть семьи в повышенном настроении, в беготне, в заботах об угощении. Бабушка и мать на кухне. Старшая наша замужняя сестра Маня, наш первенец из 12 детей (ей 33 года, а замуж она вышла 15 с половиной лет от роду), жена брата Нюра — дочь лосевского атамана, урядника-конвойца, три младшие сестренки, племянница — все они слуги гостей, коих набралось до 30 офицеров. Начались тосты. Содержание их одно: бои, казачья слава, храбрые полки присутствующих офицеров — Корниловский конный, 1-й Кавказ-

ский, 1-й Лабинский. Сама же Кубань, наше родное Кубанское Войско воспевались и украшались дивными мотивами войсковых песен. Все трое Корниловцев, Кавказцы — есаулы Храмов и А.И. Елисеев — и Лабинцы — полковник А.П. Булавинов, есаулы Сахно, М. Бобряшев и сотник Щепетной — имели отличные голоса, тонкий слух и бесконечное знание песен кубанского фольклора с истоков Запорожского казачества.

Хор трубачей за стеной надрывал души всех то бравурными маршами после тостов «за полки», то «тушем», когда касалось личностей, то нежными мелодиями, когда шла задушевная беседа офицеров.

Оркестр 1-го Лабинского полка и тогда состоял из старых, опытных казаков трубаческой команды и был на высоте своего музыкального положения.

То не был кутеж, каковые бывали во всех казачьих полках в офицерской среде, так как сердце-вещун подсказывало что-то другое, что-то недоброе, почему чувствовалось у всех какое-то «щемление души», хотя никто из нас не знал, да и не представлял, что свою дорогую Кубань-Отчизну мы покидаем навсегда.

И то оказался последний день моего живого общения с дорогой мне нашей многолюдной семьей в доме погибшего отца. Завтра, 19 февраля, 2-й Кубанский корпус выступит на север, с боя возьмет станицу Дмитриевскую, что в 25 верстах от Кавказской, и потом пойдет назад, в горы, минуя мою родную станицу.

2-й Кубанский корпус подтянулся. Уже внушительную силу представляла Кавказская бригада: 1-й и 2-й Кавказские полки. Отличны были Партизанские отряды есаула Польского и сотника Жукова. Думаю, что весь корпус имел уже свыше 2 тысяч шашек, не считая полковых пулеметных команд.

Пластунов было немного, не свыше 300 штыков. В большинстве их дали станицы Кавказская и Темижбекская, так как все северные станицы отдела были заняты красными, а с другими станицами на было никакой живой связи.

При таком боевом и психологическом состоянии корпус выступил на север, чтобы взять станицы Дмитриевскую и Ильинскую.

Несомненно, что был приказ свыше, так как для обеспечения главного железнодорожного узла — станции Кавказская — надо было иметь в своих руках пункты, лежащие от него не менее как в одном переходе. Так диктует военная тактика — для защиты важного тет-де-пона. С занятием этого Кавказского железнодорожного узла красными от ставки генерала Деникина полностью отрезались железнодорожная, телефонная и телеграфная связь с Терским войском и со всеми войсками, действовавшими в Терско-Дагестанском крае.

По заданию из штаба корпуса 2-я Кубанская дивизия должна выступить из Кавказской 19 февраля после обеда, занять хутор Лосев и заночевать там.

4-я Кубанская дивизия со всеми другими частями выступит 20-го прямо к станице Дмитриевской. К ней должна подойти и наша дивизия и совместно атаковать эту станицу. Все эти распоряжения мы получили днем 19-го. Генерал Науменко вызвал меня к себе и, как бы дружески, сказал следующее:

— 1-й Лабинский полк самый сильный и стойкий в корпусе. Я Вас прошу с оркестром трубачей и с песнями во всех сотнях помпезно пройти по Красной улице, мимо станичного правления и дальше в восточную половину станицы по Вашему усмотрению, чтобы разбудить сердца всех, и в особенности Кавказцев.

Эти свои желания генерал Науменко произнес как бы в частном порядке, всегда очень любезно со своим подчиненным.

В Уставе внутренней службы Императорской армии сказано, что всякое желание начальника, высказанное даже в частном порядке, равносильно приказанию и его надо выполнить.

В данном случае желания командира корпуса были очень резонными, похвальными и соответствовали моему воинскому чувству.

Согласно этому заданию, 1-му Лабинскому полку приказано выстроиться на площади у здания управления Кавказского отдела, которое было у начала Красной улицы с западной стороны. Полк выстроился перпендикулярно улице, почему и был виден всем, кто жил и был на ней.

Через два двора матери полковника И.И. Забей-Ворота находился наш дом. На парадном крыльце его столпилась вся женская половина нашей семьи, с зятем и четырьмя племянниками-подростками — всего 13 душ. Показательно несчастливое число.

Попрошавшись с ними коротко, совершенно запросто, когда уезжаешь из дому на два-три дня, верхом выехал к полку, отстоявшему от них шагах в 150.

Кто же мог знать тогда, что я уже больше н и к о г д а не вернусь к ним?! Лежал мокрый снег с грязью. Слегка морозило. Мой помощник полковник Булавинов, произнеся длинную команду «встречи», взял шашку «подвысь», наметом подскакал ко мне и мягко, спокойно не рапортует, а будто бы рассказывает:

— В 1-м Лабинском полку в строю находится 20 офицеров, 650 шашек, 22 пулемета, а всего 750 лошадей.

Оркестр трубачей продолжал греметь «полковым встречным маршем», а станичная публика на тротуарах, на коридорах, на базарной площади, что рядом, чины управления отдела и военно-ремесленной

школы, давно не слышавшие «духовой музыки», да еще в конном строю, с любопытством глазели на все.

На мое приветствие полк ответил бодро, громко. Объяснив желание генерала Науменко о помпезном движении полка по станице — скомандовал:

— Справа по-три!.. Первая сотня!.. Трубаچی, вперед и — начинай!

Прохожу мимо своего дома. Вижу — бабушка и мать улыбаются и плачут одновременно. Они крестят меня с крыльца. Я снимаю папаху, крещусь также и кланяюсь им. Вся остальная молодежь семьи машет руками и мне, и полку. Оркестр трубачей заглушает все слова и фразы, несущиеся с парадного крыльца. Я активно вглядываюсь в их лица — ласково и бодряще. Я и сам уже машу им рукой и этим вызываю слезы и у старшей сестры, и у жены брата.

Полк идет, идет и постепенно заслоняет от меня видеть всех их бесконечно любящих существ. Я оглядываюсь еще и еще... Взмахи рук с платочками продолжаютсЯ без конца и, наконец, тонут вдали за длинной колонной конных казаков. Тонут, тонут и скрылись совсем для того, чтобы уже никогда не увидеть в этой жизни.

То оказалось последнее прости с семьей.

Гремит хор трубачей. Заливаются сотни линейными крикливыми песнями. Жители станицы, так давно слышавшие песни в конном строю, всеми семьями высыпали на улицу. На парадном крыльце севостьяновского дома стоит генерал Науменко. Командую «Равнение налево!». Командир корпуса улыбается, здоровается с каждой сотней отдельно, благодарит за службу молодецких Лабинцев, и сотни, пройдя его, вновь заливаются песнями.

Пересекаем церковную площадь. Сотни прерывают песни, снимают папахи, крестятся и вновь поют, поют строевые песни. На порогах станичного правления стоит весь цвет станичной администрации во главе с атаманом станицы. Перед полковым знаменем они берут под козырек, и я официально отвечаю им этим же.

Пройдя несколько улиц, полк свернул на север, пересек железнодорожную магистраль Ставрополь—Кавказская и двинулся по шляху на Лосев. Он был свободен от красных.

Одна ненормальность. Полковая пулеметная команда

Наутро следующего дня дивизия выстроилась за хутором в ожидании своего начальника. На правом фланге, по старшинству, стоят 1-й и 2-й Кубанские полки. Они малочисленны. Справа, с юга, показался штаб

дивизии. Впереди шел временный начальник дивизии, молодой полковник А.И. Кравченко. Правее его — начальник штаба дивизии, пожилой генерал. Эти полки без оркестра, почему командирами полков подаются команды без воинского пафоса. Кравченко проезжает их и не здороваются.

«Когда же он успел повидать эти полки?» — думаю.

При приближении к Лабинской бригаде подаются соответствующие команды. Оркестр 1-го Лабинского полка приветствовал своего начальника дивизии полковым маршем. Кравченко смутился, что-то говорит генералу и потом махнул рукой оркестру, что означало «прекратить». Оркестр остановился, начальник дивизии проезжает мимо и не здороваются с полками Лабинцев. Все в недоумении.

Пройдя верст пятнадцать, дивизия остановилась и спешила перед Дмитриевской. Там уже находилась 4-я дивизия, как и другие части корпуса. Выстрелов не было слышно, и мы не знали — что же происходит впереди?

Подхожу к своему близкому другу еще по военному училищу 1910 года полковнику Кравченко, отвожу его от штаба дивизии и спрашиваю:

— Почему ты, Афанасий Иванович, не поздоровался с полками?

— Да знаешь, Федор Иванович, неудобно при генерале. Ведь он старше меня, — отвечает смущенно Кравченко.

— Ты начальник дивизии, Афоня, а генерал у тебя начальником штаба. Ты понимаешь эти взаимоотношения? — горячо говорю ему.

— Так-то это так, Федор Иванович, но все же как-то неудобно. Он старше, он генерал-лейтенант, да еще Генерального штаба, прямо-таки, ей-богу, неудобно при нем здороваться с полками, — оправдывается он.

— Нет-нет, Афоня!.. Ты больше так не делай и здоройся с полками, — безапелляционно дружески внушаю ему.

Меня магнитом тянет к себе наша пулеметная команда. 22 собственных пулемета!.. Это ведь большая огневая сила! И богатство полка.

Кто командовал полком, тот поймет мои командирские чувства. И я иду туда, чтобы посмотреть, чтобы полюбоваться ими.

Вижу — есаул Сапунов сам обходит пулеметные линейки и, видимо, так переживает радость.

— Пулеметная команда — СМИР-НО-О! — кричит громовым голосом неугомонный Сапунов, как заправский службист-урядник.

— Да, я вас сегодня уже видел. Вольно! — успокаиваю его.

И мы осматриваем уже вместе главным образом лошадей, в коих также заключается «сила пулеметной команды». Сапунов хорошо потрудился в Кавказской, и все лошади были в хороших телах.

— А вот, господин полковник, и Ваши добровольцы-станичники! — докладывает Сапунов, и я вижу линейку с пулеметом в паре добрых

лошадей и возле пулемета — Кавказцы и друзья детства Алексей Горошко и Иван Коробченко.

С гнедым мускулистым конем в поводу, с черной густой бородой, в домашней тужурке, но при полном оружии — тут же стоит урядник-конвоец «дяденька Алексей Протопопов», как называли мы его в детстве.

— Здравствуйте, други, — по-домашнему говорю им.

— Здравия желаем, господин полковник! — по-строевому отвечают они густым баритоном для солидности.

— Ну... не подкачайте! — вторю им.

— Не беспокойтесь, господин полковник!.. Дело привычное! — за всех отвечает Горошко.

Первейший друг моего детства, озорник тогда, он был старше меня на 2 года, но слабее физически, не так ловок, «в единоборстве» был побежден и с тех пор, по уличному обычаю среди мальчиков, подчинялся победителю.

Горошко и Коробченко были казаки прихода в 1-й Кавказский полк, в г. Мерв Закаспийской области, 1912 года. Туда же я прибыл молодым хорунжим, окончив военное училище в 1913 году, и был сразу же назначен помощником начальника полковой учебной команды. Несмотря на то что оба станичника были отличными казаками, имели отличных лошадей, в учебную команду не выдержали экзамена по своей малограмотности. В поощрение их назначили в бригадную пулеметную команду, в которой они провели всю войну на Турецком фронте 1914—1917 годов и вернулись домой теми же рядовыми казаками, которыми вышли в полк.

Мы, молодежь-офицеры, и тогда возмущались этим положением, считая, что все участники войны должны были быть переименованы хотя бы в приказные. Для казака и одна нашивка на погонах — радость. И теперь, видя этих двух молодцов и соратников по Турецкому фронту, решил заполнить пробел былых их начальников.

Отойдя с есаулом Сапуновым в сторону, чтобы никто не слышал нас, спрашиваю:

— Как они?

— Лучше и не надо!.. Во всем пример!.. И так знают, так любят пулемет! — докладывает он, сам фанатик-пулеметчик из урядников той же войны.

— Казаки Горошко и Коробченко — ко мне! — громко произношу в их сторону.

По-полковому, как говорят — «на носочках», подскочили они, взяли под козырек, стали серьезными, не зная, почему я будто «строгим голосом» вызвал их. И чтобы они еще больше «опешили», я строго говорю, смотря им в глаза:

— Вот начальник команды, есаул Сапунов дал мне о вас отличный отзыв, мне очень приятно это знать, а потому, — сделав паузу, с улыбкой произношу, — поздравляю вас обоих младшими урядниками.

Это было для них полной неожиданностью. Молодецкий ответ благодарности несется из их уст, и радостная улыбка покрывает их лица, так мне давно знакомые и приятные.

— Ну а теперь бегите к своему пулемету, и чтобы сегодня же я видел вас «в галунах», — уже весело говорю им.

За 7 лет войны они этого вполне заслужили. Отчетливо повернувшись по-полковому кругом, стукнув каблуками весело, вприпрыжку побежали они к своей пулеметной линейке.

Урядника-конвойца Алексея Протопопова я не мог ничем порадовать и не сомневался, что полученное им звание урядника в Собственном Его Императорского Величества Конвое — гораздо дороже настоящего.

Кстати, надо сказать, что все казаки-конвойцы, заканчивая свою службу, переименовывались в звание младшего урядника, тогда как в полках надо было окончить учебную команду, чтобы получить это звание.

Прорыв красной конницы

Наша дивизия, в спешенном порядке, стоит на перекате местности. Уже вечерело, почему и морозило. По чистому полю сплошной, но не глубокий снег. Казаки достали из своих сум хлеб и сало и закусывали всяк по себе. От безделья и тишины становилось скучно. Штаб дивизии буднично стоял где-то в стороне от частей.

— По коня-ам! — вдруг пронеслись громко слова полковника Кравченко.

А затем:

— Сади-ись!.. 1-й Лабинский полк, за мной, в голову — МАРШ-МА-АРШ! — и, повернув своего коня на юг, выкрикнул: — Федор Иванович — ко мне!

Ничего не зная, подскакал к нему, уже тронувшемуся широкой рысью со своим штабом почему-то на юг. Он быстро говорит мне:

— Три полка красной конницы прорвались и обходят нас слева. Они идут балкой и обошли нас. Генерал Науменко приказал мне отбросить их назад.

Это было больше чем неожиданно. Где конница красных? Где она нас обошла? Я ничего не знаю, идя широкой рысью рядом с Кравченко. Длинной взводной колонной 1-й Лабинский полк следует непосредственно за штабом дивизии.

Мы проходим прямо на юг одну, другую, третью версту и, наконец, правее себя, на запад, видим длинную кишку красной конницы, которая широкой рысью уверенно идет также на юг, параллельно нашему движению. От нас она была верстах в двух, и ее хвост был на уровне головы нашей дивизии.

Увидев это, полковник Кравченко сразу же перевел своего высокого мощного коня в полуширокий намет.

— Куда ты ведешь, Афанасий Иванович? — бросаю ему на скаку.

— Да чтобы выскочить к голове красных и атаковать их в лоб, — отвечает.

— Лучше атаковать ее в хвост и во фланг, — советую ему.

— Не-е, мы заскочим им спереди и тогда уж атакуем, — парирует он.

Его начальник штаба, следуя правее его, молчит. Мне это было непонятно.

Несясь широким наметом параллельно красным, наконец, наши головы колонн поравнялись; мы даже опередили их. И вдруг красные поворачивают налево, строят боевой порядок и переходят на нас в атаку.

Кишка нашей дивизии растянулась. У нас нет никакого боевого строя, положение определилось более чем невыгодное для дивизии. Я ругаю своего друга за опрометчивость, за упущенный момент и вдруг слышу от него:

— Ну, тогда ты оставайся со своим полком здесь, а я поскачу дальше!

И, повернув своего коня на юго-восток, со штабом поскакал дальше. Положение стало почти трагическим. Мы прошли наметом около 10 верст; в 2—3 верстах от нас к югу отвратительная гребля через реку Челбасы. По ней не уйти от красных. А позади, у станицы Дмитриевской, остались отрезанные 4-я дивизия и другие мелкие части со штабом корпуса. Моя мысль работает молниеносно.

— По переднему уступу... карьером! — бросаю я своему станичнику, штаб-трубачу Василию Диденко.

И запела труба в пространство снежной степи: «Стремглав, друзья, постройтесь, чтоб фронтом идти на врага-а!»

Повернув головную сотню фронтом против красных, остановил ее. Остальные сотни, несясь с быстротой молнии, так как вся картина каждому казаку была как на ладони, пристраивались левее головной, образуя густую резервную колонну полка. Пулеметная команда, взяв лошадей в кнуты, неслась вслед.

— Взять позицию правее полка! — кричу я есаулу Сапунову, скакавшему впереди своей команды.

На белой прыткой лошаденке, в большой белой косматой папахе, крупный телом Сапунов, пригнувшись к луке с хищным видом, повернул коня направо, доскакал до бурьянов, круто остановился, повернул свою лошадь кругом и, став лицом к своим пулеметам, сложенной вдвое плетью бросил руку направо и налево, чем указал развернутый строй всем своим 22 пулеметам.

Пулеметные линейки веером бросились вправо таким аллюром, как скачет во все лошадиные силы пожарная команда.

Рассыпав и установив пулеметные линейки на позицию, Сапунов рванулся вперед, стал позади линеек, бросая резкие взгляды на каждую, подчиняя казаков своему неуклонному наблюдению. Все это было сделано им очень быстро и сноровисто, как в кинематографе.

— До моего приказа огонь не открывать! — крикнул ему.

А он, службист, в этот жуткий момент, вместо воинского ответа, только кивнул мне, чем сказал, дескать: «Знаю и без тебя» Мне это понравилось.

Красные, увидев образовавшийся строй казаков фронтом против них, блеснули шашками и густой ватагой, без строя, перешли в атаку. Их было гораздо больше, чем нас. Мне стало страшно. Своей численностью они могут смять полк.

Как всегда перед боем, холодная капля страха зародилась у меня у шейного позвонка, тихо катилась по позвоночнику и, достигнув седалищного нерва, там растворилась; и мне, так же как всегда, стало абсолютно не страшно.

Кроме того, я надеялся на полк, на его сбитость, на стойких командиров сотен, на послушание казаков и на свою пулеметную команду в 22 огненные силы.

Полк стоял молча. Командиры сотен бросали иногда взгляды на меня и на несущуюся на нас конницу красных, как бы спрашивая: «Чего же мы стоим?»

Молча проехав перед строем, остановился на правом фланге полка. И когда красные передними всадниками приблизились на 500—600 шагов, я взмахом руки Сапунову открыл по ним огонь. И застрекотали, заклокотали, зашипели все 22 полковых пулемета, и легким сизым дымком заиндивелась линия огня.

Сапунов скачет вдоль линии своих линеек, что-то кричит, и от его крика пулеметы еще более слились в сплошную бурю развернувшейся грозы огня.

А полк стоит и смотрит — как смешались первые ряды красных, как свалилось несколько коней и как они, повернув своих лошадей кругом, потоком хлынули назад. Широким наметом с места полк бросился впе-

ред, в преследование. Правофланговая сотня, брошенная в карьер, на ходу разворачивалась в двухшереножный строй. Полк же скакал в резервной колонне.

По той же балке, во все свои лошадиные силы, неслась красная конница назад по знакомому ей пути на север, к станице Дмитриевской. Боевая обстановка была совершенно неизвестна мне — где находились 4-я дивизия, партизанские отряды, пластуны, гренадеры и штаб корпуса и где были главные силы красных? В чьих руках станица Дмитриевская?

Вот почему, чтобы не попасть в неприятную случайность, я держал полк «в кулаке», в резервной колонне. Кроме того, по опыту убедился, что Гражданской войне разрозненный конный строй мало полезен, как и не устоит при неожиданностях.

Еще одно замечено при стычках конницы: сбита сторона, будь то белые или красные, успевает ускользнуть от рукопашной схватки «на шашки». Причина этому — чувство страха седока, которое передается лошади, и лошадь скачет во все свои силы. Тогда как наступающая сторона психологически не так активна, ожидает неожиданностей и склонна к осторожности. В данном случае воинственный актив был на стороне красных. Мы ведь отступили «от Воронежа» и держались «на ниточке перед падением в Черное море». Тогда как у красных был полный победный марш. Кроме того, меня удивило следующее: когда дивизия скакала с полковником Кравченко для опережения красных, последние шли вперед, на юг, с непонятной мне уверенностью. И вот только потом, из бюллетеня штаба корпуса номер 7-й, выяснилась тогдашняя боевая обстановка:

«Шедший в левой колонне 4-й Линейный полк был сбит полком красной конницы и бежал, оставив два орудия и пулеметы; причем — много казаков рассеялось. Поведение Линейцев затруднило работу остальных частей.

Доблестные Лабинцы, совместно с отрядом есаула Польского, отбили конницу противника к станице Ильинской. В то время Кавказцы под командой полковника Хоранова овладели станицей Дмитриевской, захватив одно тяжелое орудие и одно легкое. Окончательному разгрому противника помешало недостойное поведение Линейцев».

Этого я тогда не знал. Но должен подчеркнуть — в этой конной контратаке Партизанского отряда есаула Польского не было. Кроме того, два полка, прибывшие в станицу Кавказскую — 4-й Лабинский и 4-й Линейный, — были столь малого боевого состава, что «о полковой их силе» не стоило бы и думать — каждый из них был до 150 шашек. И конечно — красные, своей массой, легко сбили Линейцев, сформированных из старых казаков. Командиром их был полковник И.И. Та-

рарыкин¹⁰², о чем он сам сказал мне при встрече в Нью-Йорке, «в воспоминаниях о былом».

И вот вся эта масса конницы «белых и красных» до 2000 шашек потоком неслась по балке на север — красные уходили, а Лабинцы наступали. В такой безудержной скачке полк прошел около 10 верст до самой Дмитриевской уже со спустившейся ночной темнотой и остановился у западной окраины ее. Красная конница скрылась к станице Ильинской.

Головная сотня захватила несколько конных красноармейцев «живьем».

— Кто вы? — спрашиваю.

— Кубанские казаки Линейного полка, попавшие в плен к красным под Купянском, они поставили нас в строй, — ответили они.

Я им не поверил. Во-первых, под Купянском не было ни 1-го, ни 2-го Лазейных полков, а во-вторых, хотя они и были в небольших черных казачьих шапчонках и на казачьих седлах, но лица их были типичные «мужичьи» наших кубанских иногородних. Все они в мужичьих тужурках, в обыкновенных черных штанах, в сапогах. Лошади их худоваты, но жилистые и бойкие.

Я не мстительный и не злой. На красноармейцев смотрел как на несчастных и обманутых людей. Следил, чтобы все мои подчиненные, и офицеры, и казаки, с пленными обращались хорошо и никаких насилий над ними не делали бы.

В данном случае в особенности бесплодно было карать этих пленных, поэтому поставил их в строй захватившей сотни, но приказал следить за ними.

В опустившейся ночи от жителей станицы мы узнали, что она занята красными. Разместив полк по квартирам в этой стороне, еду с штаб-трубачом Диденко в штаб корпуса, а где он — не знаем. В станице топкая, жидкая грязь, так как она расположена в балке, куда стекает вода со всех перекатов.

Штаб корпуса разместился в противоположной стороне станицы, на южной окраине, у какого-то, видимо, торговца. Въехав в небольшой двор с юга, ординарцы указали мне дверь, где поместился генерал Науменко. Перед дверью только один дощатый порожек, какой бывает у черного входа во двор.

Не зная расположения комнат, толкнул дверь и сразу же оказался в просторной комнате с низким потолком, а главное — сразу появился перед глазами генерала и его начальника штаба, которые сидели за столом и заканчивали свой ужин.

Входя, я предполагал, что вначале будут сенцы и потом уже комната, потом доклад через ординарца о моем прибытии с просьбой при-

нять с докладом, но оказалась полная неожиданность и для меня, и для начальствующих лиц.

Я даже не успел снять папаху с головы, как Науменко, увидев меня, быстро встал со стула, а я, приложив руку к папаше, отрапортовал «о прибытии» с полком, не зная, где же наш штаб дивизии?

Оказывается, генерал Науменко уже все знал, почему принял меня исключительно внимательно, радостно и весело. Он просит первым делом сесть за стол и закусить. Предлагает рюмку водки, но я решительно отказался, хотя и был голоден. А при свете лампы я только теперь увидел, как я был покрыт грязью, как говорят, с ног до головы.

— А где же штаб дивизии? — спрашивает Науменко.

Я не знаю, что ему ответить, чтобы не подвести своего друга А. Кравченко.

Науменко загадочно переглянулся с полковником Егоровым и просит меня рассказать, «как же все это было». И я рассказал. Оба они слушали очень внимательно, словно сверяясь с другими фактами и докладами, уже известными им. Должен сказать, что генерал Науменко добрый человек, приятный в разговоре, веселый и остроумный. С подчиненными очень тактичный, но иногда для определения событий или личностей употребляет слова «веские», правильные с точки зрения нас, кадровых офицеров, не подлежащие обиде.

Так было и здесь у него. Выслушав мой доклад, он еще раз переглянулся со своим начальником штаба корпуса и досадливо произнес по адресу полковника Кравченко:

— Как-кая д...а!.. Вместо того чтобы атаковать противника в хвост или во фланг — он заскакивал к нему в голову. Благодарю Вас, Елисе-ев, и Ваших Лабинцев. Вы вторично спасли положение. — Он крепко пожал мне руку. И добавил: — Полковник Кравченко отрешен от должности, и я Вас назначаю временно начальником 2-й Кубанской дивизии. Напишите приказ об этом, — говорит он полковнику Егорову.

Разговор был окончен. Науменко просит меня подождать, пока будет отпечатан приказ по корпусу. Вдруг о чем-то вспомнил и, повернувшись ко мне, быстро спросил:

— А как Ваш Диденко?

— Отличный казак, Ваше превосходительство, — отвечаю ему в тон.

— А где он?

— Держит лошадей у крыльца, — докладываю.

— А можно его сюда позвать?.. Хотя — лучше мы сами к нему выйдем, — как-то запальчиво, с чувством внутреннего беспокойства произнес Науменко эти короткие фразы.

Штаб-трубач Василий Диденко

Когда все восемь полков корпуса вошли в нашу станицу 11 февраля, без боев оставив Успенскую, Ильинскую и Дмитриевскую станицы, оторвавшись от противника еще в Ставропольской губернии, в Кавказской был замечен переполох. Жители ждали красных, может быть «завтра», и с чувством страха думали и решали — как быть?

И офицеры, и я лично думали тогда, что если не завтра, то в ближайшие дни корпус отступит за Кубань, мы, видимо, пойдем в Грузию, там отдохнем, переформируемся, усилимся и через 2—3 месяца перейдем в наступление. Готовясь к этому, я уговорил мать «собираться» и с детьми уходить с нами, оставив только старую бабушку дома, которую красные пощадят.

Откуда пришли такие фантастические мысли, я не знаю, но они были. Среди казаков-станичников были мысли и иные: куда идти?.. И не лучше ли оставаться в своей станице и ждать — будь что будет!

Были и такие голоса, что офицеры доведут казаков до Черного моря, сядут на пароходы, уедут в Крым, а казаков бросят на берегу. Так уж лучше никуда не уходить. Это были только «голоса», а в общем — прихода красных все боялись.

— Сыночек, там тебя хочет видеть одна бабочка, — говорит мне мать, войдя в мою комнату на второй или третий день, когда полки корпуса вошли в станицу («бабочка», по-станичному, — это молодая замужняя казачка).

И только я вышел в наш застекленный большой коридор, в который выходили двери всех четырех комнат, как какое-то молодое существо повалилось мне в ноги и громко заголосило, запричитало:

— Федар Вань-ыч!.. Спасите маво Васю-у, иво расстреляю-ут!

Такого унижения родной казачки-станичницы, как «падение к ногам», кроме, может, родительских, я никогда не видел и не ощущал. А падение к моим ногам меня просто огушило. Схватив ее за руки и подняв к своему лицу, с горячностью спрашиваю ее, всю красную от слез:

— Чья ты? (В станице я всегда разговаривал со всеми их выговором.)

— Ды Васи Диденкина жена-а, што, Вы мине ни признаете?

Диденко — почти соседи были на нашей улице. Большая семья и бедная, так как, кроме старшего сына Василия, остальные дети были девочки. Значит, вся семья жила на один пай земли их отца в 8 десятин. У них не только что не было амбара, но не было и дома во дворе, как у многих казаков. Была длинная украинская хата и плетеные сараи во дворе для быков, для коров, для овец.

Василий был очень мягкий парубок тогда, когда я был дошкольным мальчиком. Умный, мягкий, добрый — он был защитником нас от произвола старших над нами, и все мы его очень уважали и любили. Он был для нас авторитет во всем, открытая правда, справедливость.

С действительной службы в 1-м Кавказском полку он вернулся штаб-трубачом, видимо, тогда, когда я был учеником Майкопского технического училища. В общем, он старше меня был лет на десять.

Что его арестовали якобы за злостную агитацию и могут расстрелять по приговору корпусного военно-полевого суда, меня возмутило до крайности. Добровольческая армия, по оставлении Ростова, была свернута только в один корпус, силою около 10 тысяч штыков. Это была та сила, которую дала Россия к югу от линии Камышин—Воронеж—Орел—Чернигов—Киев—Одесса, то есть 16 губерний с населением в 42 миллиона¹⁰³.

Это означало, что население этих губерний «оставило» свою армию, не пошло с ней. Теперь же, когда казак выразил свою мысль, что сопротивление против Красной армии стало не под силу казакам, он пре дается смерти.

Надеваю шашку и немедленно иду пешком в штаб корпуса. Он помещался недалеко от нашего дома. Генерал Науменко встречает меня ласково. Я запальчиво докладываю ему о штаб-трубаче Диденко все, что знал. Рассказал обо всей семье его отца. Я подчеркнул ему, что казаки устали от долгой войны, прижаты уже к самой Кубани и не знают, что же делать дальше?

Науменко слушал меня очень внимательно, не перебивая и остро смотря в мои глаза, ища в их выражении искренности и только чистой правды. С моими доводами он согласился; и, не меняя серьезности и строгости лица, что у него редко бывало, он твердо сказал:

— Хорошо, Елисеев, я освобожу Диденко, но исключительно под Вашу личную ответственность. Вы согласны? — закончил он.

— Не только согласен, но я возьму его к себе в 1-й Лабинский полк личным штаб-трубачом, — ответил ему.

Генералу это понравилось, и он приказал привести сюда, в его залу, Диденко. Его привели. За много лет разлуки я впервые увидел так знакомого мне с детских лет блондина с голубыми глазами и добрым сердцем.

— Вот что, Диденко, — начал генерал Науменко строго, официально и не совсем ласково. — Ты за свой язык подлежал преданию военно-полевого суда. Конечу его известен. Но твой станичник, полковник Елисеев, вступился за тебя. И берет на свое поручительство. Зная и ценя его, я уступил. И только благодаря его просьбе. Только! Понял?... Он берет тебя к себе штаб-трубачом. И я надеюсь, что ты, как старый и

служилый казак, поймешь все это и оправдаешь доверие его. А теперь ты в распоряжении полковника Елисеева, — закончил он.

— Покорнейше благодарю, Ваше превосходительство!.. И Вас покорно благодарю, господин полковник, — совершенно неподобострастно, умно и достойно говорит Диденко и продолжает: — Я не только что оправдаю доверие господина полковника Елисеева, который меня так давно знает, но я хочу доложить Вам, что я совсем не тот, за кого Вы меня приняли. Я казак и искренний враг большевиков. А говорилось если что — так это «по-домашнему».

— Ну довольно, довольно! — перебивает его Науменко. — Полковник, Вы свободны. Свободен и Диденко, — коротко заканчивает он. Я благодарю генерала, и с Диденко выходим на улицу.

— Федор Иванович, спасибо Вам! Но не подумайте, что я такой, — со слезами на глазах говорит мне старый штаб-трубач, освобожденный только что от смерти.

— Василий!.. И не вспоминай об этом! Поэтому-то я и сделал, что отлично знал тебя и всех вас, Диденкиных. (Так их называли на улице.)

Мы в нашем доме. Его жена радостно плачет. У нашей матери на глазах слезы, также от радости.

В станичном быту горе и радость соседей воспринимаются остро. Василий мягко улыбается и, указывая жене на меня, говорит:

— Благодарю вон Федора Ивановича.

Чтобы прекратить эти тягостные минуты, говорю им:

— Ну, теперь идите домой, Василь, отдыхай. А завтра — конным приезжай сюда. И начнешь служить при мне.

Даю ему руку, жену же обнимаю. Она смеется и плачет одновременно, а потом бросается на шею к нашей матери и заголосила причитаючи:

— Тетенька-а, спасибачка и Ва-ам, што памагли-и...

Помощь матери заключалась в том, что она попросила меня повидаться с ней. Такая станичная неискuschenность.

Вот те события, которые привели командира 2-го Кубанского конного корпуса, генерала Науменко вторично повидаться со штаб-трубачом Василием Диденко, но в другой психологической обстановке, очень интересной для человеческой души.

Втроем — генерал Науменко, полковник Егоров и я — вышли к порогу. Через открытую дверь шло тусклое освещение. В овчинном в грязи полушубке, между двух лошадей, держа их под уздцы, стоял Диденко. На нем кинжал, шашка и сигнальная труба за плечами.

— Здравствуй, Диденко! — ласково говорит Науменко.

— Здравия желаю, Ваше превосходительство! — молодецки отвечает он.

— Полковник Елисеев доложил мне, что ты очень хорошо вел себя все эти дни. Я очень рад этому. Ты водку пьешь? — уже весело спрашивает Науменко.

— Так точно, пью, — чуть смущенно отвечает Василий.

— Дайте бутылку сюда! — крикнул генерал денщикам.

Те принесли со стола и рюмку.

— Нет!.. Дайте чайный стакан! — говорит он казаку. — Выпьешь его? — спрашивает он Диденко.

— Так точно, выпью, — откровенно говорит он.

И Науменко сам наливает полный стакан водки, сам передает его Диденко и смотрит на него, улыбаясь.

— За Ваше здоровье, Ваше превосходительство, — произносит Василий и спокойно выпивает все до дна.

Мы все улыбаемся.

— Дайте что-либо закусить! — весело крикнул он денщикам и, не дождавшись, сам бросился к столу, вилок взял со стола соленый огурец и передал Василию.

А потом, дернув меня за полу черкески, отошел в комнату и спрашивает:

— А может быть, наградить его Георгиевским крестом?

— Это было бы очень хорошо, Ваше превосходительство, — вторю ему.

Вынув из пакета крест, Науменко выходит за дверь и уже серьезно говорит:

— По представлению твоего начальника полковника Елисеева, награждаю тебя, штаб-трубач Диденко, Георгиевским крестом за сегодняшней бой! — и дает его ему. А потом, спохватившись, произносит: — Какая досада, что у нас нет Георгиевских лент!

И, чуть замаявшись, он глянул на свой Георгиевский темляк на шашке.

— Дайте ножницы! — громко крикнул он внутрь комнаты.

Казак принес ножницы от хозяйки. И генерал Науменко, командир корпуса, сам лично вырезает часть ленточки из своего Георгиевского темляка, продевает ее в ушко и сам лично прикалывает Георгиевский крест на твердую кожу полушубка Диденко, с ног до головы обрызганного грязью в сегодняшней скачке 1-го Лабинского полка и красной конницы, в преследовании ее на протяжении «в оба конца» около 20 верст.

— Покорно благодарю, Ваше превосходительство! — все так же спокойным голосом и с полным достоинством старого служилого казака отвечает штаб-трубач Василий Диденко.

Жест генерала Науменко был замечательный.

Мы в комнате. Скоро будет полночь. Генерал Науменко подписывает приказ по корпусу, передает его мне и просит тут же прочитать. И я читаю: «Полковник Кравченко выезжает в отпуск на неопределенное время. Во временное командование 2-й Кубанской казачьей дивизией вступить командиру 1-го Лабинского полка, полковнику Елисееву».

После некоторых указаний начальство отпускает меня, дав ординарца показать, где разместился штаб нашей дивизии.

На улице темь непроглядная и грязь непролазная. Зову к себе Диденко ехать рядом и говорю ему:

— Ну поздравляю тебя, Василий. Я рад за тебя.

— Покорно благодарю, Федор Иванович. Я знаю, что все это Вы сделали, но как вспомнишь, что чуть был не расстрелян, и ни за что, да еще своими же казаками, аж плакать хочется, — отвечает он.

Я его успокаиваю и говорю, что теперь все окончено. Он вновь благодарит и просит разрешения «осадить своего коня назад». Я понял, что ему легче и приятнее молча, и одному, созерцать настроение своей души и мыслить о том, что с ним случилось в эти немногие дни.

Я здесь закончу повествование о дальнейшей судьбе, столь трагичной в эти дни и потом, штаб-трубача Василия Диденко.

Со мной он отступал до самого побережья Черного моря, состоя и штаб-трубачом, и одновременно конным вестовым. Там он заболел тифом. Где-то увидел его больного на подводе. На мое приветствие он посмотрел в мою сторону блуждающими глазами и, видимо, не узнал меня. Худой, небритый — он был жалок видом. В таком состоянии он остался с капитулировавшей Кубанской армией и вернулся в свою станицу, работал и был убит в степи «неизвестными». Его подвода с двумя лошадьми не вернулась домой, и много дней спустя недалеко от дороги, в подсолнечниках, нашли его труп, привлекший к себе проезжего разложившимся тленным зловонием. Так рассказал мне казак-станичник «новой эмиграции».

Была полночь, но в штабе дивизии еще не спали. Мой старый друг полковник Кравченко был смущен, но несколько не печалился своим отстранением от должности. Он осознал и признался, что тогда «не сообразил», что надо было атаковать красных в хвост и во фланг. И пожаловался мне по-дружески, что «генерал Науменко здорово распек его», что и было резонно. Он завтра выезжает в свою Гиагинскую станицу Майкопского отдела «отдохнуть», а когда вернется в свой 1-й Кубанский полк — не знает.

Начальник штаба дивизии переписал приказ по корпусу о новом назначении. Вторым параграфом приказа по дивизии были указаны пункты, которые должна занять дивизия «на случай тревоги».

Подписав этот приказ, чем фиксировал свое вступление во временное командование 2-й Кубанской казачьей дивизией, распрощался с А.И. Кравченко и ночевать выехал в свой полк, чтобы не смущать предшественника. Завтра рано утром он выезжает «домой».

Окрыленные успехами, мы и не предполагали, что завтра красные вновь перейдут в решительное наступление на станицу Дмитриевскую и 1-й Лабинский полк своей конной атакой на глазах всего штаба корпуса полностью пленит всю пехоту красных.

ТЕТРАДЬ ТРЕТЬЯ

Командиры 1-го и 2-го Кубанских полков

Оба они были «временные». 1-м командовал войсковой старшина Степан Фомич Сердюк¹⁰⁴, а 2-м — войсковой старшина Назарий Савченко¹⁰⁵. Оба поступили в Оренбургское казачье военное училище в 1911 году и окончили курс вместе со мной в 1913 году.

По своим натурам они были люди глубоко штатские, но военная муштра переменила их характеры. Оба были способные, учились отлично, но военный строй и военная выправка у них были посредственные. Маленький ростом, кругленький, с черными усами, Сердюк в строю был на левом фланге 4-го взвода, а рослый, усатый Савченко — на правом фланге 2-го взвода. Несмотря на эту разность, они очень дружили между собой, как дружили и с двумя сверстниками, екатеринодарцами Алешей Булавиновым¹⁰⁶ и Сережей Боровиком¹⁰⁷. По этой дружбе Савченко, Сердюк и Булавинов по окончании училища вышли в 1-й Кубанский полк, стоявший в селении Каракурт, восточнее Сарыкамыш, Карсской области. Боровик, окончивший училище портупей-юнкером, вышел в 1-й Хоперский полк, потом перевелся в 1-й Екатеринодарский, но войну провел в 3-м Екатеринодарском полку.

По мобилизации 1914 года все трое — Савченко, Сердюк и Булавинов — были откомандированы в Войско, назначены в третьеочередной Кубанский полк, который был отправлен в Персию, где и провели всю войну. По отзывам сослуживцев, все они оказались отличными офицерами.

Был февраль месяц 1918 года. В Войске официально еще существовала казачья власть, но узловые станции Армавир, Кавказская и Тихорецкая были захвачены 39-й пехотной дивизией, прибывшей с Кавказского фронта, и в этих пунктах власть перешла к военно-революционным трибуналам, которые терроризировали население, разоружали Кубанские части,

возвращавшиеся с Турецкого фронта, арестовывали их офицеров, судили и очень многих расстреляли.

Вообще, эти военно-революционные трибуналы вылавливали всех проезжавших офицеров, но не многих отпускали. О них я уже писал.

И вот в снежную вьюгу, в полночь, кто-то решительно, требовательно постучал в наши ворота. Кавказская отдельная станица, где мучительно функционировало управление отдела с Атаманом полковником Репниковым, фактически находилась под страхом этого революционного трибунала в хуторе Романовском, который отрезал нас от всякого сообщения с Екатеринодаром.

На стук вышел отец. Перед ним стояли два типичных тогда красноармейца в солдатских шинелях, в «репанных» шапках, запорошенных снегом.

— Здесь ли живет Ф.И. Елисеев? — спросил маленький из них.

— А вы-то кто? — задал встречный вопрос непрошеным гостям, да еще в полночь, отец.

— Не бойтесь, папаша, мы его друзья, разбудите Федю, пусть он выйдет, тогда узнает нас, — отвечает все тот же «красногвардеец» маленького роста.

Отец разбудил меня, я вышел на парадное крыльцо и в этих небритых людях узнал Савченко и Сердюка. Не расспрашивая, немедленно же впустил в дом, разбудил всю семью. И непривычно было видеть в нашем доме моих друзей-сверстников в столь странном и неприятном одеянии. Но семья поняла, что это наши кубанские офицеры, «друзья их Феда», и сердца их открылись в казачью ласковость и откровенность.

Помылись, почистились и сели за стол. И рассказали они, что из станицы Ново-Александровской¹⁰⁸, где окончили существование их сотни, нарядившись красногвардейцами, ехали в поезде в Екатеринодар. На пересадочной станции Кавказская их арестовали, признав в них переодетых офицеров. Солдат сопровождал их в тюрьму, но находчивость, остроумие, юмор и черноморская речь Сердюка «внушили» конвоиру, что они не офицеры, а демобилизованные солдаты, и он, поверив, отпустил их «на совесть».

«Куда бежать после этого?» — думали они. И вспомнили, что я казак станицы Кавказской, и за 7 верст назад пришли ко мне.

Переждав сутки, отец уговорил знакомого кучера Прошку, рыжебородого старого солдата, отвезти их кружным путем к станице Казанской. Лихой извозчик, влюбленный в свою профессию, согласился. Он уже не раз спасал офицеров. И они уехали. И вот теперь, ровно через два года, прибыв во 2-ю Кубанскую дивизию, встретил их в штаб-офицерских чинах и временными командирами полков. Это было очень

приятно. Приятно было еще тем, что в роковые дни Кубани мои сверстники находились в строю.

Они потом эвакуировались за границу. Савченко умер в Югославии, а Сердюк в 30-х годах прислал открытку мне в Париж, в наше объединение воспитателей и юнкеров Оренбургского училища, что он работает инженером в Чехословакии. Больше от него вестей не было.

Конная атака Лабинцев под Дмитриевской

В приказе по 2-му Кубанскому корпусу 20 февраля 1920 года была указана диспозиция на случай тревоги. По ней 2-я Кубанская казачья дивизия переходит греблю у западной окраины Дмитриевской станицы и сосредотачивается к северу от нее. От дивизии выставляется сторожевое охранение, а с утра — конная разведка в сторону станицы Ильинской. Как малочисленные полки я назначил 2-й Кубанский полк войскового старшины Савченко в сторожевое охранение, а 1-й Кубанский полк войскового старшины Сердюка с утра должен выслать разъезды.

Пластуны и кавказские гренадеры занимают позиции по бугоркам, что севернее станицы Дмитриевской. 4-я дивизия сосредотачивается к юго-востоку от Дмитриевской. Штаб корпуса будет находиться на высоком кургане, что южнее станицы, у шляха на станицу Кавказскую.

После вчерашнего успешного боя части корпуса отдыхали в квартирах богатой станицы — как неожиданно прискакал ординарец из штаба корпуса с уведомлением, что красные наступают со стороны Ильинской.

Отдавать распоряжения по полкам было уже поздно, почему и «зацекотал» штаб-трубач Диденко:

Тревогу трубят-ат!.. Скорей седлай коня-а!
Оружие опра-авь!.. Себя осмотри-и!
Быстро на сборное место веди коня —
Стои, равняйся и приказа жди-и!

Станица моментально взбудоражилась. Полки 2-й дивизии самостоятельно скакали через греблю и выстраивались в резервные колонны севернее ее. В водоворот скачек попал и штаб дивизии.

Гребля. Она была станичной стройки, из одной насыпной земли, очень высокая, с выбоинами, по которой казаки скакали в колонне «по-три».

Лабинская бригада выстроена. Она имеет чуть выше 1 тысячи шашек. 1-й Кубанский полк маячит на горизонте, на северо-запад. Скачу с начальником штаба генерал-лейтенантом Арпсгофеном¹⁰⁹ и гром-

ко здороваюсь с полками. Казаки отвечают бодро, дружно, молодецки. Поздоровавшись, отъехал в сторону и, повернувшись к генералу, говорю ему:

— Извините меня, Ваше превосходительство, что я поздоровался в Вашем присутствии с полками.

— Зачем же Вы извиняетесь, Федор Иванович? Вы поступили совершенно правильно, — отвечает он.

— Да, конечно, но Вы старше меня в чине, и мне неловко перед Вами, — говорю ему, 65-летнему «старика», Генерального штаба генерал-лейтенанту.

И вдруг слышу от него твердые слова:

— Вы — начальник дивизии, Федор Иванович, а я у Вас — начальник штаба. Это есть абсолютное Ваше право и обязанность.

Его мышление мне понравилось. Об этом очень приятном генерале я напишу еще. Мне тогда было 27 лет, и по возрасту я годился ему во внуки. Вот почему мне и было неловко перед ним.

Лабинская бригада стояла укрыто в небольшой ложбинке впереди гребли и перед малым перекатом местности, который скрывал от казаков все то, что находилось севернее его.

Правее Лабинцев видны были цепи 2-го Кубанского и 4-го Линейного полков, ведущих перестрелку. Восточнее этих спешенных полков должны быть цепи пластунов и grenадер.

Снега здесь почти не было, а стояла все та же тягучая кубанская черноземная грязь, а скучную картину местности дополняло серое бессолнечное утро.

Чтобы хоть немного выяснить, что же происходит впереди, оставив весь штаб дивизии возле полков, один, наметом, выскочил на бугорки-перекат, которые прикрывали Лабинскую бригаду. Они находились шагах в ста от нас. И каково же было мое удивление, когда в 500 шагах к северо-востоку я увидел три густые и длинные цепи красных, спешно наступающих на станицу Дмитриевскую. Между второй и третьей цепями было до двух десятков пулеметных линеек. Они спускались со второго переката местности, что перед станицей Ильинской, почему шли быстро и, как я заметил, с уверенностью в своем наступлении.

Четыре орудия красных, заняв позицию за их перекатом, прямой наводкой обсыпали шрапнелью жидкие цепи казаков, занимавших позиции на главном тракте Ильинская—Дмитриевская. Мне показалось, что сокрушительный огонь красной артиллерии совершенно парализовал ружейный огонь пластунов и малочисленных спешенных полков: 2-го Кубанского и 4-го Линейного. Да и пластунов было немного. Там обозначилось замешательство.

Конница красных широкой рысью с перескоком на намет (галоп) по возвышению правого берега речки Калалы спешила обогнуть станицу Дмитриевскую с востока. Голова ее уже приближалась к околице. Она, видимо, запоздала своим «обходом» перед пехотой и потому заметно торопилась, растянувшись в своей густой колонне. Пехота их наступала стройно, твердо. Левый ее фланг был уже у самых крайних домов. Там, как выяснилось потом, батальон желтопогонных кавказских grenадер Добровольческой армии, схватив своих офицеров, передала на сторону врага, оголив правый фланг пластунов.

Здесь я должен подчеркнуть, что этот батальон grenадер не имел и 150 штыков.

4-я Кубанская казачья дивизия полковника Хоранова не была мне видна, и только на очень высоком, остром кургане южнее станицы, по шляху в Кавказскую, стояло несколько человек, по диспозиции — штаб корпуса генерала Науменко. Картина боя, расположение сторон видны были ему как на ладони.

Красные могли уже торжествовать в своей победе, так как положение сторон было только в их пользу. Корпус был застигнут врасплох, и части заняли свои места по букве диспозиции.

На открытой местности, через неглубокую, но широкую балку, положение наступающих красных было видно всем частям, бывшим в цепи, и говорило не в их пользу.

Спешенные 2-й Кубанский и 4-й Линейный полки уже отступали. 1-й Кубанский полк, в конном строю своего малого состава, маячил на северо-запад от Лабинцев. Лабинскую бригаду, сосредоточенную в ложбине, красные еще не видели, как и Лабинцы еще не видели ничего ни впереди, ни на флангах своих, прикрытые перекатом местности.

Все это определилось в моих глазах в один момент и гораздо меньше того времени, как пишется об этом. Момент был критически опасный и дорогой. Позади Лабинцев — узкая гребля, только что пройденная на широких аллюрах. Ее бригада в 1200 лошадей со всеми пулеметами и санитарными линейками не успеет перейти. Первая красная цепь в 500 шагах от нас. Станица Дмитриевская расположена по обоим склонам балки болотистой речки Калалы. По улицам топкая грязь. У переправ топь буквально по колено.

Раздумывать долго не приходилось. Все это пронеслось в моей голове в течение нескольких секунд. Бригада назад не успеет отойти.

«Перейдя реку — сожги мосты перед боем, чтобы никто не оглядывался бы назад», — сказал какой-то мудрец.

Огорошенный всем виденным, бросился с переката назад, подскакал к Лабинцам и сорвал их с места командой:

— Бригада-а!.. Широкой рысью за мной — ВПЕРЕ-ОД!

Никто из них не знал и не видел — что было впереди? Даже и начальник штаба дивизии, генерал Арпсгофен. Рассказывать «обстановку» было некогда и не нужно. Каждая минута была дорога. В естественном переживании своей души, как к самой надежной части, я стал перед 1-м Лабинским полком, которым тогда временно командовал мой заместитель, полковник Булавинов. Штаб дивизии в 30 коней был между полками. Полки оставались в резервной колонне, в которой они стояли, ожидая приказаний. И в таком скученном строю Лабинская бригада, чуть выше 1 тысячи всадников, не считая пулеметных команд, неожиданно, таинственно, молча появилась на перекате и, увидев красных, сразу же в упор обрушилась на них.

Кучная, стройная масса казачьей конницы, 15 развевающихся цветных значков на высоких древках-пиках в одну линию с веселыми белыми «фостиковскими» конскими хвостами на них (12 сотенных, 2 полковых флага и 1 штаба дивизии), при гробовом молчании всадников, густо, напористо оказавшихся на перекате и, не останавливаясь ни на секунду, потоком двинувшихся на красных, безусловно, ошеломила их. Передняя, самая сильная цепь красных немедленно остановилась и «стоя» открыла по казакам сильнейший огонь, а потом, повернувшись назад, стала отходить ко второй своей цепи.

Красные наступали прямо на юг. Положение Лабинской бригады было к юго-западу от них. Поэтому 1-й Лабинский полк своей резервной колонной невольно повернулся при атаке на северо-восток, почти на 45 градусов так, что 2-й Лабинский полк полковника Кротова оказался уступом левее и позади него. Вот почему весь огонь красных и сосредоточился на 1-м Лабинском полку.

Красив и благодатен наш кубанский чернозем для казака-хлебороба, но тогда, в тот роковой момент атаки, его я проклинал безжалостно. Аллюр «рысью» только могли дать наши кони, утопая в прошлогодней жниве.

Вторая и третья цепи красных, повернув назад, стали спешно и в полном порядке отходить к своей походной возвышенности, видимо и не думая сдаваться. И каких-нибудь 400—500 шагов, разделяющих нас с красными, казались непреодолимыми.

Лошади казаков изнемогали. Боязнь, что полки не дойдут до «шашечного удара», щемила душу. И как последний драгоценный резерв — бросаю в массу:

— ШАШКИ К БОЮ-У!.. В КАРЬЕР-Р!.. УРА-А-А!..

И красивой белой полосой на миг сверкнули сотни обнаженных клинков, и что-то похожее на «крысиные прыжки» обозначилось в ко-

лоннах. Казаки ближе и ближе к красным, ближе и первая их цепь, в смятении дав еще один-другой залп, «сломалась» и побежала в беспорядке наутек. Это словно прибавило силы нашим лошадям. Мы уже, определенно, догоняли переднюю цепь красных, но она все-таки бежала, уходила от нас. Я тогда удивился этому невиданному мной раньше сопротивлению красной пехоты, но чувствовалось, что она будет настигнута.

Удивительно осознанные переживания бывают в самые критические минуты. Страх не было совершенно. Было даже интересно, словно на охоте в погоне за зверем, который уже затравлен.

Пулеметные линейки красных, не открывая огня, бросили свою пехоту и понеслись на север в станицу Ильинскую. Снялись с позиции и их четыре орудия. Ушли и они, уклонившись от боя.

Услышав позади себя густой сап лошадей, оглянулся и вижу: 1-й Лабинский полк уже не скачет резервной колонной, а, разравнявшись, казаки скачут во все силы своих коней, но так уверенно, так зло, словно волки за ускользающей добычей.

К удивлению своему, вижу, что некоторые из них на своих прытких кабардинцах уже обгоняют и меня. Обгоняет меня с обнаженной шашкой и мой личный штаб-трубач Василий Диденко. Упоенный атакой, он, старый служака, видимо, забыл, что его постоянное место позади своего начальника. Но я его не остановил. Все казаки гикают, кричат и неистово стремятся вперед, чтобы дойти «до шашечного удара».

Мне досадно, что казаки «обгоняют меня». И чтобы принудить свою кобылицу Ольгу к более сильному аллюру, впервые оскорбил ее, эту благородную лошадь, участницу многих атак на Маныче и от Воронежа, щелкнул ее по правой ляжке шашкой плашмя. И она, вздрогнув от неожиданности, только немного усилила свой аллюр. Высокая, крупная донская лошадь с широкими копытами, она на них тащила целую груду грязи, тогда как у кабардинских коней к их высоким и узким копытам «стаканчиком» грязь, казалось, и не приставала.

И вот передние из казаков 1-го Лабинского полка на моих глазах уже врзались в первую цепь и расстроили ее. В полной своей беспомощности красноармейцы останавливались, бросали винтовки на землю и, подняв руки вверх, бежали навстречу казакам.

Вторая цепь остановилась и открыла «стоя» сильнейший огонь по казакам и по своим, уже сдавшимся. Это было еще более удивительно для нас.

Застрекотали еще не успевшие уйти пулеметы красных, но остановить казаков уже не могли и лишь усилили их нажим.

1-й Лабинский полк, разрозненный и от скачки, и от потерь, не терял своего строя. И руководимый, подчеркиваю, храбрыми своими командирами сотен (о них я скажу), головными своими взводами полк дошел-таки и врезался во вторую цепь красных. Видя полную беспомощность, остановилась и третья их цепь, резерв в двухшереножном развернутом фронте, уже у самого переката местности, откуда видна была вся станица Ильинская как на ладони. И видно было, как по прямой улице от южного моста через Калалы скакали пулеметные линейки красных; а орудия были уже на севере от станицы и, выпустив по пустому «полю боя» несколько шрапнелей, замолкли.

2-й Лабинский полк, мощный и совершенно не расстроенный, приближался к нам слева ровно и спокойно, готовый мигом ринуться на помощь своему брату — 1-му Лабинскому полку.

В это время 1-й Кубанский полк Сердюка маячил перед станицей Ильинской влево от нас.

2-й Кубанский и 4-й Линейный полки и пластуны самостоятельно продвигались вперед за частью красной пехоты, на их фронте, которая со сдавшимися гренADERами повернула на восток и по рыхлому льду Калалы безнаказанно ушла.

Все поле кипело пленными и казаками. Бой окончен. И стало тихо кругом, словно здесь и не летала смерть лишь несколько минут тому назад.

Конница красных, с высокого своего бугра увидев гибель пехоты, остановилась, постояла несколько минут и, повернув налево, шагом двинулась на восток, в направлении станицы Успенской, видимо считая, что станица Ильинская ими потеряна. На удивление, 4-я Кубанская дивизия полковника Хоранова не вступила с ней в бой, не преследовала ее, и где она (дивизия) была — нам, находившимся в ложбине, не было видно.

Все поле боя покрыто было разрозненными конными казаками 1-го Лабинского полка и пешими красноармейцами. Казаки подбирали своих убитых и раненых, сгоняли пленных в одну группу, изолируя их от винтовок, брошенных на землю. Получилось какое-то «месиво людей». Зная по опыту, что красная пехота, видя малочисленность или заминку казаков, подхватывала с земли свое оружие и в упор расстреливала казаков, кричу-приказываю штаб-трубачу Диденко трубить сбор. И залилась труба:

Соберитесь, всадники ратные,
Бурею ринуться, шашкою тешиться.
Дружно мы слоим врага-а!
Слуша-айте, всадники-други —
Звуки призывной трубы-ы!

Минуты были горячие. Я весь был погружен велением как можно скорее привести в порядок 1-й Лабинский полк и отправить пленных к командиру корпуса генералу Науменко, который находился со своим штабом и 4-й дивизией к югу от станицы Дмитриевской, как неожиданно обнаружил возле себя своего начальника штаба, о котором во время атаки совершенно забыл, как и забыл свой штаб дивизии в 30 человек с ординарцами.

На маленькой утомленной лошаденке с кавалерийским седлом, в английском обмундировании, с бритым лицом и без фуражки — среди разгоряченных казаков на кабардинских лошадях, в черкесках и папах — он казался воином иного государства. У него явно растерянный вид, но он с приятной улыбкой смотрит на меня своими умными глазами, как бы спрашивая — а что же будет дальше? Его душевное состояние можно было определить двумя словами — «растерянно-радостное» в своей беспомощности. Таким бывает мотылек, попавший в пучину быстронесущегося ручья. Он и там все остается «цветком», еще не потерявшим своего облика, но в то же время и не может быть «цветком». Он там растерян и беспомощен. Так и 65-летний старик генерал Генерального штаба, попав в массовую атаку бригады, скакал с ней, как тот мотылек в пучине ручья. И скакал во главе своего штаба дивизии в первых рядах, на уровне головных взводов сотен. И тогда как в полку никто из офицеров не был ни убит, ни ранен, в его штабе дивизии ранен один офицер.

В этот вечер, при всех офицерах штаба дивизии, он скажет мне:

— Ну, Федор Иванович, спасибо Вам. Первый раз в своей жизни сегодня я ходил в конную атаку. Не скрою — страшно было, но и очень интересно даже и тогда, когда «душа уходит в пятки».

Все офицеры скромно улыбались на эту его шутку. Улыбаюсь и я, за его такую простую бесхитростность и полную человеческую откровенность.

Вот почему, когда в конце боя он на рысях подошел ко мне как подчиненный и, ласково улыбаясь, смотрел мне в глаза своими возбужденными глазами, которые как бы спрашивали: «А что же дальше делать?.. И окончилось ли все это — страшное, страшное, непонятное?» — я его тогда вполне понял и не осудил. Одно дело — молодой строевой 27-летний полковник, и совсем другое дело — старый ученый генерал, привыкший работать в штабах.

— А где же Ваша фуражка, Ваше превосходительство? — был первый мой вопрос к нему.

— Утерял во время скачки, Федор Иванович, — отвечает он (он так и сказал «во время скачки», а не «во время атаки»).

Конница красных, видя, что ее никто не преследует, сделав дугу на восток, вдруг повернула к станице Ильинской. Это была «вчерашняя» конница красных — Отдельная кавалерийская бригада Коркишка. При ней не было ни одной подводы, понимая «пулеметных линейек». Она была равна по численности Лабинской бригаде. Но мы сильны пулеметами. Ее надо отрезать от Ильинской и атаковать.

Бой с красной конницей был бы более опасен, чем с их пехотой. Под генералом маленькая, невзрачная лошаденка. «Куда на ней он поскачет?» — думаю.

— Ваше превосходительство, пожалуйста, соберите пленную пехоту и представьте ее командиру корпуса генералу Науменко, — говорю я ему, находя «этот предлог» самым подходящим, чтобы оставить старогенерала в безопасном месте.

— Что Вы, Федор Иванович?!. Мое место возле Вас! Я начальник Вашего штаба! — очень решительно, с долей обиды, отвечает он мне, этот добрый и благородный человек.

В это время прискакал ординарец из штаба корпуса с приказанием мне от генерала Науменко: «Ввиду критического положения 4-й Кубанской дивизии — немедленно прислать к нему в резерв одну бригаду казаков».

Это было явно запоздалое приказание, посланное генералом Науменко до начала атаки Лабинцев. По этому приказанию легко можно было судить, как сам корпусной командир расценивал обстановку и боялся приближавшуюся к нему конницу красных. И наверное, наблюдая с высокого кургана боевое расположение своих частей и такой активный подход красной пехоты к станице Дмитриевской, видимо, не допускал возможности, что Лабинская бригада бросится в контратаку, — а отойдет назад.

Вместо помощи бригадой казаков я послал ему дивизию пленной пехоты.

В этом деле удивительно было то, что весь командный состав красной пехоты, как и политические комиссары, шли пешком в своих рядах, то есть командного состава верхом на лошадях, как это было принято у них, — н е б ы л о.

Обыкновенно старший командный состав и комиссары, видя неустойку, бросали своих подчиненных и спасались бегством на своих конях. Здесь этого не было. Все они были пленены.

Быстро приведя в порядок 1-й Лабинский полк и отправив пленных с конвоем, с Лабинской бригадой крупной рысью под уклон двинулся наперерез отступающей красной коннице, в изгиб речки Калалы, что у леска, по кратчайшей дороге.

Левобланговая группа красных, с перешедшими на их сторону кавказскими гренадерами, в нашем параллельном движении на северо-восток спешно, вразброд, по рыхлому весеннему льду переходит Калалы. Ну, думаю, вы-то от нас не уйдете!

Впереди бригады лавой скачет 4-я сотня распорядительного есаула Сахно, чтобы найти брод. Но я вижу, что казаки бросились по берегу в разные стороны и не идут в реку.

Бригада у леска. Речка топкая, и весенний лед совершенно не выдерживает тяжести лошади, проваливается. Мы вперились лбом в этот изгиб и упустили время, а красные, сделав большую дугу на восток, повернули к Ильинской и вошли в нее.

К ночи дивизии приказано было вернуться в Дмитриевскую — стать по старым квартирам. Ночью, по разжиженной грязи почти до колен лошади, прибыли в штаб корпуса для доклада.

Генерал Науменко рад и весел. Он буквально не знал, как благодарить Лабинцев, спасших положение. Просит садиться за стол, и угощает чем-то, и расспрашивает обо всем в подробностях. А потом, глядя на своего начальника штаба полковника Егорова и улыбаясь, говорит ему:

— Видали Елисеева?.. Какие штуки он отликает, вот молодец, право — молодец!

Егоров, как всегда, улыбается через пенсне и молчит.

Все это говорилось им так просто, что, ежели бы на нас не было военного мундира и речь бы шла не о бое, можно было подумать, что генерал Науменко рассказывает кому-то о какой-то новой безобидной проказе-озорстве какого-то Елисеева, может быть, ученика, но не выше ранга юнкера.

Генерал Науменко в обращении со своими подчиненными был очень прост, любезен и тактичен. В данном случае 1-й Лабинский полк в третий раз спасал положение корпуса, и исключительно доблестными своими конными атаками.

Начальник штаба дивизии генерал Арпсгофен

Я в штабе своей дивизии. Генералом Арпсгофеном был уже написан приказ по дивизии и обо всех нарядах, и на ночь, и на завтрашний день, и задания полкам на случай тревоги. Вкратце и очень умно был описан и сегодняшний бой.

Я удивился, во-первых, такой быстроте работы. Во-вторых, когда прочитал его, я не мог изменить ни одного слова. Все было написано

умно, дельно, так понятно и лаконично, что я невольно посмотрел на милого и доброго генерала-старика, моего начальника штаба дивизии, чтобы лучше рассмотреть его.

Я почувствовал тогда и ощутил, какая грамотность и опыт кроются в этом офицере Генерального штаба, о котором казаки, да и офицеры полка говорили со снисходительной усмешкой как о «не казаке» и старике и чью фамилию многие никак не могли произнести правильно.

«Аргофин» — называли его, и мой старший полковой писарь, человек грамотный, с вахмистерским басоном на плечах, тоже. А рядовые казаки доходили в произношении только до «Аргоф», а дальше они и не знали — есть ли еще буквы в его фамилии?

Я подписал приказ, и он внушительно приказал ординарцам от полков немедленно отвезти его начальникам частей.

Окончив дело, мы сели за ужин. Я впервые сажу с ним за столом, говорим непринужденно. А он так мило называет меня по имени и отчеству — словно мы были давно с ним знакомы.

Он очень вежливо разговаривает с офицерами своего штаба, но, когда говорит: «Хорунжий, есть ли у нас то-то и то-то? Сделали ли Вы то-то?» — все те, к кому он обращался, докладывали точно. И я сразу определил, что он достойно поставил себя перед своими подчиненными. Но поставил не «цуком», а умом. За все время своего командования 2-й Кубанской казачьей дивизией я жил с ним очень дружно и не было у нас абсолютно никаких недоразумений.

«Старик». Он нам всем казался стариком в свои 65 лет. Но был всегда аккуратно одет во все английское и ежедневно брил усы и бороду. Стариком казался потому, что самому старшему среди нас офицеру в полку было 35 лет, а остальным — от 22 до 30 лет.

Когда я пишу эти строки, мне свершилось 11 ноября 1962 года 70 лет от рождения. Но ежели бы кто меня назвал «стариком», я обиделся бы. Возможно, потому, что сохранил полное свое здоровье. Но и генерал Арпсгофен был тогда совершенно здоровый и бодрый. Таково заблуждение молодых лет.

Отзыв участника. В Париже проживал казак Д.И. Братчиков¹¹⁰, 78 лет. Тогда, в Гражданскую, он был обер-офицером при штабе дивизии. На мой вопрос, в своем письме от 8 июня 1962 года, он написал:

«Я попал во 2-ю Кубанскую казачью дивизию еще в Ставропольской губернии, когда ею командовал генерал Улагай в Святом Кресте и с того времени состоял в штабе дивизии до самого Адлера 1920 года. Много славных операций совершила дивизия за этот промежуток времени под командованием таких геройских конников, как Улагай, Го-

ворущенко¹¹¹, в особенности генерал Мамонов¹¹², Царствие ему Небесное, был убит недалеко от Царицына; потом генерала Фостикова и, наконец — полковника Елисеева.

Что касается операций частей этой дивизии под станицей Ильинской под Вашим командованием, то атака Лабинцев против наступающей пехоты красных заслуживает того, чтобы казацье потомство знало, как жертвенно защищали казаки-Кубанцы свой Край, свои станицы. Все произошло на моих глазах. Все произошло столь скоропалительно, что все было кончено в несколько минут. Пехота красных была взята и бросила оружие. Конница красных в это время двигалась в обхват нашего правого фланга, где была 4-я Кубанская дивизия и где был штаб командира корпуса генерала Науменко, под станицей Дмитриевской. План захвата этой станицы был красным командованием хорошо разработан. В лоб шла пехота, а конница в обхват, с фланга. И все это [им] испортил начальник 2-й дивизии полковник Елисеев. Он правильно оценил обстановку и в нужный момент атаковал красную пехоту, и она сдалась. Сколько было взято в плен, я не помню теперь, но, во всяком случае, пленных было гораздо больше, нежели казаков, их атаковавших.

Красная конница, с бугра, отлично видела трагедию своей пехоты, движение свое приостановила, постояла несколько времени на месте и, не имея возможности помочь своей пехоте, повернула назад и, как будто, взяла направление на станицу Успенскую.

Все это ясно и понятно. Вот непонятно как лично мне, так и другим офицерам штаба — почему командир корпуса и начальник 4-й дивизии в этот момент бездействовали, как будто их там и не было, на правом фланге? Почему они не развили успех полковника Елисеева до конца? Единственно, что можно предполагать, что там командование наше на момент растерялось от неожиданности, вызванной начальником 2-й дивизии сумасшедшей своей атакой. Одним словом, ответ, почему так ничего и не предприняли, остался, по крайней мере, нам не ясным и более чем странным. Если бы там, на нашем правом фланге, нашелся бы командир вроде полковника Елисеева, то, оценив создавшееся положение, немедленно со своей дивизией атаковал бы конницу красных и оттеснил бы ее от станицы Ильинской в направлении на станицу Успенскую, а нам бы попало в руки все, оставшееся в Ильинской. И таким образом, эта группа красных была бы достаточно потрепана и уже к бою неспособной. С другой стороны, дух наших войск поднялся бы и вот таких два-три сражения -- и все пошло бы наоборот». (Продолжение этого письма будет помещено по ходу дальнейших событий.)

Полковник Хоранов

Он православный, Валентин Захарович, из осетинского селения Ардонского, что рядом со станицей Ардонской Сунженско-Владикавказского отдела Терского Войска. По-осетински он — Уджукко Джанхотович.

После гимназии хотел стать юристом и окончил Ярославский Демидовский лицей. Потом окончил в Москве Александровское военное училище и вышел хорунжим в один из пластунских батальонов Кубанского Войска. За несколько лет до Великой войны 1914 года перевелся в наш 1-й Кавказский полк, раскинутый сотнями по персидской и афганской границам, в селениях Тахта-Базар, Пуль-и-Хатум и крепости Кушка. Две сотни со всеми командами и штаб полка квартировали в городе Мерв Закаспийской области. В 1913 году, когда я прибыл в полк молодым хорунжим, по окончании Оренбургского казачьего училища, он был в чине подъесаула и имел 38 лет от рождения, будучи младшим офицером, вначале 2-й, а потом 3-й сотни. Последняя стояла в Мерве.

Старшие офицеры были с ним все на «ты» и называли его только по имени — Уджукко. Мы же, молодежь, называли его по-православному — Валентин Захарович.

Отличный полковой товарищ. Веселый, добрый, беззаботный. Любитель пошутить и критиковать высшее начальство, начиная со своего командира сотни, есаула Захария Зиновьевича Котляра. Дамский кавалер. С женой был в трагической разлуке из-за своего друга, офицера-осетина Лазаря Бичерахова¹¹³. Скучал, почему по субботам посещал балы в гарнизонном собрании — единственное культурное развлечение в Мерве. Отлично танцевал все бальные танцы, а свою кавказскую лезгинку — исключительно тонно, стильно, с полным пониманием этого классического танца кавказских горцев.

Был спортивен и силен. И несмотря на свою слегка мясистую фигуру, приходя в нашу учебную команду, отлично делал «скобку» и на параллельных брусьях, и на турнике. А прыжками в длину никто не был сильнее его.

К казакам был очень добр, службой их не напрягал. Конный строй он мало знал, не интересовался им и даже не имел собственной лошади, выезжая на разные учения на казачьей лошади.

По мобилизации 1914 года командир полка, полковник Д.А. Мигузов¹¹⁴, терский казак, с удовольствием откомандировал его в Войско для формирования 2-го Кавказского полка, так как не любил его, как не любил командира и Хоранов.

На войну он вышел командиром сотни и вернулся по ее окончании в чине полковника.

В Гражданской войне некоторое время командовал 2-м Кубанским полком в корпусе генерала Улагая за Царицыном в 1919 году, но не поладил с ним, и Улагай уволил его — так он [Хоранов] мне сам рассказывал потом. С ним мы дружили еще с Мерва, как «два мушкетера» в танцах.

Выше я описал, как он попал во 2-й Кубанский корпус генерала Науменко и, по событиям, по отсутствию генералов, он совершенно случайно возглавил 4-ю Кубанскую казачью дивизию.

Я тогда был удивлен, что он своей дивизией не атаковал конницу красных. В 4-й дивизии было не менее 1 тысячи шашек, и по численности Кавказская бригада не уступала Лабинской. Как передавали мне офицеры-кавказцы, дивизия была спешена и залегла в цепи. Это было более чем странно. И стало бы глубочайшей трагедией для нее, если бы красный командир бригады атаковал дивизию.

Возможно, что он не исполнил приказа командира корпуса (если таковое было) — атаковать красную конницу, отходящую вспять, что на Хоранова похоже. Кстати сказать, он старше летами, как и в офицерском чине против генерала Науменко, лет на восемь. Этого Хоранов также никогда не забывал нигде. Возможно, что воспитание в пехотном военном училище наложило свою печать — осторожность к конному и склонность к пешему бою.

Хоранов, коему генерал Науменко позже сдал корпус, проявил себя «нехорошо» при капитуляции Кубанской армии на Черноморском побережье в апреле 1920 года — что мной будет описано своевременно.

Непонятно было еще и то, что с нашей стороны совершенно не участвовала артиллерия. Часть орудий была потеряна корпусом еще в Ставропольской губернии, у села Красная Поляна. А с высокого берега Дмитриевской станицы и пехота красных, и конница их были видны как на ладони. Расстояние до них было не свыше 3 верст.

В историческом исследовании «Трагедия Казачества» помещены следующие сведения: «21 февраля, на реке Калалы у станицы Дмитриевской, 2-й Кубанский корпус и Кубанские пластуны, после тяжелого боя — разгромили три полка пехоты и свыше полка конницы, захватили 380 пленных»¹¹⁵.

Странно, откуда они взяты? Не знаю, была ли это дивизия или бригада красной пехоты, но она была полностью пленена и без потерь с ее стороны, так как пленных казаки уже не рубили. А красная конница отошла в Ильинскую совершенно безнаказанно.

В этом бою наши доблестные пластуны, коих было немного, вели лишь перестрелку со своих позиций. Весь бой (атака) продолжался столько минут, сколько потребовалось коннице пройти, в среднем,

крупной рысью 500 шагов. И вся тяжесть боя, как и слава, принадлежит только 1-му Лабинскому полку, во главе которого стоял полковник А.П. Булавинов, старый Лабинец.

Жена конвойца. Сестренка Надюша

День 22 февраля был днем полного отдыха для полков дивизии. Я живу в штабе дивизии вместе с генералом Арпсгофеном. Штаб помещался в доме богатого казака. В зале стоит большой сундук, охваченный со всех сторон мелкими треугольниками цинка разных цветов. По нему я узнал, что хозяин дома — бывший урядник-конвоец и семейство его сундуком гордится.

Мне эти сундуки всегда нравились. Их заказывали все казаки-конвойцы в Петербурге, перед возвращением домой, как незабываемую память о службе в Собственном Его Императорского Величества Конвое¹¹⁶. Имел его и наш родной дядя по матери, урядник-конвоец Алексей Петрович Савелов, казак станицы Казанской. В нем хранились его гвардейские мундиры. Все это было мне хорошо знакомо с детских лет.

Здесь я невольно подхожу к такому сундуку и любовно оглаживаю его в знак своего восхищения щегольской работой мастеров Питера и уважения к хозяину его, уряднику-конвойцу. На медной пластинке сверху «внутреннего звонка со звоном» читаю: «В подарок моей супруге Марии, урожденной Вивчаренко».

«Странно, — думаю, — Дмитриевская станица типично «линейская» и далекая от всего украинского, откуда этот казак «выдрал» себе жену-хохлушечку?»

Посмотрел еще раз на сундук, полюбовался им и отошел. А за обедом вместе с генералом всматриваюсь в молодую хозяйку, которая должна быть в девицах Вивчаренко. Приятная и стройная, красивая казачка 28—30 лет с ласковостью подает нам кушанье и нет-нет да и бросит на меня какой-то «родственный» взгляд.

Обед окончился. Она убрала все со стола. И когда ушли все офицеры, я спрашиваю ее:

— Твой муж гвардеец, хозяйюшка? (В станицах называли их «гвардейцами», но не «конвойцами».)

— Да, а што? — лукаво отвечает она. — По чему это Вы узнали? — улыбаясь, продолжает молодича.

— А по сундуку, — говорю ей и также улыбаюсь.

— А Вы там больше ничего не заметили? — вновь лукаво спрашивает.

— Заметил. Вивчаренко — твоя девичья фамилия. Правда?

Она еще больше улыбается и весело продолжает:

— А Вам эта фамилия ничего не говорит?

— Очень знакомая, но, право, ничего не могу припомнить о ней.

— Да Вы же будете Федя Елисеев?... С Кавказской? — уже смеется она.

— Да-да!.. А что?

Тогда она еще больше улыбается и заодно говорит:

— Да неужели Вы меня не помните?... На свадьбе моей старшей сестры?... На хуторе Вивчаренко, у нашего отца, лет двенадцать тому назад, когда Иван Тимофеевич Тарасенко брал замуж мою старшую сестру. Вы тогда с братом были шаферами и даже со мною целовались, когда играли «в фанты», при песне «Я сажу, горю, пылаю, на калиновом мосту».

И я вспомнил даже и все подробности.

— Так неужели это ты, Маруся... младшая сестра? — взбудораженно, весело спрашиваю ее.

— Ну канешна!.. А што — подурнела? — лукавит она.

— Да не подурнела, а, наоборот, расцвела, дорогая!.. Но как это было давно! — отвечаю ей.

И передо мной восстановились приятные картинки былого юношества, давно забытые, словно ушедшие в потусторонний мир.

Прошло только 12 лет, и — как все переменилось! И если в душе я был шокирован, когда она произнесла: «Да Вы же будете Федя Елисеев» (это начальника-то дивизии!), — то, узнав, кто она, мне было так приятно вспомнить о былом и говорить с нею, как с родной сестрой.

Мужа мне так и не пришлось увидеть. Он был помощником станичного атамана и в те суровые дни боев находился все время в станичном правлении. Конечно, он так и остался в своей станице после нашего отступления, как и все население несчастной нашей Кубани. Жуткая доля Казачества!

Было уже полуденное время того дня. В окно вижу — по улице движется шагом «мой хоперский выезд»: кучер Максим, что отступил с хоперцами от самого Воронежа из своей губернии, а позади его, в отцовской тачанке, сидит Надюша и, бросая взгляды по дворам, ищет Лабинский полк. Воронье как смоль жеребцы, гривастые и хвостатые, хорошо откормленные и вычищенные, достойны для командирского выезда. Надюша в моем черном длинном зимнем бешмете, подарок ей, и в маленькой черной шапчонке. Казачок сидит в тачанке, да и только — подумает каждый, глядя на нее.

Ее неожиданное появление здесь, в тревожной обстановке, мне не особенно понравилось. Выскакиваю на парадное крыльцо и кричу:

— Максим!.. Надя! Сюда-а!

Максим натянул вожжи и с шиком подкатил к парадному крыльцу, снял моментально папаху и весело произнес:

— Здравия желаю, Федор Иванович, господин полковник!

А Надюша, по-мужски соскочив с высокой тачанки, бросилась ко мне и защебетала:

— Фе-е-дя-а!.. В станице только и говорят о Лабинцах!.. Опять пригнали много пленных красных!.. И кого ни спросишь, кто их взял? — все говорят: 1-й Лабинский полк. Нашим станичникам немного досадно, что делают все это Лабинцы, когда тут же и свои кавказцы, но все знают, что командиром Лабинцев ты, потому все и рады, не нахвалят тебя, вот я и приехала сюда, чтобы тебе все это рассказать, — радостно говорит она, захлебываясь. — А мама и бабушка — так аж плачут от радости, — добавляет.

Через 3 дня бабушка и наша мать будут плакать уже не от радости, а от горя и полной неизвестности, так как из дома уйдут в горы, к Черному морю, все три сына-офицера и вот эта щебетунья Надюша с 1-м Лабинским полком. А дома останутся две беспомощные старушки и два подростка, наши самые младшие сестренки — Фися, 14 лет, и Нина, 12.

Тост полковника Булавинова. Бой в станице Ильинской

Сегодня господа офицеры 1-го Лабинского полка справляют званый ужин в честь вчерашней атаки. К тому же из станицы Константиновской прибыли два старика ходока узнать — как дела на фронте? И надо ли полку еще какой-либо помощи? Это были отцы двух хорунжих — Михаила Копанева и Меремьянина-пулеметчика. Но главное — полк хочет почтить меня, о чем еще утром сказал полковник Булавинов и просил пожаловать «в гости».

«С огнями», то есть вечером, я прибыл с генералом и познакомился со стариками. Старикам этим было лет по пятьдесят. За столом посадил их рядом с собой, как почетных гостей. Рядом с отцами посадил и сыновей-хорунжих. Почет делался не чинам, а людям, сердцу казачьему. Ужин был если и не пышный, но всего было вдоволь. Не хватало только напитков. Их было мало. В соседней комнате играл полковой хор трубачей. От Кавказцев присутствовал наш старший брат Андрей, есаул. Конечно, была и Надюша — гостья неожиданная, которую все офицеры полка так полюбили.

«Под жареное» полковник Булавинов, как хозяин стола, встал с тостом. Он не любил высшие штабы и Генеральный штаб, то есть офице-

ров Генерального штаба. А успехи полка буквально взбудоражили его душу старого Лабинца.

Он говорил о строе, о строевых офицерах, на ком лежит вся тяжесть боевой работы. В своем развитии этого «строевого тоста», вначале складного и продуманного, он дошел до того, что оскорбил корпус офицеров Генерального штаба. И в доказательство своей истины указал, что вот пример: как только принял полк, а потом дивизию строевой офицер, не Генерального штаба, полковник Елисеев — посмотрите, какие успехи пошли!

Тост этот очень «задел» моего милого и благородного начальника штаба. Выслушав его, сидя со мной рядом, тихим голосом он попросил дозволения покинуть стол.

Мне было неудобно и бесконечно жаль этого безусловно очень культурного и воспитанного старого русского генерала Генерального штаба, который по событиям момента и как гость не мог и, может быть, не хотел отвечать хозяину стола и, в данный день, командиру полка; выразив естественный протест, он решил молча уйти. На мои уговоры он решительно отказался остаться и ушел.

По-дружески я пожурил Булавинова тут же после ухода генерала и вдруг слышу от него не раскаяние, а радость, что генерал ушел. И тут же уверяет меня, как и офицеров, что «верхи» не выведут нас из беды. И наша кровь сейчас льется даром.

По воинской дисциплине я мог приказать Булавинову «остановиться» в дискредитации высших начальников, но вижу на лицах у всех офицеров «удовольствие» слушать Булавинова и даже радость в глазах.

Гражданская война есть война народная. И с народом надо было считаться. И «цукни» вот сейчас их всех — завтра они «повесят носы», как оскорбленные.

Мне все это все же не понравилось. Вечер был испорчен.

23 февраля генерал Науменко приказал 2-й дивизии занять станицу Ильинскую. Выступление назначено к вечеру. В лоб, на мостик у самой окраины станицы, через рукав Калалы был брошен 1-й Кубанский полк, который с налета захватил в плен полевою заставу с двумя пулеметами.

Моросил мелкий, нудный дождик. Маленький ростом, но на очень высоком и сильном гнедом коне, ко мне прибыл командир 1-го Кубанского полка войсковой старшина Сердюк и доложил об успехе, весело улыбаясь по-дружески.

Я смотрю на него и тоже улыбаюсь, так как он был очень странно одет. Поверх кителя — шашка, кинжал, револьвер, бинокль. На голове, поверх папахи, — шерстяной вязаный шлем, через отверстие которого видны только глаза и нос Сердюка. «Шлем» мокрый, сползает ему

на глаза. Мощный конь не слушает его повода. Сердюк вертится перед мной шагах в десяти и все время улыбается. Я отпускаю его и вслед кричу:

— А сколько у вас в полку шашек, Фомич? (Так мы его звали в училище.)

— Да сто двадцать пять! — выкрикнул он уже на ходу и поскакал к своему полку в 125 шашек.

С Лабинской бригадой широкой рысью я направляюсь прямо к центру станицы. Красная конница выскочила на восток станицы. Ища «живую силу врага», чтобы ее уничтожить, бригада последовала за ней. Но один из рукавов Калалы и тут пересекает нам дорогу. Красные, спешившись в северо-восточной части, встретили казаков огнем. В станице грязь гораздо глубже, чем в степи. Одна из конных групп, человек в двести, угрожала уже с восточной стороны. Видно было, что красные не хотели оставлять станицы. Высланный 2-й Лабинский полк оттеснил эту группу. Уличный огневой бой затянулся до вечера. Мы занимали юго-восточную часть станицы, а красные северную. Обе стороны разделял болотистый рукав Калалы. При таких обстоятельствах оставаться на ночь в станице было невозможно. Казаков было меньше, и мы были без резерва. Генерал Науменко с остальными частями оставался в Дмитриевской.

Дождавшись сумерек, тихо, казалось незаметно, я повел полк обратно к переправе, что на юге станицы. Но только что Лабинская бригада тронулась, как вслед, и немедленно, появилась красная конница и, под улюлюканье и матерную ругань, открыла по казакам с седел огонь со всех сторон, боясь атаковать. Выслав часть пулеметов к югу, чтобы обеспечить нашу переправу, остальным приказал ответить «огнем на огни». Красные сразу же замолчали.

В непролазную грязь в колонне по-три перешли мы обратно Калалы через единственный мостик к Дмитриевской и вернулись на старые квартиры.

Одно было приятное сознание, что женщины-казачки станицы Ильинской при появлении своих казаков щедро несли им из дворов пироги белого кубанского хлеба и шматки соленого свиного сала, приговаривая:

— Нате вам, родные, а то все забирают у нас эти красные.

К полку присоединилось несколько десятков ильинских казаков, которые, увидев красных воочию, испугались за свое благополучие.

Явившись к генералу Науменко и доложив обо всем, с его стороны не встретил осуждения в неудаче. Доклад он выслушал серьезно и сказал, что завтра пойдет в наступление весь корпус.

Для прочного удержания железнодорожного узла станции Кавказская (хутор Романовский) было недостаточно занятия одной Дмитриевской станицы, имея противника в 7 верстах в станице Ильинской, который в любой день и неожиданно мог атаковать и выбить 2-й Кубанский корпус из Дмитриевской. Тогда бы корпус не удержался и под Кавказской. С потерей этого железнодорожного узла прерывалась бы всякая связь с Терским Войском и Терско-Дагестанским краем всех войск здесь и главнокомандующего генерала Деникина. Прерывалась телефонная и телеграфная связь. Был упущен день, когда 21 февраля корпус не занял Ильинскую, чем отбросил бы красных на восток, в станицу Успенскую, и на север, в станицу Ново-Покровскую, отстоящие от Ильинской на 24 версты.

Штаб корпуса, видимо, это сознавал и решил занять Ильинскую. К тому же Донская армия, 1-й и 3-й Кубанские корпуса, были на север от Кубани не менее как в двух переходах. С занятием Кавказского узла красные немедленно бы устремились в Майкопский отдел, заняли бы Белореченскую, соединились с красно-зелеными, занявшими к этому времени всю Черноморскую губернию, и, конечно, отрезали бы путь отступления всем войскам, потом отступившим к Туапсе.

В это время 4-й Кубанский корпус генерала Писарева, оставив Ставрополь, действовал севернее Армавира и Невинномысской. Красные могли отрезать и этот корпус от их магистрали Армавир—Белореченская и занять Майкоп.

Был ли приказ или по личному плану, но корпус завтра, 24 февраля, выступит для занятия Ильинской.

Новая неудача. День 25 февраля

С утра 24 февраля весь корпус, без пластунов, сосредоточился к юго-западной части Ильинской, у шляха с хутора Лосева. С дивизиями и генерал Науменко. Стоял пасмурный день. Моросил мелкий дождь. Науменко бросил Лабинскую бригаду вперед. Крупной рысью спускалась она от того кургана, который стоит у Лосевского шляха, на уровне станицы Дмитриевской. Мы проходили мимо Кавказской бригады, численностью равной Лабинской. Мне немного было досадно, что вот в голову опять бросают Лабинцев, и в душе чувствовал — на неудачу. В управлении корпусом я не видел при этом наступлении ни порыва, ни дерзания. А тут еще «кислая» погода.

Головная сотня моментально сбила красных с мостика, что у кирпичного завода. Конница красных, отдельными группами, поскакала во все пролеты улиц Ильинской.

Наученный вчерашним опытом, что, втянувшись в станицу, толку будет мало, решил следовать прямо на север по окраине, оставив станицу правее себя, и, пройдя ее, занять выход на станицу Ново-Покровскую. Этим маневром я заставлял красных отступить только на восток, к станице Успенской.

В это время правее Лабинцев широким наметом понеслась Кавказская бригада, бросившись на восток, вдоль улицы. Это меня устраивало.

Перед Лабинской бригадой легкий подъем. Здесь прошлогоднее жниво и почва так разбухла и так вязка, что нельзя развить сильный аллюр.

Смотрю — красные скачут толпами впереди нас на следующей улице и поперек нашего движения. Решаю ударить их во фланг. Как в это время головная сотня под огнем красных отскакивает назад. Командир сотни докладывает, что впереди речка. Но я уже и сам вижу ее, потянувшуюся на восток. И красные, пройдя ее по мосту, заняли гумна по ту сторону этой предательской топкой речки Калалы и открыли по казакам огонь, зная, что речку-то мы не перейдем.

С досадой поворачиваю полки «взводами кругом»; неся потери, рысью отступаем назад. Одновременно с нами отступают и Кавказцы.

Вновь все сорвалось, и я, не ожидая приказаний, с бригадой отошел за мостик, что у кирпичного завода. Здесь пришло и приказание от командира корпуса: «идти домой» в станицу Дмитриевскую.

На высоком кургане у Лосевского шляха генерал Науменко долго стоял со мной и смотрел на Ильинскую, имея спешенные полки позади себя. Нудно моросил дождь и мглою заносил станицу от наших глаз. К ночи полки вернулись в Дмитриевскую.

Когда я поднялся на этот высокий курган, на котором находился командир корпуса, на нем лежали два казака с винтовками в руках, направленными на Ильинскую. В одном из них я сразу же узнал конного вестового всей Великой войны у моего бывшего командира сотни, поддесаула Г.К. Маневского¹¹⁷ — Георгия Афанасьева.

Это был крупный, сильный казак на таком же крупном и сильном рыжем коне донской породы. Неискушённый и простецкий, он служил «не кричаще», но честно и верно своему любимому командиру. Те, кто был с Маневским на «ты», называли его Жоржем. В шутку и Маневский называл своего вестового Жорж. Тот брал под козырек и не обращал никакого внимания на эту шутку. Порой и я, младший офицер в

сотне Маневского, называл так Афанасьева. И вот теперь, не видя его ровно 2 года, я так обрадовался встрече, что совершенно серьезно и громко восклицаю:

— Здравствуй, Жорж!.. Живой?.. Как дела?

А он, грустный теперь, громко ответил мне, как и в Мерве, и на войне было принято в нашем 1-м Кавказском полку при личных встречах с хорошими казаками:

— Желаю здравия, господин полковник! — и, кивнув в сторону своей родной Ильинской станицы, беспомощно посмотрел на меня печальными глазами.

Казачье сердце, видимо, предчувствовало, что он уже никогда не вернется в свою станицу.

— В каком полку служишь и кто ты теперь, Жорж? — участливо спрашиваю его.

— Да подхорунжий я, господин полковник, но што теперь от этого толку! — грустно, подавленно отвечает он. — А это, господин полковник, мой младший брат. Увожу и его с собою. И вот в последний раз глядим на свою станицу, — закончил он.

Оба брата эвакуировались. Поселились в Югославии, занялись мелкой торговлей и никому из станичников о себе не давали сведений.

После этих двух неудач я почувствовал, что настал психологический перелом.

От 2-й дивизии было выставлено усиленное сторожевое охранение в сторону Ильинской. Чтобы показать свою «живучесть» и нервировать красных, приказал в охранение выставить одно орудие и через каждые полчаса давать один выстрел на их переправу у южного моста через Калалы.

На случай тревоги дивизии приказано сосредоточиться севернее Дмитровской, но у главной переправы.

Красные с утра подошли к станице. Их мы совершенно не ждали. И когда я со штабом дивизии выскочил через переправу к северной окраине по главному шляху Дмитриевская—Ильинская, навстречу мне, через дворы, бежали в панике пластуны. Впереди всех мой станичник Никита Джендо, неслуживый казак 35 лет, с перекошенным от страха лицом, кричит:

— Возвращайтесь назад, Федор Иванович!.. Красные уже во дворах!

Не верить станичнику было нельзя. Да и больно быстро, главное через дворы, бежало несколько десятков пластунов. Повернув назад, прошли грязную топь у главной переправы и поднимаемся на противоположную сторону станицы — как в спины нам понеслись пули красных. И получилось так, что штаб дивизии вышел из станицы после своих

полков. Полки стояли уже за станицей в достаточном беспорядке. Даже и мой славный храбрый 1-й Лабинский полк. Полковник Булавинов на это посмотрел, видимо, «просто», как на естественное явление, что «мы все равно не удержимся».

— Собрать свои полки! — зло кричу я командирам еще издали.

И тут же узнаю, что в этом неприятном отступлении смертельно ранен доблестный командир 1-й сотни, есаул Минай Бобрятин.

Штаб корпуса находился на мельнице, что по шляху к станице Кавказской. От генерала получено приказание: «Оставить только наблюдение за станицей, полки отвести назад, в балку».

Красные, заняв южную окраину Дмитриевской, вперед не продвинулись и постреливали по казакам.

Снялся с мельницы и штаб корпуса. Науменко один, без штаба, стоит со мной на перекате к балке. Видим, что лежащий впереди нас курганчик заняли какие-то пешие казаки, и слышим громкий баритональный голос команды:

— Взвод! — ПЛИ!.. Взвод! — ПЛИ!

— Кто это там «залпует»? — удивленно спрашивает меня Науменко, но я не знаю.

Он посылает казака с приказанием — сняться и отойти. И мы видим — идут 20 человек молодых казаков. Впереди них молодой начальник с двумя Георгиевскими крестами. Он докладывает, что это взвод пластунов станицы Ильинской и они в последний раз давали «салют» своей станице. Науменко улыбается, хвалит командира за молодечество и с миром отпускает их в строй.

Командиром этих пластунов был 20-летний подхорунжий Алексей Дорофеевич Белов, служивший в Добровольческих частях, где за храбрость получил и Георгиевские кресты, и звание подхорунжего.

Потом этот казак останется с Кубанской армией на Черноморском побережье; вернется в свою станицу, будет, как все его сверстники, мобилизован в Красную армию; будет в Кронштадте с восставшим гарнизоном, уйдет с ним в Финляндию; будет очень активным членом Финляндско-Кубанской станицы, украшением ее в песнях и танцах; с джигитами переберется в Америку в 1926 году, будет зарезан в спину каким-то поляком и умрет в больнице в неизвестности от полученных ранений ножом. Так жаль этого выдающегося самоходка.

После полудня, не видя наступления красных, генерал Науменко приказал 2-й дивизии отойти в хутор Лосев, там заночевать и действовать по обстоятельствам на месте. С 4-й дивизией и остальными частями он отошел в станицу Кавказскую.

Бой у хутора Лосева

В хутор Лосев дивизия вошла затемно. Он весь расположен по северному берегу топкой Челбасы, имея единственную греблю к хутору Романовскому.

Казачья гребля — она строится местными общественными средствами, да так — лишь бы проехать подводой. Лосевская гребля ужасна: узкая, низкая, густо унавоженная.

Зная, что в случае отступления нам не удержаться в хуторе, приказал быть начеку. И действительно, с раннего утра разъезды донесли, что наступает красная конница. Немедленно перевел дивизию на южный берег и 1-м Лабинским полком занял позицию на склоне, на таком расстоянии от реки, до которого не доставал бы пулеметный огонь красных. Все остальные три полка и артиллерию (не знаю, сколько было орудий) укрыл за перекатом, в балке.

Ко времени завтрака красная конница, крупной рысью спускаясь с высокого переката, вошла в Лосев. Мы молчали. Но когда она двинулась к гребле, легким пулеметным огнем Лабинцев была остановлена.

День 26 февраля начался с ярким восходом солнца. Стало сразу тепло, и песчаная почва этого района нашей станицы была суха. День стал совсем весенний. Но он для 1-го Лабинского полка был особенно тяжелым по своим потерям.

Красные, выждав, к обеду открыли по казакам артиллерийский огонь откуда-то из-за закрытой позиции к северу от Лосева. После обеда огонь их усилился, они хорошо пристрелялись по целям.

Уже не раз доносил мне полковник Булавинов и о потерях, и о невозможности держаться на неукрытых позициях. Но я отлично знал, что, если мы оставим свои позиции и выпустим из-под обстрела единственную переправу, красные немедленно перейдут Челбасы, и тогда надо будет вести настоящий бой, который может быть не в нашу пользу, или отходить на хутор Романовский — до него было 12 верст.

К полудню огонь красных заговорил сильнее. Уже провезли мимо меня изувеченного шрапнельным разрывом доблестного командира 6-й сотни хорунжего Меремьянина 1-го. Вскоре был убит его двоюродный брат, пулеметчик хорунжий Меремьянин 2-й. Из линии фронта потянулись раненые казаки и линейки с убитыми. Я чувствовал, что положение становится буквально невозможным. У меня телефонная связь со штабом корпуса через хутор Романовский. Чтобы не тревожить корпусного, вызываю начальника штаба полковника Егорова и докладываю ему о невозможности держаться дальше. Он настаивает, чтобы дивизия обязательно продержалась до вечера.

Дивизия держится. Но через час положение усугубляется. Казаки все время посматривают назад, в мою сторону, явно ожидая приказа «отхода». Я ловлю ту психологическую черточку, которая скажет мне, что, если красные начнут переправляться в нашу сторону, казаки уже не выдержат.

Вновь вызываю начальника штаба и уже диктую ему, что, может быть через час времени, я снимаюсь с позиции и отхожу в Романовский. Услышав это, полковник Егоров, очень корректный офицер Генерального штаба, который меня отлично знает еще по Корниловскому полку на Маныче весной 1919 года и с которым я всегда был в самых мирных взаимоотношениях, вдруг очень решительно, тоном беспрекословного приказания говорит:

— За отсутствием генерала Науменко, именем командира корпуса, приказываю Вам, полковник Елисеев, во что бы то ни стало продержаться до темноты на занимаемых позициях и только потом уже отходить в хутор Романовский. Штаб корпуса, 4-я дивизия и все остальные части корпуса отойдут к ночи туда же, в хутор Романовский. — И добавил еще тверже: — Вы будете ответственны по законам военно-полевого управления войск, если не исполните моего приказания.

Сказал и повесил трубку. Я понял, что дальнейший разговор с ним бесполезен. Как и прав он. Проехал сам к Булавинову, урезонил его и усилил 2-м Лабинским полком. В резерве у меня Кубанская бригада в 250 шашек. На душе было скверно.

И как мы рады были, когда наступила темнота. Я вновь вызвал к телефону полковника Егорова, и мы тут уже спокойно ориентировали один другого в общей боевой обстановке.

— Итак, полковник, снимайте Вашу телефонную связь и — до встречи в Романовском, — совершенно любезно закончил наш разговор Егоров.

2-й дивизии приказано было занять северные улицы Романовского и на ночь выставить сильное охранение в сторону Лосева. Штаб корпуса со всеми своими частями расположился в южной части хутора.

Сетью железнодорожных путей хутор Романовский разделен на две равные части, сообщение между которыми имелось только на окраинах, подземными мостами. Для пешеходов существовали два висячих моста.

По знакомому мне с детства шляху дивизия идет в Романовский. Он расположен в глубокой котловине, но зарево многочисленных огней железнодорожного узла за много верст определяет его местонахождение и радует нас, воинов, уже надорванных боевыми неудачами.

Судьбе надо было сделать так, что 1-й Лабинский полк имел свои кровавые потери 26 февраля именно на том месте, где 16 февраля захватил в плен всю группу красной пехоты с пушками, пулеметами и

обозами, отступившую от хутора Романовского, и понес при этом совершенно незначительные потери.

Судьбе угодно было сделать так, что 16 февраля, когда четыре сотни 1-го Лабинского полка скакали по снежной степи от Романовского в Лосев, чтобы отрезать отступавшую красную пехоту, 6-я сотня хорунжего Меремьянина 1-го, бывшая в заслоне, гналась по пятам пехоты именно по этому шляху, по которому 26 февраля везли в Романовский его тело, изуродованное шрапнельным разрывом красных. Через 2 месяца он умрет в Крыму от ран на руках своей молодой жены-казачки.

Судьбе было угодно еще сделать так, что в трех замечательных по успеху атаках 1-го Лабинского полка не был ни убит, ни ранен ни один офицер, а теперь, при отступлении, в упорных боях убиты трое доблестных офицеров — коренных Лабинцев. Пусть Войсковая история запишет их имена на своих скрижалях — есаула Миная Бобряшева и двух хорунжих, братьев Меремьяниных, погибших в боях, защищая свой Казачий Удел.

Полковник Миргородский

Голова дивизии дошла до тех бугров, которые занимали красные 16 февраля, отойдя от Романовского, и на которых, в предутренней темноте, напоролся 1-й Лабинский полк. С них, к югу вниз, сплошное зарево огней многочисленных фонарей паутины железнодорожного узла, соединяющего Россию с Кавказом и Черноморье со Ставрополем. Было и не похоже на войну. Население хутора в 40 тысяч здесь жило будто по-мирному.

Мы прошли через железнодорожный переезд на Ставрополь и ту будку, знакомую по 16 февраля, и вошли в хутор.

Квартиреры ведут штаб дивизии к западу. В темноте узнаю так знакомые мне места, где наша семья имела подворье. Хутор Романовский был наш, казачий. Узнаю знакомый дом полковника Павла Григорьевича Миргородского¹¹⁸ и, к удивлению, стоявшего на улице его владельца. Он, в длиннополном туркменском тулупе с большими рукавами, внакидку на плечи, видимо, кого-то ждал.

— Здравствуйте, Павел Григорьевич! — воскликнул я от такой неожиданной встречи, не видев его с 1917 года.

Миргородский — наш старейший Кавказец мирного времени, прослуживший все свои офицерские годы в полку по окончании Ставропольского казачьего юнкерского училища, когда в полки выпускались «чином подхорунжего».

Любимец всего полка — и офицеров, и казаков. В молодости джигит и кутила, но кутила добрый, щедрый, компанейский. В станице Брюховецкой имел родовой офицерский участок земли в 200 десятин. Женившись, остепенился. У него взрослые дети. Жена Ольга Константиновна — старшая, главная и самая уважаемая полковая дама в Мерве. В день семейных праздников дом Миргородских — полная чаша. Вот почему, не зная еще причины, зачем он стоял на улице, я быстро соскочил с седла, считая совершенно недопустимым подать ему руку «сверху».

— Здравствуй, дорогой, ходим зо мною, я шось хочу Вам сказать, — говорит он, берет меня под руку и отводит в сторону.

Как природному черноморскому казаку, ему было легче изъясняться на родном языке, что всегда у него было в мирное время, в особенности когда он волновался. В данный момент он особенно волновался. И, отойдя на несколько шагов от штабного конного строя, чтобы его никто не слышал, продолжает:

— Ось шо в моем доме отвели постой для штаба дивизии. Я понимаю необходимость, но — завтра прийдуть ци, красные, и в доме полковника ночував штаб дивизии. Вы же понимаете, шо воны зо мною зроблять?! Нельзя ли, Хвэзир Ваньч, яксь, того в другэе мисто поставыть його?

Я понял нашего дорогого и милого старика Кавказца Павла Григорьевича и, желая как можно скорее его успокоить, быстро отвечаю:

— Конечно, конечно, Павел Григорьевич!

— И Ольга Константиновна просыть, — добавляет он, словно извиняясь за свое малодушие.

Если бы мне предстояло как-то пострадать, то и тогда я оградил бы от могущих быть неприятностей этого глубокоуважаемого и любимого нами Мафусаила-кавказца. Успокоив его, приказал никому даже и не въезжать в его двор, чтобы не вызвать подозрений «завтрашних гостей».

Это, конечно, не спасло старика. Писали потом: «Павел Григорьевич вскоре был арестован и увезен куда-то на север».

Завтра, 27 февраля 1920 года, 2-й Кубанский конный корпус оставит железнодорожный узел станции Кавказская Владикавказской железной дороги и отойдет на запад, в станицу Казанскую. Массивный каменный железнодорожный мост через Кубань, построенный в годы Русско-японской войны, не будет взорван. Не будет взорван и старый железнодорожный чугунный мост красного цвета, лежащий рядом, оставленный для подвода, по которому конница может проходить в колонне «по-шести». И с этого дня прекратится всякая связь с 4-м Кубанским конным корпусом, действовавшим по линии Армавир—Невинномысская, прекратится всякая связь с Терским Войском и частями, действовавшими в Терско-Дагестанском крае.

ТЕТРАДЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Последняя атака

27 февраля едва только начался рассвет, как с северных бугорков затрещал по хутору Романовскому огонь красных. Это подошла пехота из хутора Лосева, находящегося в 12 верстах от нас.

Услышав выстрелы, уставшие после вчерашнего боя полки моментально сосредоточились в указанных местах, и вся 2-я Кубанская дивизия шагом двинулась по улицам на запад, к виадучному мосту, на соединение с остальными частями корпуса, ночевавшими в южной половине хутора.

Являюсь к генералу Науменко. Он улыбается и спрашивает:

— Что, жарко было вчера?

То есть он спрашивал, тяжело ли было вчера в пешем бою дивизии на солнцепеке и в течение целого дня? Этим он хотел, видимо, подбодрить меня и стушевать резкие слова своего начальника штаба полковника Егорова, который по телефону угрожал предать меня суду, если я отступлю от Лосева, не выдержав огня красных.

— Да, жарковато было, Ваше превосходительство, — отвечаю ему, и теперь мы все трое (и Егоров) дружески улыбаемся.

Генерал Науменко часто умело подходил к человеческой душе.

Весь корпус, не останавливаясь, спокойным шагом стал подниматься на высокое плоскогорье по дороге к станице Казанской, отстоящей от Романовского в 10 верстах.

С полуподъема было обнаружено, что красные еще не вошли в хутор, а занимали позиции на своих бугорках. В это время от вокзала Кавказской в направлении Тихорецкой вышел наш бронепоезд. Для его поддержки выдвинута 2-я дивизия. Перевалив железнодорожное полотно без моста на Екатеринодар, дивизия нагнала бронепоезд и двигалась чуть позади его. Вдруг он остановился и открыл частый орудийный огонь на восток, одновременно с этим из низины конная группа человек в пятьсот широким наметом бросилась наутек. Это было для нас полной неожиданностью. Быстро, без моста, перевалив железнодорожное полотно на Тихорецкую и построив дивизию в резервную колонну (все головы полков на одном уровне), широкой рысью стал подниматься в сторону уходящего противника.

Генерал Науменко, посылая 2-ю дивизию, рекомендовал не ввязываться в бой, а только поддерживать наш бронепоезд. Но картина бегства красной конницы была настолько паническая, что невольно втягивала в преследование.

Для воодушевления и «веселости», остановив хор трубачей в 30 человек на невысоком пологом кургане, приказал им играть бравурные марши.

Конница красных, выйдя из сферы досягаемости орудийного огня бронепоезда, вдруг всей своей массой быстро повернула на север, потом на запад и, не имея широкого аллюра, бросилась навстречу дивизии. Позади нее три длиннейшие цепи пехоты красных, в далеком мареве раннего утра, наступали на станицу Кавказскую. Хутор Романовский был обложен с севера. 2-я дивизия совершенно случайно появилась действующей во фланг и даже чуть в тыл всей красной пехоте, направлявшей свой главный удар на станицу Кавказскую, где наших войск уже не было.

Красное командование, видимо, предполагало, что 2-й Кубанский конный корпус перейдет Кубань у станицы и отойдет в Майкопский отдел, но не на запад. Два моста через Кубань, каменный железнодорожный и чугунный для подвода, были внизу, у станицы Кавказской. Мосты им необходимо было взять, чем окончательно разъединить войска Северного Кавказа, прервав меж ними всякую связь — и железнодорожную, и телеграфную, и телефонную, не говоря уже о живой связи, которая не поддерживалась и тогда, ввиду широкого фронта восточной половины Северного Кавказа.

Так думали и офицеры-лабинцы — «отойти к станицам своего полкового округа и, пополнив Лабинскую бригаду, закрепиться на реке Лабе». Не скрою — так думал и я, как о естественном отходе «за Кубань».

Военачальник красной конницы, которому, видимо, было задание охранять правый фланг своей пехоты, надо признать, действовал молодецки и обрушился на нашу дивизию со всем жаром, имея позади себя сильный состав войск.

Красная конница ринулась в контратаку широчайшим аллюром всей своей густой массы. Режет мысль: «Если казаки дрогнут — дивизию можно будет собрать только под станицей Казанской». И в этот момент я вспомнил о своих пулеметах.

На правом фланге, по старшинству полков, шла малочисленная Кубанская бригада в 250 шашек. Левее — Лабинская, около тысячи шашек. Повернув бригады в противоположные стороны, выкрикнул:

— Пулеметы 1-го Лабинского полка — ВПЕРЕ-ОД!

Правее меня, не ожидая приказаний, выскочила широким наметом пулеметная команда 1-го Кубанского полка со своими шестью ручными пулеметами системы «Льюис». Впереди нее скачет сотник, держа свой пулемет поперек седла у передней луки. 22 пулемета Лабинцев на линейках, с величественным в боях есаулом Сапуновым, карьером вы-

бросились вперед и заскворчали все, до трех десятков пулеметов. Конница красных от неожиданности смешалась и, повернув назад, бросилась наутек.

— В АТАКУ-У!.. МАРШ-МА-АРШ! — кричу-командую, но полки, видя всю эту картину, уже сами бросились с места в карьер.

Это поле принадлежало казакам станицы Кавказской. Еще недавно здесь были только сенокосы. Почва твердая, с бурьяном. Уже просохшая по весне земля. Теплое весеннее утро с мягким ласкающим ветерком с востока. Позади — мощный хор трубачей 1-го Лабинского полка воинственно-бравурными маршами бросал душу воина в поднебесье, к победе. Все это, вместе взятое, толкало на подвиг даже и не храбреца.

Я не поскакал с полками, а остался наблюдателем у пулеметов. По горячности я бросил в атаку все четыре полка и, когда они «вырвались» у меня из рук, остался без всякого резерва. Вот почему я остался с пулеметами как с самым надежным резервом, который, был уверен, никто «не сомнет».

Красные не выдержали, повернули назад, и все слилось в головокружительной скачке по чистому, ровному, сухому полю — одних удирающих, а других преследующих.

В это время южнее нас версты на три рысью вышла на бугорки 4-я Кубанская дивизия полковника Хоранова и остановилась. Не было ли возможности атаковать красную пехоту во фланг, или еще что другое заставило Хоранова не принять участие, не знаю, но дивизия остановилась и не двинулась дальше. Артиллерии при дивизиях не было. Вместе с незначительным обозом полков она оставалась при штабе корпуса, так как было приказано не втягиваться в затяжной бой. И этот бой был совершенно случайный.

Я стою верхом и наблюдаю дивную картину дикой скачки казаков, рассыпавшихся по всему широкому полю. Красные почему-то ушли на северо-восток, но не к своим наступающим пехотным цепям, оказавшимся к этому моменту юго-восточнее боевого поля конницы, почему весь удар пришелся на Лабинскую бригаду, бывшую на левом фланге.

Казаки прижали красных к паханому полю. Извиваясь змеями по нетронутым плугам участкам, зигзагообразными лентами распластались они в спасающем карьере, настигаемые казаками. Полки были уже так далеко от меня, что я, оставив есаула Сапунова с пулеметами, приказав быть «настороже», поскакал к каким-то остановившимся группам казаков. Прискакал и вижу — четыре тачанки красных с пулеметами строчат по своим. Возле каждой тачанки несколько урядников с револьверами в руках угрожающе требуют от пленных пулеметчиков «лучше

целиться». С перекошенными от страха за свою жизнь лицами, пленные «добросовестно» исполняли свою роль.

Полки вышли красным в тыл. Вдруг со стороны станицы Кавказской, из балки, меж длиннейших, облегающих станицу цепей, показалась свежая конная группа красных человек в пятьсот и широким наметом двинулась на поддержку разметанной своей конницы на правом фланге. Полки дивизии разбросаны, и дело могло повернуться в неблагоприятную для казаков сторону. Штаб-трубачу Василию Диденко приказал трубить «Сбор». И залилась труба в утренней тишине степи:

Соберитесь всадники ратные

...
Слушайте, всадники-други —
Звуки призывной трубы-ы...

Такой теплый, весенний, приятно-растворяющий день выпал 27 февраля 1920 года, что казаки, разбросавшись в дикой победной скачке по широкому полю, видимо, и не думали присоединяться к своим разметавшимся сотенным значкам.

После головокружительной скачки, наспех повязав полущубки в то рока, разгоряченные, беспечно и сладостно, мелкими группами маячили они везде, словно стараясь в последний раз и во всю свою молодецкую грудь надышаться и насладиться свежим весенним воздухом в последнюю свою удалую конную атаку, на своем казачьем поле, вне строя и вне слов «команд».

А тут еще жаворонок, взвившись в воздух и остановившись «на мертвой точке», так соблазнительно пел и переливался над казаками. Ну, куда же было там казакам «до строя»!

Неожиданно прискакал ординарец от генерала Науменко, наблюдавшего всю эту картину с высокого плоскогорья перед станицей Казанской, с приказанием: «2-й дивизии свернуться и, оставив сторожевое охранение у железной дороги, на ночлег войти в станицу Казанскую».

Далеко-далеко на юго-восток, в мареве очень теплого весеннего дня, когда «играет горизонт», три длиннейших цепи красных, видимо выждав конец конного боя, поднялись и двинулись к моей станице Кавказской, где осталась одна женская часть семьи отца. Я знал, что их никто не может защитить. И тут же острой болезненной струйкой пронеслась мысль — не навсегда ли я покинул свою родную станицу?.. И я почувствовал полную слабость в своем теле, а в душу вошло какое-то гнетущее уныние.

Дивизия отходила через железнодорожный мост у разъезда Рогачевского, что перед станцией Мирская, в направлении Тихорецкой. И вновь

так знакомые еще с детства места. Здесь стоит все тот же колодезь у будки, из которого на сенокосе казаки брали воду «в очередь», курили, говорили о делах и немного ругались из-за этой очереди, так как больше колодезев здесь, в степи, не было, от станицы 17 верст, а Кубань «с водою» была еще дальше.

Об этом дне генерал Деникин написал потом: «К 27 февраля северный фронт отошел на линию реки Бейсуг. Тихорецкая и Кавказская были уже оставлены нами, и связь с Северным Кавказом — утеряна»¹¹⁹.

За нами оставалась только левобережная Кубань. И что «это» было по сравнению с необъятной территорией всей России, занятой уже красными?!

Приезд генерала Улагая

Степью 2-я дивизия поднялась на высокое Казанское плато. Впереди нас движутся отсталые обозы и одиночные казаки пешком. Мы обгоняем их.

— Федя-а!.. Возьми меня с собою! — слышу я знакомый, чуть шепелявый голос сотника-пластуна, станичника Гриши Белоусова¹²⁰.

Он старше меня летами и по Майкопскому техническому училищу. Окончив последнее, стал станичным учителем с двумя своими сестрами. Уважаемая семья в станице. Отец их был атаманом Романовского хутора и, искореняя конокрадство, был убит ворами.

— Ты почему здесь, Гриня? — удивленно спрашиваю его.

— Да почему разбежались пластуны, не захотели идти дальше, ну, вот мы, офицеры, и остались одни, — весело отвечает он.

Я дал ему заводную лошадь, и он вошел в Казанскую с нами.

2-я дивизия была расположена в северной части станицы, ближе к противнику. Станица была хозяйственная и богатая. Штаб корпуса расположился на церковной площади у богатого коммерсанта.

— Ну, теперь отдыхайте. Больше, думаю, таких боев уже не будет, — как всегда, ласково и весело говорит мне генерал Науменко, когда я явился к нему.

Я выражаю ему свое недоумение, почему полковник Хоранов не продвинулся вперед, когда 2-я дивизия атаковала конницу красных? Науменко улыбается и, хотя немного недоволен Хорановым, говорит:

— Все это было почти что ни к чему, мы будем теперь отступать, не принимая боев.

В Казанской корпусу назначена дневка. Вечером генерал Науменко вызывает меня к себе и дружески говорит:

— Елисей, завтра поездом на станцию Милованово приезжает командующий Кубанской армией генерал Улагай посмотреть наш корпус. Почетный караул для встречи, сотню, я назначаю от 1-го Лабинского полка, как самого достойного во всем корпусе. Вы довольны? — закончил он.

— Покорно благодарю, Ваше превосходительство, но не обидится ли на это полковник Хоранов? 1-й Кавказский полк гораздо старше Лабинского и более заслуженный по наградам, да и Хоранов гораздо старше меня, — докладываю я «свой резон».

— Ну нет!.. Старшинство тут ни при чем. 1-й Лабинский полк единственный, достойный этой чести. И Вы не беспокойтесь о старшинстве. Этого я хочу! — уже серьезным тоном заканчивает он. — А Хоранов, Вы же его хорошо знаете, — добавляет он, не уточняя ничего и не ставя точку над «і».

28 февраля, утром, сотня почетного караула 1-го Лабинского полка, все в той же своей серой боевой форме одежды, то есть в серых истрепанных черкесках, при полковом знамени и хоре трубачей, выстроилась на маленькой станции Милованово, что при станице Казанской. На правом фланге генерал Науменко с начальником штаба корпуса, полковник Хоранов и старшие офицеры.

Ждать пришлось недолго. Скоро со стороны Екатеринодара подошел паровоз с одним небольшим пассажирским вагоном и мягко остановился у вокзала. В дверях вагона немедленно же показался генерал Улагай и мягко, упруго соскочил с порожек. Все это у него вышло так мягко, красиво, благородно, словно приехал не командующий армией, а простой молодецкий казачий офицер, в гости, на дачу, которого все с нетерпением ждут на вокзальчике глухой провинции. И он, чтобы не терять времени, быстро соскочил, чуть ли не на ходу, с поезда, чтобы обнять своих, так ему близких и дорогих друзей.

Он был в темно-серой дачковой черкеске, при черном бешмете и черного каракуля небольшой папахе. И — никаких украшений и знаков отличия на скромной черкеске. Ему тогда было, думаю, около 40 лет от роду. Чисто выбритый, брюнет, типичный горец, кубанский черкес благородной семьи — уздень.

Весной 1919 года на Маньче он был нашим командиром 2-го Кубанского конного корпуса. И в боях он был одет так же, как и сейчас — стильно, по-черкесски. Но на Маньче, когда красная конница перешла длинную греблю у села Кистинского и уничтожила на нашей стороне заставу 1-го Черноморского полка полковника Н.И. Малышенко¹²¹, он вызвал на курган командира сотни, от которой была застава, ротмистра и, в присутствии нас, командиров полков и начальника дивизии генерала Ба-

биева, очень коротко, спокойно, на очень чистом русском языке и «кавалерийским цуком» пристыдил очень приятного и отчетливого кавалериста, молодого ротмистра, не задевая его личного достоинства. Мне тогда эта манера генерала Улагая очень понравилась.

Теперь я встречаю Улагая в иной обстановке и при иных воинских обстоятельствах. И когда он ступил на землю, скомандовал:

— Шашки вон, слушай, на кра-УЛ! — и, взяв свою «под-высь», пошел к нему с рапортом.

Выслушав рапорт и пожав руку, Улагай жмет руку всем офицерам. Потом идет к строю Лабинцев. Строй — ровный, двухшереножный, обыденно серый. Но то, что это стояли Лабинцы, говорило генералу о многом. С ними, со 2-й Кубанской казачьей дивизией, начиная с июля 1918 года, он прошел вдоль и поперек всю Ставропольскую губернию с победными боями! Потом — движение с ними на Царицын и на Камышин в 1919 году. Везде был успех, победа и слава. И теперь, в годовину крупного несчастья, они вновь пред ним, храбрые пред храбрым.

Бросив взгляд на строй казаков, Улагай остановился. Потом, быстро пройдя перед ними, стал посередине, взял руку под козырек и громко произнес:

— Здравствуйте, мои храбрые Лабинцы!

Я не хочу описывать, как могуче и радостно ответили казаки — «мои храбрые Лабинцы» — своему долговому старшему начальнику. Это нужно понять без слов.

Опустив руку, Улагай обратился к почетному караулу, как представителям от всего полка, с горячими словами похвалы и закончил так:

— Верные, храбрые, благородные Лабинцы!.. Вашу кровь и стойкость никогда не забудет Кубань!

Штаб корпуса с генералом Науменко, штаб дивизии и все другие старшие офицеры корпуса затаенно слушали редкие слова похвалы замкнутого, храбрейшего в Кубанском Войске черкеса-рыцаря. Это было лучшей и самой ценной наградой 1-му Лабинскому полку за его последнюю боевую доблесть и пролитую кровь.

Я стоял позади него и внимательно слушал. Генерал Улагай хочет посмотреть полк, который был выстроен в конном строе позади вокзала. Почетный караул, знамя и оркестр трубачей немедленно отправлены в строй.

Улагай хочет представиться перед полком в седле. Полковнику Булавинову, моему заместителю, бросил три слова: «Дать хорошего коня». Генералу подвели кабардинца светло-гнедой масти. Он очень легко, «как молодой хорунжий», вскочил в седло. Конь оказался нервный и въюном завертелся под ним. Что-то было неладное и с казачьим седлом, с дли-

ной стремян и подушкой. Как известно, у казака в седельной подушке по арматурному списку должно быть уложено носильное белье. Это уродовало подушку и делало ее очень жесткой, негладкой, неэластичной. Поправляя что-то под ногой, Улагай с наивной детской улыбкой неискушенного горца смеется и, бросив на меня взгляд, поясняет коротко:

— Никак не приспособлюсь в седле!

Улыбаюсь и я ему, словно говорю: «Да, конечно, к чужому седлу не всегда можно приспособиться сразу, я это понимаю».

1-й Лабинский полк встретил генерала Улагая с полным церемониалом. Став перед строем, он повторил те слова, которые сказал почетному караулу. Вселял надежды. А потом объехал ряды, осматривая состояние лошадей.

Несмотря на жуткое время, на походы, на переходы, на бывший холод, потом дожди и грязь, конский состав полка, как и всего корпуса, был хороший, незаморенный. Жили и кормились ведь по своим богатым станциям! Конь у каждого казака собственный, и он за ним ухаживал с большой заботой.

Обыкновенно в донесениях очень и очень многих начальников-конников вечные жалобы на «худобу лошадей», отсутствие фуража, подков и прочее, что всегда вводило высшее начальство в заблуждение о подлинном состоянии конницы. Эта манера была недобросовестная, чтобы оправдаться за неудачи или чтобы не посылали его части в бой. Смешно читать теперь и в [донесениях] очень высоких чинов — генералов-конников, что «их полки так обессилены в конском составе, что в атаку ходят только рысью». И тут же доносят о богатых трофеях: и пленными, и орудиями, и пулеметами. Но атакой «рысью» никакую пехоту не возьмешь в плен с пулеметами и пушками! Или доносят: «Столько-то порублено красных, все поле усеяно трупами, брошенным оружием, подводами и пр.».

В данный период не только 1-й Лабинский полк, коим я командовал, но и все остальные части 2-го Кубанского конного корпуса генерала Науменко имели хороший конский состав и «тела лошадей» были гораздо лучше, чем имели те же полки на Турецком фронте 1914—1917 годов.

Проведший все годы этих двух войн в строю и на ответственных должностях, фиксирую для беспристрастной истории.

После этой процедуры встречи командующий Кубанской армией генерал Улагай удалился в штаб корпуса, где, надо полагать, имел с генералом Науменко обстоятельный разговор об общем боевом и моральном состоянии армий генерала Деникина, как, думаю, и планов на будущее. Частично о них мы услышали на второй день от генерала Науменко, о чем будет сказано потом. В тот же день генерал Улагай вернулся в Екатери-нодар.

Офицеры 1-го Лабинского полка

Не в одной доблести казачьей или их командира полка заключалась храбрость и доблесть 1-го Лабинского полка. Связующими начальниками между командиром и казаками были командиры сотен. О них должен оповестить Войсковую Историю.

Полковник Александр Павлович Булавинов, старый Лабинец. По выпуску из военного училища — сверстник генералам Бабиеву и Фостинову. Умный, исполнительный офицер. Рассуждающий всегда, то есть вначале все взвешивающий, а потом уже действующий. Часто недовольный высшим начальством, критикующий его. С подчиненными офицерами корректен, авторитетен у них. Хотя он и не рвался вперед, но и не оглядывался назад. Старше меня и летами, и по выпуску из военного училища — вел себя прекрасно, и у меня с ним никогда не было недоразумений, как никогда он и «не закусывался», что стал в подчинение младшему.

Командир 1-й сотни есаул Минай Бобряшев, казак Лабинского отдела. Интеллигентный офицер со средним образованием, с полным сознанием своего офицерского достоинства, гордости и благородства. Быстрый во всем, сноровистый, жаждущий славы полку. Умный, влюбленный в свой 1-й Лабинский полк, который, казалось, по одному моему жесту мог броситься на самый подвиг. Это был типичный удалец, для которого слово «Лабинец» было выше и милее всего на свете.

Неожиданно был смертельно ранен при оставлении станицы Дмитриевской 24 февраля и умер в нашем доме на руках нашей матери и Надюши. Он так их просил спасти его от смерти, желая жить, жить. Тело его было отправлено в родную станицу несчастной вдове-матери.

Командир 2-й сотни сотник Михаил Луценко. Он из урядников мирного времени. Храбрый, упорный, строгий к казакам и жестокий к красным. Последним он мстил за разрушение Казачества. Высокого роста, сухой, жилистый брюнэт за 30 лет — он был уважаем казаками. Мною тоже.

Командир 3-й сотни сотник Ковалев. Из урядников-лабинцев мирного времени. Небольшого роста, хорошо сложенный, отчетливый. В черной черкеске, в маленькой белой папахе, сдвинутой на глаза, он во всем копировал «своего бога», сотника Колю Бабиева, и уже одно это заставляло его быть храбрым.

— Селям! — слышу я его голос на станичной площади, перед набегом на станицу Темижбекскую, когда спешенный полк стоял сотнями разрозненно за малым местом.

- Чох сау! — громко отвечали казаки его сотни.
- Еще раз!.. И громче отвечайте. Селям! — кричит он.
- Чох сау! — пронизывает сотня площадь.
- Кто это? — спрашиваю полковника Булавинова.

Булавинов улыбается и отвечает:

— Да это командир 3-й сотни, сотник Ковалев, копирует Бабиева. Такой поклонник его, что ужас!

Ковалев в чине есаула, полученного им на Черноморском побережье, в 1921 году из Константинополя в группе офицеров-разведчиков был переброшен на Кубань. Много горя причинил он красным, сформировав там партизанский отряд. Был окружен красными в одном доме и погиб в неравном бою.

Командир 4-й сотни есаул Сахно, из станичных учителей. Среднего роста, мускулистый, с мужественным лицом брюнета и умными, веселыми черными глазами. Во всем твердость, рассудительность, уместность, смелость — непрекращаемый авторитет и в своей сотне, и среди офицеров. Даром не потеряет казака в бою, но если надо — в схватке будет стоять до конца. Храбр и добр с казаками. На крупном, мощном гнедом коне — перед своей сотней — словно олицетворял силу и твердость своих подчиненных. Как хорошо грамотный офицер, прошедший две войны, боевым опытом постигший военное дело, вполне мог командовать тогда полком.

Командир 5-й сотни сотник Николай Щепетной. Окончил духовную семинарию, имел отличный слух и голос в песнях казачьих. В малом и хрупком, казалось, его теле была умная голова и пронизательная душа. Он все изучит, все рассмотрит, объяснит казакам и потом хитро, тихонько идет со своей сотней к цели. Я его полюбил, как младшего брата, который, боясь ошибиться, так внимательно прислушивался ко мне, изучал вопрос. Что непонятно — расспрашивал и, усвоив все, шел уже наверняка. Ему было не свыше 25 лет, но выглядел он еще моложе.

Командир 6-й сотни хорунжий Меремьянин 1-й. Молодой, 22-летний, чистенький мальчик, рыжеватый, с веснушками на лице. По-станичному — «конопатый». Он был кумиром сотни, которая наполовину состояла из его станичников-константиновцев, многих родственников по фамилии также Меремьяниных. У него было «молодое дерзание», и сотня его была монолитна, где все управлялось не словами воинской дисциплины, а по-семейному, и нарушить это «семейное право», не поддержать друг друга никому и в голову не приходило. И командир-мальчик с нежным лицом для них был словно «знамя», слушаться которого надо беспрекословно.

Начальник пулеметной команды есаул Сапунов. Из урядников-пулеметчиков мирного времени. Это был исключительно интересный образ воина Гражданской войны. Высокий, крупного телосложения, с резкими чертами смуглого лица, он мог походить на черкеса, грузина, даже на цыгана. В косматой белой папахе, в длинной шубе-черкеске, на небольшом светло-сером коне, он ярко выделялся в массе конных казаков. Фанатик-пулеметчик, храбрый и упорный в боях, он метался позади своих пулеметных линеек верхом, что-то кричал, указывал своим казакам, следил за каждым казаком-пулеметчиком, был весь поглощен работой своих пулеметов. За глаза казаки посмеивались над ним, но любили его, уважали и верили ему. В бою они боялись его больше, чем противника, так как после боя он так высмеет струсившего, так его устыдит, «разыграет» при всех, что уж лучше «погибнуть в бою», чем все это слышать или потерять доверие своего храброго начальника, такого же простого казака в офицерских погонах.

Качества младших офицеров не буду описывать — они были молодецкие. Но главное, что их крепко связывало с 1-м Лабинским полком, — все они, за единичными исключениями, были кровными Лабинцами, почему вне своего полка они не мыслили жить, служить, воевать. Это был совершенно однородный элемент, молодой возрастом, в полном расцвете своих физических сил, совершенно не потерявший сердце. И теперь, с такими боевыми успехами полка, еще больше встряхнувшийся и жаждущий подвигов.

Почему Лабинцы были таковыми?

Все полки Кубанского Войска одинаковы. Психологическую разность можно провести только между полками бывшего Черноморского Казачьего Войска и бывшего Кавказского Линейного Казачьего Войска¹²². В Черноморских полках стойкость, спокойствие, дивное пение, виртуозный танец гопак — все от Запорожского казачьего Войска. У Линеицев — молодечество, лихость, подражание черкесам — в седле, в манере носить черкеску, пронестись в лезгинке.

Но главное — состояние каждого полка всех армий и народов зависит от личности командира полка и отчасти от состава общества офицеров. Это есть истина, которой не нужно доказательств. Какой-то полководец сказал: «История конницы — это есть история ее вождей», что совершенно верно.

В мирное время в 1-м Лабинском генерала Засса полку был отличный офицерский состав. Это не значит, что в других полках был

«плохой офицерский состав», но семья офицеров была дружная и работала над своими казаками. На Турецком фронте наш полк (Ф.И. Елисеев говорит здесь о Кавказском фронте Великой войны и о 1-м Кавказском полку ККВ. — П. С.) одно время сосредоточенно стоял в очень маленьком курдинском селе вместе с 1-м Лабинским полком, и мы могли беспристрастно оценить его офицеров. В Гражданской войне, за период 1918—1919 годов, их полк дал родному Войску четырех генералов: Абашкина (см. приложение 1), Венкова¹²³, Бабиева и Фостикова, которые, кроме Абашкина, на войну 1914 года вышли в малых обер-офицерских чинах¹²⁴. Лабинцы могут этим гордиться.

Но главное, чем вызвана стойкость Лабинцев, даже в последнеедыхание вольной Кубани, так это тем, что летом 1918 года, после восстания против красных, их станицы подверглись жестокому террору, погибли многие сотни казаков. Террор красных был необыкновенный. Сгнав на площадь станицы арестованных, их рубили шашками. И ни в одном отделе Кубанского Войска не было такого массового восстания против красных, как и террора над казаками, как в Лабинском полковом округе.

Генерал Шкуро в своей книге «Записки Белого Партизана» рассказывает о Лабинцах так:

«18 июня 1918 года я перешел с Отрядом в район Белого Ключа, верстах в 16-ти от станицы Бекешевской. Сюда прибыл ко мне разъезд Лабинцев, доложивший, что он послан подъесаулом Солоцким (см. приложение 1), пробивающимся на соединение со мною из Лабинского Отдела через станицы Вознесенскую и Отрадную.

21 июня мои разъезды донесли, что Солоцкий приближается. Мы все бросились к нему навстречу.

Сотня за сотней, с песнями ехали лихие Лабинцы. При моем приближении бывшие в их отряде трубачи грянули Войсковой марш. Далеко покатилося, оглашая леса и горы, могучее «Ура». Папахи полетели в воздух. Мои казаки обнимали и целовали вновь прибывших. Это был незабываемый момент.

Солоцкий привел с собою около 5000 годных к бою казаков — два конных полка — 1-й Лабинский и 1-й Хоперский, и два пластунских батальона того же наименования (около 4000 шашек и 1000 штыков). Все люди имели хорошее вооружение, как холодное, так и огнестрельное. При Отряде насчитывалось с десяток пулеметов, но патронов было мало. Офицеров в Отряде тоже было мало. Командный состав больше из вахмистров и урядников».

Далее Шкуро продолжает свой рассказ о самом Солоцком:

«Подъесаул Солоцкий происходил из казаков станицы Владимирской. Он был инженером по образованию. Призванный под Знамена с начала Германской войны — дослужился до чина подъесаула. После большевистского переворота, когда на Кубани тайно образовалось «Общество Спасения Кубани», растянувшееся по всему Краю и подготовлявшее вооруженную борьбу против красных, Солоцкий примкнул к этой организации и деятельно работал в своей станице.

Когда слухи о поднятом мною восстании докатились до Лабинского Отдела — Солоцкий поднял восстание в свою очередь.

Вокруг Солоцкого объединились до 10 000 казаков. Отряд его принял название «Южно-Кубанской Армии». Солоцкий захватил Армавир, однако, не имея артиллерии, был скоро выбит оттуда.

Преследуемый большевистскими отрядами, он долго метался по горам Лабинского Отдела, то нанося большевикам поражения, то неся сам потери и восполняя их казаками, примыкавшими к нему из станиц, по которым он проходил.

У станицы Исправной Баталпашинского Отдела Солоцкий потерпел серьезное поражение, главным образом вследствие отсутствия у него патронов, в его войсках начались распад и митингование. Объединив вокруг себя 5000 твердых казаков — он решил пробиться ко мне. Остальная часть отряда, шедшая самостоятельно, напоролась под станицей Андреевской на превосходные силы красных и потерпела вторичное поражение. Остатки этого отряда пробились позже на соединение со мною, но не застали меня, ибо к тому времени я ушел в пределы Ставропольской губернии. Тогда, через Клухорский перевал, отряд направился к Сухуму, где был обезоружен Грузинскими войсками и интернирован в Грузию»¹²⁵.

Так пишет о доблестных Лабинцах наш дорогой Андрей Григорьевич Шкуро. От себя должен добавить следующее. Сотник Луценко, командир 2-й сотни 1-го Лабинского полка, рассказывал мне, что «их отколовшийся отряд в 400 конных казаков перешел Клухорский перевал, вошел в Грузию, где их не только что не обезоружили, но приняли исключительно сочувственно, тепло. В это же лето их конный отряд в 400 казаков с грузинскими войсками наступал на красных вдоль Черноморского побережья под начальством генерала-грузина и занял Сочи и Туапсе, жители которых принимали их восторженно».

Таковы были казаки-лабинцы в самом начале борьбы против красных, таковыми и оставались до конца, до самой гибели Кубанской армии на Черноморском побережье в апреле 1920 года. Как последний командир 1-го Лабинского полка на родной земле — описываю все то, чему сам был и свидетель, и участник.

Новые офицеры полка

В самый разгар боя 24 февраля, при оставлении станицы Дмитриевской, неожиданно представился мне хорунжий Косульников¹²⁶, офицер нашего 1-го Кавказского полка по Турецкому фронту. Войсковым штабом он был назначен в 1-й Лабинский полк.

Он терский казак. Учился в одной из гимназий в Петербурге. Торопясь стать офицером и принять участие в войне, поступил в Екатеринодарскую школу прапорщиков и летом 1916 года прибыл в наш полк, в Турцию, имея на погонах одну звездочку. Хорошо воспитанный светски и воински, аккуратно одетый в черкеску, крепко и стильно сидевший в седле, он был принят нами, «старыми хорунжими» мирного времени, как родной.

Я был очень рад его прибытию и оставил при штабе дивизии, как хорошо грамотного офицера.

27 февраля в станице Казанской представился мне войсковой старшина Ткаченко¹²⁷, назначенный Войсковым штабом в 1-й Лабинский полк. Это было также очень неожиданно и приятно, так как самый его внешний вид производил выгодное впечатление. Кроме того, я о нем много слышал от полковника Коли Бабиева, его станичника и двоюродного брата по женской линии. Два раза я его видел в Майкопе, где он был командиром сотни Кубанского Войскового конно-учебного дивизиона.

Как и Косульников, представился он мне верхом на лошади и как-то не в урочный час, при вступлении дивизии в Казанскую. Под ним крепкий карабах темно-серой масти, почти «чалый». Прибыл он ночью, даже без конного вестового. И весь его «офицерский багаж» находился в обыкновенных кавказских казачьих ковровых сумах, в тороках позади седла. Это мне тоже очень понравилось.

По выпуску из Казачьей сотни Николаевского кавалерийского училища в Петербурге — он младше Коли Бабиева на 1 год, следовательно, старше меня на 4 года. Он одного выпуска с генералом К.К. Агоевым¹²⁸.

С похода сразу же пригласил его к себе на обед со штабом дивизии. Он неизменно титулует меня «господин полковник», а когда за столом я попросил называть меня по имени и отчеству, он вежливо, но сдержанно поблагодарил меня, и обед прошел тепло, в тех приятных и душевных разговорах, которые могут быть только среди кадровых офицеров.

Одет он был в гимнастерку, в бриджи, в мягких сапогах — совсем не по-походному, так как всю Гражданскую войну провел в тылу, в учебном дивизионе, где у него «что-то» произошло с начальством, как он сказал, и — гордый офицер — вышел на фронт, в свой по рождению 1-й Лабинский полк.

Многое потом он рассказывал, почти анекдотическое, о юнкерских годах Коли Бабиева, но я видел, что он и сам во многом подражал ему в жизни, в строю, в манере держать себя. Как и носил такие же усы — горделиво вверх.

Он оказался отличным офицером, надежным полковым товарищем, авторитетным среди подчиненных ему офицеров, примером им во всем. Казаки же видели в нем своего коренного Лабинца, станичника и серьезного офицера, у которого слова не расходятся с делом.

Я ни разу не заметил, чтобы он проявил чем-нибудь свое неудовольствие, что подчинен младшему его по выпуску из военного училища офицеру. Он был отлично воспитан и дисциплинирован. И до самой гибели Кубанской армии никогда у нас не было недоразумений. Не оставил он своих Лабинцев и в трагический час их гибели, оставшись с ними до конца.

Прощание казака

Сережа Севостьянов — так называли его в станице Кавказской, как любимца всех. Сын урядника-конвойца эпохи Императора Александра II. Отец — высокий, стройный, суровый старик с длинной бородой, с которого пиши портрет новгородца Гостомысла. Он коренной житель хутора Лосева, принадлежащего нашей станице, твердый старовер. Семья их принадлежала к первым переселенцам на Кубань с Дона. Родовитые казаки, видные в станице.

В 1899 году, когда я семилетним мальчиком поступил в первое отделение двухклассного училища, Сережа был уже в пятом отделении. Высокий, стройный юноша 13 лет, сухощавый и жилистый, с острыми и веселыми серыми глазами, он резко выделялся среди сверстников своей активностью, разными забавами и озорством. «Ватажный атаман» — можно было дать ему прозвище. Но учителя относились к нему с уважением. Импонировал он и тем, что в школу ходил в черкеске, и не простой, а суконной, то есть дорогой, темно-вишневого цвета.

После окончания двухклассного училища он скрылся из поля моего зрения на целых 10 лет. Случайно я увидел его в 1909 году, когда он вернулся с действительной службы, отбыв ее вольноопределяющимся в одном из пластунских батальонов Войска.

Потом слышал, что он стал учителем в своем хуторе, и вот, опять через 10 лет, я его встретил сотником и полковым адъютантом 1-го Лабинского полка. О нем сказано в предыдущих брошюрах, что он заболел тифом и эвакуирован.

Остроумный, находчивый, веселый, — офицеры-лабинцы от него в восторге, чему и я очень рад. К тому же он мой родич — на его ближайшей родственнице, дочери долголетнего хutorского атамана В.К. Жаркова, женат наш старший брат Андрей, теперь есаул 1-го Кавказского полка. Атаман Жарков Василий Кондратьевич — бывший урядник-конвоец Императора Александра III. Все связано у нас общим учением, родством, службой. Мы все «свои».

Эвакуировавшись из хутора Лосева больным, он прибыл с женой в Казанскую и остановился у тестя. Теперь он явился ко мне полуздоровый и хочет быть в полку.

— Зачем тебе становиться в строй полубольным?.. Вот моя тачанка, садись в нее, будешь следовать за полком, — ответил ему.

Он благодарит за внимание и просит проехать с ним к тестю и теще — попрощаться перед выходом в поход, «в Грузию», как носился слух. Я согласился.

Дом тестя находится на юго-западной окраине станицы, у самого обрыва к Кубани. Мы там. Большой двор. Большой и дом, старинный, на высоком фундаменте. Амбар, сарай, но все запустелое, так как старик один. Единственная дочь, учительница, замужем за Сережей, почему все хозяйство идет к упадку.

Тесть — сослуживец отца Сережи по Конвою при Императоре Александре II. Он еще бодрый, седой, крупный старик с подстриженной бородой. Его овчинная шуба покрыта синим сукном гвардейского мундира-черкески, а на голове изношенная папаха с красным, выцветшим верхом, с галунами вахмистра. Он очень опечален нашим уходом и явно боится большевиков.

Его жена — одна святость, одна ласковость, одно внимание и любовь ко всем, в особенности к своему умному и почтительному зятю — Сереженьке. Меня они встретили как своего родного. Наша мать ведь из Казанской.

Жена Сережи — высокая, стройная казачка, склонная к полноте, в черном траурном платье, она не плачет, но стоит грустная и не знает, что же делать и «чем» угодить своему Сереженьке, которого видит, может быть, «в последний раз»... Даже Сереже стало не по себе...

— Да сядь ты, Дуняша!.. Ведь не на смерть я еду! — старается весело говорить он ей. — Вот в Грузии переформируемся и скоро вновь вернемся, — добавил он.

Эти слова словно вывели ее из забытья, и у нее молча полились горючие слезы.

— Ты все с шутками, Сережа... А разве до шуток теперь, — печально ответила она.

— Ну и что ж?.. Плакать всем? — вновь шутит он.

Может быть, я был счастливее Сережи, его жены, тестя и тещи, что из родительского дома выехал не попрощавшись, а наоборот — выехал весело, будто бы расставаясь лишь на несколько дней... Но здесь?.. Здесь было наглядное горе, словно людей резали тупой пилой и не торопясь.

Пусть печалятся и плачут старики, но молодая женщина, полная физических сил, влюбленная в своего мужа, — что она должна испытывать, провожая его, может быть, навсегда?

— Пойдем, Сережа, на баз. Я тебе дам нашего подростка-коня. Все равно красивые заберут, — говорит тесть.

— А может быть, не нужно, папа? Я ведь и так обойдусь. И командир полка вот дает мне свою тачанку, — отвечает зять.

— Нет, возьми, да и от меня тебе будет память, — повторяет тесть.

Мы входим в баз. Старик берет и выводит во двор очень крупного, ширококостного, чалой масти трехлетка, офицерского сорта. Молодой конь доверчиво идет за поводом, а когда мы остановились, он играючи толкает своими губами в плечо старика.

— Спасибо, папа, но право!..

— Нет-нет!.. Бери!.. Он тебе понадобится. И не разговаривай много, Сережа, в такие минуты! — наставительно перебивает его тесть, вахмистр Конвоя Его Величества.

Сережа замолчал и стал седлать. Потом вошли в дом. Немного закусили. Без этого проводы в казачьем семействе быть не могут. За столом разговор не клеился. Старушка мать нет-нет да и заплачет. А старик отец, сдерживая слезы, только досадливо вытирал свой нос и, незаметно, глаза. Жена — как окаменелая. Да еще была во всем черном, она невыносимо страдала.

Страдал и я ото всей этой сцены. И только находчивый и остроумный Сережа говорил что-то. Поели и стали прощаться. Вначале все помолились на иконы. Тишина была жуткая. Помолились. Сережа подходит к тестю и говорит:

— Ну прощайте, папа. Простите меня, что, может быть, когда-либо и чем-либо Вас огорчил.

И он размашисто, опускаясь на колени и поднимаясь, кланяется ему в ноги. Тесть стоит и выжидает конца прощания. Все мы стоим молча. И когда зять окончил прощание, он обнял его, часто-часто поцеловал Сережу в губы и вытер выступившие слезы.

Сережа подходит к теще и выполняет те же земные троекратные поклоны. Потом подошел к жене. Долго и глубоко посмотрел ей в глаза и тихо произнес:

— Ну прощай, Дуняша.

Эти три слова вывели ее из оцепенения. Всем своим большим, крупным телом она повалилась на него и горько зарыдала.

Видя все это, я переживал жуткие моменты чужого горя. Я уже ругал себя — зачем я сюда приехал?.. Все это напомнило мне мою мать, бабушку, сестренку, находившихся теперь уже «под красными» и безо всякой защиты. Мне стало бесконечно жаль их.

Сережа оказался большой молодец и достойный муж. Он так умело успокаивал жену и, наконец, привел ее в порядок. Вступился и я, сказав, что «мы еще вернемся». Говорил, а самому было стыдно за свои слова. Когда вернемся?.. Каким способом? Этого я совершенно не знал.

Сережа «вернулся» очень скоро. Выехав впереди полка, почему-то прямо в Екатеринодар, не зная маршрута нашего корпуса, 4 марта он был отрезан красными от переправы через Кубань и хвоста многочисленных обозов многих войск, скрыто вернулся в Казанскую, был арестован, сослан в Ростовский лагерь и скоро расстрелян в Армавире вместе со своим братом Михаилом. Отец их был расстрелян 24 марта 1918 года, вместе с нашим отцом, после неудачного Кавказского восстания.

Так пролитой кровью братается Казачество.

В Казанскую, вместе с Кавказской бригадой, прибыл и мой «хоперский выезд» с кучером Максимом-воронежцем. Там все мои лучшие офицерские вещи, два комплекта холодного оружия, серебряный кинжал деда, призовые жетоны и боевые ордена.

Негласно ходили слухи, что «мы идем в Грузию», там переформируемся и двинемся снова освобождать свою Кубань-Отчизну. Поэтому я заранее уложил все это, и вот — они со мной.

Мой крестный отец — грузин, поставщик 1-го Кавказского полка седлами, всем казачьим вооружением и обмундированием. Он умер, но в Кутаисе живут его жена и дочка, моя сверстница, как и много их родственников. Щегольну я там — думалось мне.

Горькое разочарование и обида: все вещи с тачанкой, кучером и адъютантом, сотником Сережей Севостьяновым, попадут красным через 5 дней, и мой багаж в походе будет составлять лишь то, что было на мне.

Выступление корпуса в станицу Тифлисскую

В приказе по корпусу назначено: 2-я Кубанская дивизия, еще при темноте (указано время), сосредоточивается на площади у станции Милованово, а 4-я Кубанская и другие части — западнее станицы Казанской.

В полной темноте штаб дивизии подошел к указанному месту, но своих полков не нашел. Спешившись чуть западнее вокзала, штаб ждал их. Проходит минут пятнадцать — полков нет. Стояла ночная тишина. В ней мне почудилось, что у вокзала слышен какой-то разговор и так знакомый лязг стремян. Думаю — может быть, полки выстроились на северной стороне от железной дороги, где нет никаких построек?

Посылаю двух ординацев выяснить — в чем дело? Но не прошло и 5 минут, как они прискакали обратно и быстро докладывают, что у вокзала — красная конница.

— Как?.. Как вы узнали?.. Не ошиблись ли вы? — как ужаленный бросаю им короткие вопросы.

— Никак нет, господин полковник! Когда мы подъехали и спросили — какой полк, нам ответили — «18-й кавалерийский». Ну, мы сразу же поняли, что это красные. И скорее сюда. «А вы какого полка?» — крикнули они. Но мы им ничего не ответили и поскакали назад.

— Сади-ись, — тихо скомандовал, и штаб шагом двинулся на запад, по улице между пустынными гумнами.

— Какого полка? — слышу позади себя, между конским топотом, совсем «неласковые слова» и неказачий выговор.

И, не отвечая, быстро перевел всех в широкую рысь.

— А-а!.. Белые, вашу разэтак мать! — закричало несколько голосов, и тут же раздались выстрелы с седел. Стояла полная темнота, и пули красных пролетели над нашими головами.

Уже светало, когда штаб дивизии выбрался на западную окраину длинной станицы, где и обнаружил весь корпус, сосредоточенный в резервную колонну.

— Ваше превосходительство! Как же это так случилось? — удивленно и обиженно спрашиваю я командира корпуса генерала Науменко, узнав от своих командиров полков, что сам генерал, стоя у дороги, направлял полки 2-й дивизии не на условленное место, а прямо «по дороге к станице Тифлисской».

— Вы меня извините, Елисеев, но когда же Вы успели проскочить к вокзалу? Я хотел и Вас завернуть сюда, чтобы не терять времени, — говорит он, как всегда ласково, и улыбается.

— Да ведь нас, штаб дивизии, красные могли бы захватить живьем, если бы я не послал ординарцев выяснить — кто на вокзале? — удивленно-возмущенно докладываю и рассказываю, как это было.

У меня от страха, что красные могли нас захватить, только сейчас выступила та холодная капля пота, предвестница возможной беды. Тогда было не страшно, а вот теперь, вслед — стало очень страшно. Спешив штаб, ведь я мог пройти в вокзал с начальником штаба, даже без

ординарцев! И конечно, «живьем» попасть в руки красных. Или изрубили бы они нас, при сопротивлении. Все это только сейчас выявилось «в реальность» — что могло бы быть?.. Я же умышленно продвинулся со штабом чуть вперед, чтобы дать место полкам на небольшой привозкальной площади, чем избег непосредственно встречи с красными.

Генерал Науменко искренне смущен и говорит:

— Ну, Вы уж не обижайтесь, Елисеев, это моя вина.

Его начальник штаба, приятный полковник Егоров, молчит. Молчит и мой начальник штаба дивизии, 65-летний старик, генерал Арпсгофен. А что они об этом думают, офицеры Генерального штаба, я не знаю.

«Хорошее извинение», — думаю я и ругаюсь в душе, отчетливо сознавая, что подобные ошибки в распоряжениях могли бы дать трагические результаты. Но Науменко очень корректен в обращении, и я не могу на него сердиться.

Еще «не остывший» от негодования, я «наскочил» на командиров полков.

— Приказ читали по дивизии — где сборный пункт?.. И когда?.. Так почему же не шли туда?.. Да еще опоздали! — серьезно говорю им, сплошь своим друзьям.

— Что опоздали, то это да, господин полковник! — отвечает мне старший из них и самый смелый на слова. — Но потом сам командир корпуса указывал нам двигаться в другую сторону. Как же было не исполнить это приказание? — оправдывается полковник Булавинов.

И тут же вновь возмущается «штабами», словно рад еще одному случаю, чтобы по заслугам раскритиковать высшее начальство. Это меня успокаивает, и мы уже улыбаемся с ним.

«Мы идем в Грузию»

Длинной, узкой лентой в колонне «по-три» весь корпус вытянулся по дороге в станицу Тифлисскую, отстоящую от Казанской в 25 верстах. Вправо, насколько хватало глаз, была равнина. Далеко-далеко, параллельно нашему движению, по ней пробегала железная дорога, которую обозначали телеграфные столбы.

Дальше, за железной дорогой на север, на горизонте показалась длинная кишка конницы красных. Она так же шла на запад, как и мы. И шла шагом, будто бы боясь подступить к казачьим станицам.

Левее нас тянулась цепь больших и малых курганов, а непосредственно за ними следовал крутой обрыв, волнистые кочугуры, ниже которых текла наша Кубань.

На полпути между этими станицами, по сигнальной трубе, весь корпус выстроился в резервную колонну, остановился и спешился. Штаб корпуса маячил на очень высоком остроконечном кургане у самого обрыва и на уровне головы общей резервной колонны. Полки чего-то ждут. Вдруг раздался мелодичный звук сигнальной трубы, короткими рывками:

— СОБЕРИ-ТЕСЬ!.. РАЗЪЯСНИ-ТЕ!.. ВСЕ УЧЕНЫЕ-Е!

Этот сигнал указывал «на сбор начальников отдельных частей», который подавался в кавалерии, чтобы сказать, разъяснить этим начальникам какое-то важное распоряжение. И только что все высшие начальники, начиная от командиров частей, сели в седла, как услышали второй сигнал:

— ВСАДНИКИ ДВИГАЙТЕ ВАШИХ КОНЕЙ, В ПОЛЕ, НАМЕТОМ, РЕЗВЕ-ЕЙ! — что означало прибыть широким наметом.

И вот два начальника дивизий со своими начальниками штабов и старшими адъютантами, восемь командиров полков со своими адъютантами, командиры батарей и командир Партизанского отряда широким наметом поскакали к кургану со своими конными вестовыми, всего до 40 всадников.

Подскакав к кургану, спешили и быстро взобрались по крутому подъему к штабу корпуса, который стоя заканчивал свой походный завтрак. На небольшой скатерти, раскинутой на самом пупе кургана, еще была закуска. Далеко внизу стояла спешенная конная масса казаков, тысячи в три.

Ничто — ни этот завтрак, так принятый у офицеров на походе, ни теплое весеннее утро, ни вид спешенного корпуса и дивный ландшафт местности к югу, за Кубань, насколько хватало глаз, — нисколько не сказали бы постороннему человеку, что происходит один из этапов трагического отступления армии. Все было так, словно происходит не война, а легкий и приятный маневр мирного времени.

— Кто хочет закусить, господа? — ласково обратился генерал Науменко к нам, старшим начальникам, остановившимся перед ним.

Все мы, козырнув, отказались, так как прибыли за какими-то важными распоряжениями от командира корпуса. Генерал Науменко сказал нам очень коротко и просто, буквально так:

— Господа!.. Мы идем в Грузию. Там Кубанская армия будет реорганизована для новой борьбы. Казаки вольны идти со своими офицерами туда или оставаться в станицах. Препятствий им ни в чем не чинить.

Для всех нас это была полная неожиданность. Нашего мнения по этому поводу он не спросил, как никто и не задал ему никакого вопроса. Сказал, взял руку под козырек и предложил тут же все объявить своим полкам.

После этих слов у меня параллельно пронеслись в голове две мысли. Одна приятная, что мы идем в Грузию и там переформируемся для новой борьбы, а вторая — неприятная, тяжелая, что казаки могут идти, а могут не идти с нами, офицерами, по добровольному своему желанию.

Потом, делясь впечатлениями со старшими начальниками корпуса, все находили, что вторая половина сообщения генерала Науменко была опасна для полков и могла внести большое расстройство в умы казаков.

Пока же все мы козырнули своему командиру корпуса, сели в седла и поскакали к своим частям.

Я решил сам сказать своей 2-й дивизии о сообщении генерала Науменко, для чего посадил полки в седла, чтобы мне было видно казаков и чтобы они яснее услышали мои слова.

При глубококом затаенном молчании выслушали казаки мою короткую речь. Выслушали, и полки продолжали стоять молча, послушно в строю, словно ничего и не случилось. Я же после этих слов ожидал, что вот-вот из строя раздастся грозный голос кого-либо: «Так что же это вы, господа офицеры?! Целых два года звали нас только на жертвы... мобилизовали, требовали исполнения, а теперь — кто хочет, тот может идти с вами дальше, а кто не хочет — может оставаться под пятою большевиков?! Так что же это такое?! За что?!»

Но этого, к счастью, не случилось. И все полки, родные нам кубанские казаки, также молчаливо последовали от этого кургана, что между станицами Казанской и Тифлисской, в неведомую даль и в полную неизвестность за своими начальниками.

В некоторой заграничной казачьей печати подчеркивалось, что генерал Науменко этим своим заявлением якобы «демобилизовал свой корпус», что совершенно не соответствует действительности¹²⁹. Казаков расспрашивать тогда не приходилось, но со своими помощниками и командирами сотен 1-го Лабинского полка говорилось откровенно, и все они заявили, что казаки воодушевились тем, что «теперь мы оторвемся от противника, войдем в Грузию, там отдохнем (морально, конечно) и с новыми силами перейдем в наступление».

Мы все не сомневались, что в портах на Черноморском побережье, в Туапсе и Сочи, заготовлены большие запасы фуража и продовольствия для всей Кубанской армии; с грузинским правительством заключен договор, и мы туда идем, как в дружественную и православную страну.

Несомненно, что только вчера приехавший в наш корпус командующий Кубанской армией генерал Улагай имел директивы от главнокомандующего генерала Деникина — передал все это генералу Науменко, который и высказал их нам.

Возможно, что генерал Науменко, как офицер Генерального штаба, видел гораздо дальше нас, строевых начальников, неискушенных в политике, вернее, ничего в ней тогда не понимавших и послушных воинской дисциплине, что война фактически окончена не в нашу пользу. И чтобы не вести казаков в полную неизвестность и не быть морально ответственным перед ними, предложил идти в Грузию только желающим.

В станицах Тифлисской и Ладожской

29 февраля (високосный год) корпус вошел в Тифлискую. Эта была последняя станица нашего Кавказского полкового округа. В 1-м Кавказском полку мирного времени тифличане считались молодецкими казаками, хорошими наездниками, а в гражданской — стойкими против красных.

В тот же день я проехал к памятнику-obelisku, поставленному станицей 34 казакам бывшего моего конного отряда, расстрелянным красными 24 марта 1918 года после нашего неудачного Кавказского восстания.

Рядом могила командира 1-го Кавказского полка, полковника Орфенова¹³⁰, погибшего под Царицыном в 1919 году. Его я хорошо знал по Манычскому району, где мы вместе командовали полками в 3-й Кубанской дивизии генерала Бабиева.

Он гусар. Добрый человек и храбрый офицер. И в боях тогда — он на английском седле, в ките, в фуражке, в пенсне и со стеком в руке. Казаки искренне полюбили его, и по ходатайству фронтовиков станица приняла его в казаки.

Судьба словно нарочно посылала мне жуткие этапы переживаний по родным станицам. Грустно перекрестился я, глядя на обелиск, на котором были написаны фамилии расстрелянных казаков и среди них — их начальника, всем известного в полку по Турецкому фронту, младшего урядника Романа Кольцова.

Долгим, скорбным, смертельным взглядом смотрел на меня он тогда, в степи между Кавказской и Дмитриевской станицами, когда казаки отряда пали духом, узнав, что наши главные силы, пехота, разбиты красными и нам надо как-то спастись. И он с полусотней повернул назад и тронулся к своей станице. Красные их уже ждали на всех входах. Часть казаков спаслась, но 34 схватили с седел и расстреляли на второй же день.

Красные войска вошли сюда через день и немедленно разрушили этот высокий памятник со шпилем. Несчастные их жены, матери, отцы!.. Как и несчастны сами погибшие!.. Даже и в могилах им не дали покоя.

Еду проводить своего верного соратника «от Воронежа и до Кубани», старшего урядника-конвойца Тимофея Сальникова. На удивление — они бедны. Во дворе обыкновенная хата, сараи для скота. Нет даже и амбара. И только одна пара отличных рослых рабочих лошадей в хороших телах. Отличный строевой конь был и под Сальниковым.

У ворот меня встречает его отец. Он окликнул Тимофея «с база». Увидев меня, тот смутился. Думал, что я буду его ругать — почему он не в своем 2-м Кавказском полку, как казак «второй очереди».

— Ты остаешься, Тимофей?.. Продай мне своего коня. Его все равно отберут красные, — были мои слова к нему.

— Не могу, Федор Иванович!.. Всю действительную службу прослужил на нем в Конвое и гражданскую. Целых шесть лет. Дорог он мне. И жаль. Спрячу его. А если отберут красные, то, значит, судьба, — печально говорит мне этот умный, серьезный урядник Конвоя Его Величества, и его черные глаза стали еще грустнее.

Он просит «обязательно» войти в хату и «хоть посмотреть Святой угол», как говорят в станицах. Этому рассудительному казаку отказать я не мог. Зашел, перекрестился на иконы в Святом углу. Сели за стол. Он один. Мать и жена у печи. Обе молчат и грустны.

— Вот, мама, и ты, Феня, тот мой полковник станицы Кавказской, о котором я так много вам рассказывал. Таковых уже не сыскать. Ежели бы все были такие, — вдруг говорит он.

— Да ты что, Тимофей?.. — перебиваю я его. — Я зашел к тебе отвесть хлеба-соли и повидать Святой угол, а ты занимаешься каким-то восхвалением.

— Э-э, Федор Иванович, вот в этом-то и горе наше, что не все офицеры были настоящими!.. Што я, не вижу?! Тоже службу военную хорошо прошел! Многое видал! Теперь вы уходите. Я сам остаюсь. Не могу и не хочу идти. Не верю!.. Пусть што будет. И перед разлукою — хочу Вам сказать то, што у меня на душе.

Писали потом, что красные коня отобрали на второй же день.

С красными у нас потеряна связь. Где противник — неизвестно. После дневки в Тифлисской корпус вошел в станицу Ладожскую Екатеринодарского отдела. Это была родина генералов Косинова, Растегаева¹³¹ и полковника Калугина¹³² — наших кавказцев — и моего друга полковника Сменова¹³³. Она расположена на высоком плоскогорье, и Кубань протекает непосредственно внизу. 2-я дивизия расположилась в самой восточной стороне станицы, а штабу дивизии отведена квартира в доме станичного атамана, бывшего урядника Конвоя Его Величества. Хозяйство атамана хорошее, но не отличное. Скрамная, молчаливая жена. Атамана мы не видим, так как он все время находится в станичном правлении.

Еду в штаб корпуса для ориентировки. Там вижу очень красивого старика генерала. У него роскошная седая борода, аккуратно подстриженная и поделенная на две стороны. Одет элегантно. На нем светло-серая черкеска на черном бешмете. На ногах мягкие хромовые сапоги. Оружие, кинжал и шашка в богатой серебряной оправе. Он так нарядно и аккуратно был одет, что если бы не седая борода или если бы не видеть его головы, то можно было подумать, что это сидит только что произведенный в офицеры юнкер.

Он был эластичен не только в своих манерах, но был эластичен и в разговоре. И сидит он на стуле легко, готовый быстро подняться с него в любой момент, в особенности на зов начальника или дамы. Вид его был таков, словно он собрался на бал и вот по пути заехал сюда, на военное совещание.

Тут же сидел начальник 4-й Кубанской дивизии полковник Хоранов, который, прищурившись по-горски и не снимая со своего лица какой-то странной, смущенной и слегка растерянной улыбки, говорил какие-то каламбуры, обращаясь то к генералу Науменко, то к этому генералу.

Говорилось об отступлении за Кубань и еще что-то. Потом генерал Науменко отпустил всех и посоветовал этому нарядному генералу вернуться в Екатеринодар, явиться в Войсковой штаб и «уже там все выяснить». А что «выяснить» — я не знал. Об этом разговор был, видимо, до моего прибытия.

— Полковник Елисеев, задержитесь здесь немного, — говорит мне генерал Науменко.

Мы едем верхом в станичное правление, откуда он хочет говорить с начальником Кубанского Войскового штаба. Мы там.

— Вы знаете, Елисеев, что случилось? — с улыбкой спрашивает он меня.

— Ничего не знаю, Ваше превосходительство, — отвечаю ему.

— Да вот этого генерала, Серафимовича¹³⁴, прислал ко мне Войсковой штаб на должность начальника 4-й дивизии. И как нарочно, Хоранов был у меня. А Серафимович представился мне как уже начальник его дивизии. Вы разве не обратили внимания, какое выражение лица было у Хораныча? — говорит Науменко. — Но я решил оставить Хоранова в этой должности. И вот об этом буду говорить с начальником штаба Войска. И я хочу, чтобы Вы присутствовали.

— Но это еще не все, — продолжает он. — Вы видели когда-либо такую смелость — Хоранов не просит, а требует, чтобы я его представил в чин генерал-майора! Вы знаете, как он умеет к этому «подойти»? — возмущается он.

И тут же копирует слова Хоранова, с его осетинским акцентом, отчего нам обоим становится весело. А слова Хоранова были таковы:

— Ваше превосходительство, Вы знаете, что командир бригады уже должен быть генерал-майор?.. А я команду у Вас дивизией и все остаюсь в чине полковника.

У Хоранова, несмотря на его высшее образование, осетинский акцент все же оставался. Он, например, произносил «гэнэрал» вместо «генерал».

Произнеся целую тираду «слов Хоранова», Науменко спрашивает меня:

— Ну, как Вы думаете, Елисеев? Стоит ли представить его в генералы?

— Представьте, Ваше превосходительство. Он неплохой человек. Старый офицер. Мы отступаем. И все же он действительно начальник дивизии. И как-никак — он собрал казаков-кавказцев! — сказал я.

— Я и сам об этом так думал. И Вас спросил для проверки своих мыслей, так как Вы бывший его однополчанин и лучше его знаете, чем я, — закончил он.

В это время его вызвали к аппарату. После положенных приветствий и разговора Науменко поведал мне, что «по телефону штаб не хочет давать чин генерала, и предложили представить письменно. Вот-то Хораныч будет рад», — сообщил он.

Положение на фронте

От станицы Казанской и до станицы Ладожской наш корпус отходил без боев.

В книге «Разгром белогвардейских войск Деникина» указано, что «против 2-го Кубанского конного корпуса генерала Науменко, начиная от Маныча с самого начала февраля 1920 года, действовали: 32-я, 39-я стрелковые дивизии и Отдельная кавалерийская бригада Курышка (трехполкового состава. — Ф. Е.)»¹³⁵. Но о том, что обе эти дивизии были полностью разгромлены и захвачены Лабинцами у хутора Лосева и станицы Дмитриевской, ничего не сказано.

Далее пишется: «Если раньше 10-я Армия предполагала нанести удар четырьмя дивизиями на Екатеринодар, то теперь эти дивизии назначались для захвата района станиц Петропавловская, Курганная, а правофланговым соединениям — приказывалось овладеть районом Екатеринодара».

«Конная армия Буденного, с приданным в ее состав 2-м Конным корпусом 10-й Армии — нанести удар в районе станицы Леушковской и, оказывая содействие 10-й Армии — двинуться в район Усть-Лабинской станицы и Ладожской, и овладеть районом Белореченской»¹³⁶.

Это было у красных, точно указан район действий и задания. Мы оборонялись. Поместим здесь задание нашего Главнокомандующего генерала Деникина:

«К 3-ему марта 1920 года Добровольческий корпус, Донская армия и часть Кубанской сосредоточились на ближайших подступах к Екатеринодару, в двух переходах от города. Штаб Донской армии перешел в Екатеринодар, Справка — в Новороссийск.

В этот день я телеграфировал Командующим армиями: «Политическая стратегическая обстановка требует выигрыша времени и отставания, поэтому, занимаемых рубежей. В случае вынужденного отхода за Кубань — слияние рек Кубань—Лаба, в крайнем случае — река Белая, является последним оплотом, за которым легко, возможно и необходимо оказать упорнейшее сопротивление, могущее совершенно изменить в нашу пользу ход операции»¹³⁷.

Когда в нашем корпусе, после оставления железнодорожного узла станции Кавказская (хутор Романовский), происходила как бы «походно-боевая иллюзия», в Донской армии, то есть на главном направлении, происходили весьма драматические эпизоды.

Надорванная морально и оставившая «свой казачий порог и угол», Донская армия искала во всем этом несчастье и виновника, и выхода из положения. Об одном случае генерал Деникин пишет: «Смута в умах Донцов не ограничилась рядовым казачеством. Она охватила и офицерский состав — подавленный, недоверчиво и опасливо относившийся к массе и давно уже потерявший власть над нею. Судьба день за днем наносила тяжкие удары. Причины обрушившихся бедствий, как это бывает всегда, искали не в общих явлениях, не в общих ошибках — а в людях.

Донские командиры, собрав совет, низвергли Командующего Конной группой генерала Павлова, не казака, и поставили на его место донца — генерала Секретева^{138, 139}.

Итак, армии стояли в двух переходах от Екатеринодара, и генерал Деникин продолжает: «Отступление продолжалось. Всякие расчеты, планы, комбинации разбивались о стихию. Стратегия давно уже перестала играть роль самодовлеющего двигателя комбинаций. Психология массы довлела всецело над людьми и событиями.

4-го марта я отдал директиву об отводе войск за Кубань и Лабу и об уничтожении всех мостов.

Представители союзных держав, обеспокоенные стратегическим положением Юга, просили меня высказаться откровенно относительно предстоящих перспектив. Мне нечего было скрывать: оборонительный рубеж — Кубань. Подымется казачество — наступление на север. Нет — эвакуация в Крым»¹⁴⁰.

Об уходе в Грузию у генерала Деникина ни звука. Но о том, пойдут ли казаки в Крым, генерал Деникин пишет: «Пойдут ли? И не вызовет ли отрыв от родной почвы и потеря надежды на скорое возвращение к своим пепелищам полного упадка настроения и немедленного катастрофического падения фронта?..»¹⁴¹

Генерал Деникин здесь ошибался: казаки пошли бы куда угодно, в Крым, в Турцию, «к черту на рога», лишь бы не быть под большевиками. Нужно было только приготовить «это место» — куда уходить. Оно не было приготовлено в критическом положении. Об этом будет сказано по событиям на фронте. Но самые замечательные строки генерала Деникина о настроении в Донской армии следующие:

«Когда предложено было вывести Добровольцев (то есть Добровольческий корпус генерала Кутепова¹⁴². — Ф. Е.) в резерв Главнокомандующего — это обстоятельство вызвало величайшее волнение в Донском штабе, считавшем, что Добровольческий корпус оставляет фронт и уходит в Новороссийск. Под влиянием Донских начальников генерал Сидорин¹⁴³ предложил план — бросить Кубань, тылы, сообщения и базу — двинуться на север. Это была бы чистейшая авантюра — превращение планомерной борьбы в партизанщину, обреченную на неминуемую и скорую гибель.

План этот я категорически отклонил. Но переговоры между Донскими начальниками и генералом Сидориным о самостоятельном движении на север, по-видимому, продолжались, так как в одну из затянувшихся поездок генерала Сидорина на фронт, когда порвалась связь с ним — начальник Донского штаба, генерал Кельчевский¹⁴⁴, выражал свое опасение: «Как бы генералы не увлекли Командующего на север»¹⁴⁵.

Не вдаваясь в разбор плана командующего Донской армией генерала Сидорина и старших начальников, надо сказать — план этот говорил о том, что офицерский состав его армии не потерял доверия и власти над своими казаками, как писал об этом генерал Деникин. Хотя эта картина и была бы как «смерть гладиатора».

Наши армии тянулись в узкое горлышко лесами и горами, к порту Новороссийск. Но и тогда «строй» не думал о наступающем «конце».

Переправа через Кубань

«20-я стрелковая дивизия после короткого боя отбросила за Кубань 2-й Кубанский кавалерийский корпус генерала Науменко, понесший значительные потери при переправе — к исходу 2-го марта — заняла

станции Ладожскую и Тифлисскую» — так пишет начальник этой дивизии Майстрах в своей книге¹⁴⁶, чего совершенно не было.

Видимо, согласно общей директиве главнокомандующего, наш корпус приготовился к переправе через Кубань 4 марта. Для обеспечения переправы генерал Науменко приказал мне с 1-м Лабинским полком выдвинуться на север от станции Ладожской верст на пять и, не ввязываясь в сильный бой, задерживать противника до полной переправы корпуса. Потом сняться с позиции и ускоренным аллюром войти в станицу, переправиться и следовать за корпусом. Прикинуто время — сколько займет переправа корпуса.

Полк в степи. Там много неубранных копен хлеба. Меж ними и обнаружен противник. Завязалась ленивая перестрелка. Серое утро. Пасмурно. Чуть моросил дождик. Красные пассивны, почему и было скучно.

Дождавшись условленного часа, широким рассыпанным строем сотен Лабинский полк шагом отходил к станице, имея до трех десятков пулеметов позади, в одну линию, с храбрым есаулом Сапуновым, могущим дать нужный отпор любой атаке. Красные цепи двинулись за нами, не торопясь.

Дойдя до станицы, полк был свернут во взводную колонну и широкой рысью, чтобы оторваться от красных, пересек несколько улиц.

Станица Ладожская раскинута на довольно высоком плоскогорье. Крутой обрыв отделяет ее от Кубани, протекавшей тут же, внизу. К переправе, к мосту, дорога тянется по глубокому выему местности, снижаясь к реке и падая у самого берега.

Весело, словно и не идет война, полк у моста. Все части уже на том берегу, и здесь только последние обозные подводы. Здесь же и генерал Науменко со своим начальником штаба и ординарцами руководит переправой.

Наверху, в станице, послышались выстрелы. Громко залаяли собаки. Над кручей послышался плач женщин. Красная конница при дивизии, видимо, вошла в станицу. Медлить с переправой было нельзя.

Приказав пулеметным и санитарным линейкам полка двигаться через мост, Науменко, мне показалось шутейно, бросил в мою сторону:

— А Вы, Елисеев, с полком вброд! — и, улыбнувшись, показал рукой на воду рядом с мостом.

Полк, до 700 коней, пока пройдут все линейки, явно задержится на этом берегу, и красные, войдя в станицу, с гумен на очень высоком плоскогорье могут сильно и безнаказанно «пощипать» полк. Все это быстро проносится в моей голове, и, не рассуждая, я первым вошел в воду.

Вначале было неглубоко, но потом, ближе к противоположному берегу, моя рослая кобылица заметно погружалась. Вот вода уже дошла до тебеньков у седла, потом идет выше. Схватившись за переднюю луку и торочину, ногами вскочил на подушку. Оглядываюсь назад и вижу — казаки, видя глубину брода и думая, что я не попал на него, отклоняются ниже меня по течению, но там уже не было брода. Длинной, ломаной кишкой плыли казаки, как попало, стараясь возможно скорее добраться до левого берега реки.

Получилось так, что «в последние минуты» Кубань родная буквально обняла своими раздольными водами удалой 1-й Лабинский полк — в последний раз.

Вот что было в действительности, а не то, что бахвально пишет красный начальник пехотной дивизии Майстрах. Как и нужно добавить, что никаких боев корпуса после оставления хутора Романовского не было до самой Ладожской станицы.

Что замечательно, так это то, что никто в полку не был в обиде за «холодное купание», когда казаки окунулись в воду до самого пояса, а только весело смеялись над этим.

Генерал Науменко, со своим небольшим штабом, перешел мост последним. Мост потом был взорван. Красные с кручи открыли незначительный огонь по арьергарду, но безрезультатно.

Корпус вступил в очень влажную Закубанскую равнину, тогда как на правом берегу реки почва была совершенно сухая. Проходя по своим станицам, полки питались отлично, почти бесплатно. Иногда платили только за фураж. Станицы были богатые, с хлебосольным казачьим населением. Да и как было брать деньги от своих родных воинов-казаков?

«Мы идем в Грузию», с полной надеждой, что будем там через несколько дней, а в портах Туапсе и Сочи нас ждут запасы продовольствия для полков, поэтому полки в богатой станице Ладожской не запаслись ничем.

Да и обоза первого разряда, принятого на войне, фактически ни один полк не имел. И каждый казак «запасался» лично для себя, как умел и хотел, имея торбу зерна для своего коня, не больше.

По мягкой грязи корпус дошел до хутора Бологова. Передохнув, двинулись дальше на юго-запад и на ночь остановились в первом же черкесском ауле. С арьергардным 1-м Лабинским полком вошел в полной темноте. Черкес-хозяин для штаба дивизии отвел «переднюю», спрятав в дальней комнате всех своих женщин — жену и дочерей. Он очень беспокойно входил и выходил из нашей комнаты, расширенными своими черными глазами смотрел на меня и тяжело вздыхал, а почему — я не знаю.

— Мы голодны и хотим есть, — сказал я ему.

После долгих переговоров по-черкесски со своей женой через дверь сам принес нам молоко, сыр и хлеб. Всего в ограниченном количестве. «Прощай, вольготные кубанские богатые станицы», — подумал я тогда, покушав «налегке», и неуютно заснул.

В этот памятный день 4 марта 1920 года мы перешли «Кубанский Рубикон», совершенно не думая, что свою родную Кубань многие из нас уже никогда не увидят.

ТЕТРАДЬ ПЯТАЯ

В станице Ново-Лабинской

5 марта 1920 года 2-й Кубанский конный корпус генерала Науменко выступил в направлении станицы Ново-Лабинской. С противником соприкосновение было утеряно. Черкесский аул остался позади нас. Полки корпуса шли спокойно к югу.

По пути, вправо от нас, какие-то части вели бой. Мы увидели, как одна конная часть человек в двести разомкнутым строем, широким наметом понеслась в атаку прямо на запад, к гаю леса. Потом говорили, что это были казаки станицы Некрасовской.

Небольшое, но интересное дополнение: «4 марта 1920 года, когда корпус генерала Науменко вошел в станицу Ладожскую — мы, некрасовцы, в том числе и я, прибыли в эту станицу, которая была переполнена казачками. Мы решили оставить Ладожскую и тронулись в станицу Усть-Лабинскую, которая находилась в семи верстах от нашей Некрасовской станицы. Прибыли с рассветом в нашу станицу, где пробыли один день и 6 марта, до 200 казаков, во главе с есаулом Збронским¹⁴⁷ — двинулись на юг и, за рекой Лабой — влились в Корниловский конный полк и находились в нем до капитуляции Кубанской армии»¹⁴⁸.

Так написал мне подхорунжий И.Г. Васильев — кадровый взводный урядник 1-й Кубанской пластунской бригады генерала Пржевальского¹⁴⁹, георгиевский кавалер трех степеней Великой войны.

Это, видимо, они, некрасовские казаки, пошли так молодецки в конную атаку на красных на наших глазах, в районе своей станицы, с храбрым есаулом Збронским, нашим старым Корниловцем и потом сотенным командиром во 2-м Кубанском Партизанском полку своего станичника полковника Соламахина, корпуса генерала Шкуро. Мы тогда отступали вместе, «от Воронежа и до Кубани», находясь в рядах 1-й Кавказской казачьей дивизии.

Было сыро в природе. Стояла жидкая грязь. К обеду наш корпус вошел в станицу Ново-Лабинскую. Как не похожа была эта маленькая станица на наши большие, что остались на том, правом берегу родной Кубани! Бедность сквозила во всем. Редко попадались дома «под жестью». Бедные постройки. Во дворах мало амбаров. Непросохшая грязь еще более подчеркивала непрезентабельность станицы и толкала душу на грустные размышления.

Находясь в своей квартире, слышу зурну, тулумбас, тарелки и лихую, с зычным подголоском, казачью песню. Быстро выскакиваю на крыльцо и вижу небольшую колонну конных казаков в черкесках с красными башлыками за плечами. Они пели какую-то веселую песню, и чисто по-линейски — образно и сноровисто, словно мы и не отступаем «в неизвестность». Меня это удивило. Даже в моем 1-м Лабинском полку после сдачи Кавказской уже не слышно было песен. Как это случилось — не знаю. Безусловно, произошел психологический перелом в умах всех, и уже и сами командиры не вызывали, как бывало, бодрящим возгласом: «Песенники, вперед!»

Потом казаки-ординарцы говорили, что «то прошли шкуринцы». Но мне казалось, что это проходили сотни 1-го Линейного полка. «Шкуринцев», как таковых, тогда в том районе не было. 1-й и 2-й Кубанские Партизанские конные полки были расформированы при мне еще в станице Невинномысской, по нашему приходе-отходе «от Воронежа», а 1-й и 2-й Хоперские полки, как основные «шкуринцы», находились в это время в 3-й Кубанской казачьей дивизии генерала Бабиева, отступавшего по маршруту Ставрополь—Невинномысская—Майкоп.

За Лабой-рекой. В черкесском ауле

С утра 6 марта красные появились в виду станицы. Это было неожиданно. Корпус немедленно снялся, перешел Лабу и двинулся на юг, в черкесские аулы. 1-му Лабинскому полку приказано было быть в арьергарде и, перейдя Лабу, охранять переправы через нее.

Капитальный чугунный мост красного цвета через Лабу был уже взорван кем-то до нас. Он всей своей тяжестью, как-то беспомощно осел в воду только в южной своей оконечности, но не потерял вида. По небольшим камням и глыбам полк перешел реку вброд. Глубина доходила до животов лошадей. Без затруднений прошли вброд все пулеметные и санитарные линейки.

Правый берег Лабы здесь был высок, а левый — сплошная сырая луговая равнина, проросшая камышом и кустарниками.

До обеденного времени было спокойно. Красные, видимо, сосредотачивались. Неожиданно затрещал ружейный и пулеметный огонь с их высокого берега, который становился нетерпим. Вдруг с главного участка сорвалась 4-я сотня умного и доблестного есаула Сахно и рассыпанным строем, широкой рысью, пошла на юг, подгоняемая уже шрапнельными разрывами.

Сбив сотню с главного участка, красные перенесли свой огонь на весь полк. Спротивляться было и нечем, и бесполезно. При полку не было артиллерии, и стрелять по своей же казачьей станице, где засели красные, было недопустимо. Красные били нас артиллерийским огнем сверху, а казаки, прижавшись на окраинах пролесков, ждали, когда шрапнель противника стукнет окончательно «по макушкам».

Начались потери в людях. 4-я сотня оставила труп убитого казака, не имея возможности подобрать его. И, потеряв охрану главной переправы, полк лавами, широкой рысью, пошел на юго-запад, подгоняемый шрапнельным огнем почти прямой наводкой.

Навстречу полку, по дороге, скачет небольшая группа всадников. Потом она остановилась. От нее отделился один человек и скачет нам навстречу. В нем я узнал генерала Науменко. Он в одной гимнастерке.

— Храбрые Лабинцы-ы!.. НЕ ОТСТУПА-АТЬ!.. Вперед за мною-у! — выкрикнул он.

— Почему Вы отступаете, Елисеев?!.. Вперед!.. Надо удержать равнину перед аулами! — говорит он мне.

Я ему четко докладываю, что красные расстреливали полк сверху, как хотели, и единственное спасение было — отойти назад.

В это время на широких рысях подошел начальник штаба корпуса полковник Егоров с несколькими ординарцами и, как-то загадочно посмотрев на меня, обратился к генералу со следующими словами:

— Вячеслав Григорьевич, поедemте назад. Пусть Елисеев тут сам распоряжается. Да и обед наш еще не закончен.

К моему удивлению, генерал сразу же согласился с доводами Егорова, громко поблагодарил «славных Лабинцев за боевую работу», и все они наметом пошли назад, к аулам.

Сбив нас на переправах и отбросив от них, красные не пошли за нами в полуболотистую равнину, и я с арьергардным полком, простояв полдня под их артиллерийским огнем, отошел в Ульский аул.

Об этих днях написал мне коренной Лабинец М.Г. Енин, казак станицы Урупской, следующее: «Всего этого — я участник. Плыть через Кубань мне не пришлось, потому что я переходил ее через мост с пулеметами. Перейдя на левый берег, там был камыш, и там мы залегли. Большевики нас заметили и стали обстреливать из артиллерии, и рядом

со мною был убит казак стаканом от шрапнели, и этим же стаканом была убита лошадь под другим казаком. Имена их не помню. После этого мы пошли на Царский Дар».

Здесь Енин путает. Этот бой происходил на левом берегу Лабы, как я описываю, но не на левом берегу Кубани. Там боя не было.

«А помните ли бой под селом Садовым?» — добавляет он. Отвечаю: отлично помню, и это будет описано.

Письмо заканчивается так: «Много можно говорить, но письмо малое. Но славный мой 1-й Лабинский полк был один из храбрых и переносил на своих плечах великие тяжести и без ропота. Мы были молоды тогда, и своих предков мы не посрамили. Мы делали все, что было в наших силах, и даже больше. Царство небесное храбро погибшим за Край Родной и честь и слава еще живущим. 1-го Лабинского полка, подхорунжий *Михаил Енин*»¹⁵⁰.

В настоящее время (в 1963 г. — П. С.) подхорунжий Енин числится в рядах Кубанского Гвардейского дивизиона. Тогда ему было 20 лет от рождения. В своем полку он был безотлучно, начиная со Святого Креста в 1918 году, о чем и сообщает.

Только единицы остались в живых от храбрых. И это есть радость.

Свернувшись в колонну, полк вошел в аул Ульский или иной по названию — не помню. Меня всегда прельщали черкесские аулы какой-то своей мусульманской таинственностью и, обязательно, суровостью, замкнутостью.

Перейдя болотистую речку, приток Лабы, мы вступили в аул, скученно расположенный на пуповидной небольшой возвышенности. Слева — высокий глинобитный дом со многими узкими окнами на север, словно бойницами, из которых выглядывали на казаков черные глаза многих женщин и подростков. На улицах ни души. Полку приказано пробыть здесь до вечера и потом присоединиться к корпусу, который сосредоточится в крестьянских селах Филипповское и Царский Дар.

Выставив сторожевое охранение, полк отдыхает по квартирам. Вдруг является ко мне командир 2-й сотни сотник Луценко и беспокоило докладывает, что его сотня «смущена». Казаки хотят поехать в свои станицы, чтобы попрощаться с родителями, со своими семьями. Он просит моего личного воздействия на казаков, иначе некоторые казаки могут покинуть строй.

Я не верю своим ушам и посылаю ординарцев, чтобы полк немедленно построился в конном строю.

Мое сердце приятно успокоилось, когда я увидел, что на небольшой бурччатой аульной площади сотни полка были в полном составе. Несколько казаков 2-й сотни все же покинули ее строй, уехали домой —

«чтобы в последний раз повидаться с семьями и потом вернуться в полк», как доложили они своему сотенному командиру.

Никого и ничего не спрашивая, говорю всему полку, что «как бы ни хотелось казакам пройти по своим станицам и в последний раз повидать свои семьи — по маршруту — это сделать невозможно. И вы, мои дорогие и храбрые Лабинцы — до конца оставайтесь такими же стойкими и послушными воинской дисциплине, как были до сих пор!» — закончил я.

Это подействовало. Никто и ничего не спросил из строя. Но потом мои помощники, полковник Булавинов, войсковой старшина Ткаченко и командир 4-й сотни, как самый старший из сотенных командиров и самый авторитетный из них, есаул Сахно, придя ко мне, доложили:

— Этот бой, за Лабой, такой беспомощный, без артиллерии, когда красные расстреливали казаков со своего высокого берега, произвел на всех очень неприятное и тяжелое впечатление.

Они подчеркнули мне:

— Если мы идем в Грузию, то зачем же вести ненужные бои и терять в боях людей?.. Надо «оторваться» от противника и идти к намеченной цели.

И просили об этом довести до сведения командира корпуса.

Я и сам так понимал, почему при первой же встрече с генералом Науменко доложил об этом.

— Да, конечно, Елисей, Вы правы, но мы должны считаться с общим фронтом, поэтому и задерживаемся на намеченных рубежах, — спокойно, как-то с грустью, закончил он.

Когда полк собирался к выступлению, на площади аула появилось несколько стариков черкесов. Вид их был подавленный. Они явно боялись прихода красных.

Один черкес лет сорока, в белом бешмете и при кинжале, с черной густой подстриженной бородой, общим своим видом очень нарядный, к длинной сучковатой терновой жердине привязывал небольшое белое полотнище. К нему подъехал сотник Луценко и отобрал револьвер. Я это увидел.

— Зачем Вы это сделали? — спрашиваю его с упреком.

— Да как же, господин полковник!.. Он привязывает белый флаг, чтобы мирно встретить большевиков!.. Вот за это я и отобрал револьвер, — отвечает сотник.

Самыми непримиримыми врагами красных на Кубани были наши черкесы. Это все знали. Знал и я, почему твердо и определенно говорю сотнику Луценко:

— И все же — верните револьвер черкесу. Пусть лучше у него отберут оружие красные и сделают из него еще большего врага, но нам, покидая аул, слышать проклятия к казакам-соседям от гордых и благородных черкесов недопустимо.

Выслушав это, Луценко с седла бросил револьвер в сторону этого нарядного черкеса. Тот его поднял и, приложив правую руку к сердцу, низко поклонился мне.

Пополнение 2-й дивизии офицерами

Филипповские хутора и Царский Дар переполнены войсковыми частями. Сюда, видимо из Майкопа, прибыл в корпус командир Кубанской бригады, полковник Шляхов¹⁵¹ и, как старший в чине, назначен временно командующим 2-й дивизией. Я вернулся в свой полк.

Прибыл из станицы Гиагинской законный командир 1-го Кубанского полка полковник А.И. Кравченко и вступил в командование своим полком.

В командование 2-м Кубанским полком вступил полковник Гетманов Иван¹⁵², казак Лабинского отдела. Он окончил Оренбургское училище в 1908 году, когда оно было юнкерским. Генерал Михаил Демьянович Гетманов¹⁵³, проживавший недалеко от Нью-Йорка, как-то сказал мне, что это его двоюродный брат.

В станице Ладожской влились в свой 1-й Лабинский полк братья Калашниковы, есаул и сотник. Оба они учителя. Умные и словоохотливые, братья были приятны в разговорах. Старшие офицеры-лабинцы встретили их очень приветливо, как старых сослуживцев. Богатых родителей станицы Ладожской — они захватили с собой большие запасы всего съестного и даже кадки пчелиного меда из своей пасеки.

Все это мне очень понравилось, как усиление рядов корпуса.

В моей душе происходили внутренние неприятности. Во-первых — я и здесь, в центре сосредоточения всего корпуса, не нашел своей полковой тачанки с адъютантом, сотником Сережей Севостьяновым, где находились все мои вещи. И весь мой «командирский багаж» заключался лишь в том, что было на мне, то есть — пара белья, бешмет, черкеска и — ничего больше.

Во-вторых — со мной, также верхом на лошади, была сестренка Надюша. Я считал, что она совершенно напрасно уехала из дому, а не осталась с беспомощными там бабушкой, матерью и двумя сестренка-

ми-подростками. Оставить ее одну в станице или в мужичьих селах было опасно. И я решил отправить ее в Майкоп, в доброе и многочисленное семейство Париновых, у которых когда-то наша группа учеников-техников жила на полном пансионе.

Объявил свое решение Надюше. И каково было мое удивление, когда она заплакала.

— Почему?! Почему ты плачешь, Надюша?.. Ты едешь в Майкоп, как в свой дом, люди они хорошие, переждешь там несколько дней, пока красные утихомируются, и потом вернешься в Кавказскую, ты там нужна всем, в особенности маме и бабушке, — говорю ей.

У нас в семье слова старшего брата являлись для младших законом. И умная Надюша это отлично знала. После расстрела нашего отца она с жуткой вспоминала красных и смертельно боялась их. Но все же, раз говорит старший брат, это надо выполнить. Она молча, с горячими слезами стала собираться в отъезд.

Об этом узнали офицеры полка. Все те же авторитеты — Булавинов, Ткаченко и Сахно — приступили ко мне очень активно:

— Федор Иванович, да что же Вы делаете?.. Куда Вы отправляете Надюшу... барышню, одинокую, ее ведь каждый может обидеть! Позвольте Вас просить оставить ее в полку! Мы сами будем следить за ней, если она Вам в тягость! — как-то с жалостью говорили они. — Она будет наша полковая дочь, — закончили они.

В особенности активен был войсковой старшина Ткаченко, человек по натуре суровый, но его серо-голубые глаза всегда ярко выражали его душевные переживания.

Должен еще раз подчеркнуть, что эти три офицера, хотя летами и старше меня, были настолько серьезны, рассудительны и всегда тактичны со мной, так преданы интересам полка и воинскому долгу, как редко можно было встретить тогда. К тому же они были все очень хорошо воспитаны. Теперь, после «многих бурь» за границей и понижения благородства в людях, недоброжелательства, даже и среди бывшего братского казачества между собой, эти три офицера 1-го Лабинского полка являются исключительным примером.

— Да совсем Надюша мне не в тягость! — отвечаю им. — Я только думаю о своей семье, что осталась в станице. Да и ей, в горах что нас там ждет — мы не знаем, — урезониваю их, моих лучших офицеров полка и искренних друзей.

— Но вы так, господа, активно просите меня, что я — сдаюсь, Надюша!.. Ты остаешься со мной, — говорю ей.

И она, моя милая сестренка, на 10 лет младше меня, сквозь свои девичьи ясные слезоньки уже мягко и радостно улыбается и благодарит

меня. И чтобы зафиксировать это свое точное решение, при них обнял ее и поцеловал в лобик.

Безобидное и непорочное дитя. К вечеру она уже поет и помогает хозяйшкe накрывать нам, штабу полка, стол.

Милое дитя!.. Кто бы мог знать или подумать — какая жестокая доля ожидает ее «после нашего похода в горы».

«Зеленые»

В районе Филипповских хуторов и Царского Дара была дневка корпуса. Эти села красные еще с 1918 года. О положении нашего общего фронта мы ничего не знали. Пронесся слух, что где-то по соседству с этими селами появились «зеленые крестьяне». Они даже прислали письмо казакам — «бросить своих офицеров и перейти к ним». Мы над этим только посмеялись в своем полковом штабе.

Стояла жидкая весенняя грязь, но было тепло. 1-й Лабинский полк для выступления выстроился на широкой улице. Крупной рысью подъезжаю к нему с левого фланга и вижу — стоит перед фланговым взводом фигура в рваном картузе, в тужурке, в сапогах, с винтовкой через левое плечо (не по-казачьи).

Под ним захудалый кабардинец с казачьим седлом. После встречной команды полковника Булавинова спрашиваю его:

— А это кто такой?

— А делегат от зеленых приехал за казаками, — вдруг спокойно отвечает он, словно к полку присоединился приبلудный жеребенок.

Бросаю Булавинова и строго спрашиваю этого мужика, 35—40 лет:

— Ты кто таков?.. Почему ты здесь?

— Та я прибыл з лесу от зеленых, нам сказали, што казаки сдадутца, ежели хто приедет до них. Вот меня и послали, — спокойно отвечает он, совершенно простой мужичонка, как бы с придурью.

— Какой полк?.. Лабинский?! Какие казаки хотят перейти к вам? — закидываю его ехидными и злыми вопросами.

— Та я не знаю, говорили што казаки, а какие ани — не знаю, — отвечает он уже с робостью.

Мой штаб-трубач, умняга и молодецкий старый казак Василий Диденко, уже сорвал с него винтовку, а казаки смеются из строя на слова «этого делегата от зеленых», но мне это совершенно не нравится.

— Как он мог проехать сторожевое охранение? Да еще вооруженный? Почему он здесь, перед полком? — наскочил я на полковника Булавинова, своего старшего помощника.

— А черт его знает, откуда он появился, — вдруг спокойно отвечает остроумный Булавинов и добавляет: — Да я и сам его только что увидел.

Получился некоторый «фарс», и мы оба уже улыбаемся. Не придав этому никакого значения, отправляю «делегата» в штаб дивизии.

Стыжу и весь строй, что мне, командиру полка, пришлось разговаривать с каким-то «анчуткою-делегатом» и никто не поинтересовался: «А почему и кто этот человек здесь, верхом, в картузе и с винтовкой за плечами?»

Конечно, мои слова относились к обоим помощникам, к сотенным командирам. Но все потом уверяли, что они его, этого делегата, и не видели раньше.

— Так тем хуже для вас, господа! — говорю им. — Вы допустили его до непосредственного общения с казаками!.. А яд ведь разлагает! — закончил им.

Все соглашались с этим и искренне возмущаются смелостью «делегата от зеленых», прибывшего в расположение корпуса.

1-й Лабинский полк вновь назначен в арьергард при переходе реки Белой. Я настороже: черт его знает — может быть, их тут, подобных делегатов, много? Может быть, они только и ждут, когда мы тронемся, и откроют по полку огонь со всех кустов? Но все обошлось благополучно. По дырявому настилу моста через Белую полк перешел ее и занял позиции на левом берегу, минировав мост. Здесь были уже густые просески, и оба берега реки были пологи.

В станице Ново-Лабинской генерал Науменко вызвал меня к себе. Из станичного правления он будет говорить с есаулом станицы Воздвиженской, начальником местного гарнизона, который задержал корпусной обоз, решил не идти в горы и ждать красных. Меня он вызвал, чтобы я слышал весь разговор, намекнув, что, может быть, туда придется послать 1-й Лабинский полк.

В разговоре с этим есаулом генерал Науменко говорил начальствующим тоном, пугал репрессиями, но этим еще более обозлил его. Есаул уверял, что его казаки совершенно не красные. Они просто устали воевать и считают уход в горы бесполезным. И остаются в своей станице лишь потому, чтобы «сгладить» могущие быть репрессии красных над станицей, о чем просили его старики, и он, есаул, сам сознательно идет на эту жертву.

Этак он ответил Науменко, когда последний простыдил его, что они «потеряли казачью честь и предают Кубань».

На эти слова со стороны есаула получился не менее философский ответ, что «предают Кубань те, кто бросают свои станицы, бросают свои семьи на произвол судьбы, а сами уходят в горы. А он, есаул, местный

житель, жертвует собой для спасения станицы. Но, зная лично генерала Науменко и уважая его, он отпускает корпусной обоз», — закончил он.

Фамилию и судьбу этого есаула я не знаю, но, конечно, он ошибался в своих выводах.

Боевые курьезы за рекой Белой. Полковник Шляхов (разность мнений)

Заняв многочисленные лесные бугорки на левом берегу реки Лабинский полк ждал красных. Ему была придана артиллерия, расположившаяся на позиции позади полка.

Красная конная лава приближалась с севера. Оказалось, что Партизанский отряд полковника Польского еще не переправился с нами. Дружным махом из села он, опрокинув красную конницу, стал отступать к мосту. Лава красных двинулась вслед за казаками. Какой-то казак отряда Польского, повернув своего коня обратно и что-то выкрикивая, с обнаженной шашкой поскакал в сторону красных и скрылся в мачежинниках. Назад он не вернулся.

И лишь только партизаны перешли мост, как к нему устремилась с востока новая конная группа красных. Подпустив ее к мосту, махнул рукой казаку-подрывнику «нажать кнопку». Клуб дыма, щепок и воды взвился ввысь. Пулеметы есаула Сапунова тут же «заговорили» во всю свою мощь. Красные в полном беспорядке бросились назад и скрылись в селе.

Видим: с севера движутся к мосту какие-то линейки и небольшая конная группа.

— Приготовиться! — команду пулеметам, и — ждем.

Ждем и видим: колонна тихо, совершенно не боясь нас, идет к мосту. В бинокль вижу казаков, «настоящих» казаков. А кто они — не знаю.

— Господин полковник! Да ведь это, кажется, наши! — восклицает один из ординарцев.

Я, напрягаясь, рассматриваю их в бинокль. Колонна подходит к самому мосту и останавливается, так как он взорван. Они машут нам руками, прося помощи. В них мы опознаем «своих».

Посылаю вброд несколько казаков, и они помогают переправиться им к нам. Это оказались санитарные летучки одной из наших дивизий, где-то задержавшиеся своим выступлением в поход. Я пожурил их за медлительность и немедленно отправил в тыл.

Спустя час со стороны Филипповских хуторов, к Царскому Дару, показалась новая конная группа человек в пятьсот. Она шла спокойной рысью во взводной колонне, словно не торопясь. Наша артиллерия немедленно открыла по ней шрапнельный огонь. Это для красных было полной неожиданностью. Их начальник быстро построил свои четыре эскадрона в развернутый двухшереножный строй. И вся эта конница, видимо полк, очень стройно, широким наметом бросилась к селу.

Развернутые эскадроны с дистанцией меж ними приблизительно двух взводов, под прямым фланговым огнем нашей артиллерии, должен подчеркнуть, совершенно были не расстроены и, держа правильный строй, неслись к селу. Меня это удивило и восхитило, так как мы привыкли видеть в Красной армии лишь «один непорядок», как нам казалось; но в данном случае шла настоящая регулярная кавалерия, силою в полк четырехэскадронного состава. И главное — очень близко от нас. Наша артиллерия открыла по ним очень частый огонь. Шрапнельные снаряды рвались над их головами. Огонь казался очень удачным. Эскадроны развили широчайший намет и скрылись за постройками восточнее села.

К моему удивлению, по пути их скачки, то есть в пройденном пространстве, не осталось ни убитых, ни раненых, даже и лошадей. И я очень досадовал, что никого из красных кавалеристов не было убито. А что они были такие же люди, как и мы, — я об этом тогда не думал. Мне было бы очень приятно, если бы наши шрапнельные разрывы убили бы их много-много.

Такова психология войны — они наши враги, и их надо убивать.

День боевых курьезов на реке Белой закончился. Дивизия идет к хутору Ерыгина, что перед станицей Бжедуховской. Полковник Шляхов попросил меня идти рядом с ним и генералом Арпстофеном, чтобы ближе познакомиться и со мной, и с состоянием дивизии.

Полковника Шляхова я совершенно не знал. Он старый офицер. Ему не менее 40 лет. Блондин с сухими, правильными чертами лица. Он словно уставший от чего-то. Его, кажется, не волнует ничто. И на все он смотрит философски. Собственная внешность, посадка в седле, как идет лошадь — его мало интересуют. Ведет свою лошадь на распушенном поводке, вернее, он ею не управляет. Все это не по-нашему, не по-бабиевски.

Он кадровый офицер 1-го Линейного полка и с восторгом отзывается о своих бывших командирах: Генерального штаба полковнике Кокунько¹⁵⁴ и полковнике Певневе¹⁵⁵. Кокунько (в те наши дни) — генерал-лейтенант, за границей хранитель Войсковых Регалий, умерший в Югославии в мафусаиловском возрасте.

С восторгом он отзывается и о своем полку, всегда хорошо обученном, нарядно одетом, гиковым и даже тонном. И рассказывает: «Полк

был на больших маневрах Киевского военного округа, которыми руководили тогда генералы Драгомиров¹⁵⁶, Сухомлинов¹⁵⁷ и другие высшие генералы Российской армии. Кавалеристы посмотрели на казаков «свысока», как на конницу второго сорта. Но когда полку приходилось скакать по всевозможным буеракам и вплавь переправляться через реки — все они удивились прыти, сноровке и напористости казаков и прониклись уважением к нашему 1-му Линейному полку. А когда после маневров полк в черкесках, с красными башлыками за плечами и с песнями показался на улицах Воронежа — восторгу жителей не было конца.

А вечером, когда наши офицеры появились на званом балу — все в черкесках и, кроме бальных танцев, некоторые из нас пронесли «в лезгинке» — дамский Воронеж окончательно был побежден казаками».

В разговоре он оживился. И рассказ его, складный и приятный, я слушал с интересом. К тому же он был хорошо воспитан. Генерал Арпсгофен, слушая его рассказ, молчал.

В походном аллюре «шагом», когда становилось скучно, разговор невольно перешел на политику. И вдруг я слышу от полковника Шляхова, с какой ненавистью он относится к Кубанской Краевой Раде. И считает ее единственной виновницей нашего поражения. И жалеет, что ее давно «не разогнали».

— А теперь, в горах, обязательно разгоним, — говорит он.

Я высказал ему свое мнение, которое расходилось с его мыслями.

— Так Вы, значит, считаете, что землю у помещиков надо отобрать?.. Отобрать и офицерские участки? — вдруг спрашивает он меня, оживившись.

— Конечно, — ответил коротко ему.

Начальник штаба дивизии, генерал Арпсгофен, все время молчавший до этого, заговорил «о заблуждении Федора Ивановича», как он всегда меня называл. И рассказывает:

— У меня в Австрии живет родная сестра. Она имеет 25 тысяч десятин земли, которая культивирована и не то, что у русских крестьян. По окончании войны я поеду к сестре и буду заниматься там хозяйством.

Выслушав все это, я и подумал — почему подобные офицеры так неуважительно относятся к казаку-земледельцу и его народному представительству? Казак рвется к своему восьмидесятинному паю земли в станице, который он уже оставил красным вместе со своей семьей и хозяйством, и томится душою: куда же я иду?.. зачем?.. на сколько времени?.. когда же я вернусь домой на эту свою восьмидесятинную пашню?.. к семье, к жене и детишкам?..

А его начальник штаба дивизии «уже решил» ехать в Австрию, к сестре, у которой 25 тысяч десятин культивированной земли.

Конечно, при таком положении у этих людей должны быть совершенно разные интересы.

4-й Донской казачий корпус

От 1-го Лабинского полка приказано оставить одну сотню с пулеметами в сторожевом охранении и со всем полком присоединиться к корпусу, сосредоточенному у хутора Ерыгина.

Генерал Науменко любил со мной говорить. Мы гуляем в стороне и делимся впечатлениями о событиях дня.

Неожиданно далеко от нас, чуть к северо-западу, показалась громаднейшая темная масса конницы. Мы невольно устремили свои взоры в ту сторону. Чья эта конница, наша или красная, было неизвестно. Из какой-то низины показался разъезд, коней в десять. Вид их был не кубанский. Все они на крупных лошадях, одеты в шубы или шинели. Мы догадались, что это донцы.

Разъезд остановился, спешился, а к нам следовало два всадника. Не доходя шагов двадцать до нас, спешились и они. Один остался с лошадьми, а другой направился к нам. Одет он был в темно-синие бриджи с широким красным лампасом, в фуражке, в гимнастерке, поверх которой была меховая тужурка. На нем хорошего качества боксовые сапоги.

— Где будет командир 2-го Кубанского конного корпуса генерал Науменко? — спрашивает он, легко, привычно и чисто по-офицерски козырнув нам.

— Я и есть генерал Науменко, — серьезно рассматривая прибывшего, отвечает Вячеслав Григорьевич.

— Ваше превосходительство, сотник Попов, от 4-го Донского корпуса, для связи прибыл, — отрапортовал он, приложив руку к козырьку фуражки.

— Расскажите — где ваш корпус и как он попал сюда? — сразу же спросил генерал, поздоровавшись с ним за руку.

Сотник Попов был грустный, приятный и лицом, и манерами. Он доложил, что их корпус был отрезан от Донской армии и вынужден был отступать уже не на Новороссийск, а вот сюда, на Туапсе. И он прислан для связи с кубанскими частями и для ориентировки.

— Как настроение в корпусе? — спрашивает генерал Науменко.

Сотник долгим взглядом посмотрел в глаза Науменко и тихо произнес только одно слово:

— Н е в а ж н о е...

— А численность его? — допытывается генерал.

— Численность большая, — спокойно, но грустно отвечает офицер и, сделав паузу, произнес: — Восемнадцать тысяч коней, но воевать корпус уже не может, — печально закончил он.

Мне было очень жаль этого приятного донского сотника, так тяжело переживавшего трагедию армии и своего 4-го «мамантовского» корпуса. Своей искренностью он подкупил и генерала Науменко. Сотник еще доложил, что ночевать корпус будет в станице Бжедуховской.

Численность 4-го Донского корпуса мне тогда показалась сильно преувеличенной. Но вот что о нем пишет Г.Н. Раковский в своей книге: «Донская армия была разрезана на две части. От главной массы был отрезан лучший и самый многочисленный «Мамантовский» 4-й корпус»¹⁵⁸.

Этим корпусом тогда командовал генерал Стариков¹⁵⁹, который рассказывал Раковскому: «Ввиду этого мне ничего не оставалось, как отходить горными проходами прямо на Туапсе вместе с Кубанской армией. В корпусе у меня насчитывалось свыше семнадцати тысяч коней. Это объясняется тем, что — побросав артиллерию, пулеметы и обозы — все превратились в верховых. Корпус, однако, ввиду упадка духа — был не боеспособен»¹⁶⁰.

В станице Бжедуховской

Сняв свои арьергардные сотню казаков и пулеметы, ночью с полком вошел в станицу Бжедуховскую. Она расположена на двух берегах довольно глубокой и узкой долины-ущелья, по дну которой протекала речонка и через нее мост.

Стояла дикая темнота и грязь. Под ногами буквально ничего не видно, и только тусклые огни из хат определяли и улицу, и то, что это есть населенный пункт. Квартирьеры развели сотни и привели меня к полковому штабу.

Небольшой казачий домик. Маленькая керосиновая лампа плохо освещала комнаты. На столе стоит и шумит уже самовар «для штаба полка». В углу много икон, и перед ними уютно теплится лампадка.

После многих и всяких тяжких дум все это так мило и приятно душе православной.

Зайдя, я снял папаху, перекрестился на иконы и громко поздоровался с хозяевами, которых, собственно говоря, я и не вижу. Хозяйка в соседней комнате занята у печи для нас, а хозяин, довольно крупный чернобородый казак 35—40 лет, тихо и с грустью накрывал стол для

гостей, помогая жене. В своей комнатухе, освещаемой свечкой, сидела, видимо, их дочка. При нашем входе она вышла на зов отца. Я невольно остановил на ней свой взгляд.

Она барышня 15—16 лет. Чистенько, по-станичному, одетая. В черной густой косе цветные «укосники», как у украинских девушек. С черными красивыми большими глазами и густыми черными бровями. Длинные ресницы. Она в яркой кофточке и темной юбочке. Через дверь видна ее девичья комнатка — очень уютная, в картинках, с фотографиями и разными безделушками на стене.

Дочь оказалась единственной у родителей и, конечно, очень любимой. Вот я и подумал — что же ждет ее «завтра» и потом, при красной власти? За какого красавца казачка она, красавица, словно черкешенка, выйдет замуж?

По-нашему, по-станичному, ее должен бы выбрать в жены лучший казак-молодец. И гордиться должен ею. Но при красных нельзя ведь будет гордиться «казакоманством» и вообще молодцеватостью!

За ужином Надюша, почти сверстница ее, быстро подружилась с ней, и потом они что-то шептались в ее комнатке.

Бжедуховская — последняя кубанская станица, такая мирная и тихая, где еще не было беженцев, толчеи, голода и душу раздражающих сцен.

Утром 9 марта, при самом восходе солнца, у восточной высокой околицы станицы выстраивалась масса войск — 4-й Донской корпус, наш корпус и пластуны.

Стоял легкий морозец. Иней чуть-чуть покрыл прошлогоднюю жниву. Солнце мягко, не торопясь, восходило где-то далеко-далеко на востоке. Через разные «перегорки» на север далеко была видна Закубанская равнина-степь, теперь уже занятая красными.

На бугорке, северней околицы станицы, собрались все старшие начальники, до командиров полков включительно. Чего мы ждем — я не знал. Генерал Науменко был очень озабочен чем-то.

К нам, к этой группе старших начальников, подъехал верхом на дивном гнедом кабардинце под седлом в серебряной оправе какой-то очень красивый генерал, одетый в шубу-черкеску, похожий на горца. Потом генерал Науменко на мою любознательность ответил, что это генерал Запольский¹⁶¹, командир нашей пластунской бригады. Он был офицер Генерального штаба и не казак.

Я был разочарован. Если бы мне сказали, что это «начальник Черкесской конной дивизии», это было бы более похоже на него. Но командир пластунов, идущих в чеботах по грязи, с сидорами за спиной, а впереди них такой нарядный и красивый генерал, «под черкеса», на

дивном кабардинце, которому позавидовал бы любой конник, — в моем представлении все это не вязалось...

Вот тут-то, на этом курганчике под станицей Бжедуховской, мы, младшие строевые начальники, штаб-офицеры, узнали, что генерал Деникин приказал «всем этим войскам отходить на Таманский полуостров, где и грузиться на пароходы для следования в Крым».

Генералы нашли, что до Таманского полуострова войска не дойдут. Красные армии уже заняли не только Закубанскую равнину, но заняли и этот наш Таманский полуостров. Кроме того, идти к нему надо фланговым маршем, с боями. Но как же можно вести бои, когда все части, словно манны небесной, ждут только случая, как бы оторваться от противника, войти в лес, в горы и как можно скорее попасть в благодатную Грузию, где не будет войны, где мы отдохнем, починимся, оправимся, собьем свои ряды и только тогда уже двинемся вновь сюда, на родную Кубань, для ее освобождения.

Найдя, что на Тамань идти уже очень поздно, все части двинулись в направлении станиц Черниговской, Пшехской и дальше на юго-запад.

С возвышенного плато у станицы Бжедуховской мы еще раз, и в последний раз, посмотрели в далекую синеву родных кубанских полей на север и, спустившись вниз, вошли в какое-то ущелье, сплошь покрытое лесом. Я сразу почувствовал себя легко. Ну, думаю, в горах-то нам легче будет отбиваться от красных.

Прощай, Кубань!.. П р о щ а й...

Казачьи корпуса отходят на Туапсе

Я воспользуюсь выдержками из записок генерала Науменко, помещенными в журнале «Казачьи Думы»¹⁶². Вот что там написано:

«По директиве Главнокомандующего армиями генерала Деникина, на Туапсе должны были отходить:

— 4-й Кубанский конный корпус генерала Писарева, дравшийся в районе Ставрополя.

— 2-й Кубанский конный корпус генерала Науменко, прикрывавший железнодорожный узел станции Кавказской.

— Группа генерала Шифнер-Маркевича, переправившаяся через Кубань у станицы Усть-Лабинской (1-й Кубанский корпус. — Ф. Е.).

— 4-й Донской конный корпус генерала Старикова, имевший задачей оборонять реку Кубань ниже Усть-Лабинской станицы.

Ставка Главнокомандующего, Добровольческий корпус, Донская армия (кроме 4-го Донского корпуса генерала Старикова) и 3-й Кубан-

ский корпус генерала Топоркова — отошли в Новороссийском направлении».

Здесь нужно немедленно добавить, что корпус Топоркова по сдаче Екатеринодара как таковой перестал существовать. Полки 1-й Конной (Кубанской) дивизии и Гайдамацкой (полтавцы и таманцы) самостоятельно двинулись на Туапсе, а в Новороссийске погрузились и уплыли в Крым с Топорковым только остатки 2-го Запорожского полка полковника Рудько¹⁶³ и 2-го Уманского полка полковника Гамалия.

Продолжим по запискам генерала Науменко:

«Вечером, 7 марта, накануне соединения 2-го и 4-го Кубанских корпусов — генерал Писарев получил, через летчика, [распоряжение] командующего Кубанской армией генерала Улагая, который сообщал обстановку на Новороссийском направлении и приказывал Туапсинской группе войск переменить направление и отходить не на Туапсе, а на Тамань».

«8-го марта, вечером, в районе станицы Черниговской — соединились 2-й и 4-й Кубанские корпуса и объединились в группу под общей командой, как старшего, генерала Писарева. Положение на фронте Туапсинской группы к этому времени было следующее: части 4-го Кубанского конного корпуса только сегодня оставили станицу Белореченскую и отошли на левый берег реки Белой. Правый фланг его, генерал Бабиев, оставался в районе города Майкопа. Генерал Шифнер-Маркевич, выполняя задачу расчистить путь на Туапсе — подходил вдоль железной дороги к станице Хадзыжинской».

«2-й Кубанский конный корпус, 2-й дивизией занимал станицу Пшехскую, имея 4-ю дивизию в резерве, в станице Черниговской. Левее, как указано выше, были части 4-го Донского корпуса. В тылу, судя по частным сведениям, в районе Саратовской станицы — находился Кубанский отряд, направлявшийся с Войсковым Атаманом, генералом Букретовым¹⁶⁴, на Белореченскую».

Противник наступал, главным образом, вдоль Армавиرو-Туапсинской железной дороги, имея здесь бронепоезда и пехоту, а со стороны Усть-Лабинской — шли две кавалерийские дивизии, усиленные пехотою».

Странно, мягко выражаясь, что у нас тогда не было бронепоездов. Все они отошли на Новороссийск и там были брошены, вместо того чтобы часть их направить на Туапсинское направление. Красное командование бросало свои бронепоезда с любого места на Армавир—Туапсе, так как капитальный каменный мост через Кубань у станицы Кавказской нами не был взорван «по государственными мотивам», как мне сказали в штабе корпуса.

Там, и тогда, в станице Пшехской, мы узнали, что красная конница сделала налет на железнодорожный узел Белореченская, захватила все

интендантские склады, санитарный поезд и другие тыловые учреждения, изрубив весь персонал.

А что красное командование стремилось к этому — говорит один из пунктов их директив. Вот он: «Поскорее захватить богатый хлебом район станиц Гиагинской и Белореченской за рекой Кубанью и этим самым, во-первых — отрезать 2-й и 4-й Кубанские корпуса от остальных сил Кубанской армии и, во-вторых — не допустить сосредоточения Кубанцев в районе города Майкопа»¹⁶⁵. Мы же этот свой хлебный район отдали красным без боя. Есть о чем подумать.

По всем этим данным видно, что в Майкопском районе скопилось очень много казачьей конницы — три Кубанских корпуса и один Донской.

Казалось бы, что на этих майкопских хлебных равнинах можно было дать красным отличный конный бой! Но для этого командующему Кубанской армией надо было покинуть свой поезд и сесть в седло, раз вся его армия отходила в Майкопский район. Г.Н. Раковский в своей книге пишет: «Поезд штаба Кубанской армии во главе с Улагам, в это время, находился возле штаба Донской армии. Генерал Улагай, оторвавшись от своих Кубанцев в Усть-Лабе, вместо того, чтобы ехать на Туапсинское шоссе, как указывали вполне резонно в Донском штабе — прибыл в Екатеринодар и теперь держался возле штабных поездов Донской армии, не имея почти никакой связи с Кубанскими частями и не пытаясь ехать туда, что, конечно, было огромной ошибкой»¹⁶⁶.

(В последующих своих работах, например в статье «Перед отходом к Черному морю», Ф.И. Елисеев пишет о тех событиях и генерале Улагаме: «...Как это произошло — в точности неизвестно, но *он был отрезан красной конницей Буденного*, приказал прицепить свой штабной вагон к поезду командующего Донской армией генерала Сидорина и с ним выехал в Новороссийск, а оттуда — в Крым. Кубанские корпуса отступали к Черному морю самостоятельно...»¹⁶⁷ — П. С.)

Все корпуса устремились к Туапсе, в единственный лесистый горный проход, на перевал Гойтх через наш Кавказский хребет. Шли в лейку с узким горлышком.

Черкесская конная дивизия. Черкесы ужинают

Перейдем от тяжелых, грустных описаний к одной приятной встрече. Поздно вечером, в полной темноте отступаем в станицу Пшехскую. Как всегда — 1-й Лабинский полк в арьергарде. Моросит нудный, мелкий дождь. В темноте неожиданно натываемся на хвост какой-то конницы.

— Какой полк? — окликаю.

— Хторой Черкески коний (то есть Второй Черкесский конный полк), — отвечают несколько голосов.

— Какая сотня? — добиваюсь.

— Хтарой (то есть вторая сотня), — отвечает уже один голос.

— Кто командир сотни? — допытываюсь.

— Пшемаф, — отвечает.

Я сразу понял, о ком идет речь.

— Поезжай вперед и скажи, что его просит к себе командир Лабинского полка, — командую.

Какой-то черкес «похлюпал» по грязи звать своего командира сотни, ротмистра Пшемафа Ажигоева¹⁶⁸.

Скоро передо мной, в широкой бурке, на рослой лошади, появилась фигура и спрашивает:

— Где командир Лабинского полка?

— Здравствуй, Пшемаф, — откликаюсь этак ему.

— А-а!.. Федя?.. Здравствуй, дорогой! — радостно отвечает он мне, узнав по голосу.

Пожали крепко друг другу руки и идем рядом.

Пшемаф — воспитанник Майкопского технического училища, был старше меня на два класса. Хорошей дворянской черкесской фамилии. Он и тогда совершенно чисто говорил по-русски. Милый, очень добрый и благородный, с которым я дружил и тогда, и потом, как он стал офицером. Теперь он с нескрываемой грустью рассказывает, что они, их дивизия, отступала от Ставрополя через Армавир. Проходя свои аулы, в нее влилось много необученных строю черкесов. В дивизии около 3 тысяч шашек, но она малобоеспособна. Под станицей Келермесской она не выдержала атаки красной конницы, отступила, погиб наш общий друг-техник, корнет Меретуков Татаршау, зарубленным. Его младший брат-красавец, стройный как тополь, был оставлен в своем Хакуриновском ауле по настоянию стариков, чтобы защитить их, как отлично знающий русский язык. Но Ажигоев боится за Магаджери, также моего черкесского друга, что он может погибнуть.

Подъехал черкес, сказал «Пшемаф» и заговорил со своим ротмистром по-черкесски. Выслушав его, мой Пшемаф стал говорить ему, как я понял, что-то наставительное. Тот, выслушав, оскалил в улыбку свои белые зубы и скрылся.

— Ты што ему говориш? — спрашиваю.

— Да вот, никак не могу их приучить к дисциплине. Всегда им говорю, внушаю, что при старших офицерах они не должны меня назы-

вать по имени, а по чину. Говорю им, что в ауле это можно, но на службе нельзя. Но они никак не могут этого понять.

И только что он закончил мне «свою жалобу», как подъехал следующий черкес и начал словом «Пшемаф!..». Но Пшемаф не дал ему говорить и сразу же перешел «в нотацию». Черкес молча выслушал и, видимо ничего не поняв, почему их любимый командир ругает его, молча уехал.

К нему и еще обращались несколько черкесов «за чем-то», неизменно называя его только по имени. Он уже не сердился, так как я его успокоил, говоря, что черкесы — «дети природы, редко кто из них говорит по-русски, и им имя и слово «Пшемаф» — гораздо ближе и приятнее, чем «господин ротмистр».

Мы в станице Пшехской. Темнота — хоть в глаз коли. На улицах грязь. Урядник, начальник ординарческой команды, докладывает мне, что в доме, который отведен для штаба полка, поместились черкесы и не хотят уходить.

— Позвольте, господин полковник, удалить их силою? — спрашивает он.

Я не разрешаю и вхожу с адъютантом, хорунжим Косульниковым, в бедную хатенку, состоящую всего лишь из двух смежных комнат.

Хотя я и был в серебряных погонах полковника, но черкесы не только что не встали при моем появлении, но совершенно не обратили на нас никакого внимания. Я знал, что за насилие над ними они могли взяться за кинжалы. Они очень аппетитно ели из одной посуды жареную баранину, беря куски ее руками.

Своим ординарцам приказал располагаться с хозяевами, а лошадей поставить в сарай. Черкесы обратили на нас внимание лишь тогда, когда ко мне стали подходить с докладами — дежурный ли по полку офицер или еще кто, но продолжали свой ужин с большим аппетитом проголодавшихся и уставших людей.

Ужин закончен. Масляные пальцы они вытерли о полы черкесок и встали. С ними встал и я и подошел к ним.

— Что, вкусная баранина? — спрашиваю.

— Очэн кусна, — отвечает старший, с небритой щетиной, с черными воспаленными глазами, но строгими, не совсем доброжелательными, если попасться ему в темноте.

— Черкесского полка? — завязываю предварительный разговор.

— Да, канешна, Черкеска, — отвечает он, разглядывая меня.

— А какой сотни?

— Торой (второй).

— А-а!.. Пшемафа, — весело добавляю я.

От этого слова все пять черкесов испытывающе посмотрели на меня. Поняв и воспользовавшись впечатлением, которое произвело на них имя «Пшемаф», говорю им уже решительно:

— Вот што, мо-лод-цы, я командир полка, эта квартира отведена мне. Вы, канешна, об этом не знали и заняли ее. Мы прибыли уставшие и голодные, как и вы. Я ожидал, когда вы окончите кушать своего барашка, и не тревожил вас. Теперь вы окончили. Это хорошо. А теперь мы, казаки, будем кушать своего барашка; и потом, спать тут — всем тесно. Да и сотня вашего Пшемафа расположена не здесь. Езжайте к нему, он вам укажет, где спать. И кланяйтесь ему от меня. Он мой хороший друг, — закончил я, стараясь говорить как можно яснее, чтобы они меня поняли, не обиделись и, конечно, скорее бы ушли отсюда.

И они поняли. Старший кивнул мне и своими страшными глазами подтвердил, что я сказал правду. По-черкесски он передал своим мои слова, и они, забрав свои винтовки и сумы, вышли. А через полчаса приходит мой урядник, глава ординарцев, и весело докладывает:

— Ну, господин полковник, мы обделали этих «гололобых» (так казаки называли черкесов потому, что они брили свои головы), будут помнить!..

— А што? — спрашиваю.

— Да пока они ели тут свою баранину, мы вывязали все их бурки из тороков, — весело, самодовольно говорит урядник, как совершивший будто очень похвальное дело.

Я возмущился таким поступком своих казаков в отношении соседей черкесов и выругал урядника, а он в оправдание продолжает:

— Господин полковник!.. Да ежели бы мы зазевались и были в таком же положении — они бы и у нас вывязали бурки!.. Это точно!.. Знаем мы их. Так уж лучше мы у них, у гололобых, чем они у нас, — доказывает он, словно недоволен моим мнением.

Что урядник был прав «о взаимоотношениях с бурками между казаками и черкесами» — я и сам это знал не хуже его. Но все же мне жаль было черкесов, оставшихся без бурок, что является универсальной частью одежды у всех горцев Кавказа.

— Ну а ежели они вернутся и потребуют свои бурки? — добавляю.

— И не вернутся, и не потребуют, а то — пушай докажут, што мы их взяли! Но бурок этих уже нет в нашем дворе. Вы не беспокойтесь, господин полковник, — лукаво закончил он, начальник моих ординарцев.

Я так хорошо знал и черкесов, и казаков «в этих вопросах» как бы «безобидного и увертливого, местного и обыденного воровства», что решил — «об этом ничего не знать».

Черкесы действительно за своими бурками не я в и л и с ь.

В станице Черниговской. Двор Дейнеги

9 марта наша 2-я дивизия, выступив из Пшехской, проходила станицу Черниговскую, имея в ней большой привал. Пользуясь этим случаем, хочу навестить и посмотреть «подворье» своего друга и сверстника по Оренбургскому училищу, полковника Льва Миныча Дейнеги¹⁶⁹ — кубанского самородка. Он годом старше меня по выпуску, окончил младшим портупей-юнкером и вышел хорунжим в 1-й Уманский полк, стоявший в Карсе.

В училище юнкера-кубанцы, его сверстники, говорили, что он из очень бедной казачьей семьи, настолько, что прибыл в Оренбург для держания вступительного экзамена в одном бешмете, не имея возможности купить черкеску.

В училище он признан был всеми способным, с аналитическим умом. Веселый, остроумный, дружественный — он был всегда приятен, «наш Левко», как называли его мы, кубанские юнкера. Маленький, сухой, жилистый — он был хорошим гимнастом и крепко, как клещун, сидел в седле, также на небольшом, сухом, гнедом киргизе. Отлично знал и пел казачьи песни первым тенором. Родной язык его был черноморский, хотя их станица и числилась в Линейном полку.

Где-то на окраине станицы я нашел двор, где родился и жил «наш Левко». Сказанное о бедности его семьи превзошло мое представление. Хворостяной низкий, пошатнувшийся плетень с низкими воротами в три-четыре доски огораживал от улицы небольшую украинскую хату. За ней, в глубине двора, хворостяные сарайчики, разные «катухи», базики для коров и телят и еще что-то там примитивное. Ежели бы во дворе стоял амбар, так принятый на Кубани, чем гордился всякий казак-землероб, он оказался бы здесь, при всех этих убогих постройках «собственными руками хозяина», словно костюм с чужого плеча.

В наших богатых станицах наличие во дворе одного, двух, а то и трех амбаров «на всю длину доски» было и гордостью, и показателем богатства казака и его труда. Здесь же, у вдовы-матери Льва Дейнеги, бедность сквозила во все дыры.

Какая-то молодлица с подоткнутым подолом юбки, как это делают наши казачки во время работы, шла по двору. С седла окликнул ее:

— Лев Миныч дома?

— Нетути, — отвечает.

— А где же он?

— Да идесь со своим полком.

Я не ожидал застать дома полковника Дейнегу и спрашивал машинально. Его 2-й Линейный полк, коим он командовал еще под Цари-

цыном в 1919 году, находился в отряде генерала Шифнер-Маркевича, двинутым на Туапсе.

— А ты кто же будешь? — допытываюсь.

— Та сестра его, — уже с улыбкой отвечает и одергивает вниз подол своей юбки, предполагая, что говоривший с ней полковник, видимо, хорошо знает ее брата.

— Ну, кланяйся своему брату Левку, когда его увидишь. Я с ним вместе учился в Оренбурге. До свидания, — заканчиваю ей.

Услышав эти слова, она радостно просияла, поняв, что с ней говорит очень близкий человек ее брата.

— Так погодить!.. Я Вам штось принесу! — выкрикнула она, побегала в один из сараев и принесла в решетке сушеных лесных груш.

Чтобы не обидеть ее, я их взял. Груши оказались очень вкусными, сочными, сладкими, душистыми. Со своими офицерами штаба полка мы их съели на привале.

Полковника Дейнегу я встретил уже в горах, в глухую ночь, когда был сдан красным город Сочи. Это была наша с ним последняя встреча. В Крыму он был произведен в генералы, был начальником одной из Кубанских дивизий на острове Лемнос.

В станице Черниговской мы впервые увидели «трагедию донских калмыков». На окраине станицы, по бокам дороги, валялись разные вещи их домашнего обихода — корыта, люльки для детей, деревянная посуда, лохмотья одежды, несколько неуклюжих широких четырехколесных арб. Все это привезено было ими из далеких и неведомых Кубани, Сальских степей. Но это была «мелочь» в сравнении с тем, что ожидало их впереди.

Проходя станицу, в окраинном дворе на запад, в базу, огороженном плетнем, вижу десятка два рыжих лошадей донской породы. Они были еще в приличных телах. Несколько донских казаков тщетно старались поймать лучших из них, но лошади никак «не давались».

— Чьи это кони? — спрашиваю.

— Да это наш донской табун, брошенный хозяином!.. Вот мы и ловим их себе под седла!.. Да они не даются, совершенно дикие, — отвечает кто-то.

«Табун лошадей брошен», — слышу я, и мне так стало жаль — и табун, и хозяина. Легко сказать — «табун лошадей». Но попробуй его «нажить»! И вот — брошен. Брошен, как ненужная вещь. Табун лошадей не под силу хозяину гнать в горы, и он его «бросил». Бросил своим врагам, идущим за нами вслед.

У меня невольно мелькнула «алчная мысль» — а не взять ли его с собой для полка? Но они дикие, с ними много возни. И я заглушил эту свою мысль.

— Смотрите! — кричу донским казакам. — Мы идем последними!.. Дальше будут уже красные!..

Казаки бросили ловить лошадей, посмотрели на меня и друг на друга и, оставив табун, быстро пошли к своим оседланным лошадям, привязанным к плетню.

В станице Кабардинской. Правительственный отряд

10 или 11 марта наш корпус вошел в станицу Кабардинскую. Здесь мы встретились с Кубанским правительственным отрядом Войскового Атамана генерала Букретова. Каков его состав, мы не знали, но говорили, что в него входили оба военных училища — Кубанское¹⁷⁰ и Софийское¹⁷¹, все учебные части, пластуны и учащаяся молодежь Екатеринодара. (Полный состав Кубанского правительственного отряда — в начале шестой тетради. — П. С.) Этими частями командует Генерального штаба генерал-майор Морозов¹⁷², а кто он — мы также не знали. Говорили, что он не казак, но большая умница. И в Екатеринодаре он преподавал военную тактику. Так или иначе, но мы приободрились, что силы наши увеличились и появился хозяин земли Кубанской, в лице краевой и законодательной рад.

Впервые мы увидели здесь и гражданских беженцев из Екатеринодара. При нашем корпусе их совершенно не было из станиц.

Я вновь бросился в розыски своего полкового экипажа с полковым адъютантом, сотником Севостьяновым, в надежде, что он взял маршрут на Екатеринодар из станицы Казанской и теперь может быть здесь. Его не оказалось. «Неужели пропали все мои самые лучшие офицерские вещи, оружие, боевые ордена, призовые жетоны, так дорогие для каждого офицера?» — думаю я, и мне стало бесконечно грустно.

Я стою на высоком крыльце дома, выходящем во двор. В ворота въехала самая настоящая казачья хозяйственная мажара «с драбинами», запряженная парой лошадей. По дну мажары, на половину ее высоты, наложено сено. На сене ковер, а на ковре сидит полная дама в шляпе, одетая по-праздничному в какое-то цветное платье. Все это так не вязалось с обстановкой. Она властно распоряжается кучером-казаком. Тот слез с мажары, подошел ко мне и доложил, что «барыне нужна квартира» и они не могут ее найти.

Это оказалась жена начальника Кубанского Войскового штаба, Генерального штаба генерал-майора Лейченко¹⁷³. При всем уважении и к даме, и к ее мужу, я не мог выселить свой полковой штаб и уступить дом одной персоне. И мажара выехала с нашего двора.

В Хадыженской. Генерал Бабиев

12 марта наш корпус отошел в станицу Хадыженскую. Мы отходим все время без боев. Сюда уже вошла 3-я Кубанская казачья дивизия генерала Бабиева, отступавшая из Майкопа.

Станица Хадыженская была «узлом» железнодорожной линии Армавир—Туапсе и шоссированной дороги Майкоп—Туапсе. Станица раскинута по широкой, гладкой долине и по склонам гор. Возможно, что до покорения Кавказа здесь жил какой-то черкесский вождь и был большой аул. Здесь хорошее пересечение дорог, красивая и богатая местность.

Расположение штаба дивизии генерала Бабиева я сразу же определил в большом доме на южном склоне кряжа, так как над крыльцом парадного входа красовался его, большого размера, флаг Войскового цвета (красного) с пышным черным хвостом на нем, знакомый мне еще по Манычу весны 1919-го, а в доме гремел оркестр трубачей. Как часто в походах, еще с Турецкого фронта, Коля Бабиев любил и умел широко веселиться.

Со своей дивизией он отходил из Ставрополя через станицу Невинномысскую и Лабинский отдел. К нему там присоединился дивизион Лабинских казаков в две сотни, под командой войскового старшины Козликаина (см. приложение 1), прославленного героя восстаний против красных.

Узнав, что сюда прибыл их родной и кровный 1-й Лабинский полк, Козликин, как и его офицеры и казаки, естественно, хотели влиться в ряды этого полка и обратились ко мне. Я приветствовал это. Но не тут-то было. Узнав об этом, Бабиев не только что не отпустил казаков, но и расцукал их.

Его жест мне был понятен: 3-я дивизия была очень малочисленна. К тому же он очень любил своих Лабинцев, будучи и по рождению, и по службе — коренной Лабинец. Но офицеры не хотели оставаться у него (ниже напишу об этом) и вновь пришли с этой просьбой ко мне. Я тогда обратился к командиру корпуса, к генералу Науменко, попросив воздействовать. Науменко, видимо, об этом уже знал. Он был очень дружен с Бабиевым и просил меня «пока» не настаивать на этом и «понять Бабиева». Я понял и пока уступил.

Но некоторые офицеры и казаки перешли в мой полк самостоятельно. Главное — его станичники-михайловцы, хорунжие Лаптев, Диденко, Маховицкий, Лунев¹⁷⁴. Других не помню, так как эти четыре офицера как-то особенно выделялись своей самостоятельностью, разумностью и безбоязненностью перед начальством. К тому же хорунжий Лунев был

тогда станичным атаманом, а хорунжий Диденко — его помощником, то есть по положению — казаки не подчиненные строевому начальству.

«Он и тогда нам «осточертил» своим цуканьем, когда мы были урядниками в Первом полку, а теперь да и лета наши не те, а он и не переменился, хотя и стал генералом, так мы и пришли в свой родной полк на законном основании», — сказали они мне, когда я спросил их, почему они, станичники, не остались у генерала Бабиева?

Свою Михайловскую станицу они оставили в последний момент отхода наших войск. И вот — вновь в своем полку. У них на линейках запасы белой муки, соленого свиного сала. Умные, хозяйственные были казаки. 1-й Лабинский полк увеличился в своем составе и офицерами, и казаками.

Я тогда впервые услышал такую оценку генерала Бабиева со стороны казаков и был удивлен. К тому же это говорили его родные станичники. Иногда слышал это и за границей. Я отлично знал Бабиева еще с Турецкого фронта, когда он был сотником. В 1918 году, когда он командовал Корниловским конным полком на Кубани и Ставрополье, будучи старшим офицером в полку и его непосредственным помощником, я познал его еще глубже. Его властный характер мне был знаком. Но это был отличный офицер Кубанского Войска, пример казачьего молодечества. Я его любил и уважал. Но получается так, что на все его молодечество многие казаки смотрели иначе. Оно, это бабиевское молодечество, их ущемляло и принижало человеческое достоинство, потому что взгляд офицера и казака на некоторые вещи и события имеет разность.

Калмыки-дзюнгарцы. Начало голода

Наш корпус перебрасывается к перевалу Гойтх, который идет через Кавказский хребет и разделяет земли нашего Войска с крестьянской Черноморской губернией. За Кавказским хребтом расположена Грузия, куда мы идем, как в «обетованную землю».

Полк подходит к крестьянскому селу Елисаветпольскому Кубанской области. Шоссированная дорога прямою стрелою тянется по красивой долине. По бокам ее небольшие пашни и склоны лесистых гор. Слева, к югу, они тянутся высоко и скрываются в туманных облаках серого дня. Странно бросилось в глаза то, что почти все домики, сараи и другие мелкие постройки были «без крыш». Голо торчали вверх только одни стропила, почерневшие от времени. Впечатление такое, что здесь прошел сильный пожар или вихрь.

Звуки полкового оркестра 1-го Лабинского полка далеко оглашают окрестность, эхом несутся вперед по долине. На шоссе высыпало много народу. Во дворах и на улицах масса лошадей. Все село — словно разоренный муравейник.

— ДЗЮНГАРСКИЙ ПОЛК — СМИ-ИР-НО-О!.. ГА-АСПАДА-А ОФ-ФИ-ЦЕ-РЫ-Ы!.. — вдруг я слышу команду, поданную высоким, растяжным голосом, и вижу красивого калмыка-полковника в кителе, при поясе, взявшего под козырек.

Это он отдавал положенную по уставу воинскую честь проходящей части и полковому знамени, идущему позади моих ординарцев.

Окинув глазом массу людей, раскинутых влево по селу, определил, что это были казаки-калмыки Донского Войска. У ног их лошадей валялась старая полусгнившая солома из крыш построек. Кони ее не ели.

«Так вот оно что-о!.. Вот почему стоят голые стропила домов. Значит — крыши их пошли на корм лошадям?! Значит, здесь фуража нет?.. Фуражный голод?!» — со страхом подумал я. И мне стало очень жаль этого молодого полковника-калмыка, командира Дзюнгарского полка Донского Войска, трагическими событиями из Сальских травяных степей заброшенного со своим полком в голодные Кавказские горы.

Полковой оркестр трубачей всполошил все село. Вдруг вижу выскочившего из хорошего дома у самого шоссе, не разоренного, так как крыша его была «под железом», как говорят у нас на Кубани, старого своего друга полковника Мишу Сменова и с ним какого-то, также молодого, полковника. Оба они в черкесках. Миша схватывает мою кобылицу под уздцы и, как всегда, быстро произносит:

— Федя!.. Обязательно зайди к нам на чай!.. Надо поговорить немножко по душам! А это — полковник Чашевой¹⁷⁵, пластун, — представляет он мне и добавляет: — Он наш.

Что значит «наш», я понял так: это офицер, болеющий за Кубанское Войско всем своим существом, он казакоман. Короткий привал полка, чай у друзей и короткий разговор с ними, все о том — о Кубани-Матери.

Они оба отступали от Екатеринодара и служат, или числятся, при Кубанском правительстве. Они хорошо знакомы с «кубанской политикой», немного ругают некоторых членов рады, но в принципе — они с радой.

Миша, однокашник по Оренбургскому училищу, соратник и по Турецкому фронту, и по Корниловскому конному полку, восхищается боевыми успехами 1-го Лабинского полка и по-дружески внушает «держаться

полк в руках на всякий случай», а на какой — я его не спросил и он мне не сказал. Но я понял — «на случай внутривластительский». Но так как я в этом тогда и не разбирался, и не хотел разбираться, и был на сто верст далек от политики, ответил ему какой-то шуткой.

— Ты, Федя, не шути!.. Власть должна принадлежать теперь молодым! — как всегда быстро, коротко, ответил он.

С этим я был согласен, что строевая власть должна принадлежать молодым. В этом я твердо убедился за все годы Гражданской войны, а последние бои на Кубани нашего корпуса в особенности подтвердили это.

Дружески распрощавшись, под воинские приветствия казаков-калмыков Дзюнгарского полка, 1-й Лабинский полк выступил к перевалу Гойтх, мощным хором трубачей умилая сердца всех в «безфуражном селе».

Гойтхский перевал.

4-й Донской (Мамантовский) корпус

Полку приказано расположиться у восточного начала Гойтхского перевала. Здесь уже узкое ущелье, громоздкие горы и сплошной лес. Полковой штаб, за отсутствием построек, разместился под деревьями. Здесь не было населенного пункта, а стояла на высоком пригорке лишь железнодорожная станция Гойтх.

Моросит мелкий, нудный дождик. Падают мокрые снежинки с неба. Стало холодно. У дымного костерчика сгрудились мы, штаб в четыре человека, чтобы согреться. Едкий дым от сырых поленьев вызывает слезы на глазах.

Мы находимся еще на кубанской земле, но уже голодаем. Казаки голодают не так сильно, но вот лошади их у нас совершенно без фуража.

Если человек может быть несколько дней без еды, то рабочая лошадь тошнит очень быстро.

У казаков мяса в достатке, но хлеба нет. А у лошадей — ни зерна, ни сена, даже нет и соломы. Фуражиры, посланные в горы найти хоть что-нибудь для лошадей, вернулись со снопами прошлогодних будильев кукурузы, совершенно несъедобных для лошадей.

Моя еще не отоцавшая кобылица Ольга, участница многих атак на Маныче в 1919 году и проделавшая путь «от Воронежа и до Кубани», стоит согнувшись и от холода, и от голода. Чтобы обласкасть, укрывая ее своей буркой, а сам сию в одной черкеске, что и составляет «мой командирский багаж»... Но это не скрашивает ее голод. Нет-нет, по-

вернет она свою красивую голову в нашу сторону, к дымящему костру, и жалобно загочет. Мне так жаль ее, но помочь ей я ничем не могу.

С утра 14 марта по шоссе, мимо нас, потянулся вверх на Гойтхский перевал 4-й Донской корпус. Мы вначале с любопытством рассматривали колонну, идущую по-три, их еще неизъезженных крупных донских коней, рослых самих казаков и их заросшие лица, мало похожие на лица наших кубанских казаков.

Мы рассматриваем их, а они идут и идут, совершенно не обращая на нас никакого внимания, видимо погруженные в свои, какие-то невеселые думы.

Уже и обеденное время настало, а они все двигаются и двигаются вперед усталым шагом своих лошадей, и кажется, им и конца не будет. Колонна проходила мимо нас в течение всего дня, буквально б е з о с т а н о в о ч н о.

Это проходил тот знаменитый «Мамантовский корпус», который заставил говорить о себе и красную, и белую тогда Россию.

Донцы шли и шли, не задерживаясь, в полном строевом порядке — безропотно, молча, тяжело. Это была очень большая конная группа, вытянутая в длинную кишку, может быть, на 20 верст.

Как указано выше, Донской корпус имел 18 тысяч всадников, не считая разных подвод с беженцами. Это была сила, строевая сила, но морально надорванная. Это были настоящие степные рыцари, ушедшие из своих разоренных мест.

Нам они говорили, что «идут в Туапсе, где будут грузиться на пароходы для следования в Крым. Грузиться будут без лошадей, но с винтовками и седлами». Мы им позавидовали.

Заметно было большое количество офицеров в рядах корпуса. Они отличались от казаков только чуть более приличными лошадьми и шинелями, так же защитного цвета, как и у казаков. Но весь их внешний облик и, видимо, мрачные душевные переживания были тождественны с казачьей рядовой массой.

Жуткая картина. Жуткая казачья трагедия 18-тысячной боевой силы донских казаков. О возможной трагедии нашей Кубанской армии в будущем мы совершенно не предполагали.

На станции Гойтх остановился длинный поездной состав открытых платформ, идущий в Туапсе. На них много донских казаков и разных вещей. Некоторые казаки, без разрешения своих офицеров, быстро соскакивали с лошадей, снимали с них седла, скользили вниз по мокрыне к поезду, остановившемуся перед туннелем Гойтх—Индюк, который прорезывает здесь Кавказский хребет, и быстро вскакивали на платформы, боясь, что поезд уйдет без них.

— Так скорее дойдем до Тугапса (то есть до Туапсе), — говорили «бежавшие», злобно улыбаясь.

Никто из командного состава их не задерживал.

Отход черкесов. Их духовный вождь.

Жуткая новость

К вечеру мимо 1-го Лабинского полка прошел «хвост» 4-го Донского корпуса. И скоро показалась голова новой конной колонны. Это шел уже иной поток людей — горячих, нервных, в другом одеянии, на иных лошадях и что-то «джеркачащих» между собой на непонятном нам языке.

Здесь интересно было изучать разнообразие лиц, сплошь смуглых, чуть горбоносых, часто красивых, иных «диких», а возрастом — и средних лет, и молодых, и седобородых стариков.

Шел мелкий, нудный дождик, почему почти все они были в бурках, все в папахах крупного черного курпая, на небольших юрких горных лошадях. Все вооружены — при винтовках, шашках и кинжалах. Они не представляли, на первый взгляд, силы, которая может «все сокрушить» на своем пути, но она может, как шакалы, внезапно наскочить, все растащить и внезапно же и скрыться.

В рядах очень мало офицеров. Вдруг произошла остановка, и прозвучал короткий револьверный выстрел. Черкесы верхами столпились там, где прозвучал выстрел.

Оказалось — русский офицер, коих немало было в рядах Черкесской дивизии, ударил черкеса. Родной брат потерпевшего, увидев это, выстрелил в офицера, легко ранив его. Вот и все. А что дальше было — неизвестно.

То проходила Черкесская конная дивизия Кубанской области, которую мы наблюдали небезынтересно, как наших ближайших кунаков, силою около 3 тысяч коней.

За дивизией, на почтительной дистанции, показалась новая группа конных черкесов до сотни человек. Впереди нее величаво, на высоком холеном коне темно-гнедой масти, шел начальник дивизии генерал Сулан Келеч-Гирей. По бокам его следовали пожилые черкесы. У некоторых бороды окрашены хной в ярко-огненный цвет, как знак богатства и почета. Лица у большинства очень серьезные и даже суровые. У всех винтовки на одном погонном ремне правого плеча, дулами вниз, в любой момент готовые к выстрелу, так как они со священной бережливостью сопровождают своего боевого и духовного Вождя. Все

они в бурках, и только один генерал Султан Келеч-Гирей был в темно-серой черкеске на черном бешмете.

Кавказская гордость, видимо, не позволяла ему прятаться от дождя и холода перед своими черкесами. На нем не было даже и башлыка.

Черкесская конная дивизия из-под Ставрополя отступала через Армавир. У станицы Келермесской у нее произошел неудачный бой с красной конницей. Теперь она отходила на Туапсе.

На второй день 1-му Лабинскому полку приказано спешно пройти Гойтхский перевал к станции Индюк, отбросить «зеленых» на север, занять Лысую гору на новом перевале и там переночевать. На следующий день спуститься вниз на север и занять село Садовое, находящееся на Войсковой территории, чем и будет закрыт доступ «зеленым» в Туапсинский район.

За инструкциями меня вызвал генерал Науменко. Я нашел его на железнодорожном полотне, далеко внизу от станции Гойтх. Вдвоем с командиром 4-го Кубанского корпуса генералом Писаревым они медленно прогуливались около полотна, о чем-то говорили и были очень серьезны, даже мрачны. Здесь я впервые познакомился с генералом Писаревым и узнал, что он донской казак. Одет он был в длинную офицерскую шинель защитного цвета, в фуражке и без оружия.

Подходя к ним, я увидел перевернутый товарный вагон с высоким чугунным коробом, приспособленным для перевозки угля. Он весь был изрешечен пулями. Меня это удивило. После получения инструкций я спросил генерала Науменко — что это значит... и почему вагон не только что перевернут, но и весь изрешечен пулями? И услышал:

— Это генерал Шкуро пробивал путь для армии от «зеленых», которые, к нашему подходу, заняли всю Черноморскую губернию и даже станицу Хадыженскую.

Сообщение генерала Науменко было настолько неожиданным для меня, что я как бы не понял всей жути, что тыл армии находится в руках противника, почему наивно и с удивлением спросил:

— А как же путь в Грузию?.. Значит, он закрыт?.. И значит, продовольственные базы с фуражом и продуктами для войск в Туапсе и Сочи находятся в руках «зеленых»?

Генерал Науменко печально улыбнулся и скорбно, тихо ответил:

— Ну конечно, все это в руках «зеленых», да и никаких фуражных и продуктовых баз там не было. Но генерал Шкуро уже занял Туапсе и продвигается в Сочи, — все так же тихо, печально закончил он то, чего не знали не только казачья масса, но и мы, командиры полков.

Это было в половине дня. Выступить полку было приказано спешно, чтобы к ночи достигнуть Лысой горы и обеспечить отступающим войс-

кам путь к Туапсе. Для этого полку надо пересечь Кавказский хребет в двух местах — от Гойтха до Индюка и вторично — от Индюка на север, до Лысой горы.

Экспедиция эта оказалась очень тяжелой, но интересной, как и успешной. Главное же — полк нашел там, в селе Садовом, и фураж, и продовольствие для лошадей и людей на несколько дней. Но за это 1-й Лабинский полк заплатил гибелью одного офицера и одного казака.

ТЕТРАДЬ ШЕСТАЯ

На станции Индюк. Хорунжий Меремьянин 1-й

12 марта частями 1-го Кубанского корпуса генерала Шифнер-Маркевича был занят Туапсе, и, преследуя «зеленых», корпус двинулся на юг, к Сочи, для очищения всей Черноморской губернии — нашего общего пути в Грузию.

14 марта, с утра и до вечера, двигаясь к Туапсе, через Гойтхский перевал прошли 4-й Донской конный корпус и Черкесская конная дивизия. Охранять подступы к этому перевалу с востока оставались: правительственный отряд Кубанского Войска силою до 5 тысяч штыков под командой генерала Морозова, 3-я Кубанская казачья дивизия генерала Бабиева и за ними, у самого перевала, — 2-й Кубанский корпус генерала Науменко.

В правительственный отряд входили: Кубанское Алексеевское и Софийское военные училища, Кубанский учебный конный дивизион, Кубанский учебный пластунский батальон, Кубанская учебная батарея, сотни учащейся молодежи из средних учебных заведений Екатеринодара, Атаманский конный полк (о последнем будет написано потом — как он образовался), Технические части, разные нестроевые команды — то есть весь казачий гарнизон Екатеринодара.

В горах этот отряд назывался почему-то «Пластунский корпус генерала Морозова».

1-й Лабинский полк выступил. Через Гойтхский перевал идет шоссированная дорога Майкоп—Туапсе — единственная на Кубани. Перевалив его и спустившись вниз, полк остановился на малый привал у станции Индюк, от которой и отходила дорога на север, к селу Садовому. У маленькой железнодорожной станции никаких частных построек. За нею, к югу, — глубокое ущелье, а за последним, высоким, голым, мрачным шпилем, — гора Индюк.

Кто-то доложил, что в станционной постройке беспомощно лежит наш тяжело раненный 25 февраля под хутором Лосевом хорунжий Меремьянин 1-й, командир 6-й сотни.

Он был любим в полку. Почти со всеми офицерами иду к нему. На голом диванчике, под одеялом, лежит этот очень приятный молодой офицер. Возле него молоденькая жена, совершенно простая казачка, маленького роста, одетая по-станичному — в теплой широкой кофте и в широких юбках. Она вся поглощена горем и заботой о своем муже.

Увидев нас, Меремьянин просиял.

— Здравия желаю, господин полковник, — слабым голосом произнес он первым, а жена его, узнав, кто я, заплакала.

Они добрались сюда из своей Константиновской станицы собственными силами, но здесь раненый никому не нужен. Проходящие поезда не берут его, «как тяжелую ношу». У него шрапнельным разрывом поврежден позвоночник, и он не может даже сидеть и только лежит — так рассказывал он о себе.

Возмущенный — телефонировал генералу Науменко на станцию Гойтх и взываю к его власти:

— Немедленно же дать распоряжение проходящим поездным составам увезти этого доблестного офицера в Туапсе и дальше в Крым.

Науменко искренне обещал сделать все, что возможно в его власти, и Меремьянин, действительно, скоро был перевезен в Туапсе и потом в Крым. Одновременно я проявляю все свое внимание к раненому, успокаиваю его и жену. Приказываю полковому казначею выдать ему жалованье и подъемные деньги за 2 месяца вперед, согласно приказу главнокомандующего генерала Деникина. И вижу, как на лице милой сестры-казачки, сквозь уставшие заплаканные глаза, появилась мягкая благодарственная улыбка простой и неискушенной станичной женщины, почти подростка.

Распрощавшись с этой несчастной семейной парой, полк повернул круто на север и по снежной дороге в лесу направился на перевал у Лысой горы.

За границей узнал от станичников хорунжего Меремьянина, что он очень скоро умер в Крыму; жена родила там же сына. Дальнейшая судьба ее неизвестна. Так, по-разному, гибли тогда казаки.

На Лысой горе. «Зеленый»

Полк идет пока без дозоров. Пройдя, может быть, 200 шагов от станции Индюк, вижу: в стороне от дороги лежит казак в черном бешмете, раскинув ноги, лицом вниз, в снег. Посылаю ординарца узнать — в чем дело?

— Казак убит, — докладывает вернувшийся.

«Откуда это?... Кем мог быть убит казак так близко от станции Индюк?» — думаю.

С врачом рысью подошел к нему. Ординарец перевернул тело вверх лицом. Убитому 35—40 лет. Черная густая подстриженная борода. Крови на нем нет. Врач тут же констатировал, что он не убит, а чем-то оглушен. Нашатырным спиртом доктор оживил его. Он оказался казаком 2-го Лабинского полка, был на фуражировке, здесь его схватили «зеленые», хотели увести с собой, но он отказался, и тогда они ударили его чем-то тяжелым по голове. Он потерял сознание и после этого ничего не помнит.

Значит, «зеленые» близко. Вперед выслан офицерский разъезд. Через какую-то версту нашего движения вижу верхового казака, который сторожит одну фигуру в штатском костюме.

— Господин полковник, нагнали мы вот его, — докладывает казак.

— Кто ты таков? — строго спрашиваю, рассматривая эту фигуру в потертом городском костюме, в ботинках.

Блондин, лицо уставшее, не бритое несколько дней. Под мышкой он держит полбуханки белого хлеба и, отламывая по кусочку, ест, явно демонстрируя, что он якобы голодный.

— Я из Туапсе, меня увели с собою «зеленые», но я нарочно приотстал, чтобы не идти с ними, — говорит он мне и продолжает есть хлеб.

— Кто убил казака? — еще строже спрашиваю.

— Его не убили, а только ударили по голове, он не хотел с нами идти, когда его взяли в плен, — отвечает «зеленый».

И поясняет на мои вопросы, что «зеленых» было около 100 человек, они отходят к перевалу у Лысой горы, советует как можно скорее поспешить за ними, так как, ежели они займут перевал у домика лесника, их трудно будет оттуда выбить.

Последние слова его меня подкупили. Я нисколько не сомневался, что он активный «зеленый» и его жизнь находилась в моих руках.

Много было конных атак и в Корниловском, и во 2-м Хоперском, и в 1-м Лабинском полках, коими я одновременно командовал. Много было взято пленных этими полками. Но я лично не зарубил, как и не обидел словами ни одного пленного. Теперь мы уходим в Грузию. Что даст нам смерть этого пленного?

— Иди куда хочешь, даже и в Туапсе, — сказал я ему, этому полунинтеллигентному «зеленому», и двинулся с полком вверх, по снежной дороге строевого леса.

Колесная дорога шла на крутой подъем. Она избита колеями в замёрзшей грязи, покрыта теперь снегом, и движение по ней тяжелое, в особенности пулеметными линейками. Ровно к ночи полк достиг пере-

вала у Лысой горы. «Зеленые» без боя отошли вниз, на север, в Кубанскую равнину.

«Лысой» гора названа потому, что по форме она походит на шаровидную лысую голову. На ней ни деревьев. Вся покрыта снегом. На самом перевале также нет леса. Лысая гора от перевала отделена неглубоким ущельем к северо-западу и находится на Кубанской территории. У самого перевала, с южной стороны, стоят маленькая хатенка, сарайчик и маленький дворик, огороженный высоким плетнем. Это и есть хата лесника, как сказал «зеленый».

В сумерках наступившего вечера и холода, на снежном фоне, от этого маленького строения с огоньком в окне так запахло уютом, что невольно захотелось как можно скорее войти в него.

Сторожевая сотня заняла посты. Я вошел в хату. В ней молодая стройная женщина лет под тридцать и дочка лет десяти. Хозяйка приветливо, но боязливо встретила вошедших, штаб полка. На мои вопросы она сказала, что ее муж — местный лесничий, бывший солдат. Он связался с «зелеными», да и нельзя было иначе — «живем в глуши», они могли и убить мужа. И он ушел с ними в село Садовое, до которого, по лесной дороге, 15—20 верст. Она очень просит не обижать ее. Семья тут ни при чем. Я ее успокоил.

Гибель сотника Веприцкого

Полк ночевал на снегу под открытым небом. Рано утром, 16 марта, спустились в густую лесную массу «столетних дубов» и двинулись к селу Садовому.

Полк шел по широкой снежной дороге в анфиладе громадных дубов, которые своими верхушками образовали сплошную крышу над дорогой. Шли словно по туннелю. По ответвляющейся лесной дорожке вправо послал 4-ю сотню есаула Сахно. В чаще леса скоро послышались частые выстрелы, эхом далеко-далеко несущиеся во все стороны.

Есаул Сахно доносит, что он наступает на село с востока. У него есть уже потери. Смертельно ранен сотник Веприцкий, и убит один казак.

«Дело дрянь», — думаю. Посылаю сотника Щепетного с сотней охватить село с запада, а сам с четырьмя спешенными сотнями, рассыпав их по лесу, наступаю с фронта. Коноводы и до трех десятков пулеметных и санитарных линеек глубоко назад запрудили нашу единственную дорогу к Лысой горе. Завязалась перестрелка, но из-за деревьев казаки не видят противника.

Справа показалась группа конных казаков. К нам подвезли раненого сотника Веприцкого и убитого казака. Тела их беспомощно болтались, положенные животами поперек седла. Казаки бережно сняли их и положили на землю. У Веприцкого ранение в левый висок. Окровавленный комочек серого цвета мозгов из раны неприятно действовал на глаза. Лицо его было бледно, глаза закрыты, крепко сжаты губы. Он еще чуть дышал. На нем шуба-черкеска с серебряными погонами, застегнутая на все крючки. Его дорогое серебряное оружие, кинжал и шашку, держал в руках вестовой. Полковой врач быстро достал из сумки флакончик нашатырного спирта и поднес к носу Веприцкого. Последний потянул носом спирт, конвульсивно задержался, потом вытянулся и как бы замер.

— Ну, теперь конец, — спокойно, профессионально сказал доктор.

— Как конец?.. Он же заворшился! — с волнением говорит доктору.

— Это и есть конец. Он уже не дышит, а нашатырный спирт только на миг воскресил его еще живое тело. А теперь он мертв, — деловито, спокойно отвечает он.

Мы все сняли папахи и перекрестились. Убитых немедленно стлрпавили в Туапсе для похорон.

Занятие села Садового затянулось. «Красно-зеленые» упорно вели бой. Моя головная цепь в две сотни казаков, рассыпавшись по хворостяному лесу среди высоких деревьев, теряла связь. Видеть цепь в лесу можно было только по одному взводу. Пули «зеленых» и казаков пронизывали ветки деревьев. Где противник? Сколько его? Куда наступать? И что нам надо было брать — ничего не видно и непонятно.

Время перевалило на послеобеденное, а успехов пока никаких. Громко командуя, чтобы слышно было всем, кого не вижу:

— Прекратить огонь и слушать мои слова! — и еще громче и растяжнее произношу в полной тишине: — Если мы не возьмем Садовое, то на ночь надо возвращаться на перевал. Там холодно и голодно. И завтра придется наступать вновь. Если же мы возьмем село — там найдем и квартиры, и фураж, и еду! Отвечайте громко и коротко — на Садовое или на перевал?! — закончил казакам в густом лесу, коих и не вижу.

— На Садо-ово-е!.. На Садо-ово-е! — громко пронеслось по лесу.

— Все вперед и — УР-РА-А! — выкрикнул им в ответ.

Раздвигая хворост руками, цепляясь за все полами черкесок и ножами шашек, с выстрелами на ходу, с криками «Ура!» шарахнулись по лесу все сотни вперед и скрылись совершенно из глаз штаба полка. По ним часто застучали выстрелы «зеленых» и скоро стихли, так как казаки выскочили уже на поляну с некоторыми построиками. Со своими

двумя помощниками тороплюсь за цепями. Перед нами голые площадки с перекатами, отдельные сарайчики на сваях, но село еще не наше.

— Не выходите вперед!.. Оттуда стреляют! — крикнули нам несколько голосов.

«Но зачем же мы сюда тогда шли? — несется мысль. — Как не взять это село!» И я уже сам командую ближайшим казакам:

— Цель вперед!.. Занять немедленно же село!

Казаки вскочили и побежали вперед. По ним раздалось несколько выстрелов, и все смолкло.

Село занято. В нем нет никого из жителей. Все бежали. Захватили одного пленного, простого мужика, да у ручейка за селом лежал один убитый. Пуля казака догнала его в спину, и он, упав лицом вниз, так и умер.

В селе много сена и кукурузы, очищенной от шелухи и хранящейся в маленьких сарайчиках-амбарчиках на сваях в рост человека. Эти сарайчики были полны кукурузы. Нашли и белую муку. Остались и куры. За селом казаки отхватили гурт скота, голов в пятнадцать. И надо было видеть лица казаков, чтобы понять их радость.

«Сыты, сыты сегодня! — говорили их лица. — И кони наши тоже!» — улыбались они.

Выставив сторожевое охранение, послал донесение в штаб дивизии о занятии села. Сотни принялись готовить себе «пир». И самое главное — полк был сыт на несколько дней.

Казаки сотника Щепетного захватили один ручной пулемет системы «Льюис», как оказалось — последние трофеи 1-го Лабинского полка в этом последнем наступательном бою с красными.

Меня угнетала гибель сотника Веприцкого. В мои юнкерские годы его отец был старшим адъютантом Атамана Кавказского отдела полковника И.Е. Гулыги¹⁷⁶. Жил он на квартире рядом с нашим домом. Такие кажущиеся мелочи как-то связывали меня с ним. И мне еще придется испытать «муки души», когда его мать в Екатеринодаре придет в наш лагерь и спросит: «Где мой сын?»

Генерал Шляхов и полковник Посевин

В Садовом полк взял все, что возможно, на свои перевозочные средства, сено и кукурузу. Кукуруза тогда была и корм для лошадей, и еда для людей. Торбы и сумы у казаков были заполнены ею. Гурток скота обеспечивал полку мясо на несколько дней. Вот почему казаки полубеззаботно в течение дня два раза перевалили Кавказский хребет у Лысой

горы и Индюка и прибыли к станции Гойтх. Штаб дивизии помещался на той же маленькой железнодорожной станции.

Войдя в помещение, вижу полковника Шляхова, сидящего на лавке в фуфайке; рядом с ним неизвестный мне человек в теплой куртке, в сапогах и с косматой, неопрятной шевелюрой. Генерал Арпсгофен сидел в стороне.

— Господин полковник, с 1-м Лабинским полком из села Садового возвратился, — рапортую Шляхову официально.

Он приподнялся с лавки, жмет мне руку и благодарит за удачную операцию. Одновременно с ним приподнялась и та штатская фигура, но после моего рапорта она вдруг произносит:

— Здорово, Федор!..

Поворачиваясь к этой невзрачной на вид фигуре и, к своему удивлению, узнаю в ней полковника Фрола Посевина¹⁷⁷. Боже, как он переменялся!

С ним я пробыл в Оренбургском казачьем училище 2 года. Окончив училище младшим портупей-юнкером, он вышел хорунжим в 1-й Линейный полк. Отличный был юнкер во всех отношениях. Отличный гимнаст и ездок. За стрельбу из винтовки награжден училищным золотым жетоном, установленным по всем военно-учебным заведениям (один жетон на сотню или роту и эскадрон юнкеров в течение учебного года) с правом ношения в строю и офицером. В Великой войне награжден всеми боевыми орденами до Георгиевского оружия включительно. Первопоходник в Улагаевском батальоне. Под Ставрополем мимолетно видел его летом 1918 года, когда он временно командовал этим батальоном в чине есаула. Теперь он член Кубанской Законодательной Рады, то есть член самого высшего краевого учреждения. Беспристрастно говоря, он достиг наивысшего в своем Кубанском Войске. Но как он переменялся внешне: он мрачный, заросший волосами, в полумужичьей одежде.

До поступления в училище мы были с ним, хотя и в разное время, вольноопределяющимися 1-го Екатеринодарского полка и даже одной и той же 4-й сотни есаула Крыжановского. Как младшего юнкера — он очень оберегал меня в училище в первые месяцы и давал советы. Он был гораздо серьезнее меня тогда.

От радости встречи запальчиво забросал его вопросами: «Какими судьбами ты здесь, Фрол (так мы его звали в училище)? В каком полку ты? Кем командуешь?»

— Да он не в строю-у, — вдруг насмешливо-шутейно слышу я голос Шляхова. — Он член Законодательной Рады, вот теперь-то мы его в горах и повесим, всех мы их разгоним здесь, это не в Екатеринодаре, — продолжаю слушать я урывчатые фразы своего начальника дивизии.

Посевин ничего на это не ответил. Он оставался молчаливым и все таким же мрачным. А Шляхов, словно доволен своими остроумиями, продолжает:

— Но тебя, Фрол Яковлевич, мы помилуем. Ты хороший человек и отличный был офицер.

Посевин не реагировал и на это. Оказывается, они были однополчанами и большими приятелями. Разговор был исчерпан. Шляхов просто пошутил над своим другом, и мы все трое улыбаемся. Молчавший до этого генерал Арпсгофен, вдруг обращаясь ко мне, весело говорит:

— А Вам, Федор Иванович, не повезло. Вы так удачно командовали дивизией и вот — сдали ее не вовремя, а то были бы генералом. Вы ошиблись, рапортуя, начальник дивизии не полковник, а генерал.

Все улыбаются, но я ничего не понимаю. И тогда Шляхов рассказывает:

— Когда Атаман Букретов со своим отрядом присоединился к отступающим Кубанским корпусам, то для благодетельствования старших начальников всех полковников, занимавших генеральские посты, произвел в генералы автоматически. Вот и попали в это число я и полковник Хоранов, — закончил он свой рассказ.

Меня эти слова больше испугали, чем порадовали. Генералом быть в 27 лет от роду?! Нет и нет! Это очень рано. По мирному времени я был бы только старшим сотником и 6 августа сего года, по выслуге лет, произведен в подьесаулы, в самый красивый чин — с четырьмя звездочками на погонах. К тому же — ну зачем мне теперь чин генерала в горах, в лесах, в голоде и без территории! Да и душа еще хочет резвиться. И если полковнику многое недопустимо, то генералу совсем уже будет нельзя позволять многое.

Раннее производство в высокие чины без стажа не полезно воинскому делу.

Учащаяся молодежь. Произвол

С полком, в лесу, занимаю позицию. Нас с красными разделяет поляна с пролеском. Противника мы не видим. Он пассивен.

3-я Кубанская казачья дивизия генерала Бабиева была снята и отправлена в Туапсе.

Наш 2-й Кубанский конный корпус генерала Науменко разрознен, так как 4-я Кубанская казачья дивизия генерала Хоранова перебросена также в Туапсе и Кавказской, довольно сильной и стойкой, бригадой занимает позиции на ближайших возвышенностях севернее Туапсе.

Штаб корпуса там же. А меж нашими дивизиями корпуса все пространство забито войсками, обозами, беженцами из Майкопа. Наша дивизия предоставлена самой себе. «А может быть, оставлена в арьергарде, как самая стойкая?» — думал я.

Главную позицию занимают пластуны, прибывшие с Войсковым Атаманом из Екатеринодара. Встречаюсь с сотней учащейся молодежи. Их, кажется, целый батальон. С интересом рассматриваю их на биваке. Все одеты в английское обмундирование — новое и добротое. Они сняли свои громоздкие ботинки на гвоздях — «танки», как их называли в Добровольческой армии, и по-солдатски сушат на солнце свои «онучи».

Вглядываюсь в их лица. Лица молодые, интеллигентные, не тронутые бритвой и — уставшие, бледные, грустные. Видна их физическая незрелость и непривычка к суровой походно-боевой жизни, которая выбила их силы.

Весь младший командный состав — казаки-урядники. Они немного грубоваты в обращении с ними, хотя и хотят быть вежливыми, но строевое грубое слово старых службистов-урядников так не подходит к этим славным юношам.

Конечно, все они выступили в поход добровольно. И перенесут всю горечь капитуляции Кубанской армии, как и преследование от красных за этот поход.

Узнаю, что командир одной из сотен — сотник Федор Прохода¹⁷⁸. Нахожу его и обнимаю старого друга, «вольняка» 5-й сотни 1-го Екатеринодарского полка, тогда уважаемого всеми нами за его солидность, ум, корректность, доброту и дивное пение казачьих песен черноморских. Он не выдержал со мной экзамен в Оренбургское училище и вернулся в свой полк. Не виделись с ним 10 лет. Но он словно и не рад встрече. Он грустен. Он устал. Молодежью он доволен. Они послушны, но мало обучены. И они очень устали, почти выбились из сил в походе по грязи, по горам, по долам, по лесам. Но их батальон опять выступает куда-то. И мы расстались с Федей Прохода вновь и навсегда. Больше я его не встретил.

«Положение на фронте Туапсинской группы не было тяжелым, но продовольственный вопрос был в катастрофическом положении. 18 марта, на Туапсинский рейд, пришел из Крыма первый транспорт «Хоракс» с продовольствием и огнестрельными припасами. Он привез 30 тысяч пудов ячменя, пшеницы, рожь и муку. Прибытие этого продовольствия лишь частично удовлетворило нужды войск», — так написал генерал Науменко в 1924 году и повторил в своих сборниках в 1962 году¹⁷⁹.

Полки получили почтограммы — прислать в Туапсе офицеров-приемщиков с указанием боевого состава частей. Это была неожиданная ра-

дось, во-первых — что нас не забыли в Крыму, а во-вторых — мы получим так необходимое продовольствие для людей и зерновой фураж для лошадей.

От 1-го Лабинского полка немедленно был командирован офицер с несколькими казаками, чтобы получить свою долю на фронт, родному полку, который стоит впереди и сторожит с востока Гойтхский перевал.

Я вначале не понял своего офицера-приемщика, когда он смущенно доложил, что «муку он привез, а зерно отобрал в дороге генерал Бабиев для своего конвоя».

— Как отобрал? — с глазами, налитыми холодным стеклом злости, спрашиваю его резко.

Офицер продолжает доклад-оправдание: «Едем мы по улице уже в конце Туапсе, на крыльце одного дома стоит генерал Бабиев и спрашивает:

— Какого полка?

— 1-го Лабинского, — отвечаю.

— Что везете?

— Муку и зерно для полка.

— Ну, муку везите, а зерно заворачивайте сюда, — командует генерал.

Я вначале думал, что генерал шутит, и, не останавливаясь, еду дальше, а он уже кричит мне:

— Стой!.. Не слышишь приказания, что ли?

И сам командует ездовым казакам:

— Заворачивайте сюда!.. Ко мне во двор!

Я докладываю генералу, что это «наряд для полка, его ждут голодные на фронте!». Но куда там!

— Не разговаривать много! — кричит он и добавляет: — Полком командует полковник Елисеев, ну и хорошо, мы с ним приятели и помиримся. Там он все же чего-нибудь да достанет, а тут — ничего нет!

Забрал фураж и отпустил меня только с мукой», — смущенно закончил офицер-приемщик.

Не буду писать о возмущении командиров сотен и обоих моих помощников Булавинова и Ткаченко, которые, кстати сказать, недолюбливали своего сверстника Колю Бабиева. О своем возмущении писать тоже не буду. Кто командовал хотя бы сотней на фронте, в голоде и холоде, тому мои чувства должны быть понятны.

Немедленно посылаю телефонограмму генералу Науменко в Туапсе в таких выражениях, которые сдерживались в своем негодовании только воинской дисциплиной. Свое негодование закончил тем, что выра-

зил удивление — как мой офицер не открыл огонь по захватчику, а в следующий раз я буду назначать взвод казаков с определенным указанием «стрелять», беря всю ответственность на себя. Тут же указал, что генерал Бабиев держит у себя две сотни — отдельный дивизион Лабинцев Козликина, принадлежащий целиком Лабинской бригаде.

Генерал Бабиев не был подчинен генералу Науменко, но я отлично знал, что они дружны между собой и Науменко легко может повлиять на властного Бабиева.

Не помню — или при следующей встрече, или по телефону — генерал Науменко так ответил мне:

— Коля горяч, но неплохой человек. Он так любит свои части. И ведь зерно он взял тоже для казаков, и, к несчастью, уже его «потратил», вернуть не может. Но обещает в следующий раз этого не делать. И в этом дал мне слово. А насчет дивизиона Козликина — Вы правы. И он согласился вернуть его полкам, когда они встретятся с дивизией Бабиева.

Я немного «отошел» от злости, так как Науменко всегда очень учтиво разговаривал со мной. 1-й Лабинский полк был ведь боевой силой всего его корпуса!

Гайдамаки. Отряд генерала Закладного

— Елисей!.. Вы слышали, что у нас в Кубанской армии есть теперь Гайдамацкая дивизия? — спросил как-то меня генерал Науменко перед Гойтхским перевалом.

Ответив отрицательно, слышу его рассказ: «Ну и выдумали же!.. Это ведь Таманские и Полтавские полки — продукт некоторых членов рады. Они сейчас подчинены мне. Дивизией командует полковник Буряк¹⁸⁰. Я считаю его неподготовленным к этому и хотел заменить другим, но мне из Туапсе ответили, из правительства, что если начальником дивизии станет новый офицер, то к нему будет назначен член рады «для наблюдения».

— Почему? — спросил я их.

— Да потому, что гайдамаки верят только одному Буряку, — отвечают мне из правительства.

— Так что это — вроде комиссара в дивизии? — возмущаюсь я.

А они отвечают:

— Как хотите, назовите, но, если Буряк будет смещен, будет именно так и сделано.

Пришлось оставить Буряка», — закончил этот оригинальный рассказ генерал Науменко.

Наша дивизия оставила перевал и перешла к Индюку. Выбирая площадку для постоя полка, натыкаюсь на очищенный бивак. На нем еще осталось несколько казаков, увязывающих двуколки.

— Какого полка? — спрашиваю.

— Та Гайдамацької дивизії, — отвечает мне один из них беспечно, даже не посмотрев на меня.

— А хто вамы командує? — интересуюсь я, зная рассказ Науменко и переходя на черноморский язык.

— Та пулковник Буряк, — также беспечно отвечает он.

Я же, словно ничего не зная об этой дивизии, допытываюсь:

— Ця воны, ці гайдамаки, з України прійшли сюды, помогать нам?

— Та ни-и!.. Мы Таманьци та Полтавци ну, начальство и зробило з нас гайдамакив, — немножко оживленно, с некоторым юмором ответил мне этот обозный казак Гайдамацкой дивизии.

Все наши части без боя оставили Гойтхский перевал и сосредоточились у железнодорожной станции Кривянка. Здесь довольно широкая долина, по которой протекает речка Туапсинка; рядом тянется шоссе и железнодорожная линия на Туапсе.

Мы уже несколько дней видим возле себя «Отдельный отряд генерала Закладного»¹⁸¹. Он составлен из казаков Ейского отдела, Атаман которого и есть этот генерал. Отряд пеший, и в нем до 400 штыков. Командует генерал им «по-батьковски». Да и вид его соответствующий. На нем широкая, темного цвета тужурка. Широкие темно-синие шаровары вобраны в сапоги «с напуском». На голове крупная папаха черного курпеля. Сам он крупный, широкий, с седой не длинной и неопределенной формы бородой. На нем бинокль, большая полевая сумка и еще что-то на груди и на боках. В руках у него длинный, толстый посох-палка. Опираясь на этот посох-палку, он пешком идет со своим отрядом, как рядовой боец. Вся картина достойна умиления, но в интересах боевого дела этих казаков надо было влить в один из пластунских батальонов, а «дида-гэнэрала», как называли его подчиненные, приютить где-то в тылу.

Его отряд ушел к Туапсе, и на фронте осталась только наша 2-я Кубанская дивизия.

Печальный день нашей дивизии

Генерал Шляхов заболел и эвакуирован. В командование дивизией был назначен полковник Семен Семенович Жуков (см. приложение 1). Это был родной брат флигель-адъютанта, есаула Конвоя Его Величества Жу-

кова¹⁸², застрелившегося на фронте в 1916 году, и Г.С. Жукова¹⁸³, полковника, нашего командира бригады в Финляндии в конце 1917 года. Все братья были высокого роста, стройны и красивы. Семен Семенович добрый, спокойный, хорошо воспитанный и умный офицер, но медлительный. Черная борода с проседью старила его.

22 марта был занят Сочи и все части, беженцы и обозы, естественно, устремились туда. В арьергарде оставался наш корпус, имея 4-ю дивизию генерала Хоранова в самом Туапсе, а нашу — у станции Кривянка. От нее до Туапсе около 25 верст. Задача нашей дивизии — в случае натиска красных отходить на Туапсе.

Был день Благовещения, 25 марта. Две сотни 1-го Лабинского полка заняли позиции по долине, а остальные полки растянулись по шоссе за ними, держа лошадей в поводу.

К моему резерву подъехал штаб дивизии, спешил и остановился за выступом горы. С полковником Жуковым и начальником нашей артиллерии полковник Кочергин¹⁸⁴. У него седая борода, закоптелая от курения. Оба полковника, видимо, старые друзья. Им, думаю, было около 50 лет каждому, и нам, молодым штаб-офицерам, они казались очень пожилыми. (Батарей при дивизии почему-то не было.)

Стоя за выступом, они бесконечно курили и вели какие-то разговоры-воспоминания о былом Турецком фронте и о знакомых офицерах. Это так не вязалось с тем, что мы находились на позиции и положение наше было непрочное. Мы уже знали телефонограмму генерала Науменко, что Кавказская бригада ведет бой у самых подступов к Туапсе с севера.

Было тихо кругом. Никакой перестрелки. Мы чувствовали, что стоим совершенно напрасно. Предлагаю своему другу, полковнику Кравченко, как старшему в чине, доложить начальнику дивизии, что надо отходить.

— Да неловко как-то, — отвечает он и предлагает мне это сделать.

— Ты, Афоня, старший в чине, ты и доложи, — урезониваю его.

Но он отказался. Какая-то подозрительная тишина со стороны красных зловеще говорила, что они к чему-то готовятся. Так время протянулось до полудня. И вдруг новая и последняя телефонограмма от генерала Науменко: «Туапсе оставлено нами. Дивизии, через село Георгиевское, спешно, через перевалы, выйти к морю».

— По коням! — медленно командует полковник Жуков и дает мне указание «отступить, когда полки втянутся в дефиле у села Георгиевского».

Полки «вытянулись», и тут же с фронта и с фланга, с севера, с гор, из леса, открыт был огонь красных. Взводной колонной по кустарникам

долины широкой рысью следую за полками, которые уже подходили к Георгиевскому, как от этого села затрещали частые выстрелы в упор полкам. Я вижу, как 2-й Лабинский полк, повернув круто назад — в беспорядке скачет мне навстречу, спасаясь от выстрелов. Впереди, на тачанке, поддерживаемый двумя казаками, в черкеске, весь в крови, лежит сотник, полковой их адъютант, тяжело раненный. Боясь, что 2-й Лабинский полк «сомнет» нас, круто сворачиваю голову полка направо, к югу, и устремляюсь по перелескам на продольный хребтик. 2-й Лабинский полк сворачивает туда же. Перевалив его, остановились в безлесой долинке. Итак — путь нашего отхода через село Георгиевское оказался отрезан «зелеными».

В этой долинке сгрудились все полки, и в достаточном беспорядке. Тут же спокойный и безразличный начальник дивизии полковник Жуков.

Из всех четырех командиров полков я был самый младший в чине и летах. Но не только я знал — знали все в дивизии, что 1-й Лабинский полк является самым стойким и сильным во всем корпусе.

Я никогда не любил «мягких и добрых» офицеров. Военная стихия не для них. Во всем был виновен только полковник Жуков: что дивизия зря задержалась у Кривянки, не заняла заранее села Георгиевского, как путь нашего отхода, и вообще — ничего не было предпринято, а были лишь праздные разговоры «о былом» двух старых штаб-офицеров.

Беру инициативу на себя — подъезжаю к Жукову и спрашиваю:

— Что дальше делать?

— Ваш полк надежный, полковник, ведите его по Вашему усмотрению, а мы будем следовать за Вами.

Я в некотором недоумении от этого задания, но поддерживает командир 1-го Кубанского полка Кравченко:

— Федор Иванович, не теряй времени!.. Черт знает, чем все это закончится!

Молча бросаю взгляд на командира 2-го Лабинского полка полковника Кротова, с которым был в хороших отношениях и который был почти сверстник летами Жукову, как бы спрашивая его: а по-Вашему как?

Он скорбно посмотрел на меня и промолвил:

— Конечно, Федор Иванович.

Летом 1919 года здесь действовал против «зеленых» 2-й Уманский полк полковника Гамалия, в котором я был помощником. Местность немного знакома. Я знал, что ниже к Туапсе есть дорога в женский монастырь, который я занимал тогда двумя пешими сотнями, почему и решил выйти на шоссе и добраться до него.

С полком двинулся к шоссе через строевой лес, но у берега Туапсинки с кустарником обнаружил красную пехоту, которая в колонне по-

четыре шла под уклон скорым шагом к Туапсе и уже опередила нас. Мы были отрезаны и здесь.

Повернув голову колонны, рукой указал на юго-запад, следовать за мной на Чертову гору, покрытую лесом. И только головная сотня «ша-рахнулась» туда, ломая на своем пути сухой валежник, как «на хруст» красные жарнули по нам из ружей, со стороны шоссе. Это был словно сигнал для полков: «Спасайся, кто как может!» И все полки в полном беспорядке бросились в лес, в горы. Треск сушняка поднялся такой, будто неслась гроза по лесу. Да и неудивительно: бежало, ломало все на своем пути до 2 тысяч лошадей, считая пулеметные и санитарные линейки. Чтобы не разорваться, кричу в массу своего полка:

— Держитесь сотенных значков!..

Все карабкаются в гору. За хрустом валежника уже не было слышно ружейного огня красных, но они открыли шрапнельный огонь «по площадям», чем еще более усилили панику и стремление всех как можно скорее и дальше уйти от красных.

Верхом пробиваться по строевому лесу с царапающим кустарником было уже невозможно. Многие спешились и в поводу с лошадьми стремились вперед, вперед. Спешился и я.

Около меня разрывом шрапнели разmozжена лошадь казака. Кровь ее напомнила мне, что со мной где-то должна быть сестренка Надя. Оглядываюсь назад и вижу ее. Она вся пунцовая от пота. Ее юбочка вся изодрана, да так, что для барышни это неприлично. Но она ничего не видит. Она без своей маленькой шапочки.

— А где же папаха, Надюша? — спрашиваю.

— Да зацепилась за ветку, сорвало, но мне не до нее было, — отвечает она бойко.

В поводу со своей гнедой кабардинской кобыленкой, оказывается, она не отставала от меня. В это время другим снарядом убивают лошадь следующего казака. Казак быстро снимает седло и карабкается дальше в гору. Оглянулся на сестренку — она побледнела. Чтобы подбодрить, спрашиваю:

— Страшно, Надя?

— С тобою не страшно, Федя, — отвечает она, вновь покраснела, потому что сказала неправду, и улыбнулась.

Мы «на пупе» горы. На нем нашли колесную дорогу, которая идет «куда-то и откуда-то». По ней уже вытянулись казаки на юг. Орудийные выстрелы красных «на хруст» прекратились. Они, видимо, потеряли наше направление.

Полкового адъютанта, сотника Косульниковца послал остановить впереди идущих казаков, так как надо выяснить — что же позади?.. как

наши пулеметы? целы ли?... «Но разве Сапунов бросит их! Он «оторвет» головы казакам, если они бросят свои пулеметы», — думал я. И он не бросил.

— Господин полковник!.. Приходилось топорами рубить поперечные бревна — валежник, а нет — на руках переносить линейки! — весело, с задором на своем цыганском лице не то докладывает, не то рассказывает мне есаул Сапунов, и смеется, и смеется сам, что мы попали в такую переделку.

Я вижу уже и наши полковые пулеметы, вижу казаков-пулеметчиков и лошадей в упряжках. Лошади все в мыле. Казаки без шуб, в одних бешметах, мокрые от пота, с папахами на затылок «от жары».

Ну, пулеметы со мной — теперь не страшно.

Ночь. Повторное назначение на дивизию

«Подобрав хвосты», скачу в голову колонны. Там нахожу штаб дивизии и полковника Кротова. Мы попали на какое-то плато на вершине кряжа. На нем редкий лес и площадки для посева. Гора к западу от нас скрывает солнце, но мы чувствуем, что оно на закате.

Здесь так тихо кругом! И будто этот уголок отрезан ото всего мира и ничего не знает о войне. Хочется лечь на спину на одном из пригорков и ни о чем не думать.

Обгоняя колонну, видел, что все сотни полка будто бы в порядке. Вдали видно строение. Посылаю разъезд. Там жители-греки. По их словам определяю, где мы. Они сказали, что живут в массиве гор на юго-восток от Туапсе и на северо-восток от села Лазаревка. До них около 20 верст. Дорога туда по горам. Здесь не было ни белых, ни «зеленых». О последних не верю, но и не принуждаю грека божиться.

Непроходимое ущелье на запад смущает меня. Ночевать надо в горах. А если будет нападение, ущелье преградит нам дорогу. Грек говорит, что на той стороне, верстах в двух, живет его друг-грек. У него можно переночевать. И берется проводить нас. Я соглашаюсь. И уже с началом темноты мы подошли к его другу. Старик и старуха приняли нас сердечно. Они продали нам два чучала лесных сушеных груш, весь свой запас. С хлебом и под чай — они были очень вкусны. Нашли здесь и немного сена. В дремучем лесу продольная неглубокая котловина для пашни грека. Земля сухая, приятная для бивака. И около 1500 лошадей раскинулись на отдых, на ночлег.

Расставив все 26 полковых пулеметов во все стороны могущего быть нападения, позволил развести костры и заняться варкой пищи, у кого

что есть. Казакам приказал держаться кучно. Не расседывая, коней сбатовать. А спать «одним глазом». И не прошло 10 минут, как в ночной горной тишине, окаймленной высокими деревьями, запылали костры и загомонили казаки. Наши лошади в приятной весенней прохладе, нерасседанные, тихо жевали то, что им давали хозяева.

Мы, штаб дивизии и штабы 1-го и 2-го Лабинского полков, сидели вместе, пили чай и делились впечатлениями о происшедшем. Наши старики, полковники Жуков и Кочергин, вновь что-то «предполагали», что «если бы, да кабы раньше отступили, да если бы генерал Науменко сообщил бы своевременно, то иное было бы».

В их разговор я совершенно не вникал и винил только полковника Жукова, очень мягкого и хорошо воспитанного офицера. Но этому приятному полковнику я ничего не сказал об этом.

Где была Кубанская бригада, то есть 1-й и 2-й Кубанские полки, мы не знали. Свой полк я проверил, и он был полностью цел, за исключением одиночных казаков, ушедших, видимо, с другими полками. Но во 2-м Лабинском полку остались в наличии только две сотни. Где были остальные четыре — никто не знал. Полагали, что оторвались и ушли куда-то на юг.

Полковник Кротов рассказал, что когда его полк на рысях подходил к селу Георгиевскому, в них, в упор из окраин и слева, с возвышенности, неожиданно был открыт огонь. Появились сразу же раненные. Первым был тяжело ранен полковой адъютант, бывший с ним рядом. И казаки без команды повернули назад и драпанули.

Нужно беспристрастно констатировать: «красно-зеленые» взяли нас своим огнем с трех сторон. Словно по расписанному заранее. Можно только восхищаться их военной тактикой. Но жаль, что «они били нас, но не мы их».

Таков был праздник Благовещения 25 марта 1920 года для 2-й Кубанской казачьей дивизии. Ровно 2 года назад, в тот же день, был расстрелян красными наш отец. Вот чем памятны эти даты для меня.

Мы спали очень крепко, безмятежно. Отдыхали нервы. К тому же я надеялся на свои пулеметы. Да и вообще на свой полк — славный, храбрый и послушный 1-й Лабинский полк.

Наутро не торопясь двинулись куда-то на юг, имея конечную цель — село Лазаревка, что на берегу Черного моря. Но не тут-то было! Горная дорога — не степная, видная во всю свою длину. Мы долго шли «крученной дорогой», и потом она неожиданно впала в горную речонку и скрылась в ней.

Речка с крутыми берегами. Дно — сплошные гольши. И по ним, извиваясь в лесистом ущелье, течет ручеек. Делать нечего. Спустились в него и идем вниз по течению, явно к морю. Воды по колено лошадям.

По дну камня и голыши. Дорога тяжелая, в особенности для пулеметных линеек.

К обеду выходим на открывающуюся небольшую долинку. Вдали видны постройки. Навстречу нам, из-за поворота, появляется верхом генерал Науменко с начальником штаба полковником Егоровым и несколькими ординарцами. Как начальник всей колонны, команду: «Смирно!» Полковник Жуков подъезжает к командиру корпуса и что-то рапортует. А что — я не слышу. Да и не хочу слышать.

Выражение лица у Науменко строгое. Колонна остановилась. Генерал не подает руки Жукову и громко «разносит» его, спрашивая:

— А где же другие полки?

Других полков, действительно, не было с нами, о чем Науменко знал из каких-то источников.

Я впервые вижу генерала Науменко таким раздраженным, возмущенным, даже злым. Но он не волнуется так резко и грубо, как волнуются обыкновенно строевые офицеры. Он или не умеет кричать на подчиненных, или умеет волноваться достойно.

Он, безусловно, раздражен за расстройство его лучшей дивизии в корпусе, но если «в самом расстройстве на поле брани» виновен исключительно полковник Жуков, то виновен и командир корпуса, не предусмотревший общий отход от Туапсе и своевременно не давший указание дивизии, отстоявшей от него за 25 верст в горах.

Я не хочу слушать «разноса» Жукова и остановился в стороне. Генерал Науменко, словно для передышки, для успокоения своих нервов, вдруг громко зовет:

— Здорово, славные Лабинцы!..

— Здравия желаете-а-а, — загудела длинная кишка колонны.

Затем слышу голос Науменко:

— Полковник Елисеев — пожалуйста сюда!

Считая себя совершенно не виновным в расстройстве дивизии, рысью подхожу к генералу и беру под козырек.

— Полковник!.. Примите сейчас же командование над дивизией и приведите ее в порядок. Я на Вас надеюсь, — коротко говорит он, и его лицо остается строгим, суровым.

Здесь же стоит сконфуженный полковник Жуков, который совершенно не реагирует на все это. Мне его жаль. И мне неловко. Я намного моложе его летами. И вот назначен исправлять его ошибку.

— А Вы, полковник Жуков, можете ехать в бессрочный отпуск, — сухо и очень недоброжелательно говорит генерал.

Полковник Жуков и летами, и сроком офицерской службы старше Науменко на 10—15 лет. Это как бы неловко в таком обращении к

старшему. Но генерал Науменко был прав. Жуков старыми способами управления, основанными только на голых приказах, отдававшихся к тому же очень вяло, совершенно не годился командовать дивизией. Да, думаю, и не стремился к этому.

Мы идем с Жуковым и Кочергиным в голове колонны. Он не обижается на Науменко и не оправдывается. И мне казалось, что он с удовольствием поедет в тыл — в «бессрочный отпуск», как сказал командир корпуса. И невольно я вспомнил слова своего друга Миши Сменова, что «строевая власть должна принадлежать молодым».

Святая Пасха в селе Лазаревском

26 марта мы ночуем в селе, где-то у моря. Завтра весь корпус переходит в греческое село Лазаревское. Село большое, и я этому очень рад.

Завтра день Святой Пасхи. Его надо отметить. Вперед командирую обоз 1-го разряда и его начальнику сотнику Гончарову приказываю достать вина на весь полк и приготовить для всех Пасхальный стол.

Сотника Гончарова я знал с 1915 года. Он казак, учитель одной из станиц Лабинского отдела. Осенью 1915 года прибыл прапорщиком в наш полк (1-й Кавказский. — П. С.) в Турцию, на реке Евфрат. Ему тогда было 35 лет. Он имел белокурую бородку, подстриженную клинышком. Разумный, степенный. Я был тогда хорунжим и полковым адъютантом, только что назначенным. И вот теперь так сильно разны и наши чины, и должности.

Тогда мы называли друг друга только по имени и отчеству, теперь же он «вытягивается» в положение «смирно» и титулует меня только по чину. Я его по-прежнему называю по имени и отчеству и, посылая в Лазаревку, подчеркиваю:

— На Вас надеюсь, и Вы свой полк угостите как следует. Помните, как у нас было, у кавказцев? — улыбаюсь я ему и безусловно переношу его «в былую милую даль», когда наш 1-й Кавказский полк в Турции, в особенности при полковнике Мистулове¹⁸⁵, так дружно и весело праздновал все праздники.

— Постараюсь, господин полковник, — отвечает он.

Я жму ему руку, и он уезжает. Дивизии у меня еще нет. Есть только полностью 1-й Лабинский полк и две сотни 2-го Лабинского полка.

С оркестром трубачей мы въезжаем в село Лазаревское. Был очень серый день и совершенно не пасхальный. Сотник Гончаров отлично справился со своим делом. Сотни разведены по квартирбываку. Офицеры полка после станицы Дмитриевской впервые собрались за доволь-

но приличным столом под открытым небом. Вина было много. Гости-ми нашими был весь штаб дивизии с генералом Арпстофеном и офицеры 2-го Лабинского полка. Полковники Жуков и Кочергин выехали в Сочи.

К обеду неожиданно появился войсковой старшина Илларион Литвиненко¹⁸⁶, мой бывший храбрый командир 3-й сотни Корниловского конного полка. Тогда, весной 1919 года, на Маныче он был хорунжим и при мне произведен в сотники. Теперь он штаб-офицер, но со мной говорит как подчиненный — умно, тактично. Я любил этого храброго офицера, не боявшегося смерти в боях, как и не боявшегося начальства, «рубя правду-матку» и самому властному генералу Бабиеву. Кстати сказать, Бабиев очень любил Литвиненко, или «Лытына», как называли его казаки-черноморцы.

На обед я посадил его рядом с собой. Первый мой тост за столом был поднят «за наши семьи, оставшиеся в беспомощности там, за горами, у красных». Я произнес его очень горячо, и мне так стало больно и жалко всех своих в станице, что у меня не выдержали нервы. Это было неожиданно не только для присутствующих офицеров, но и для меня лично. У многих появились слезы, а сестренка Надюша, впервые бросившая отчий дом, — она как-то особенно вскрикнула, словно кто-то уколол ее чем-то острым и очень глубоко. Момент был тяжелый. Он показал, что у всех нас, для которых семья, отчий дом дороже всего на свете, бьется одинаково сердце.

Но это был «только момент». Извинившись «за малодушие», я продолжил свой тост словами:

— Но мы воины, и наше дело — кровавая борьба до конца против наших поработителей, чтобы освободить наши семьи, нашу Кубань.

Второй тост был обращен к гостю, к Литвиненко:

— За славный Корниловский конный полк, который по своим боевым качествам не уступает даже 1-му Лабинскому полку.

Я говорил не любезность, а истинную правду. Литвиненко не замедлил ответить следующими словами:

— Под Ставрополем, отступая от Маныча, мы слышали о подвигах славного 1-го Лабинского полка. Мы были рады, что есть еще Кубанские полки, как и наш Корниловский-Бабиевский, не потерявшие сердце. Но, кроме того, нам было приятно знать, что славным 1-м Лабинским полком командует наш бывший командир-корниловец, доблестный полковник Елисеев, которого мы «доси любимы и уважаемо».

В самые интересные моменты, радостные или печальные, Литвиненко, как истый черноморский казак, для легкости изъяснения своих чувств, всегда переходил на родной язык. Дальше он продолжал:

— И я надеюсь, что, если бы наши полки были под командою доблестного генерала Бабиева, мы показали бы красным свою силу. А покышо (опять он перешел на свой язык) — поднимаю бокал ций за славный ваш полк и за вашего командыра полковныка Елысиива.

Напоминание о Бабиеве меня взволновало. У меня было два чувства к нему: одно — восхищение его молодецкой доблестью в боях, всегдашним его воинственным задором, беспредельной преданностью воинскому делу, коннице, Казачеству, а другое — личная незаслуженная обида, которую я описал¹⁸⁷. Я тогда еще не знал, что Литвиненко был послан Бабиевым ко мне «разведать» о моих чувствах к нему.

Литвиненко был умный самородок. Образование — городское училище, а потом школа прапорщиков. Но он так полюбил военное дело и так ему нравился Бабиев, как и Бабиеву Литвиненко, будучи еще хорунжим на Маныче, что последний стал для него «как ударный офицер» — правдивый, прямой, бесхитростный, воински отчетливый. Зная, что я люблю и ценю Литвиненко, он и прислал его ко мне, как бы случайно.

После тоста Литвиненко я сказал о Бабиеве в ответном тосте, подчеркнув, что он наш коренной Лавинец, сказал о его геройской 3-й сотне 1-го Лавинского полка на Турецком фронте с 1914 года, когда он был в чине сотника, закончив о его настоящем положении, что мы его ценим, любим и восторгаемся.

Тост был принят восторженно. Литвиненко сиял. Потом, наклонившись ко мне, тихо спросил:

— Ну а Вы, Федор Иванович, как Вы лично к нему относитесь?.. Пошли бы под его командование?

Вопрос был праздный. Воинская дисциплина такого вопроса не ставит. Все должны идти под командование старшего в чине, хотя бы он лично кому и не нравился.

Я и раньше слышал от офицеров-корниловцев, что Бабиев сожалел о своем поступке со мной. Я знал, что духовного удовлетворения в казачестве, будь то гарцевание в седле, широкая пирушка с лезгинкой и песнями, азиатский шик в одежде, он не мог найти. Недаром же с самого начала нашего знакомства в Турции, когда он был сотником, а я хорунжим, назвал меня «младшим братом», дав имя «Джембулат». Отвечая взаимностью и видя в нем исключительно интересного и оригинального офицера, с пафосом старых Линейных казаков, я, при интересных и веселых времяпровождениях, всегда называл его (и при посторонних) «мой старший брат Хаджи Мурат», то есть сравнивал его с героическим соратником Шамиля. Это Бабиеву очень нравилось. Такие взаимоотношения продолжались до производства его в генералы в са-

мом начале 1919 года. И как оказалось в жизни, власть и большие чины портят человека. Это касается не одного генерала Бабиева.

Пасхальный обед прошел отлично. «Веселых» не было, но все были в хорошем, повышенном настроении. Казачий борщ, отварное и жареное мясо, фруктовый взвар, вино, хор трубачей — все это, вместе взятое, конечно, не могло не размягчить любую душу, да еще после того, как мы ровно 3 недели жили и воевали в горах по-звериному и впроголодь.

Войсковой старшина Литвиненко сразу же уехал после обеда в тыл, обнадеженный моими положительными чувствами к генералу Бабиеву.

Воинская этика. Казачья слабость

Обед закончился с темнотой. Все офицеры разошлись по своим квартирам. С начальником штаба мы пошли в нашу маленькую комнатку. Хозяйка-гречанка лет под тридцать, статная, веселая, с правильными чертами матового лица брюнетка, извинилась перед нами за свою бедность, приготовив на ночь единственную кушетку.

Быстро снимаю свое оружие впервые за месяцы отступления и приказываю казаку раскинуть бурку на полу.

— Федор Иванович, Вы будете спать на кушетке, — вдруг говорит мне генерал Арпсгофен.

— Что-о?!.. Ну нет, Ваше превосходительство, кушетка только для Вас, — отвечаю ему. — Я молод, буду спать на полу.

— Нет!.. Вы не будете спать на полу! Вы мой начальник дивизии, а я только начальник штаба дивизии, почему Вы будете спать на кушетке, а я на полу, — сухо, серьезно говорит он.

— Ну нет, Ваше превосходительство!.. Этого совершенно не будет, и не будем об этом говорить. Ложитесь и отдыхайте, Ваше превосходительство, — сказал и повернулся к бурке, уже разостланной на полу.

Генерал быстро схватил меня у локтей и вновь серьезно, безапелляционно повторяет:

— Федор Иванович, Вы этого не сделаете! Вы начальник дивизии, и для престижа Вы должны спать по-человечески, на кушетке!

— Да что Вы, генерал! — вмешивается вдруг неожиданно Надюша. — Федя никогда не ляжет на кушетке!.. И не упрекайте Вы его, Вы ведь старше! — также безапелляционно говорит сестренка, воспитанная в строгости, патриархально.

— Надюша!.. Вы молода и ничего не понимаете! Ваш брат должен спать там! — сказал и указал рукой на кушетку.

Чтобы окончательно урезонить старика генерала, весело-шутливо говорю:

— Ваше превосходительство! Мы обратимся к посреднику вот, к есаулу, нашему начальнику команды связи. (Фамилию его не помню; два брата, офицеры из учителей станицы Ново-Троицкой, давно служили при штабе дивизии.)

Есаул, выше среднего роста и склонный к полноте, при револьвере, кинжале и шашке у пояса поверх гимнастерки, молча слушал наш диалог.

— Как по-Вашему, есаул?.. Кому спать на кушетке? — спрашиваю.

Он по-семейному отставил ногу вперед, склонил голову книзу, правой рукой взялся за ус и медленно, философски произнес:

— Канешна, начальник штаба генерал и старый человек. Все это правда. Но он все же только начальник штаба, а Вы, господин полковник, начальник дивизии, поэтому кушетка на ночь должна принадлежать Вам.

Сказал — и в той же меланхоличной позе остался. Генерал, словно ужаленный, принял положение «смирно» и, обращаясь к есаулу, ответил с таким достоинством и гордостью, которых я от него никак не мог ожидать:

— Я не только что генерал и начальник штаба дивизии!.. А я есть отпрыск старинной рыцарской австрийской фамилии баронов Арпсгофен. И Вы, есаул, — невежа!

Мне стало неловко за есаула, так неумно и грубо обошедшегося со старым генералом.

— Вы, есаул, ничего не понимаете. Идите к себе и оставьте нас с его превосходительством, — говорю ему.

И когда он вышел, я ласково, по-сыновьи, извинился перед ним за неучтивость есаула и просил занять кушетку.

— Федор Иванович, я сказал, кто я. Но Вы для меня всегда начальник дивизии. Вас я также понимаю. И благодарю Вас за это. Но так как вопрос стал на острую точку, пусть на кушетке спит Надюша. А мы с Вами будем спать на полу, — закончил он.

И на кушетке спала Надюша.

Этот случай я привожу для того, чтобы показать тонкость немецкой дисциплины. И только позавчера, когда шрапнельным огнем красные гнали нас в гору, я видел, как этот генерал-старик не отставал от меня с лошадей в поводу, весь мокрый от пота, без фуражки, которую потерял в лесу, но на лице его была улыбка, а не растерянность. И он почему-то прильнул ко мне, когда полковник Жуков дал мне «власть» — пробить дорогу и уйти полкам.

Наутро весь корпус выступает дальше на юг. Позиции занимают пластуны генерала Морозова. Полк уже выстроился, как офицер-ординарец из штаба корпуса привез мне от генерала Науменко записку, в которой сказано, что «вчера ночью казаками 1-го Лабинского полка разграблено и выпито вино у одного грека». Он предлагает уладить этот вопрос по моему личному усмотрению.

Кровь бросилась мне в лицо. Сам Науменко пишет, что «казаки храброго полка ограбили жителя-грека». Это если и не упрек со стороны генерала, то, во всяком случае, неприятность лично для меня. Тут же стоит и хозяин-грек, по-восточному смиренно сложив руки на груди. От него я узнал, что взято три-четыре ведра вина и не уплачено. Скрывать нечего.

Полковой оркестр гремит встречным маршем. Жестом руки останавливаю его, здороваюсь с казаками, густой массой раскинутыми по долине в резервной колонне. В полку было уже до 1 тысячи шашек. И сразу же громко говорю:

— Славный и храбрый 1-й Лабинский полк, который так любят генералы Улагай и Науменко, оказался г р а б и т е л е м! — режу ряды казаков. — И если бы взяли хлеб, зерно — я понимал бы... и не осудил бы... потому что мы голодны! Но взять вино — н е п р о с т и т е л ь н о!.. И я не хочу знать — какая сотня это сделала!.. И весь полк здесь невиновен! Все уплачено будет из полковых сумм. Славный, храбрый полк не должен быть запачкан тремя ведрами вина!

Грек-хозяин долго и молча кланяется, а полк, под звуки хора трубачей, вытягивается в поход.

Генерал Хоранов. Полковое братство

Как красиво Черноморское побережье! Я здесь впервые. Справа — казачье запорожское «Сыне море» (как они называли Черное море). Слева — массивные кряжи, покрытые густым лесом. Шоссе извивается длинной змеей. Полк спускается в широкую долину. Везде видны бывшие биваки прошедших полков. Здесь стоят и еще войска. Наш корпус считается арьберггардным.

Меня вызывает к себе генерал Науменко на дачу-дворец герцога Лейхтенбергского. Дворец стоит в глубине, у самых гор. К нему ведет перпендикулярное шоссе, обсаженное деревьями. Рысью иду туда и на поддороге встречаю Науменко, начальника штаба полковника Егорова и с ними генерала Хоранова, нашего «Кавказского Уджуко» по мирному времени. В чине генерала я вижу его впервые. Соскочив с седла, козыряю генералу Науменко и поздравляю Хоранова.

— За что?.. С чем? — недоуменно спрашивает он.

— Да с чином генерала, Валентин Захарович! — обращаясь к нему, как однополчанин по Мерву.

— А-а, да это было уже давно, — будто нехотя, «по-генеральски», отвечает он, словно и не хочет говорить с «молокососом-полковником».

Я вижу, что он и с генералом Науменко теперь говорит «просто», держа руки за спиной, и глубоко размышляет «о том и о сем». У него на груди почему-то офицерский [Георгиевский] крест IV степени, которого я никогда не видел и не слышал, чтобы он был награжден в Великой войне. Мы-то, офицеры трех Кавказских полков, знаем, кто и какие боевые ордена заслужил!

Генерал Науменко все это заметил. Он улыбается и, подморгнув мне незаметно для других, как бы загадочно говорит:

— А помните станицу Ладожскую?

Я помню ее, и знал от Науменко, что Хоранов там требовал от него представления в чин генерала¹⁸⁸.

4-я Кубанская дивизия генерала Хоранова стоит здесь. Здесь же остановился и штаб корпуса. 2-й Кубанской дивизии приказано пройти в следующее ущелье и там стать биваком. А мне приказано лично проехать в Сочи, «почистить» обозы от казаков всей дивизии. По сведениям — где-то там находятся 1-й и 2-й Кубанские полки и четыре сотни 2-го Лабинского полка. Их надо найти и привести сюда.

Прощаясь с присутствующими, возвращаясь назад к полку и, оглашая широкую долину хором трубачей, иду к перевальчику.

Слева от шоссе биваком стоит какой-то полк. Издали вижу воткнутые в землю сотенные значки с черными конскими хвостами на них. Это стоял Корниловский конный полк. На звуки хора трубачей казаки подошли к шоссе, чтобы послушать музыку и узнать, «какой это полк идет?» — так бывает всегда в частях.

Зная ревность Корниловцев, что их полк самый лучший в Кубанском Войске, посылаю ординарцев, чтобы каждая сотня проходила с песнями. На шоссе уже много офицеров и казаков-корниловцев. Кто-то командует «смирно». Не выдерживаю и громко здороваюсь с бывлым, родным мне полком и потом, подойдя к ним, с седла жму руки офицерам. А 1-й Лабинский полк идет и идет с музыкой, с песнями, и кажется, ему нет конца.

— Да и большой же Ваш полк, господин полковник! — говорит кто-то из офицеров.

— Да, ведь это 1-й Лабинский! — поддеваю их, улыбаясь (Корниловский полк тогда насчитывал около 400 шашек). — А где Жорж? — спрашиваю.

— Он в Сочи поехал обмывать чин есаула, — отвечают.

— Разве?... Произведен в есаулы? — удивленно спрашиваю и в душе рад за брата, младшего меня на 4 года.

— Так это же Корниловский полк! — острит кто-то, вторя моей шутке.

— Знаю, знаю, — поощряю их, и мы все весело улыбаемся, понимая, что каждый любит свой полк и гордится им.

Отказырнув храбрым соратникам и повернув круто кобылицу, поскакал в голову колонны Лабинцев.

В Сочи. Войсковой старшина Баранов

Полк расположился биваком в каком-то ущелье. 28 марта, рано утром, я выехал в Сочи «собрать дивизию». По птичьему полету до него 50 верст, а по змеинообразному шоссе гораздо дальше. Верхом идти долго и утомительно. Ординарцы где-то достали двухместный экипажик «в дугу» на резиновых шинах, и я решил ехать в нем. В Сочи находился и наш старший брат Андрей, войсковой старшина 1-го Кавказского полка. Надюше очень хотелось повидаться с ним, и я взял ее с собой. За начальника дивизии оставил генерала Арпсгофена, а полком назначил командовать полковника Булавинова.

Приятно гарцевать в седле перед полком, но в тот день, когда я выехал в экипажике на резиновых шинах «дуга с пристяжною», окунувшись в мягкое сиденье, беззаботно преданный своим мыслям, а порою совершенно ни о чем не думая, я получил новое и неведомое мне удовольствие — удовольствие «свободы», удовольствие существа, не думавшего ни о себе, ни о казаках, ни о лошадях, которые голодают ежедневно.

К вечеру прибыли в Сочи. Следую в комендантское управление, чтобы получить комнату в гостинице, так как город переполнен. Комендантом города был генерал Косякин, соратник Шкуро, после которого, под Воронежем, я принял в командование 2-й Хоперский полк. Комната дана незамедлительно.

Умывшись, отправился искать исчезнувшие полки. Они оказались за городом.

— Почему вы здесь? — спрашиваю командиров полков А.И. Кравченко и И.В. Гетманова.

Они не оправдываются, а возмущаются — как полковник Жуков мог допустить такую западню своей дивизии 25 марта! Они, невольно оторвавшись в лесу от дивизии, всю ночь шли куда-то на юго-запад, пока не дошли до моря, и село Лазаревское, как оказалось, осталось позади

них. Думая, что и остальные полки пробиваются так же, двинулись дальше и на второй день прибыли в Сочи. Но дивизии здесь не нашли и ждут ее.

Их оправдание было больше чем наивное. Они просят дать отдых полкам на 3 дня и тогда вернутся на фронт, к дивизии.

Телефонограммой все сообщаю генералу Науменко, получаю удовлетворительный ответ и оставляю своих друзей-полковников «отдыхать».

Нахожу свой обоз 2-го разряда, который вижу впервые. Им командует войсковой старшина А.К. Баранов — старый Лабинец, отличный офицер. С ним я был знаком по Турции, но с тех пор не видел.

Здесь интересно привести мнение о нем Бабиева, когда он был командиром Корниловского полка, рассказывая мне на досуге о бывших временах его 1-го Лабинского полка: «Лука (так называли его в полку) — отличный офицер. Окончил взводным портупей-юнкером Елисаветградское кавалерийское училище в 1911 году и прибыл в наш полк. Перед войной 1-й Лабинский полк был в Персии, ведя вооруженную борьбу против курдов племени шаксевен, восставших против своего Шаха¹⁸⁹. За бои, Лука был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом, что в мирное время считалось исключительно высокой наградой, — и добавил: — Даже я не получил такого ордена».

«Но вот настала война 14-го года, и Лука не только что «отвинтил» все свои гайки, но и разбросал их, став полковым казначеем¹⁹⁰. А ведь какой отличный офицер» — закончил он.

Лука Баранов — высокий, стройный, рыжий, лицо с веснушками. Веселые, умные, чуть смешливые глаза. При этой встрече мы вспомнили старый их полк по Турции. Вспомнили и многих офицеров — Рафаловича, Абашкина, Венкова и других. Остановились и на Коле Бабиеве, тогда только сотнике, а теперь генерал-лейтенанте ровно через 5 лет.

После отступления от Оскола 2-го Кубанского корпуса 2-я дивизия, в январе 1920 года, пополнялась в своем Лабинском отделе. Обоз оставался до конца там и отошел на Черноморское побережье самостоятельно. Умный Баранов все предусмотрел, и у него есть запасы муки и другого провианта. Меня это очень порадовало.

Я прошу его не держать при обозе лишних казаков и направлять их в полк. Он улыбается и даже повел рукой в воздухе, отвечая:

— Ни-ни, господин полковник! И не беспокойтесь об этом. Я-то знаю казаков! Я им просто не выдаю пищи. И кормлю лишь тех, кто у дела при обозе.

И действительно — обоз был короток казаками. Заботливый Баранов, получая, где только возможно, продукты, довольно прилично по тем временам снабжал ими свой полк, стоявший на фронте.

Опять в своем полку. Войсковой старшина Ткаченко

Из Сочи даю телефонограмму в полк о часе своего прибытия. На усталых своих кобылах «дуга с пристяжной» въехал в полковое ущелье, когда начинало темнеть. Вдоль линии сотенных биваков горели костры высоко пламенем вверх. Они горели так потому, что сухие поленья были поставлены пирамидально, почему пламя вилось к небу.

«Что такое?» — думаю. Вижу — казаки быстро бегут и строятся в резервную колонну. Из палаток выскакивают офицеры, бегут к своим сотням, на ходу пристегивая оружие. Войсковой старшина Ткаченко очень активно распоряжается. Бежит на мой фланг хор трубачей. Потом я слышу громкую команду:

— 1-й Лабинский полк СМИ-ИР-НО-О! ГОС-СПОДА ОФ-ФИЦЕ-ЕРЫ-Ы!.. — И хор трубачей грянул «Встречный полковой марш».

Ткаченко, в гимнастерке и при полном оружии, скорым шагом идет в мою сторону. Я останавливаю усталых лошадей, выскакиваю из своего дачного фэзтончика, быстро направляюсь к нему, тревожно думая: «Уж не случилось ли что в полку неприятного?»

Ткаченко, по всем правилам уставного параграфа, останавливается в 6 шагах и рапортует:

— Господин полковник, в 1-м Лабинском генерала Засса полку...

Я слушаю рапорт, смотрю на него удивленно-тревожно, думая, что вот-вот он скажет что-то ужасное, случившееся в полку за время моего отсутствия. Но он лаконично, отчетливо закончил:

— ...происшествий не случилось.

Я легко вздохнул, даю ему руку, не сводя с него глаз, и спрашиваю:

— Что это за церемония?.. Почему?

— Так решили господа офицеры, — отвечает он и улыбается в свои умные серые глаза.

— А где же полковник Булавинов? — спрашиваю.

— Занездоровил, — отвечает.

Я все понял и, улыбаясь, говорю:

— Это Ваша фантазия, зачем это?

— Никак нет, господин полковник. Это хотели все офицеры.

Но я-то знаю, что это не так! Он отличный офицер. Все годы Гражданской войны провел в должности командира сотни Войскового учебного конного дивизиона и любит военную службу, со всеми ее артикулами.

Церемонию не отменишь. Полк стоит в положении «смирно». Оркестр уже в третий раз повторяет «Встречный марш». Надо здороваться с полком и что-то ему сказать, и сказать хорошее, бодрящее, потому

что в те дни многие уже не хотели воевать. А 1-й Лабинский полк оставался до конца вполне боеспособным.

На мое приветствие полк ответил бравурно. Поблагодарив за порядок на биваке, где было, действительно, все выметено и вычищено, я их порадовал, что в Сочи жизнь бьет ключом и наша дивизия скоро усилится прибытием 1-го и 2-го Кубанских полков. Это были простые слова, но их надо было сказать — иначе казакам было бы скучно.

Господ офицеров, оказывается, ждал общий ужин. Достали где-то барашка и приготовили шашлык. Все это была работа моего второго помощника, войскового старшины Ткаченко. За ужином я заметил, что он, словно еще «глава полка», очень цукательно распоряжался офицерами. А сотник Косульников, сослуживец по Турецкому фронту и теперь мой полковой адъютант, с кем я был в очень доверительных взаимоотношениях, потом сказал:

— За четыре дня Вашего отсутствия, Федор Иванович, он нацужал нас всех.

Ткаченко был отличный офицер. Умный, гордый, хорошо воспитанный и воински, и светски. И он останется с полком при капитуляции Кубанской армии, чтобы разделить всю горечь поражения со своими казаками.

ТЕТРАДЬ СЕДЬМАЯ

Поощрение от Атамана Букретова. В 1-м Черноморском полку

Еще до оставления Гойтхского перевала получена циркулярная телефограмма от командира корпуса генерала Науменко следующего содержания: «В полках — представить для производства в первый офицерский чин хорунжего достойных подхорунжих, вахмистров и урядников, не стесняясь в количестве, приблизительно 10—15 человек на полк».

Такая щедрость меня удивила. Собрав своих помощников и командиров сотен — прочитал телефограмму и запросил их:

— Есть ли подходящие урядники для получения офицерского чина?

Все командиры сотен сами из бывших урядников. Они замялись и докладывают, что все урядники отличные боевые начальники, но для производства их в офицеры — не знают, как быть. Да и до производства ли теперь, в такое время?..

Явился к генералу Науменко и доложил и свое мнение, и сотенных командиров.

— Атаман Букретов после соединения со своими корпусами, чтобы завоевать симпатии армии, решил сделать этот щедрый жест. Его поддерживали командиры корпусов, вот почему и сделано такое распоряжение, — услышал я от генерала Науменко. — Ваш 1-й Лабинский полк самый сильный в корпусе, и Вы, Елисеев, можете представить 20—25 человек, — закончил он.

Вновь собрал сотенных командиров, и совместно едва набрали по два урядника от каждой сотни и пулеметной команды. Представлен был в хорунжие знаменный урядник и из команды ординарцев подхорунжий Трофим Науменко¹⁹¹, «мой учебнянин». Последний дорого заплатит при допросе красными за этот свой офицерский чин.

Вернувшись из Сочи «после сбора полков дивизии», на второй день являюсь к командиру корпуса с докладом — «что мною сделано». Науменко до сих пор не успокоился по адресу полковника С.С. Жукова и досадливо говорит:

— Ну и шляпа же этот Жуков!.. Так в один бой растрепать дивизию!

Я с ним был вполне согласен. Он приглашает меня проехать в 1-й Черноморский полк.

— Вы знаете — я назначил командиром этого полка Вашего друга, полковника Тарарыкина. Он, правда, из урядников, но на меня произвел хорошее впечатление, — добавляет.

Мы в Черноморском полку. «Мой Ван» (как я его всегда называл) — в коричневой бикирке, подтянут. Он в чевяках, при дорогом кавказском оружии, с офицерским Георгиевским крестом на груди и с Георгиевским темляком на эфесе шашки. Весь его внешний вид очень импозантный. Блондин, чисто выбрит и без усов — он выглядел молодо. Тогда ему было около 30 лет от роду.

Его полковой бивак вычищен и выметен. Науменко, внимательно рассматривая все, говорит мне, идущему с ним рядом:

— Смотрите, Елисеев, как Тарарыкин навел порядок. Не то что эта старая шляпа полковник Кононенко!¹⁹² (Кононенко старый офицер 1-го Екатеринодарского полка. В 1910 году он был в чине подьесаула.)

Нас здесь, в полку Тарарыкина, при генерале Науменко, человек десять старших офицеров всего корпуса. С нами и генерал Хоранов, который очень много говорит и совершенно «своеволен» со своим командиром корпуса, так как они равные в чине — оба генерал-майоры. Но полковник Тарарыкин держится в стороне от нас, словно боясь вступить в общий разговор. Науменко призывает его к себе и весело, чуть с упреком или с удивлением, говорит:

— Что Вы прячетесь, полковник?.. Я осматриваю расположение Вашего полка, а Вы где-то там позади стоите!

«Мой Ваню» выдвигается вперед. Он стоит перед Науменко, держа руки «по швам», и на все вопросы генерала отвечает только лаконично: «Никак нет, Ваше превосходительство», «Так точно, Ваше превосходительство».

Видя и слыша это, я сразу же определил, что Ваню находится «не в своей тарелке». Вижу, что и генерал Науменко как-то этим недоволен, так как перед ним стоял не командир полка, который может и должен доложить, и рассказать, и доказать что надо, а стоял очень хороший, расторопный и исполнительный урядник.

Осмотр расположения полка окончен. Ваню отзывает меня в сторону и спрашивает — сколько урядников от 1-го Лабинского полка я представил для производства в офицеры? И, услышав цифру 16, удивился. И запальчиво произнес:

— А я нарочно их «напек» много!.. По крайней мере, они будут меня слушаться!.. Я им дал офицерский чин, поставил на должности офицеров и требую от них службы и исполнения моих приказаний «как от урядников». К тому же они не будут думать о мире с красными, так как теперь и они офицеры, — добавил он и тут же некрасиво выругался по-солдатски.

Такое рассуждение, а в особенности «о мире», меня удивило. «Чтобы они не думали о мире», — такую фразу произнес и генерал Науменко, когда я заметил ему «о ненужной щедрости Атамана Букретова».

Думаю, тогда Атаманом Букретовым в Кубанской армии было произведено в чин хорунжего до 500 урядников, беря во внимание все роды оружия. Но не пройдет и одного месяца как все эти новые офицеры в составе Кубанской армии будут оставлены на Черноморском побережье теми старшими начальниками, кто их представлял в офицеры, и самим Атаманом Букретовым.

И никто из этих новых офицеров в 1-м Лабинском полку не надел офицерских погон, так как их не было, как и жили они вместе со своими взводами казаков, коими командовали раньше, будучи урядниками. Мы все были ободраны в обмундировании, и им было «не до офицерских погон» тогда. Поплатятся потом они перед красными за свой офицерский чин.

Войсковой старшина Логвинов. Обед с дамой

После осмотра 1-го Черноморского полка генерал Науменко, обращая ко мне, вдруг говорит, глядя на меня испытывающе:

— Полковник, я хочу Вам дать в 1-й Лабинский полк еще одного штаб-офицера.

— Кто он таков? — спрашиваю.

— Войсковой старшина Логвинов¹⁹³, — отвечает, остро смотря мне в глаза. — Он из моего штаба, как штаб-офицеру ему теперь в штабе делать нечего.

— Нет, не надо, Ваше превосходительство. Вы разве забыли его случай со мной в Филипповском хуторе? — докладываю.

— Нет, не забыл. Но он ведь извинился перед Вами! — говорит Науменко. — Право, он хороший офицер. Он тяжело ранен в голову, а если на него иногда «что находит», то Вы сумеете его остановить. К тому же он сам хочет к Вам, в 1-й Лабинский полк, — уговаривает он меня.

Я уважал генерала Науменко, не хотел его огорчать и согласился.

Логвинов — бывший кадет, окончил сотню Николаевского кавалерийского училища в Петербурге в июле 1914 года, то есть накануне войны. О нем я слышал еще в своем 1-м Кавказском полку в Турции от его сверстников, что он был тяжело ранен в голову и у него иногда случается «заскок», несдержанность. Было же дело так.

В Филипповском хуторе я прибыл в штаб корпуса по делам службы и в передней комнате вижу его, в чине есаула. На мое обращение доложить генералу Науменко он, не встав со стула, небрежно бросил мне:

— Генерал занят.

— Я Вас прошу, есаул, доложить командиру корпуса обо мне, и потом, когда к Вам обращается штаб-офицер, надо встать, — говорю ему.

— Ну-у, вас много таких будет! — вдруг отвечает он, продолжая сидеть на стуле.

— Что Вы сказали?! Да встать! — крикнул я на него.

Он встал нехотя и не принял положенную военную стойку. Быстро открылась дверь, и в ней показался генерал Науменко, удивленно спрашивая меня:

— Что случилось, Елисеев?

Я доложил: «что, именно, случилось».

Науменко горячо «напустился» на Логвинова. Тот немедленно же «вытянулся смирно». Генерал заметил, что его обязанность состоит именно в том, чтобы исполнять разные поручения.

— Пришел начальник дивизии по службе, он в чине полковника, и Вы так ему ответили?! — очень строго, внушительно, ясно, коротко и определенно подчеркнул ему генерал Науменко и заставил тут же извиниться передо мною.

Логвинов был смущен, извинился. И теперь, месяц спустя, дает его в мой полк. И только из чувства уважения к генералу Науменко я согласился на это.

Логвинов представился мне хорошо. Еще раз извинился и добавил, что это у него — «как результат тяжелого ранения в голову» и что он иногда говорит то, что и сам не знает.

Я обласкал его и назначил командиром 1-й сотни. О Логвинове я написал потому, что при гибели Кубанской армии он совершит один положительный поступок и останется с казаками.

Штаб корпуса проходит нашу дивизию. Науменко заехал ко мне. Я предлагаю ему пообедать у нас, «чем Бог послал». Он согласился.

Надюша — моя хозяйка. Женской рукой она сервировала «что могла». Науменко шутит с ней и называет ее «казачонком». Надюша с бритой головой, в бешмете, в ноговицах. Казачок, да и все. Да и сама хочет быть «казакom».

Она без конца щебечет, накрывая стол, и, закончив, произносит:

— Федя, можно садиться.

Мы подходим к столу. Науменко идет к председательскому стулу и берет его за спинку, чтобы сесть.

— Нет, генерал, это мое место хозяйюшки, а Ваше — рядом со мною, — вдруг говорит она так смело.

Науменко немного опешил. Да опешил и я. 17-летняя барышня в штабе дивизии — и «хозяйюшка»? Я немного смущен, но Науменко быстро «находится»:

— Ах ты, постреленок! — отвечает он и тут же ушипнул ее за щеку.

Надюша краснеет, бьет его по руке и теперь уже активно просит его занять место рядом с нею, правее. Мы все смеемся и соглашаемся. Я сажусь левее ее. Наши начальники штабов меняются местами: полковник Егоров рядом со мной, а генерал Арпсгофен — рядом с Науменко.

— Мы обедаем с дамой, — любезно острит старик Арпсгофен и тут же «жалуется» Науменко, что «Надюша заставляет его бриться ежедневно».

— Ах, неправда!.. Неправда, генерал, — пищит она. — Я Вам никогда этого не говорила, — оправдывается.

— Ну конечно, Надюша, Вы мне этого никогда не говорили, но не могу же я, кавалер, показываться перед дамой небритым. Вот и приходится напрягаться каждый день, — шутит он.

Две дивизии — в одну. Генерал Бабиев

Оказалось, что генерал Науменко заехал в штаб нашей дивизии не просто так. После обеда, когда все офицеры удалились, он говорит мне и генералу Арпсгофену:

— Ввиду малочисленности 3-й Кубанской казачьей дивизии генерала Бабиева предполагается свести вместе 2-ю и 3-ю дивизии. Но номер дивизии, из уважения к генералу Улагаю, как к его детищу, останется «второй». Третья дивизия — совершенно упразднится. Как старший в чине, в командование дивизией должен вступить генерал Бабиев.

— Вы ничего не имеете против этого, полковник Елисеев? — вдруг обращается он ко мне.

— Ваше превосходительство, это вполне нормально, — отвечаю ему искренне.

— Еще один вопрос, — обращается он к генералу Арпсгофену. — Генерал Бабиев хочет сохранить свой штаб дивизии, а штаб 2-й дивизии — расформировать. Я знаю, что это Вам будет очень неприятно, но — так хочет генерал Бабиев, — закончил он.

Я видел, как все это было неприятно моему милому старику генералу, но я отлично понял, что иначе и быть не может. Для властного и порою своевольного генерала Бабиева скромный, серьезный и благородный генерал Арпсгофен был совершенно неподходящ. Это, конечно, знал и сам Науменко. Все это как бы только предполагалось, но нельзя было не увидеть, что все уже предрешено, сговорено заранее с Бабиевым. У него остались в дивизии только два полка — Корниловский и 2-й Сводно-Кубанский, и оба были малочисленны.

Полки Хоперской бригады, входившие в состав 3-й дивизии, давно отозваны генералом Шкуро к себе, к Сочи, как главные и верные его соратники еще по 1918 году.

Астраханская казачья дивизия, отходившая по Ставрополью к Кубани, была временно подчинена Бабиеву. Старший офицер этой дивизии писал мне, что она состояла из двух полков астраханских казаков, двух полков калмыков и двух полков туркмен Астраханской губернии. Почти все четыре последних полка разошлись при отступлении по своим кочевьям. На Черноморском побережье остатки дивизии образовали с остатками Терской дивизии Терско-Астраханскую казачью бригаду и были оттянуты в тыл. До хутора Веселого, что южнее Адлера, дошли только две сотни астраханских казаков. Там они оставили своих лошадей с седлами и переправились в Крым. На острове Лемнос они составили Терско-Астраханский полк. Вот почему так уменьшилась 3-я Кубанская дивизия генерала Бабиева.

На предложение генерала Науменко тактичный и скромный 65-летний генерал Арпсгофен, не вдаваясь в рассуждения, со смущенным лицом став «смирно», произнес:

— Слушаюсь, куда прикажете мне ехать?

— Вы отправитесь в Войсковой штаб, а там Вас, может быть, перешлют в распоряжение ставки в Крым, как офицера Генерального штаба, на соответствующую должность, — ответил ему Науменко.

Генерал Арпсгофен сразу же понял, что пришел конец его военной службы.

— Все окончено, Федор Иванович. Я выеду в Австрию к своей сестре и займусь у нее хозяйством, — сказал он мне потом, когда генерал Науменко со своим штабом оставил нас.

Мне было очень жаль этого приятного и почтенного старого генерала, еще так бодрого физически и со свежеею головою¹⁹⁴.

Своим штабом 3-й дивизии генерал Бабиев занимал какую-то дачу-дворец. Войсковой старшина Ткаченко, мой помощник, спросил разрешения проехать к нему — повидаться со своим двоюродным братом. Вечером он вернулся и сообщил, что сегодня состоится у Бабиева кутеж с корниловцами и он прибыл за мной, по приглашению Коли Бабиева, как он его называл, будучи родственником.

Его штаб стоял в 5 верстах от штаба нашей дивизии. Проехать туда было быстро и легко, но я не хотел встречаться с Бабиевым в кутеже, да еще с офицерами Корниловского полка. Со стороны последних получилась бы двойственность к своим двум старым командирам, чего я не хотел, зная властность Бабиева.

Спросив разрешение, Ткаченко сообщил Бабиеву о моем отказе. Последний тут же вызвал меня к телефону.

— Это Вы, Джембулат? — слышу я так знакомый мне, с хрипотцой, голос, уже «веселый».

— Да, я полковник Елисеев, — отвечаю, как равный в должности.

— На хабар (что нового)? — как всегда, запрашивает он меня по-татарски.

— Хабар йок (новостей нет)! — отвечаю ему взаимно.

После этих незначительных слов я почувствовал, что он очень хочет меня видеть.

— Отчего Вы не хотите приехать ко мне?.. Со мною Корниловцы, у нас весело! Право — я очень хочу Вас видеть у себя и, конечно, кунаком. Вспомним старину.

Последние его слова — «конечно, кунаком и вспомним старину» — меня соблазнительно подкупили. Эта «старина» началась в январе 1915 года в Турции, когда он был сотником, а я хорунжим, и продолжалась до мая 1919 года, когда он уволил меня от командования Корниловским конным полком на Маныче и удалил конспиративным порядком. Теперь он явно сознал, что тогда был не прав.

У меня иногда проявляется гордость, переходящая в упрямство. Он приглашал меня очень тепло, и, конечно, надо было проехать к нему. К тому же, ежели бы я знал, что совершаются «наши последние дни» Славы и бытия Казачьего, поехать было надо.

В телефон слышу шумные голоса офицеров и звуки хора трубачей, из чего заключил, что там веселье в полном разгаре. Как гостя, знаю, заставят «догнать» их в веселии, чего я не любил, почему решительно отклонил приглашение. Тогда Бабиев переходит на другую тему:

— Известно Вам, Джембулат, что наши дивизии сводятся в одну... и я предназначен быть ее начальником?

Я не скрываю этого, отвечаю, что только сегодня услышал подобное от генерала Науменко. Поздравляю его и говорю, что Лабинская бригада, свыше 1500 шашек, будет рада служить под начальством своего коренного Лабинца, хорошо им известного.

Бабиев отвечает, что он и сам рад этому, и спрашивает моего согласия быть командиром Лабинской бригады, приказ о чем он отдаст немедленно.

Бесцветная должность командира бригады в дивизии была мне известна еще по Турции и по Манычу 1919 года. В Турции командир нашей 1-й бригады 5-й Кавказской казачьей дивизии¹⁹⁵, генерал Иван Никифорович Колесников¹⁹⁶, не имел даже и адъютанта. То же было и у полковника Василия Кузьмича Венкова в дивизии Бабиева. И расстаться с живым 1-м Лабинским полком, в котором свыше 1 тысячи шашек при 26 пулеметах, добытых в боях, расстаться с офицерами, с которыми так сжился?!. Нет и нет! — решительно ответил ему.

Дня через два образовалась сильная 2-я Кубанская казачья дивизия, имеющая в своих рядах шесть полков и две батареи. Вот ее состав:

- 1-й Лабинский полк полковника Ф. Елисеева,
- 2-й Лабинский полк полковника А. Кротова,
- 1-й Кубанский полк полковника А. Кравченко,
- 2-й Кубанский полк полковника И. Гетманова,
- Корниловский конный полк войскового старшины В. Безладнова,
- 2-й Сводно-Кубанский полк полковника И. Лиманского,
- 2-я и 5-я Кубанские конные батареи (фамилии командиров не помню). Это произошло около десятых чисел апреля месяца. Я радовался этому. Во-первых, получилась очень сильная дивизия, а во-вторых, была вера в Бабиева, по-прежнему воинственно настроенного, выдающегося боевого генерала Кубанского Войска.

Я думал, что теперь мы перейдем в наступление. А зачем — и сам не знал. Ну, хотя бы для того, чтобы воевать!.. Так как война хороша тогда, когда наступаем.

В эти дни в 1-й Лабинский полк влился дивизион Лабинцев войскового старшины Козликаина, около 250 коней. В полку стало 1300 шашек. Сила!

О Козликаине я слышал от Лабинцев «целые чудеса» о его храбрости и ненависти к красным, которые погубили его семью. Он мстил им, став героем, почти легендой среди Лабинцев. Передо мной представился теперь пожилой штаб-офицер, довольно крупного роста, отяжелевший от всего пережитого, с длинными усами вниз, морщинистый и говоривший тонким голосом. Докладывал о себе, о своем дивизионе очень почтительно, часто титулуя меня по чину. И ничего «жестокого» я не нашел в нем — ни в его фигуре, ни в голосе, ни в глазах, ни в разговоре. Он устал. И просился отдохнуть в обозе. Я отпустил его. Он был из заслуженных урядников Великой войны 1914 года.

Награждения в полку

Мы идем в Грузию. Этот вопрос был ясен для всех. Там будет отдых, переформирование нашей Кубанской армии и — вновь поход на Кубань.

В обновленной дивизии у Бабиева лучшим, главным и любимым полком остается, конечно, Корниловский. Его офицерская семья сильнее Лабинского полка, это я знал отлично. Но 1-й Лабинский полк несравненно сильнее Корниловского и по численности, и по однородности казаков и офицеров. И я не хотел, чтобы наш заслуженно храбрый полк был бы в дивизии и в глазах Бабиева «вторым» по качеству.

Власть каждого командира очень велика в своем полку. И от командира полка зависит качество самого полка. Зная все это по опыту еще с чина хорунжего, будучи полковым адъютантом у командиров разных духовных и боевых качеств, я собрал всех офицеров полка и сказал им следующее:

— Мы идем в Грузию. Там будет переформирование нашей Кубанской армии. Нам надо отремонтировать полк. Я хочу командировать в Кутаис полковника Булавинова с достаточным авансом, чтобы закупить сукна для черкесок казакам на весь полк, которые пошьются уже в полковой мастерской. Надо экипировать полк, как было в мирное время. Офицеры получают черкески также от полка, бесплатно. Наш 1-й Лабинский полк должен быть лучшим в дивизии, каков он уже и есть! — закончил им.

Все офицеры были в восторге от этого плана. Подхватив мою мысль, они высказали желание иметь по две черкески — черную парадную

и серую выходную — с соответствующими бешметами для них. Конечно — черные каракулевые папахи. Офицеры отказались получить черкески от полка, решив справить все на свои деньги. Началась запись у Булавинова — кому что заказать, приобрести. Тут же вносились деньги.

С переходом за Кубань мы не получали жалованья, а жили на авансы из полковых сумм. Когда я командовал дивизией, то обратился к командиру корпуса генералу Науменко — почему нет жалованья полкам? И он сообщил мне: военный чиновник, корпусной казначей, был командирован в Екатеринодар за деньгами. Получив их, возвращался в корпус, который был уже за Кубанью, где и попал в руки «зеленых» со всеми деньгами. В общем — в корпус он не вернулся. Деньги пропали.

Вследствие этого некоторые из офицеров не имели денег, а их командир полка в особенности. И как я был удивлен, когда офицеры внесли Булавинову из собственных сбережений около 500 тысяч рублей «керенками» и даже царских.

Мой экипаж пропал со всеми вещами. Я был «тол, как сокол». Вновь взял аванс и внес его Булавинову для личного своего обмундирования и, конечно, для Надюши.

Для обмундирования казаков выписал из полковых сумм 1 миллион рублей Донского казначейства. Весь полк ликовал.

Как беда, так и радость иногда приходят своей чередой. К этим дням в полку получен был приказ по Кубанской армии о производстве в следующие чины — за выслугу лет и за боевые отличия. Произведены:

1. Войсковой старшина Ткаченко — в полковники; 2. Есаул Сахно — в войсковые старшины; 3. Сотник Луценко — в есаулы; 4. Сотник Щепетной — в есаулы; 5. Сотник Козлов — в есаулы; 6. Хорунжий Меремьянин 1-й, раненый, эвакуирован в Крым — в сотники; 7. Хорунжий Косильников — в сотники; 8. Хорунжий Конорез — в сотники; 9. Хорунжий Копанев — в сотники. Остальных не помню.

В тот же день от генерала Науменко получено несколько десятков Георгиевских крестов и Георгиевских медалей для казаков, за бои у Садовой и у Кривянки. Вновь собрал своих помощников и командиров сотен, чтобы поведать им новую радость и к вечеру представить мне наградные списки на казаков, когда и будут розданы награды.

Офицеры разошлись. Но вскоре возвращается полковник Ткаченко и официально докладывает, что «господа офицеры полка просят наградить Георгиевской медалью IV степени с надписью «За храбрость» казака Надю».

Я принял это «за несерьезный доклад» своего активного помощника и отказал. Но не таков был Ткаченко — умный, настойчивый, принципиальный.

Стоя в положении «смирно», чем хотел еще острее подчеркнуть мне, что доклад его от лица офицеров полка есть строго официальный и продуманный, он внушает мне, что «Надя со станицы Кавказской находится все время с полком в строю, верхом на лошади она совершила поход. Надя ведь девочка, она несет столько лишений и всегда так весела и приветлива, что буквально бодрит нас всех».

Ткаченко сказал истинную правду. Но я ему ответил, что «казаки целых два года воюют, несут лишения, каждый из них достоин награды, и я не могу лишить казака медали, дав ее родной сестренке». Сказал и отпустил своего достойного и гордого помощника.

Удивленный Ткаченко ушел. А вечером, когда полк выстроился в пешем строю для получения наград, я увидел всех офицеров у порога своей квартиры. Полковник Ткаченко вновь доложил мне от лица «всех офицеров», которые шумно произнесли лишь одно слово: «Прос-сим!»

Моя щепетильность иногда идет мне во вред. В данном случае я еще более «закусился». Просили бы они за другое лицо — я согласился бы, но они просят за мою родную сестренку!.. И я, соблюдая честность души «не радеть родному человечку», наотрез отказал своим храбрым соратникам.

Надюша, стоя тут же, склонив свою голову, грустно слушала мои слова; она знала, что в нашей семье слова старшего брата — закон для младших.

Ткаченко, всегда правдиво резкий, как старший меня в годах и по производству в офицеры, даже пристыдил меня за несправедливость к сестренке, круто повернулся кругом, махнул рукой и пошел к строю полка. Спокойный полковник Булавинов удивленно сказал:

— И к чему эта щепетильность, Федор Иванович? Не понимаю я Вас. — И отошел.

Это была моя первая и единственная несправедливость к Надюше. Свою эту несправедливость к ней, что не наградил Георгиевской медалью, я понял только много лет спустя, когда Надюша была уже мертва. И понял за границей, насмотревшись «на человеческую правду», которая, в большинстве, бывает «кривда».

В помощь Булавинову был назначен сотник Михаил Копанев. Они выехали с крупным авансом на второй день. Все это оказалось впустую. За границей, в Париже, в 1925 году я встретил только Копанева. Булавинов с авансом остался в Тифлисе, который был занят красными советскими войсками в феврале 1921 года.

Черкесская земля. «Именные» пулеметы

Полку приказано отступить еще, к разъезду Головинка, что на речке Шахэ. На деревянном мосту через нее, на перилах, сидят два красивых, стройных молодых черкеса, интеллигентного вида. Они в бешметах и при дорогих кинжалах.

— Кто вы? — спрашиваю.

— Всадники Черкесской конной дивизии, — отвечают совершенно запросто, без всякой субординации, достойно, но вежливо и добавляют, что они «в гостях в черкесском ауле».

— Как?... Разве здесь есть черкесские аулы? — удивленно спрашиваю их.

— А как же!.. Ведь это когда-то весь район был наш, черкесский, — отвечают они.

Из их ответа я понял, что сделал «гафу» и задел их национальное чувство. Мы ведь всегда думали, что Россия от Ледовитого океана и до Турции есть «русская земля». А Черноморское побережье — это курортное место богатых москвичей и петербуржцев.

Я не расспрашивал их дальше и с полком сворачиваю влево, вхожу в ущелье и лес и двигаюсь к строениям на пригорке. Сотни длинно тянутся позади.

Командую голове колонны: «Стоить!.. Слеза-ай!» — и указываю место для бивака полка. Долина сразу же заполнилась многочисленными сотнями казаков и лошадей. Застучали топоры, повалились некоторые деревья, давая место биваку. Все шумно заговорило кругом жизнью появившейся строевой конной части.

Расположив полк биваком, еду верхом к строениям на возвышенности. Их пять-шесть. Какой-то тип с восточным лицом, бедно одетый, в соломенной шляпе, приложив руку к груди, низко, подобострастно кланяется мне.

— Грек? — спрашиваю.

— Чаркесс чаркесс! Эта наш аул, бедни аул, польшевик все забрал и гытты на гора (ушел в горы), — говорит он и бросил рукою жест к горам, куда, дескать, ушли большевики, забрав их добро.

Черкес отводит мне лучший домик. В нем деревянный пол и никакой обстановки. Я иду осмотреть другие домики. Черкес следует испуганно за мной.

— Там марушка (ударение на последнее «а»), нэльзэ, закон нэ позволяет, — говорит он.

— Не бойся, я только посмотрю, — успокаиваю его.

В комнате, на полу, сидят до десятка женщин разных возрастов с детьми, и ничего нет в них «черкесского». С ними старик черкес в соломенной шляпе, в опорках, в мужичьих штанах и в какой-то куртке. Он одет так же, как и мой проводник, лет тридцати пяти черкес.

— Мой отца, — поясняет проводник.

Я в разочаровании от этого черкесского аула, от самих черкесов и черкешенок, которые совершенно омужичились и нисколько не походили на наших кубанских молодецких черкесов и красавиц черкешенок.

На другой стороне каменистой, бурной реки Шахэ, довольно широкой, может быть шагов в двести стоит «настоящий аул», как пояснил мне хозяин-черкес. Наш берег крутой, в лесных зарослях, а тот — пологий, ровный, с плоской долиной. Здесь будет стоять целая бригада казаков — 1-й Лабинский полк и Корниловский конный под моим командованием. Все войска отходят за эту «главную реку», которую надо защищать «во что бы то ни стало», так как дальше хороших позиций нет.

Мы рады, что Сочи не так далеко, около 50 верст. За Сочи «городишко Адлер», а за ним и «обетованная наша земля, Грузия», где нас ждет покой, заслуженный отдых и переформирование.

В кустах пригорка расставлены на позициях пулеметы есаула Сапунова. Они скрыты. Позиция наша неприступна.

Наш полк растет. Пополнения к нам идут из тыла, из обозов беженцев. А посмотреть на пулеметы есаула Сапунова! Все 26 пулеметов имеют свои «наименования». Они написаны белой краской на щите каждого пулемета, обращенного к противнику. Вот некоторые из них: «Бей жида Троцкого!», «По Ленину — огонь!», «Лосев № 1-й», «Не отступать!», «Славный Лабинец», «Храбрый Лабинец», «Есаул Сапунов». Других не помню.

Увидев все это, сделанное секретно, я улыбнулся. Казаки со всех пулеметных линеек смотрят на меня, следят за выражением моего лица, стараются узнать — нравится ли это самому командиру полка? Они боялись — как бы я все это «не забраковал».

«Пусть будет так», — подумал я, если это идет на пользу воинского воодушевления. Я этому только рад.

Есаул Сапунов просил от своей выдумки. Он мнетя. Он хочет что-то сказать мне. А потом, взяв руку под козырек, спрашивает:

— Позвольте, господин полковник, один пулемет назвать «Полковник Елисеев»?

Я ему, конечно, не позволил. Но в такой простоте сколько было души, веры, надежды. А в ставке главнокомандующего в Крыму писали, что «Кубанская Армия развалилась».

Корниловцы и Лабинцы. Визит генералов

С Корниловцами на аррьергардной позиции мы живем очень дружно. Я часто бываю у них. Иногда там и обедаю. И мы часто поем наши старые полковые песни. Корниловцы отлично пели.

Там у меня все старые соратники по 1918—1919 годам: Безладнов, Трубачев¹⁹⁷, Литвиненко, Марков¹⁹⁸, Мартыненко¹⁹⁹, Козлов-старший²⁰⁰, Друшляков²⁰¹, Лебедев²⁰², Кононенко²⁰³, Ростовцев. Все они в чине войскового старшины. А вот есаулы: Тюнин²⁰⁴, Носенко²⁰⁵, Збронский, Бэх-большой²⁰⁶, Бэх-маленький, Дронов²⁰⁷, Козлов-младший²⁰⁸, родной брат Жорж.

Сотнями командуют только войсковые старшины, которые год тому назад были сотниками и хорунжими, а некоторые, в 1918 году, только прапорщиками. Все они дорожат своим, поистине храбрым полком и вне его служить не видят интереса. Но он мал. В нем около 400 шашек. В три раза слабее нашего полка по численности бойцов.

Мои Лабинцы заметили частые посещения мною Корниловцев. Заметил и я в них какую-то скрытую грусть, когда я бываю с ними. А на одной трапезе с мамалыгой бесхитростный и грубоватый есаул Сапунов «выпалил» как-то при всех офицерах:

— Наш господин полковник любит больше Корниловцев, чем своих Лабинцев.

— Откуда Вы это взяли? — задетый, спрашиваю его.

— Да как же, Вы всегда ходите туда, обедаете там и поете песни с ними, — доказывает он.

Пришлось прочесть целую лекцию, что это мой первый полк по Гражданской войне; в нем я провел 9 месяцев, из коих 3 месяца командовал им; в нем четыре раза ранен, и все в конных атаках, без патронов, на шашки.

Говорил, но видел, что я их не успокоил. Пришлось как можно реже посещать родной мне кровный полк — Корниловский конный. Такова ревнивая любовь, даже и у воинов.

— Смирно-о! — слышу я команду в лесу. — Здравия желаем, Ваше превосходительство!

«Вот те и на! — думаю. — Кто же это?» Вскликаю и вижу своих генералов — Науменко и Бабиева. Спешу им навстречу и рапортую первому «о благополучии на вверенном мне боевом участке».

— Мы к Вам в гости, Елисеев, но отнюдь не инспектировать, — весело говорит Науменко.

— Милости прошу на то и другое, — отвечаю.

Бабиева я вижу впервые с лета прошлого года. Он нисколько не переменялся. Под ним все тот же светло-гнедой лысый белоногий «залет-

калмык», который и мне очень нравился. Бабиев любезно, по-дружески жмет мне руку и улыбается. С ним два полковника, наши Корниловцы, Иванов²⁰⁹ и Шеховцов²¹⁰ — его станичники, бывшие когда-то рядовыми казаками старого 1-го Лабинского полка. В 1919-м Иванов был сотником, а Шеховцов хорунжим в Корниловском полку. Оба были командирами сотен. Теперь они полковники и штаб-офицеры для поручений при Бабиеве.

Мы в моей комнате. Короткий доклад о фронте. Красных на том берегу реки мы не видим. Туда, через быструю реку с каменистым дном, на ходулях ходят черкесы и приносят нам кукурузу и муку. Мы им хорошо платим, и они с удовольствием ходят туда. На днях есаул Бэх-большой, с взводом казаков-корниловцев, сняв штаны, вброд перешли реку и там красных не обнаружили.

Мы четверо — два генерала, я и войсковой старшина Безладнов — сидим на перилах балкона и весело разговариваем. Больше всех говорит Бабиев. Генералы на «ты» между собой, но Бабиев титулует Науменко «ваше превосходительство». Бабиев привез две бутылки вина, и мы не спеша пьем его.

Бабиев говорит, что «казаков надо подтягивать, дисциплину надо соблюдать везде», и рассказывает:

— Да вот — едем мы по вашему биваку Лабинцев, сидят казаки и не обращают на нас внимания, но смотрят на нас. Я им команду: «Встать!.. Смирно! Не видите — командир корпуса едет». Они смотрят на меня и нехотя встают. А я им еще громче кричу: «Вста-ать!.. Здорово молодцы-ы!» Они отвечают, но слабо. «Вы что же, с[укины] сыны, хотите, чтобы я вам чевяком в ноздрю толкнул?» — кричу им.

Мы все смеемся на его рассказ. Но я не хотел говорить ему, что по воинскому уставу на биваке команда «смирно» не подается — для того чтобы людям дать отдых. А честь отдают только те казаки, кто близко видит начальство или начальство к кому обратится лично.

— Ну, Коля, пора ехать, — говорит Науменко. — Пока проедем перевал, да там верст пять надо торопиться, солнце уже на закате.

Они уехали.

Опять отход. Новость. Генерал Шинкаренко

Корниловский полк от нас снят. 1-му Лабинскому полку приказано оставить только заставы с пулеметами на Шахэ, а самому полку занять гребень перевала, отстоявшего от реки верстах в двух. Коноводов отвести вниз, за гребень.

Левее нас, до моря, занимают позиции пластуны генерала Морозова. В районе нашего полка собрались высшие пластунские начальники. Все в черкесках. Все дружны между собой, и вид их был, казалось, несокрушим.

Офицеры-пластуны ушли, и мы занимаем в лесу очень удобный гребень, где казаки, без лошадей, отдыхают.

Думаю, это было 10 апреля. Приблизительно в обеденное время получаю циркулярное распоряжение: «Всем частям в 10 часов утра отойти на следующий рубеж, т. к. противник обходит нас с гор. 1-му Лабинскому полку спуститься к шоссе — отойти так же незаметно для противника и следовать к станции Лоо. Подпись — Генерал *Бабиев*».

Я глянул на часы. Шел первый час дня. Как ужаленный вскочил. Мы стоим уже 2 часа одни, тогда как все соседние части отошли. Набрасываюсь на ординарца, доставившего распоряжение, а тот отвечает, что по лесу, по горам трудно было ехать верхом, вот и запоздал.

Ну, думаю, катастрофа. На шоссе мы, конечно, теперь не попадем. Там уже красные. Оно у нас в 2 верстах слева. Надо пробираться горами. В охранении, на реке, — сторожевая сотня. Туда и обратно — 4 версты. Да и пока командир сотни свернет свои заставы — пройдет не менее часа времени.

«Ах, проклятие!» — ругаюсь и спешно, бегом, посылаю ординарца вниз, сказать, что через полчаса полк снимется и здесь будет оставлен только маяк, а от него цепочка казаков по горам. По тропинке, по одному, до 800 пеших казаков втянулись в лес, спускаясь вниз, к югу.

Через час голова колонны встретила шоссе. Чье оно? Надо остановить голову колонны, подтянуться и приготовиться к возможным неожиданностям.

Выждали. Вдруг справа, из-за выступа горы, показались два человека. Они шли со стороны противника. Они в папахах, с винтовками, явно казаки. Лениво, беспечно подходят к нам.

— Кто вы и какой части? — спрашиваю.

— Та пластуны-ы, всэ чортувались с двухколкою тэпэр вона йдэ за нами, — отвечает один из них досадливо.

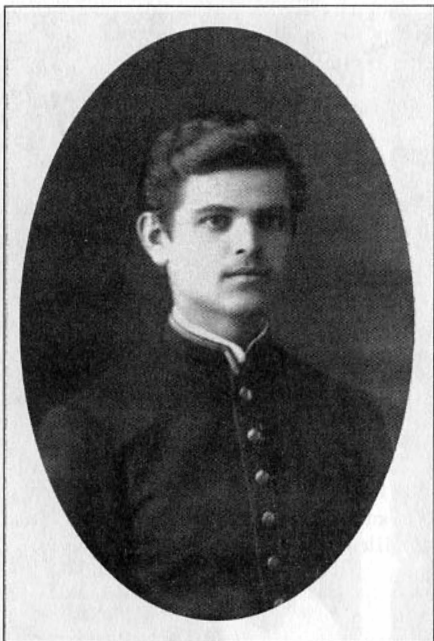
— А где же красные?

— А чорти дэ!.. Мы його ны бачылы, — поясняет.

У меня отлегло от сердца.

— А после вас есть еще наши части? — допытываюсь.

— Нии, мы послидьни, — так же беспечно говорит один из них, не видя во мне начальника.

П.С. Абашкин,
екатеринодарский реалист,
зачислен в 1-й Лабинский полк
ККВ 23 июня 1887 г., прослужил
в полку 30 лет до командира его
в Великой войне

Казачи станицы Лабинской ККВ. Начало XX века
(фотография П.А.Лавренова)

Георгиевские кавалеры Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и урядники-гвардейцы станицы Кавказской ККВ. Слева направо, сидят: В. Смольняков, П. Рытов, И. Патохин, Я. Чеплыгин, Г. Булдыгин, А. Нестеров, И. Диденко, Ф. Дмитриев; стоит: Е. Ермаков, А. Стуколов, А. Брокки, Севостьянов, И. Назаров, Н. Бунев, С. Наумов, Я. Орешкин, Шерстобитов, Петкевич. 1914 г.

Ученицы Войсковой начальной школы с о. Владимиром Малининым. Станица Курганная Лабинского отдела ККВ, 1904 г.

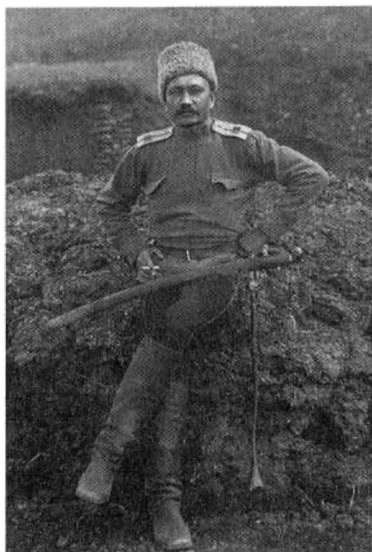
Г.П. Абашкин, казак станицы Курганной Лабинского отдела ККВ, кадет Владикавказского корпуса, офицером погиб в тюрьме у красных в Гражданскую войну

А.П. Абашкин, казак станицы Курганной Лабинского отдела ККВ, юнкер Михайловского артиллерийского училища, офицером сослан красными в Архангельскую губернию и расстрелян в 1920 г.

Офицеры-лабишцы зимой 1915 г.

1-го Лабинского генерала Засса полка
подьесаул Подпорни. Кавказский
фронт, 1915 г.

Офицер-лабинец. Турция, 1916 г.

Полковник Н.А. Букретов (в центре) с офицерами-пластунами.
Севастополь, 18 апреля 1915 г.

Государь Император обходит строй почетного караула от 2-го Уманского полка ККВ. Орша, 16 января 1916г.

Офицеры 1-го Лабинского полка и солдат нестроевой команды. Кавказский фронт, 1916г.

Командующий 1-м Лабинским генерала Засса полком ККВ войсковой старшина П.С.Абашкин и полковой адъютант хорунжий В.П.Фалеев. 1916г. (лица офицеров на снимке заретушированы в советское время родственниками)

Офицеры в землянке; справа внизу 17-го драгунского Нижегородского полка корнет Е.В.Дейбель, прикомандированный к Лабинцам, 1916г.

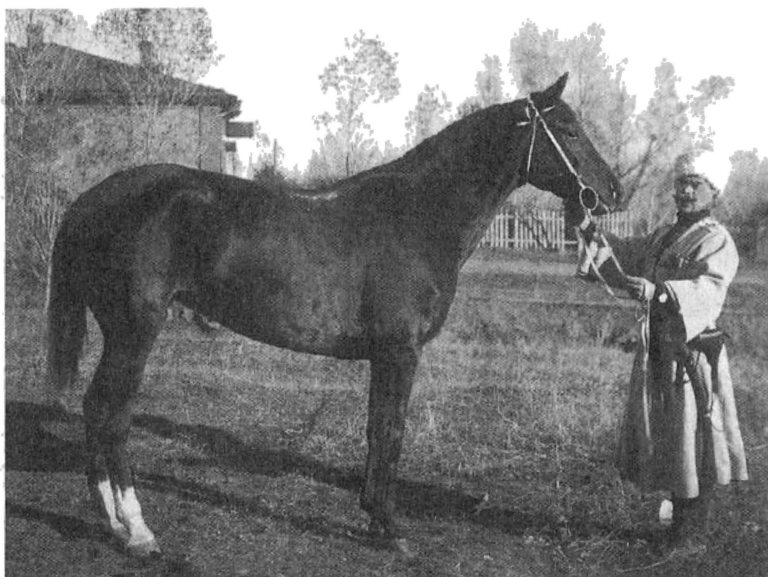
Казачи пулеметной команды 1-го Лабинского полка ККВ в Великой войне

Казачи Собственного Е. И. В. Конвоя в почетном карауле во время Великой войны. Офицер Конвоя отдает рапорт Государю Императору, справа командир Конвоя генерал-майор граф Граббе

Объезд фронта казачьего полка на Великой войне

Есаул 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ. 1916г.

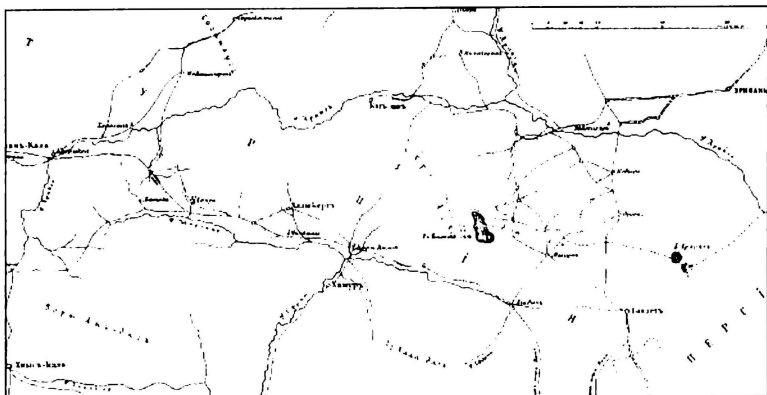
Генерал-лейтенант Д.К. Абациев

Полковник К.Е. Чапцевой

Офицеры и казаки 1-го Лабинского полка ККВ. Кавказский фронт, 1917 г.

Район боевых действий 1-го Лабинского полка на Кавказском фронте Великой войны в 1914-1917 гг.

Генерал П.Н.Врангель в Кубанской казачьей дивизии; третий слева от главнокомандующего – Лабинец, генерал-майор В.К.Венков; справа полусидя – начальник дивизии генерал-майор В.Э.Зборовский. Сербия. 20-е годы

И.И.Елисеев, казак станицы Кавказской ККВ, отец полковника Ф.Елисеева

Братья Елисеевы, слева направо: Андрей – есаул 1-го Кавказского полка ККВ, Феодор – полковник Корниловского кошного полка ККВ, Георгий – сотник Корниловского кошного полка ККВ. Ст. Кавказская, 1919 г.

Дочь командира 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ, генерал-майора П.С.Абашкина Антонина с сыном Николаем. Сентябрь 1919 г.

Младший из казачьей семьи Кулабуховых. Ст. Новоокровская, 1916 г.

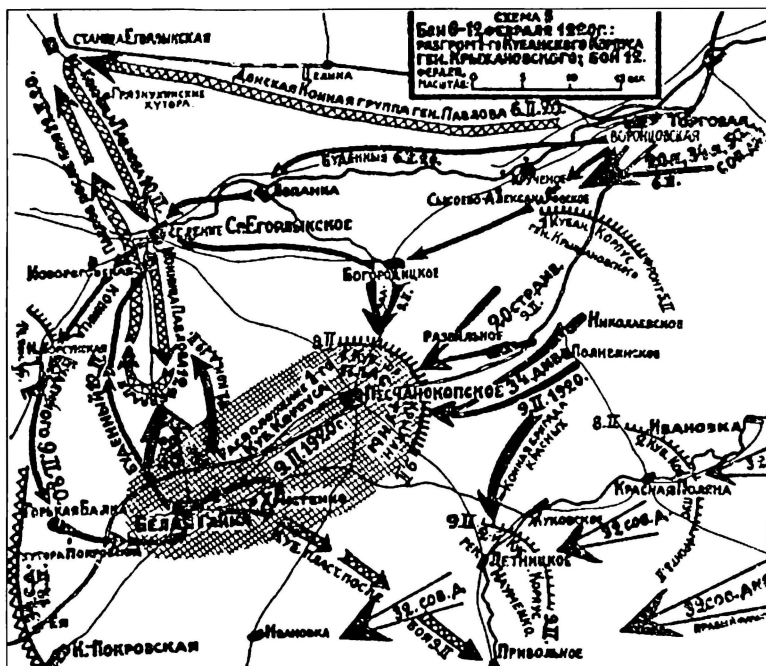

Схема боя 1-го Кубанского корпуса генерала Крыжановского в окружении под Белой Глиной. 12 февраля 1920 г.

Смотр казачьим частям

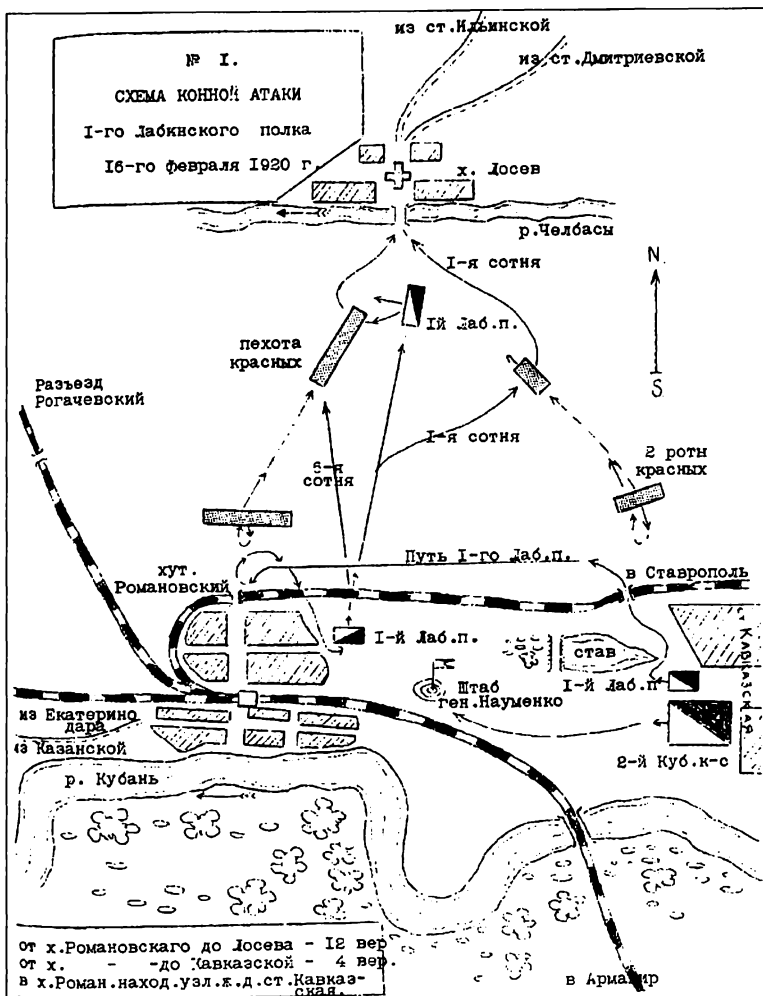

Схема конной атаки 1-го Лабинского полка 16 февраля 1920 г.

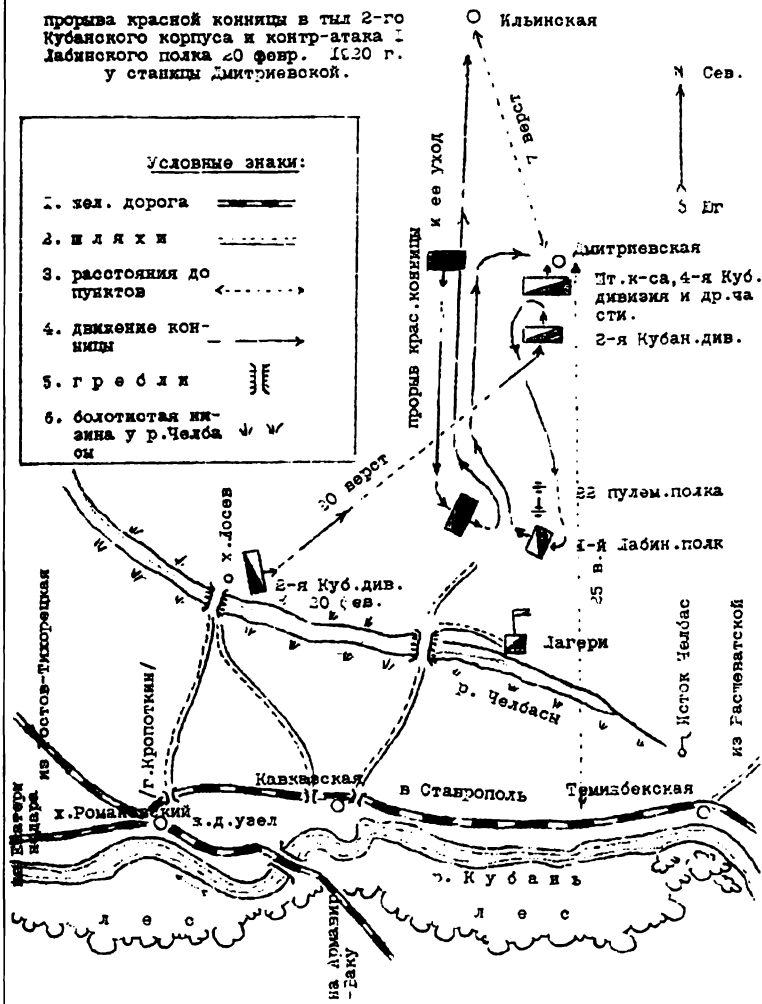

КРОКИ

прорыва красной конницы в тыл 2-го Кубанского корпуса и контр-атака 1-го Лабинского полка 20 февр. 1920 г. у станции Дмитриевской.

Условные знаки:

1. жел. дорога
2. пути
3. расстояния до пунктов
4. движение конницы
5. гребля
6. болотистая низина у р. Челбас

Кроки прорыва красной конницы в тыл 2-го Кубанского конного корпуса и контратака 1-го Лабинского полка у ст. Дмитриевской 20 февраля 1920 г.

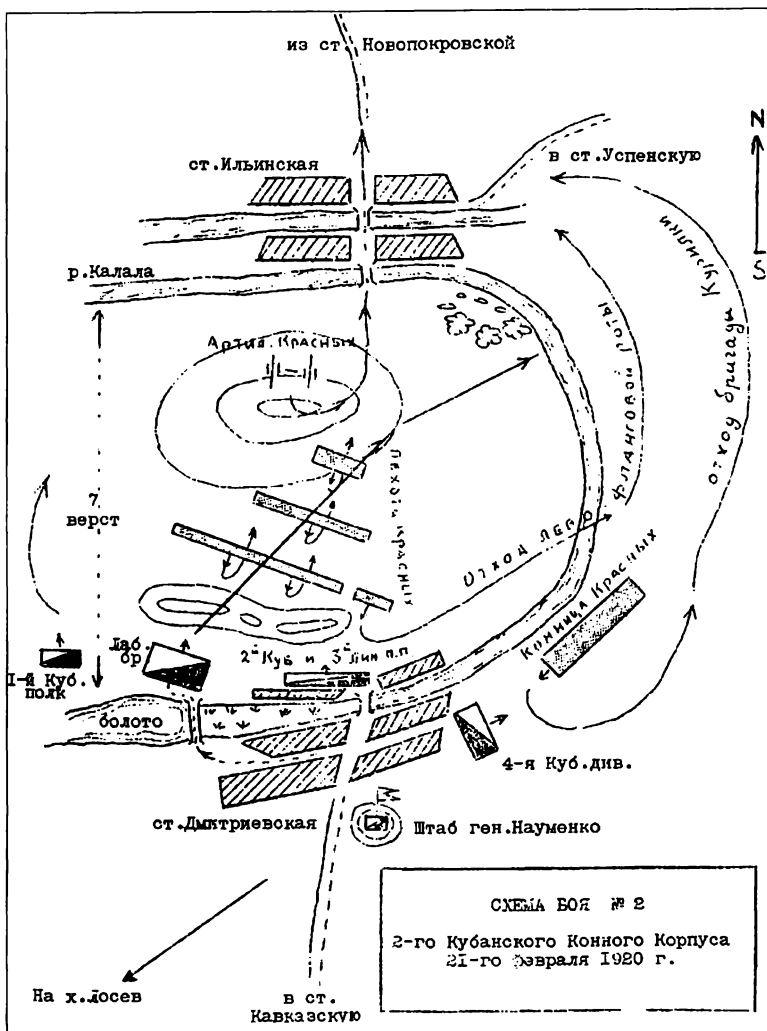
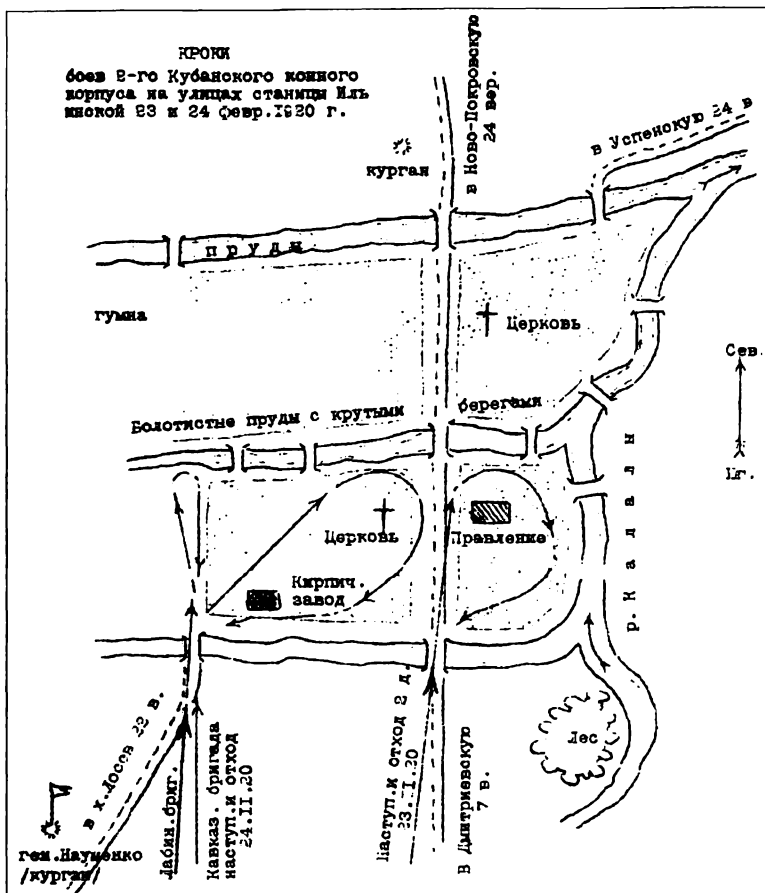
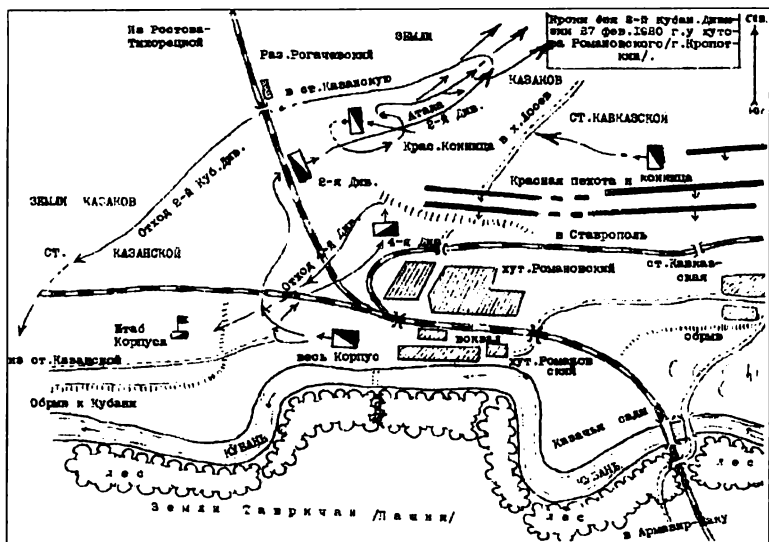

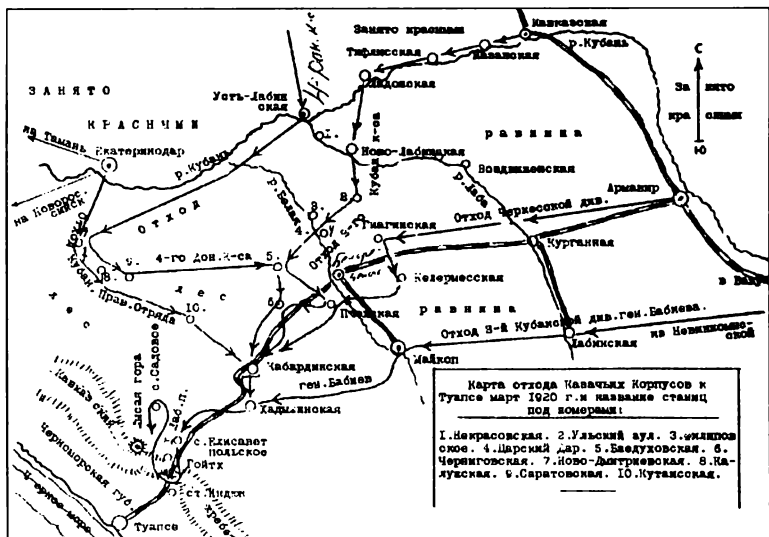
Схема боя 2-го Кубанского конного корпуса 21 февраля 1920 г.

Кроки боев 2-го Кубанского конного корпуса на улицах ст. Ильинской 23 и 24 февраля 1920 г.

Кроки боя 2-й Кубанской казачьей дивизии у хутора Романовского 27 февраля 1920 г.

Карта отхода казачьих корпусов к Туапсе в марте 1920 г.

— Ну, так тикайтэ, хлопци!.. Пидождыть свою двухколку и скорисы до своих. Бо мы, тоже, послидни, — вторю ему по-черноморски.

— А теперь, справа по-три, скорым шагом за мною, — командуя я своему полку, и двинулись по шоссе на юг, к своим коноводам.

Мы нашли наших коноводов в какой-то пересеченной местности, сплошь покрытой лесом. В конном строю двигаемся по шоссе на юг. По дороге, на одной безлесой возвышенности, стоит барская усадьба. К своему удивлению узнаю, что в ней помещается штаб корпуса, а штаб нашей дивизии где-то внизу, в долине. Решил заехать и доложить генералу Науменко о том, как была оставлена позиция на реке Шахэ без напора красных, которых там и не оказалось. И только что я въехал во двор, как меня окружили казаки-станичники ординарческой команды корпуса и наперебой заговорили, что «генерал Науменко отрешен от командования корпусом, корпус принял генерал Хоранов, большевики предложили мир».

Я не верю своим ушам. В это время во двор вышел генерал Хоранов. Я бросаю казаков и верхом подъезжаю к нему.

— А-а, Ф-фед-дор Иванович! — по-осетински, чуть шепеляво, обращается он ко мне. — Мы давно с Вами не виделись, а тут новость — подумайте? Большевики сами предлагают нам мир. Право, я не знаю, как посмотрят на это наше правительство и Атаман, но я ничего не имею против этого, буду и там командовать корпусом, — вдруг говорит он, прищурившись и улыбаясь. А я и не знаю — шутит ли он или говорит всерьез.

В это время во двор въехал неизвестный мне генерал. На нем гимнастерка с очень короткими рукавами. Весь его костюм — смесь казачьего с солдатским. Под ним обыкновенный кабардинец с казачьим седлом. Вид его не блестящий, как генерала, а черные глаза его горят злобой. Увидев нас, он зло ругает кого-то и выражает возмущение, что мира с большевиками быть не может и с ними надо только драться. И он очень удивлен — как это из штаба корпуса могли написать об этом в их 4-ю Кубанскую дивизию?!

Хоранов смущен. Я ничего не знаю «о мире», и что написал Хоранов в 4-ю дивизию, и кто этот генерал.

— Да ведь это одно предположение, Ваше превосходительство, — отвечает Хоранов.

— Предположение-предположение, но им вносится яд в душу казаков, — резонно отвечает неизвестный мне генерал.

— Кто это? — спрашиваю Хоранова.

— Та-а генерал Шинкаренко²¹¹ недавно принял Кавказскую бригаду в моей 4-й дивизии. А кто он и откуда — я не знаю, — поясняет.

(Это был тот генерал Шинкаренко, который дрался против красных в Испании, находясь в армии генерала Франко, в чине лейтенанта.)

Не найдя сочувствия и у меня, Хоранов смущенно говорит:

— Канешна, разве с ними можно мириться?.. Драться надо, — закончил он.

Уход генерала Бабиева

Оставив штаб корпуса, полк спустился в лесистую долинку и расположился биваком недалеко от штаба своей дивизии.

На следующий день, в обеденное время, меня вызвали в штаб дивизии. «Значит — новая боевая задача», — думаю и иду туда пешком. Это было по соседству в лесу.

Вхожу. Все тихо кругом, словно мертво. Ходят офицеры и казаки, но все молчаливы. И будто избегают и встречи, и разговоров со мной и между собой. Первый, кто попался мне на глаза, был есаул Ишутин²¹². Он из урядников и старый Корниловец. С весны 1919 года он служит в штабе дивизии. Я его отлично знал. Знаками просит подойти к нему. Подхожу. И он таинственно, почти шепотом, говорит:

— Генерал Бабиев уезжает в Крым, он отрешен от должности, он очень взволнован, злой и молчит. Вот почему и тихо кругом. Мы боимся попадаться к нему на глаза.

Если бы мне это сказали не в штабе дивизии, я бы никогда не поверил этому. Отрешить от командования генерала Бабиева?! То есть — как это отрешить? За что?! Да и возможно ли это?! А дивизия — не взбунтуется ли?!

У меня, грешным делом, мелькнула мысль, что генерал Бабиев вызвал меня для того, чтобы опросить — надежен ли 1-й Лабинский полк, чтобы поддержать его? Корниловский полк, конечно, можно и не спрашивать. Тот всегда был надежен для Бабиева. И командира корпуса генерала Науменко отрешают. Это какая-то непонятная работа Атамана Букретова, и они его распоряжению, конечно, не подчинятся. Так подумал я тогда и полностью надеялся на свой полк, который послушно пойдет за ними.

Длинный стол накрыт для обеда человек на пятнадцать. Но кругом было пусто. Генерал Бабиев, со своим начальником штаба дивизии полковником Гришиным²¹³, у себя в комнате. Гришина я знал еще по Манычу весны 1919 года, когда он был штабс-капитаном ускоренного курса Академии Генерального штаба, занимая у Бабиева эту должность.

Трудно молча ждать в такой убийственной тишине. К обеду собрались уже все офицеры. Наконец, открывается дверь и входит Бабиев.

Он одет в свою темно-коричневую бикирку с кожаными карманами на груди, при полном холодном оружии, в черной каракулевой шапочке с серым верхом. Он очень грустно-строгий. Его серые глаза остро-сурово глянули на меня. Усы «а-ля Вильгельм» будто бы еще больше натопорщились вверх. Все мы молча и быстро вытянулись в положение «смирно». Я двинулся навстречу ему, так как был им вызван, следовательно, хочу напомнить, что «жду его распоряжения».

Я еще ни разу не видел его таким сухо-строгим, почти безразличным ко всему тому, что делается вокруг него. Но его глаза не были безразличны. В них сосредоточились все его горестные думы. Они смотрели строго-серьезно так, как смотрят на покойника, которого уже не воскресишь и которого так жаль. Он совершенно не обратил внимания, кто находится в столовой.

Не меняя своего печального взгляда, он подал мне руку и молча, жестом руки, указал мне место за столом, правее его. Левее его сел полковник Преображенский²¹⁴, командир одной из его бригад, старый соратник еще по Манычу, которого я хорошо знал. Он гусар, окончил конный взвод Иркутского пехотного училища, летами и по выпуску из военного училища — старше Бабиева. На Маныче он был храбрый и распорядительный начальник, Бабиева любил и был ему очень послушен.

Все было так жутко-тихо за столом, что, казалось, офицеры боялись глотать пищу, чтобы не нарушить этой тишины и переживаний своего генерала.

Молчали абсолютно все, и только изредка полковник Гришин напоминал Бабиеву будто не оконченный ими разговор или повторял уже решенное. Бабиев молча, чуть заметным кивком, давал ему знать, что он его слушает и понимает.

Бабиев сидел за столом, не сняв папахи. Было томительно, в особенности для меня, фактически ничего не знавшего. И я не знал, зачем именно Бабиев вызвал меня?

Я был убежден, что оба наших генерала — Науменко и Бабиев — не подчинятся этому распоряжению и 2-й Кубанский конный корпус пойдет за ними «на все». Я не знал общей ситуации, почему их отзывают, отчего и думал так.

Здесь я повторю то, что писал в статье «Лабинцы и последние дни на Кубани» в 1931 году²¹⁵: «Мрачен был Бабиев тогда, в день отъезда из своей дивизии, от своих долгих испытанных соратников. Как-то не думалось, и не вязалось в голове, что он уедет «молча». За обедом он

не проронил ни слова. Мрачный, замкнутый, затянутый в коричневую дачковую бикирку, при всем оружии и в папаше — сидел он за столом и почти ничего не ел. Весь штаб его и все присутствующие молчали тоже. Никто не смел нарушить биение его души — героической, властной.

Прощаясь так же молча, расцеловавшись, он мрачно, глухо, коротко бросил мне: «Прими дивизию».

Уехала «душа», нерв, мысль, пример, ореол храбрости и дерзновения, идеал бойца, струна зовущая и обаяние строевого офицерства и казаков, и словно темная ночь спустилась над нами и средь бела дня. Стало тяжело, сумрачно, жутко на душе».

Так было в действительности. Он не только мне, но и никому не сказал ни одного слова. И выехал он сразу же после обеда в Сочи, не попрощавшись ни с кем из офицеров своего штаба, не подав никому руки. У крыльца стояли оседланные лошади. С ним выехал и полковник Преображенский.

Говорили потом, что Преображенский не хотел оставаться в дивизии без Бабиева и выедет с ним в Крым.

Потом полковник Гришин говорил мне и выразил надежду, что генерал Бабиев еще вернется назад, так как произошло, видимо, какое-то недоразумение или интрига, которая благополучно закончится для генерала.

В тот же день я узнал, что не только Науменко и Бабиев, но и генералы Улагай, Шкуро и Муравьев-старший²¹⁶ отзываются в Крым в распоряжение главнокомандующего генерала Врангеля. Всем генералам разрешено взять с собой лошадей и вестовых, но другим лицам следовать с ними запрещено.

Все это для меня была какая-то странная загадка, почему в командование 2-й Кубанской дивизией вступил в третий раз без особого удовольствия.

Мы тогда ничего не знали, что творилось в высших сферах командования. Оказывается, Атаман Букретов выехал в Крым. Там, на совещании высших начальников под председательством генерала Врангеля, между ним и Букретовым произошли расхождения. На предложение Врангеля вступить Букретову в командование Кубанской армией последний согласился, но потребовал, чтобы генералы Улагай, Шкуро, Науменко, Бабиев и Муравьев были отозваны в Крым, как мало ему послушные.

Яд «о мире» был брошен в изболевшуюся казачью душу. Но он не имел силы. В гибели Кубанской армии другие причины — безвыходность положения. Отступить было некуда.

Мы недоумевали — почему оставили отличную позицию у реки Шах? Противник нас не тревожил и не преследовал. Мы, по какому-то непонятному нам распоряжению «свыше», уступали красным позицию за позицией. И вот теперь отступаем к самому Сочи. Наша 2-я дивизия все время в арьергарде. С Лабинской бригадой вновь отхожу на юг. Идем по шоссе в колонне по-три, поднимаясь на безлесый перевальчик — как видим, какая-то часть рассыпана в цепь. Мы идем спокойно в тыл, даже без дозоров. Это смутило «боевую цепь». От нее вышел на шоссе какой-то офицер, всматриваясь в нас, а потом слышу, приблизившись:

— Это ты, Федор Иванович?.. А мы думали, что это идут уже красные... и приготовились! — весело говорит мне войсковой старшина Лопатин²¹⁷, мой друг и по Турецкому фронту, и по Корниловскому полку 1918—1919 годов, отличный офицер, дружественный со многими.

— Да, вы-то — какая часть, Иосиф Филиппыч? — спрашиваю его.

— Войсковой учебный конный дивизион, нас две сотни, а за перевальчиком — наш командир дивизиона генерал Мальчевский²¹⁸, — как всегда, весело и живо говорит он.

— Ну, Филиппыч, теперь ты можешь стрелять, позади нас уже нет белых, мы последние, — смеюсь я милому и умному своему другу, одобрительно с 1914 года.

Я докладываю генералу Мальчевскому о боевой обстановке. Я его совершенно не знаю, но еще на Турецком фронте слышал, что он, будучи есаулом и командиром сотни 1-го Черноморского полка, совершил удачную конную атаку против турок и за это награжден был офицерским Георгиевским крестом IV степени. Он у него теперь на груди английского кителя. Мальчевский — высокий и худой брюнет. Тело как будто дряхлое, но глаза и улыбка молодые и приятные. Воевать он не хочет.

— Да мы, если покажутся красные, постреляем-постреляем да и отступим. Нам так приказано, — с улыбкой говорит он.

У Корниловцев. Полковник Лиманский

Корниловскому полку приказано мною занять горный массив, лежащий в 15—20 верстах севернее Сочи. С арьергардной Лабинской бригадой спокойно подхожу к этому массиву. И только перевалили его, как меня встречает рапортом командир полка, войсковой старшина Владимир Безладнов. Влево, тут же на скате, вижу офицеров его, разостланные бурки, на них скатерти со скромной закуской, но в изобилии и с напитками.

После рапорта «о благополучии в полку» Безладнов приглашает меня «на легкую закуску». Соглашаюсь, но с условием, что будут приглашены и командиры Лабинских полков, полковники Ткаченко и Кротов. Штаб дивизии с полковником Гришиным был где-то в тылу.

Несколько слов о Безладном. 13 сентября 1918 года под станицей Михайловской Лабинского отдела был убит командир Корниловского конного полка полковник Федоренко²¹⁹. Через 2—3 дня его заместитель, войсковой старшина Каменский Всеволод²²⁰ заболел и эвакуировался. В полку остались только четыре кадровых офицера в чине подъесаула: Черножуков Николай²²¹, Безладнов Владимир, автор этих строк и Сменов Михаил. Все занимали должности командиров сотен. Перечислены в порядке старшинства в чине.

Черножуков отказался возглавить полк. Его принял Безладнов. 18 сентября, во время прорыва 1-й Конной дивизии под начальством генерала Врангеля в тыл красным к станице Курганной, был убит полковой адъютант, есаул Удовенко²²². Как бывшего адъютанта 1-го Кавказского полка на Турецком фронте, Безладнов уговорил меня быть временно полковым адъютантом. Согласился. И с ним, с полком, с боями прошли-пронесли по станицам: Михайловской, Курганной, Родниковской, Константиновской, Синюхинской, Чамлыкской, Урупской, Безкорбной — неразлучно, ночуя в одной комнате. Он оказался отличным офицером и полковым товарищем. Подружились крепко. В Безкорбной произошел опрометчивый случай с Безладновым, и генерал Врангель предложил ему выехать «в бессрочный отпуск». В Екатеринодаре он поступил в учебный конный дивизион, а теперь, как первоходник, стал командиром своего Корниловского полка и моим подчиненным. Несмотря на свое старшинство (он выпуска из Николаевского кавалерийского училища 1912 года) и свое бывшее начальство надо мной, Безладнов не выразил никакой амбиции, что так похвально для его воинской души.

Перед накрытым на бурках столом стоят до 40 офицеров-корниловцев. Все сплошь старые соратники. Все в больших чинах. Ниже есаула, кажется, никого и не было, хотя, за очень малым исключением, большинство не имело и 30 лет от роду. Все это была молодежь моих времен, от 23 лет и чуть старше. Тогда, при мне, это были только прапорщики, хорунжие и немногие сотники. Чин подъесаула был отменен в нашем Войске, и сотники производились прямо в есаулы, больше за боевые отличия, а не «за выслугу лет на фронте».

И только что все сели «за стол», как с восточной стороны, со стороны гор, на широких рысях подошел очень молодой полковник. Молодецки соскочив с седла, также молодецки представился мне словами доклада:

— Командир 2-го Сводно-Кубанского полка, полковник Лиманский — представляюсь.

Я его сразу узнал. Он не был одним из братьев Лиманских 1-го Лабинского полка Великой войны, как я думал.

В средних числах февраля 1917 года, проездом в Петроград из-под Карса, я посетил Екатеринодар. В белой косматой папаше «с заломом», в черной черкеске при белом бешмете и с красным башлыком за плечами, расшитым позументом, мне отчетливо отдал честь на Красной улице красивый прапорщик-брюнет. Теперь он полковник и стоит передо мной.

— Я Вас знаю, — ответил ему на рапорт и сказал, где видел. — Как Ваше имя и отчество? — спрашиваю.

— Игнат Ильич, — отвечает.

Я жму ему руку, и мы сразу же подружились. Посадил его рядом.

Несутся тосты. Мы вновь стремимся воевать! Мы еще покажем красным свою мощь! — был общий голос тостов. Нам всем очень приятно и вольготно, так как среди нас нет ни одного генерала, которые невольно всегда стесняют подчиненных офицеров своим высоким чином.

— 2-я Кубанская дивизия — два Лабинских, два Кубанских, Корниловский конный и мой 2-й Сводный — сильно осиротела после отъезда генерала Бабиева, но как-то еще дружнее сплотились полки вместе!.. И сплотились не в силу приказа, а сплотились душевно, внутренним чувством, чувством однородности их начальников!.. Дайте только равнину, да развернись полки в боевую колонну, и все ринутся в атаку! — вскочив на ноги, говорит, кричит громко молодецкий полковник Лиманский своей боевой тост.

Ему соответствовали короткие тосты и других. Мы еще верили.

Полковник Дейнега. Оставление Сочи

Со штабом дивизии, в одном переходе до Сочи, подхожу к поднимающейся возвышенности в лесу. Нас застала ночь. Вернее — полкам приказано, незаметно для красных, отступать ночью.

У изгиба шоссе тлеющий костерчик. Около него, вокруг, сидят и полулежат несколько человек, закутанных в бурки.

— Кто идет? — слышу голос часового.

— 2-я Кубанская дивизия, — отвечаю.

— Ого!.. Высоко забрался ты, Хвэди!.. Злась з коня и йды до командира Линейной бригады, — вдруг слышу я так знакомый мне голос полковника Льва Миньча Дейнеги.

— Левко?! Это ты? — радостно окликаю его.

— А вжэж, — отвечает он и не шевелится под буркой от холода. Такая приятная встреча! Я слезаю с седла и подхожу к нему.

— Куда дальше? — спрашиваю, конечно, о нашем отступлении.

— Тикать трэба. Сочи мы не удержим, да и не к чему. Надо идти в Грузию, або в Крым, — говорит он, но выхода не дает.

Перекинувшись такими печальными думами с дивным другом своих юнкерских лет, двинулся дальше. С тех пор я его больше не видел. В Крыму он стал генералом, этот маленького роста казак, но с большой душой и светлой головой...

Полки дивизии занимали горный массив, что перед Сочи с северной стороны и который командно стоял над всей окружающей местностью. Но нам приказали сняться с позиций и без боя отойти от Сочи!

С этого массива видно было, как многие части, обозы тихо, словно нехотя, тянулись по улицам города, направляясь на юг.

С 1-м Лабинским полком, мимо гостиницы «Ривьера», отходил последним, втянувшись в город. На удивление — на главной улице много народу. Жители спокойно смотрят на отходящих казаков. Полк задерживается в городе. Какой-то «чин» предлагает мне забрать «интендантский хлеб», который хотя и не выпечен полностью, но есть его можно. И он не хочет оставлять его красным. Казаки забирают все и тут же, на улице, едят его. Он очень горячий, внутри еще сырой, но корка хороша. И казаки с жадностью едят его потому, что давно не имели хлеба. Почти все лавки открыты. Идет живая торговля. Открыта и кофейня, и мы, офицеры, стоя, с удовольствием пьем кофе. Войны как будто и нет. О красных войсках не слышно и не видно. И где они — мы не знаем.

Рядом почта. Быстро вхожу и пишу открытку домой, что мы «все четверо», три брата и сестренка, живы и здоровы. «Авось дойдет, — думаю, — порадует бабушку и мать». Бедные наши семьи, что остались по ту сторону.

Как бы то ни было, но в городе оставаться нельзя. Он лежит в котловине. И я отвожу свой арьергардный полк за город, к дачам, занимаю сотнями какие-то холмики, меж построек, укрыто — два полевых орудия, и жду противника. Но он долго не показывается. Наконец, вошел, но не с массива, занятого нами, а снизу, из долины, с северо-востока, и сразу показался на улице. Дав несколько орудийных выстрелов по долине, откуда появились красные, снял орудия и стал отходить на юг. Приказано город сдать без боя. Да и не стрелять же нам по мирным жителям?

Генерал Морозов. На позиции у Корниловцев

Перейдя железнодорожный мост, что в 4 верстах южнее Сочи, встретил свои войска. Частями командовал генерал Морозов, которому представился и доложил боевую обстановку. Дивизии приказано быть в его временном подчинении.

Рассматриваю генерала. Его я вижу впервые, как и его штаб. Сам Морозов — среднего роста, с черной густой, недлинной бородой «лопаточкой». У него умные черные глаза, пожалуй, добрые, внимательные и «все видящие», что делается вокруг него. Он в гимнастерке с погонами, но поверх нее — кожаная тужурка без погон. На голове фуражка. Английские бриджи заправлены в хромовые сапоги. Думаю, ему было под 40 лет. Ничего в нем не было «исключительно генеральского», как мы привыкли видеть, и подкупало простотой и ненавязчивостью в обращении.

Весь офицерский состав его штаба был не казачий. Со своим генералом все они обращались хотя и на «ваше превосходительство», но так, словно он был для них старший друг.

«Ваше превосходительство, я это уже сделал», «Ваше превосходительство, а не лучше ли сделать так?..» — так приблизительно докладывали-говорили с ним штабс-капитаны и поручики его штаба.

Он все это фиксировал, но совсем не безразлично, а сразу же, на лету, схватывая их мысли, и утверждал словами: «Хорошо сделайте, проверьте».

В нем не чувствовался «боевой генерал», а скорее ученый. На меня он произвел приятное впечатление. Его прежнюю службу в Императорской армии и в годы Гражданской войны я не знал.

— Идите, полковник, со своей дивизией в Мацесту, расположите свои части по Вашему усмотрению и ждите моих распоряжений, — сказал генерал Морозов спокойно, словно в частном порядке, и отпустил от себя.

Мацеста находилась южнее большого села Хоста. В порядке очереди Корниловский конный полк в пешем строю занял очень сильную позицию в глыбах и расщелинах валунов, покрытых кустарником. Для силы позиции Корниловцам придал часть пулеметов 1-го Лабинского полка. Все остальные полки раскинулись биваком в узких безлесых долинах севернее Адлера.

На второй день осматриваю арьергардные позиции Корниловского полка. Меня сопровождают три войсковых старшины — командир полка Безладнов, его помощник Марков и начальник пулеметной команды Ростовцев. Марков из учителей, а Ростовцев — подхорунжий из пластунов, кавалер полного банта Георгиевских крестов Великой войны,

певец, храбрец и сквернословщик в ругани, на что казаки, как я знал, не обижались на него. Любили за храбрость.

Позиция — совершенно неприступная. Это были отдельные крепостцы для каждого пулемета. Все жерла пулеметов направлены ко всем возможным подходам красных. Было уже тепло, и весь спешенный полк спал на своих позициях. У пулеметов на треногах — целые завалы камней и глыб. Тут же живут и спят пулеметчики, о чем говорят раскинутые у пулеметов бурки и кожухи. Я спросил Безладнова о настроении казаков.

— Да мы же Корниловцы, Федор Иванович! Чего же Вы нас спрашиваете?! — как всегда гордо, своим грубым голосом ответил он по-дружески.

Но я его предупредил, что это есть «последняя позиция, которую оставлять нельзя».

— Да и не отдадим! Будьте уверены! Вы видели, сколько у нас пулеметов? Всех пересечем, ежели будут лезть! — повышенно отвечает он.

Поворачиваясь к войсковому старшине Ростовцеву, улыбаюсь и нарочно спрашиваю, испытывая его:

— Ну а как Вы думаете, Ростовцев?.. Возьмут эти позиции красные? — При этом повел я головой по раскинутым его пулеметам.

И он, верный себе, горячий характером и признанный храбрец, по привычке и совершенно не по-воински, со злостью кивнув в сторону красных, произнес:

— Пушай только полезут!.. — и здесь употребил такое «матерное слово», которого я еще и не слышал.

Этим он особенно резко выразил свое отношение к красным. Зная его еще по Манычу весны 1919 года, когда он был сотником и командиром сотни, я понял его, старого служаку и первопоходника.

Осмотрев позицию, со спокойной душой вернулся в свой штаб дивизии.

Штаб расположился в лесу, на изолированной небогатой даче на пригорке. В ней жила одинокая хозяйка, старая барыня, которая никого не принимала у себя. Да нам было и не до приемов.

Со дня моего вступления в командование дивизией я редко видел штаб дивизии, детище генерала Бабиева. Мы все время передвигались. Со мной были только необходимые чины штаба без его начальника, полковника Гришина. Здесь же, у Мацесты, сгруппировался полностью весь штаб, так как «тыла» фактически у нас не было. Сочи сдан. Идти дальше некуда. Адлер, как последний наш городок, переполнен другими и высшими штабами. Вот почему все и примкнули к своему штабу или к своим полкам, которые увеличивались в своей численности по мере отхода.

Что меня удивило, так это наличие при штабе дивизионной санитарной летучки, в которой было не менее 10 сестер милосердия. Раньше я их не видел, даже и не слышал о них, а теперь вот все они в наличии. Начальницей летучки была супруга полковника Гришина.

За обеденный стол сели все и зашебетали. То есть я дождался того, чего не любил, — нахождения сестер милосердия при полках.

Полковник Гришин, при властном и горячем генерале Бабиеве, выработал в работе с ним определенный тон: послушание и почтительность. В эту должность он вступил на Маныче весной 1919 года. Тогда я встречался с ним два-три раза, бывая в штабе дивизии. С Бабиевым он провел всю войну. Он много работал и докладывал мне то, что сам уже изучал. Доклады были обыденные. Писались приказы, делались распоряжения, вот и все. На меня он произвел впечатление скромного, трудолюбивого штабного офицера. Одет он по-штабному, но без щегольства. Такова была и его супруга. Гришин всегда был занят бумагами, и моими постоянными собеседниками были есаул Ишутин, глава всех чинов штаба, и ротмистр Дейбель²²³, офицер для поручений и личный друг генерала Бабиева. При ротмистре супруга, молодая изящная брюнетка армянского или цыганского типа с веселыми глазами.

К обеду следующего дня в штаб дивизии вернулся полковник Преображенский. Он был очень вялый и какой-то разочарованный, почти в прострации. О чем-то долго, наедине, говорил с Гришиным. Так как он был старше меня в чине и законным командиром бригады я спросил его разрешения вернуться в полк, на что он ответил только «кивком».

1-й и 2-й Лабинский полки стояли в пологом ущелье, в 6 верстах севернее Адлера. Отсюда начиналась довольно широкая безлесая лощина с песчаными берегами к Черному морю. Уже появился маленький подножный корм для лошадей. Вся лощина была занята войсками, стоящими биваком. Наш полк разросся неимоверно. В нем было около 1500 шашек, не считая пулеметной команды. Все лабинцы-беженцы, бросив подводы, влились в свою бригаду. И у меня, и у офицеров была только радость от такого громоздкого полка. Мы еще собирались воевать, пока же «идти в Грузию», а слух «о мире с красными» был просто смешон.

Военный совет

На второй день, после полудня, в своем экипажике выехал в Адлер, в штаб Войска — «узнать о положении и о Грузии».

Я в Адлере. В штабе Войска много старших офицеров. Узнаю, что они прибыли по вызову «на военный совет», куда приглашены коман-

диры полков, батальонов, батарей и вышестоящие начальники. Здесь я узнаю, что идут переговоры с красными «о мире», почему и назначен военный совет. И что с минуты на минуту ждут возвращения с фронта начальника штаба армии, полковника Дрейлинга²²⁴, который имеет свидание с представителями красных. Я говорю кому-то, что наш 2-й корпус ничего об этом не знает. Все это было так неожиданно для меня, что я решил узнать «все».

Зная расположение комнат в двухэтажном здании, которое занимал штаб нашего Войска, открыл дверь с восточной стороны, то есть второстепенный вход, и наткнулся на группу офицеров, человек в сорок. Все они стояли у трех стен, и только за длинным столом, накрытым зеленым сукном, сидели несколько генералов: двое Донского войска и выше них, рядом с председательским местом, сидел генерал Шифнер-Маркевич. Председательский стул и стул левее были свободны.

Войдя, я «воткнулся» в самый левый фланг стоящих офицеров у стен, если смотреть с председательского места. К моему удовольствию, крайними офицерами стояли войсковой старшина Павел Мальцев²²⁵, командир 2-го Хоперского полка, и полковник Михаил Соламахин, командир 1-го Хоперского полка. Оба старые друзья. Мальцев, как младший меня в чине, сделал шаг вправо и уступил мне место рядом с Соламахиным.

Я рад этой встрече и шепотом спрашиваю: «Что это?» Они больше меня в курсе событий, так как их полки стоят южнее Адлера.

— Вот скоро все узнаем, — отвечает мне шепотом Соламахин, боевой соратник «от Воронежа и до Кубани» в 1919 году.

Все или молчат, или переговариваются шепотом. Я рассматриваю собравшихся. Главной персоной среди всех является, видимо, генерал Шифнер-Маркевич. Во всяком случае, все глаза устремлены к нему. Он молчит.

Рядом с ним сидит командир или представитель 4-го Донского корпуса, генерал-лейтенант Секретев. После Касторной в ноябре 1919 года я познакомился с ним в штабе нашего начальника дивизии Шифнер-Маркевича. Там же нам сказали донские офицеры, что Секретев в молодости был очень хороший наездник, вообще — он большой конник, добрый и компанейский офицер, может «весело» провести время и с офицерами, и с казаками, которого за глаза, любя, называют «Саша Секретев».

С ним рядом сидит другой донской генерал — кряжистый, склонный к полноте темный шатен, с густой прической и с «пунцовым лицом», видимо, после хорошего обеда. Этому молодому донскому генералу жарко и нетерпеливо. Донская шашка в кавказской серебряной

оправе будто мешает ему. Он все время теребит ею и уже не раз спрашивает Секретева:

— Саша, скоро ли все это начнется?

Секретев отвечает ему тихо: «Скоро». Но генерал не унимается. Он обводит всех стоящих у стен офицеров «уставшим» взглядом, отталкивает свою шашку ладонью от себя и громко говорит:

— А интересно повидать бы Кубанского Атамана, говорят, что он с очень извилистою душою.

Это было так четко сказано и с такой бесцеремонностью, как может сказать человек, находящийся «в угаре» и совершенно не отдающий отчет своим словам.

Генерал Секретев быстро повернулся к своему другу, схватил его за руку и отечески заметил:

— Да тише ты!.. Что ты говоришь?! Ты же не один здесь!.. Здесь военный совет!

— А мне все равно, вот мне и интересно повидать этого человека, который хочет сдать казаков большевикам, — вдруг «выпаливает» он также громко.

Секретев быстро ладонью закрыл ему рот и покраснел от стыда. Но несдержанный генерал что-то мычит и через пальцы Секретева производит:

— Саша, тебя мы любим, но большевикам донцы не сдадутся.

— Я уйду отсюда, если ты скажешь еще хоть одно слово, — расстроенно говорит ему генерал Секретев.

— Ну хорошо, я замолчу, — уже тихо ответил он и действительно замолчал.

Так как тогда там проходили трагические часы гибели Кубанской армии, для Войсковой Истории я должен зафиксировать многие моменты, слова, действия, психологическое состояние присутствующих на том военном совете и свои личные наблюдения и переживания.

(В Нью-Йорке приобрел интересную книгу «Русская Вандея», написанную генерал-майором Донского Войска Голубинцевым, чем подтверждаю, что это он был на том военном совете, сидя рядом с генералом Секретевым.)

С фронта, с переговоров, прибыл полковник Дрейлинг. Он вначале явился к Атаману Букретову и потом, уже с ним, вошел к нам.

— Господа офицеры! — скомандовал Шифнер-Маркевич при появлении Атамана.

Кто сидел — встали. Из того, что скомандовал генерал-майор Шифнер-Маркевич, а не генерал-лейтенант Секретев, я понял, что старшим здесь является Шифнер-Маркевич.

Генерала Букретьова как нашего Войскового Атамана я вижу впервые. В самом начале войны на Турецком фронте, 21 октября 1914 года, из Персии, с разездом казаков в 30 коней ночью я прорвался мимо Баязета и связался со 2-й Кубанской пластунской бригадой генерала Гулыги, наступавшего со стороны России. У меня был секретный пакет от начальника нашего Макинского отряда для генерала Гулыги. Тогда генерал представил меня полковнику Букретьову, начальнику его штаба бригады. Вот почему я внимательно стал рассматривать его здесь. Он почти не переменился. Красив, в лице что-то восточное. Густые черные волосы, чуть с проседью, гладко зачесаны направо. Густые черные короткие усы, хорошо выбрит. Он в кителе, в бриджах и мягких сапогах. Вид очень чистый и аккуратный. Ничего «походного». Он без оружия. Пройдя скорым шагом мимо нас, уверенно занял председательское место.

Левее его сел полковник Дрейлинг. Он высокий, стройный, с рыжей подстриженной бородкой. Он очень грустный. Все мы молчали. Встал Атаман Букретьов и сказал следующее:

— Кубанская армия находится в тяжелом положении. Случайно, через генерала Морозова, мы вошли в связь с красным командованием, предложившим нам мир. Для выяснения этого мною был послан на фронт начальник штаба Армии, полковник Дрейлинг, который Вам и доложит все.

Сказал, показал жестом на полковника Дрейлинга и сел. Поднялся со стула Дрейлинг, также чисто и аккуратно одетый, с аксельбантами Генерального штаба на кителе, почтительно поклонился Букретьову, оперся пальцами рук на стол и, не смотря ни на кого, заговорил, вернее — стал читать нам по бумаге «условия красного командования, на которых может быть заключен мир».

Я их не буду приводить, укажу только, что перечисленные условия, подписанные начальником 34-й красной пехотной дивизии, действовавшей против нас, Егоровым и военным комиссаром дивизии Сутиным, заканчивались ультимативно: «Срок мирных переговоров кончается 2-го мая сего года в 4 часа 15 минут. К означенному сроку Вам надлежит дать определенный ответ».

Дата по новому стилю. Мы жили по старому. Значит, ультиматум кончается 19 апреля старого стиля, а военный совет был накануне, 18-го.

Слушали мы полковника Дрейлинга и не верили своим ушам, настолько все это было неожиданно и недопустимо для нас. Прочитав, Дрейлинг дополнил, что «при личных переговорах (у будки за мостом, в 4 верстах южнее Сочи) — дано время для ответа ровно 24 часа», и добавил:

— О сдаче не может быть и речи. Наша цель — затянуть переговоры дня на три, когда к нам придут транспорты из Крыма для погрузки, для переброски казаков туда.

Он говорил грустным голосом, как и сам был очень грустный. Атаман Букретов, во все время доклада Дрейлинга смотревший на пальцы своих рук, слегка игравшие по столу, обратился к члену правительства Белашеву, только что вернувшемуся из Гагры, где он вел переговоры с грузинским представительством, доложить совету, как обстоит дело с переходом армии в Грузию?

Блондин 35 или 40 лет, с приятным, открытым лицом, в парусиновой гимнастерке, подтянутой казачьим пояском, выдвинулся к столу из группы офицеров, стоявших против нас, и, очень волнуясь, доложил:

— Грузинское правительство наотрез отказалось пропустить казаков на свою территорию, боясь угрозы красных, которые предупредили, что Красная армия «на плечах казаков» войдет вслед в Грузию и неизвестно, где остановится.

Свой короткий доклад Белашев закончил словами:

— Положение безвыходное, и над условиями красных надо подумать.

Против Белашева за столом сидел какой-то очень полный генерал в серой черкеске и в пенсне, спиной к нам. Он резко, по-военному, «наскочил» на докладчика в повышенном тоне, упрекая его, что он недостаточно энергично хлопотал перед грузинами. Белашев не смутился.

— Господин Атаман!.. Я прошу Вас остановить генерала Сидоренко²²⁶ в его упреке и резкости против меня!.. Генерал думает, что я есть есаул и его подчиненный по Пластунской бригаде?! Но я сейчас член Кубанского краевого правительства! — сказал и сделал шаг назад, по-военному.

Генерал Букретов поднялся на ноги и вежливо попросил генерала Сидоренко успокоиться. Последний был в это время командиром Кубанского Войскового учебного пластунского батальона. Но Сидоренко не успокоился. Сидя на стуле, как бы в ответ Букретову, он резко, громко подчеркнул: «Сдаваться нельзя!..» И что «он лично — ни одному слову красных не верит, с армией не останется, а уедет в Крым!».

Слова генерала Сидоренко произвели бодрящее настроение, но все почему-то молчали. Это молчание нарушил Атаман Букретов. Он встал со стула и сказал:

— Господа! Мы на военном совете. Я прошу высказаться каждому о моральном состоянии своих частей и о том, что же надо делать? Как полагается в таких случаях, я начну опрос с младших в чине.

И он повел глазами по лицам и погонам офицеров. Самым младшим оказался войсковой старшина Мальцев, стоявший на самом левом флан-

ге, смотря от председательского места. Атаман просил называть свой чин, фамилию и какой частью командует каждый.

В группе собравшихся офицеров я знал только Мальцева, полковников Соламахина и Певнева Сергея²²⁷ и генералов — Секретева и Шифнер-Маркевича. Остальные мне не были знакомы. Все они были от частей, находящихся или в самом Адлере, или южнее его. От частей, находящихся на фронте, то есть севернее Адлера, не было никого. Никого не было и от нашего 2-го Кубанского конного крпуса. Я попал сюда совершенно случайно.

Нелишне знать стаж — служебный и боевой — тех, кто говорил. Мальцев окончил Оренбургское казачье училище младшим портупей-юнкером в 1911 году, вместе с полковником Гамалием и Атаманом Семеновым. Во всем был примерный юнкер. Учился отлично и окончил училище со средним баллом в 11,5. Вышел хорунжим в 1-й Екатеринодарский полк. Войну провел во 2-м Екатеринодарском полку и в 1916 году был уже есаулом, имея все боевые ордена до Георгиевского оружия включительно. По этим данным видно, что воевал он отлично и по чину опередил своих сверстников. Первопоходник, но всю Гражданскую войну провел в должности комендантского адъютанта Екатеринодара. Он был умен и «реалист» в жизни. 2-й Хоперский полк принял на Черноморском побережье. Он сказал:

— 2-й Хоперский полк боеспособен. Сдаваться полк не захочет. И пойдет куда угодно. А если потребуется — может с боем идти и против грузин, прорвать их фронт, идти до Батума, где и грузиться в Крым.

Сказал он хорошо, хотя и волнуясь. Стояла глубокая тишина.

— Хорошо. Кто следующий? Вы, полковник? Ваша фамилия и часть? — говорит Букретов, глядя на меня, стоявшего рядом с Мальцевым.

Назвав фамилию и полк, я продолжил:

— Скажу о настроении всей 2-й Кубанской дивизии, которую сдал старшему в чине только вчера. Я полностью присоединяюсь к словам войскового старшины Мальцева и заявляю, что казаки совершенно не хотят слушать о мире с красными, а если надо, то нужно силой перейти грузинскую границу, идти к Батуму и там грузиться в Крым.

— Хорошо. Кто следующий? — вновь запрашивает Атаман.

— Полковник Соламахин. Командир Хоперской бригады.

И он, словно ему тесно в этой толпе, будто не хватает воздуха в груди или чтобы как можно крепче стать на обе ноги, слегка задвигался из стороны в сторону и заговорил:

— Хоперские казаки никогда не согласятся признать советскую власть. Они восстали с генералом Шкуро еще весной 1918 года и были

далеко за Воронежем. Ни о каких условиях не может быть и речи. Мы, шукуринцы, будем драться до конца. И если надо — будем бить и грузин, но только чтобы уйти от красных и уехать в Крым.

Его останавливает Букретов при словах «бить грузин» — «чего говорить нельзя» — поясняет он.

— Да нам все равно! — оправдывается Соламахин. — Если они не пускают нас добровольно! — закончил он.

Соламахин окончил Елисаветградское кавалерийское училище взводным портупей-юнкером в 1911 году и хорунжим вышел в 1-й Хоперский полк. В Персии, в войне против турок, в 1916 году, будучи сотником и командиром сотни, за конную атаку награжден офицерским Георгиевским крестом. Во время войны окончил в Петрограде ускоренные курсы Академии Генерального штаба. Соратник Шкуро от Кавказа, за Воронеж и обратно до Кубани в должности командира полка. Боевой офицер. Его слова были вески.

Фамилии других я не помню, но все высказывались так, как и мы. Высказал это же и командир Войсковой учебной батареи полковник Сергей Иванович Певнев, которого я знал еще сотником по Турецкому фронту. Это был умный, блестящий офицер Кубанского Войска.

Высказались все, и высказались однородно. Атаман Букретов все время молчал, не перебивая никого. Мне показалось, что все это ему не нравится. Я это чувствовал внутренним чувством. Да и почему он не смотрит в глаза говорившим, а смотрел только на стол, на свои пальцы рук?

В особенности подозрительным мне показалось его обращение к генералу Шифнер-Маркевичу, который должен сказать свое слово «последним».

— Ну а Вы, генерал, что скажете? — так обратился он к нему, чем дал понять нам всем, дескать, «послушайте самого умного среди нас, самого популярного среди вас».

Наступила глубокая тишина. Все невольно вперились глазами в Маркевича, который сидел молча, как-то сгорбившись на стуле, глядя только перед собой, видимо что-то обдумывая и волнуясь в душе.

— Позвольте мне говорить сидя? — обратился он к Атаману.

— Пожалуйста, пожалуйста, генерал! — быстро ответил Букретов.

В противовес своему обыкновению говорить быстро, порою глотая слова и заикаясь, генерал Шифнер-Маркевич теперь, с напряженным спокойствием четко произнося каждое слово, коротко и определенно сказал, ни к кому лично не обращаясь:

— Крым также скоро должен пасть. Крым будет гораздо худшей ловушкой нам, находящимся здесь. К ним, кто в Крыму, условия сдв-

чи, паче чаяния, предъявятся более строгие, чем к нам. Там уже не все спокойно. Там, от лица офицеров, выступил капитан Орлов против главного командования. Уголь для транспорта на исходе.

И вдруг, повернув лицо к полковнику Соламахину и глядя на него, продолжил:

— И ты, Миша, глубоко заблуждаешься, зовя всех продолжать войну. Твои чувства я понимаю и ценю — но ты не все видишь.

И, вновь обращаясь ко всем и ни на кого не глядя, продолжал:

— Война окончена. Надо ясно сознать, что мы побеждены. Денег и снарядов нет. Союзники колеблются в поддержке нас. Вести десятки тысяч людей в неизвестность нельзя. Наш священный долг старших начальников — как можно безболезненно, бескровно спасти людей, не считаясь ни с чем. И по моему глубоко продуманному убеждению, Ваше превосходительство, — он встал и уже обратился к Атаману Букретову, — наилучший исход — НАДО КАПИТУЛИРОВАТЬ АРМИЮ.

Сказав это, словно изрыгнув непререкаемую истину, он тяжело опустился на свой стул и, достав из кармана носовой платок, вытер пот на лбу.

Подобное заявление генерала, любимого всеми, храбрейшего, умного и очень доброго человека в жизни, громом поразило нас.

Все сразу загомонили. Всем сразу стало как-то не по себе. Мне показалось, что вопрос «о мире с красными» был уже предreshен в кулуарах старшими генералами, вот почему «последнее слово» было предоставлено самому авторитетному генералу Шифнер-Маркевичу.

Гомон протеста был настолько силен, что Атаман Букретов просил «остановиться» и обратился к своему начальнику штаба армии, полковнику Дрейлингу — повторить сущность переговоров с красными, его личное впечатление и что делать дальше.

Дрейлинг встал. Скорбным голосом, со скорбным лицом, он заявил:

— Цель переговоров — выиграть время, пока придут транспорты из Крыма. На все это потребуется два-три дня, не больше. Красные, конечно, остались теми же... Верить им нельзя. (Он, полковник Дрейлинг, в переговорах исполняет только техническую роль.) Я сам красным не верю. Их условия для меня неподходящи. Я ни за что не останусь здесь и уеду персонально в Грузию или в Крым, — закончил он.

Эти слова, видимо, немного смутили Атамана Букретова. Но Дрейлинг подчеркнул, что армия воевать уже неспособна и надо искать какой-то выход. Как бы в ответ на эти слова, Букретов встал, принял гордую позу и с пафосом заявил:

— Если придется сдаваться всем, то я, как Войсковой Атаман и командующий армией, для блага Кубанского Войска, — я на автомобиле выеду впереди всех войск и первым же сдамся своим бывшим врагам.

Это очень многих удивило, как и показалось искусственным пафосом. Вновь загомонили кругом. А генерал Сидоренко резко спрашивает Букретова, не вставая со стула:

— Каково же решение Войскового совета?..

Вместо атамана отвечает Шифнер-Маркевич, теперь вставший. Он подчеркивает:

— Война окончена! Губить людей нельзя. Казаки народ простой. Они земледельцы, то есть те же крестьяне, и к ним красная власть особых репрессий не предпримет²²⁸. К тому же, как простым людям, пафос Белой Идеи им мало понятен. Офицеры же могут уезжать самостоятельно. На пароходе «Бештау» место им найдется. Время не терпит. И если мы сегодня же не дадим положительного ответа, красные перейдут в наступление. Прольется ненужная кровь, а результаты будут все те же, даже худшие. Мое мнение окончательное и категорическое — СДАВАТЬСЯ.

Сказал и сел. Наступила жуткая тишина. Встал Атаман Букретов и вдруг заявил:

— Ну, господа, делать нечего. Мы сдаемся. И ваша обязанность теперь — ехать по своим частям, объявить это и уговорить казаков сдаваться.

Это были буквальные его слова. И он закончил:

— Считаю заседание Войскового совета закрытым.

И, не ожидая нашего ухода, он спешно прошел мимо нас в свою спальню-кабинет на втором этаже.

Протокола не писалось. Все закончилось под вечер, думаю, часам к четырем пополудни. Все шумно стали выходить из помещения, громко говоря и как бы не зная, что же дальше делать?

Расстроенный, я не хочу ехать домой и «ведать» своему 1-му Лабинскому полку столь жуткую новость. Поднимаюсь наверх и иду лично к Атаману Букретову. Он удивленно принимает меня и спрашивает:

— Что же Вы еще хотите, полковник?.. Совет ведь решил сдаваться.

— Будут ли места для господ офицеров на «Бештау», кто не хочет сдаваться? — спрашиваю.

Я решаю спасти хоть офицеров. Видимо, чтобы избавиться от меня, он просит прибыть завтра, так как «сегодня некогда» и у него масса дел.

Мне не верится, что может быть «сдача армии». Это слишком чудовищно. Я не верю, что может быть «именно так». Я хочу убедиться лично, почему тут же, из Адлера, звоню на фронт генералу Морозову, коему со 2-й дивизией был временно подчинен, после сдачи Сочи 15 апреля. К телефону подошел Морозов. Я назвал себя.

— Да, теперь я Вас помню. Что Вы хотите, полковник? — спрашивает он.

Как самого активного участника переговоров с красными, я спросил его:

— Так ли это? И что же делать нам, офицерам?

— Оставаться со своими казаками до конца. И никуда не уезжать от своих частей. Иначе из-за своих офицеров пострадают Ваши же казаки, так как отъезд офицеров будет учтен красными как нарушение условий мира, — был его категорический ответ.

На военном совете, ввиду его сумбурности и «предназначенного решения», как мы поняли, Атамана Букретова и генерала Шифнер-Маркевича, вопрос о полковых штандартах и знаменах и знаменах пластунских батальонов не поднимался: «Что с ними делать?» Здесь же, в разговоре по телефону с Морозовым, когда вопрос о капитуляции армии подтвержден был им категорически, мысли бегут быстро. Вспомнил о знаменах.

— Как быть со знаменами, Ваше превосходительство? — рублю ему.

— Знамена должны остаться при частях! Вот и все, что я должен Вам ответить, полковник, — закончил он.

«Что делать?.. Что делать?! — кружит голову мысль. — Как же ехать в полк и сообщить ему всю эту жуткую действительность?! Как ее сказать?.. Как ее преподнести своему храброму 1-му Лабинскому полку?.. Но ехать надо и сказать надо — так ведь приказано».

Телефонограммой передаю полковнику Ткаченко: «Построить полк в резервную колонну со всеми офицерами, прибуду через 45 минут». До полка около 6 верст.

Адлер уже опустел от офицеров, бывших на совете. Все разъехались по своим частям. Я все еще боюсь «оторваться» от центра армии, где все так неожиданно и ужасно предрешиено. Но надо ехать. Сажусь в свой экипажик и выезжаю. Главная дорога из города идет прямо на восток. С этими тяжелыми мыслями я сижу словно полупьяный, глубоко вдавившись в кузов.

— Господин полковник!.. Генерал Шифнер-Маркевич! — вдруг выводит меня из полузабытья казак-кучер.

Я быстро высовываюсь головой в сторону и вижу генерала на велосипеде, едущего мне навстречу. На ходу, соскочив с экипажа, преградил ему дорогу. Вид его был необычный. Он в той же серой черкеске, в которой был на военном совете; полы ее подвернуты за пояс; он весь в пыли, в поту, в пенсе.

— А-а!.. Елисей? — говорит он, остановившись, но не слезая с сиденья.

— Откуда Вы в таком виде, Ваше превосходительство? — задаю вопрос пылко.

— Фу-т-ты!.. Только что уговаривал Линейную бригаду сдаваться!.. Не хотят казаки, боятся! Но, кажется, уговорил, — говорит он быстро и заикаясь.

— Неужели все это правда, Ваше превосходительство?.. Неужели нам надо сдаваться?.. Неужели нет выхода?.. И мы уже не можем сопротивляться? — с бесконечной грустью и в полной своей беспомощности, спрашиваю его.

— И... и думать нельзя! Конец! Мы побеждены!.. Крым ловушка. Им оттуда не уйти. Мы гораздо в лучшем положении, чем они. Да они им и не предъявят мира!.. А просто — раздавят их. И они не уйдут. Для пароходов — угля нет, — выпалил он мне быстро, чуть заикаясь, и при этом, сняв папаху, стал вытирать пот, обильно выступивший у него по всей голове от велосипедной езды.

Возможное и скорое падение Крыма и уничтожение там армии подействовало на меня потрясающе. Хватаясь «за соломинку», спрашиваю:

— Но как же быть офицерам? В особенности старшим?

— Вам оставаться с казаками и никуда не уходить, — в тон генералу Морозову, словно уговорились заранее, отвечает он.

Мое сердце померкло от этих слов.

— А Вы, Ваше превосходительство, останетесь? — хватаюсь за следующую «соломинку», чтобы уж ежели погибать, так погибать вместе.

— Душа моя здесь, с казаками, но разум говорит — надо уезжать!.. — улыбается он через пенсне и добавляет: — Я знаю, что меня красные не помилуют и повесят из-за генерала Шкуро. Я уеду один, — закончил он.

Мы расстались. Больше я его не видел. Он умер в Галлиполи в 1921 году.

Жуткие минуты в полку

Громадный четырехугольник резервной колонны 1-го Лабинского полка в 1500 казаков служил тем «заколдованным кругом», куда нас завели вожди и перед которым я должен был дать полный отчет.

Полковым маршем встретил меня храбрый полк и, как оказалось, в последний раз.

Уже смеркалось. Это было хорошо, чтобы не видеть их лица. Остановил хор трубачей тогда, когда дошел до середины каре. Поздоровался. Напряженные души казаков ответили дружно, громко, словно бодря себя. Они уже знали откуда-то «о решении Войскового совета», и вот

теперь они хотят услышать это от своего командира полка, в надежде, что «это не так».

В гробовой тишине этого скученного строя сердца, казавшегося «переставших и дышать», я коротко поведал, что произошло на военном совете и к чему зовет их Войсковой Атаман генерал Букретов.

— Приказано оставаться, отступать дальше некуда.

Сказал и молчу. И не знаю — что же мне дальше говорить, что делать? Молчит и весь полк. И все так тихо кругом, что стало страшно на душе.

Надо распустить полк по биваку и идти к себе — ясно знаю и не могу этого исполнить. Не идут эти слова на язык, словно не все еще сказал, словно не все еще окончено. И казаки знают это. Я ведь сказал им только голые слова!.. А как поступить дальше, что им делать — еще не сказано. Я даже не знаю их затаенных мыслей — как все они смотрят на это? И чтобы закончить эти трагические минуты, в муках своей души, бросаю в их густые ряды фразу:

— Ну, так как же, братцы?.. Останемся?

Тишина заглушила мои слова. Стало еще страшнее на душе. Все молчат. Молчат и офицеры. И после долгой смертельной паузы вдруг раздался два заглушенных голоса из задних взводов 2-й и 5-й сотен:

— А Вы — останетесь с нами?

«Что это?.. упрек?.. просьба?.. желание?.. испытание своего командира в преданности и любви к полку? — пронеслось в голове. — Дескать, умел водить в конные атаки, а вот теперь как и куда нас поведешь?!»

Должен подчеркнуть, что, когда наш корпус спешно отошел из Ставропольской губернии и расквартировался в станице Кавказской, в полках среди казаков и жителей муслировался слух, кем-то пущенный, что «офицеры доведут казаков до моря, а там погрузятся на пароходы, уедут за границу, а казаков бросят».

Слухи были настолько сильны, что командир корпуса генерал Науменко приказал сказать в сотнях, что «офицеры никогда не бросят своих казаков и что, если потребует, разделят с ними судьбу полностью».

Это не только что было сказано во всех полках корпуса, но и при случае подчеркивалось везде казакам, что «офицеры их не бросят». И вот он настал, этот роковой час — неимоверно тяжелый, самый страшный и исключительно ответственный, а для меня в особенности.

Я почувствовал всю ответственность тех слов, которые я скажу вот сейчас.

Как иногда бывало перед боем, холодная капля животного страха появилась у меня в шейном позвонке и, постепенно скользя вниз по позвонку, дошла до седалищного нерва и там растворилась. С этого

момента чувство страха у меня проходило. Произошло это и теперь. И когда этот процесс «животного страха» (а теперь духовного) прошел, негромко, но внятно, над гробовой тишиной полутора тысяч казачьих сердец, чтобы все слышали, произнес:

— О С Т А Н У С Ь.

Показалось ли мне, или это было на самом деле, но по полку пронесся облегченный вздох.

— А теперь — разойдись, братцы! Господа офицеры, пожалуйста ко мне в комнату! — уже облегченно произнес и молча двинулся на пригорок, где стоял домик штаба полка.

Этим ответом я решил свою личную судьбу, но почувствовал — что-то оборвалось в моем существе и прекратило жить.

ТЕТРАДЬ ВОСЬМАЯ

Решение офицеров 1-го Лабинского полка

Офицеры не последовали за мной непосредственно в мою комнату, а видимо, в естественном волнении, задержались среди казаков своих сотен узнать точное их настроение — как быть?

Может быть, через полчаса они вошли ко мне во главе с полковником Ткаченко, который немедленно доложил: «Казачья успокоилась, и если уж придется погибать, то всем вместе и с командиром полка. И что теперь им не так страшно».

При закрытых дверях я подробно рассказал своим офицерам, что происходило на военном совете в Адлере, со всеми подробностями. Стояла гробовая тишина. Я еще не знал мнение офицеров — останутся ли они со своими казаками или предпочтут бросить их и спастись, как кто может, поэтому и закончил доклад следующими словами:

— Атаман Букретов обещал принять на последний пароход «Бештау», стоящий на рейде у Адлера, всех офицеров, желающих выехать в Крым, но в одиночном порядке. Ни одна воинская часть не может и не должна грузиться или переходить грузинскую границу, иначе красные перейдут в наступление. Да и нет других пароходов, на которые можно было бы грузиться, — добавляю к словам Атамана Букретова. — И вопрос обстоит так, что, кто хочет спастись одиночно, надо бросить полк.

После этих последних моих слов какой-то грудной вздох пронесся по небольшой моей комнате, где собралось до 40 офицеров полка, сидя и стоя в тесноте.

— Ну... нет!.. Бросить полк и каждому спастись — это невозможно... стыдно и недопустимо! — вдруг решительно говорит гордый полковник Ткаченко и, не ожидая моих дальнейших слов, обращаясь непосредственно к офицерам, резко спрашивает: — Как вы на это, господа, смотрите?

— Канешна, нельзя, — грудным, затаенным голосом не сказали, а выдавили штаб-офицеры Баранов и Сахно, авторитетно поддерживая Ткаченко.

Но я почувствовал, что эти два слова были именно «выдавлены» ими из груди по чувству долга и чести перед своими казаками, когда и разум и сердце говорили совсем иначе.

Все мы отлично знали, что с красными не может быть никакого мира. Все почувствовали, что положение ужасное и выхода нет. Но бросить полк?! бросить родной и храбрый 1-й Лабинский полк, бросить свои сотни, своих станичников и самим, только офицерам, спастись — это никак не вменялось в их понятии.

Я предложил ответить каждому персонально, начиная с младшего в чине, как кто хочет решить свою судьбу? Все запротестовали на мой запрос.

— Остаемся все с полком! — раздалось несколько голосов.

Но я знал, что легко сказать толпою «остаемся» и совсем другое — это мнение высказать лично. И повел глазами по всем лицам, возбужденно смотревшим на меня, и, немного дольше, чем на других, остановился на есауле Сапунове, словно спрашивая его: «Ну а ты, храбрейший, со своими 26 пулеметами со столь воинственными надписями на них, ты что скажешь?» И он понял это. Крупный казак в свои 30 лет, кулаком могущий повалить быка на землю, он, в своем трагическом переживании, молча и беспомощно опустил глаза dolu.

— Господа, дело не законченное, нам еще могут подать пароходы из Крыма. Мы будем ждать. Важно не расстроить полк. Но никому не возбраняется искать своих путей, — добавляю.

При личном опросе все высказались «остаться с полком». Решили выехать, и немедленно, только командир 2-й сотни, есаул Луценко и его младший офицер, хорунжий Шопин. Оба доложили, что им возвращаться в свои станицы невозможно, так как они «много залили сала за кожу местным своим мужикам», как доложили собранию. Оба они из заслуженных урядников.

При Луценко был и его отец, отступивший в горы. Луценко продиктовал отцу «оставаться с полком, вернуться домой и побеспокоиться об оставшемся семействе, состоявшем из одних женщин».

Высокий сухой старик лет под семьдесят, с библейской узкой, длинной седой бородой, словно олицетворявший всю нашу «седую Кубань»,

выслушивая сына, он только кивал и поддакивал: «Да, да, сыночек, останусь».

Старик не плакал, но я видел, какая жуткая трагедия происходила в его неиспорченной душе: ненависть к красным, разлука с сыном, а позади, в своей станице, беспомощная семья. Я обласкал старика, как мог. Луценко и Шопину приказал выдать положенное жалованье и эвакуационные деньги в сумме двухмесячного жалованья, согласно приказу генерала Деникина.

Распрощавшись со всеми дружески, они выехали в Адлер в полночь того же дня. С ними выехал и мой кучер, вахмистр, казак станицы Михайловской, который доложил мне, что и он «много залил сала за шкуру своим мужикам станицы, почему остаться не можем». Фамилию его не помню.

Это были все, кто покинул полк по личным мотивам. Их больше я не увидел. Есаул Луценко умер своей смертью во Франции перед 1930 годом, а хорунжий Шопин поступил рядовым в 1-й Кавалерийский полк Иностранного легиона французской армии, дослужился до звания сержанта и погиб в Сирии в бою против восставших друзов. С ним погиб и наш молодой кавказец есаул Сережа Поволоцкий²²⁹, будучи также сержантом.

Офицеры-корниловцы. В Адлере, у Атамана Букретова

Жуткая ночь прошла. Утром 20 апреля скачу в Адлер. Надо узнать — возможно, что прибыли транспорты из Крыма? Сдаваться красным мы ведь совершенно не собираемся! Как доложил полковник Дрейлинг, цель переговоров — «оттянуть время, пока придут пароходы из Крыма».

На полпути к Адлеру обнаруживаю обоз Корниловского полка. Путь мой преграждают человек пятнадцать офицеров полка. Впереди них полковник Литвиненко, рядом войсковой старшина Марков; за ними есаулы Збронский, Мартыненко, Носенко, Тюнин, братья Кононенко, Козлов-младший и еще кто-то. Позади всех стоит наш младший брат Георгий, есаул. Других не помню.

— Куда Вы спешите, господин полковник? Зачем? Что слышно? Неужели сдаваться красным? Да никогда! — забросал меня вопросами Литвиненко.

Оказывается — они ночью бежали из полка, занимающего аррьергардные позиции, и, если будет утвержден мир с красными, они будут грузиться на «Бештау» одиночным порядком.

— Полки еще сильны! Мы еще можем сопротивляться! Надо идти в Грузию! И если потребуется — силой развернуть границу, но войти! — продолжает возбужденно, короткими фразами, не говорит, а выкрикивает экспансивный полковник Литвиненко.

— Я только командир полка, у нас теперь начальник дивизии полковник Преображенский, обращайтесь к нему, — отвечаю всем присутствующим.

— Плюньте на этот штаб дивизии, после отъезда генерала Бабиева он ничего не стоит, там уси городовыкы! — парирует мне Литвиненко. — Да Вы выступите только со своим полком, и все к Вам присоединятся! — продолжает он.

Я удивился возбужденности их, словно кто-то уже хватается их за горло. Что там у них произошло в полку, я не знаю. Они говорят, что командир полка, войсковой старшина Безладнов упрямо будто бы заявил им, что он держит ответственную арьергардную позицию и без приказа ее не оставит. Он потребовал, чтобы офицеры оставались до конца при своих сотнях, но они ночью оставили полк, прибыли сюда, в обоз, и не знают, что дальше делать?

— Хорошо. Едемте со мной в штаб Войска, к Атаману, — Вы, Илларион Васильевич и Марков, там выясним все, — предлагаю им.

Они согласились. К ним присоединился по своей инициативе есаул Збронский.

Мы в штабе Войска. Там большая суматоха. Миновав парных часовых, вошли в знакомый мне по вчерашнему военному совещанию дом.

— Атаман занят и принять Вас не может, — отвечает мне высокий, стройный, с приятным лицом есаул, в аксельбанте на гимнастерке, личный адъютант Атамана Букретова — вежливо, но с полным осознанием своего высокого положения.

— А я Вас прошу доложить Атаману, что просит командир 1-го Лабинского полка, — говорю ему требовательно.

Он уходит и, вернувшись, докладывает, что «Атаман лег отдыхать и просит его не тревожить, так как он не спал всю ночь».

— Вы вначале сказали, что он занят, а теперь говорите, что он отдыхает. Что это значит?.. Доложите еще, что его хотят видеть офицеры Корниловского полка вместе со мной! — уже возмущенно диктую ему.

— Я этого не могу доложить, господин полковник, и прошу понять меня, — чистосердечно отвечает адъютант, — но если Вам так нужно видеть Атамана — пройдите сами наверх и постучите ему в дверь.

Все мы четверо поднялись на второй этаж, и на мой стук в дверь послышался ответ:

— Кто там?

— Командир 1-го Лабинского полка и господа офицеры Корниловского полка хотят видеть Вас, Ваше превосходительство, — отвечаю.

Открывается дверь, и появляется Атаман. Он одет, как и вчера, — в ките и в сапогах. Увидев нас, он «потянулся», как делает человек после крепкого сна, и даже зевнул, чтобы показать нам, что он спал.

Вслед за нами прискакали и остальные офицеры-корниловцы. Указав жестом на них, я докладываю Войсковому Атаману уже от лица всей 2-й Кубанской казачьей дивизии, что казаки совершенно не хотят сдаваться красным, что полки ждут приказа своего Атамана, могут и хотят пробиваться в Грузию и вообще идти куда угодно, но только не сдаваться.

— Разве есть части, которые еще хотят драться?.. Я этого не знал, но теперь уже поздно. Перемирие подписано, и никуда двигаться нельзя, иначе поведете других. И по всем этим вопросам теперь обращайтесь к генералу Морозову. Он находится на фронте, — спокойно, деловито произнес он.

— Так, значит, все кончено, Ваше превосходительство?

— Да, конечно.

— Ну а те офицеры, которые не могут и не хотят остаться? Позвольте получить на них пропуск на «Бештау»?

— Там все заполнено, мест нет, — отвечает он.

— Это офицеры Корниловского конного полка!.. Многие из них первоходники, им оставаться у красных совершенно невозможно!.. Я Вас прошу дать им пропуск! — с жаром докладываю Атаману.

— Корниловцы-ы?! Ну хорошо. Попросите ко мне моего адъютанта, — успокаивает он нас.

Знакомый нам адъютант появился и получает распоряжение: «Выдать пропуск тем офицерам, на которых укажет полковник», — показывая на меня, говорит Атаман Букретов.

Я рад хотя бы этому успеху. Все оставляю делать полковнику Литвиненко, а сам бросаюсь в седло и скачу домой, в полк. Потом надо проскакать к старшему брату в 1-й Кавказский полк. Надо спасти его. Потом подумать о Надюше-сестренке.

Крупной рысью выхожу из Адлера. Дорога из него идет вначале прямо на восток и перпендикулярно упирается в шоссе из Сочи в Грузию. Здесь я наткнулся на хвост колонны нашего штаба дивизии, вернее, на последние санитарные линейки.

— Куда вы? — спрашиваю.

— А не знаем, штаб дивизии впереди идет, а мы вслед за ними, говорили — идем на Адлер, а куда дальше — не знаем, — отвечает сестра милосердия.

— А полки тоже идут вслед за вами?

— Да не знаем, полковник, — отвечает она.

Голова штаба дивизии была от меня в 200 шагах. Впереди шел верхом полковник Преображенский, рядом с ним полковник Гришин. Позади остальные чины штаба и конные вестовые. Они шли очень медленным шагом и сильно растянулись в своей колонне. Время у меня было рассчитано, и я, повернув налево, спешно двинулся к своему полку.

Этот день 20 апреля был днем «столпотворения Кубани». Весть «о сдаче армии» облетела все уголки и ущелья, где ютились полки и беженцы, около 60 тысяч людей. Все, боясь «сдачи», двинулись к Адлеру и за Адлер. Связь с частями и управление армией были утеряны полностью. Все как-то сразу опустело в душах, и жизнь самой армии и ее частей утратила свою цель. В воздухе почувствовалось: «конец», конец всему, и конец очень жуткий.

В стихии беспомощности

Когда я вернулся к полку, у шоссе, южнее его, обнаружил штаб своего 2-го Кубанского конного корпуса с генералом Хорановым.

Хоранов, пунцовый в лице от неизвестных мне переживаний, был разговорчив, но смущен.

— Я остаюсь здесь и дальше никуда не поеду. Белые или красные — мне все равно. Везде служить можно. И если они дадут мне также корпус, я буду командовать и красным корпусом, — говорит он мне в присутствии своих штабных офицеров.

На меня эта философия произвела отталкивающее впечатление. Если мы еще «метались», ища выхода и спасения. Если я дал слово своим казакам «остаться с полком» — я еще искал выхода, как и куда идти с полком? Никто из нас не говорил никому твердо, что «я остаюсь». Мы оставались, но — как?

Да мы еще и «не оставались». Мы все еще ждали пароходов из Крыма. И цель переговоров была лишь в том, чтобы оттянуть время.

К биваку Лабинской бригады подошел 2-й Сводно-Кубанский полк полковника Лиманского и расположился биваком у шоссе. У Лиманского дивный полковой хор трубачей. И было даже странно видеть в эти трагические часы Кубанской армии молодецкую часть в 400 шашек и молодецкого 26-летнего командира полка в таком не урюмом настроении.

Лиманский прибыл ко мне, так как он не знает, «где штаб дивизии», и прибыл сюда по инерции, чтобы быть вместе с главными си-

лами дивизии — с Лабинской бригадой, сила которой определилась в 2700 шашек.

О Корниловском полку я знал, что он занимает все время арьергардные позиции, а что там у них — я не знал.

Фронт еще держался. Армия еще существовала, но чувствовалось, что кто-то словно выдернул из нее стержень. У Адлера на рейде еще стоял пароход «Бештау», весь облепленный людьми. К ним была явная зависть казаков.

В Адлере еще бился пульс главного штаба войск Черноморского побережья, но, несмотря на это, «стержня» мы уже не чувствовали. Я ощутил жуткое одиночество и беспомощность. А главное — отсутствие авторитета.

Штаб дивизии оторвался от полков, куда-то ушел, на юг «за Адлер», тогда как все его полки находились севернее Адлера.

Штаб корпуса под боком, буквально через дорогу, помещался в большой палатке-шатре, но он оказался таким ничтожным, что к нему совершенно незачем идти. Я не имел никакой моральной поддержки от вышестоящих начальников-генералов.

Офицеры 1-го Кавказского полка, где был старший брат Андрей, решили остаться также с казаками. В станице у него оставалась жена с дочкой и сыном, не достигшим еще и 10-летнего возраста.

— Нет, Федя, семью оставить я не могу, будь что будет, как Бог даст, — печально ответил он.

В душе моей шла борьба. Разум говорил — надо уходить, спастись в одиночку, но сердце диктовало иное. Полк! Бросить полк. Но как?.. Тайно ночью и секретно ото всех. Иначе и офицеры могли задержать меня силой.

Да и честно ли это?.. Конечно — не честно! И пойдет из поколения в поколение молва по станицам: «Да это тот полковник Елисеев, который бросил своих казаков на берегу и спасся один. А это его сын?.. И тоже, наверное, будет такой же «подец», как и его отец».

Эти мысли меня не только что волновали, но они вызвали в моем существе определенное решение: «Нет и нет!.. Один спастись я не могу и не стану».

Так думал я тогда, идеализируя человеческую душу, в особенности казачью.

Десять лет спустя в Париже, да и потом, я ощутил и «изнанку» души некоторых кубанских казаков и офицеров, и понял, познал на себе, что я тогда, на Черноморском побережье в апреле 1920 года, сделал промах по идеализации человеческой души и надо было спастись «и в одиночном порядке». Духовный подвиг не был понятен для некоторых.

Я вновь начальник дивизии. Пароходы ушли

К вечеру 20 апреля мне представляются есаул Ишутин и ротмистр Дейбель. С ними хозяйственная часть штаба дивизии и казначей-чиновник.

Есаул Ишутин докладывает, что штаб дивизии поехал в хутор Веселый, где будет грузиться на пароход, но они не захотели и вернулись назад.

При этом начальник штаба дивизии, полковник Гришин с казначеем прислал на мое имя деньги — жалованье для раздачи полкам дивизии.

Все это меня очень удивило. Удивило то, что штаб дивизии молча покинул свои полки, ушел «грузиться», не дав никакого распоряжения своим полкам.

Возмущенный этим, резко спрашиваю Ишутину, которого отлично знал:

— Почему же штаб дивизии прислал деньги для раздачи полкам именно мне?

— Ну а кому же, господин полковник? Ведь Вы же почти все время командовали 2-й дивизией до соединения с нашей, ну вот и прислал полковник Гришин на Ваше имя, по привычке.

Казначей доложил, что жалованье для полков, как и аванс, были получены из штаба корпуса только вчера. Ценные купюры, «керенские» и «донские», штаб дивизии оставил у себя, а полкам прислал только «колокольчики» 5- и 10-тысячного достоинства.

Для проверки доклада казначея иду с ним в штаб корпуса. Он рядом в палатке, через шоссе. Казначей корпуса, войсковой старшина Клерже²³⁰ (наш старый корниловец) по отчетным книгам дает справку — сколько денег и какого достоинства он выдал полкам 2-й дивизии. И оказалось, что штаб дивизии прислал только часть денег и в таких больших купюрах «колокольчиков», которые очень низко расценивались и были совершенно непопулярны среди населения.

Делать нечего. Принимаю бразды правления дивизией, вызываю командиров полков Кротова и Лиманского, кои были рядом, своих командиров сотен и всех троих помощников — Ткаченко, Баранова, Сахно. Выслушав мой доклад, все были не только что возмущены поступком штаба дивизии, но отказались принять деньги. Все настояли послать в хутор Веселый офицера и обменять деньги на более ходкую валюту.

— Кого послать? — спрашиваю, зная, насколько щепетильный и неприятный этот вопрос, но который надо разрешить. Мы ведь фактически «ждем пароходов из Крыма» и осуждаем штаб дивизии в произволе.

— Позвольте мне поехать, господин полковник? — вдруг решительно говорит командир 1-й сотни, войсковой старшина Логвинов. — Я их хорошо знаю, этих штабных, — добавляет он.

Вопрос легко разрешился. Ему был передан весь аванс. Он взял с собой шесть казаков своей сотни и с темнотою немедленно отправился в хутор Веселый. Вернулся он глубоко за полночь, обменяв все «колокольчики» на «керенки» и «донские».

— Не хотели менять, но я им сказал — не уеду, пока не получу!.. Долго торговались, наконец согласились, — доложил он.

Я поздравил Логвинова с успехом, и моя «сухость» к нему за случай в Филипповском хуторе прошла.

Как писал раньше — Логвинов был ранен в голову, и на него иногда находил «заскок», то есть ненормальность. Думаю, при объяснении с полковником Гришиным он был недостаточно воздержан, так как в 1927 году по этому поводу возникла переписка. Генерал Шатилов²³¹, будучи тогда начальником 1-го отдела Русского общевойинского союза во Франции, целиком стал на мою сторону. Официальная переписка эта сохранилась у меня полностью²³².

Рано утром 20 апреля первый мой взгляд после сна был на Адлер. Глянул, и похолодело сердце: на море полная гладь и нет парохода «Бештау».

Немедленно же скачу в Адлер, наш «якорь спасения». В нем какая-то жуткая тишина. На дверях того дома, где был военный совет, вижу большой лист бумаги, на котором крупными буквами, кистью, написано: «Предлагается собраться (указан час времени) старшим офицерам для образования Военного комитета. Подпись: командир учебной конной батареи, полковник *Сергей Певнев*».

Прочитав это, своим глазам не верю. Нахожу Певнева и от него узнаю, что Атаман Букретов еще ночью выехал в Батум пароходом. Все старшие генералы и штабы разъехались. Власти над армией НИКАКОЙ нет. Чтобы не бросить воинские части в анархию, надо образовать здесь какую-то власть. И он, как старший начальник, оставшийся в гарнизоне Адлера, нашел единственно подходящим образовать «Военный комитет».

Я отнесся к этому несочувственно, своего плана не имел, так как ждал пароходов из Крыма. Не нашел он сочувствия и среди других офицеров.

Полковник Певнев был признан отличным офицером-артиллеристом Кубанского Войска, почему и был назначен командиром Войсковой учебной батареи. Оказывается, офицеры Кубанского военного училища предложили ему место с женой на «Бештау».

- А для моих казаков-батарейцев место там есть? — спросил он.
- Нет, есть место только для Вас и Вашей супруги, — ответили.
- Ну, если нет места для моих казаков, нет его и для меня, я остаюсь здесь со своими казаками, — сказал он.

Что предшествовало «миру с красными»?

Посмотрим — как тогда думали и говорили старшие генералы.

21 декабря 1919 года генерал Врангель, перед отъездом на Кубань для формирования Кубанских конных корпусов, на станции Нахичевань (под Ростовом) зашел в вагон к генералу Романовскому, начальнику штаба генерала Деникина, и спросил его: «Отдает ли себе главнокомандующий ясный отчет в том, насколько положение грозно?» — и получил ответ Романовского: «Что же Вы хотите — не может же главнокомандующий признаться в том, что дело потеряно»²³³.

«О первых ласточках мира с красными» генерал Деникин пишет так: «В один из ближайших дней перед эвакуацией (Новороссийска) ко мне явился генерал Бридж со следующим предложением Английского Правительства: «Так как, по мнению последнего, положение катастрофично и эвакуация в Крым неосуществима, то англичане предлагают мне свое посредничество для заключения перемирия с большевиками». Я ответил: «Никогда»²³⁴.

Генерал Врангель, оставив Крым по настоянию генерала Деникина, проживал в Константинополе. 18 марта 1920 года главнокомандующий генерал Деникин разослал старшим начальникам секретную телеграмму, чтобы они прибыли к вечеру 21 марта в Севастополь для избрания преемника главнокомандующего Вооруженными силами Юга России, то есть замены самого генерала Деникина. Получив это приглашение, генерал Врангель пишет: «Я не сомневался, что борьба проиграна, что гибель остатков армии неизбежна. Отправляясь в Крым, я оттуда, вероятно, уже не вернусь».

Дальше генерал Врангель пишет, что верховный комиссар Великобритании в Константинополе, адмирал де Робек передал ему, Врангелю, секретную телеграмму для генерала Деникина, которая заканчивалась словами: «Однако если бы генерал Деникин почел бы себя обязанным его отклонить, дабы продолжать явно безнадежную борьбу, то в этом случае Британское Правительство сочло бы себя обязанным отказаться от какой бы то ни было ответственности за этот шаг и прекратить в будущем всякую поддержку или помощь какого бы то ни было характера генералу Деникину».

Генерал Врангель все же решил ехать в Крым, не сомневаясь, что он будет избран преемником генерала Деникина. И свое решение заканчивает словами своего соратника и друга, генерала Шатилова так: «Генерал Шатилов, узнав о моем решении, пришел в ужас. «Ты знаешь, что дальнейшая борьба невозможна. Армия или погибнет, или вынуждена будет капитулировать, и ты покроешь себя позором. Ведь у тебя ничего, кроме незапятнанного имени, не осталось. Ехать теперь — это безумие», — убеждал он меня»²³⁵.

Из этих коротких выдержек генералов Деникина и Врангеля ясно видно, что «мир с большевиками» зародился не в умах военных и политических руководителей Кубани. Но когда Кубанская армия была прижата к морю от Хосты и до грузинской границы, по шоссе и в окрестностях, на пятатке территории в 15 верст по птичьему полету, где скопилось до 60 тысяч войск и беженцев, без фуража и продуктов питания для людей, положение стало катастрофическим.

«Представитель Английского командования, присутствовавший на переговорах Кубанского Атамана генерала Букретова, начальника штаба армии полковника Дрейлинга и председателя Кубанского Правительства Иваниса в Гаграх 15 апреля высказался решительно против насильственного перехода Кубанцами границы Грузии и пригрозил, что в случае осуществления казаками подобного плана Великобритании не только откажет Кубанцам в своей помощи, но решительно воспрепятствует осуществлению этого намерения»²³⁶.

По разным источникам в печати можно проследить, что главное командование будто не собиралось перебросить казаков в Крым по причинам и ненадежности положения в Крыму, и не желая усиливать Добровольческую армию как бы недовольным ему элементом.

«Не знаю, что лучше — перевозить ли Ваш корпус в Крым или с остатками Донской армии переезжать к Вам на Побережье», — писал Атаман Богаетский командиру 4-го Донского корпуса генералу Старикову²³⁷.

«На бурном заседании Донских правителей в Феодосии решено было воздержаться пока вовсе от перевозки Донцов в Крым. Мотивами этого решения были — с одной стороны, развал частей, с другой — опасение за прочность Крыма («ловушка»)\», — пишет генерал Деникин²³⁸.

«На заседании старших начальников 22 марта 1920 года в Севастополе было оглашено ультимативное сообщение Британского Правительства генералу Деникину с указанием о необходимости прекращения неравной и безнадежной борьбы».

Генерал Врангель, принимая преемственность стать главнокомандующим, под составленным актом написал следующее: «Я делил с Армией славу побед и не могу отказаться испытать с нею чашу унижения»²³⁹.

О задержке переброски в Крым 4-го Донского конного корпуса много и подробно сказано в упомянутой книге генерала Голубинцева.

Голубинцев был командиром 14-й Донской отдельной конной бригады, входившей в состав 4-го Донского корпуса. Кроме того, он был в комиссии по переговорам «о перемирии с красными», назначенный в нее временным командиром их корпуса генералом Калининым²⁴⁰.

Мы, фронт, тогда ничего не знали о жуткой катастрофе Донской армии при эвакуации Новороссийска. Две трети от ее численности осталось на берегу. Вот почему Донское правительство в Феодосии, как пишет генерал Деникин, «воздержалось пока вовсе от перевозки 4-го Донского корпуса в Крым», считая, что Крым должен «пасть».

Кубанское правительство и Войсковой Атаман были при своей Кубанской армии. О катастрофе в Новороссийске они отлично знали уже 15 марта на совещании старших начальников в Туапсе. В нем участвовал и командующий Кубанской армией генерал Улагай, только что прибывший из Крыма. Уверенности в твердости положения Крыма, видимо, не было, так как на этом совещании решено было «отходить в Грузию»²⁴¹.

По многим источникам, на Черноморское побережье отступило около 60 тысяч войск с беженцами. Генерал Голубинцев в своей книге пишет: «Насколько помню, Донских казаков в строю было около 12-ти тысяч, а всего на довольствии около 18-ти тысяч». Черкесская конная дивизия насчитывала в своих рядах около 3 тысяч всадников. Следовательно, Кубанская армия насчитывала в своих рядах около 40 тысяч. Беженцев с Кубани было очень мало. Их дали только Екатеринодар и Майкоп.

Начальник штаба армии, полковник Дрейлинг на первом совещании в Адлере 16 апреля, на котором присутствовали Атаман Букретов, военный министр Кубани, генерал Болховитинов²⁴², временный командир 4-го Донского корпуса, генерал Калинин, генерал Шифнер-Маркевич и председатель Кубанского правительства Иванис²⁴³, доложил «о тяжелом положении армии, в которой числилось 47 тысяч бойцов, а продовольственных запасов в интендантстве всего на один день»²⁴⁴.

Из Крыма молчание и нет подачи транспортов. Грузия закрыла границу. Английская эскадра в Черном море поддержала решение Грузии, а британское правительство, как указано выше, предложило еще генералу Деникину прекратить войну с красными, считая ее «проигранной и безнадежной».

При таком катастрофическом положении Кубанский Атаман и правительство решили заключить перемирие с красными, надеясь, что перевозочные транспорты из Крыма еще подойдут.

«16-го апреля была послана по радио телеграмма генералу Врангелю в Крым, с просьбой прислать пароходы для эвакуации казаков».

«17-го апреля была послана новая просьба о присылке пароходов»²⁴⁵. Пароходы не прибыли.

Атаманский полк. День 21 апреля

Утром представился мне есаул Борис Ногаец²⁴⁶, прибывший из Адлера, с такими словами:

— Господин полковник, позвольте мне влиться в вашу дивизию с Атаманским конным полком?

С Борисом Ногайцем я познакомился в Екатеринодаре, перед революцией. Он был тогда прапорщиком 2-го Екатеринодарского полка и являлся младшим братом сотника Ногайца²⁴⁷, офицера Конвоя Его Величества. Среднего роста, хорошо сложенный, стройный, красивый, он мне тогда понравился. Теперь я его вижу в чине есаула и по старому знакомству крепко жму руку.

— Что за полк — Атаманский? Такого в Кубанском Войске нет. И к тому же почему Вы хотите влиться именно в нашу дивизию? — спрашиваю его.

И он мне доложил следующее:

— По избранию Войсковым Атаманом генерала Букретова Кубанский Гвардейский дивизион был переименован в Атаманский полк и являлся как бы Конвоем Войскового Атамана. Из Екатеринодара, перед эвакуацией его, два взвода казаков со штандартами были направлены в Новороссийск и отплыли в Крым, а полк уходил с правительственным отрядом в Туапсе. Ввиду капитуляции армии все старшие офицеры оставили полк и уехали в Крым, а я, как самый старший из оставшихся офицеров, возглавил полк. В нем до 400 шашек. Так как полк не входил ни в одну дивизию и является гвардейским, нам стало страшно оставаться в одиночку, и мы решили влиться в вашу дивизию. Вместе сдаваться красным не так страшно.

Проходит некоторое время, как представляется новый есаул, командир дивизиона 1-го Запорожского полка, с такой же просьбой.

— А где же сам полк? — спрашиваю.

— 1-й Запорожский полк неизвестно где, есть группы казаков, отступившие сюда, не найдя полка, постепенно организовались вместе, и нас теперь две сотни, 250 человек, — закончил он.

Небольшого роста, крепыш телом, отчетливый, видимо, из молодецких урядников. Фамилию его не помню.

Понимая их душевное состояние, сам беспомощный, обласкал и приютил, как мог. Борис Ногаец будет расстрелян красными в Екатеринодаре.

Вдруг пришло распоряжение через штаб корпуса из селения Хоста, от генерала Морозова: «Для того чтобы познать красную армию — сегодня же командировать в Сочи по одному офицеру от полка и по одному уряднику от сотен. Всем быть в военной форме, при холодном оружии, но без погон».

Сенсация. Собираю офицеров 1-го Лабинского полка, читаю телефонограмму и спрашиваю «желающих проехать в стан красных». Все офицеры улыбаются и молчат. Желающих не нашлось.

— Позвольте мне проехать в Сочи, господин полковник? — вдруг говорит подковой медицинский врач. — Я их, красных, хорошо знаю! Целых два года под ними, извергами, был! Меня-то они не проведут!

Назначены были в сотнях и надежные урядники. Где-то на сборном пункте, на камионе, все отправились в Сочи. К вечеру они вернулись.

— Красную армию не узнать, везде старые порядки, красноармейцы вежливые, угостили нас хорошим обедом. Говорят: «Не бойтесь!.. У нас порядок», — так доложили нам всем, офицерам полка, урядники от сотен.

— Да, господин полковник, красные переменились здорово и к лучшему, — докладывает доктор. — Конечно, я настроен был против них, но и то, должен сказать, переменились они до неузнаваемости. Бояться их нечего, можно оставаться, — «утешил» он нас.

Оказывается, когда комиссия от Атамана Букретова отказалась от приглашения проехать в Сочи для подписания перемирия, генерал Морозов, чтобы не сорвать переговоров, на свой риск сам поехал в Сочи на поданном ему красными автомобиле. Комиссар просил его «быть без погон». Потом Морозов рассказывал, что сверху гимнастерки с погонями он накинул шинель. Но там, в переговорах в штабе, шинель пришлось снять, и его все величали «ваше превосходительство». Рассказывал и сам смеялся. Оттуда он и привез распоряжение «выслать делегатов».

Возможно, что генерал Морозов также «оттягивал время», как докладывал на военном совете полковник Дрейлинг, в ожидании пароходов из Крыма?

Прошло уже 2 дня, как армию покинули все руководители и нас пока никто не трогал. И мы не знали — что же нам делать?

В этот же день через штаб корпуса получена новая телефонограмма от генерала Морозова, что «к 4-м часам дня, он прибывает в расположение корпуса для разговоров с казаками. Всем выстроиться у шоссе, но без всякого строя».

Генерал Морозов и красные комиссары

Все части, кои располагались возле штаба корпуса, сгруппировались на возвышенностях шоссе по обе его стороны и ждут — стоят, сидят и курят.

Скоро показался легкий грузовик из-за поворота шоссе. Кто-то там скомандовал «смирно». Мы все повернули головы к машине и видим генерала Морозова, стоявшего на площадке грузовика. Он в шинели нараспашку и в погонах, но при нем два солдата без погон и с красными звездами на фуражках. Третий — в какой-то рабочей рубашке, в босяцкой кепке блином, на которой пришита красная матерчатая звезда. Мне показалось это галлюцинацией.

Трехтонный грузовичок остановился. Морозов быстро сходит с площадки машины. За ним соскакивают два красных солдата в новых гимнастерках и штанах защитного цвета, в простых солдатских сапогах. Они без шинелей.

Если бы снять звезды с их фуражек, также защитного цвета, это были бы писари штаба пехотного полка старых времен.

Они бодро и смело идут вслед за генералом Морозовым и активно, с улыбкой рассматривают лица казаков. Третий красноармеец, очень убогий видом и своим неизвестного цвета и покроя костюмом, остался стоять на камиионе.

— Здорово, казаки! — громко произнес Морозов, остановившись.

— Здравия желаем, Ваше превосходительство! — громко, но не свяжно, как всякая толпа, ответили казаки, числом свыше 2 тысяч человек.

— Ну вот, казаки!.. Война окончена. Мы подписали с советским командованием мир, бояться вам их нечего. А каковы они — вам об этом скажут их комиссары, — так коротко, почти дословно, сказал нам всем тогда генерал Морозов.

При этом генерал жестом указал на двоих, сопровождавших его.

«Вот с чем прибыл он в наш Казачий стан», — горькой иронией пронеслось в моей голове.

Передний из них, маленький блондин лет тридцати, тип латыша (совершенно белобрысый), но с интеллигентным лицом, быстро поднял руку вверх и смело выкрикнул:

— Товарищи казаки!.. Зачем строй?.. Быстро ко мне сомкнитесь и поговорим по душам!

От этих его слов на меня «екнуло» 17-м годом. Ну вот и митинг, от которых мы не только отвыкли, но и презирали их.

Мы все в погонах. С толпой казаков и офицеры окружают комиссаров. Они оба взошли на площадку камииона и начали. Начали говорить те же слова, что и в месяцы революции.

— А теперь скажет слово военком 34-й красной дивизии товарищ Рабинович, — закончил свою речь белобрысый.

Рабинович, словно обрадовавшись своей очереди, как застоявшийся конь, быстро стал впереди говорившего, окинул казаков торжествующе-победным взглядом и тонким фальцетом запищал, защебетал, заговорил.

Выше среднего роста, стройный, красивый брюнет с ловкими манерами, с экспансивностью южанина; содержание его речи — все та же агитация: «революция, товарищ Ленин и пр., и пр.» — то, от чего мы давно отвыкли и что теперь внушало моей душе и отвращение, и страх.

Казаки слушали молча. Я смотрел в их лица и читал на них то же, что ощущал и в своем сердце.

«Проп-пали, проп-пали мы», — думал я тогда. Революция, советская республика, красная власть навалились опять на нас всем своим отвратительным существом!..

— А в доказательство того, что у нас в армии порядок, слово скажет ваш же кубанский есаул, командир роты нашей 34-й дивизии, — вдруг заканчивает Рабинович и жестом указывает на ту несчастную фигуру в неопределенного цвета и покроя одежде.

Это заявление произвело на всех нас впечатление. Все широко открыли глаза на своего кубанского есаула, командира красной роты, который своим видом и костюмом был вылитый босьяк с Дубинки, что под Екатеринодаром.

— Товарищи казаки!.. Я есаул 10-го Кубанского пластунского батальона Великой войны! Может быть, кто тут из вас есть, служивший в этом батальоне — то он может это подтвердить!

Это заявление произвело особенную сенсацию на казаков. Все как-то притихли от такой неожиданности.

— А ну-ка,ними свой картуз! — кто-то резко и недружелюбно выкрикнул, как бы желая разоблачить «этого самозванца», глянув в его открытое лицо.

И есаул снял послушно свою кепку и медленно повел по сторонам голову, будто ища знакомых казаков и офицеров и показывая свое лицо «в натуральном виде».

— Ваня-а! — крикнул рядом со мной стоявший друг детства, бывший учитель, а теперь сотник 10-го пластунского батальона еще с Великой войны, Гриня Белоусов.

Сомнений не стало: это был, действительно, наш кубанский есаул-пластун. Речь его не была так связна, как предыдущих комиссаров. Он говорил только об армии, в которую попал случайно в Екатеринодаре при отступлении. Он командует ротой. Уговаривал казаков «ничего не

бояться» и спокойно ждать событий. Это произвело на казаков большее впечатление, чем слова предыдущих ораторов.

Речи закончены. Комиссары хотели говорить с казаками уже «по-частному» и задавать им вопросы. Это была «их служба».

После всего этого генерал Морозов с комиссарами двинулся на Адлер, чтобы говорить с полками, находившимися там, а нам позволили оставить у себя есаула, чтобы ближе познакомиться с порядками в Красной армии. И он рассказал нам, что его часть отходила через Екатеринодар. Он побежал на Дубинку попрощаться с женой, но когда бежал обратно — мост через Кубань был взорван и он наткнулся на красных. Быстро перескочив через забор, скрылся в каком-то дворе и, отсидевшись, вечером вернулся к семье. На следующий день — регистрация офицеров. Их было много. Его, как и других, поставили в строй. И с тех пор «он гнал своих же, белых» в составе 34-й красной дивизии.

Его оценка Красной армии была менее оптимистична, чем у комиссаров. Но «все же порядок, безусловно, есть. Кормят хорошо. Комиссары мало вмешиваются в строевое дело, и красноармейцы слушаются своих командиров. Вне строя, конечно, все равны», — закончил он.

Он сказал больше положительное о Красной армии, но наблюдательный человек заметил бы в этом и многое отрицательное. Во всяком случае, его выступление сыграло только на руку красным. Фамилию его забыл.

Я не мог понять — почему красные медлили? Уже прошло 3 дня после ультиматума «о сдаче», а мы все еще остаемся вооруженными. Тянул ли время Морозов, чтобы было возможно «спасаться каждому, как кто может», или красные, ввиду своей малочисленности, боялись вступить в вооруженную и многочисленную зону казаков? Не знаю.

Приезд комиссаров произвел на меня тяжелое впечатление. Я высказал офицерам полка свои мрачные мысли. И видел, что все они были не в радужном настроении. Но мы не знали — что же нам делать? Куда идти? Как спасаться? Спасаться, конечно, с полком, но не в одиночку. Мы пали духом. И пояись сейчас корабли из Крыма — все двинулись бы к портушке!

Разрушительная сила почему-то всегда сильнее созидательной. И как уговаривали эти комиссары! И конечно, действовали на исстрадавшуюся душу казака. Да и не могут ли не действовать на нее такие слова, которые они говорили, взывая к казакам: «Вас советская власть не тронет. Вы будете по-прежнему трудиться на своей земле. Вас мы даже не возьмем в Красную армию. Идите и работайте дома и живите со своими семьями спокойно».

Трагикомический случай с комиссарами

За Адлером комиссары вновь выступили перед казаками. Там были и донские части. Что произошло — не знаю. Но генерал Морозов в тюрьме в Костроме, в плену у красных, как-то сказал, отвечая на наши вопросы:

— Мерзавцы, чуть не убили нас донцы.

Появление красных комиссаров среди донцов произвело такое впечатление, какое производит красная тряпка на быка. С криками, с оскорблениями донцы решили их арестовать. Генерал Морозов, в естественном порядке, активно стал на защиту «своих гостей». Донцы схватились за оружие. Комиссары и генерал Морозов бросились в лес, спрятались и какими-то путями пробрались в нейтральную зону. Оттуда Морозов телефонировал генералу Хоранову выслать к нему надежную часть, чтобы спасти их, главное, спасти комиссаров, так как в случае их гибели произойдет катастрофа, перемирие будет сорвано и красные двинутся в наступление. А каковы будут результаты этого — можно предполагать.

Генерал Хоранов обратился ко мне и просил «Федор Ивановича» выслать сотни две Лабинцев на выручку «гостей». Я наотрез отказался и предупредил командиров сотен — в случае «нажима» со стороны Хоранова доложить ему, что «казаки этого не хотят».

К нашему удивлению, генерал Морозов и комиссары сами выбрались из опасности. Казакам вся эта история очень понравилась. Они и смеялись, и жалели, что комиссары выбрались живыми. Таково было настроение казаков уже перед самой капитуляцией. И появившись тогда среди нас видный и авторитетный кубанский генерал с решительным характером — пошли бы многие и на авантюру.

Историческое прошлое Кубанского Войска обязывало к этому. Но для этого нужна была л и ч н о с т ь. Ее не оказалось среди кубанского генералитета. Достойных было много, но великих не было. Вот почему и погибла в мучениях Кубанская армия.

Красные решили действовать. В эту же ночь на 22 апреля из Хосты от генерала Морозова получено следующее распоряжение:

«Завтра, 22 апреля, на Грузинскую границу пройдет батальон красной армии для занятия постов. Приказываю всем гг. офицерам и казакам снять все внешние воинские отличия (погоны) Вооруженных Сил Юга России, во избежание инцидентов при проходе красной армии. Разрешается не снимать только боевые ордена Великой войны.

Кроме того, приказываю: все оружие — пушки, пулеметы, винтовки и револьверы сложить в порядке у шоссе — винтовки в козлы, а

пушки и пулеметы в один ряд. И возле них не быть казакам. Холодное оружие оставить при казаках, а гг. офицерам оставить и револьверы».

— Ну вот и конец, — сказали мы, прочитав это. Конец всему. А па-роходов из Крыма так и нет.

Настало утро 22 апреля. Стояла дивная весенняя погода. Было так тепло и радостно в природе! Так хотелось жить!.. Но вместо жизни нам преподносился смертельный яд.

Я уже не вышел к своему храброму 1-му Лабинскому полку смотреть на самое позорное явление в жизни армии — сдачу оружия противнику без боя, и смотреть и знать, кто и как снимает с себя погоны.

Я совершенно не знал и не знаю — что и как происходило в полках в самом Адлере и за Адлером. Но в нашем 2-м Кубанском конном корпусе все происходило спокойно. Правда, с угрызениями совести, с внутренней стыдливостью перед каждым, с полным сознанием, что происходит что-то большое, мало еще понятное для нас, но безусловно — что-то с т р а ш н о е.

Конный разъезд и батальон красных

Было 10 часов утра 22 апреля. Я устал думать о нашем общем горе. Чтобы отвлечься — верхом, в выцветшей рубашке-бешмете под черкеску, выехал на север от полка. С бугра вижу на шоссе большую группу пеших казаков и посреди нее — верховых лошадей. В этой толпе чувствуется какое-то оживление. Заинтересовавшись, спускаюсь вниз и выхожу к шоссе. И через головы казаков вижу красную конницу. Взвод в 25 человек, держа лошадей в поводу, был окружен казаками, весело беседующими с ними. Красноармейцы из своих сум дают казакам хлеб, и наши казаки, без всякого стеснения, жадно едят его здесь же, и говорят, и расспрашивают, пылливо рассматривая своих вчерашних врагов.

Вот оно — неожиданное появление. Вот оно — «братание» и воочию «голод не тетка».

«Конец!.. — думаю. — Конец пришел по-настоящему и фактически. Уже сейчас казаков не заставить слушаться своих офицеров — «бить красных». Они уже соединились и побратались. Они все говорят не только что «одним русским языком», но они уже говорят «одним солдатским языком».

Везде, во всех армиях мира, есть две категории военнослужащих — офицеры и солдаты. И каждая из этих категорий, встретившись, гово-

рит на одном и том же, им понятном «корпоративном языке» — офицеры с офицерами, а солдаты с солдатами. Вот этак было и здесь.

Остановившись поблизости, опустил повод уздечки, дал своей исхудавшей кобылице «вольную стойку», перебросил правую ногу через переднюю луку, склонился к шее лошади и смотрю на эту картину. Я не хотел, чтобы они видели бы во мне офицера и «переменились бы» в позах, в разговорах. Я хотел видеть их «естественными» и послушать, о чем они говорят? Конечно, рассматриваю, первым долгом, красноармейцев. Смотрю и вижу, что наших делегатов в Сочи они обманули.

Передо мной стоят рослые кавалеристы. Они одеты очень прилично, во все защитное. Вооружены карабинами, шашками. Все при шполах. Это их «низ».

А вот их «верх». Они все те же революционные большевики 1918 года. Фуражки хулигански и ухарски заброшены назад. Из-под фуражек развихрились целые копны волос, что придает физиономии каждого из них отталкивающий вид. В руках стеки или хлысты. На фуражках красные звезды. У некоторых околыши фуражек обвиты красными лентами. И у всех на груди красуются пышные красные банты.

Говорят только красноармейцы — гордо, вызывающе, хвалясь чем-то. Казаки только слушают и жуют хлеб. Мне не удалось все услышать, что они говорили, но долетали фразы, что «у них теперь порядок и бояться казакам нечего».

— А это наш господин полковник, начальник дивизии, — вдруг открывает мое инкогнито какой-то казак.

Все, в особенности красноармейцы, быстро повернулись в мою сторону. Раздосадованный этим, я подбираю поводья, словно случайно их распустил и хочу уехать от них. Нельзя же мне показать, что я их подслушивал.

— Товарищу полковник, не бойтесь! У нас теперь в Красной армии много служат старых офицеров, — говорит мне какой-то чубатый и хлесткий парень лет двадцати семи, видимо, их начальник разъезда.

Я этим вопросом не интересуюсь и спрашиваю, кто они и куда едут.

— Это головной взвод, а вот там идет наш батальон на грузинскую границу, — поясняет он.

«Ну вот и все. Вот этот батальон и закроет сегодня же нашу «последнюю дырочку», через которую еще можно было шмыгнуть в Грузию, — подумал с горечью я. — Конец приходит нашему «белому существу» самый настоящий и фактический».

Вернулся к себе и немедленно сообщил офицерам, «что видел и слышал» только что. Казаки, как всегда, чутьем знали, что идут красные.

Толпы их уже высыпали по буграм, восточнее шоссе. Мы, офицеры, стояли вдали.

Вот проходит мне знакомый взвод конницы. Всадники улыбаются казакам. Идут в колонне по-три. Их посадка на кавалерийских седлах, их фуражки, чубы и красные банты на груди так не гармонировали с казачьей толпой, сплошь в папахах, в бешметах или гимнастерках, в черкесках нараспашку и без всякого оружия.

Скоро из-за поворота шоссе показалась не колонна, а два красно-армейца, которые несли на древках длинный плакат во всю ширину шоссе, весь исписанный белыми буквами. Что было написано — издали не разобрать. Может быть: «Смерть буржуйам и казакам, бей их офицеров».

За плакатом, в 25 шагах, шел духовой оркестр, но он ничего не играл. За ними тянулась колонна, по четыре в ряд. Шли очень уставшим, медленным шагом.

Этот плакат был так неуместен перед строевой частью, словно она шла на революционный парад или на похороны, как это мы видели в 1917 году.

Батальон был малочисленный. Думаю, не свыше 400 штыков. Он шел молча, грузно, словно с боязнью. Многочисленные толпы казаков до 3 тысяч, высыпав на все бугры и склоны к шоссе, молча провожали взглядами вчерашних врагов. Казаков было так много и вид их был настолько подвижный, что казалось, крикни: «В атаку, братцы!» — и они, бросившись со склонов, голыми руками обезоружили бы этот красный батальон.

За батальоном потянулись санитарные линейки и обоз. Какой-то красный начальник, увидев вблизи хорошую лошадь 1-го Лабинского полка, подъехал к ней, взял за уздечку и повел за собой. Казак-хозяин бросился вслед, чтобы отобрать свою лошадь, но тот ему тут же пригрозил кулаком. Я быстро посылаю своего адъютанта, сотника Косульникову выручить лошадь, но красный командир ответил, что «лошадь нужна для Красной армии да и все равно, не сегодня, так завтра, их всех отберут у вас».

Мы, офицеры, молча переглянулись между собой. Лошадь не была возвращена. Это была «первая пилюля» красных, которую мы молча и беспомощно проглотили.

Какой-то следующий красный командир на очень приличной высокой, гнедой масти лошади въехал на бивак 1-го Лабинского полка и разговаривает с моими трубачами. Я посылаю узнать — что он хочет?

— Он хочет взять трубачей в свой красный батальон, — получаю ответ.

«Один взял насильно лошадь у казака, а этот хочет взять полковых трубачей. Да что же это в самом деле?!» — возмущаюсь.

Я прошу этого «красного конника» к себе. Он немедленно подъехал, спешился и спросил, кто его зовет и по какому случаю?

Быстро рассматриваю его. У него отличная офицерская лошадь и под офицерским седлом. Одет он очень чисто, во все защитного цвета, при револьвере и при кавказской шашке, богато оправленной в серебро. Маленького роста, подтянутый, лицо полуинтеллигентное, приятное, но глаза строгие, испытывающие. Надеть ему только погоны — и он будет офицер военного времени.

— Я командир этого казачьего полка, что расположен биваком внизу. Что Вы хотите и кто Вы таков? — сказал ему коротко.

— Я помощник командира батальона, что прошел только что, нам нужны недостающие трубачи для нашего оркестра. Вот командир батальона и прислал меня взять их с этого бивака, — поясняет он, совершенно просто, твердо и определенно высказывая свою мысль.

— А почему Вы не спросили меня, командира этого полка, можно ли взять моих трубачей? — вполне резонно спрашиваю его.

— Извините меня, но я не знал, что за этим надо было обратиться к Вам. Я исполняю приказ своего командира батальона, — также просто отвечает он без запинки.

Из его ответов я понял, что «сила воинской власти» у нас не только что разная, но и не в пользу нас. Мне понравилась его «определенность» и то, как он со мной говорит, совершенно независимо. Желая точнее узнать, «откуда это дитя», спрашиваю:

— Вы, наверное, бывший офицер?

— Да, бывший подпоручик с Терека.

— Казак? — допытываюсь.

— Нет, но уроженец Терека, — отвечает он коротко и с достоинством.

— Как же Вы попали в Красную армию?

— Был мобилизован красными, вначале не нравилось, а потом привык. А когда вы выгнали нас с Терека и деваться было некуда, стал служить исправно. И вот теперь — помощник командира батальона, — закончил он.

Мне такая исповедь очень понравилась. Я зову его в комнату, чтобы со своими помощниками поговорить с ним «по-офицерски». При этих моих словах он даже отступил шаг назад и, переменив свой вежливый разговор на более суровый, словно я его призывал теперь изменить Красной армии и стать в наши «белые ряды», отвечает:

— Ну, не-ет!.. Этого сделать я не могу.

Я понял, что он и душой стал уже красным и непримиримым нашим врагом. Теперь он победитель и ему недостойно войти к нам даже в комнату. Это скомпрометирует «его красные ризы».

— Вы все же позвольте мне взять часть Ваших трубачей? Нам нужны только басы. А не дадите — вторично приеду и по приказу своего командира сам уже возьму, — вежливо, но решительно говорит он.

Это была «вторая пилюля» от красных в течение получаса времени, которую проглотил уже лично я. Чувствуя свою беспомощность, «разрешил ему взять моих басов».

Урядники-басы пришли проститься со мной. Все они трубаческой команды еще с мирного времени, возрастом под 30 лет. Все они воински подтянутые и молодецкие на вид.

— Как же вы будете играть у красных?.. И не стыдно вам? — наивно, по воинской гордости, спрашиваю их.

— Да это для нас еще лучше, господин полковник, — слышу в ответ. — В станицу сейчас возвращаться даже опасно. Сами знаете, что мы делали со своими мужиками!.. У всех у нас рыльце в пуху!.. А то вот мы послужим немного в Красной армии, заручимся документами — тогда и не страшно будет вернуться домой, — так деловито ответили мне молодецкие трубачи (трубачи были ст. Константиновской Лабинского отдела ККВ. — П. С.).

Суровая обстановка диктовала свои условия. Я их не осудил. Только просил не подличать перед новыми начальниками.

— Ну, да эту сволочь мы хорошо знаем! — с нескрываемой злостью ответили они.

Молча проводив красный батальон и посидев еще немного на возвышенностях у шоссе, казаки лениво, апатично побрели к своим бивакам. А потом говорили между собой: «И этим «ванькам» мы сдались?»

Но это были только «цветики» агонии Кубанской армии. Неприятности еще были впереди. И они были более трагичны.

Итак, ровно к обеденному времени 22 апреля армия фактически оказалась в плену у красных.

Скорбные мысли и события дня

Наше оружие лежало у шоссе впереди бивака полков. Мы еще могли не подчиниться красным. Но теперь нужен был толчок извне, так как у казаков сложились уже иные думы, а именно — как можно скорее попасть домой. Так постепенно события разъедали казачью душу и развели ее почти до конца.

Мы голодали. Казаки не стеснялись выпрашивать хлеб у красных, проезжавших мимо нас. В красном обозе, в качестве конной прислуги, было несколько белых казаков, взятых «по пути». Они охотно делились с просящими своей казенной порцией.

Нам объявили, что первая казенная еда от красных будет в Сочи или в Туапсе. А пока что — питать полки своими средствами. Легко отдать распоряжение, но, когда мы все объели, когда не стало никакого подвоза с тыла, когда разрушен центр управления армией, когда всякий думал только о себе — положение полков стало ужасным.

Передано было распоряжение, что все части к Сочи будут пропускаться не более как по одной дивизии в сутки, чтобы не загромождать путь, и что для всех сразу приготовить пищу невозможно. И первыми будут пропущены те части, которые стояли ближе к красному фронту. В данном случае это касалось частей генерала Морозова, Корниловского конного полка и 4-й Кубанской дивизии. Следующая очередь была нашей 2-й Кубанской дивизии.

Как ни странно думать издали, не пережив это, но тогда все части стремились как можно скорее попасть в «заповеданные пункты» и наесться вдоволь. Между частями даже поднимался маленький «семейный спор» — кому и какой части «посчастливилось» первой попасть туда.

И вот ирония судьбы: Корниловский конный полк, этот выдающийся боевой полк Кубанского Войска, стойкий и сплоченный, который первым обнажил свой меч против красных, зародившись в 1-м Кубанском походе, — он, как стоял на позиции, выставленный еще мною после сдачи Сочи 16 апреля, он «первым же» сложил оружие перед красными вместе с командиром полка, войсковым старшиной Безладным и с большинством офицеров, оставшихся со своими казаками.

Сложив оружие, они двинулись к Сочи. Мы об этом узнали из телефонограммы генерала Морозова, называемого теперь «командующим армией».

Знали и гадали — что же с ними сделали красные? И конечно, боялись за судьбу офицеров. Даже думали — наверное, некоторых уже расстреляли.

Удивительная человеческая психология и, главное, такая непоследовательная. Мы боялись за корниловцев. Казалось бы — ну так сопротивляйтесь, остальные?! Ищи выход! Уходи! Спасайся хоть ты, пока жив и свободен! У тебя ведь еще и оружие в руках!

Но не тут-то было. Все мы шли на то же, может быть, на ожидаемую смерть от красных, как летят мотыльки на огонек.

Черкесская конная дивизия, пылкая и необузданная в воинской дисциплине, оставленная на попечении младших своих офицеров не выше

корнета, она, не считаясь «с очередью», гуртами, самостоятельно потянулась «к хлебу». Ее тогда возглавил корнет Беданов²⁴⁸, мой старый кулак в 1-й Конной дивизии генерала Врангеля по боям в Закубанье 1918 года. При нем был и начальник штаба дивизии, русский, Генерального штаба капитан (фамилию не помню), высокий, стройный офицер, перешедший к нам от красных. Будучи комендантом одного города, он сдал его белым и, по условиям капитуляции, являлся государственным преступником у красных. И вот — он «сдался». Потом он будет арестован красными в Москве и отправлен в тюрьму.

Для скорости попасть в Сочи, «навпростѣ», берегом моря и по недостроенному полотну железной дороги Сочи—Адлер, мелкими группами и в одиночку, без винтовок и только со своим неизменным «сидором» за плечами — двинулись пластуны.

Потянулись подводы беженцев. Все повернули «свои оглобли» назад, к Сочи, забыв, что всего лишь несколько дней тому назад они торопились в обратную сторону, к Грузии. Незабываемая картина бедствия всякого побежденного народа.

День 23 апреля проходил вот в таких передвижениях мимо биваков Лабинской бригады, 2-го Сводно-Кубанского и Атаманского полков. Корниловский полк уже сдался. Партизанский конный полк полковника Польского, подчиненный непосредственно штабу корпуса при генерале Науменко, 4-я Кубанская дивизия и нашей дивизии Кубанская бригада были следующими для движения в Сочи.

Очередь 2-й Кубанской дивизии приходилась на 24 апреля. Мы все «подтянули животы». Нам абсолютно нечего было есть. Мой хозяин, инженер, был очень рад, что «война закончена и теперь, каковы бы ни были большевики-сволочи, — как он сказал, — но они должны закончить прокладку железной дороги до Адлера и дальше, до грузинской границы». Поэтому у него будет работа и жизнь семьи будет «сносная». Теперь он угощает меня и Надюшу какими-то своими запасами, которые тщательно скрывал от нас. Мы ему нравимся своей бесхитростной искренностью. Жена его полюбила Надюшу, как свою дочь, хотя ей и было чуть выше 30 лет. Они нас очень жалеют и успокаивают, «а может быть, советская власть изменилась к лучшему и офицерам у них жить будет можно?».

Ко мне пришел «в гости» командир Сводно-Кубанского полка, полковник Лиманский «думу думать». С ним и его две сестры милосердия. Посидели за чаем в обществе дам, приятно и уютно было на душе. И так хотелось «жить»! И пронеслись мысли о будущем: буду заниматься садоводством в станице, у нас два сада, по две десятины каждый. Землю в степи буду сдавать «вскопшину», то есть половина

на половину для меня и арендатора. У меня две верховые кобылицы. Они дадут жеребят. Дома остались четыре рабочие лошади. Жить будет можно, я должен заменить в семье погибшего отца и буду трудиться для бабушки и матери, а три сестренки должны еще учиться. О женитьбе я тогда не думал. Долгая война с 1914 года и холостяцкая жизнь глубоко вкоренились в мое существо, и казалось, что жена мне пока не нужна.

Но я тогда еще не знал, что красноармеец-работник, которого я спас от смерти, при нашем отходе из станицы забрал всех четырех рабочих лошадей, мажару, всю упряжь и уехал к себе, в Константиновскую станицу. И не вернул ничего.

Он «субботник», коренной житель станицы, но не казак, взятый нами в плен под селом Спижевка Ставропольской губернии. Его звали Соломон Пенков. Оказалось — он был активным большевиком в своей станице в 1918 году.

Но самое главное — мы не знали, что лошади и седла казаков подлежали сдаче Красной армии, а офицеры будут сосланы в тюрьмы и лагеря далеко на север от Кубани. Все это красные проведут продуманно и коварно. Для точности понимания плана красных привожу условия из последнего их ультиматума.

Ультиматум красных

«1. Все лица, которые производили без суда и следствия расстрелы, грабежи и насилия, а также офицерство, состоявшее на службе в рядах красной армии и добровольно перешедшее на сторону войск командования южной России — считаются уголовными преступниками.

2. Всем, добровольно сложившим оружие, гарантируется жизнь и свобода. Разрешается разехать по домам и всем казакам, гражданским лицам и беженцам. Генералам и офицерам предоставляется полная свобода, кроме [лиц] по пунктам 1 и 2 условий (пункт 2-й предварительных условий говорил: «искренне раскаявшимся в своем поступке и выразившим желание искупить вину перед революцией — поступление в ряды красной армии и принятие активного участия в борьбе с Польшей, посягнувшей на исконные русские территории». — Ф. Е.).

3. Инициаторам и руководителям восстаний свобода не гарантируется. Они подлежат или привлечению в трудовые батальоны, или заключению в концентрационные лагеря до конца Гражданской войны, и только в виде особой милости они могут быть допущены в ряды красной армии.

4. Все огнестрельное оружие подлежит к сдаче. Кинжалы, серебряные шашки и дедовское холодное оружие остается на руках, при условии круговой поруки, что это оружие не будет обращено против советской России.

5. Содействие возвращению на родину будет оказано, поскольку позволят разрушенные войною пути.

6. Все собственные вещи, деньги офицеров-казаков не подлежат отобранию, кроме приобретенных нелегальным путем.

7. На ответ дается двенадцать часов, считая срок с момента получения настоящих условий, после чего, при неполучении удовлетворительного ответа — военные действия будут возобновлены с удвоенной энергией. Ни в какие мирные переговоры представители командования тогда вступать не будут.

8. Условия будут считаться нарушенными, если хоть один человек, после получения условий перемирия, будет пропущен в Грузию или уедет в Крым.

9. Срок ответа не может быть изменен, согласно условий военно-революционного совета 9-й армии. Срок мирных переговоров кончается 2-го мая (19 апреля по ст. ст.) сего года в 4 часа 15 минут. К означенному сроку Вам надлежит дать определенный ответ.

Подписали: Начдив *Егоров*. Военком дивизии *Сутин*. 1920 г. 00 часов 40 минут».

Члены комиссии — полковник Дрейлинг, генерал Голубинцев и председатель Кубанского правительства Иванис — отказались ехать в Сочи к красным для подписания этого ультиматума, и Атаман Букретов поручил все сделать генералу Морозову²⁴⁹.

Не вдаваясь в обсуждение пунктов этого ультиматума, должен сказать, что он не был известен ни казакам, ни офицерам. Его нам прочитал на военном совете полковник Дрейлинг. Прочитал и вложил в свой портфель. Он не был распространен между полками и за неимением времени, и за сумбурностью общего состояния. Одно надо сказать, что и на заседании военного совета, и в разговорах понималось — лошади и седла останутся у казаков, как их имущество, гарантированное «неприкосновенным» по пункту 6-му.

Мы тогда наивно думали, что всех нас отпустят по домам «для мирного труда» прямо из Туапсе — в свои станицы, к своим семьям, в свой отчий дом, что так дорого каждому человеку, а трудолюбивому казачеству — в особенности.

Странно было то, что Крым, то есть главнокомандующий генерал Врангель, словно забыл о Кубанской армии, переживавшей свои трагические дни на Черноморском побережье, у Адлера. Шел уже тре-

тий день, как армия была покинута Атаманом Букретовым, Кубанским правительством и некоторыми высшими генералами. В армии было полное безвластие, если не считать власти генерала Морозова, находившегося на фронте и уже в послушании красного командования.

Казалось бы — подай пароходы из Крыма с отозванными генералами Улагаем, Шкуро, Науменко, Бабиевым и Муравьевым, и все устремились бы к посадке, и ушли бы в Крым, в Батум, «к турку», хоть «к черту на рога», но только не сдаваться красным.

И напрасно говорили некоторые кубанские политические деятели, что «Кубанские казаки не поедут в Крым». Это было заблуждение.

Никому не известны затаенные мысли генерала Врангеля. Возможно, он не верил, что из Крыма можно дойти до Москвы и свергнуть там красную власть, и думал об эвакуации Крыма как неизбежности. Поэтому и не было необходимости усиливать армию в Крыму еще многими десятками тысяч с их семьями, брать нравственную за них ответственность и потом все же эвакуировать из Крыма в общем исходе.

Все это только догадки. Но остается фактом, что Кубанской армии, в самые трагические дни ее гибели, рука помощи из Крыма не последовала. И единственный генерал Шкуро сумел с а м прибыть с английскими судами к хутору Веселому и подобрать остатки своих соратников, около полутора тысяч человек²⁵⁰.

При оставлении Кубани не только что любой рядовой казак, но и любой офицер мог остаться в любой станице и не уходить к Туапсе. К этому не было тогда ни принуждения воинской дисциплины, ни контрроля. Просто казак или офицер не выехал в строй, а полки продолжали отступать на юг.

Следовательно, на Черноморское побережье ушли все добровольно и как непримиримые враги красных. И вот — их бросили. Так погибла вся сила и цвет Кубанского Войска.

В Новороссийске погрузились лишь кадры полков — Уманского полковника Гамалия и Запорожского полковника Рудько. Всего, после гибели Кубанской армии, в Крыму сгруппировалось чуть свыше 2 тысяч строевого Кубанского Казачества. И как в том же «Кубанском Календаре» сказано, что, если «в моменты наивысшего напряжения конца 1918 года численность Кубанских воинов доходила до 110 тысяч», в Крым ушло только 3 процента их (по данным Кубанского Атамана генерала В.Г. Науменко, в Крым ушло 9 тысяч кубанцев. В октябре 1920 года еще 5 с лишним тысяч казаков под командованием генерала М.А. Фостикова прибыли в Феодосию. — П. С.)

Пусть историк разберется — кто виноват в этом?

В заграничной казачьей печати появлялись разные небылицы о тех трагических днях Кубанской армии. Писали, что были расстрелы некоторых офицеров. Этого не было. Расстреляли офицеров в Екатеринода-ре в дни десанта на Кубань из Крыма, о коих будет сказано.

Писали, что несколько тысяч казаков ушли в горы, в «зеленые». Голодные, обессиленные морально — могли ли «несколько тысяч» уйти в горы, во враждебные крестьянские села, в которых уже все было забрано войсками для еды и на корм лошадям? И зачем ушли? Неужели чтобы освободить Кубань? Или идти на Москву? И если вся армия капитулировала без боя, то что могли сделать хотя бы и тыся-чи казаков, ушедших в горы? Это была фантазия писавших, не быв-ших там. Могли идти через перевалы «по козьим тропам» только не-большие группы казаков горных станиц Баталпашинского, Лабинско-го и Майкопского отделов, чтобы незаметно пройти в свои станицы. Только²⁵¹.

ТЕТРАДЬ ДЕВЯТАЯ

В последний поход

Утром 24 апреля три полка 2-й Кубанской казачьей дивизии — 1-й и 2-й Лабинские, Сводно-Кубанский, Запорожский дивизион (две сот-ни), 2-я и 5-я Кубанские батареи выстроились в конном строе на сво-их биваках. Присоединившийся к дивизии Атаманский конный полк с есаулом Ногайцем находился в Адлере.

По пути к Лабинской бригаде я поздоровался с батарейцами, запорож-цами и сводно-кубанцами и шагом шел к Лабинцам, выстроившимся в ущелье, поросшем кустарником.

Лабинской бригаде было тесно в ущелье. К этому времени она раз-рослась: в 1-й Лабинский полк полностью влился Лабинский запасный полк полковника Жукова (хромого), и он насчитывал в своих рядах 1500 шашек. 2-й Лабинский полк имел 1200 шашек.

Родные, храбрые Лабинцы, отдавшие на алтарь своего Отечества и родной Кубани-Матери все, что могли. С героическими боями, отсту-пая, отошли они сюда в полной своей мощи и послушании, чтобы про-должать борьбу с красными до конца. Дошли сюда в леса, в горы, к берегу исторического казачьего Черного моря, к самому его краю, к Грузии, к тупику, и о них забыли — и Главное Русское командование в Крыму, и их прямые начальники-генералы — Улагай, Науменко, Баби-

ев, которые, казалось бы, никогда не должны были забыть этих «верных и благородных Лабинцев», о которых сказал в станице Казанской сам рыцарский Улагай.

«Вашу кровь и стойкость никогда не забудет Кубань!» — пронизывал он тогда в Казанской почетный караул от героического 1-го Лабинского полка в присутствии командира корпуса генерала Науменко.

Кубань, в своей Истории, конечно, не забудет этот выдающийся по стойкости в боях полк. И словно наглядным укором бороздила глаз храбрая Лабинская бригада в 2700 шашек при десятках пулеметов, выстроившаяся в последний раз с оружием по узкому лесистому ущелью многочисленными ярусами своих сотен, прилепившихся на чистых безлесых площадках и скалах.

Никто не узнает теперь — что думали тогда казаки-лабинцы, когда я подъезжал, как никогда, шагом к ним!.. Лично я не заслуживал упрека от них, но чувство стыда за старших военачальников, так бесцеремонно бросивших всю Кубанскую армию на капитуляцию перед красными, давило на мое сознание.

Я не ошибусь, говоря, что присутствие на местах в строю всех офицеров, решивших разделить общую участь с казаками, и присутствие обоих командиров полков давало им определенное успокоение, моральное облегчение и удовлетворение, что к своему трагическому концу мы подходим организованно, в порядке, отчего все это казалось не так страшным.

Полковой хор трубачей «без басов» открыл встречный марш. Переведя свою кобылицу в крупную рысь, быстро подошел к сотням бригады, раскинувшимся по площадкам. Взмах руки — и хор остановился.

— Здравствуйте, мои славные Лабинцы! — громко, сердечно, почти по-станичному огласил я свое приветствие и взял руку под козырек.

— Здравия желаем, господин полковник! — прогудело 2700 голосов со всех мест.

— Ну, братцы, в поход, в последний поход! — грустно, надорванно, но громко произношу, чтобы все слышали. — Дай Бог нам сил пережить все это! — сказал, снял папаху и перекрестился.

Казаки молча проделали то же.

— А теперь, справа по-три, первая сотня, — скомандовал, и головная сотня войскового старшины Логвинова стала спускаться со своей терраски, направляясь вслед за мною к шоссе.

Гладкое, спокойное Черное море тут же, рядом с нами, в то теплое, южное, упоительное апрельское утро ничего не обещало нам. И сколько хватал глаз, и сколько искал он чего-то там, в морской дали, — везде стояла лазурь мягких волн и больше ничего не было видно — ни

пароходного дымка на горизонте, ни рыбацкой лодки, словно все умерло кругом и до казачьей трагедии никому не было дела.

И, нахлобучив от горя и обиды папахи на глаза, двинулись полки назад, к Сочи, куда ушло уже много-много других частей оставленной на берегу Кубанской армии, чтобы до дна испытать чашу страданий.

Утро 24 апреля 1920 года каленым железом начертало в моей груди незабываемую никогда трагедию всего Кубанского Казачества, воспринятую так мною через верную и благородную Лабинскую бригаду казаков.

Хмурые, исхудалые, в обтрепанном обмундировании, на истощенных лошадях — полки длинной лентой вытянулись по зигзагообразному горному шоссе в Сочи.

Полки проходили бывший бивак 4-го Донского конного корпуса. От него, славного и могучего мамонтовского корпуса, бравшего в тылу у красных Тамбов, Козлов, Елец и другие города, остались очень незначительные остатки. Они предназначены были идти последними. Донцы, заросшие бородами и чубами, словно готовясь идти домой, «на побывку», трогательно подстригали ножницами «под гребенку» один другого, сидя на своем полупустынном биваке. Меня это немного развеселило. Это так было не похоже на наших казаков, которые брили головы и бороны, лелея только усы.

Кубанская бригада стояла за перекатом впереди. Она была очень малочисленна. Командир 1-го Кубанского полка, полковник А.И. Кравченко несколько дней тому назад с полковым штандартом уплыл в Крым. Полк возглавил молодой войсковой старшина Несмашный²⁵². Сын офицера, окончил ускоренный курс Николаевского кавалерийского училища во время войны, маленького роста, добрый и веселый, он был приятен и как будто беззаботен.

Первая анкета. «Забывтый» телефон

Мы приближались к селению Хоста, где стоял штаб генерала Морозова. Являюсь к нему и вижу его лично и его штаб совершенно спокойными, словно ничего и не случилось. Здесь же и наш корпусной командир, генерал Хоранов. Он старается как можно больше говорить со всеми, а с генералом Морозовым в особенности. Вскользь он бросает фразу, что согласен и в Красной армии командовать корпусом, но Морозов на это только молча улыбается. Хоранов просит у генерала удостоверения, что является законным командиром 2-го Кубанского корпуса.

— Зачем Вам это?.. Это же все окончено, — отвечает Морозов.

Но Хоранов шутками, скороговорками настаивает, что «хотя бы для памяти».

Здесь штаб Морозова роздал нам впервые «анкеты» от красного командования для заполнения в 3 экземплярах. Всего было 38 пунктов. Кроме «выворачивания» всего нутра каждого офицера — образование, где служил, кто был отец, семья, где они, адрес их, кем был в революцию 1905 года, в революцию 1917 года, при октябрьском перевороте, — и прочие пункты выворачивали всю душу офицера до мельчайших подробностей. В ней предупреждалось, что «утайка» грозит суровыми наказаниями. И последний 38-й пункт, как самый главный, запрашивал: «Ваше отношение к советской власти?»

Что на него было ответить? Мы же были их враги! Мы спрашивали один другого:

— Что же на него ответить?

Генерал Морозов пришел нам на помощь:

— Да пишите — «сочувственно».

Сказал, улыбнулся и предупредил, чтобы мы точно запомнили то, что написали, так как подобные анкеты будут предложены и впереди.

Героем в бою можно быть легко, но героем «гражданским» быть нелегко. И все мы написали в этой анкете — «сочувственно». Такова ирония побежденного. Спокойствие штаба генерала Морозова мне совершенно не понравилось. И не потому, что в нем почти не было казачьих офицеров, но потому, что многие из них заговорили о Москве, где у них были родственники, даже семьи, и она, Москва, приятно тянула их к себе, как своя родина.

Генерал Морозов нам ничего не сказал, что нас ждет впереди. Красным он не верил и порицал их. Гибель Белого движения определял как несостоятельность главных вождей. Считал, что дальше вести казаков и офицеров на бесплодный убой и не нужно, и даже преступно, почему, как наименьшее зло, решено было ликвидировать Кубанскую армию более или менее безболезненно.

— Россия возродится изнутри. Это процесс истории. И надо всем работать там (то есть в красной России), — закончил он.

Все это нас совершенно не успокоило. Рассказал, как они «забыли» выключить телефон, по которому потом красные предложили мир. В моем понимании это не вязалось с действительностью. В команде связи два-три офицера, несколько урядников. Как они могли забыть, «оставить аппарат», отступая?

Я слушал рассказ-исповедь генерала Морозова нам, старшим офицерам, внимательно и по глазам заметил, что он говорит не то, что было.

И по-моему, телефонную связь с красными он оставил умышленно, так как «мир с красными» был уже предreshен старшими генералами.

Здесь же он поведал нам о разрешении грузинского правительства пропустить на свою территорию всех офицеров и урядников, но, так как было уже поздно, это разрешение он не опубликовал.

Получался сплошной сумбур. Как можно было в полках выделить всех офицеров и урядников и с ними идти в Грузию, а рядовых казаков оставить? Как это можно было провести в жизнь? И не взбунтовались бы рядовые казаки на это разделение, на эту привилегию? В политических убеждениях чины не имеют никакого значения. И рядовой казак-земледелец может более ненавидеть красных, чем офицер-горожанин, не связанный с землей. И если бы это разрешение было объявлено своевременно, могло быть разделение «куда идти» только по личному согласию каждого, не считаясь с чинами. Но все это было уже в прошлом. Такова была жуткая действительность — обман своих подчиненных.

Сдача оружия. Мираж в море

Оставив Хосту, полки дивизии остановились на ночлег там, где штаб дивизии располагался после оставления Сочи 17 апреля, в изолированной даче какой-то барыни.

Прошла только одна неделя, но как все изменилось!.. «Душа моя скорбит смертельно», — сказал Христос в Гефсиманском саду, в последней своей молитве к Господу, перед п р е д а т е л ь с т в о м.

Великие нечеловеческие слова! Они вышли из самой глубины страдающей души, которая, вне разума, говорит о тяжком исходе, ожидающем человека очень скоро, может быть, завтра.

Надюша прошла к замкнутой хозяйке-бырине. Вернулась и рассказывает:

— Строгая и недовольная. И говорит мне: «Как же Ваш брат, полковник — и сдался красным? Разве он не знает красных? Удивительно».

Губка с уксусом была преподнесена как нельзя вовремя и жестоко.

Полки ночевали в лесу. Наутро, 25 апреля, я мог видаться и здороваться только с головной сотней. Через ординарцев приказал полкам следовать самостоятельно к Сочи. Полки идут вооруженными. Голова колонны огибает по шоссе, меж нависших ветвей деревьев, один из выступов к морю и, повернув направо, спускается вниз в густой чаще. Впереди и вправо от себя вижу груды брошенных винтовок, шашек, кинжалов. Возле них один красноармеец. Он останавливает колонну и

деловито, вежливо говорит мне, что «все оружие казаки должны сдавать здесь».

— Как здесь? — удивленно спрашиваю его.

— А это сдаточный пункт. Вы будете начальником?

Получив утвердительный мой ответ, он продолжает:

— Так вот, товарищ начальник, пушай ваши казаки проходят и сбрасывают свое оружие здесь. Я начальник сдаточного пункта. Казакам разрешается оставить по одной шашке на десять человек, чтобы рубить ветки деревьев на корм лошадям, а офицерам разрешается оставить при себе только холодное оружие. Так што, товарищ начальник, сдайте мне ваш леворверт и бинокль.

Вот оно, «самое главное и позорное», так просто подступило к нам. Сопротивление было бесполезно, и свой офицерский гаган, который мы все получили бесплатно при производстве в офицеры, как подарок от самого Царя, с которым провел обе войны, я вынул из кобуры и передал этому красноармейцу в руки. Бинокль системы «Цейсс» я не отдаю.

— Это есть частная вещь, — поясняю ему.

— Нет, это есть военный предмет. Он нужен для армии, товарищ начальник. Красная армия нуждается в биноклях. Пожалуйста, отдайте и его. И вы не волнуйтесь и не сумлевайтесь в нас. Я сам царский унтер-офицер и службу знаю. У нас теперь порядок. Мы к этому стремимся. Вы запишите его номер и потом можете ходатайствовать, и Вам его вернут, — словоохотливо и вежливо говорит мне этот «царский унтер-офицер».

Этот диалог слушают те, кто следовал позади меня, и казаки, уже без приказанья, снимают с себя винтовки, шашки и кинжалы и бросают их в общую кучу. Читатель пусть сам поймет душевное состояние казаков в те минуты.

Обезоруженные, полки двигаются дальше на север, к Сочи. Шоссе тянется зигзагообразно. Справа от нас — горы и лес, а слева — открытое море. Вдали, на горизонте, показались темные дымки. Их пять или шесть. Дымки постепенно увеличивались, и уже ясно были видны большие корабли, идущие к берегу широким фронтом. Все наши взоры были обращены к ним.

«Неужели это наши... и за нами идущие?» — подумал я.

Прошло много томительных минут. Голова колонны шла очень тихим шагом, будто выжидая чего-то. И вот мы, уже невооруженным глазом, видим белые крейсера. По ним с берега раздалось несколько орудийных выстрелов. Большой недостаток. Крейсера медленно остановились и, не открывая огня, словно белые лебеди, стали плавно курсировать вдали, вне досягаемости орудийного огня красных.

Сердце заклокотало, забилося у меня. Боже, Боже!.. И почему они так поздно пришли?! И зачем они расставили и без того больную душу!..

И на наших глазах, прокурсивав, может быть, полчаса, они безмолвно, тихо, плавно стали уходить за горизонт и скрылись от нас. За ними вслед мы послали в Крым свои проклятия. Как это Крыму, располагавшему всем Черноморским флотом, не выслать своевременно перевозочные средства?!.

Отображение лошадей

Мы шли как бы домой. Мы еще не встречали нигде красную власть воочию. Длинным углом вправо шоссе вдаль в один изгиб и потом, повернув налево, потянулось к железнодорожному мосту, что в 4 верстах к югу от Сочи. Шоссе чуть поднимается. Повернувшись в седле налево, смотрю на длинную конную колонну казаков, и сердце забилося лаской и к казакам, и к казачьему конному строю, так любимому с детства.

Моя кобылица вдруг неожиданно остановилась. Быстро повернувшись вперед, вдруг увидел красноармейца в защитном шлеме-шишаке с крупной, во всю ладонь ширины, красной суконной звездой, нашитой на самый лоб этого шишака.

«Черт, сатана, живой дьявол?... Вот он, настоящий, живой», — пронеслось в моей голове. Откуда он появился — не знаю. Расставив руки в стороны, преградив мне дорогу, он громко скомандовал:

— Слезайте!.. — и рукой показал влево.

Я глянул туда и в густых кустарниках увидел еще пять—семь человек таких же «красных чертей с шишаками». Думаю — какое-то начальство просит меня пожаловать к себе. Спешился и направился к ним. Те на меня смотрят немного насмешливо, и один из них, длинный и сухой, в красных узких галифе и с походными ремнями по кителью, сказал:

— Идите назад.

Несмотря на такую скоропалительность «встречи», я увидел позади них укрытое в кустах полевое орудие, направленное вдоль шоссе на приближавшихся казаков.

Повернувшись назад, я не увидел уже своей кобылицы. Дальше вижу, как спешенные казаки быстро снимают с седел свои бурки и переметные сумы, отходят на обочины шоссе, а их лошадей с седлами красноармейцы быстро отводят в большой двор, раскинутый влево, у моря.

Возле моего экипажика Надюша возится с какими-то своими вещами, казака-кучера на козлах нет, и вместо него сидит уже красноармеец. Я спешу к Надюше и спрашиваю красноармейца на козлах:

— Что это значит?

— А это — приказано отобрать у казаков лошадей и седла, — отвечает он.

Горе, обида, оскорбление и уничтожение не только моего права на власть, на собственные вещи, но уничтожение моей личности придавили меня.

— У меня вещи и сестренка!.. Как же я с ними буду?.. Выезд мой собственный! — говорю я запальчиво красноармейцу.

— А это я не знаю, мне приказано отобрать фаэтончик, обратитесь к начальнику, — спокойно отвечает он и указывает на тех, в кустарниках.

Мимо меня быстро проходят пешие казаки, имея бурки под мышками, а сумы через плечи, и совершенно не обращают внимания «на своего начальника дивизии», которым я был только что.

Я, как и все офицеры, в полной форме кубанского казака, при всем холодном оружии, но только без погон. Вид, конечно, офицерский. Быстро поднимаюсь к начальнику и говорю ему, «как со мной поступили».

— Приказано отобрать у казаков всех лошадей и седла. Экипаж и упряжь — тоже подлежат к сдаче, — безапелляционно говорит он.

После моих пререканий «о собственности вещей» он разрешает мне доехать в экипаже до Сочи, откуда кучер-красноармеец должен доставить его к нему.

Надюша, растерянная, со слезами на глазах, быстро укладывает свои вещи и книги в кузов экипажа, и мы двинулись к Сочи.

Через частокол забора вижу свою любимую кобылицу Ольгу. Она стоит понуро, хвостом в нашу сторону. И здесь я только заметил, насколько она исхудала. Она была уже без седла.

Прощай!.. Прощайте и мое сиденье черкасское калаушинской работы²⁵³, и моя лошадушка, на которой я совершил так много походов и конных атак. Можно ли все это забыть?.. Горе побежденному!

Кучер-красноармеец, видя наше с Надюшей расстройство, оборачивается и спрашивает:

— Вы, наверное, были большим начальником у казаков? Да, тяжело Вам. Я сочувствую Вам. Но везде бардак. Я был вначале у красных, потом у белых, а недавно опять перешел к красным, так как увидел, что их дело берет. Но везде бардак. И у вас, у белых, было нехорошо. Почему — надо терпеть. А сам я астраханский крестьянин. И ни-

чуть не большевик. А просто смотрю, где лучше, — закончил он словоохотливо.

Генерал Науменко позже писал: «Многие перед сдачей уничтожали свое оружие. Особая комиссия красных отбирала у офицеров и казаков лучших лошадей и седла»²⁵⁴.

А генерал Врангель написал так: «Большая часть Кубанцев сдалась. Незначительная часть ушла в горы».

Как сдалась Кубанская армия, я описал. Никто не уходил в горы, так как незачем было уходить (об этом см. в конце восьмой тетради. — П. С.). И никто не уничтожал своего оружия. Лошадей и седла отобрали по пункту условий, которых мы не знали.

«И еще не прокричит петух трижды»

«Конец апреля месяца 1920 года. Дивная, теплая, манящая и растревожающая все к радости южная весна. Все в зелени. Аромат цветов пьянит всех. Улицы города Сочи запружены людьми, частью подводами. Сплошь казачьи папахи, черкески нараспашку, гимнастерки. Тепло и мягко в воздухе, но люди сумрачные, запыленные, небритые лица. У каждого через плечо походные, ковровые сумы, а под мышками бурки. Людская лавина страшная и молчаливая — постепенно прибавляется, движется и движется по улицам города.

Кто они? Почему они здесь? И почему их так много, несколько тысяч? То строевые части капитулированной Кубанской армии, уже разоруженные, и без лошадей, направлены к пристани, для разбивки на группы и отправки в ближайший тыл красных, в Туапсе.

Кто бы мог подумать только неделю тому назад, что Казачья армия, насчитывающая в своих рядах несколько десятков тысяч бойцов, испытанных и закаленных в боях, определенных врагов красных — она так неожиданно сложит свое оружие и целыми строевыми полками и дивизиями, при своих офицерах, пройдет назад перед своим врагом, опустив «очи долу», и там именно, где еще недавно была хозином положения». Так я писал в статье в 1929 году²⁵⁵.

Это было то, что я увидел, подъехав в своем экипажике к Сочи, потом пешком направляясь к пристани. Надобно случиться так, что новую красную пилюлю «горе побежденным» увидел немедленно же...

У пристани, на берегу, вижу две шеренги казаков до одной сотни человек. В гимнастерках, в бешметах, в черкесках нараспашку, все в черных папах. У их ног сумы, бурки. Из комендантского здания быстро вышел «кто-то» в защитных бриджах, в парусиновой гимнастер-

ке. На фуражке маленькая красная металлическая звездочка. Среднего роста, хорошо сложенный светлый блондин. Подойдя к выстроившимся, он громко произнес:

— Слушать мою команду!.. Направо — равняйся! Смирно!.. Нале-е ОП! — и по пехотному резко подсчитал: — АТЬ, ДВА! Напра-а ВО! — И вновь: — АТЬ, ДВА! Отчетливей мне! — кричит он начальническим тоном. — Кру-уГОМ! — И вновь: — АТЬ, ДВА! Чище мне — белые бля-и! — уже зло кричит он.

Я остановился в недоумении и слышу и смотрю всю эту экзекуцию военного строя.

— Во-о ФРОНТ! — командует он и заканчивает: — А теперь забрать свои вещи!

И когда казаки взяли в руки то, что лежало у их ног, он снова резко командует:

— Смир-р-но-о!.. Нале-во! Ать, два! И в Туапсе шаго-ом — МАРШ! (До Туапсе по птичьему полету около 60 верст; по зигзагообразному шоссе больше.)

И когда под уклон спустился хвост колонны, он медленно, крадучись, направился к группе офицеров человек в сорок, сидевших в 20 шагах в стороне. Подойдя к ним, он говорит:

— Как это ваш генерал Бабиев взорвал все железнодорожные водочки от самого Царицына!.. Ведь это все государственное достояние!

Сказал, посмотрел на эту группу и пошел к себе. Все сидевшие офицеры на его слова ничего не ответили.

Подхожу к ним. Это были штаб-офицеры уже сдавшихся частей. В середине сидел полковник С.И. Земцев²⁵⁶, начальник 4-й Кубанской дивизии. Вокруг него хорошо знакомые мне друзья и соратники, Корниловцы и Кавказцы.

Вот Корниловцы: командующий полком войсковой старшина Безладнов, рядом войсковые старшины Трубачев и Клерже, войсковые старшины из урядников мирного времени — Пантелеймон Лебедев, Друшляков, Иван Козлов, Ростовцев, есаул Андрей Бэх. Остальных не помню.

А вот наши Кавказцы: полковник Хоменко, командир 1-го Кавказского полка, и его помощники, войсковые старшины Храмов²⁵⁷ и Андрей Елисеев. Остальных не помню.

Вот сидит храбрый командир Кубанского партизанского полка, полковник Польский, во всем подражатель генералу Бабиеву. Это все главные, которых я отлично и давно знал.

Подойдя к ним, поздоровался общим поклоном и присел. Кроме полковника Земцева, вид у всех, видевших ту экзекуцию, растерянный.

Полковник Земцев, как самый старший, информирует меня, что «всех есаулов и штаб-офицеров красные выделили из общей группы офицеров и приказали ждать здесь распоряжения; всех хорунжих и сотников выстроили отдельно, как Вы видели, произвели учение и отправили в Туапсе»²⁵⁸.

Сидя в кругу, я рассматриваю лица друзей и сослуживцев, стараясь прочесть в них душевное их состояние. И вижу, они так же все в панике и клянут тот час, когда согласились «сдаться».

Корниловцы меня предупреждают «не проговориться в обращении». В анкетах они написали, что их полк «Кубанский», и просят слово «Корниловский» забыть, чтобы не подвести их. Они уже спорили со своих папах и шаровар так раньше гордый для нас корниловский траурный (черный) галун.

«И еще не прокричит петух трижды, когда ты, Петр, отречешься от Меня», — сказал апостолу Петру Христос. Вот что значит «страх смерти».

— А Ваш где же, Партизанский полк? — кто-то сострил над полковником Польским.

От этих слов Польский съехался весь, убрав свою шею в плечи, словно боясь, что его кто-то сейчас стукнет поленом по голове, и прошипел:

— Не называйте мой полк так, он «Сводный».

Я с искренним сожалением посмотрел на этого пистольного и храброго офицера и не осудил. Он мой сосед по станице, и его полк состоял из его станичников, темижбекцев и наших Кавказцев, как и офицеры были только из этих станиц. Вот что значит — страх.

Нам всем очень грустно. Все больше молчат, изредка перебрасываясь лишь короткими фразами.

— А вот возьмут да отправят меня в станицу и скажут: «А ну-ка, господин полковник, снимайте штаны, да ложитесь, а мы Вам вгоним 50 плетей, как Вы вгоняли нашим когда-то», — шутит кто-то.

— Лучше пусть расстреляют, чем быть выпоротым, — гордо заявляет Ваня Храмов, наш общий друг.

Я все это слушаю молча и ни с кем не делюсь своими тяжелыми мыслями. А высказывания продолжаются.

— А что, если бы нам сдалась Красная армия? — говорит кто-то вопросительно и продолжает: — Наверное, мы бы уже расстреляли тут же главных!

— В особенности генерал Бабиев, — вдруг отвечает корниловец-храбрец, войсковой старшина Ростовцев.

Услышав это, я «косо» посмотрел на Ростовцева, храброго командира сотни при мне на Маныче весной 1919 года. Тогда Бабиев не был

жесток. Вот почему я и посмотрел «косо» на Ростовцева. Возможно, упоенный властью, Бабиев и переменился.

Успокоительно действуют на всех полковники Земцев и Хоменко. Полковнику Земцеву 55 лет. У него уже сын офицер. Окончил Академию Генерального штаба и в Великой войне на Турецком фронте командовал 1-м Сунженско-Владикавказским полком. А почему он только в чине полковника — не знаю.

Он типичный офицер старого времени — с усами и подстриженной бородою клинышком, по-черкесски. В серой походной черкеске. На нем папах старого покроя — высокая, крупного черного курпея, с высоким, острым верхом. При нас таких папах уже не носили. Он мало говорит и если говорит, то дельно, успокаивающе.

Полковник Хоменко — маленький, сухой, очень логичный в разговоре и внимательно-приятный во всем. Ему до 40 лет. Его очень любят, ценят и уважают Кавказцы.

Перед красными начальниками

— А Вы, полковник, представились коменданту порта? — спрашивает меня полковник Земцев, как старший среди нас.

Отвечаю, что я ничего не знаю, как и не знаю, кто таков комендант порта.

— А тот, что отправил наших офицеров в Туапсе, — отвечает он, — и просил прийти к нему, по его распоряжению «для всех прибывающих старших начальников».

Поднимаюсь на длинную стеклянную веранду. За нею большая зала. Это, видимо, была гостиница при Набережной улице. Теперь — комендантское.

Здесь много столов, писарей. Все стучат на пишущих машинках. В тыловой стене, за письменным столом, сидит он — комендант порта.

Подхожу и говорю, не представляясь, а как бы частно:

— Позвольте представиться — начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии, полковник Елисеев.

Должен подчеркнуть, что мы все были при шашках и кинжалах. На поясе у меня висела еще и желтая длинная кобура от револьвера. Весь вид был, конечно, офицерский, но только без погон.

Блондин поднял голову и внимательно посмотрел мне прямо в глаза, но без всякой злости или испытания, изучения.

— Вы прибыли с дивизией, полковник? — спрашивает.

— Да, — отвечаю, стараясь говорить без военных терминов.

Теперь он рассматривает меня и даже улыбается «дружески», но по серым глазам вижу, что если потребуется, то он, под эту улыбку, может спустить и курок револьвера.

Ему не свыше 35 лет. Светлый блондин. Видимо, латыш. Чисто выбрит. Интеллигентный, вежливый, говорит на чистом русском языке. Он, безусловно, офицер, и офицер был, наверное, молодецкий. Такими бывали молодые штабс-капитаны и капитаны в пехоте.

— Хорошо, распорядитесь, чтобы Ваши полки расположились у набережной, а 1-й Лабинский полк отведите дальше к берегу, влево, изолированно. А потом явитесь нашему начдиву товарищу Егорову. Идите, полковник, а если что Вам понадобится — обращайтесь ко мне, — закончил он.

С того момента, когда меня «спешили» с седла, я уже не знал, что делалось с теми, кто шел позади меня. А следуя в экипажике в город, я обгонял длинную кишку передовых сотен 1-го Лабинского полка, которые с сумами и бурками быстрым шагом спешили в Сочи. Все они самотеком влились в черный массив многотысячной толпы казаков, уже находившихся здесь, и вышли из подчинения своих начальников.

Выйдя от коменданта порта на длинный стеклянный балкон, я увидел свой полк, густой колонной сосредотачивающийся далеко внизу, у моря, к югу от города. Мы уже не могли распоряжаться своими казаками, да и не хотели. А почему 1-й Лабинский полк был изолирован от общей массы других полков — не знаю.

Иду к красному начдиву Егорову. Его штаб помещался в южной части города. Говорили, что он капитан Генерального штаба, но для меня тогда было — если служишь в Красной армии, значит, и сам ты «красный».

В «Очерках Русской Смуты» генерал Деникин указал, что 75 процентов офицеров Генерального штаба остались в красной России, мобилизованные советской властью для организации Красной армии. Мобилизовали и [часть] офицеров, которых до революции в Императорской армии числилось около 300 тысяч²⁵⁹. Мобилизовали и унтер-офицеров. Мы этого тогда не знали, потому я и шел не к офицеру Генерального штаба, а шел к красному командиру, к нашему врагу психологически.

Штаб Егорова помещался в небольшой частной даче. Ординарцы лениво грелись на солнышке. Я спросил — как и куда пройти в штаб? Они указали, совершенно не обратив на меня никакого внимания. Если бы с них снять звезды на фуражках, это были бы самые настоящие и обыкновенные русские солдаты — простые и «серые».

Как и коменданту порта, я решил «представиться» не по-воински, чтобы не умалить достоинства офицера Белой армии.

Войдя в гостиную, неожиданно вижу полковника Забей-Ворота, последнего Атамана нашего Кавказского отдела.

— Что Вы здесь делаете, Иван Иванович? — спрашиваю.

— Да черт его знает, вызвали меня сюда, и я вот уже полчаса сижу и жду, — отвечает он.

В это время вошел в приемную комнату из противоположных дверей высокий, стройный военный. На нем офицерская гимнастерка, темно-синие бриджи, отличные сапоги дорогой кожи. Вид корнета-кавалериста, но только без погон. Он, конечно, и был офицер.

Увидев новое лицо и спросив, кто я, вежливо просил подождать, вернулся через свою дверь, немедленно вновь появился и просил меня войти к «начдиву».

Я вошел и в небольшом кабинете сразу же «натолкнулся» на сидящую за маленьким письменным столом с зеленым сукном очень высокую, длинную фигуру человека с бритой головой, усами и бородой. Он был совершенно «белый», даже и брови. Длинные ноги скрестились под столом, словно им там не хватало места. Лицо злое, неприятное. Он быстро метнул на меня глазами и тут же опустил их, склонился к столу на правый локоть, ладонью прикрыл глаза и стал недвижим.

— Начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии, полковник Елисеев, — произношу только эти слова и рассматриваю его.

Он остался абсолютно недвижим, словно замер, но от меня не скрылось, что через пальцы он рассматривал посетителя. Что таилось в душе «этого мне незнакомого» — не знаю. Может быть, он думал, что вот «мы офицеры одной Императорской армии, но революция, события заставили нас быть в разных лагерях».

Я стою и молчу. Молчит и он. И тянущиеся секунды казались для меня и долгими, и неприятными. Не меняя своей не подвижности, не задав ни одного вопроса и не взглянув на меня, он тихо произнес:

— Хорошо, идите.

Сделав левой ногой шаг назад, повернувшись по-штатски направо умышленно, я вышел из кабинета начальника 34-й красной пехотной дивизии.

Действие казачьей песни

Поток казаков вливался в Сочи. Вернувшись к своим старшим офицерам, вижу офицеров Екатеринодарской бригады. Среди них старый друг по Оренбургскому училищу, есаул Яков Васюков²⁶⁰. Он временный командир 1-го Екатеринодарского полка. Окончил училище млад-

шим портупей-юнкером в 1912 году и вышел хорунжим в 1-й Линейный полк. Милый, добрый человек по натуре. Отличный строевик. Имел густой баритон и в училищной церкви читал Евангелие. Во время войны окончил ускоренные курсы Академии Генерального штаба в Петрограде.

Тихо, незаметно подошел еще кто-то. В маленькой черной каракулевой папахе чуть набок, в кителе, в бриджах, со стеклом в руках. На кителе нашиты четыре Георгиевские ленточки, что означало — он награжден четырьмя Георгиевскими крестами. Сказали мне, что это полковник Евсюков²⁶¹ из выдающихся сверхсрочных подхорунжих 1-го Линейного полка. Он привел в Сочи Линейную бригаду казаков.

Нам голодно. Мы «табором» густо сидим, полулежим на земле, прижавшись друг к другу у самого здания штаба коменданта порта. К вечеру похолодало. От безделья нам скучно.

— Давайте тихо запоем что-нибудь, — говорит Ваня Храмов, обращаясь к соседям.

У всех душа не для пения. Все молчат. Но он тихо, по-полковому затянул:

Зибралыся вси бурлаки...

Печально, тихо, словно боясь кого-то, некоторые офицеры вступили:

Тут нам любо, тут нам мыло,
В журби заспиваты (в журби — в грусти, в томлении).

Зачинщик Храмов, подбодренный, уже более громко продолжает:

Грай бо котрый на сопиакы,
Сумно так сидиты (сумно — скучно).

И уже большинство подхватили:

Шо диетця тэпэрь в свити...

И некоторые поюшие кивком показали в сторону Крыма, а за этим уже более громко продолжили затяжно:

И чии-ж мы диты...

Эта бурлацко-казачья песня Украины так остро затрагивала наши души, что в нее вступили и остальные офицеры, числом свыше 50 человек.

Брат Андрей, не сдержавшись от переживаемых чувств, громко затянул своим баритоном:

Шо диетця тэпэрь в свити?..
Шо будэ потому (ударение на второе «о»).

И — словно в успокоение самим себе — все громко подхватили:

Опричь Богу Единому (ударение на «о»)
Нэ звисно никому (ударение на «о»).

Пропели и замолкли. Слова этой песни полностью касались и нас теперь, а не только что былых казаков Малороссии.

— Господа!.. Комендант порта слушает нас, — кто-то тихо сказал.

Мы сразу же повернули голову и увидели, что не только комендант, так оскорбительно муштровавший наших хорунжих и сотников, отправляя их в Туапсе, но и весь состав красных писарей его штаба, бросив «стучать» на пишущих машинках, смотрит в нашу сторону и слушает нас. Мы переглянулись между собой в недоумении.

— Может быть, у них нельзя петь песни? — сказал кто-то.

Да мы и сами видим, что попали во враждебное государство, где совсем другие порядки, не наши казачьи, добросердечные, православные обычаи. Комендант, видимо, понял это, так как мы все сразу как-то притихли. Вдруг комендант встает, быстро выходит на балкон, оста-навливается у выхода и говорит:

— Очень хорошо вы поете, товарищи офицеры. Спойте еще что-нибудь!

Мы окрылились.

— Какую? — спрашивает кто-то.

— «Да закувала та сыза зозуля!» — предлагает другой.

— Нет!.. Давайте споем им «Ревут стогнуть горы», — предлагает следующую.

Всем это понравилось. И мы, возбужденные, запели уже громко о старой казачьей неволе в Турции, которая ожидала теперь нас, их кровных потомков, в своей же стране-России:

За цю ж Боже Мылосэрдный нам послал ци муки, —

протянули мы печально. И последний куплет многие, повернув голову в сторону Крыма, громко, зываяюще пропели:

Чом ны йдэтэ вызволяты —
Нас з тяжкой нэволи!..

Пропели и замолкли. Комендант выслушал стоя, повернулся и пошел к себе. Не знаем — понял ли он нас?..

После захода солнца всем штаб-офицерам и есаулам приказано грузиться в баржу для следования в Туапсе. Открытую баржу прицепили к маленькому паровому баркасу и темнотой отчалили от берега. Было очень холодно. Все закутались в бурки. Дул сильный ветер. Баржу качало немилосердно.

— Вывезут в море и затопят нас, — сказал кто-то, и нам стало страшно.

— А может быть, на нас наскочат из Крыма и отобьют у красных, видите, идем с потушенными огнями, — отвечает кто-то.

И у многих из нас мелькнула радостная мысль: «Хоть бы наскочили из Крыма и отбили нас». Но не затопили нас красные, и не отбили из Крыма. Изнуренные от качки, совершенно голодные, только к утру мы прибыли в Туапсе.

В Туапсе

При нас не было конвоя. На пристани в Туапсе нам приказали идти в комендантское управление.

— Товарищи, вы должны сдать свои шашки и кинжалы. Мы все перепишем «с приметами», а в Екатеринодаре вам их вернут, — сказал нам какой-то начальник.

Мы переглянулись, слегка запротестовали, мол, «нарушение условий», но нам твердо ответили: «Надо сдать, и сейчас же». И мы начали сдавать так памятное нам оружие, так дорогое по своему офицерскому положению, к тому же очень ценное по серебряной оправе.

Какой-то «чин», через окно, писал наши чины и фамилии и против них вписывал: «Шашка серебряная с портупеей. Кинжал ажурной работы небольшой горский». Здесь нам дали вторично анкеты для заполнения — все 38 пунктов и в 3 экземплярах. Один из них будет следовать за нами «до конца» наших скитаний по лагерям, до костромской тюрьмы включительно, как «волчий билет».

Отобрание шашек и кинжалов повлияло на нас отвратительно. Приказано, вернее — предложено, идти к вокзалу и там расположиться в садике.

Как я указал, от Сочи до Туапсе 60 верст по птичьему полету. Здесь уже весь 2-й Кубанский конный корпус, Екатеринодарская и Линейная бригады. Выходит, что эти 60 верст все они прошли пешком в одну ночь.

Пока что мы осматриваемся кругом. Вокзальное здание все изрешечено пулями. На наше удивление, здесь стоит собственный поезд генерала Шкуро, его классные вагоны. Откуда он здесь — мы не знаем. Я рассматриваю на внешней стороне нарядных вагонов эмблемы его «волков».

При отступлении от Воронежа я узнал, что в полках дивизии «волков» не любили за их привилегированное положение при штабе, хотя «волки» всегда дрались с красными превосходно. И когда надо было, Шкуро бросал их в самое пекло боя.

Но эмблемы. На каждом вагоне их несколько. Это — волчьи открытые пасти с высунутыми языками, со злыми глазами, с острыми большими зубами, вот-вот вас хотящими загрызть. Они не нарисованы, а выточены из чего-то выпукло и прикреплены к стенкам вагонов. Впечатление от них жуткое. С этими эмблемами нельзя было идти «освобождать Россию». Они несли не мир, а месть, алчность.

К югу от вокзала аккуратно сложены тысячи кавказских седел, одно на другое, ярусами, высотой в двухэтажный дом. Перед ними стоит часовой с винтовкой, а шагах в двадцати пяти от него человек пять черкесов, в черкесках нараспашку поверх длинных бешметов и с плетью в руках, сидят на корточках и печально смотрят на эти седла. Часовой совершенно не обращает на них никакого внимания. Из этой картины я понял, что Черкесская конная дивизия прибыла сюда, в Туапсе, в конном строю, здесь у них были отобраны лошади и седла, а их отпустили по домам, так как потом в лагерях, в Екатеринодаре, всадников-черкесов не было, были лишь молодые офицеры, и немного. Черкесы, сидящие на корточках, думали и мечтали, видимо, получить свои седла обратно. Жуткая картина для неискушенного народа.

Весь сквер у вокзала представлял собой самый настоящий «цыганский табор». Многие грели чай, чтобы утолить голод. И это были кубанские офицеры и их доблестные подчиненные казаки «только вчера».

Наша Надюша с учительницей Сергеевой из станицы Михайловской достали где-то дровишек, будылья бурьяна и кипятят чай. В ожидании его лежу лицом к земле, имея в головах черкеску. Моя бурка «ушла» вместе с седлом в тороках у Сочи. Настроение подавленное. Рядом спят брат и полковник Кротов. Кто-то резко толкает меня сапогом в мягкую подошву чевяка. Поднимаю голову и вижу перед собой двух красноармейцев.

— Товарищ, почему Вы не сдали оружие? — слышу от них.

— Какое оружие? — возмущенно переспрашиваю.

— А вон у Вас на поясе? — говорит один из них и указал на пустую кобуру от револьвера.

— Это не оружие, а чехол для оружия, — отвечаю и поворачиваюсь, чтобы опять лечь.

— Все равно, товарищ, это относится к оружию, и Вы должны его сдать, — продолжает красноармеец.

Чтобы «отвязаться» от них, быстро распоясываюсь, снимаю кобурку и бросаю им.

Это возмутило меня. Сижу и думаю — что же дальше будет с нами? Бежать надо, бежать и бежать в Крым, в армию, чтобы продолжать борьбу.

Скрестив руки ниже колен, сижу и думаю «о дальнейшей своей судьбе». Вижу, ко мне скорыми широкими шагами быстро приближаются два крупных красноармейца. Они в шинелях нараспашку и в серых солдатских «репанных» шапках с отворотами, которые я возненавидел со дня революции.

«Ну, — думаю, — еще два черта идут!.. Надо их осадить». Надвигнув шапочку на глаза, зло смотрю на них. Один из них «не выдерживает», ослабился в широкую улыбку. В нем я узнал подхорунжего Ивана Яковлевича Назарова, своего станичника, из старших урядников Конвоя Его Величества мирного времени. Не выдерживает и второй и так же ослабился. То был артиллерист Григорий Торгашев, сосед по подворью и свойственник нашей семьи.

— Што вы замаскировались? — удивленно спрашиваю их.

— Какой там!.. Ограбили сук-кины сыны, потом расскажем, — отвечает Назаров и, подморгнув мне, чтобы я молчал, он взял за ногу брата Андрея, войскового старшину, и строго произнес: — Эй, товарищ... вставай!

Брат, нервно настроенный и переживавший, как и все, наше общее горе, быстро повернулся на спину и с пролежнями заспанного лица, в недоумении произнес:

— Што Вам надо?!

— Оружие у Вас есть, товарищ? — также строго произнес Назаров.

— Уже сдали, — отвечает брат, огорченный, что его разбудили.

— Ну да!.. А может быть, не все сдали? — пристает Назаров.

Я вижу, что наш добрейший по характеру брат после крепкого сна не опознал своих станичников в таких костюмах, и, не желая оставлять его в моральном расстройстве, весело говорю:

— Да што ты!.. Не узнаешь, что ли?

Брат смотрит на меня, потом на них, и лицо его расплылось в удивленную улыбку.

— Тю!.. Вот черти!.. Напугали как!.. Какого вы черта так нарядились?

— Да, нарядишься! — отвечает Назаров.

И, присев на корточки перед нами, рассказывает:

— Едем мы с Гришей, верхами думали так незаметно пробраться домой, встречается красный обоз. «Стой!.. Казаки?.. Белые?» Мы отвечаем, что беженцы. Да куда там! Отобрали у нас коней и седла, а потом говорят: у вас и шапки хорошие... и черкески!.. «Давайте их сюда» И раздели нас, и едва упросили их, чтобы взамен нам дали хоть вот эту «сволочь».

Сказал, схватил свой треух с головы и ударил им по земле с досадой. И, уже обращаясь ко мне, как к своему бывшему начальнику по Турецкому фронту, тягостно спросил:

— Ну, што же будет дальше с нами, Федор Иванович?

— Попались, — ответил ему одним словом.

Назаров старше меня на 14 лет. На пополнение 1-го Кавказского полка прибыл в Турцию в начале 1915 года, имея звание старшего урядника Конвоя Его Величества. В бытность мою полковым адъютантом со 2 ноября 1915 года и до 26 марта 1917 года он был ассистентом при полковом штандарте. В лютые турецкие зимние стужи, от Ольт на Эрзерум в самом начале 1916 года, в снежные заносы той гористой местности, где полк выстраивался на занесенных снегом площадках для встречи своего полкового штандарта, скакал он вслед за мною, скакал за штандартным урядником Иваном Масловым, казаком станицы Дмитриевской. Потом жаркий зной летней операции на Мема-Хатун, Эрзинджан. Возвращение на отдых всей дивизии под Карс. На Войсковом празднике 5 октября 1916 года 39-летний Назаров награждается 2-м призом за джигитовку, а через год, в Финляндии, — 1-м полковым призом. Песенник и стильный танцор в лезгинке. Брюнет-красавец, видом кавказский горец. И вот теперь он сидит передо мною, в таком странном, отвратительном и ненавистном ему, и нам всем, «мундире красноармейца»...

Пройдут годы, многие годы... И сюда, в Нью-Йорк, один наш станичник из своего далекого изгнания с Кубани условной фразой сообщит мне: «А Иван Яковлевич Назаров и все его четыре брата давно в земле», — то есть расстреляны красными. Такова судьба выдающихся казаков, выделившихся из рядовой массы личными качествами.

Узнали, что всех членов рады красные спешно отправляют в Екатеринодар. Надюшу надо отправить домой. Ее надо спасти «от пленения». Мы с братом на вокзале. Всех членов рады набралось около 80 человек. Все офицеры в небольших чинах. Почти все в гимнастерках. У брата нашлись друзья-сослуживцы. Им подали два товарных вагона. Место есть. Конвоя никакого. Надюша, в черном бешметике, в серой черкеске нараспашку, в маленькой шапчонке, ловко, как молодой казачок,

вскочила в открытую дверь вагона. Свистнул паровоз, и короткий поезд тронулся на Армавир.

Мне стыдно было быть в черкеске нараспашку... и без оружия. Никто ее так не носит на Кавказе. Снял и передал Надюше, домой, оставшись в одном бешмете и в английских полушерстяных штанах синего цвета, полученных мной из интендантства, после оставления Воронежа. Я стал и по костюму н и к т о. Из двух войн вышел нищим.

Георгиевские кресты

Голова колонны всей Кубанской армии была уже в Туапсе. Всем приказано идти к вокзалу и грузиться в вагоны по полкам. Мы смешаны не только что со своими младшими офицерами — сотниками и хорунжими, но и со всеми казаками.

Грустное и тяжелое впечатление на меня произвело здание вокзала. Мы слышали, что части, оставляя Туапсе, взорвали артиллерийские снаряды. И как результат этого — все вокзальные здания изрешечены. Вдруг новое распоряжение: всем казакам высадиться из вагонов для обыска. Они выстроились в две шеренги. Переметные сумы и бурки у их ног.

Сдав лошадей и седла, каждый из них снял то, что может пригодиться в его хозяйстве из седельного прибора: пахвы, нагрудники, уздечки, часть подпруг — и спрятал в сумы. У многих казаков были Георгиевские кресты и медали. Их они также спрятали в сумы.

— Серебро нам нужно для государства. Государством управляет сам народ. У нас все народное, — говорят осматривающие и хотят все это отобрать.

Странная казачья натура! Такая молодецкая и гордая, порою даже озорная, а вот тут — словно беспомощные цыплята. И ни одного голоса протеста. Они молча показывают все то, что сложили-спрятали в свои заповедные походные двойные сумы-вьюки. Берите, дескать, если надо «для народного государства»... Но вид их был таков, что лучше о нем и не писать. И если бы вот теперь всех их перенести назад, к Адлеру, и поставить в то положение, которое они имели всего лишь 5 дней тому назад, то есть вооруженными, — они не сдались бы.

Я никогда не забуду скорбного вида подхорунжего Никона Васильевича Нешатова, вахмистра 3-й сотни нашего 1-го Кавказского полка, казака станицы Казанской. За Турецкую войну он имел три Георгиевских креста. Я-то знаю, как он их заслужил! При мне все это было! На южных склонах Большого Арарата были убиты командир сотни

есаул Лытиков и вахмистр сотни подхорунжий Дубина, казак станицы Кушевской. Я остался за командира сотни, а он, взводный урядник 1-го взвода, стал вахмистром сотни. Ранено было 10 казаков, и все тяжело, свинцовыми курдинскими пулями. Выбрались мы тогда все же благополучно. Казаки сотни, где было до половины его станичников, и в строю называли его только по имени и отчеству, глубоко уважая серьезного, справедливого и честного начальника, вышедшего из их же массы. Прибытия в полк 1911 года, 10 лет в строю и на войне без перерыва — что он переживал тогда, умняга?! А сколько здесь было других, подобных этому Нешатову?! Нужно полагать — много!

И теперь эти царские Георгиевские кресты, заслуженные кровью и многочисленными невзгодами голодного Турецкого фронта, красные хотя бы отобрать «для народа, для народного государства»... И вот он, как исправный вахмистр, вынул их из сум и показывает этим хамам. Как бывало в трудные и ответственные минуты, он сощурил глаза и смотрит на меня. И я не знаю, что он думал, испытывал в эти минуты? Ненависть к красным? Или к тем старшим генералам, в самом Крыму, что оставили их здесь, непримиримых к большевикам? А может быть, удивлялся, что «и я здесь»?

При отступлении к Черноморскому побережью тогда вышло так: кто шел сюда — потерял все, главное — лошадей и седла, испытал репрессии со стороны красных; а те из казаков, кто не пошел со своими полками, сохранил и лошадей, и седла и не подвергся ограблению.

— Да это же безобразие, товарищи! — вдруг резко произносит стоявший возле меня войсковой старшина Семенихин²⁶².

Комиссия оглянулась на него, и вдруг глава ее, всмотревшись в него, произносит:

— А-а... это ты?.. Здравствуй, Гаврюша!.. Что — не узнаешь?

Мы все опешили от этого обращения. Опешил и Семенихин.

— В Лабинской гимназии вместе учились мальчишками, — свидетельствует начальник комиссии.

— А-а, да-да! — отвечает Семенихин, дружески тянет ему руку и тут же заявляет: — Послушай!.. Да оставьте казакам их Георгиевские кресты! Ведь за них была пролита кровь с внешним врагом!

— Хорошо, Гаврюша, мы подумаем, — весело, самодовольно и с сознанием полного своего начальнического положения отвечает «друг детства».

Комиссия прекратила обыск и пошла в вокзальное помещение, чтобы решить этот вопрос.

— Кто он? — спрашиваю я своего друга с юнкерских лет.

— А черт его знает, я его, право, не узнаю. Но он говорит правду. Я что-то вспоминаю какого-то мужичонка в приготовительном классе Лабинской гимназии, но, хоть убей, точно вспомнить не могу. А если он признал меня «за друга детства», то это только хорошо. Ты видишь, какой тон я взял с ним? Даже на «ты».

В 1910 году с Семенихиным я держал экзамен для поступления в Оренбургское казачье училище. Он был гимназист 6-го класса, штатский, а я прибыл из полка. На экзамене сидели на одной парте, на передней, на четырех человек каждая. Выдержали экзамен и весь первый учебный год уже юнкерами сидели на той же парте, но были в разных взводах юнкеров — он в 3-м, а я в 4-м.

На следующий учебный год были уже в одном, 3-м взводе. В последнем, выпускном классе он был правофланговым младшим портупей-юнкером и моим заместителем. Я же был взводным (старшим) портупей-юнкером. Пишу это для того, чтобы читатель мог понять, насколько была глубока наша дружба.

По характеру он был немного нервный и резкий, что являлось отрицательной стороной в офицерской, да и в юнкерской, среде. Но здесь эти две его отрицательные черты характера сыграли положительную роль. Во время войны он окончил ускоренные курсы Генерального штаба в Петрограде.

— Ну, Гаврюша, на этот раз будь ты самым старшим начальником между нами и доведи дело до полезного конца, — говорю ему, улыбаясь.

Комиссия скоро вернулась. И «друг детства» Семенихина с улыбкой человека «правлящего класса» заявил, что они оставляют казакам креслы и другие «ремни».

Так неожиданный и простой случай спас наших казаков от жгучей неприятности и внес некоторое моральное удовлетворение в их оскорбленные души.

В поезде на Армавир. В Белореченской

Казаки погрузились в вагоны опять. Перед вечером громаднейший состав, весь облепленный казаками и на крышах вагонов, тяжело и тихо двинулся на Армавир. Он шел на небольшой подъем, почему пыхтел, сопел, останавливался и вновь трогался. Казаки на это острили, орали, соскакивали из вагонов на ходу, вновь вскакивали в вагоны, и фраза «крути гаврила!» неслась от головы и до хвоста поезда.

На остановках казаки толпами выскакивали из вагонов, забегали в лес «по надобности», орали, свистели и, казалось, никого не хотели слу-

шаться. Забыты все пережитые горести только час тому назад, и они вели себя просто, озорно. Небольшой конвоем с винтовками был абсолютно беспомощен навести хотя бы относительный порядок. Конвоир наших ближайших офицерских вагонов упрашивал казаков садиться в вагоны по сигналу, но его совершенно не слушали. Мне это озорство казаков не понравилось. Оно умаляло достоинство белых воинов и могло вызвать крутые меры со стороны красной власти.

— А ты их припугни, — говорю я конвоиру.

— Ды как жа припугнуть?.. Да еще своих, — отвечает он.

— Как своих? — спрашиваю.

— Да я такой жа пленный, как и вы. Я донской казак. Нас под Новороссийском бросили, а красные, взяв город, сразу же поставили нас в строй, в пехоту, — поясняет он.

От этих слов у меня на душе легче стало. Я всматриваюсь в его лицо, в особенности в глаза, и действительно, вижу добрые голубые глаза, которые страдальчески смотрят на меня. Он молод. Ему лет двадцать пять.

— Так вот что, братец, — говорю ему. — Тогда ты не обращай никакого внимания на казаков. Это будет лучше для тебя же самого.

— Ды это-то так... ды как бы начальство ни таво, — не договорил он, но я все понял.

Поезд тяжко сопит и тихо лезет на уклон к туннелю у горы Индюк. Вдруг что-то дернуло, и наша половина поезда легче пошла вперед, но зато задняя часть его, оторвавшись, медленно покатила назад. Казаки загалдели громко и от радости, и от страха.

Стало весело и нам, офицерам первой половины поезда, видя, как казаки, толпами сидевшие на крышах вагонов, бросая свои вещи вниз, сами летели за ними со страхом. Вновь крики и ругань. Какие-то казаки быстро вскочили на тормоза и остановили свою оторвавшуюся часть поезда.

Вновь задержка. Сцепили. Тронулись дальше. Прошли туннель Индюк—Гойтх, и поезд вошел в Кубанские земли.

В нашем вагоне есть офицеры Линейной бригады. Некоторые с женами. Они подъезжают к своим станицам, и некоторые из них скрытно покидают нас и идут домой.

— Я был станичным учителем, и моя жена тоже... как-нибудь откручусь, — говорит нам молодецкий сотник в темно-зеленой черкеске, с женой покидает вагон и идет в свою Ханскую станицу.

Уже зашло солнце, как наш поезд прибыл на станцию Белореченская. Услышали команду:

— Разгружаться-а!.. Ночевка здесь, в Белореченской, а завтра пешком на Екатеринода-ар!

Поезд остановился, не доходя до станции. Громоздкими группами подходили к ней мы, офицеры. Здесь, на перроне вокзала, нас уже ждали мужики-большевики этой станицы, ушедшие с Красной армией в 1918 году и теперь вернувшиеся домой победителями.

Молодые парни, чубатые, злые лица, с картузами на затылок, в галифе, в сапогах, с красными бантами на груди и с хлыстами и стеками в руках, они злобно вперились в нашу офицерскую толпу и звериными взглядами впились в наши лица, в наши глаза, ища кого-то. Мне так и казалось, что крикни кто: «Бей их!» — и они начнут полосовать нас всем тем, что находилось в их руках.

— А где полковник Кочергин? — выкрикнули некоторые злобно. Он, оказывается, был их станичник.

Мы остановились. Скоро подошел Кочергин. Он в кителе, в большой папаче, с бороδοю с сединами. Он шел смело. «Ну, — думаю, — сейчас его избьют, а может быть, и убьют».

— А-а-а... вот он! — раздалось несколько голосов, и к нему устремились некоторые.

— Вы не имеете права меня тронуть! Я сам пройду прямо в совет. Я и не скрываюсь! — громко заявил он и не останавливаясь прошел мимо них.

«Молодец старик. Не испугался и победил их», — фиксировал я. А этому «старик» тогда было около 50 лет.

Мы, голова колонны, вошли в станицу на церковную площадь. Куда идти? Где спать?

— Идем со мною, Федя, меня пригласила одна интеллигентная семья, — говорит мне Семенихин.

Я с удовольствием соглашаюсь, и мы входим в очень хороший дом городского типа. Семья казачья, интеллигентная, встречает нас критически-любезно.

— Как это вы сдались?... 60 тысяч казаков и сдались? — говорит дама, лет под сорок пять. — Вы тоже полковник, как и Гавриил Захарьевич? — спрашивает она меня, запыленного, в грязной рубашке-бешмете, в интендантских синих штанах и длинных, через колено, ноговицах.

Впервые мне стыдно было сказать, что я есть полковник.

— Ну, садитесь за стол, так уже и быть, накормлю вас, «пленных», — весело и дружелюбно острит она над нами.

Мы жадно едим, так как уже несколько дней голодали. Я молчу, а мой Гаврюша, как всегда, очень разговорчив, острит, оправдывается «в сдаче армии» и даже доказывает что-то.

Непрактичный человек я. И чересчур гордый. Дама-казачка дружески острит над нами, называя нас «пленными», а я уже и обиделся.

Вторая дама грустна. Ее муж, офицер, ушел с армией, и она не знает, где он. Но хотела бы, чтобы и он вернулся, как мы.

Приходит сын хозяйшки. Он также возмущен, что мы «сдались».

— Вы их не знаете, — рассказывает он. — Они, красные, говорят, что в университет могут поступать только партийные. Выходит, что вот я окончил гимназию, но не могу быть студентом, если не запишусь в партию коммунистов, — возмущается он.

— Мы вас ждали, что вы вернетесь и освободите нас, а вы, — и не договорил он, 19-летний молодой казак со средним образованием.

Наутро 27 апреля нас собрали на какой-то окраинной станичной площади. Приказано строиться по полкам и дивизиям. Разнесся слух, что нашу армию хотят посмотреть в Екатеринодаре и потом направить против поляков, которые к этому времени захватили Киев. Нам, многим, этот слух понравился. Отстаивать красную власть с оружием в руках мы не собирались, но через Польшу можно попасть в Крым!..

Нас формирует матрос. Он в своей зимней одежде и с матросскими ленточками на бескозырке. Под ним слегка изъезженный караковый кабардинец под казачьим седлом, который умно прядет своими красивыми ушами. Глядя на этого кабардинца, я вспомнил, как к Индюку местные пожилые мужики, на казачьих седлах, гнали большой табун казачьих лошадей к себе в села.

Лошади были исхудалые. Подпарки от потников на спинах явно говорили нам, кто были их хозяевами. Так обидно было смотреть на это из дверей товарного вагона.

Теперь над нами нет никакого конвоя. Один лишь конный матрос рысью и наметом шныряет между нами, кричит, распоряжается, но его никто не слушает.

Мобилизованы подводы. На них разрешается положить только вещи, сесть больным, а всем двигаться пешком. Следующий ночлег в станице Рязанской.

На одной подводе я вижу вновь красивую девушку, донскую казачку, в красной шелковой кофточке. При отступлении от Туапсе к Сочи два раза я видел ее у шоссе, у пролеска, сидевшую прямо на земле и окруженную кавалерами, кубанскими офицерами. Тогда, среди них, она сидела, словно лесная царевна с белым, румяным красивым лицом, черноглазая, черноволосая — характерный тип южной красавицы девушки. Она вела себя очень скромно, и будто бы мысли ее были не здесь и не для кавалеров, а были там, где-то далеко, на тихом Дону... Теперь она больна, а бледность лица придала ее красоте еще большую прелесть. «Доедет ли она на свой Дон?» — думал я тогда.

Мы вытягиваемся в колонне по-шести. Идем как попало. Обходим обывательские подводы. На одной из них сидит есаул Мельников²⁶³, сверстник по училищу. С ним провел год в полку, в Мерве, на одной квартире с хорунжим Ваней Маглиновским²⁶⁴, владикавказским кадетом и юнкером Николаевской сотни в Петербурге. Дружили сильно. Мельников со средним образованием. Отца, директора гимназии, красные расстреляли в самом начале 1918 года. Он непосредственный соратник Шкуро. И почему-то не уехал в Крым.

— Здравствуй, Саша! — кричу ему.

А он, повернув ко мне голову, ничего не ответил. Возможно, не узнал. Он в тифу, зарос бородою, бледен.

Со мною идут рядом старые полковники С.С. Жуков и Кочергин. Последний ночевал в своем доме. Станичный совет отпустил его домой на честное слово, что он не убежит.

— А куда мне бежать? И зачем? — говорит он.

А окрылились на него местные большевики за то, что «я кадровый офицер, имею в центре станицы хороший дом. Я старый «пан». Вот и все», — заканчивает он свою повесть прошлого дня.

Жена приготовила ему много съестных припасов, и он делится ими с Жуковым. Я, годный ему летами в сыновья, из скромности отказываюсь от еды. И они, как и раньше, все говорят и говорят о былом.

Наша колонна растянулась. Мы изредка ее поджидаем, пока подтянуты хвосты, но к вечеру, бросив всех, зашагали самостоятельно. 30 верст пешком для кавалериста, не привыкшего ходить, были утомительны.

В станице Рязанской

Поистине — ничто так не сближает людей, как горе. Переночевав в Рязанской, вновь поход в 30 верст в станицу Старокорсунскую, но уже на той стороне Кубани. Вчера, в походе, очень много казаков «подбились». Мы решили ехать на подводе.

На площади много местных казаков с перевозочными средствами. Они торгуются о цене с нами «до Кубани» так, словно перед ними стоят не родные кубанские казаки-воины в несчастье, а пленные турки.

У меня в кармане жалкие гроши. Мои чевяки за первый переход совершенно стерлись. Они ведь «азиатские», на легкой подошевке, подшитой «фаданом», и предназначены только для верховой езды!

Незаметно образовался «союз дружбы» — Лабинцы и Кавказцы, и потому что мы, оба брата, хотя и в разных полках, но в горе находимся вместе, а с нами — и наши ближайшие друзья. Со мной неразлуч-

но — полковник Ткаченко, войсковые старшины Баранов, Сахно и полковой адъютант, сотник Косульников с женой. Неразлучны со мной командир 2-го Лабинского полка, полковник Кротов и его помощник, войсковой старшина Красковский²⁶⁵. Последний из студентов — высокий, стройный, с польскими усами, твердый характером.

У брата — командир 1-го Кавказского полка, полковник Хоменко, и Ваня Храмов. Вот этой группой мы и наняли мажару «на быках», чтобы добраться до Кубани, протекающей у станицы Старокорсунской.

Рязанские казаки мне совершенно не нравятся. Они на нас смотрят как на чужих людей. Они хотят на нас заработать. Они не злы и не любопытны даже в том, что вот их родная Кубанская армия попала в плен. Нет, они заинтересованы только в заработке.

«На быках до Кубани далеко, придется там заночевать», — говорят они. Я удивился, что эта станица до сих пор работает на быках, тогда, как мне казалось, все Кубанское Войско работает на лошадях. Но оказалось, что горные станицы почти все работают на быках, так как станицы бедны землей и подножного корма мало. «Лучше, выгоднее работать на быках», — говорят они нам.

Мой расчетливый помощник по хозяйственной части, войсковой старшина Баранов не хочет платить деньгами.

— Хочешь — за доставку я даю тебе английскую шинель? — предлагает он казаку, подрядившемуся везти нас.

Казак-возница соглашается, но предварительно тщательно осматривает ее — «не просвечивает ли она»? У Баранова их две. И ему ее не жаль, а 200—300 рублей — это деньги. Но я вижу, что у него есть и деньги. А у его командира полка, бывшего только на фронте и в передовых линиях, нет ни денег, ни бурки, ни единственной английской хотя бы шинели. В тылу и на фронте — разные люди.

Наш возница оказался очень разговорчивым. И как будто с придурью. Брат и Лука Баранов немилосердно остряют над ним, чем веселят нас, но он на это совершенно не обижается, считая, что такой разговор нормальный, и даже польщен тем, что вот полковники так дружески говорят с ним.

— Ну а теперь держитесь! — вдруг выкрикнул он и по гладкой дороге переводит свою очень сноровистую молодую пару быков в аллюр «намет».

Поистине — надо быть виртуозом, чтобы без вожжей скакать и управлять быками, запряженными в мажару. Мы даже испугались, как бы быки не свернули с дороги, как бы не опрокинулась мажара, и мы просим его остановиться «в его лихости». Да, этот казак-возница был «с придурью», как о них говорят в станицах.

К полуденному времени мы прибыли к Кубани. На большой мажоре с драбинами, на сене и полости, так мягко и приятно было ехать, да еще в обществе веселых, остроумных, долгих и испытанных друзей, что на время и забыто — «кто мы»?.. Но переправа через Кубань на барже-пароме напомнила нам, «кто мы», так как здесь появилась ненавистная нам власть.

В станице Старокорсунской

Переправа через Кубань продолжалась долго. Я впервые в этом районе. Родная Кубань здесь гораздо шире, чем у нашей Кавказской станицы.

Большими группами, безо всякого порядка, мы входим в первую станицу черноморских казаков. Она резко отличается от Рязанской. Она вся в деревьях. Все улицы в акациях. Во дворах — фруктовые сады и хорошие постройки. Станица очень старая и богатая. Название ее, «Корсунская», дышит далекой казачьей стариной Киевской Руси. Теперь праправнуки тех казаков — на Кубани.

Мы поместились в доме не совсем богатого казака, по соседству с церковной площадью. Хозяйшка, лет пятидесяти, уж и не знает — чем же нас еще угостить! Готовит что-то, накрывает стол, а сама нет-нет да и всплакнет. Хозяин-казак, этих же лет, печально настроенный, чтобы не видеть слез жены, уходит в глубь двора и начинает топором тесать колья. Их сын, казак лет двадцати пяти, не сидит на месте, больше гуляет по двору или, облокотившись на забор, грустно смотрит вдоль улицы, что идет к станичному правлению.

— Да чивой-то Вы такая грустная, тетенька? — кто-то спрашивает ее.

— А-а-а, деточки, — вздохнула она и горько заплакала.

Оказывается — сын их сотник. Он остался в станице и не пошел в поход. Вначале его не трогали, а теперь завтра велели ему явиться в Екатеринодар. Красные производят большие насилия в станице, и они боятся за сына.

Я знаю, что мои старые соратники-корниловцы: Мартыненко, два брата Кононенко, Костик и Семен Дзюба²⁶⁶ — все казаки этой станицы. Наши хозяева хорошо их знают и удивились — как это вернулся назад есаул Костик Дзюба? «Его здесь давно ищут красные за старые грехи», — поясняют они.

Вечером мы вышли на просторную станичную площадь. Там масса казаков. Настроение веселое. Там дивно поет черноморские песни Войсковой певческий хор, находившийся среди нас. Правда, он не был

полон, но кто из казаков не поет родные песни? Присоединились офицеры, и хор взывал, плакал и алкал своими дивными мелодиями. Им управлял вахмистр-регент постоянного состава, оставшийся с армией.

Среди казаков пронеслись слухи, что под Екатеринодаром стоит Кубанская казачья бригада «зеленого сотника Пелюка», который якобы заявил красным, что если они кого-да-нибудь тронут на Кубани — «то вин усах рознэсэ»!

Я этому хотя и не особенно верил, но слушать было приятно. А казаки и молодые офицеры были просто в восторге от этих слов Пелюка. И дай им возможность — готовы были сотника Пелюка возвести в Войсковые Атаманы.

Долго не расходились казаки со станичной площади в тот теплый апрельский вечер у реки Кубани, который оказался «последним» вечером нашего вольного передвижения.

Переночевали спокойно и 28 апреля, после вкусного завтрака нашей сердечной хозяйшки, мы вновь высыпаем на станичную площадь, чтобы следовать в Екатеринодар.

Наш матрос-начальник, близко познакомившийся с нами, с казачьими станицами и их гостеприимным населением, оказался неплохим человеком. Мы его совершенно уже не боялись и не слушались. Как-то зашел к нему узнать распорядок движения и увидел у него на столе корзину яиц и масла. А в этой станице увидел и чувал белой муки. На мой вопрос: «Что это?» — он, простяга, искренне, чисто по-солдатски, рассказал, что в Екатеринодаре у него жена. Там все дорого. Так он пока что «по дешевке» собирает по пути.

— Сегодня вечером мы будем в Екатеринодаре. На подводах разрешается ехать только до города, а там — приказано войти пешком и в порядке, — говорит он мне совершенно запросто.

И смотришь на него, слушаешь его, этого матроса, «красу и гордость революции», и невольно думаешь — откуда взялась вся злость и насилие у людей, подобных вот этому матросу, оказавшемуся самым обыкновенным русским мужичонком из пригорода. И тяжело становится на душе от сознания, что в те месяцы революции не нашлось крупной личности на Руси, чтобы все это остановить. Нашелся генерал Корнилов, но — как жаль, что он не довел дело до положительного конца в 1917 году.

На площади очень много местного населения. Оно щедро угощает казаков всем возможным. Оно сочувственно смотрит на нас, смотрит с любовью, с огорчением и болезнью за нас.

Я вижу есаула Костика Дзюбу, стоявшего с другими корниловцами-офицерами, и подхожу к ним. С Костей стоит его жена, совершенно

простая казачка, которая нет-нет да и смахнет слезу с глаз уголком своего передничка.

Дзюба бледен, растерян. А не храбрец ли он был в боях! Жена сообщила ему многое, как его искали красные, как обыскивали все во дворе. Она боится, что его вот-вот арестуют, почему и не отходит от него ни на шаг.

Бедная женщина, Дзюба так неумело ее успокаивает! Ласка к жене при посторонних так ведь не свойственна среди казаков!

Ободряю я ее, нахожу некоторые слова утешения и надежды, но вижу, что, перенеся все, она совершенно не верит красным, и по ее уже каменному ото всех переживаний лицу катятся холодные слезы.

Дзюбу не арестовали. Никого пока не тронули. И большим обозом на мажарах, исключительно на лошадях, мы выехали в Екатеринодар, в свою кубанскую столицу.

На удивление, со многими казаками выехали и их жены. Получилось какое-то движение казаков, словно отправляющихся на праздник. Вольнолюбивое черноморское казачество, в особенности их жены, — они никак не хотели слушаться матроса, чтобы ехать по дороге одной сплошной колонной. Почему-то многие хотели попасть в город как можно скорее. Матрос скакал за мажарами, ругался, останавливал их, вводил в общую колонну и скакал за следующими. За ним неслись вслед скабрзные шутки казаков, от которых не отставали и их жены, несясь вслед свист, тюканье. Ищи виновника в этой многотысячной казачьей массе! Всем было очень весело. Но в этот же вечер нам было очень грустно, даже страшно.

Под вечер, подойдя к городу, остановились. Подтянулись «хвосты». Приказано всем сойти с подвод, и густой колонной, безо всякого строя, во всю ширину улицы, нас ввели в Екатеринодар.

В Екатеринодаре

Мы вошли в город с северной стороны, где жили рабочие. В красных газетах писалось, что сдалось 60 тысяч казаков. Это была сенсация для всего населения Кубани, но которой не верилось. И вот «они», сдавшаяся Кубанская армия, вошла в свой стольный город Екатеринодар. Вот почему весь народ и высыпал на улицы, чтобы убедиться — так ли это?

Мы проходили по улице, где находились разные мастерские, где жили рабочие, которые теперь все высыпали со своих дворов, чтобы убедиться в действительности, и от которых можно было ожидать недобрых

выкриков по нашему адресу. Но их не только что не было, а на лицах смотревших была явная печаль и сожаление. Видимо, власть красных ими была уже хорошо сознана.

Мы были как будто рады, что наконец-то прибыли к цели. Густой массой, заполнив всю ширину улицы и оба тротуара, мы скорым шагом двигались по Бурсаковской улице. Впереди нас, верхом на лошади, идет важно наш глава колонны, матрос. За ним мы — старшие офицеры. И уже в самом городе все жители высыпали со всех дворов и домов и молча, удивленно смотрят на нас. Смотрят именно удивленно и молча.

Какое впечатление на жителей могла произвести эта мрачная масса кубанских казаков, появившихся в своем стольном городе в таком виде и в таком беспомощном положении — без оружия, в черкесках нараспашку, с сумами через плечи и с бурками под мышками, в черных замызганных папахах.

Таких ли казаков они привыкли видеть здесь на протяжении более чем столетнего существования этого казачье-запорожского города?!

Центр Кубанского Войска. Войсковой центр черноморских и линейных казаков. Чисто военный город. Красная улица, всегда переполненная военными в папахах разных цветов, в черкесках таких же разных цветов, с погонами всех рангов и чинов, где на скамейках сидели отставные генералы и Севастопольской кампании 1854—1855 годов, и Русско-турецкой войны 1877—1878 годов, Ахал-Текинской операции генерала Скобелева; тут же проходили щеголи-писари, затянутые поясами на черкесках при серебряных кинжалах, — и Войскового штаба, и управления Екатеринодарского отдела, и чины Войсковой капеллы, шествовавшие строем со своими музыкальными инструментами в городской сад, чтобы услаждать слух гуляющей там по вечерам публики. Всегда при белых бешметах — то в голубых, то в красных, то в черных черкесках, шли они «в ногу» по Красной улице, имея впереди казачат-музыкантов. Все в погонах, многие с белыми нашивками урядников, чем гордились, как достойно заслуженного звания.

Это ли не было щегольство! Это не была ли гордость казачья! Это ли не было достоинство Войсковое! И как все это радовало всех, и радовало сердца тех, кто хотел служить своему родному и кровному Кубанскому Казачьему Войску!

И вот теперь — в каком виде вошли мы в наш родной исторический казачий город, выдавший славных Кошевых Атаманов Черноморского казачьего войска, бывлых запорожцев — Захария Чепигу²⁶⁷, Антона Головатого²⁶⁸, Котляревского²⁶⁹, Бурсака²⁷⁰, Безкровного²⁷¹, Завадовского²⁷², Рашпиля²⁷³, Кухаренко²⁷⁴.

Увидели бы они нас теперь, потомков своих, — повернулись бы в гробах от стыда и обиды! Или, как написал по этому поводу балладу черноморский кобзарь Александр Пивень²⁷⁵:

Такэ дило там зробылось — у городи Сочи,
Нэ слухалы б мои вуха, нэ бачылы б очи.

Подойдя к Екатерининской улице, что идет от вокзала к Красной улице, колонну остановили. Казаки сразу же присели отдыхать, где как могли. Мы, старшие офицеры, шедшие в голове колонны, оставались стоять, осматриваясь по сторонам, и ждали чего-то. Солнце уже садилось. Вечер был тихий, теплый и приятный. Нас никто не охранял. Я рассматриваю угол этих двух улиц, знакомых мне с 1910 года. Влево, на обоих углах, до самого конца были «Кавказские мастерские», где многие заказывали черкески, бешметы, папахи. Мастера были грузины. Отлично они все шили. Заказывал и я там черкески. Теперь здесь все совершенно иначе. Мастерских уже нет. Левый угол закрыт на ставни и наглухо забит досками, крест-накрест по диагоналям. Внешне казалось, что этот нижний этаж каменного двухэтажного дома нежилой. Жизнь была лишь во втором этаже со многими огнями в раскрытых окнах.

Вдруг из глубины этого, казалось, нежилого нижнего этажа, как будто очень далеко, донеслась до нас столь знакомая мелодия дорогого нам напева:

Многоводная, раздольная,
Разлилась ты вдаль и вширь.

Мы насторожились и, болезненно прислушиваясь, молча переглянулись, как бы спрашивая один другого — кто это здесь? и почему они поют именно «Ты Кубань, ты наша Родина»?

Песнь из нутра здания ширилась, укреплялась в своей мощи и через заколоченные наглухо ставни, словно рыдаючи по загубленной казачьей жизни, достигла улицы:

За твою ли славу старую,
Жизнь свою ли не отдать...

Мы вновь переглянулись в недоумении. И потом лишь узнали, что здесь помещалась «областная чека», а пели кубанские казаки-смертники, узнавшие о нашем прибытии и дававшие нам о себе знать.

Мы стоим. Вдруг на Бурсаковской улице, справа, за Екатерининской, с шумом распахнулись ворота, и со двора скорым широким шагом буквально выбросилось около сотни красноармейцев в колонне по-

шести. Они не были похожи на красноармейцев, которых мы уже много раз видели. Это были стройные, напористые и хлесткие ребята. Все в кителях, в галифе, в хороших сапогах и при шпорах. Они при шашках, револьверах, с карабинами через плечо. В руках стеки и хлысты. Из-под фуражек, хулигански брошенных куда-то далеко на затылок, вихрились кудлатые волосы, а на грудях красовались пышные красные банты.

Мы поняли сразу, что это «специальные войска Чека». Дойдя до головы нашей колонны, они быстро заняли выходы в обе эти улицы, сняли с плеч свои карабины, поставив их между широко расставленных ног, готовые в любой момент вскинуть их «на изготовку». Мы поняли, что это значит. Легкий холодок страха пробежал у меня по спине. Конеч, конец нашей воли. И если до этого момента каждый из нас, даже и генерал, мог абсолютно незаметно скрыться, в особенности казаки, то теперь мы поняли, что этого сделать уже нельзя.

А чего проще? Может быть, вот сейчас они выделяют «главных» — и прощай жизнь.

Чекисты, расставив ноги и держа карабины меж ними, с хлыстами в руках, дерзко смотрели на нас. Мы тогда еще не знали, какая «граница» была между обывателями и войсками Чека? И я думаю, что чекисты уже предвкушали сладость, глядя на нас, — какая интересная и многочисленная добыча находится в их руках!.. и что хорошо было бы кое-чем поживиться от нее.

Во всяком случае, вся голова колонны, будь то офицер или казак, глядя на них, поняли, что «все шутки» о к о н ч е н ы.

Уже стало темнеть, а мы все стоим и чего-то ждем.

— Ну, белые бя-и — прямо по улице шагом МАРШ! — скомандовал нам кто-то из стражи, и мы молча, как стадо бессловесных животных, потянулись дальше по Бурсаковской улице.

Проходим Штабную улицу, где дом номер 40 когда-то так сильно манил меня к себе. Три кирпичных дома вдовы Анны Александровны Белой принадлежали большому семейству родовитой фамилии станицы Кисляковской. Они из «кубанской старшины» и в станичном юрте имели офицерский участок в 200 десятин. Отец их был главный делопроизводитель Кавказского отдела и жил у нас на квартире, когда мы еще не родились. Лида, самая младшая дочь, была моей затаенной любовью еще до знакомства, а старший сын, полковник, был сверстником нашего отца. Часто гостил у них, даже с ночевкой. Лида окончила Мариинский институт в 1913 году, а я в тот же год — военное училище. Теперь она замужем и мы остались большими друзьями. Кто я теперь?!

Вот Атаманский дворец, а напротив него — Екатерининский сквер. В темноте ничего не видно, но мы уже слышали, что памятник Императрице Екатерине II с запорожцами красные убрали.

Мы проходим эти Войсковые священные места, выходим на Почтовую улицу и сворачиваем налево. Проходим городской сад, проходим мимо памятных мне казарм учебной команды I-го Екатеринодарского Кошевого Атамана Чепеги полка, спускаемся под железнодорожный мост и входим на Дубинку.

Городская мостовая окончилась. Начинается булыжник. Мы поднимаемся от моста по неровности. Стоит темнота, хоть глаза выколи. Наша колонна невольно растягивается. Некоторые, наткнувшись на что-то, падают на землю.

— Тише-е!.. Да тише ша-аг! — беспрерывно несутся голоса своих.

Но мы идем за своим конвоем и не можем укоротить шаг.

— А-а, белые бля-и!.. Не нравится! А наших, наверное, не так гоняли?! — злобно рычит какой-то конвоир. — Не отставать! — кричит он по колонне.

Впереди всех идут полковники С.С. Жуков, Кочергин и автор этих строк. Кочергин идет между нами. Мы изредка перебрасываемся словами, чтобы не слышал конвой. Но старики, Жуков и Кочергин, все же не сдерживаются и продолжают о чем-то говорить, как и тогда, в горах.

Конвоирам это, видимо, надоело слушать.

— А ты не есть ли сам Деникин, йо — твою мать? — вдруг злобно, жестоко спрашивает старший конвоир, обернувшись к полковнику Кочергину.

От этого оскорбления у меня похолодело внутри. «Вот, — думаю, — возьмет да и хватит по лицу хлыстом этого почтенного полковника с бородой в седине». Вижу, что испугался не я один. Кочергин молчит, а Жуков, высокий, стройный и также с бородой, тихо, вежливо говорит:

— Нет, товарищ, это даже и не генерал. И зачем Вы так оскорбляете невинного человека?

— А ты што... защитник его?! А почему он сам молчит? Смотри, как бы я вам обоим бороды не выщипал, йо — вашу мать, белые бля-и, — зло, но уже ниже тоном ругается он.

Теперь мы идем молча. А говоривший начинает изощряться перед другим конвоиром, «что бы он сделал с генералом Деникиным, если бы он живьем попался ему в руки».

Я не буду передавать его слова, но он подчеркивал, что «этого бандита надо было бы вначале пытать, а потом — по кусочкам раздирать». И в каких тонах это говорилось!.. И откуда появились на Руси Святой такие дикари, варвары?!

Мы трое шли за ними вслед молча. И даже боялись, как бы он свою месть против генерала Деникина не направил бы против нас, употребив свой хлыст. Да при желании он мог любого из нас пристрелить, а потом донести: «Хотел бежать, его я и пристрелил».

Я понял, что мы попали в лапы не одного зверя, а в лапы сонмища зверей.

Пройдя Дубинку, они свернули вправо. Дальше я этого района не знал, но по колонне пронеслись слова: «Куда они нас ведут... в тюрьму, что ли?»

Потом я узнал, что тюрьму мы прошли. И уже почти к полуночи мы подошли к каким-то пустынным сараям. Открылись ворота. И вся черная масса людей, ничего не видя перед собой, вошла во двор кирпичного завода Стахова.

Кое-как разместились и все мертвым сном повалились на сырых земляных полах пустых сараев. Здесь был весь 2-й Кубанский конный корпус, Екатеринодарская и Линейная бригады и другие мелкие части.

Кубанская армия, своим «авангардным корпусом», вошла в бывшую Войсковую столицу.

ПОБЕГ ИЗ КРАСНОЙ РОССИИ

ТЕТРАДЬ ДЕСЯТАЯ

Оглянемся назад — как это было?

«Обстоятельства сложились так, что в самый решающий и поворотный в истории Казачества момент, во главе Кубанского края и Армии стоял не казак генерал Букретов. Начальником штаба у него был не казак полковник Дрейлинг. Военным министром Кубани был не казак генерал Болховитинов. Командиром передовых войск, непосредственно соприкасающихся с большевицкой дивизией, был не казак генерал Морозов. Видную роль в Армии продолжал играть не казак генерал Шифнер-Маркевич»²⁷⁶.

Об этом же пишет и генерал Науменко, бывший в те месяцы командиром 2-го Кубанского конного корпуса²⁷⁷.

Как же это могло случиться?... Оглянемся назад.

Кубанская Краевая Рада постановила: все строевые части Войска свести воедино и образовать свою Кубанскую армию. Кубанский Войсковой Атаман Филимонов, как исполнительная власть, 1 февраля 1919 года издал соответствующий приказ № 172 по Войску²⁷⁸.

По многим соображениям, главное политическим, Ставка главнокомандующего Вооруженными силами Юга России не разделяла этого взгляда, как не разделяли его, видимо, и многие генералы Кубанского Войска, о чем генерал Деникин пишет:

«Оптимизм Атамана (Филимонова) не разделяла вовсе сама Армия в лице ее командного состава и офицерства. В один из последующих острых периодов домогательства Рады генерал Науменко (тогда член Кубанского Правительства по военным делам. — Ф. Е.) послал запрос четырнадцати старшим Кубанским начальникам о возможности выделения особой Кубанской Армии и от тринадцати из них получил ответ резко отрицательный. Мотивы были разнообразны: организационные, стратегические, бедность Кубанских войск в командном составе и тех-

нике, наконец, главный — опасение, что Армия окажется орудием в руках самостийников и крайних федералистов».

При этом в примечании генерал Деникин перечисляет генералов, кто дал отрицательный отзыв о формировании Кубанской армии. Вот их список: «Врангель, Улагай, Покровский, Шкуро, Топорков, Крыжановский, Бабиев и др. За выделение высказался один генерал Гейман²⁷⁹», — заканчивает он²⁸⁰.

Из 14 запрошенных не названы фамилии остальных 6 генералов. Запрос был произведен летом 1919 года. К этому времени на фронте командовали Кубанскими корпусами, дивизиями и бригадами еще следующие генералы: Шатилов, Репников²⁸¹, Говорущенко, Мамонов, Фостиков и Павличенко²⁸². Видимо, эти генералы относились к числу «14-ти» запрошенных. Нужно полагать, что запрашивались генералы, которые командовали Кубанскими боевыми соединениями на фронте, но не те генералы, которые жили и служили в тылу или были без должностей.

Из этих четырнадцати генералы Врангель, Шатилов и Покровский не являлись кубанскими казаками, следовательно, они не могли сочувствовать постановлению Кубанской Рады.

Генерал Топорков был родом казак Забайкальского Войска, из сверхсрочных подхорунжих Русско-японской войны 1904—1905 годов.

Все генералы-кубанцы, за исключением генерала Геймана, в Гражданскую войну вступили в чинах войсковых старшин и полковников. Были произведены в генералы властью генерала Деникина и от него же получили свои высокие назначения командиров бригад, начальников дивизий и командиров корпусов. При таком положении они были более послушны воле главнокомандующего, чем своему Войсковому Атаману или решению (постановлению) Чрезвычайной Краевой Рады.

Генерал Павличенко — урядник конвоя Наместника на Кавказе, графа Воронцова-Дашкова в мирное время, в 1915 году стал прапорщиком, Великую войну окончил сотником, в Добровольческую армию вступил летом 1918 года и летом 1919-го, ровно через год, произведен был в генерал-майоры.

Все это я констатирую как факты, а отсюда легко вывести умонастроение перечисленных генералов.

Кубанская армия не была установлена. Рознь между Ставкой главнокомандующего, с одной стороны, и Краевой Радой, Кубанским правительством и Войсковым Атаманом — с другой, разрасталась. Фронт покачнулся. Оставлены города Орел, Воронеж, Курск, Киев. В первых числах ноября 1919 года, когда отступали все три армии — Добровольческая, Донская и Кавказская, — в Екатеринодаре произошло физиче-

ское насилие над Краевой Радой. Атаман Филимонов отказался от булав. Вместо него был избран генерал Успенский²⁸³. Через месяц он умер. Все три армии отошли на левый берег Дона, сдав и Ростов. Краевая рада, ущемленная ставкой главнокомандующего, на пост Войскового Атамана избрала Генерального штаба генерал-майора Букретова, родом не казака (о нем потом), стоявшего в оппозиции к Ставке. Несомненно, что этот выбор был сделан «в отместку» своим кубанским генералам, не поддержавшим раду в образовании Кубанской армии.

И вот когда была сдана вся территория красным по параллели Киев—Царицын, а по вертикали Орел—Ростов, генерал Деникин разрешил образование Кубанской армии. И первым командующим Кубанской армией был назначен им же генерал-лейтенант Шкуро. Ровно через месяц он был смещен и командующим назначен генерал-лейтенант Улагай, также генералом Деникиным. Такова ирония непоследовательности.

Оставлен был и Екатеринодар 4 марта 1920 года. Командующий Кубанской армией генерал Улагай, по оставлении Новороссийска, эвакуировался в Крым. Три Кубанских корпуса отходили к Туапсе. Между Атаманом Букретовым и старшими генералами Кубани рознь ширилась. Вот почему он и назначил на все ответственные посты генералов не казаков. Все они были офицеры Генерального штаба. О них в «Трагедии Казачества», как аттестация, написано так: «Эти лица были в свое время, и могли быть в будущем, хорошими командирами частей и начальниками штабов в Русской Армии, но они не могли быть последовательными и вдохновенными выразителями казачьих чаяний и вождями Казачьих войск. Они не могли повести Казачью армию в наступление»²⁸⁴.

Кто же они, эти русские генералы, по прохождению своей военной и боевой службы?

1. Генерал Букретов. Офицер Генерального штаба. Пехотный офицер, кавказский грендер. На войну 1914 года выступил в качестве начальника штаба 2-й Кубанской пластунской бригады, которой командовал кубанский казак Генерального штаба, генерал-майор И.Е. Гулыга. О Букретове генерал Масловский²⁸⁵ в своей книге пишет: «Возвращавшийся из отпуска, из Тифлиса, начальник штаба 2-й Кубанской пластунской бригады полковник Букретов (в Сарыкамышской операции. — Ф. Е.) образовал из разных тыловых частей отряд, ядром которого послужил батальон 18-го Туркестанского стрелкового полка — посланный генералом Юденичем на подводах из Караургана ночью с 11 на 12-е декабря 1914 г. Полковник Букретов с этим отрядом принял на себя задачу овладения и оборону Верхнего Сарыкамыша и Чемурды-дага, а затем составил левый фланг войск, оборонявших Сарыкамыш»²⁸⁶. За эту операцию он был награжден орденом Св. Георгия IV степени.

«В конце 1917 года прибыл на Кубань во главе 2-й Кубанской пластунской бригады. В начале 1918 г. был назначен Командующим войсками Кубанского Войска, но, не веря в успех борьбы против красных — отказался от должности и в 1-й Кубанский поход не выступил, как и не принял никакого участия и в дальнейшей борьбе против них»²⁸⁷.

2. Болховитинов — бывший генерал-квартирмейстер штаба Отдельной Кавказской армии с начала войны 1914 года. Признан очень способным генералом.

3. Полковник Дрейлинг — бывший инспектор классов Кубанского Алексеевского военного училища в Екатеринодаре.

4. Генерал Морозов — преподаватель тактики этого училища.

5. Генерал Шифнер-Маркевич. Уроженец города Владикавказа. Сын артиллерийского генерала на Кавказе. В чине подполковника Генерального штаба, был назначен генералом Деникиным начальником штаба Партизанской бригады к полковнику Шкуро для прорыва из Ставрополя в Баталпашинский отдел летом 1918 года. С тех пор — непосредственный соратник генерала Шкуро во всех его боевых действиях на Кавказе, на Украине и по взятию Воронежа в 1919 году.

О действиях Кубанской казачьей дивизии генерала Шкуро по тылам красных в Донецком бассейне генерал Деникин пишет: «В этом и последующих сражениях надлежит отметить боевое сотрудничество с генералом Шкуро и оперативное руководство корпусом его доблестного начальника штаба генерала Шифнер-Маркевича»²⁸⁸.

Будучи командиром 2-го Хоперского полка при нашем общем отступлении «от Воронежа и до Кубани» в октябре—декабре 1919 года и находясь в подчинении своему начальнику дивизии генералу Шифнер-Маркевичу, должен засвидетельствовать не только его боевую деятельность, но и личные человеческие качества этого очень доброго, корректного и умного человека, которого казаки обожали.

В средних числах марта 1920 года, когда три Кубанских конных корпуса и 4-й Донской конный подходили к единственной дороге Белореченская—Туапсе, вся Черноморская губерния на север до Геленджика, а на восток до станицы Хадыженской была занята «красно-зелеными». Впереди этих корпусов преграждал дорогу Гойтхский перевал. Связи с отступающими корпусами и с Новороссийском совершенно не было за отсутствием телеграфных линий в этом районе. И Шифнер-Маркевич, по личной инициативе, своим головным отрядом казаков разметал противника, занял перевал, потом Туапсе, двинулся на Сочи и занял этот город. И все это сделано незаметно, но для дела. Таков был Шифнер-Маркевич, маленький, пухленький, всегда в серой простой черкеске и «волчьей папаше» на голове.

Из этих строк видно, что все перечисленные генералы были все же связаны своей службой с Кубанским Войском. Букретов и Шифнер-Маркевич были приписаны в казаки.

И невольно возникает вопрос: чья же вина, что старшие кубанские генералы, под разными предлогами, покинули свою армию и выехали в Крым, а вся моральная ответственность за гибель Кубанской армии легла на этих генералов?

По событиям — перенесусь вперед. В Костроме, в губернской тюрьме, куда нас, около 80 кубанских штаб-офицеров, поместили летом 1920 года, на наш вопрос и недоумение, «как все это случилось на Черноморском побережье?», генерал Морозов спокойно рассказал, словно прочитал лекцию:

— Революция еще не окончена, и процесс ее долго будет продолжаться, потому всем русским патриотам надо быть в России. Быть, работать и вариться здесь, испытывая все то, что испытывает весь русский народ. Понять народ и строить постепенно новую Россию, которая освободится от большевиков внутренними своими силами, но не интервенцией. Вот почему они и решили капитулировать Кубанскую армию безболезненно и что вести дальше казаков и офицеров на бесплодный убой и не нужно, и даже преступно. Крым должен все равно пасть, — трактовал он нам.

Он «брал» всю Россию, какова она есть, не имея любви к той маленькой отчизне, которую имели мы, казаки. Он нас, конечно, не утешил.

Надо сказать и о казачьей массе. Многие станицы приписали «в почетные казаки» некоторых русских генералов, но чтобы станичный сбор вынес «спасибо» своему казаку-офицеру — этого не было²⁸⁹. В их понятиях — свои родные кубанские офицеры должны молча воевать, калечиться и умирать, а вот посторонним генералам, чуть он польстит станице, сейчас же дается диплом «почетного казака», звание, которого никогда у казаков не было.

Офицер-казак к своему уму обязательно приложит и биение сердца в казачьих делах, тогда как посторонний семьи казачьей — сначала разум.

Казачьи Атаманы Войск тех времен — Уральского генерал Толстов²⁹⁰ и Оренбургского генерал Дутов — в смертельные морозы, без запасов продовольствия, отходившие в знойные солончаковые пустыни в неимоверных человеческих условиях, устилая свой путь трупами умерших от холода и голода, сами в седле во главе казаков, — они прошли тысячеверстные пустыри, шли, и ушли от красных, и увели от них своих бойцов в чужие государства, в полудикие и малокультурные государства

Азии, в которых международное право считалось почти «пустым звуком». Это были настоящие Вожди-Атаманы.

А у нас!.. Рядом культурная Грузия. Доброе и гостеприимное население. Одна вера с ними. Все говорят по-русски. И вот — не договорились вовремя. И недопустимо было Ставке главнокомандующего быть в «холодной войне» с Грузией и не иметь с нею дипломатических отношений.

И была права Кубанская делегация в Париже, проектировавшая «Оборонительный союз» с горами Кавказа на случай нашей неудачи²⁹¹. Политические деятели смотрели глубже, чем мы, военные.

А отход каппелевской армии через всю Сибирь к озеру Байкал, время которого заморозился и умер сам ее вождь генерал Каппель²⁹².

А переход остатков его армии через Байкал в его 60-верстном поперечнике по льду с провалами, в вихре встречной снежной бури!

А у нас весь Черноморский флот — полный хозяин Черного и Азовского морей. Там же и военный флот союзников. Возможность была, чтобы перебросить Кубанскую армию в Крым.

И нет сомнения, что новый главнокомандующий, генерал Врангель отлично видел, что «Крыму не устоять», — так зачем же сюда перебрасывать еще несколько десятков тысяч казаков! И хватит ли плавучих средств в будущем на всех «для ухода в неизвестность»?

Закроем эту страницу поздних рассуждений. Участники событий не могут рассуждать беспристрастно. Уж больно много обиды запало в души.

Спасать казаков было нужно живых, для идеологической борьбы. И лучше умереть вне Отечества, чем в застенках красной власти.

Первые дни «за проволокой»

Настало утро. Первым долгом хотелось умыться, но воды нет. Вообще, здесь ничего нет, кроме длинных пустых высоких дощатых сараев для склада кирпича-сырца.

Пришла какая-то «власть», человек восемь. Все в кожаных шлемах-шишаках, с большими красными суконными звездами на них. Приказано разместиться «по полкам». Разместились. Мы уже не распоряжались своими казаками, не хотели. Все делали вахмистры и урядники.

К обеденному времени прибыл какой-то большой чин Кубанского областного правления, по фамилии Чернобаев. Всех собрали на митинг, и он заговорил, «как Красная армия освободила Кубань от кровожадных генералов, и что казаки этому очень рады». Казаки молча слушали,

улыбались, но ничем не реагировали. Сам Чернобаев оказался местным жителем с Дубинки, хорошо знающим быт казаков. Среднего роста, подтянутый брюнет, которому очень шла военная форма. И был молод, не свыше 30 лет. Он успокаивал казаков не бояться новой власти, так как она несет народу только добро.

— Кому что надо — обращайтесь ко мне!.. Кто имеет в городе семьи — могу отпустить с ночевкой. Могу отпустить осмотреть город, который вы теперь и не узнаете, — глаголет он нам.

И первыми в отпуск пошли к своим женам «с ночевкой» командир Корниловского конного полка, войсковой старшина Безладнов и мой помощник, полковник Ткаченко, как и все другие офицеры, имевшие семьи в Екатеринодаре.

Власть умела подходить исподволь. Прибывшие были, видимо, из местных большевиков. Но вот приезжает еще «некто». Он в черной офицерской накидке без рукавов, в высоких офицерских сапогах отличной кожи. Лицо сухое, прямой профиль, губы крепко сжаты, замкнутые глаза. Кожаный шлем с красной звездой глубоко надвинут на глаза, чтобы скрыть их от других, но эти глаза «все видят». Походка военная, даже кавалерийская. Он идет меж толп казаков прямо к группе представителей власти. Подойдя, он спросил, «кто они».

— А я из восьми, — сказал он им.

На наше удивление, те моментально приняли подчиненный вид.

Что означало это магическое «из восьми», мы не знали, но по их подчиненным позам, по их загадочному разговору видно было, что это представитель какой-то большой и всемогущей красной власти здесь, в Екатеринодаре. И когда этот загадочный человек уехал, те вновь стали такими же хулиганствующими «ваньками» из окраин города.

В ожидании «чего-то» мы, группа старших офицеров, находимся на главном тракте от ворот, идущем к рядам многочисленных сараев. У ворот показалось новое лицо. Молодой человек лет двадцати, маленький, кругленький, в черном штатском костюме, но в кожаном шлеме все с той же большой красной звездой на нем, быстро подходит к нам и вежливо спрашивает:

— Можно ли видеть офицера Анатолия Косякина?

— Да, конечно, — отвечает кто-то из нас.

— Хорунжего 1-го Екатеринодарского полка Косякина! — раздались голоса в глубь сараев. И хорунжий Косякин²⁹³ появился.

— А-а!.. Миша!.. Толя!.. — пронеслись меж ними возгласы, и они крепко пожали один другому руки.

— Если хочешь — я возьму тебя на поруки? — говорит прибывший.

— Ну конечно, хочу! — отвечает Косякин.

Потом они гуляли вдвоем, о чем-то говорили и приятельски расстались. Тут же Косякин рассказал нам, что прибывший был его сверстник и друг по Екатеринодарскому реальному училищу, не казак, по дурости ушел с красными, записался в коммунистическую партию и, вернувшись назад, сейчас занимает в городе пост, равный городскому голове.

Хорунжий Косякин был освобожден, переехал в дом своего отца. О его судьбе будет сказано своевременно.

На второй день неожиданно прибыл в лагерь генерал Хоранов с большим своим багажом. Мы сразу же окружили своего командира корпуса.

— Вот сволочи, — начал он рассказ.

Как описано раньше, он говорил и нам, и комиссарам, что «согласен командовать и красным конным корпусом». Начиная с Адлера, власти его приласкали. В экипажке, запряженной тройкой лошадей, с большим багажом, ему позволили ехать на Кубань. Позволили быть при кинжале и с офицерским Георгиевским крестом на груди. Так он доехал до станицы Белореченской. Переночевав, на второй день двинулся к Екатеринодару. Но только он отъехал версты две от станицы, как его нагнал красный конный разъезд и отобрал экипаж с лошадьми, оставив ему все вещи, седло и кинжал. И никакие документы из Сочи от красных властей не помогли.

Мы толпами заполняли штабеля кирпичей у длинного забора и оттуда смотрели вдоль улицы к городу, по которой все время было движение. Очень часто сидел и я и смотрел вдаль, завидуя тем, к кому прибывали посетители.

Не скрывая, мы ругали генерала Морозова «за предательство». Ходили слухи, что он получил в командование красную дивизию, стоявшую около Новороссийска.

— Ну конечно, это ему в знак благодарности, — говорилось.

Но на третий день нашего пребывания здесь мы увидели группу людей, 10—15 человек, идущих к нам под конвоем. Впереди всех шел генерал Морозов. На нем все та же кожаная тужурка, английские бриджи защитного цвета, и только военную фуражку он сменил на черный суконный картуз. Черная бородка «лопаточкой» с его смешанным костюмом не выдавали в нем генерала. По виду он был типичный мещанин.

Приближаясь к нам, он будто бы смутился. Мы все вперились глазами в него, и достаточно недружелюбно. А он, коротко потрясая правой рукой в нашу сторону, мягко, с улыбкой произнес:

— Здравствуйте, господа!

Он очень запросто вошел во двор со своими спутниками и направился в один из сараев. Спутники — это был его штаб, почти все в фуражках, не казаки. Их доставили в Новороссийск баркасом, а в Екатеринодар поездом. С этого дня он стал таким же пленником, как и все мы.

Наша бабушка

С братом мы ждали кого-нибудь своих из станицы. Надюша давно прибыла домой и, конечно, рассказала всю печальную повесть о нас всех.

Как всегда, сижу и я «как шулпек» (коршун) на штабелях кирпичей и смотрю вдоль длинной улицы к Дубинке с надеждой — авось покажется кто-то из станицы?.. Среди идущих в нашу сторону я узнал сухенькую фигурку нашей дорогой бабушки, с узелком на палочке, брошенном на плечо. Заплетающимися от старости ногами она подходит к массе посетителей у забора и беспокойными глазами ищет нас, двух ее внуков, заключенных здесь.

— Бабушка!.. Бабушка — сюда! — кричу я ей.

Услышав знакомый голос, она старается своими глазами найти меня, но в серой толпе казаков не может угадать своего внука, так же ставшего «серым на вид», как и вся масса людей в казачьих потертых папах и замызганных костюмах.

— Сюда, бабушка, сюда! — кричу ей из толпы и машу рукой.

И она узнала меня. Лицо ее, усталое, серьезное и напряженное, как-то растворилось в мягкую полуулыбку. Она быстро протискивается ко мне. С кучи кирпичей, через забор, я тяну к ней руку. Она хватается обеими руками, тянет к своим губам, целует и плачет, приговаривая:

— Федюшка-а, в каком ты виде... в каком ты виде!..

19 февраля во главе полка, с хором трубачей и с песнями в сотнях, проходил я мимо своего дома. На парадном крыльце нас радостно провожала бабушка со всей семьей. Корпус переходил в победное наступление. Мой вид тогда был иной.

Простые люди иногда короткими словами или фразами выражают глубокий смысл. В данном случае наша бабушка не имела в виду сказать, что вот ее внук, полковник и командир 1-го Лабинского полка, «плохо одет, не в черкеске с погонами и при стильном кавказском оружии», а что — хозяин Кубани положен на лопатки, враг ступил ногой ему на грудь и, наверное, убьет его.

Пишу аллегорически, хозяин Кубани — это все мы, вся Кубанская армия, теперь разоруженная и посаженная за проволоку «в таком виде».

Это был крик души старой казачки, олицетворяющей всю нашу Кубань. Крик трагический и смертельный для Кубани. И роковой. С тех дней Кубань как красочная административная единица, как живой организм воинственных казаков перестала существовать!..

Откуда у простой казачки такое глубокое предвидение? Предвидение — это ее суровая жизнь. И жизнь именно казачья.

Она родилась тогда, когда Кубань еще не была замирена. Когда наша станица была огорожена рвом и тыном от набегов черкесов. Когда выход из нее был через окраинные ворота, через которые, по сигнальной утренней трубе, казаки выезжали в поле на работы и выгоняли на пастбище свой скот. И когда перед заходом солнца нужно всем возвращаться в свою станицу, чтобы не стать жертвой нападения горцев. Да и сама она, девочкой, пошла с подруженьками за станицу «за клубничкой». Увлечались поисками ее, как показалось несколько горцев. Все дети метнулись к станице и спрятались в кустах. Так все она нам рассказывала в нашем детстве.

Потом замужество. Муж на действительной царской службе, тогдашнему 16 лет, без отпуска в станицу, участник Русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Находился он и в историческом «Баязетском сидении», где гарнизон русских войск окружили турки. Война закончилась, и наш Кавказский полк переброшен был в район Батума, только что завоеванного от турок.

После 16 лет службы дед вернулся домой на льготу и через год был убит в степи разбойниками. На руках у бабушки осталось хозяйство и единственный сын, наш отец. Не вышла она, тогда молодая вдова, замуж и всю себя посвятила сыну. А потом нам, внукам и внучкам, коих родилось у нашей матери двенадцать.

И довела всех до почетного положения в своей станице, вознагражденная Всевышним за свои труды и страдания, заслужила полный покой и радость перед смертью. Как вдруг катастрофа родной семьи, и всего Казачества, и Кубани, вне которых ее жизнь уже не представляла не только радости, но и пользы. А другие разбойники — красные — убили и ее единственного 50-летнего сына.

Всех посетителей пропускают. Я веду бабушку не в свой сарай, чтобы не показывать ей наше «звериное логовище», а в пустой, предназначенный для посетителей. Вызываю старшего брата. Андрюша смущенно, но очень нежно обнимает ее, целует и усаживает на сырой песчаный пол.

— Ну, как это случилось, деточки? — спрашивает она.

Этимися словами она спрашивала не о нас лично, а «как это могло случиться, что вся Кубанская армия сдалась красным?».

Спросила — и лицо ее, всегда строгое и серьезное, редко когда улыбающееся от полувекового горя и забот, вдруг стало таким беспомощным, передернулось гримасами, голова поникла, и она заплакала своим бесслезным плачем. Слез у нее уже давно не стало. Она их давно выплакала.

Как могли, мы коротко, успокаивающе рассказали ей о трагедии нашей Кубанской армии.

— Что же дальше будет с вами, деточки? — печально, тревожно спросила она.

Мы сознательно ввали, что «все будет хорошо», своей бабушке, чтобы успокоить ее. Выслушав нас, беспомощно качая головой, она вновь плачет своими сухими слезами и печально произносит:

— Ох, не верится мне что-то, чтобы все окончилось благополучно... Провидица была наша умная бабушка.

Красный командир

Она вернулась в станицу, а через сутки прибыла наша мать, старшая замужняя сестра (наш первенец из 12 детей) и жена брата. Они принесли нам и радость, и многие новости из станицы. Мать рассказала: «Когда вы отступили, красная конница с обнаженными шашками неслась по Красной улице. Пленные красноармейцы, которых раньше захватили Лабинцы, помещались в Отдельском дворе. С криками «ура» они выскочили навстречу конным. Один эскадрон красных остановился у нашего дома. Их командир строго спросил меня:

— А где Ваш сын Федор?

— Ушел с войсками, — отвечаю.

— Жаль, хороший он был офицер, и он должен был служить народу.

Потом он молча вошел в залу и, увидев твой бинокль на стене, говорит:

— А, военный предмет!

— Да он пробит пулею, — отвечаю ему.

— Ничего, пригодится, — сказал и взял себе. А потом, увидев твой портрет на стене, весело произнес: — А вот и сам Федор Иванович!

Я заинтересовалась и спросила — откуда он знает моего сына?

— Я бывший урядник одной сотни с ним на Турецком фронте Гречишкин, казак станицы Тифлисской, а теперь командир красной бригады».

Мать удивилась этому, не поверила и теперь спрашивает меня — правду ли он сказал?

Гречишкин сказал правду. Младшие урядники Асеев и Гречишкин, казаки станицы Тифлисской, окончили в Ташкенте окружную гимнастическо-фехтовальную школу и по весне 1914 года вернулись в полк, в город Мерв. Как гимнасты, они приходили в нашу учебную команду и конкурировали с казаками-«учебнянами» в разных гимнастических номерах на турнике и на параллельных брусьях. Работали они хорошо, чисто, но были крупные ростом, мужественного телосложения, почему «стойку на руках» на брусьях не могли постичь. В этом отношении я для них стал авторитетом, а отсюда и образовалась между этими урядниками и мной как бы профессиональная дружба.

Они окончили полковую учебную команду в 1913 году, вахмистром которой был тогда старший урядник Никифор Иванович Бородычев²⁹⁴, в Гражданской войне войсковой старшина, в эмиграции проживавший недалеко от Нью-Йорка.

На Великую войну оба этих урядника вышли в 3-й сотне подьесаула Маневского. Я командир 1-й полусотни, а они младшие урядники 1-го взвода, то есть мои непосредственные подчиненные.

Гречишкин — костистый, сильный казак. Крупное лицо с прямым профилем. Серые, холодные глаза. Лицо волевое. Сухой в обращении и с казаками, и с офицерами. Под ним отличный конь светло-гнедой масти, костистый и мощный, как и сам хозяин. Ровно 2 года в походах, в боях, в многократных разъездах в глубь Турции рядом со мной был Гречишкин. В месяцы революции держался молча. С мая 1917 года дивизия стояла в Финляндии. В самом начале декабря, уже при большевиках, когда полки нашей дивизии возвращались на Кубань, оказывается, Гречишкин остался в Петрограде.

Полки дивизии прибыли в свои отделы перед самым днем Рождества Христова и на праздники были отпущены по своим станицам, в отпуск.

После праздника Крещения казаки нашего 1-го Кавказского полка собрались в станице Кавказской для получения жалованья и выяснения дальнейшей судьбы полка. Власть была еще казачья, Войсковая, на всей территории Кубани. И вот во дворе управления Кавказского отдела, где собрались казаки при полковой канцелярии, на каком-то возвышении появился Гречишкин, который заявил, что он «прибыл из Петрограда, имеет мандат на набор казаков-добровольцев в Красную гвардию и предлагает казакам записываться у него».

Стояла непогода. Казаки считали, что война окончена, и ждали официальной демобилизации «старых годов» от Войскового Атамана, а тут

свой казак-урядник предлагает «набор добровольцев», да еще в «Красную гвардию». Его они не только что взяли на смех, но предложили идти ему туда, «куда он хочет».

Под смех толпы человек в двести Гречишкин заявил, что «вернется в Петроград, доложит, кому следует, и еще посмотрим — чья возьмет».

Все это было тогда для всех нас очень странно и непонятно. Поведение урядника и это его выступление посчитали смешным, почти анекдотичным, как и не обратили на него никакого внимания. Способности кадрового урядника Гречишкина, его грамотность, боевой опыт, как и сочувствие красным, оказались настолько видными, что через 2 года войны на свою Кубань он вернулся командиром конной бригады Красной армии. Но этим он не украсил нашу Кубань казачью!

«А Федю Короткова заставили насыпать пшеницу в чувалы из амбаров, отвезти в Романовский и сдать государству, — рассказывает дальше мать. — Насыпал, запряг восемь пар быков в мажары и повез, а они, проклятые, отобрали и быков, и мажары, и Федя вернулся домой пешком только с кнутом. Вернулся домой с Красной армией и мужичонок Семка Папинов, ты его знаешь. На митинге он много говорил, «дергал» некоторых стариков за бороды и угрожал за старое, — с возмущением продолжает она свой рассказ. — А Соломон (наш работник, пленный красноармеец) забрал всех четырех рабочих лошадей, мажару, хомуты и уехал к себе домой, что теперь мы будем делать без лошадей, я и сама не знаю, сыночек», — повествует она.

Слушаю свою мать и молчу. И пропали все мои мечты вернуться в станицу, заняться хозяйством и обеспечить жизнь бабушке, матери и трем сестренкам-подросткам. И ежели мужичонок Семка «дергал стариков за бороды», как высшее для них оскорбление, то что же он делает с нами, офицерами?!

Бежать!.. Бежать надо в Крым, в армию, и продолжать борьбу, как уже предпринял в Сочи и Туапсе.

Но как достигнуть Крыма? Судьба наша полностью находилась в руках красной власти.

Кубанский съезд Советов

Он назначен в Екатеринодаре, по два делегата от станиц и сел и по одному коммунисту от них же.

От нашей станицы прибыл станичный комиссар, казак Горин и младший урядник 2-го Кавказского полка Великой войны Лев Колышкин.

Оба староверы. Их подворья позади нашего, через улицу. Кольшкина я хорошо знал еще со школьной скамьи, а Горина мимолетно, когда я был мальчиком, а он уже с рыжею бородою. Сады над Кубанью, наш и его, были почти по соседству.

Великую войну он провел на Турецком фронте в 3-м Кавказском полку, в котором наш старший брат Андрей был офицером. На удивление последнего — в месяцы революций Горин стал «красным». Его я не видел лет пятнадцать.

В одном из сараев он собрал всех наших станичников, чтобы «поговорить». Я не пошел. Говорить с ним мне было не о чем. За мной пришел брат, и от его лица «просил пожаловать дорогого станичника, которого он знает с малых лет», — так сказал мне брат Андрюша. Пришлось согласиться.

Когда я вошел в сарай, все станичники молча слушали Горина. Там были молодые офицеры военного времени, не выше чина сотника, урядники и казаки. Я был не только старшим среди них, но и единственным кадровым офицером. При моем появлении все они повернули голову в мою сторону.

— А-а!.. Федор Иванович!.. Пожалуйста! Что же Вы сразу не пришли? И не бойтесь. Мы все станичники — свои люди. Здравствуйте! — сказал и протянул мне руку, не вставая с земляного пола. — Садитесь, Федор Иванович, возле меня, — предлагает он и продолжает: — Я вот рассказываю станищикам о съезде. На съезде мы (то есть казаки) возьмем верх и не дадим коммунистам распоряжаться по казачьим станицам. Казачьих представителей будет ровно в два раза больше, чем коммунистов, почему мы и возьмем верх своими голосами. И всех вас выручу из лагеря, после чего вы будете жить спокойно в станице, и я не позволю никому вас и пальцем тронуть.

Горин — типичный казак-старовер. Светлый блондин. Лицо белое, чистое. Прямой, сухой профиль. Длинная, в четверть, ярко-рыжая борода. Он в широких казачьих черных шароварах с красным войсковым кантом. Белая широкая чистая рубаха вобрана, по-станичному, в «очкур». От жары — бешмет нараспашку.

Когда станицу заняли белые, дроздовцы, он был арестован, во дворе станичного правления выпорот плетью своими же станичниками, препровожден в Екатеринодар в тюрьму для суда. Это было летом 1918 года. При оставлении Екатеринодара белыми войсками был выпущен на свободу, вернулся в станицу и автоматически вновь стал комиссаром ее. Все это я знал, и теперь я рассматриваю и изучаю его. Безусловно, умный казак, не злой и не мстительный. Говорил искренне своим станичникам, и они ему верили. Поверил и я его словам, но я уже не

верил красной власти, как и не поверил, что они, казачьи делегаты, на съезде «возьмут верх». Вся сила была уже в красной Москве, но не на местах.

Так и оказалось. Съезд единогласно признал власть народных комиссаров и послал приветственную телеграмму Ленину. После этого началась сортировка капитулированной Кубанской армии. Нам доставляли газеты. Прочитали, что все члены Кубанской Рады отправлены в Москву. Сообщение заканчивалось злым и ехидным стихотворением под заглавием «Вбит осиновый кол в Кубанскую Краевую Радугу».

Началось «очищение Кубани от вредного элемента». А Горин, разочаровавшись во власти, отойдет от нее и умрет в станице своей смертью.

О сотнике Веприцком. Наш лагерь

— Господин полковник, Вас спрашивает какая-то барышня, — говорит мне кто-то.

Я иду к воротам и вижу одинокую, робко стоящую девушку лет шестнадцати. Она очень скромно одета, но чистенько. Лицо приятное, благородное. Стоит сиротиночкой.

— Я полковник Елисейев, что Вам угодно? — говорю ей.

— Вы командир 1-го Лабинского полка? У Вас в полку был наш брат, сотник Веприцкий, где он? — спрашивает.

«Вот новое испытание», — подумал я. Сотник Веприцкий убит у села Садового и похоронен в Туапсе. Могу ли я сообщить такую ужасную весть этому тихому, робкому существу?!. Да она тут же может умереть от удара.

— У Вас есть мама? — спрашиваю.

— Да, и еще меньшая сестра, — тихо отвечает.

— Попросите прийти сюда Вашу маму, а я к этому времени наведу справки — где он? — оттягиваю роковой удар.

К вечеру приходит мать. Лицо энергичное, чем-то недовольное или чем-то обозленное. Одеты скромно. Видимо — во всем нужда. С нею обе дочери, как оказалось, наши екатеринодарские ученицы Мариинского института. Отец их, подъесаул, состоял старшим адъютантом Кавказского отдела, когда я был юнкером, жил, снимая маленький домик рядом с нашим подворьем на Красной улице, но при нем тогда семьи не было.

Подхожу к ним, здороваюсь и чувствую себя отвратительно. Что я им могу сказать утешительного?!. Какой ужасный удар я должен нанести матери и этим двум неискушенным подросткам-дочкам. Подхожу

и обдумываю — с чего начать и как все рассказать? Но меня предупредила мать.

— Вы командир 1-го Лабинского полка? — недовольно, зло спросила она, видимо предчувствуя беду и все сваливая на меня, как командира полка. — Где мой сын, сотник Веприцкий?

Сказать коротко, всего лишь два слова — «он убит», да еще в присутствии его сестренки, таких милых, молоденьких, придавленных нуждой, у которых старший брат был всей надеждой в жизни, я не мог.

— Он тяжело ранен, мадам, — вру я. — А как и где он теперь, я могу сказать Вам только одной, — продолжаю лгать.

— Говорите здесь же — где он? Ранен?.. Убит?.. Уехал в Крым? — резко, зло, даже оскорбительно бросает она мне.

Меня это задело, словно я был виновен в его гибели. Но мне и ее, и в особенности ее дочерей безумно жаль. Я отлично понимаю, какое это горе для них. Я бросаю взгляд на барышень, стараясь прочесть в их глазах — какое впечатление произведет на них мое жуткое сообщение?

Младшая робко смотрит на меня, словно предчувствуя что-то ужасное, а старшая более спокойна. Мать же буквально съедает меня своими злыми глазами и ждет. И я решил сказать правду:

— Тогда извините меня, мадам, Ваш сын убит в бою под селом Садовым и похоронен в Туапсе.

При этих словах младшая дочка как-то передернулась, резко заклотала своей маленькой грудью и с беспомощным криком ужаса «мам-ма!» повалилась матери на грудь.

— Хорошо!.. Спасибо Вам!.. Идемте, дочки, домой! — стальным голосом произнесла она, все так же зло глядя мне в глаза, не попрощавшись, резко повернулась и, поддерживая младшую дочку, направилась к воротам.

Я печально смотрел им вслед и не обиделся на мать. Я также плакал в душе еще по одному казачьему семейству на Кубани и точно представлял весь их ужас и горе, когда они придут домой!.. Там они будут горько и долго плакать, и не один день.

У ворот лагеря стоял только один красноармеец с винтовкой, но пропуск за ворота свободный, и многие из нас выходили через него к Кубани. Там, в Кубани, мы умывались по утрам, а некоторые казаки и купались. Бежать можно было совершенно свободно. Но куда бежать? Не в станицу же, где каждого офицера немедленно арестуют, и тогда что?!

Возможно, еще в дороге на Екатеринодар, да и отсюда, казаки бежали в свои станицы. Там же не всем было известно, кто ушел в горы из казаков. Но офицеры — они все на счету.

Когда мы сдали оружие и лошадей у Сочи, я почувствовал себя так, будто неожиданный мрак спустился над нами, полностью заволок все бывшее светлое, и мы оставлены судьбой на полную неизвестность или гибель.

Я почувствовал, что у меня отобрали самое ценное в моей жизни, после чего не стоит и жить.

Я почувствовал себя тогда совершенно беспомощным, пойманным разбойниками, ограбленным начисто и сброшенным в темную, глубокую яму, из которой трудно выбраться.

Мы перешли тогда черту, отделяющую свет от тьмы, рай от ада, которую обратно перейти было уже невозможно. Я тогда точно понял, что мною потеряно все то, для чего учился, к чему стремился, чего достиг, и вернуть все это нельзя. Так, сильный зверь зажимает свою жертву в когти, играет с ней для того, чтобы ее потом умертвить.

Я ощущал всей своей душой только горе, свое или чужое, очень остро. Всякая же радость скатывалась с моей души как вода с масла, не оставляя своего следа.

После обеда и по вечерам офицеры и казаки одним большим кругом пели дивные песни черноморских казаков, больше грустные. Основой песенников был Войсковой хор. Но регент хора, сверхсрочный вахмистр-черноморец, наотрез отказался управлять нами, заявив:

— Я знаю только Царские песни, их петь сейчас нельзя и опасно, а другие я петь не хочу.

Но среди офицеров-черноморцев нашлись самородки-регенты, и песни пелись громко, долго и отлично. Одним из регентов был Корниловского полка есаул Андрей Бэх. Лирический тенор, тонкий слух. К тому же он окончил семинарию. При мне, в конце 1918 года, был еще прапорщиком. И вот из лагеря бежал домой в свою Незамаевскую или Калниболотскую станицу, там немедленно был арестован местной властью для препровождения обратно в лагерь. А конвой за станицей пристрелил его.

Из станицы Темижбекской прибыл длинноротый старик Маслов, отец двух сыновей-сотников, находящихся здесь. С ним и жена младшего сына, Феда²⁹⁵. Этот Мафусаил, за 70 лет, был почитителен со мной, но я заметил в его глазах грусть и боязнь за нас. Старые люди видели все гораздо глубже. Мне же перед ним было стыдно.

Казачье население Кубани было удивлено и огорчено «сдачею Армии», на которую так надеялось, что «она вернется и вновь установит Казачью власть». Люди не верили красным, что сдалось 60 тысяч казаков. В плен казаки редко попадали во всех войнах, вот почему и не верили красной печати. Генерал Морозов сообщил потом, что офицеры

ально у него зарегистрировано на приемном пункте 34 тысячи строевых казаков. Беженцы не регистрировались, а некоторые части прошли самовольно.

Пришло распоряжение: «Всем офицерам выйти на работы, перенести доски с одного места на другое». Не сговариваясь, никто из нас не вышел на работу, но генерал Морозов со своим штабом вышел и «таскал на плечах доски».

«Ну конечно, популярничает перед красными», — перекидывались мы между собой. Мы тогда еще не изжили своего офицерского привилегированного положения, и черный труд нам казался непозволительным и оскорбительным.

По дороге в Чека и на поезд

На второй или третий день после областного съезда пришло распоряжение: «Всех генералов и штаб-офицеров выделить из лагеря и немедленно же отправить в Ростов, в штаб Северо-Кавказского военного округа, для назначения на командные должности в Красной армии на Польский фронт».

Мы знали, что польская армия перешла в наступление и заняла уже Киев. Защищать красную Россию мы не собирались, но через Польшу попасть в Крым, к генералу Врангелю, прельщало некоторых.

Нас так быстро выделили, что те штаб-офицеры, кои были в отпуску у своих семейств, не вернулись еще из города. К ним относились командир Корниловского конного полка, войсковой старшина Безладнов и мой помощник, полковник Ткаченко.

Командир Сводно-Кубанского полка, полковник Лиманский и второй мой помощник, войсковой старшина Сахно заболели и отправлены были в госпиталь. Этими событиями судьба их была совершенно иная, чем наша.

Собравшихся вывели за ворота, перевели на пустырь, что между кирпичными сараями Стахова и Дубинкой, и остановили. На глаз, нас было человек восемьдесят. Мы кого-то ждем.

Издали справа приближаются в направлении лагеря две крупные фигуры в длинных черкесках нараспашку, в больших папахах. Один из них часто вытирает папачой пот на лице. За ними небрежно идет плюгавый красноармеец с винтовкой. К нашему удивлению и жалости, в этих двух фигурах мы опознали генералов Косинова и Серафимовича. Узнав некоторых из нас, они приветствовали взмахами рук и с напускной беззаботностью, дружески улыбаясь, прошли мимо нас в 50 шагах.

Подошел конвой, человек в тридцать красноармейцев, окружил нашу группу с ружьями «наперевес» и приказал быстрым шагом двигаться к Дубинке.

Прошли ее. Идем по Почтовой улице, справа проходим Атаманский дворец. Нас сопровождают родственники и знакомые, шедшие к нам на свидание. Среди них обнаружил я и нашу бабушку. Мать уехала в станицу, и больше я не видел ее на этом свете.

С Почтовой свернули на Красную улицу. Второй этаж Атаманского дворца задрапирован красным полотнищем. Памятник Императрице Екатерине II и запорожцам снят. На душе мрак и оскорбление Войскового достоинства.

Какая-то маленькая женщина с грудным ребенком на руках старается как можно ближе идти с левофланговым командиром 1-го Кавказского полка, полковником Хоменко.

— Не подходи близко! — кричит на нее один конвоир зло.

— Это моя жена, позвольте ей идти рядом со мной, — просит Хоменко.

— Жена-а?.. Пусть идет, но не так близко, — отвечает страж.

— Ваня!.. А где Коля? — вдруг прорезывает нас женский окрик из публики.

— Там, — коротко отвечает войсковой старшина Храмов и указывает рукой на запад.

— Не разговаривать!.. А то я вас штыком! — кричит левофланговый конвоир и женщине, и Храмову.

Крик женщины был настолько острый своим беспокойством, что я невольно глянул в ее сторону. Высокая, стройная, красивая и нарядно одетая молодая женщина с грудным ребенком на руках не отставала от нас.

— Кто это? — тихо спрашиваю Храмова, сверстника по военному училищу и однополчанина по мирному времени.

— Жена Коли Черножукова, — отвечает он.

Черножуков, екатеринодарский реалист, в 1911 году окончил Тверское кавалерийское училище и вышел в 1-й Черноморский полк. Красавец и богатый человек. Я его хорошо знал. Будучи командиром сотни Корниловского конного полка, в средних числах октября 1918-го, когда полком командовал полковник Бабиев, он был тяжело ранен в ногу. Долго лежал в госпитале и стал хромым. Какова судьба его супруги-красавицы — неизвестно.

Дойдя до Екатерининской улицы, мы повернули на нее и остановились на углу Барсуковской, у здания областной Чека. Генерала Морозова вызвали в здание.

Мы стоим. Прибыли родственники войскового старшины Семенихина из станицы Безсorrowной и сообщили ему, что его жена неожиданно умерла и они не знают, что делать с двумя его маленькими дочками. Семенихин заволновался. Он просит власть дать ему разрешение съездить в станицу и устроить сироток. Власть соглашается, но просит письменное поручительство 10 человек из нас, что он потом вернется в лагерь. Мы даем свои подписи, он едет в станицу, вовремя возвращается, потом бежит в станицу Лабинскую, узнает о движении генерала Фостикова, бежит к нему, ведет борьбу против красных.

По выходе из госпиталя бежит к Фостикову и полковник Игнат Лиманский. Во Франции я связался с ним письменно. И доблестный командир полка в былом ответил мне, что «давно вложил свою шашку в ножны».

Окончившего ускоренные курсы Академии Генштаба есаула Якова Васюкова вызывают в здание и назначают в какой-то штаб.

Вышел Морозов с документами, и мы уже без конвоя идем к вокзалу, чтобы следовать в Ростов. На вокзале много провожающих, все женщины. Здесь и наша бабушка. Она не отходит от нас, жалостливо-ласково заглядывает в глаза нам, обоим внукам, словно хочет насмотреться в последний раз. Я ее успокаиваю, как могу.

— Ах, Федюшка, чует мое сердце, что будет горе, — говорит она и бесслезно плачет.

Потом бросилась куда-то и приносит полное ведро нашего кубанского борща. Все голодны, Кавказцы и Лабинцы, как ближайшие, обступили ведро со своими деревянными ложками, и — о, как вкусен был наш родной борщ!

Полковника С.И. Земцева провожает семья со многими родичами. Жена и дочь упрасивают его взять с собой большую столовую серебряную ложку и салфетки. Он отказывается, те настаивают, и он, наконец, соглашается.

Подали два пассажирских вагона 3-го класса. Пронеслось распоряжение «о посадке». Услышав эти слова, наша бабушка вся передернулась. Чужало старческое сердце, что в последний раз она видит своих дорогих внуков. Мы с братом обнимаем ее, целуем в щеки, в глаза. Я боюсь, как бы она не упала в беспамятстве, поддерживаю ее, успокаиваю, целую ее сухую морщинистую руку и на ходу вскакиваю в вагон.

Она, поняв «все», наше «последнее прости» в жизни, скорым шагом идет, бежит рядом с отходящими вагонами, сторбившись еще сильнее, и на бодрящие наши слова и слова друзей-кавказцев, плача, в какой-то неестественной гримасе горя, твердила только одно слово: «детки-детки», а потом и приотсталла за поездом.

С тех пор я ее больше уже не видел на этом свете. В голодный год, когда Кубань замученно стонала «под продовольственным налогом красных», она поехала вдаль «за хлебом», в Невинномысскую станицу и там, среди чужих людей, подрезанная безжалостным тифом, в чумном бараке, среди сотен ей подобных, отдала Богу душу свою и как ненужный хлам была сброшена в могилу-яму общую.

Опрос

В Ростов прибыли перед заходом солнца. Генерал Морозов с пакетом пошел по указанному на нем адресу. Вернулся с проводником и возмущенно сообщил нам, что пакет был по адресу ростовской Чека и нам приказано идти в концентрационный лагерь, за городом.

Нагрузившись тем, кто что имел, мы двинулись по Ростову. В сумерках выйдя из города и поднимаясь на перекат, на пустыре, по немногим огням и гомону тысяч людей, мы поняли, что приближаемся к лагерю. В глубине три-четыре длинные постройки. Весь пустырь охвачен проволокой. Через ворота нас пропустили в месиво людей. Темнота, ничего не видно. Не разбиваясь, мы кучно поместились под открытым небом. Ночью пошел дождь и спугнул нас. Мы, группа Лабинцев и Кавказцев, кое-как укрылись под каким-то навесом.

Наутро регистрация в канцелярии охранной роты лагеря. Оказывается, в Екатеринодаре, в Чека, видимо при содействии генерала Морозова, был составлен список всем нам в порядке чинов и бывших должностей. После фамилий пяти генералов моя фамилия почему-то была поставлена следующей, видимо, по должности самой сильной в нашей армии тогда 2-й Кубанской казачьей дивизии, состоящей из шести полков.

И вот, в порядке старшинства, вошли мы в узкий коридор канцелярии и остановились в затылок один другому. За столом сидели три человека. Перед средним — список и наши анкеты.

Первым стоял генерал Морозов. Здесь я помещу полный диалог чекиста и Морозова, вопросы, которые потом задавались абсолютно всем.

- Морозов — Ваш чин?
- Генерал-майор.
- Должность в Белой армии?
- Командир корпуса.
- В Белую армию поступили добровольно или по мобилизации?
- Добровольно.

— Где проживает Ваша семья?

— В Тифлисе. (Грузия была тогда самостоятельная республика.)

— Адрес семьи?

— Не знаю.

Чекист молчит, что-то думает и вновь спрашивает:

— Как же Вы это не знаете адреса Вашей семьи?

— Не знаю, вот и все, — отвечает Морозов резко.

Чекист молчит, а потом что-то говорит рядом сидящим. И вновь, достаточно вежливо, как бы упрасывая не скрывать адрес семьи, продолжает:

— Очень странно, товарищ, что Вы не знаете адреса своей семьи. Ведь Вы с нею переписывались же?

— Не знаю, вот и все, и не желаю Вам больше отвечать, — вдруг резко, вызываясь говорит Морозов, самовольно поворачивается кругом и скорым шагом уходит мимо нас.

Это была большая смелость генерала. Наше мнение о нем повысилось. Мне подумалось, что чекист вскочит, схватит генерала за воротник и притянет к столу «для точного ответа». Испугался я, что он может пустить ему и пулю вслед, в спину. Но этого не случилось. Еще немного посидев молча и шепотом переговорив со своим соседом, он выкликнул «следующего». Им был генерал Хоранов. На последний вопрос он ответил, что в Белую армию был «мобилизован».

Ответили и следующие три генерала — Орлов, Мальчевский и Бобряшев, что и они были «мобилизованы», и дали адреса своих семейств.

В эти страшные и томительные минуты во мне боролись два чувства — совесть и страх. Все мы, конечно, хотя и подлежали мобилизации, но в Белую армию поступили добровольно, по убеждению. И вот я, поддаваясь чувству страха, также ответил, что «был мобилизован».

И оказалось потом, что все, около 80 офицеров, ответили, что они были «мобилизованы». Нельзя было поверить, что среди нас не было храбрых в боях и смелых граждански, но в данном случае вредно и опасно было делать такую бравладу.

В дальнейшей тюремно-лагерной жизни, продолжавшейся около года, если кто из нас хитрил перед красной властью, умно ускользал от нее, он не только не подвергался нашему товарищескому осуждению, а наоборот — мы его хвалили за это. Это было совершенно правильное поведение тогда. Между собой мы не изменились в воинских взаимоотношениях, все были почтительны к старшим, помогали физически слабым. «Друзья познаются только в несчастье» — было нашим девизом. И офицерское воспитание, как никогда и нигде, проявилось у всех нас тогда в высшей мере.

В лагерях было очень много донских казаков, много офицеров Добровольческой армии, оставшихся в городах, то есть не ушедших с армией. Мы были главной группой кубанских офицеров, прибывших сюда компактно, к которой немедленно присоединились одиночные кубанские офицеры и урядники.

Офицерский список

Для исторической справки приведу полный список нашей группы по чинам и должностям, кои были записаны мною сразу же, когда я попал за границу в июне 1921 года, то есть на свежую голову.

1. Морозов Н.А., Генерального штаба генерал-майор, командир корпуса Кубанской армии. 2. Хоранов В.З., генерал-майор, командир 2-го Кубанского конного корпуса. 3. Мальчевский Н.Г., генерал-майор, командир Кубанского Войскового учебного конного дивизиона. 4. Бобряшев, генерал-майор, командир одной из Кубанских пластунских бригад при отступлении на побережье; скоро умер в Москве. 5. Орлов, генерал-майор, служивший в Войсковом штабе; пожилой, высокий, сухой, его служба мне не известна. 6. Елисеев Ф.И., полковник, командующий 2-й Кубанской казачьей дивизией. 7. Земцев С.И., Генерального штаба полковник, начальник 4-й Кубанской казачьей дивизии. 8. Бойко А.М.²⁹⁶, Генерального штаба полковник, на Черноморском побережье одно время был начальником штаба всех войск у генерала Шкуро; спокойный, замкнутый человек. 9. Жуков С.С., полковник. 10. Кочергин, полковник, командир артиллерийского дивизиона 2-й Кубанской казачьей дивизии. 11. Борисов П.А.²⁹⁷, полковник, командир Полтавской бригады; высокий, стройный, строгий человек, родом не казак. 12. Дударь И.Ф.²⁹⁸, полковник, командир 2-го Полтавского полка; милейший человек. 13. Хоменко В.Н., полковник, командир 1-го Кавказского полка; старый наш Кавказец, маленький, сухой, жилистый, умный и приятный человек. 14. Кротов А.П., полковник, командир 2-го Лабинского полка, терский казак. 15. Богдан П.²⁹⁹, числил себя командиром 1-го Уманского полка; офицер военного времени. 16. Кононенко Г.А., полковник, бывший командир 1-го Черноморского полка; спокойный, тихий человек. 17. Евсюков И., полковник, вр. командующий Линейной бригадой; вел себя замкнуто. 18. Ратимов³⁰⁰, полковник; очень старый офицер. 19. Бобряшев И.И.³⁰¹, полковник; старый офицер одной из Лабинских станиц, комендант города Майкопа. 20. Май-Борода³⁰², полковник, командир 1-го Таманского полка; старый офицер, стройный брюнет, борodka клинышком, в бурке, в косматой папахе, и в плену он был слов-

но «горец Кавказа». 21. Захарьин И.П.³⁰³, полковник; старый офицер, бывший щеголь «под черкеса», но теперь болен желудком, страдал; мы ему помогали. 22. Захаров³⁰⁴, полковник; старый офицер, суровый, не гнувшийся в плену. 23. Колесник И.К.³⁰⁵, войсковой старшина, вр. командир 2-го Черноморского полка; маленький ростом, милый, добрый казак. 24. Богомаз Иван³⁰⁶, войсковой старшина, вр. командир 1-го Линейного полка. 25. Несмашный К., войсковой старшина, помощник командира 1-го Кубанского полка. 26. Семейкин Я.П.³⁰⁷, войсковой старшина, вр. командир 3-го Уманского полка; вахмистр-инструктор молодых казаков в своей станице в мирное время, джигит-танцор, песенник, небольшого роста, аккуратный и молодецкий во всем. 27. Березлев³⁰⁸, войсковой старшина, командир одной из Кубанских конных батарей; богатырь ростом, умняга, прост, добр. 28. Москаленко А.Ф.³⁰⁹, войсковой старшина, служба неизвестна; высокий, стройный блондин, любящий поговорить. 29. Ламанов П.А.³¹⁰, есаул, интендант одного из корпусов на побережье. 30. Боровик С., полковник, служил в Войсковом штабе; казак богатой фамилии, имел собственный дом в Екатеринодаре, заболел в Ростове и был отправлен в госпиталь. 31. Певнев С.И., полковник, командир Войсковой учебной батареи; держался замкнуто и скромно. 32. Певнев К.И.³¹¹, полковник, командир батареи; родной брат предыдущего. 33. Мальчевский Г.Г., войсковой старшина, младший брат генерала Мальчевского.

Кавказцы: 34. Колонна-Валевский В.К.³¹², полковник, был без должности; старый Кавказец, военный писатель. 35. Храмов И.И., войсковой старшина, помощник командира 1-го Кавказского полка. 36. Елисеев А.И., войсковой старшина, помощник командира 1-го Кавказского полка. 37. Кунаковский А.А.³¹³, войсковой старшина, командир сотни 1-го Кавказского полка; старый Кавказец. 38. Додухов³¹⁴, есаул, командир обоза 1-го Кавказского полка.

Корниловцы: 39. Трубачев А.Д., войсковой старшина, помощник командира полка; скромный офицер. 40. Лебедев П.М., войсковой старшина; отличный боевой офицер. 41. Козлов И.М., войсковой старшина; отличный офицер. 42. Друшляков Ф.М., войсковой старшина; спокойный, отличный боевой офицер. 43. Клерже А.И., войсковой старшина, старейший Корниловец, казначей корпуса на побережье; добрый характером, отличный офицер, родной брат генерала Клерже в Сибирской армии.

Офицеры учебного пластунского батальона и конных полков: 44. Богацкой И.М.³¹⁵, войсковой старшина. 45. Стрелецкий К.Т., войсковой старшина. 46. Бойко П.Я.³¹⁶, войсковой старшина. 47. Схино³¹⁷, войсковой старшина; милый человек, умный, рассудительный. 48. Красков-

ский, войсковой старшина, помощник командира 2-го Лабинского полка. 49. Валуцкий И.А.³¹⁸, войсковой старшина, помощник командира 2-го Полтавского полка; неразлучный, почтительный друг полковника Дударя в плену. 50. Баранов Л.К., войсковой старшина, помощник командира 1-го Лабинского полка. 51. Михайлопуло К.Д.³¹⁹, есаул Кубанского пластунского батальона; природный кубанский казак, умяга и весельчак. 52. Петин А.³²⁰, войсковой старшина 4-го Кубанского пластунского батальона. 53. Закрепа³²¹, войсковой старшина. 54. Подпорин Федор, войсковой старшина; о нем сведений не имею. 55. Беданов М., корнет. 56. Начальник штаба Черкесской дивизии — русский, Генерального штаба капитан; высокий, стройный, фамилию не помню. 57. Корнет-черкес при Беданове, не говоривший по-русски.

Офицеры 4-го Донского конного корпуса: 58. Богаевский В.Н.³²², полковник; в мирное время офицер 10-го Донского полка, коим тогда командовал полковник П.Н. Краснов. 59. Евтеев, полковник. 60. Буров П., войсковой старшина. 61. Карташев Е., войсковой старшина, командир полка; боготворил генерала Мамантова³²³ и имел соответствующие усы. 62. Коротков М., войсковой старшина, командир полка; из учителей. 63. Демидов А., войсковой старшина, участник Степного похода. 64. Волобуев, войсковой старшина. 65. Леухов И.А., войсковой старшина; его багаж состоял из книг по философии, книг было много, они тяжелы, и мы ему помогали при передвижениях. 66. Карнаухов, подесаул, несмотря на свой малый чин, был главой донцов; сухой, замкнутый человек лет тридцати пяти, подружился, и он оказался умным, разговорчивым и исключительным ненавистником красных, в особенности своего станичника, войскового старшины Миронова, командира Донского красного корпуса. 67 и 68. Есаул и хорунжий Донской Гвардейской батареи; они отличались своим внешним видом и костюмами, даже от своих донцов, в крупных папахх черного курпея с заломом, всегда веселы между собой, по характеру, видимо, хорошие люди, но «гвардейшину» соблюдали.

Штаб генерала Морозова: 69. Штабс-капитан пехоты, старший адъютант Морозова; москвич, лет тридцати, энергичный, с генералом был неразлучен, фамилию не помню. 70. Волконский М.С., ротмистр; скромный, приятный офицер. 71. Перепеловский, штабс-ротмистр; кубанский казак, стройный, замкнутый офицер, воспитанный по-кавалерийски. 72. Панасенко, хорунжий, кубанский казак, был незаметный. 73. Приходько, хорунжий, кубанский казак, был незаметный. 74. Долженко Г.А.³²⁴, произведен в хорунжие Атаманом Букретовым в Адлере, как к своему преподавателю в Екатеринодаре, присоединился к штабу генерала Морозова; высокий, стройный, очень добрый человек. 75. Дро-

бышев А.И.³²⁵, хорунжий, произведен в офицеры в Адлере, присоединился к штабу генерала Морозова; брат секретаря-офицера краевой рады, стройный брюнет, гордый, умный, порою дерзкий. 76. Мищенко, подхорунжий, ординарец генерала Морозова; казак ст. Григориполисской, среднего роста, широкоплечий, молчаливый. 77. Полковник, пехотинец, воспитатель какого-то кадетского корпуса; разговорчив, в Москве был назначен командиром красной пехотной бригады, фамилию не помню.

По фамилиям и должностям перечисленных офицеров можно точно установить — какие части Кубанской армии прибыли в Екатеринодар. Мы тогда не знали, что соответственный лагерь был образован и в Армавире, куда направлялись другие части нашей армии. Урядников и казаков постепенно распустили по своим станицам, офицеров отправляли в Москву и другие северные города России. О них скажу после.

Ростовский лагерь

Он был передаточным, сортировочным пунктом. Первыми, кто встретил нас за воротами, были полковой адъютант, сотник Севостьянов и мой постоянный конный вестовой Великой войны Ермолов³²⁶, награжденный в Гражданской войне басоном вахмистра и затем чином хорунжего. Всю войну провел во 2-м Кавказском полку. Выдающийся был казак. Но мне перед ними было стыдно, что и я попал «сюда». Я немедленно «наскочил» на Севостьянова — как это он ослушался и вместо того, чтобы ждать полк в станице Тифлисской, двинулся на Екатеринодар? Он оправдывался, что думал — корпус пойдет туда же, к Новороссийску. В Екатеринодаре, попав в заторы обозов у городского сада, узнал — мост через Кубань был уже занят красными. Оставив экипаж с моими вещами (самыми ценными для меня), с кучером Максимом скрылся у друга, потом вернулся к себе в хутор Лосев, там был арестован и препровожден сюда. Скоро он будет освобожден, вновь арестован и расстрелян со своим братом в Армавире.

После нашего опроса мы познакомились с лагерьем. Это пустырь на небольшом перекате, огороженный колючей проволокой чуть выше пояса человека. Кругом два ряда часовых с винтовками, на 50 шагов друг от друга. Первая цепь из астраханских калмыков непосредственно у проволоки, а вторая, на 50 шагов позади, — из русских красноармейцев. Стража строгая, неразговорчивая. Им приказано стрелять в бегущих. Узнали — недавно было убито три человека, решивших бежать ночью.

Кормили отвратительно. Порой не хватало супа. Все стоят в долгой очереди с жестяными котелками. Дают как собакам — грубо, резко, оскорбительно. В лагерях воды нет. Ее привозят в бочках и только для питья.

Уборная — что-то страшное: глубокая, длинная яма, вдоль нее две доски.

Через Ростов, поездами, следовала 1-я Конная армия Буденного на Польский фронт. Мы видим в лагерях очень много донских казаков, тысячи. Все в длинных полушубках, в больших черных потрепанных папах. Но вот несколько хорошо одетых: в гимнастерках, темно-синих шароварах с широкими красными лампасами, сапогах, на фуражках металлические красные звезды. Мы осторожны в общении с ними. Один из них, особенно чисто одетый, очень грустный, часто проходил мимо нас. Лицо приятное, интеллигентное, и мы решили спросить его — откуда они? И он нам поведал:

— Донские конные дивизии подошли к Новороссийску, но мест на пароходах не оказалось. Потом ушли и пароходы. Немедленно в город вошла Красная армия, сопротивляться было бесполезно. Приказали выстроиться по полкам, никого не тронули. Дали полкам свои номера и назвали их — «Донской кавалерийский полк номер такой-то», вместо «Донской казачий». В каждом полку оставили на местах весь старый командный состав офицеров и урядников и назначили комиссаров. Вот и все, а было нас 22 тысячи шашек, — сказал этот донец, есаул, командир полка.

— Потом послали нас против кубанских «зеленых». Жилось неплохо. А теперь, когда полки проходили Ростов на Польский фронт, снимают подозрительных, и вот мы здесь. В особенности вылавливают чинов мамонтовского корпуса, которым пощады нет за их участие в прорыве, — закончил печально он.

Только здесь, и впервые, мы узнали о трагедии Донской армии, произошедшей в Новороссийске. Судьба и Донской, и Кубанской армий была почти аналогична.

По вечерам громадные массы донских казаков пели свои старинные песни. Они их пели молитвенно, словно зывали к Богу о своей неволе.

При нас был арестован известный красный командир конного корпуса Думенко, долго и довольно удачно воевавший против нас. Его части проходили поездами через Ростов на Польский фронт; он лично был задержан и отправлен в Азов, в тюрьму. Нас удивило, что власть посмела арестовать такого популярного кавалерийского начальника, принесшего много пользы Советам, и что корпус его не отстоял. Мы прочитали в газетах, что «при невыясненных обстоятельствах был убит ко-

миссар его корпуса, грузин, в гибели которого подозревался сам Думенко», то есть это он приказал убить своего комиссара, с которым очень не ладил. В обвинительном акте было другое — «за присвоение больших сумм денег».

В газете приведен и диалог между председателем суда и Думенко: «Правда ли, что Вы были ротмистром?» — «Нет, я был только вахмистром кавалерии». — «Вы, по должности командира корпуса, получали жалованье две тысячи рублей в месяц, откуда же у Вас, при обыске, нашлась такая большая сумма денег?» — переспросил председатель суда.

Это было «главной виной Думенко» официально. Мы слышали, что его корпус хотел выручить своего командира, но власть все предусмотрела: суд был в Азове, то есть в стороне от Ростова, очень скорый, и Думенко расстреляли немедленно там же.

Генерал Морозов запротестовал, что нас посадили в лагерь. Протестовал он лично, никого не спросив, даже и генералов, указав, «что мы сдались добровольно, по условиям с красным командованием, которые нарушены».

Нас оскорбляли его доводы, что «мы сдались добровольно», чего, конечно, не было — нас ведь сдали!

Вызвали в город, в Чека, для допросов. Допрашивали персонально, поодиночке, вежливо. У меня спросили фамилию, чин и должность. Перед следователем лежала толстая книга в черном переплете. Он открыл ее, просмотрел и сказал:

— Вашей фамилии у меня нет, а вот Савицкого — нет ли среди вас?

Я ответил, что такого человека среди нас нет, о каком Савицком он спрашивал — не знаю.

Опросив всех и узнав, что мы «морозовцы» — так нас потом называли красные, сказали, что наведут справки, «как капитулировала Кубанская армия, и примут решение». И оно принято было скоро. Власть уведомила генерала Морозова: «т. к. группа состоит из старших начальников, все будут отправлены в Москву, в главный штаб, где и получат назначения на Польский фронт для защиты отечества». Это нас не радовало, так как защищать красную Россию никто не хотел.

Станичник красного главкома

Первая большая остановка поезда в Новочеркасске. Некоторые из нас с удовольствием купаются в реке Аксай. Река тихая, вода мутная. Генерал Морозов оказался отличным пловцом. В город нас не пустили; но у вокзала купили продукты у торговавших баб. По поднимающейся

от вокзала улице погнали под сильным конвоем большую группу донских казаков.

Двинулись дальше. В нашем вагоне Лабинцы, Корниловцы, Кавказцы, учебняне-пластуны и другие молодые штаб-офицеры. Генерал Морозов со своим штабом, генералы и старые полковники — в переднем вагоне.

В каждом вагоне красноармеец с винтовкой. В нашем — здоровый 22-летний парень, русский, с открытым лицом, в потертом обмундировании и босиком. Охрана нас его совершенно не интересовала. Поставив винтовку в угол вагона, сел у двери, свесил босые ноги и что-то напевает. Сидим и мы с ним рядом, разговорились.

— Как твое имя? — спрашивает кто-то.

— Ляксандра, — отвечает коротко.

Его ответ сразу же показал нам, кто он. Конечно, расспросы — какой губернии? почему в Красной армии? Он из Астраханской губернии, но по левую сторону Волги. Он видал белых: «При них было хорошо, потом пришли красные и мобилизовали молодежь, но сапог не дали». И он все равно «как-нибудь, но убежит домой».

Всю дорогу до Москвы в течение 2 дней он неизменно исполнял все наши поручения — купить что или принести кипятку.

Богатырь с мощным голосом, войсковой старшина Березлев сидит в открытых дверях вагона, спустив ноги вниз. Подходит «Ляксандра», присаживается рядом и говорит:

— Эй!.. Подвинься, товарищ!..

— Да не товарищ я тебе, а господин полковник!.. Ишь, сверстника нашел! А то вот как двину я тебя, так и вылетишь из вагона! — резко и серьезно отвечает ему Березлев.

Наш конвойр смутился, ничего не ответил и тихо присел. Потом мы их «примирили».

Но вот он сменен. Вместо него появился аккуратно одетый и серьезный красноармеец. Стоит в углу с винтовкой и с нами не разговаривает, но внимательно смотрит на нас.

— Откуда будешь, земляк? — спрашивает кто-то.

— С Кубанской области, — огорашивает он.

— Иногородный?.. Из города?.. Из какого села? — забросали его вопросами.

— Из станицы Петропавловской, — отвечает он.

В нашем вагоне сидит хорунжий Долженко этой станицы. Услышав слова конвойра, подходит к нему, всматривается в его лицо, но не узнает. Вступает с ним в разговор — где жил, кого знает в станице? Оказывается, тот с самого начала был в Красной армии, у Сорокина³²⁷, которого хорошо знает, как своего станичника и начальника.

Красноармеец говорит не торопясь, думая, и знает, что говорит. Вот его слова:

— Сорокин не был красным по-настоящему. Но он не был и за Деникина. Он хотел сделать что-то свое и, во всяком случае, не коммунистическое. Он был очень умный человек, сильно военный, удачно командовал и был очень популярен тогда в своей армии. И очень жаль, что он погиб. Я был в его личном конвое, почему многое знаю.

На наш вопрос: «Ну а теперь как в Красной армии? Что она хочет?» — он ответил:

— Хотеть уже нельзя, а надо исполнять то, что прикажут. А деваться некуда.

Мы проезжаем по Донской области, где жизнь идет как будто нормально и где на вокзалах можно достать съестное. Но вступаем в Воронежскую губернию, и все переменилось. Мы вступили словно в другую страну. Толпы крестьян в своих длинных кафтанах-сермягах домашнего изделия, в лаптях, длинноволосые, изможденные голодом, запуганные, — они робко окружают вагоны поезда, прибывшего «с сытого юга», и тупо смотрят на нас. Смотрят своими печальными глазами, полными тоски и голода. Они не знают — кто мы. Смотрят на нас боязливо, а потом кто-либо из них так печально спросит:

— Товарищи, дайте хоть махонький кусочек хлеба.

Мы проходим полосу мамонтовского рейда по тылам красных. Разрушений сделано, действительно, много. С нами едут донские офицеры, участники рейда. Боясь, чтобы их не узнали жители, они не выходят из вагонов. Но оказалось, жители были очень довольны рейдом, так как им многое досталось от забранных казаками запасов красного интендантства. И оглянувшись, что никого нет из подслушивающих, добавляли:

— Всего было тогда в достатке, а теперь мы голодаем.

Казак — георгиевские кавалеры и конвойцы

Групповой снимок (помещенный в книге. — П. С.) урядников-стариков станицы Кавказской. Станичный историк, войсковой старшина в отставке Антон Данилович Ламанов — соратник по Туркестану генерала Скобелева³²⁸ в чине хорунжего, старовер. Сын первых поселенцев из донских казаков Нижне-Чирского района, образовавших нашу станицу, написал книгу о переселении донских казаков на Кубань в 1794 году с подробным описанием образования и быта Кавказской станицы и староверческого движения в ней. Являясь очень популярным казаком-

офицером в станице, живя давно в отставке, он сделал много фотографических снимков замечательных казаков и урядников-станичников на военных и церковных поприщах. И как самый образный и красивый из них — я поместил на обложке брошюры георгиевских кавалеров-станичников Русско-турецкой войны 1877—1878 годов и урядников Собственного Его Императорского Величества Конвоя Императоров Александра II, Александра III и Николая II. Снимок сделан в 1914 году.

Георгиевские кавалеры: 1. Ф. Дмитриев. 2. Илья Иванович Диденко, урядник Конвоя Императора Александра III, великан-казак, черный как жук, расстрелян красными 24 марта 1918 года после нашего неудачного восстания. 3. А. Нестеров. 4. Семен Иванович Наумов, вахмистр, старовер, Георгиевским крестом награжден, участвуя в подавлении Боксерского восстания, почему в станице прозван Китай; последний станичный атаман в 1920 году. 5. Я. Орешкин. 6. Шерстобитов. 7. Петкевич.

Урядники-конвойцы на льготе, в запасе, в отставке: 8. Гавриил Герасимович Буддыгин, сын офицера Кавказской войны, получивший от отца офицерский участок в 200 десятин в юрте станицы, вахмистр Конвоя Императора Александра II, долгий атаман станицы, умный и строгий, построил в станице Войсковую больницу и здание двухклассного училища, в 1919 году по ходатайству станичного сбора Войсковым Атаманом, генералом Филимоновым произведен в хорунжий; летом 1920 года в массе кубанской служилой военной интеллигенции был сослан в Холмогоры, где все они и стинули. 9. Я. Чеплыгин, станичный атаман, умер в 1915 году. 10. И. Шатохин, старовер. 11. П. Рытов и 12. В. Смольняков — конвойцы Императора Александра III. 13. Е. Ермаков. 14. А. Стуколов. 15. А. Брокин. 16. Севостьянов. 17. Иван Яковлевич Назаров, наездник, песенник, танцор, со своими братьями расстрелян красными. 18. Н. Бунев. Не отмеченные — были в Конвое Императора Николая II.

На снимок попали не все конвойцы и георгиевские кавалеры. В каждой станице были свои герои и служившие в Конвое при русских Императорах, только их не сумели преподнести для Войсковой истории.

Кавказская станица — самая старая на Линии. В ней — управление Кавказского отдела, штабы — льготного 2-го Кавказского полка и 10-го пластунского батальона. В силу этого в станице жило много офицеров, а отсюда казаки-кавказцы были подтянуты воински, знакомы с офицерами и при наборе в Царский Конвой имели естественную протекцию. По наездничеству и джигитовке станица всегда брала первенство. Вот почему в Конвой к Императорам кавказцев принималось больше, чем от других станиц.

ТЕТРАДЬ ОДИННАДЦАТАЯ

В Москве

До Москвы ехали ровно 2 дня. Поезд остановился на какой-то товарной станции. Наши два вагона отцепили. Генерал Морозов со своим старшим адъютантом и начальником конвоя отправились в Кремль по адресу, указанному на большом запечатанном пакете, в котором, видимо, находился наш список. Мы ждем его с понятным волнением.

Возвращается он не скоро. На пакете синим карандашом в левом нижнем углу, крупно по диагонали, написано: «Отправить в Кострому, в губчека, для фильтрации деникинских офицеров».

Эта надпись повергла нас в уныние и даже в страх. «Для фильтрации... Губернская чека... Это же посылают нас на расстрел, да еще в такую глушь», — было общее мнение. Что же делать?..

Два наших товарных вагона стоят на задворках железнодорожных путей. При нас нет никакого конвоя. Но куда бежать? Не в свою же станицу, где будешь сразу же арестован. Кроме того, у нас нет никаких документов — кто мы? Ни у кого нет и штатского одеяния. Мы все в папахах, в гимнастерках, почти все в американских бриджах, заправленных в сапоги. Внешне, по выправке и по манерам, мы не только что «военные» на взгляд любого человека, но мы и офицеры, на взгляд более наблюдательного. Куда же бежать «с таким видом»?..

К вагонам пришли несколько дам, довольно хорошо одетых. Это были родственницы некоторых офицеров штаба генерала Морозова. О чем они говорили с ними, мы не знали, но три или четыре поручика взяли свои вещи и беспрепятственно ушли. Они не вернулись назад, и мы их не осудили.

У нашего кубанца, генерала Орлова также нашлись родичи в Москве. Они уговорили его «заболеть». Он ушел с ними, не вернулся, и дальнейшая судьба его нам неизвестна.

Арестован и отправлен в тюрьму начальник штаба Черкесской конной дивизии Генерального штаба капитан (фамилию забыл) за то, что, будучи комендантом какого-то города, сдался белым.

Арестован и еще капитан, который, будучи интендантом города Козлова, во время рейда генерала Мамантова ушел с казаками. Аресты нас опечалили. Офицеры являлись государственными преступниками для красных и подлежали расстрелу.

На углу стоят несколько наших старших полковников и непринужденно разговаривают с каким-то штатским. Он в шляпе, при галстуке, но без пиджака, так как было жарко.

Нас заинтересовало, что скромные, замкнутые полковники говорят с «не нашим» и штатским человеком в самой Москве. У штатского лицо приятное. Рассказывает он и мягко улыбается. Летами он, пожалуй, сверстник нашим полковникам. Не обращая на нас внимания, он продолжал свой рассказ:

— Октябрьский переворот застал меня в Москве. Мы были с женою. Она ведь москвичка. Власть призвала меня в Красную армию, как артиллериста, в командном составе которой был большой недостаток. Но я «открутился», доказывая им свою старость. А вот генерал Певнев не мог открутиться. Он тогда был также в Москве. Офицеры Генерального штаба все были мобилизованы безоговорочно для построения Красной армии. И теперь он является начальником всей пограничной стражи Западного фронта.

Некоторые наши полковники были с ним на «ты», и из этого я заключил, что перед ними стоял наш кубанский офицер-артиллерист. Расспрос о генерале Певневе им был, видимо, неприятен. Заинтересовавшись этой личностью, я потом спросил С.С. Жукова — кто он?

— Наш артиллерист, войсковой старшина, случайно застрявший в Москве, — как всегда, спокойно ответил Жуков.

К сожалению — забыл его фамилию, как мелкий, но интересный штрих для Войсковой истории.

Генерал Певнев

Незаурядная личность, неоцененная и затерянная для Войсковой истории. Опишу, что точно знаю.

Перед войной 1914 года командир 1-го Линейного полка, который стоял в Киевском военном округе. По отзывам офицеров — полк поставил блестяще во всех отношениях. Строг и умен. Отзывы о нем были только положительные.

На войну выступил генералом и командиром одной из бригад 2-й Кавказской казачьей дивизии³²⁹ генерала Абациева³³⁰ на Кавказский фронт. Абациев, оставаясь начальником своей дивизии, был одновременно назначен и начальником Эриванского отряда, в который входили: его дивизия, 2-я Кубанская пластунская бригада генерала И.Е. Гулыги и 66-я пехотная дивизия. Удар отряда — на Баязет с севера, из города Игдырь. Наша Закаспийская отдельная казачья бригада наносила удар на Баязет с востока, из Персии. Начальствуя таким большим отрядом, Абациев передал командование над своей дивизией генералу Певневу. Наша бригада встретила с ним уже западнее Баязета.

Порывистый, решительный, жаждущий славы — он в авангарде дивизии артиллерийским огнем громит Диадинский перевал, берет его и занимает внизу город Диадин. Всем полкам дивизии и нашей бригаде приказано переменным аллюром следовать за ним.

Незабываемо-красочная картина была тогда. Семь казачьих конных полков с тремя батареями, длинной лентой в колонне по-три, широкой рысью, лавиной двигались на запад, в глубь Турции. Единственная дорога по Диадинской долине сплошь в камнях. Все громыhalo, в особенности орудия и зарядные ящики, что еще более усиливало наш боевой порыв. Чувствовалось с уверенностью, что всю эту массу казачьей конницы около 7 тысяч всадников ничто и никто не остановит. Так вел полки молодой, Генерального штаба генерал-майор Певнев, природный кубанский казак.

Офицеры 1-го Лабинского полка потом нам говорили, что Певнев был холост, в Тифлисе ждала его невеста, и он жаждал боевой Славы. Возможно, что это было так, что только украшает его.

Развивая боевую операцию, части 2-й Кавказской казачьей дивизии перешли Клыч-Гядукский перевал и заняли городок Дутах, на правом берегу реки Евфрата. 3-й Волгский полк Терского Войска с двумя орудиями и двумя пулеметами был выдвинут дальше на юг, в глубокую разведку. Здесь их постигла сильная неудача. Полк быстро отступил, потеряв полностью три офицерских головных разъезда по одному взводу каждый, оба орудия и один пулемет. Скопище конных курдов до 5 тысяч человек отбросили полки на север, в Алашкерсткую долину. В неудаче обвинили Певнева. Он был срочно отозван в Тифлис для допроса. Командир Волгского полка, полковник Тускаев³³¹, командир артиллерийского взвода, сотник С.И. Певнев и командир пулеметного взвода, сотник Л. Артифексов³³² были отзваны в Игдырь, что около Эривани, в штаб нашего корпуса, также для допроса. Всех не только что оправдали за неудачу, но Тускаев получил в командование второочередной полк своего войска, что считалось повышением по службе; сотник Певнев награжден боевым «шейным» орденом, а сотник Артифексов — орденом Св. Георгия Победоносца IV степени. Все они ночевали в нашем полку проездом, и от них мы имели точные сведения. Нам только была неизвестна судьба генерала Певнева. И только в июне 1916 года он прибыл вновь на фронт, назначенный начальником штаба 5-й Кавказской казачьей дивизии, основой которой была наша же Закаспийская бригада.

Перед 2-й Мема-Хатунской операцией Певнев осматривал наш 1-й Кавказский полк. Только месяцу тому назад в командование им вступил полковник Э.А. Мистулов, прославленный герой еще с Русско-

японской войны. Автор этих строк был тогда полковым адъютантом уже 6 месяцев и хорунжим в течение 3 лет, то есть был достаточно опытным офицером, имея пять боевых наград.

Генерал Певнев посмотреть полк вышел один. Приказал Мистулову провести полк мимо него спешенным, в колонне по-три. Он хотел осмотреть седловку, вьюк казаков и состояние лошадей, не прикрытых поводами и шенкелями всадников, а так, как они есть в действительности.

Что тогда меня удивило, даже «задело» — он говорил с нашим командиром тоном начальника, словно он есть начальник дивизии, но не начальник штаба. И раньше, и потом начальники штабов разговаривали с начальниками частей, как бы с равными себе. Певнев же взял иной тон. И я понял тогда, что он был властный человек, как и очень умный офицер высшего ранга.

Он стал правее проходящих, чтобы видеть корпус каждой лошади. Мистулов, по всегдашней своей воинской корректности, стал правее его и на полшага назад. Правее Мистулова, в таком же положении к нему, как он к Певневу, стоял я, полковой адъютант. Мы оба в черкесках, Певнев в кителе и в фуражке. Он очень остро видел все, не останавливая никого. И не только что видел лошадей, как таковых, но он видел и казаков, ведущих их под узды. И, заметив какую-либо нерадивость в казake, резко, строго выкрикивал:

— Выше голову лошади!.. Сам смотри в мою сторону!.. Не отставай в положенной дистанции!.. Чего согнулся?! — и пр.

Полковник Мистулов стоял и молчал, и мне думалось, что этот «цук» генерала ему не понравился.

После Мема-Хатунской и Эрзинджанской операций нашу дивизию оттянули к самому Эрзеруму и полки расположились на отдых в очень широкой долине северо-западнее самой крепости.

Командир 1-го Армейского корпуса, генерал от кавалерии П.П. Калинин³³³, желая отблагодарить кубанские полки за их боевую деятельность в этих операциях, пригласил всех начальников частей дивизии, до сотенных командиров включительно, прибыть к нему на банкет, в Эрзерум. Естественно, приглашен был и штаб нашей дивизии.

Стариннейшая крепость Эрзерум, вернее сам город, окружен высокой земляной насыпью, на манер дамбы, выход из него возможен через четверо ворот, как через туннель.

На площадке за городом, перед стеной у Сивасских (западных) ворот туннеля, был накрыт длинный стол. Хор трубачей был от нашего полка. Особенного веселья не было, это был простой офицерский походный обед, на котором командир корпуса хотел высказать свое мнение о былой боевой работе и о будущем.

Случилось так, что за столом мое место было почти напротив, наискосок на одного человека, места генерала Певнева, которого я рассматривал в непосредственной близости. Мне казалось, что он скучал, положив руки на стол, изредка играя пальцами. Темный шатен, лет под сорок, он был красив. Красив мужественно. В нем было что-то барское, вернее, по-казачьи, — в нем виден был природный «пан». На что я обратил внимание, так это на его кисти рук. Они были небольшие и женственные, холеные.

После речей генерала Калитина и нашего начальника дивизии, Генштаба генерал-лейтенанта Николаева³³⁴ встал Певнев. Старшие офицеры его, видимо, знали, почему взоры всех сосредоточились на нем. Он сказал о задачах армии и о наших общих стремлениях к победе. Сказал умно, складно и произвел на всех отличное впечатление. Сказал, сел и опять стал скучать. И мне казалось, что он скучал потому, что кончался второй год войны и он не сделал никакой себе карьеры. Видимо, катастрофа с 3-м Волгским полком за Дутахом в начале ноября 1914 года ему не прощена в высших штабах, и его держали в тени. Так несчастный случай сломал ему военную карьеру, что могло случиться с любым высшим начальником на любой войне. Вскоре генерал Певнев оставил нашу дивизию. И вот только теперь мы узнали, что он занимает крупный пост в красной России.

В Костроме. В ЧК

После 3 дней пребывания в Москве нас отправили в Кострому. Поезд вошел в железнодорожный тупик. Мы разгружаемся и узнаем, что сам город Кострома находится на левом берегу Волги и что за рекой железной дороги нет. Там сплошные леса.

Здесь оба берега Волги высокие. Город расположен на возвышенности. Видны кирпичные дома скученных построек, окрашенные в светло-серый цвет. Много церквей. Издали, через Волгу, город кажется очень красивым.

Разрозненной толпой, с вещами в руках и на плечах, спускаемся к реке, к парому. Нас окружают любопытные, видя в нас «неведомых» здесь людей по нашим костюмам, и мы, не скрывая, отвечаем — кто мы. Узнав это, крестьяне, которые с подводами переправляются с нами на ту сторону Волги, указывая на низкие деревянные казармы у берега, влево от нас, таинственно, с оглядкой, поясняют, что там живут «латышские части особого назначения», которые наводят ужас на население.

Это название частей мы слышим впервые, и оно нам очень не понравилось.

Выгрузились. Тяжелым шагом поднимаемся по широкому дефиле к городу. На окраине города нас вводят во двор с просторным одноэтажным домом под зеленой крышей. Это и была «Костромская Губчека».

Положив вещи на землю, расположились кучно, кто как мог. Генерал Морозов с провожатым и с пакетом пошел внутрь здания. Он долго не возвращался. Наконец появился и со злобной улыбкой сказал нам:

— У них занятия окончились, все чины разошлись по домам, остался только дежурный писарь, который едва дозвонился председателю о нашем прибытии. И мы должны ждать его здесь.

Было предвечернее время. Чека здесь работала, видимо, еще мирно. И о нашей командировке к ним «для фильтрации» им не было известно.

Наконец, прибыли два или три человека. Кто они — мы не знали. В штатских костюмах и черных фуражках. И только кожаные куртки были показателем их власти. Лица у них не злые, полуинтеллигентные.

— Кто из вас генерал Морозов? — спросил передний, бросив на нас ничего не говорящий взгляд.

Морозов, стоявший впереди, назвал себя совершенно запросто, не переменяя и позы, в которой стоял. И они все молча, но очень активно стали рассматривать его, буквально с ног и до головы, изучая как неведомое им существо. Все мы поднялись со своих мест и молча наблюдаем все это.

Морозову это рассматривание и изучение его личности не понравилось. Молча, демонстративно он повернулся к ним спиной, лицом в нашу сторону. На удивление, чекисты на это не обиделись, а нам генерал Морозов, своей независимостью и гордым характером, стал очень нравиться.

Здесь нас не задержали и с новым провожатым повели в город. У какого-то бойкого места нас остановили, и толпа любопытных немедленно окружила нас, гадая: «Кто эти люди?» Наш внешний вид в этом медвежьем уголке России был, правда, необычный. И во всяком случае, не великорусский, а скорее «татарский». Все мы в папахах, некоторые в бурках или в черкесках нараспашку. Большинство в гимнастерках. Все подпоясаны настоящими кавказскими поясами с серебряными наконечниками. Все в сапогах, когда здесь крестьяне ходят в лаптях. Ни у кого нет чемоданов, а только ковриковые сумы через плечо. Не все бритые. Кроме этого, цвет наших лиц был смуглый и от

природы юга, и от заветренности долгой боевой работы на фронте, тогда как костромичи — исключительно блондины. Одна старушка, пристально заглядывая в наши лица, вдруг спрашивает:

— Чай вы не китайцы-то-о-о?

Это нас рассмешило.

— Китайцы, китайцы, бабушка, — отвечает ей словоохотливый и находчивый хорунжий Дробышев.

— О-о-о, то-то я и вижу-то, што вы не наши-то-о, — проговорила она, перекрестилась и пошла своей дорогой.

Вот она, Россия-матушка. Костромской выговор резко отличается от общерусского литературного. Он протяжный и певучий. Буква «о» выговаривается, как она пишется, и никогда в словах, как принято, не переходит в «а». Всякая фраза, в особенности вопрос, обязательно заканчивается звуком «о-о» или «то-о». Они говорят так: «Кого-о? Чего-о? Меня-то? Тебя-то? Его-то? Так ты приходи-то! Так ты придешь-то? Я не пойму его-о!»

Вначале нам этот выговор казался странным, смешным, но потом привыкли и он нам даже понравился. Они, крестьяне, не говорили, а словно пели, ударяя все время на буквы «о» и «то». И эти две приставки к словам служили выражением душевных переживаний говорившего. Потом мы и между собой иногда говорили в шутку с таким выговором. И на душе становилось как-то веселее.

Нас ведут по дороге, у самого берега. Идем на север. При впадении речки Костромки в Волгу с левой стороны наш путь сворачивает вправо, и вдруг перед нами неожиданно открылось словно умершее, давно прошедшее историческое явление в русской жизни. Перед нами, в полной своей красоте и доподлинности, на несколько высоком правом берегу Костромки открылся Ипатьевский монастырь.

Странное переживание. Еще со школьной скамьи он был памятен мне по учебникам и по событиям 1613 года. Но эти события были так давно и так далеки по расстояниям от Кубани, что в моем понятии все это было как миф и этого монастыря с теремом бояр Романовых в действительности уже нет. Время должно их разрушить. И вдруг Ипатьевский монастырь открылся так неожиданно, словно воскресший из мертвых. Он огорожен белой каменной стеной. На одинаковом расстоянии от углов — в стене калитка с навесом. От нее к Костромке — каменные ступеньки-сходни. А многочисленные золоченые купола блестят так ярко, что трудно оторвать от них свой взгляд.

Нас остановили у высоких массивных дубовых ворот. Очарованный рассматриванием исторического памятника-монастыря и удивленный

нашей остановкой, я повернул голову направо и сверху этих высоких, в три роста человека, дубовых ворот прочитал надпись крупными буквами: «Лагерь предварительного заключения».

Мы все поняли: прибыли к месту своего назначения... Через узкую, также массивного дерева, калитку в этих воротах для прохода по одному человеку, нас ввели во двор. Посреди него, изолированно, стояло кирпичное двухэтажное здание. Кто-то приказал нам выстроиться в одну шеренгу. Вышел еще кто-то и по фамилиям, не упоминая наших чинов, проверил списочный состав, приказав в будущем строиться в том порядке, по коему выкликал нас при проверке. После четырех генералов пятой была моя фамилия. Страха в душе не было, а образовалась какая-то пустота. Это оказалась губернская тюрьма.

В костромской тюрьме. Польские солдаты

Нас распределили человек по двадцать по очень просторным, светлым и чистым камерам. Мы были довольны уже тем, что покинули свои «скотские» вагоны, в которых и жить было можно только по-скотски, то есть вповалку. И если считать, начиная со станицы Хадыжинской Майкопского отдела, приблизительно с 10 марта, мы жили со своими полками в лесистых горах, а с 20 апреля под караулом красных в лагерях, то получается, что около 4 месяцев мы не имели человеческого жилища. И как насмешка судьбы — костромская тюрьма оказалась первым нашим человеческим жильем.

Это была старая царская губернская тюрьма. Все в ней построено прочно, хорошо и не для изнурения человеческой души и тела. Тюрьма — это два длинных кирпичных двухэтажных дома. Здесь было несколько человек местной буржуазии, но главный контингент заключенных, около 300 человек, были пленные польские солдаты.

Поляки сразу же пришли к нам познакомиться. Все они были очень молодые люди, и большинство из них — евреи. Они были настолько молоды и так мелки ростом, что их, не оскорбляя, надо было назвать «еврейчиками». Все они с большим акцентом говорили по-русски. Удивленные тем, что в польской армии было так много евреев, мы спросили их:

— За что же вы дрались против красных?

И получили гордый ответ:

— За Польшу Отчизну. Произнесено было хотя и с большим акцентом, но достойно. Вот тебе и «еврейчики», подумали мы. А какие польские патриоты!

Они очень томятся пленом, плохой пищей и совершенно не хотят работать на плотях, чтобы подработать на свое питание. Весь день варят в котелках пшеницу или геркулес. Вся их душа направлена была на то, чтобы чем-нибудь напичкать свой желудок. Одеты они в защитные гимнастерки и брюки хорошего качества, которые сильно износились и загрязнены. О чистоте они и не думают. Большинство ходит босиком.

К нам в камеру вошел их фельдфебель, высокий, стройный молодой человек и чистокровный поляк. Он в конфедератке. Она очень красива своей формой и украшает человека. Вошел и козырнул нам. Он бегло говорит по-русски. И на наш вопрос: «Кто победит?» — уверен, что Польша победит красных.

В них чувствуется национальная гордость, даже и в плену. Это нам нравится, так как фактически в борьбе против красных мы являемся союзниками.

На второй день приказано идти в баню по очереди, человек по двадцать.

— Ну какая там тюремная баня? — протестовали некоторые и не хотели идти.

— Господа-а!.. Вот баня, так баня-а!.. И на Кубани такой не видал, — выкрикнул полковник «из пожилых» И.И. Бобряшев, вернувшись из нее весь красный от пара. И мы пошли, последняя группа молодежи.

Просторная светлая комната. Пол, стены, полка для пара — все дощатые. Сухой светлый предбанник для раздевания. Рядом течет речка Костромка и штабеля и плоты дров, почему горячей воды и пара безконечно много. Тут же и березовые веники. Время купания не ограничено. Каждый тут же занялся стиркой своего белья. Жуть!.. У некоторых, и у меня, была всего одна пара белья, что на теле. Выстирал брат это (я всегда не любил заниматься бабьим делом) и, для просушки, надел на голое тело.

Выкупались в бане царской тюрьмы в полную свою сласть и поделились между собой, что арестантам здесь жилось гораздо вольготнее, чем теперь многим на воле при красной власти.

Камеры — большие комнаты, которые никогда не запираются, даже и на ночь, почему мы свободно ходим в гости друг к другу.

В тюрьме есть и театр, но нет артистов. Это самая большая комната во всю ширину здания. Хорошая сцена. Мы входим и рассматриваем ее. На стенах и на потолке мы обнаружили лики Святых Угодников и ангелочков с белыми крылышками, просвечивающих через белую известку покраски. Оказывается, это была тюремная церковь, а теперь вот театр. На месте алтаря построена сцена. Императорская власть счита-

ла, что у преступника надо вызывать раскаяние церковью, а красная власть считает, что его надо ублажать удовольствиями. Разность подхода к душе человека.

В Запасном полку. Его командир и офицеры

Внутренний мир генерала Морозова нам был совершенно неведом. Не советуясь даже с нашими генералами, он запротестовал перед властью.

— Кубанская армия капитулировала добровольно... Почему же нас, старших начальников, посадили в тюрьму? — так говорил нам потом его адъютант, штабс-капитан из Москвы.

Морозова и адъютанта вызвали в ЧК. Что говорилось там, нам не было известно, но председатель ЧК после переговоров по телефону с Кремлем, взяв Морозова и его адъютанта, выехал в Москву.

В Кремле они были приняты каким-то Склянским, который, выслушав доклад Морозова, приказал Костромской ЧК освободить нас и прикомандировать к местному Запасному пехотному полку. По прибытии Морозова из Москвы, это было выполнено немедленно. И наш тюремный староста, бывший жандармский вахмистр, он же и заключенный, со списком повел нас из тюрьмы без конвоя.

Мы вошли во двор Запасного полка. Все здесь было старое, дореволюционное. У полковой канцелярии стояла группа «комсостава», человек тридцать. Все по форме одетые в защитный цвет. Если бы надеть им погоны, они сразу бы стали теми офицерами, которыми были в Императорской армии. Они с любопытством смотрели на нас, втягивающих в широкие ворота их полкового двора, и, видимо, были предупреждены по телефону о нашем прибытии, почему и собрались здесь, чтобы увидеть «интересных гостей».

Войдя, мы немедленно расположились в тени под развесистыми деревьями. Староста со списком прошел в канцелярию, откуда скоро вышел командир полка, что-то сказал своим офицерам, и все они гурьбой двинулись к нам.

— Здравствуйте, господа!.. Кто из вас будет генерал Морозов? — спросил он.

Морозов спокойно выдвинулся вперед и назвал себя. Командир красного Запасного полка вежливо козырнул ему, но руки не подал и сказал нам всем (повторяю почти дословно):

— Вас прикомандировали к моему полку. Очень приятно. Я для вас сделаю все, что возможно в моих силах. Прошу вас смотреть на нас не как на своих врагов, а как на своих равных бывших соратников. Лично

я — подполковник старой армии, и весь мой «комсостав» — также бывшие офицеры, за исключением двух. Но никого среди нас коммунистов нет, — с улыбкой закончил он.

— А теперь — познакомимся по-частному, — добавил он и подал руку Морозову.

Все его офицеры немедленно же разбрелись по нашей толпе, закидывая нас вопросами.

Они очень мало знают о нашей борьбе против Красной армии. Все они были тогда в этом же Запасном полку, все местные жители. Сам командир полка еще при Императоре был помощником командира этого полка, а потом назначен красными командиром. Он местный небогатый помещик. Часть имения власть оставила ему в пользование, так как он, с тремя своими друзьями-офицерами, обещал устроить коммунальное хозяйство. Они открыто острят над двумя офицерами «красной формации», но подчеркивают, что те «парни славные». Эти два красных офицера, краснея, оправдываются и жалеют, что их возраст не позволил им быть настоящими офицерами раньше. Такое признание и поведение офицеров нас приятно удивило.

Командир полка — высокий, стройный блондин лет сорока пяти. Он так учтиво разговаривал с генералом Морозовым, что, если бы это происходило в комнате и глаз на глаз, думаю, величал бы его «ваше превосходительство».

При нас он вызвал офицера, заведующего казармами, и приказал выдать каждому из нас новые чехлы для матрацев и подушек, постельное белье, медные котелки и отвести совершенно изолированную от красноармейцев казарму. Пожелав нам «наудобнейше устроиться здесь у них», козырнул всем и со своими офицерами покинул нас.

Старое видение

Через Костромку, по низкому настилу деревянного моста, идем в Ипатьевский монастырь. В храм вошли молча, с глубоким душевным волнением. Мы благоговейно ступали своими ногами в запыленных и сильно потрепанных сапогах и чевяках по тем местам, где ступали царственные ноги всех Российских Царей и Императоров. Я не был никогда мистиком, но здесь почувствовал себя маленьким человеком, который вступил в самое Святое Святых. Думаю, это почувствовали и те, кто был со мною тогда, — командир 1-го Кавказского полка, полковник Хоменко и его два помощника, войсковые старшины Храмов и старший брат Андрей.

Храм был пуст. В нем, кажется, уже не отправляли церковную службу. Но кое-где, над ликами Святых Угодников, теплились одинокие свечи. К ним прибавили и мы свои четыре казачьих свечи, так памятные в своей печали и вере в Бога.

Мы постояли, посмотрели на все иконы, перекрестились и тихо вышли.

Кострома осталась не искушенная революцией. Иду один, заворачивая за угол у какой-то площадки, и — не поверил своим глазам. Шеренга молодых солдат-красноармейцев отчетливо и молодецки производит строевое учение. Невольно остановился и даже протер глаза — не галлюцинации ли это? Они были отлично одеты и на головах имели старые фуражки Императорской армии — бескозырки с черным дном и серым околышем. Мне показалось, что в далекой Костроме сохранилась еще частица старой армии, чтобы показать, как надо маршировать. Да и солдаты были на подбор — рослые, стройные. Спрашиваю — что за часть?

— Учебная команда Запасного полка, — отвечает начальник ее и, видя, что я в папаше, в ноговицах, спрашивает: — Вы, наверное, казак?.. С Кавказа?

Я подтвердил это. И он продолжил:

— У нас ваши казаки были в 1913 году, на 300-летнем юбилее Царской Фамилии. Только они были иначе одетые, в синих жупанах (он так и сказал — «в жупанах»), очень длинных, и в больших белых шапках. Красивая форма была, — закончил он, красный командир.

Этот начальник был молод и, видимо, не все знал. На юбилей Дома Романовых в Кострому была командирована сотня казаков 1-го Кизляр-Гребенского полка с командиром полка, адъютантом и хором трубачей (см. приложение 2). Всем были пошиты на полковой счет синие черкески, белые папахи и белые бешметы. Об этом писал нам в Оренбург полковой адъютант, хорунжий Василий Старицкий, выпуска 1912 года. Надо представить, какой фурор произвела эта нарядная сотня гребенцов на всех жителей Костромы.

Велики и лик, и имя казачье. Мы их сохраняли и в неволе.

Питали нас из солдатского котла скверно: суп из голов тарани, какая-то каша без приправы или картофельное пюре. И не только в очереди за пищей, но и во дворе солдаты расспрашивали о Крыме генерала Врангеля, приходя к нашей казарме. В нее они никогда не входили.

Крым и Кавказ, в понятии здешних людей, в особенности крестьян, — это были какие-то далекие окраины России. Далекие, неведомые и почти чужие. Для красноармейцев (вернее, русских солдат, каковыми они в действительности были при нас, в Костроме) Кавказ до сих пор оставался «наипогибельным», как они говорили. В их пони-

мании — на нем и появились «какие-то белые генералы», образовали свою армию и воевали с советской властью «за что-то». Война затянулась, поэтому советская власть вынуждена была мобилизовать «вот их», мужиков («христьян», как они называли себя). Держать их в казармах, учить строю, вместо того чтобы они вот теперь, в летнюю пору, работали в своих селах с семьями, собирая урожай.

Они также ненавидят советскую власть, но «ежели бы не белые генералы, не война с ними — советская власть так бы не притесняла их, христьян».

Пришло распоряжение: «Морозовцев (так окрестили нашу группу) препроводить в Москву». Что за этим крылось, мы не знали.

Вновь в Москве. Плачь, Кубань, о сынах своих

В Москву прибыли днем. Наши два вагона опять поставили где-то на путях товарной станции. Кто-то узнал, что на этой же станции стоят три состава поездов с кубанскими офицерами. Новость была исключительная, и многие из нас бросились отыскать их и узнать — что на Кубани? И мы скоро нашли их.

Три длинных состава товарных поездов стояли рядом, параллельно один другому. Между двумя из них находилась широкая погрузочная площадь для грузовых автомобилей, почему, когда мы попали на эту площадь, нас увидели многие из своих вагонов. Половина составов вагонов, вперемежку, были с открытыми платформами, усеянными казачьими папахами. Мы были также в папах, нас узнали друзья и сослуживцы и немедленно окружили. Радости встречи было много. Коротко рассказав о нашей «одиссее», мы, конечно, хотели знать — что происходит на нашей Кубани и как они попали сюда?

Войсковой старшина Лопатин, мой друг, человек умный, в присутствии окруживших нас, рассказал:

— Наш лагерь в Екатеринодаре постепенно разгружался. Рядовых казаков отпускали по домам, офицеров куда-то высылали, а специальные войск — сапер и артиллеристов — назначили в Красную армию.

В Екатеринодаре красные открыли свое кавалерийское военное училище и всех офицеров, кто был в нашем военном училище и в учебном конном дивизионе, назначили туда инструкторами. Не на командные должности, а инструкторами. Одели нас даже в свою форму, «с чертовыми шишаками» (буденновскими шлемами).

Жили мы на частных квартирах. Нас не притесняли. Училище помещалось в здании нашего Мариинского института. Вдруг десант из

Крыма. Все перевернулось. А тут из гор показался генерал Фостиков. Немедленное распоряжение — всем офицерам, военным чиновникам (будь они и в отставке) и юнкерам прибыть в управления своего отдельского комиссариата для регистрации. О десанте в станицах, конечно, ничего не знали, и каждый явился запросто. Прибывших немедленно же оцепили войска ЧК, доставили на приготовленные поезда, и вот мы здесь. А с нас, инструкторов, сняли казенную форму, приказали надеть свою и присоединили ко всем. Жаль Безладного, его расстреляли. Он же был командиром Корниловского полка!

Расстреляли еще есаула Бориса Ногайца и хорунжего Анатолия Косыкина. Технический батальон был полностью зачислен на службу и на Черноморском побережье, зарывал павших лошадей и калмыцкий скот. Какие-то «зеленые» обстреляли их на работе, и совершенно случайно был убит командир их батальона, полковник. (Он назвал фамилию, которую я забыл.)

На одной открытой платформе густо сидит группа пожилых офицеров в крупных папах.

— А это кто, Филиппыч? — спрашиваю Лопатина.

— В шинели — Генерального штаба генерал Диденко³³⁵, бывший начальник Кубанского военного училища... Рядом с ним полковник Ермоленко³³⁶, его помощник, а левее — есаул Вербицкий³³⁷, училищный казначей. А вон и Женя Демяник³³⁸, нашего учебного конного дивизиона есаул. Все мы одновременно, и войсковой старшина Безладнов, были инструкторами в кавалерийской школе, — поясняет словоохотливый мой друг.

Всех их я знал лично по Екатеринодару.

Рядом с генералом Диденко сидел неизвестный мне пожилой офицер, также в крупной папаше. Спросил Лопатина и о нем — кто он? И узнал — то был полковник Скорыходов³³⁹, начальник кубанской артиллерии, родом терский казак.

Как могли офицеры в таких больших чинах и должностях остаться «на берегу» — мне было непонятно тогда.

Мы, «морозовцы», голодные.

— Дайте хоть кусочек сала, нашего, кубанского, — прошу их.

— Да мы сами голодные!.. Все мы прибыли на регистрацию налегке, думали, что потом нас отпустят по домам, прибыли в чем попало, не захватив ничего теплого из одежды, а не только что взять с собой продукты... В дороге вот уж три недели и сами голодаем. И даже не знаем — куда нас отправляют?.. Вчера по этой платформе проходил с женой генерал Брусилов, маленький, сухой старичок в штатском. Такая и жена его. Наши старшие обратились к нему с просьбой походатайствовать о нас и узнать — куда нас отправляют?.. Но он ответил, что в

этом вопросе его персона совершенно беспомощна. А жена, держа его под руку, все время плакала, — закончил Лопатин.

Мои станичники, сотники Вася Боярский, Гриня Белоусов, братья Сотниковы, просят навестить их «станичный вагон».

В нем глубокие старики, бывшие в отставке уже 20 лет тому назад, когда я семилетним мальчиком поступил в станичное двухклассное училище: войсковой старшина Ламанов, соратник генерала Скобелева и наш полковой историк; военный чиновник с двумя просветами Слепухин — оба дряхлые старики, не могущие ни выйти, ни влезть в свой вагон... Тут же еще бодрый телом Г.Г. Буддыгин, вахмистр Конвоя Императора Александра II, долгий атаман станицы.

— Надо было драться до конца! — строго сказал он мне, старейший казак нашей станицы; мне от его слов стало стыдно.

В углу, у окна на верхних нарах, как запуганный кролик, сидит сын фельдшера Недай-Каши, очень красивый и стройный мальчик в станице, младше меня лет на пять.

— А тебя почему сюда загнали? — удивленно спросил его.

— Не знаю-у, — тихо, мягко отвечает мне этот черноглазый 22-летний казак, похожий на мальчика. — Я был старшим писарем в отделе, а потом произвели в военные чиновники, ну так за это, — печально добавил он, старший сын очень бедных родителей.

Судьба их ужасна. Все эти 6 тысяч Кубанской Войсковой чиновной среды, в этом же году, погибнут на Северной Двине. О них скажется своевременно, в хронологическом порядке «нашей одиссеи». Это была кровавая дань Войска Кубанского за неудачный десант из Крыма. Плачь, Кубань, о сынах своих!

Никто не описал, какова была расправа красных по станицам, по уходе десанта? Но вот эти 6 тысяч офицеров и военных чиновников Кубанского Войска, с которыми мы встретились в Москве и расстрелянных в том же году на Северной Двине, являлись первыми жертвами.

Кубань, наше Кубанское казачье Войско, захлестнулось и еще слезами 6 тысяч вдов!.. А сколько после них осталось сирот — мы теперь и НЕ УЗНАЕМ.

Еще одна встреча со своими

Нашу группу поместили в Астраханских казармах, находящихся за речкой Яузой.

Мы попали в скверную обстановку. Фактически это был лагерь для дезертиров из Красной армии, в казармах старой армии какого-то полка.

Большой двор выстлан крупными булыжниками. Каменная стена до пояса, выше железная решетка. Все прочно, хорошо, нормальная «горожа», но теперь она вся оплетена колючей проволокой. У калитки часовой с винтовкой. Пропуск кого бы то ни было — только по запискам.

Казармы. Их много. Все они давно окрашены в красный цвет, который стал грязным. В них двойные нары. На них грязные матрацы и подушки, в которых солома стала трухой от давности. Но и на двойных нарах теснота исключительная. Вонь и грязь, грязь и вонь. Их, кажется, никто не подметает и не убирает мусор. Об умывальной и уборных лучше не писать. Здесь несколько тысяч дезертиров. Отдельными «оазисами» в них размещены офицеры колчаковской армии, которые предназначены пройти науки на «военно-политических курсах» здесь, в Москве, и потом будут отправлены на фронт, так как польская армия успешно наступает, берет город за городом, и надо «защищать Отечество». Оказывается, нас также вызвали сюда для этого, но мы только предназначены, являемся пока «кандидатами» для поступления. Из пленных колчаковских офицеров многие уже «прошли курсы», отправлены на фронт, и из-за недостатка офицеров в Красной армии некоторые получили хорошие строевые должности, выше тех, кои они занимали в Сибирских армиях.

На наше удивление — большинство из них стремилось как можно скорее попасть на курсы, так как там хорошо кормят, дают настоящий солдатский паек, а дальше — «что будет». Среди них очень мало штаб-офицеров. Если у них не было энтузиазма служить в Красной армии для защиты Отечества, то и не было духовного протеста. Они были как бы в заболевшем своем Отечестве, а мы — из разоренного Казачьего гнезда.

На удивление — здесь мы встретились со своими офицерами Войска, которых из Бутырской тюрьмы вместе с колчаковцами поместили в эти казармы, так же как кандидатов на военно-политические курсы. Вот они, наши кровные:

1. Генерал-майор Абашкин — Атаман Баталпашинского отдела, бывший штаб-офицер и командир 1-го Лабинского полка Великой войны на Турецком фронте.

2. Генерал-майор Косинов — старый екатеринодарец, в месяцы революции командир 1-го Кавказского полка, первопоходник, при капитуляции армии начальник, кажется, 1-й Кубанской дивизии.

3. Полковник Калугин — наш старейший Кавказец, образцовый офицер, бессменно в своем полку в Закаспийской области; летом 1919-го под Царицыном, командуя 1-м Кавказским полком, потерял один глаз в бою. Отец трех сыновей, кадет Владикавказского корпуса.

4. Полковник Пучков³⁴⁰ — наш старый Кавказец, на Великую войну вышел старым подьесаулом, командиром сотни; в Гражданской войне служил в тылу.

5. Полковник Авильцев³⁴¹ — наш старый Кавказец, на Великую войну вышел старым подьесаулом; в Гражданской войне служил в тылу.

6. Полковник Удовенко³⁴² — родной брат адъютанта Корниловского конного полка, убитого в бою в 1918-м, наш старый Кавказец, на Великую войну вышел подьесаулом и старшим адъютантом Закаспийской отдельной казачьей бригады, умный и всесильный был адъютант при добром начальнике генерале Николаеве; Гражданскую войну провел в тылу.

7. Полковник Гридин³⁴³ — полковой адъютант в мирное время 1-го Кавказского полка, умный, корректный, на Великую войну вышел сотником; его служба в Гражданской войне мне неизвестна.

8. Полковник Штригель³⁴⁴ — бывший воспитатель Владикавказского кадетского корпуса.

9. Полковник Березовский Константин Георгиевич, артиллерист.

10. Полковник Безладнов³⁴⁵, артиллерист.

11. Полковник Черник³⁴⁶.

12. Полковник Шепель. Эти три полковника возрастом под 45 лет, каких они станиц и по службе — мне неизвестны, так как держались осторожно и мало с кем входили в общение. Все они кадровые офицеры-артиллеристы.

13. Полковник Капуста — старый офицер 1-го Таманского полка, высокий, сухой, немощный, заросший волосами, ни с кем не разговаривающий.

14. Войсковой старшина Горбачев³⁴⁷ — высокий, крупный блондин, компанейский офицер, отличный хоровой певец-бас.

15. Полковник Дьячков³⁴⁸ — известный инструктор гимнастики, не казак.

Это все старые офицеры. О молодых укажу по мере развертывающихся событий.

Новая анкета. Наша жизнь в Москве

На второй день нам приказано явиться в штаб Московского военного округа для регистрации. В нем все должности занимали бывшие офицеры. Они одеты в гимнастерки или кители, с оставшимися швами от погон на плечах. Приняли любезно, по-офицерски. На наши короткие вопросы ответили, что они в большинстве москвичи и автоматически

ски остались на своих местах, так как надо существовать и содержать семью. К нам — полное сочувствие.

Нам вручили новые анкеты, только «для военных», с точным указанием полученного гражданского и военного образования, прохождения службы, чинов и должностей до октябрьского переворота 1917 года. Дальнейшая служба, должности и чины, полученные в Гражданской войне, их не интересовали, то есть штаб Московского красного военного округа не интересовала наша служба в Белой армии. Все мы были превращены в тех, коими были до октября 1917 года. Я стал подбесаулом и командиром сотни (бывшим).

И объявили, что мы зачислены кандидатами на военно-политические курсы, после прохождения которых будем отправлены на Польский фронт «для защиты Отечества». О нашем предназначении в отношении защиты красного отечества мы потом острили и смеялись, так как защищать «это отечество» мы совершенно не собирались.

Еще объявили нам, что мы свободны и «до очереди на курсы» можем заниматься, чем кто хочет, но жить в казармах и на выход со двора каждый раз иметь письменный пропуск от комиссара казарм.

При регистрации мы обнаружили, что среди нас нет корниловцев, войсковых старшин Трубачева и Лебедева и командира Полтавской бригады полковника Борисова. Они бежали.

После падения Крыма оттуда к нам, в Екатеринбург, прибыла супруга полковника Дударя, которая рассказала, что Борисов пробрался в Крым и доложил генералу Врангелю о нас. По слухам, Трубачев и Лебедев бежали на Кубань. Судьба их неизвестна.

О полковнике Борисове. К нему, в Кострому, прибыла жена и свояченица-барышня. Они часто приходили к нам по вечерам, когда мы жили уже в казармах. С нами ехали и в Москву. Борисов родом не казак. Видимо, жена и свояченица достали для него соответствующий документ, они устремились на юг и достигли своей цели. К нашим семейным с Кубани никто не приезжал. Знакомств никаких здесь не было. Нет и денег. Мы были, как в иностранном государстве, беспаспортные, и наш костюм был «полуазиатский». Куда же и как бежать?..

Один «государственный гараж» запросил группу рабочих для расчистки своего двора. Наряд приказано сделать из нашей группы, в 25 человек. Утром подали грузовик. И мы несемся по Москве — мимо Симоновского монастыря, мимо Кремля, через Театральную площадь на Тверскую улицу и дальше куда-то... Москву многие из нас совершенно не знают и впервые здесь, в Белокаменной. Грузовик движется быстро. Мы все стоим на ногах, держась друг за друга и за борта грузовика. Москва показалась нам серой и грязной. Движение на ули-

цах слабое. Идущие люди сумрачные и не обращают на нас никакого внимания.

Мы проезжаем Триумфальную арку у Варшавского вокзала и въезжаем на Петровское шоссе. Знатоки Москвы показывают нам на знаменитый ресторан «Яр». Петровское шоссе величественное. Вот и знаменитая Ходынка. Вдали чуть видны палатки красноармейцев и слышатся звуки сигнальной пехотной трубы.

С шумом, с грохотом грузовика мы въехали в какой-то двор, полный разного мусора и поломок. Рабочей толпой высыпали на землю. Из конторы вышел чистенький молодой человек лет двадцати пяти, интеллигентного вида, в макинтоше. Старший над нами Хоранов немедленно же представился ему, сказав, что он генерал, а его рабочие — пленные офицеры Белой армии.

Молодой человек смутился, пожал Хоранову руку и подошел к нам. Застенчиво и очень сердечно он сказал, что работа у него грязная, и он не знает, подойдет ли она нам. Но «она платная», — добавил начальник гаража.

Группа рабочих человек в двадцать, стоявшая тут же, с интересом рассматривала нашу «экзотическую группу казаков, белых офицеров, с погибельного Кавказа», и мы не заметили в их глазах недоброжелания к нам, а скорее — любопытство.

Полковник Хоменко, боясь, что если мы не получим работы, то не получим и заработка при нашем безденежье, быстро спросил — какая работа?

— Да вот, надо убрать мусор и перенести поломку отсюда и досюда, — смущенно отвечает начальник государственного гаража.

— Ну что, господа, беремся? — авторитетно окинув нас взглядом, спросил Хоменко.

— Канешна-а, — почти разом ответили мы все.

И мы принялись за работу — быстро, сноровисто, словно команда солдат.

Наша работа понравилась начальнику государственного гаража, и он обещал дать еще работу на несколько дней. Потом мы ездили с некоторыми рабочими на том же камионе в другие места на работы. У них — никакой злобы к нам. Властью они недовольны и отказались поступить «добровольно» в формируемые отряды для отправки на юг, реквизируют зерно у крестьян.

Каждое утро за нами присылался камион на «нашу Язу», забирал и вез на работы. Приятно было покидать грязные казармы с тысячами дезертиров Красной армии, болтающимися по широкому двору. На работы дезертиров не брали, как ненадежный элемент.

— Я все равно убегу!.. Я ня хачу служить у красной армийи! — кричит во все горло по двору здоровенный, крупный парняга лет двадцати пяти.

Никто его не останавливает в этом, и его слова-выкрики нам нравятся — как характерное настроение многих красноармейцев.

Направление офицеров в военные училища

Польская армия успешно наступала, войдя в пределы России. У красных мобилизация всех сил. Из-за нехватки командного состава в Красной армии военно-политические курсы в Москве для пленных офицеров Белых армий с двухмесячного срока сокращены до трехнедельного. На очередной срок курсов берут только офицеров Генерального штаба и специальных родов оружия: артиллеристов, саперов. Инструкторами в красные военные училища призывали всех офицеров, кто служил в военных училищах Императорской армии, освободив их из тюрем. Из нашей группы старших офицеров Кубанской армии были зачислены следующие: Генерального штаба генерал Морозов, полковник С.И. Земцев и ускоренного курса Великой войны, причисленный к Генеральному штабу, войсковой старшина Петр Бойко, пластун; артиллеристы — полковник Кочергин, братья-полковники Сергей и Константин Певневы и войсковой старшина Березлев. С Морозовым принят был и его адъютант, штабс-капитан, москвич.

К нашему огорчению, по прибытии в Москву из Костромы немедленно был арестован Генерального штаба полковник А.М. Бойко, наш природный казак Лабинского отдела, и препровожден в Бутырскую тюрьму. Причина ареста — некоторое время он был начальником штаба всех войск, находившихся (отошедшими) на Черноморском побережье в марте—апреле месяцах, когда ими командовал генерал Шкуро. Это была наша Кубанская армия и 4-й Донской конный корпус. В те месяцы командующий Кубанской армией жил в Крыму, шли какие-то переговоры Атамана Букретова с Крымом генерала Врангеля. Командующий армией генерал Улагай приезжал и уезжал вновь в Крым от Букретова к Врангелю и от Врангеля к Букретову... и в этом запутанном клубке взаимоотношений, до его развязки, Атаман Букретов, в 20-х числах марта, назначил генерала Шкуро командующим войсками всех частей здесь, коим он и был до 15 апреля. Вот за это и был арестован Бойко. С ним я спал рядом на нарах в Костроме, и он, молчаливый, замкнутый человек, кое-что рассказывал мне о тех днях. Дальнейшая судьба его мне неизвестна.

Были призваны на курсы и члены Кубанской рады, имевшие офицерские чины.

ТЕТРАДЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

Одно жуткое предупреждение

С работ мы возвращались уставшие. Входя в свой казарменный грязный двор и поднимаясь на второй этаж Астраханских казарм, где всегда была толчея красноармейцев-дезертиров, смрад казарменного запаха, бесцеремонный гомон людей, полутемнота от двухъярусных нар, покрытых изношенными матрацами с остатками соломы и другой рухлядью их обитателей, на душе становилось тяжело и зло.

В один из дней я возвращался почему-то один из города. Настроен был особенно зло. Поднявшись к «своим берлогам», совершенно неожиданно наткнулся на знакомых мне старших офицеров родного Войска. Полукругом стоят — генерал Косинов, наш бывший командир 1-го Кавказского полка в Финляндии в месяцы революции 1917 года, два его помощника, полковники — Калутин и Пучков, еще кто-то и позади них Атаман Баталпашинского отдела, генерал Абашкин. Все они в крупных старинных папах, в офицерских шинелях защитного цвета, а Калутин — в своей, так мне знакомой по Турецкому фронту, меховой шубе-черкеске. Лицом к ним, а спиной ко мне стоял кто-то в гимнастерке и штанах защитного цвета, довольно чисто одетый. Говорил он, и оба генерала и полковники слушали его спокойно, полубезразлично, а Косинов — с некоторой улыбкой.

При моем входе генерал Косинов произнес:

— А вот еще один наш молодой полковник.

Лицо, стоявшее ко мне спиной, повернулось, бросило быстрый взгляд на меня «с ног до головы» и быстро спросило:

— Ну, как Вы себя чувствуете здесь, в Москве?

Предполагая, что с нашими генералами и старшими полковниками говорит один из колчаковских пленных офицеров, помещавшихся в других казармах, я недружелюбно ответил:

— Как я себя чувствую?... Да отвратительно!

— Почему? — спрашивает он.

— Черт нас заставил сдаться... Вот почему и чувствую я себя отвратительно, — отвечаю ему совершенно искренне.

Этот человек вновь бросил на меня свой взгляд «с ног до головы» и спрашивает:

— А Вы знаете, с кем Вы говорите?

— Вы же колчаковец? — отвечаю ему вопросом на его вопрос.

Тогда это неизвестное мне лицо, сделав выдержку, вопрошает:

— Как же это Вы, не зная, с кем говорите, так смело выражаете свои мысли? — И потом, глядя в мои глаза, твердо, определенно, рез-

ко говорит: — Я здешний комиссар... Вы знаете, что я могу сделать с Вами после Ваших слов? — сказал и... в упор, испытываяще смотрит на меня.

Я не испугался, но мне стало досадно — как я мог так запросто подвести самого себя?

— Извините меня за мои слова, но я сказал то, что на душе, — ответил ему.

— Так вот что, молодой человек, — говорит он мне, «молодому человеку в 27 лет», — мы вас, кадровых офицеров, держим потому, что вы нам нужны для построения нашей Красной армии. — После этого лицо его стало жестким, и он добавил: — А потом мы всех вас сошлем на север и стгоим в мурманских лесах и болотах.

И, повернувшись к нашим генералам и старым полковникам, про-
изнес:

— До свидания, товарищи, — сказал, повернулся и быстро вышел.

— Ну, как же Вы это промазали, Федор Иванович? — по-отечески говорит мне генерал Косинов, у которого в Финляндии я был командиром сотни.

— Да черт его знал, что это был комиссар!.. Я думал, что это говорит с вами какой-то колчаковец, — досадливо и зло на самого себя отвечаю ему.

Все улыбаются. Я впервые увидел всех здесь, этих двух генералов и нескольких старых полковников, которые, оказывается, с Кубани, из лагеря, были препровождены сюда, в Бутырскую тюрьму, и уже из нее переведены в наши казармы, как кандидаты для зачисления на военно-политические курсы и в дальнейшем — для отправки на Польский фронт. Это было для меня полной неожиданностью.

Заговорили между собой. Я знал еще в Адлере, что генерал Косинов был при отступлении, за Адлером, начальником одной из Кубанских дивизий. Старые полковники-кавказцы были в числе беженцев. Спросили генерала Абашкина — как он попал?.. И услышали от него:

— Я был Атаманом Баталпашинского отдела. Как известно, он расположен в самом юго-восточном углу Войска. Распоряжений для эвакуации из Екатеринодара не получил, а когда собрался, то уже поздно было отступать с семьей... и я решил остаться³⁴⁹.

На Турецком фронте от офицеров 1-го Лабинского полка мы, Кавказцы, слышали, что войсковой старшина Абашкин был довольно требовательный начальник. Он имел двух дочек, воспитанниц нашего Мариинского института. После занятия Екатеринодара в 1918 году на старшей дочери женился наш Кавказец, подьесаул Владимир Николаевич Кулабухов³⁵⁰, с которым я очень дружил. Приглашенный на обед, я позна-

комился на нем с его тестем. Тогда в Екатеринодаре и здесь в Москве генерал Абашкин произвел на меня впечатление доброго, покладистого человека.

Володя Кулабухов окончил Елисаветградское кавалерийское училище в 1912 году. В 1916-м командир сотни, после Февральской революции был адъютантом нашего полка. В 1919-м стал старшим адъютантом у своего тестя, Атамана Батаалпашинского отдела; в декабре того года заболел тифом, в беспамятстве выскочил в снег, еще больше простудился и умер скоро. Абашкин очень грустил о нем и в Москве. Кулабухов был двоюродный брат священника А.И. Кулабухова³⁵¹, члена краевого правительства Кубани, казненного в Екатеринодаре в начале ноября 1919 года по приговору военно-полевого суда генерала Покровского — акта, поднявшего всю Кубань на дыбы³⁵²... а две семьи Кулабуховых станицы Ново-Покровской бросившего в смертельный траур.

Дальнейшая судьба генерала Абашкина мне неизвестна. На курсах его не было. Это была единственная моя встреча с ним в Москве. Мой же «диалог» с комиссаром еще больше утвердил мое решение: бежать!.. и как можно скорее бежать из этой красной страны, как только представится возможность, а пока мы вместе, на учете, пока со мной родной брат, я должен терпеть и ждать, чтобы никого не поставить под ответственность.

Красные командиры

Иду по какой-то улице и вижу — стоят как будто бы наши кубанцы. Они в гимнастерках, в дрянных маленьких шапчонках, в разнокалиберных штанах, заправленных в поношенные сапоги, при кавказских шашках, оправленных в серебро, но без кинжалов. Явно — всадники Красной армии. Оглядываясь по сторонам, они спрашивают меня таинственно:

— Товарищ, Вы не знаете ли, где бы это загнать несколько чувалов белой муки?

Отвечаю им, что не знаю, но спрашиваю, кто они.

— Да мы командиры эскадронов Конной армии товарища Буденного, нас командировали сюда, на высшие курсы в Москву, ну мы и захватили с собою муки продать ее тут.

Быстрым взглядом пробегаю по ним с ног до головы. Так вот они, герои красной конницы, против которых мы люто дрались в течение 2 лет... командиры, которые порой очень смело ходили против нас в атаки!.. Кто же они? — думаю. И заключаю — они не казаки, а ино-

городские казачьи области, о чем говорят их лица, лохматая прическа, глаза и манера одеваться. И вид у них нахрапный, выдавших виды — и грабеж, и насилия, и кровь, и животные удовольствия. Хотя кавказские офицерские шашки под серебром болтались у них на поясной портупее совершенно не щегольски, но видно было, что они к этому оружию привыкли, оно им не мешает, но они им и не гордятся показывать.

Лица и манеры их простые, грубые, но, видно, привыкшие к власти. Как малограмотные эскадронные командиры, они присланы на «командные курсы», заполнить пробел знаний науками.

Они говорят со мной «на равных» и спрашивают:

— А Вы какой армии? Разве не буденновец? — когда я задержался с ответом.

Они были «очень серы». Подошли ко мне с воровским вопросом — нелегально, на черном рынке спекулировать белой мукой в Москве, которую они, конечно, привезли не из своего амбара. И чтобы огоршить их и пристыдить, спокойно отвечаю:

— Я офицер Белой армии. Кубанский казак и полковник... а теперь вот в плену.

— Белый офицер? — протянули они разом и, отстраняясь от меня, недоуменно оглядели меня с ног и до головы... и оглядели уже другим взглядом, взглядом непримиримых врагов. Но я их здесь уже не боялся.

— Тогда извините, товарищ, — говорят они холодно, что-то зашептали между собой и отошли от меня.

Думаю, им стало стыдно передо мной, что вот они, красные бойцы, эскадронные командиры, прибывшие на высшие командные курсы, вдруг выдали свои спекулятивные тайны, и кому же?.. Да офицеру Белой армии, полковнику, их врагу. Я был очень рад этому.

— Вы не белые ли будете? — спрашивает нас какой-то тип в кожаной тужурке и в сапогах, когда мы стояли на углу одной улицы, ища «маршрут» к своим казармам после работы.

— Да, а что Вы хотите? — отвечает брат.

Хоменко, Храмов и я молчим.

— Извините меня, но я буду с вами откровенен как русский с русскими. Я партийный, и вот назначен на врангелевский фронт комиссаром... Скажите мне — что он, Врангель, хочет? Действительно он очень жестокий и несет разорение народу?

Такое обращение коммуниста к нам на улице нас и удивило, и заинтересовало. Как самый старший и самый логичный среди нас, полковник Хоменко рассказал ему о целях Белой армии. Коммунист внимательно

слушал (он был интеллигентный), поблагодарил нас и, видимо, с другими уже мыслями пошел своей дорогой.

Мы видели их красных курсантов военных училищ, будущих красных командиров, делающих глазомерную съемку по оврагам у самого Кремля. Они очень старательно чертили, а я смотрел на них и думал — неужели они не видят русского горя?.. И почему они хотят стать красными офицерами?

Мы видели толпы арестованных, окруженных чекистами густым кольцом, с винтовками в руках, их гнали так, как гонят скот на убой.

И еще кубанские офицеры в Москве

Мы привыкли уже «быть вольными» в Москве и уже не боялись власти.

Проходя с Храмовым по широкому тротуару одной из улиц Москвы, недалеко от какого-то железнодорожного вокзала, увидели идущих посредине улицы арестантов в папахах, окруженных сильным конвоем. Мы остановились. В передних рядах я опознал есаула Носова³⁵³, большого друга брата Андрея, рядом с ним хорунжего Мельникова³⁵⁴, которого я послал от Хоперской бригады к генералу Фостикову, действовавшему восточнее нас по сдаче Купянска в декабре 1919 года. Несомненно, то были все кубанские офицеры, до 50 человек.

Впереди них шла крестьянская телега в одну лошадь, на которой сидел в бурке и крупной папахе старик с черной бородой — смуглый, немошный; лицо его худое, сухое, желтовато-бледное. Рядом сидит мальчуган, также в бурке. Позади них какие-то вещи. Следующие за подводой казаки были все в папахах, в гимнастерках, в бешметах или в черкесах нараспашку. Безусловно, по общему виду, эти люди взяты, арестованы, из строя.

Когда сам арестованный, находишься под конвоем в толпе себе подобных, то не знаешь своего внешнего «вида», каков он для постороннего, но, когда ты вышел «из подобного строя» и встречаешь «соответствующий», настроение твоей души становится совсем иным. Ты видишь в арестантах несчастных людей, беспомощных и жалких на вид. А когда эти люди в папахах, в знакомых костюмах, и когда ты опознаешь в них своих кубанских казаков, проникаешься особенной любовью к ним, и душа обливается кровью.

— Ну, чего ты стал?.. Пойдем! — говорит мне нервный Храмов.

— Это наши офицеры-кубанцы!.. Я должен узнать — куда их гонят? — отвечаю.

Ваня Храмов ругается, бросает меня и уходит, а я плетусь по тротуару, иду рядом с ними. Конвой сильный, подойти нельзя. Их вогнали в вокзальный дворик. Они, сняв вещи с подводы, расположились у стены. Конвой, окружив их, взял винтовки «к ноге».

И в Костроме, и в Москве появление арестованных групп людей в папахах, гимнастерках, в бешметах, подпоясанных казачьими поясами с серебряными наконечниками на них, в черкесках нараспашку, некоторых в бурках, плохо бритых, с усами, многих с черными бородами, шедших посреди улицы под конвоем, всегда привлекало внимание местных жителей. Внешний вид этих людей и по костюмам, и по походке, и по лицам — обветренным и загорелым — резко отличался от здешних.

Этот внешний вид «людей в папахах» говорил, что они жители юга России, по внешнему виду воины, арестованные и гонимые красной властью, которую и они ненавидели. Интерес их усиливался, когда они узнавали, что это казаки с Кавказа, воины Белой армии. Их окружали и рассматривали как диковинку, неведомую им и которую они видят впервые в своей жизни, а в данном случае, как казакам и воинам Белой армии, выражали полное сочувствие, смешанное с жалостью.

Протиснувшись в толпе к не сводящему с меня глаз хорунжему Мельникову — коротко бросаю ему только одно слово «куда», то есть куда вас гонят? А он, высокий, стройный, подтянутый по-воински, вздернул плечами, чем показал, что и сами они не знают, куда их гонят, — в ответ бросил мне также только одно-единственное слово «хлеба», то есть показал мне, что они голодны и он просит достать им хлеба.

Быстро выхожу на улицу и, уже опытным глазом загнанного зверя, нахожу и покупаю где-то в подворотне полбуханки большого серого хлеба. Возвращаюсь и прошу у ближайшего часового-конвоира передать хлеб арестантам.

Услышав это и увидев хлеб в моих руках, он гонит меня «многоэтажным матом»... Но я уже «стреляный пленник». Конвоиры все в шинелях и поясах, хотя и стояла летняя погода. Из этого я заключил, что они есть воинский наряд от части, может быть, от самой Кубани, как и у нас от Ростова до Москвы, но отнюдь не чекисты. Значит, они мобилизованные крестьяне, которые в громадном своем большинстве настроены против красной власти.

Кроме того, мы уже poznали, что конвоиры не любят и не уважают тех просителей, которые заискивающе обращаются к ним. Им надо говорить точно свое желание, действуя на их душу человеческую.

С полбуханкой большого хлеба под мышкой подхожу вновь к ближайшему конвоиру и прошу разрешения передать его «знакомому» в

группе. Этот конвоир также матом гонит меня от себя, но я не унимаюсь и настаиваю на своей просьбе.

— Которому? — спрашивает он.

Я указал на стройную фигуру хорунжего Мельникова в маленькой хоперской шапчонке, стоявшего впереди своей группы и не сводящего с меня глаз.

— Ну, передай и потом убирайся отсюда к е-еной матери! — грубо, злобно, очень виртуозно по-солдатски ответил он и отвернулся от меня.

Я понял из образной солдатской ругани, что ему осточертело конвоирование арестантов, что красной власти он не побьет, может быть, сочувствует пленникам, но и боится ответственности. «Проглотив» безо всякой обиды эту ругань, быстро подхожу к Мельникову и передаю хлеб. У него грязным белым носовым платочком перевязана ладонь правой руки.

— Что это? — коротко спрашиваю.

— Отнимали кинжал, я сопротивлялся и порезался им, — отвечает он.

Из-под черного пятна, так бросающегося всем в глаза, бурка под самые уши, нахлобученная черная крупная папаха, черная, с легкой проседью борода, утопающая под борт бурки, выглядывало сухое, желто-болезненное лицо какого-то старика.

— Кто это? — спрашиваю Мельникова, все так же коротко, быстро, пока конвой еще терпит наше присутствие.

— Полковник Солоукий... Он очень болен... И ему разрешено ехать на подводе.

Возле этого полковника Солоукого, также в бурке, в каракулевой потертой черной шапчонке, сидел красивый юноша с печальными черными глазами. Он как бы прильнул к этому больному старику.

— А это кто, молодой человек? — допытываюсь.

— А это его сын, хорунжий Солоукий... Ему позволили быть на подводе при больном отце, — информирует Мельников.

— Ну, довольно вам всех тут рассматривать!.. Убирайтесь все со двора «к такой-то матери»! — вдруг огласил распоряжение старший конвоир.

Все молча, послушно вышли на улицу. Пленники, не меняя положения, печально смотрели нам вслед.

В 1931 году в Париже, на Войсковом празднике, я неожиданно встретил этого хорунжего Мельникова, офицера 1-го Хоперского полка при отступлении от Воронежа зимой 1919 года. Где-то южнее Купянска наша Кавказская казачья дивизия потеряла связь со 2-й Кубанской казачьей дивизией генерала Фостикова. Генерал Шифнер-Маркевич при-

казал мне от Хоперской бригады, коей я командовал (левофланговой Партизанской бригадой командовал полковник Соламахин), выслать офицерский разъезд, найти штаб генерала Фостикова. Боевая обстановка была тяжелая. Весь фронт, почти без боев, откатывался к Ростову. Пуржил снег. При дорогом кавказском оружии под серебром поверх шубы-черкески — представился мне этот хорунжий Мельников на добром коне, без башлыка, в небольшой черной каракулевой папахе. Приятный и подтянутый внешний вид его меня заинтересовал. Разъяснив обстановку, вернувшись, он доложил, что в дивизии Фостикова полный порядок, чем и порадовал нас.

Теперь, через 12 лет, я вижу его постаревшим, расслабленным, каким-то немощным. Обрадовавшись такой неожиданной встрече, спросил:

— Как и откуда бежал?

На этот вопрос он как-то беспомощно махнул рукой и ответил:

— Надо долго и много рассказывать.

Жаль. Из разных крупинок будущий историк напишет полную историю гибели кубанского офицерства. Солоцкие — видная офицерская семья Лабинского отдела.

На военно-политических курсах

Наступила очередь для нас — зачисление на «военно-политические курсы». Они вмещали в себя 500 офицеров, коих перевели на жительство в длинные двухэтажные Александровские казармы. Они окрашены в светло-серый цвет, не имели двора и выходили прямо на широкую, пустынную площадь-улицу.

В Астраханских казармах, чтобы взобраться на свое место на нарах «второго этажа», надо было быть гимнастом. И нашим старикам полковникам, по 45—50 лет, было нелегко это преодолеть.

В Александровских казармах, вместо нар, были двойные топчаны. Это было лучше и удобнее, но они были также двухъярусные и, несмотря на высокий потолок, темнили помещение. Широкий коридор отделял нас от красноармейцев.

К положительным удобствам нашей жизни относилось то, что Александровские казармы были ближе к центру Москвы и мы были совершенно свободны на выход в город без записок. Не было и часового у дверей.

Предыдущий трехнедельный курс закрылся. Окончившие их наши кубанские артиллеристы, братья-полковники Певневы, командированы в штаб Петроградского военного округа, куда и выехали немедленно. Куда были назначены два других артиллериста — полковник Кочергин

и войсковой старшина Березлев, — мы не знали. Генерального штаба полковник Земцев назначен был в штаб Уральского военного округа, в Екатеринбург. Ускоренного курса Академии Генштаба войсковой старшина П. Бойко (пластун) назначен в штаб какой-то пехотной дивизии. Генерал Морозов на курсах читал лекции по тактике, после чего назначен был лектором по тактике в Академию Генерального штаба, в Москве. Как-то встретили его на улице. Он все в том же своем «мещанском костюме», каковым был и при нас. Улыбается и говорит нам, что ему отвели в здании Генштаба, внизу, маленькую комнату, где он и живет.

Мы на курсах. Они помещались на Арбатской площади, в здании бывшей первоклассной гостиницы «Прага». Там же было и общежитие в номерах. На них была зачислена остальная группа кубанцев (морозовцев) и тех, кто был присоединен к нам из Бутырской тюрьмы. Из генералов были: Косинов, Хоранов и Мальчевский. Генерал-пластун Бобряшев заболел и умер в госпитале.

Всех офицеров Кубанского Войска было зачислено на курсы чуть выше 100 человек, а остальные, около четырехсот, были офицеры Сибирских колчаковских армий. Зачислены были и все «наши» донцы 4-го Конного корпуса. Для всех не хватило мест в общежитии «Праги», и мы, человек тридцать кубанцев, согласились жить в «аннексе» гостиницы, в задах, на другой улице. Это давало нам возможность «передергивать» лекциями и работать в городе.

Здесь все мы имели отдельные железные кровати с бельем и полный солдатский паек, который также не был хорош. Общей столовой не было. Пищу брали по-солдатски в свои личные медные котелки и ели кто где хотел и мог. Бедность и примитивность были во всем.

Слушатели курсов составляли «батальон», разбитый на три роты. Батальонным командиром был назначен подполковник колчаковской армии, бывший воспитатель какого-то кадетского корпуса — высокий, сухой приятный старик, бодрый, с седой длинной бородой. Командирами рот были капитаны-колчаковцы. Но это не была воинская часть. Разбивка была просто для учета людей. Во всей своей внутренней жизни мы были совершенно свободны, безо всякого подчинения и чинопочитания.

Власть решила использовать бывших своих врагов — плененных офицеров белых армий. Потом нам сказали, что в привлечении плененных офицеров «для защиты отечества» от наступления польской армии настояли перед властью видные офицеры Генерального штаба старой Императорской армии.

Начальником курсов был Генерального штаба полковник Жуков. При нем комиссар, молодой поручик саперных войск, совершенно интелли-

гентный человек. Лекторами были офицеры Генерального штаба. Генерал-майор Верховский, бывший военный министр в правительстве Керенского, читал лекции на тему «Русская армия от Императора Петра I и до наших дней».

Генерал-лейтенант Войцеховский читал лекции по тактике, с разбором по картам характерных сражений Российской армии. Полковник Готовский — лекции по авиации.

Генерал-лейтенант (забыта фамилия) с чудачествами, и неохотно, читал лекции и по тактике, и по военной истории. На политические темы читал штатский, по фамилии Кондратьев.

По военному цензу курсы разбили на три группы:

1-я — бывшие штаб-офицеры и выше до октябрьского переворота,

2-я — бывшие обер-офицеры до октябрьского переворота,

3-я — получившие чины в белых армиях.

Общая столовая зала «Праги» вмещала всех 500 человек. Сидели на лавках. На стенах еще сохранились большие зеркала. На сцене для артистов — теперь лекторы. Все помещение очень слабо отапливалось, почему все мы, и лекторы, были одеты по-зимнему.

Открыл курсы полковник Жуков. Выше среднего роста, стройный офицер в походной офицерской шинели, с правильными чертами бледного лица, брюнет с печальными глазами — он коротко рассказал нам, пятистам офицерам белых армий, «о целях курсов».

Потом говорил комиссар. Хотя он и был офицер, но слово «комиссар» было нам ненавистно и не внушало к нему доверия.

Их слова не доходили до нашего сердца потому, что мы являлись врагами красной власти, которую поддерживать, да еще с оружием в руках на командных постах в Красной армии, совершенно не собирались. Не только мы, пленники, но и большинство населения были «пораженцами». Надо было только удивляться — как могла красная власть победить белые фронты при таком настроении народа?..

Единственное, что прельщало нас «пройти курсы», — это получить легальную свободу и устроить свою судьбу, кто как умеет, или найдет возможность.

Наши лекторы — Верховский, Готовский, Войцеховский

Лекции начались. Приказано их не пропускать, чтобы не попасть вновь за проволоку. В каждом отделении был назначен старший.

Лучшим лектором общепризнан был генерал Верховский. Когда он делал доклад, в зале с 500 слушателей стояла гробовая тишина.

Читал он с бывшей артистической сцены гостиницы. На сцену выходил скорым шагом. Все вставали. Поклоном приветствуя нас, просил садиться. Одет он был всегда в штатское пальто до колен, перешитое из офицерской шинели защитного цвета, в шароварах, в сапогах. Не снимая пальто (было всегда холодно), положив фуражку, шарф и перчатки на столик и помяв слегка кисти рук, он всегда обращался к аудитории такими словами:

— Товарищи, прошлую лекцию я закончил тем-то, а теперь я освещу то-то, — и начинал.

Он был молод. Думаю, 35—40 лет от роду. Выше среднего роста, сухой, с некрасивым, но живым лицом. Говорил он хорошо, внятно, не торопясь и все время следил за аудиторией, направив свои глаза в самую гущу ее. Говорил красивым литературным языком — он окончил Пажеский корпус и Академию Генерального штаба.

Во всю свою часовую лекцию, безо всяких письменных пособий в руках, он держал нас в полном напряжении и тишине, сам изредка медленно передвигаясь по сцене, но все время направляя свои глаза на слушателей.

Верховский не только отлично знал свои лекции, но он их любил и смаковал. Читая их, он проводил параллель между нашей историей и французской революцией, словно давая понять, что все окончится внутренним изживанием коммунизма или переворотом. Так мы его понимали.

О нашем Белом движении он никогда не обмолвился ни единым словом. Но как-то, к слову, сказал:

— Мы с генералом Брусиловым (он назвал его только по имени и отчеству) знали, что, ежели генерал Деникин войдет в Москву, мы оба будем повешены на телеграфных столбах... Зная это, мы сознательно стали по эту сторону баррикад.

Никто ему на это ничем не ответил, так как и сами сознавали, что «это могло случиться именно так»...

Не только у Верховского, но и у всех профессоров было много лекций в других учебных заведениях, почему время было точно распределено. За свои лекции они получали грошовое вознаграждение, но главное — за них давался продовольственный паек, который был так дорог и ценен в полуголодающей Москве.

Вторым отличным лектором был полковник Готовский. Он был одет так же, как и генерал Верховский, — штатское пальто, перешитое из офицерской шинели защитного цвета, в шароварах, в сапогах. От холода, во время лекций, он не снимал и шарфа, опустив концы его вниз, на грудь.

Готовский — офицер одного из кавалерийских полков. О нем говорили, что, защищая достоинство, он нанес физическое оскорбление своему грубому командиру полка. За это был судим, разжалован в рядовые. Поступив в авиацию, был награжден двумя Георгиевскими крестами и переименован в младшие унтер-офицеры. Во время революции 1917 года восстановлен в чине полковника.

Так ли это — пишу, что говорилось о нем, но его благородное бледное лицо с широким лбом, уставшие большие серые глаза, отсутствие какой бы то ни было улыбки на лице говорили, что он многое пережил, живет только наукой, замкнувшись в себя. В лекциях он восхищался авиацией, поставленной за границей, и сожалел, что в России этого еще нет. Читал он глухим голосом, медленно двигаясь по сцене и не глядя на нас. И несмотря на это, его лекции мы слушали с удовольствием.

Генерал Войцеховский читал лекции по тактике хорошо, скромно, не увлекаясь. Небольшого роста, в кителе, в шароварах-суженках, в сапогах — он представился нам буднично, и только его старый офицерский костюм без погон говорил о его былом положении.

Другой генерал-лейтенант (забыл фамилию) больше скоморошил нас. В старом офицерском мундире, не снимая длинной шинели защитного цвета, на которой так заметны были следы от погон, он откровенно нам сказал, что работает «за паек», почему ему важно иметь число лекций в день. Несмотря на все наше несочувствие красным, такое откровенное заявление старого генерал-лейтенанта, лет пятидесяти пяти, нам не понравилось. Его лекции мы «передергивали», уходя на работы.

Все мы очень интересовались событиями на Польском и Крымском фронтах.

Вначале Красная армия подступила к самой Варшаве. Мы ждали, что столица Польши падет. Туда уже было назначено польское коммунистическое правительство во главе с чекистом Дзержинским. Его портрет красовался везде. Худое, изможденное лицо аскета говорило нам о его жестокой душе. Мы искренне тогда жалели Польшу. И вдруг — полный переворот в успехах. В Варшаву прибыл французский генерал Вейган со своим штабом, и Красная армия, получив сокрушительный удар, попятилась назад.

Ежедневные советские сводки говорили о полном отступлении красных армий. Их вывешивали на всех углах улиц. С раннего утра и мы, и обыватели неизменно толпились возле них, радуясь тому, как бежит Красная армия, гадая — войдет ли польская армия в Москву и... когда?

Что неудачам красных радовались мы — было понятно, но почему радовались обыватели Москвы?! Да потому, что все ненавидели совет-

скую власть и желали ей всякого лиха и падения. Даже рабочие, с которыми мы так часто встречались и работали вместе, зло, смачно, презрительно ругали красную власть и желали ее падения.

К 20 октября 1920 года наши трехнедельные курсы были закончены. Все мы получили выпускное обмундирование — серые репанные солдатские шапки, шинели, защитные гимнастерки, штаны и грубые солдатские сапоги. Все обмундирование было солдатского фасона и низкого качества. И когда нарядились во все это, то... перестали узнавать один другого. В особенности меняли лица эти серые репанные шапки, презируемые нами с дней революции. Этот костюм полностью переменял наш казачий облик, вызывая у нас и смех, и тоску.

Накануне закрытия курсов, после своей последней лекции, генерал Верховский сказал со сцены:

— Я хотел бы поговорить с генералами и старшими полковниками, соберитесь сейчас в левом проходе от сцены.

Заинтересовавшись, человек десять из нас прошли в указанное место. Верховский немедленно появился перед нами, и первые слова его были к нам:

— Господа!.. Как могла разбить вас эта сволочь? — сказал он это, вначале оглянувшись по сторонам и как-то пригнувшись к нашей группе.

Во время своих лекций он неизменно обращался к аудитории со словом «товарищи», что нас и удивляло, и возмущало, но здесь, назвав нас «господа», подкупил искренностью.

— Ваше превосходительство!.. Что же дальше будет? — быстро спросил генерал Хоранов.

— Надо ждать, — лаконично ответил он и тут же быстро произнес: — Я хочу поговорить с вами откровенно. Но не со всеми. Выберите от себя двух-трех человек, и прошу прийти ко мне на обед в воскресенье.

Мы тут же указали на генералов Косинова и Хоранова, он дал им свой адрес, поклонился нам, а генералам подал руку и ушел.

Массовый арест. Нас везут на восток

Наша группа, жившая отдельно в «аннексе» на задней улице, проснувшись на другой день в нетопленном помещении, закутавшись под одеяла и шинели, ждала утреннего чая. Очередной за чаем хорунжий Дробышев, взяв ведерный медный чайник, пошел за ним в «Прагу». Минут через пятнадцать возвращается без чая и, как часто, остроумно и загадочно, но с бледным лицом, заявляет:

— Ну, поздравляю вас, господа... Мы все арестованы... У нас в коридоре стоит караул курсантов, никого не выпускают и у меня отобрали все деньги, так что — скорее прячьте свои, — и он рассказал подробно, как все с ним случилось.

Быстро вскочив с постелей, спрятав, где можно, свои «тысячи советских рублей», еще не веря Дробышеву, спускаемся вниз, чтобы убедиться, так ли это.

Внизу дорогу нам преградил караул красных кавалерийских курсантов с карабинами в руках.

— Ваши документы?... Ваши деньги? — были их вопросы.

Документов у нас не было никаких, а «тысячи» мы уж спрятали в общежитии. Мелочь в кошельках они не тронули и приказали вернуться назад. К обеденному времени нас препроводили в большую залу одного из этажей «Праги». Все 500 человек сгрудились вместе. У многих растерянные лица. Спрашивают один другого: «Что случилось?» — но никто не находит ответа.

У дверей вооруженный спешенный эскадрон красных курсантов. Они отлично одеты и дисциплинированы. К нам входит их начальник, молодой человек лет двадцати пяти. Он при шашке, револьвере. В руках толстый желтый кожаный портфель. Он быстро садится за высокий стол-конторку, вынимает бумаги из портфеля, раскладывает их перед собой и говорит:

— Я буду выкликать по фамилиям, и каждый должен точно отвечать на вопросы.

Стоит тишина. На душе становится жутко.

— Косинов? — выкликает он.

— Я-а, — отвечает наш дорогой Георгий Яковлевич, любимец всех, наглядная и признанная красота Кубанского офицерства.

— Ваш чин?

— Генерал-майор, — отвечает коротко.

— Последняя должность в Белой армии? — спрашивает этот молодой военный и отмечает что-то у себя в списке.

— Начальник дивизии, — отвечает Косинов.

— Какой армии?

— Деникинской...

— Хорошо... Следующий. Хоранов? — И ему задал те же самые вопросы.

Потом шел генерал Мальчевский. Было только три генерала среди нас всех. Вызывали вначале кубанских офицеров, почему следующим был автор этих строк. Было страшно в гробовой тишине 500 пленных офицеров, под короткие вопросы и ответы, стоять и слушать.

Опросили всех и развели по спальням. На обед привели под конвоем. Когда наша группа с другой улицы подходила к «Праге», к зданию подкатил пароконный фаэтон. Сбруя добрых лошадей была украшена красными лентами, как это бывало у нас на свадьбах. Из фаэтона вышел видный собой человек в теплой длинной поддевке и прошел мимо нас куда-то вовнутрь здания. Это прибыл из Кремля комиссар Петровский. Что он привез — была для нас тайна.

Был арестован комиссар курсов, как бывший офицер. В полночь нас разбудили и приказали с вещами идти к «Праге». С вечера пошел сильнейший снегопад. К полуночи поднялась буря. Все гудело и завывало кругом, словно напевая нам предсмертные наши часы. У здания «Праги» уже стоял эскадрон красных курсантов с карабинами в пешем строю.

«Ну, вот и конец», — подумалось. И сотня вооруженных людей в темноте, при такой ужасной вьюге, казалась демонами, присланными сюда из самой преисподней для наказания нас.

В отель мы не вошли. Оттуда беспорядочной кишкой, с чемоданами, с узлами, с сумами, выходили вчерашние слушатели курсов. Эскадрон быстро оцепил всех и двинулся куда-то по улице.

Ветер с севера, путаясь меж улиц, рвал все на своем пути, бросая людей из стороны в сторону. Мы невольно растянулись беспорядочной ордой. Конвоиры-курсанты, прозябшие также, торопили отстающих. Бедные наши старики полковники, издерганные физически и морально, со своими узлами, они буквально изнемогали. Некоторые падали. Полковник Захарьин, все время болевший желудком, истощенный, но всегда приятный в обращении, просит помочь ему. Беру его узел. У меня никаких вещей. Полученная казенная шинелишка пошита из гражданского сукна, узкая и короткая, почему я и легок в движении.

У генерала Хоранова особенно много вещей. Власти оставили ему и седло, которое он тщательно скрывал от нас. Но здесь уже не скрыл. Его несет хорунжий Дробышев.

— Валентин Захарыч... Может быть, бросить его?.. На кой черт оно теперь сдалось? — слышу вопрос порою дерзкого на слово, но умного и логичного Дробышева.

— Как хотите, Александр Исидорович, — беспомощно и с жалостью к своему старинному осетинскому седлу отвечает Хоранов.

Но Дробышев седла не бросил. Высокий, сильный, бывший студент, он и здесь «разыграл» генерала Хоранова, пошутил.

Мы, Кавказцы, стараемся идти вместе. Хоменко, Храмов, брат Андрей и я — это неразлучная четверка, к которой примыкали Корниловцы, трое Лабинцев (Кротов, Баранов и Красковский), пластуны-учебняне и неизменные с нами Хоранов, Клерже, Долженко и Дробышев.

Шли долго. От быстрого, понукаемого конвоем движения, да еще с вещами, все были очень разгорячены. Наконец подошли к какому-то пустырю с воротами, с забором из шпал. Вошли, нас остановили и приказали «ждать».

Вправо от нас много поездных товарных составов. Все занесено, завалено снегом. Скоро все почувствовали холод, да еще какой!

Стража куда-то ушла. В глубоком снегу почти до колен, мягком, рыхлом, только что выпавшем, большинство присело на корточки, для отдыха. Присел и я и незаметно заснул. Вдруг будит брат со словами:

— Да ведь ты, Федя, так замерзнешь, иди вон туда, к кострам.

Я открываю глаза и вижу несколько костров, но тело мое так скорчилось от холода, что я едва поднимаюсь на ноги.

Выброшенные на ночь на пустырь энергичные офицеры под снегом достали шпалы, и теперь мы у костра. И так было приятно тепло спеди! Но спина — она была все так же холодна.

Все, чтобы согреться, бегали, плясали, размахивали руками, толкали один другого. Скоро костер погас. Шпал не достать. И стало еще холоднее.

Я буквально замерзаю в своей короткой летней шинелишке. Начиная бегать. Вдали вижу огонек в какой-то хатенке. Бегу туда. Это казенное зданище для стрелочника. Но оно полно нашими офицерами и конвойными курсантами. Посреди докрасна накалена чугунная печь. У столика командир, начальник красного эскадрона курсантов, дремлет. На его полуконусообразной шапчонке донской формы с красным верхом нашиты галуны. Мундир — с претензией на щегольство. Он при кавказской шашке в богатом серебре. Перекривившись всем своим телом и лицом, он спит, облокотившись на стол.

А «красные юнкера»?.. Забыв свои посты, они, переплетаясь телами со своими арестантами, спят вповалку на полу, на лавках, во всех углах и вообще там, где можно притулиться в домике.

Видя эту картину, я смело шагаю между ними к печке, быстро обогреваю себя и, найдя кусочек места среди мертвецко-спящих тел, склоняюсь на кого-то и быстро засыпаю в тепле, как счастливейший человек...

Сквозь сон слышал, как кто-то приходил и уходил, видимо, смененный караул; меня толкали, мяли, будили, но все это было напрасно. Впервые, я хотел спать, а во-вторых, я знал, что если я проснусь и уйду отсюда, то потом будет невозможно попасть опять сюда. Так лучше уж спать под толчки и понукания, чем, проснувшись и будучи выброшенным вон, вновь бороться за теплый сон здесь, в этом задохшемся от испарений воздухе.

Утром нас всех убрали отсюда. Взошло солнце и осветило картину нашего бивака. Оказывается, мы были во дворе одного из московских товарных вокзалов, где за ночь было все занесено снегом полуаршинной высоты.

Нам указали на товарные поезда. «Это для вас, размещайтесь», — сказали.

Двери вагонов были открыты, и все внутри было занесено снегом. Что делать? Полковник Хоменко не растерялся и здесь.

— Чего же вы стоите, черт бы вас побрал. Ищите метлы и выметайте снег! — бросает бодряще нам свою любимую фразу «черт бы вас побрал», которой он всегда выражал любовь к ближним. И сам бросился искать.

Я всегда удивлялся и восхищался, как в этом маленьком сухом теле было так много духовной и физической силы. И как он был всегда последователен и логичен. Лет же ему было только до тридцати пяти. Мы его очень уважали. И вот — кто-то и где-то достал лопату, обломок доски, и вагон наш был очищен от снега. Вошли в него, разместились, но... в нем ни нар, ни печи.

Скоты, скоты!.. Но только не знаю кто — мы ли, пленники, или они, власть? ! Кто бы мы ни были... каковы бы ни были наши «преступления» перед ними, но так обращаться с людьми? Ведь это 500 русских офицеров, наконец. Они учились, долго служили своему Отечеству, за него воевали, многие потеряли на войне здоровье, ранены были. И за что же это?.. Где и как мы должны погибнуть — их это не интересовало. Мы им нужны были только по необходимости, а дальше... а дальше, как сказал нам комиссар в Москве в Астраханских казармах: «Мы вас сгноим в мурманских лесах и болотах», а если и сегодня кто окоченеет от холода, для красной власти безразлично, или еще для них «лучше будет»...

Но никто из нас, 500 офицеров, тогда не окоченел от холода. Все оказались живучи, потому что все были закаленные воины.

Наш длиннейший поезд товарных вагонов направился куда-то на север. Испытав многие несуразности красной власти, мы уже не интересовались — куда нас везут... Для нас важно было как можно удобнее устроиться в своих вагонах.

Но какое может быть «устройство» в товарном вагоне, рассчитанном на 40 человек, без нар и печи?! Человек, как всякое живое существо на земле, будь то зверь или птица, привыкает, приспосабливается ко всему, чтобы жить. Приспособились и мы в своих нетопленых вагонах без нар.

Вологу проехали ночью. Значит, нас отправляют в Архангельск, заключили мы. Проснувшись, узнали — поезд идет на восток.

Обнаружили, что наши вагоны не охраняются часовыми. Смеем в расспросах и узнаем, что курсы перебрасываются в Екатеринбург. С нами едет и новый комиссар курсов. Он с конвоем помещается в головных вагонах. Старшим вагонов он рассказал следующее:

— Война с Польшей закончена. Но в Центральном комитете партии в Кремле были острые трения, так как Польша предъявила тяжелые условия мира. Часть Центрального комитета настаивала на продолжении войны, а другая за необходимость мира. В Москве к этому времени скопилось в казармах-лагерях и в Бутырской тюрьме около 9 тысяч пленных белых офицеров. Боясь, что воинственная часть совета может использовать их «для переворота» политического курса, решено было в одну ночь «разгрузить Москву». Всех из Бутырской тюрьмы направили в Архангельск, а курсы и кандидатов в Екатеринбург, где и будут продолжаться занятия, — закончил он.

Нам выдают только хлеб. На остановках больших станций можно政治局 кипятилок. Перед Вяткой мы вступили в район «шаников» и печеной брюквы, как главного деревенского продукта для питания и для продажи пассажирам проходящих поездов. «Шаники» — это наши ватрушки, но вместо сладкого свежего сыра они заполнены мятым картофелем, горохом или фасолью. Размером в большую ладонь — они мало вкусны, но зато заполняют тощий желудок. Брюквой раньше крестьяне кормили скот, теперь же ее пекут в печке, почти как лакомство для людей, вкусом и цветом похожую на сахарный бурлак. На них мы и набросились...

Поезд наш останавливался перед вокзалами или пройдя их. С покупками бегу к своему вагону и вижу, что вторая половина состава находится под сильной охраной часовых. Двери вагонов закрыты. При каждом вагоне часовой с винтовкой. Он по очереди выпускает по двое заключенных для отправления естественных надобностей здесь же. Картина стыдная до омерзительности. Стараюсь не смотреть на это и бегу дальше. Вдруг слышу знакомый голос:

— Дорогой!.. Купите мне что-нибудь поесть!

Поворачиваю голову и в приоткрытой наполовину двери вагона узнаю крупную фигуру полковника Захарова, бывшего командира 3-го Кубанского полка в Великой войне на Персидском направлении. Он в шубе-черкеске и в светло-каштановой папахе хорошего курпая. Но и папаха, и лицо его очень помяты. Он был также с нами «кандидат» на курсы, но заболел, не попал на них и теперь, как и все «кандидаты», не только не свободен, но у дверей ждет своей очереди, чтобы оправиться...

Я к нему, чтобы дать часть своих «шаников», как часовой, взяв винтовку наперевес, преградил мне дорогу. Но, как я уже писал, мы были «стреляные» пленники.

— Я из курсов, — твердо ему говорю.

— А-а!.. Ну тада можно, — ответил «почтительно» страж.

Больше я не встретил полковника Захарова и не знаю его судьбу. Их потом совершенно отделили от нас.

Нас везут по неведомым местам Вятской губернии. Все в снегу. Местность серая и скучная. Города и вокзалы с неведомыми нам именами. Новая остановка. Читаем — «Пермь». Вон уже где мы...

При губернских городах долгая остановка. Разрешается сбегать и в город, на базар. При каждой станции большого города висит черный дощатый щит на высоких столбах, на котором крупными белыми буквами писались главные новости, что происходило в красной России. Назывался этот плакат, кажется, «Устная газета». И вот в Перми мы читаем: «На Крымском фронте убит белый генерал Бабиев. Взят в плен Донской Атаман генерал Богаевский со своим штабом».

Испытав на себе вранье красных, мы не поверили этому сообщению, но в моей душе «екнуло» горестное чувство — там наши еще сражаются за правду, а мы тут...

Генерал Бабиев был, действительно, убит, а генерал Богаевский сам рассказал мне в Париже, что он действительно едва не был захвачен в плен во время прорыва красной конницы Жлобы.

После Перми мы вступаем в лесистую часть Уральских гор. Сплошной сосновый бор. Все в глубоком снегу. Мертвая тишина кругом. Маленькие редкие станции. Собачий холод. Съестного не достать. Поезд остановился на большой станции Кунгур. Но и в ней, кроме кипятка, ничего нет.

Мы «у цели». В Екатеринбурге

Дней через десять прибыли в Екатеринбург. Наш состав остановился перед городом. Мы изголодались. От группы Кавказцев бегу на базар. Убогие дощатые ларьки сплошь пустые. Холод, мороз сковал все. В одном из ларьков лежат две лошадиные ноги от колен с ободранной кожей и с подковами.

— Разве их едят здесь? — недоуменно спрашиваю торговца.

— Раньше не ели, а теперь и этому рады, — отвечает.

— А говядина есть? — переспрашиваю.

Он смотрит на меня, смеется.

— Да ты што, не здешний, што ли?

Я ответил, что не здешний.

— Ну, так бери, пока есть, а то и этих лошадиных ног скоро не будет.

Я знал, что, если вернусь с базара с пустыми руками, разочарование в группе будет большое. Все голодны. Прошу торговца отрубить копыта с подковами, чтобы не смущать ожидающих меня. И, взяв под мышки замерзшие конские ноги, быстро иду к своим.

В Костроме хозяйственный брат Андрей сделал для группы прочное ведро для варки пищи. Как оно пригодилось здесь! Развели огонь, снег в ведре скоро растаял. Положили туда ноги. И все смотрим в ведро, в ожидании. Вода закипает. Черная муть-пена от лошадиных ног густо идет вверх. Брат находит, что лучше «первую воду» слить и ждать навар «от второй воды». Мы даем ему в этом «карт-бланш».

Кипит и вторая вода. Чувствуется запах «навара», мясного навара, так приятно волнующего наши голодные желудки. Посолили. Подсыпали пшена. Заправили мукой. Суп готов. Мы вокруг ведра, стоя в снегу у своего вагона с большими деревянными ложками — Хоранов, Хоменко, Храмов, мы два брата, Саша Клерже и хорунжие Долженко и Дробышев, — неизменные и неразлучные во всем.

— Ну, Господи благослови, первый раз в жизни ем конину, — говорит Хоменко, снял шапку и перекрестился.

Перекрестились и мы и черпаем суп. На третьей ложке Хоранов выругался и перестал есть.

— Ну-ну, Валентин Захарыч, Вы еще не видали голода, — острит Хоменко и черпает ложкой густоту с самого низа ведра.

Мы все смеемся. Суп был вкусен потому, что мы много дней были без горячей пищи. Съели его полностью. А лошадиные кости, почерневшие, выбросили вон. Вот при каких обстоятельствах мы впервые ели конину.

Приказано выслать квартирьеров. Курсы будут размещены в бывшем епархиальном училище. От нашего вагона идем с Дробышевым. Комнаты распределены. Мы, Кубанцы и Донцы, почему-то держались отдельной группой от офицеров колчаковских армий и были как бы на первом месте. Наша группа состояла почти сплошь из штаб-офицеров, при трех генералах — Косинов, Хоранов, Мальчевский, тогда как у них были почти сплошь молодые офицеры и редко капитаны. Нас было около 120 человек, а всех 500.

Чтобы не нести вещи обратно, решили оставить их при управлении епархиального дома, где жили священники и делались церковные свечи. Старший священник разрешил, но, узнав, что мы офицеры белых армий, вдруг с испуганным лицом быстро говорит:

— Нет-нет!.. Места у нас нет!.. Забирайте скорее свои вещи и уходите отсюда!

— Батюшка, да только часа на два... Это же Святой дом! — горячо говорю ему.

Но он быстро запирает дверь.

— Уходите, уходите!.. Вы еще и нас подведете! — сказал и удалился.

Там, где мы искали к себе сочувствия, перед нами была захлопнута дверь. Оставив Дробышева с вещами на улице, спешу назад. Все выгрузились из вагонов. С вещами, с нашим комиссаром во главе, длиннейшей кишкой по снегу без дороги идем, как попало. Снег почти до колен. Он сыпучий. Идти трудно. Наш вагон — Кавказцы, Лабинцы, Корниловцы — идем в голове. Мы перекидываемся шутками, вспоминая суп из конских ног.

Чтобы сохранить веселое настроение, затянул вполголоса:

Чубарики-чубчики — ка-ли-на...
Малин-на, ма-ли-нна! —

подхватили идущие рядом Семейкин, зычным своим подголоском, и басы, Храмов и брат.

Комиссар оглянулся, улыбнулся и произнес:

— Веселые вы.

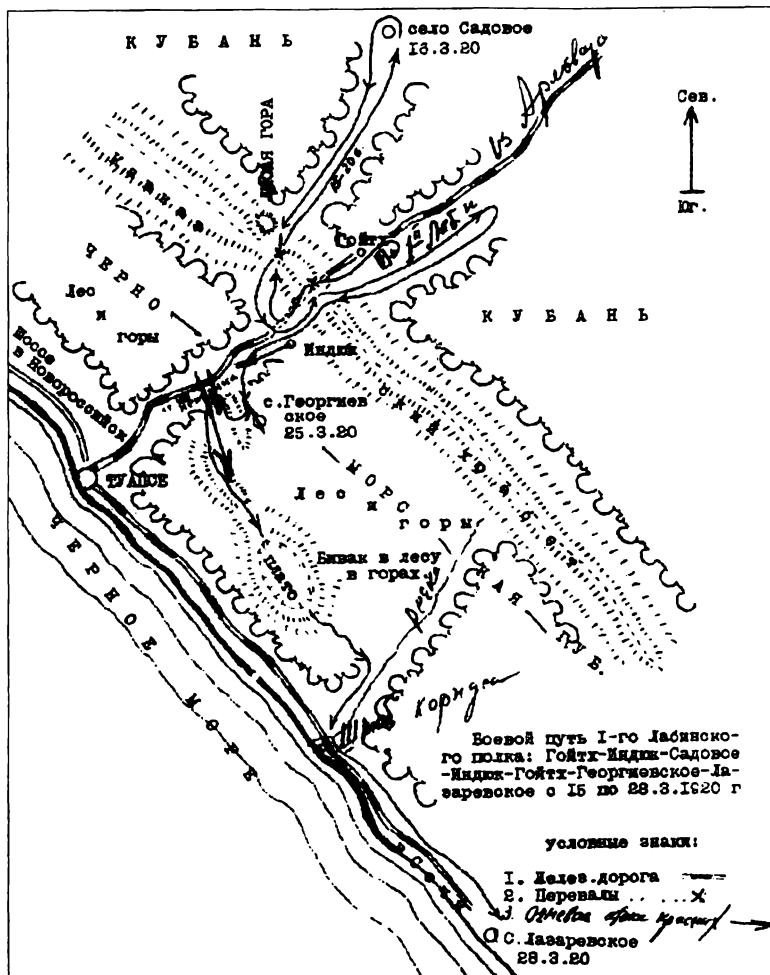
Как бывший офицер, он, видимо, сочувствовал нам. Этот случай потом помог нам и в жутком заточении дать концерт «Казачьей песни» в Екатеринбурге.

Новое заточение. Заложницы

Мы в бывшем епархиальном училище. При адмирале Колчаке здесь помещалась Академия Генерального штаба. Теперь это длинное, под углом на два квартала, двухэтажное кирпичное здание приспособлено для заключенных, как пленных офицеров, так и местной знати.

Во всех классах — нары, высотой по пояс человека на все четыре стороны. Посредине двойные нары голова к голове. Вокруг этих средних нар — узкий проход. Теснота исключительная. Никаких матрацев и подушек. Весь этот длинный, под углом, корпус не отапливается. Много окон на улицу. Стекла заморожены. Все двери выходят в широкий, длинный коридор на всю длину здания. Окна коридора смотрят на неогороженный двор-пустырь. Окон в коридоре немного, потому в нем и мрак.

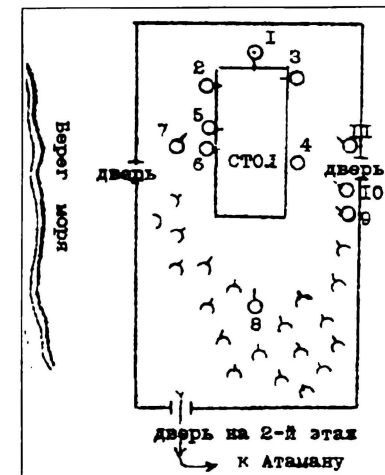
У главного входа на улице парные часовые с винтовками, тепло одетые молодые красноармейцы. У выходных дверей второго этажа также парные часовые. Им приказано с нами не разговаривать и никого не выпускать из коридора. В первой же камере от дверей были размещены Кавказцы, Лабинцы, Корниловцы и все офицеры 4-го Донского конного корпуса, вот почему мы быстро познакомились с часовыми.

Боевой путь 1-го Лабинского полка: Гойтх-Индюк-Садовое-Индюк-Георгиевское-Лазаревское с 15 по 28 марта 1920 г.

1-го Линейного генерала Вельяминова полка ККВ хорунжий А.Н. Нодковский, казак ст. Лабинской, лето 1916 г. Из семейного архива С.Ф. Титова

Заседание Войскового совета под председательством Атамана Букретьова в Адлере 18 апреля 1920 г.: 1. Атаман генерал Букретьов. 2. Генерал Шниффер-Маркевич. 3. Полковник Дрейлинг. 4. Генерал Сидоренко. 5. Генерал Секретев. 6. Генерал Голубинцев. 7. Балашев, член правительства. 8. Полковник Певнев. 9. Полковник Соламахин. 10. Полковник Елисеев. 11. Войсковой старшина Мальцев. «Все остальные штаб-офицеры, фамилии коих я не знал, стояли густой толпой в углу, от Соламахина чуть впереди и позади Певнева. (Ф. Елисеев)»

Генерального штаба генерал-майор В.Г. Науменко в форме Корниловского конного полка ККВ

Подхорунжий С. Дзюба, Сербия, 1920-е годы

«На добрую и долгую память Его превосходительству Генералу Фостикову от Имени казаков станицы Кармалиновской поименованных здесь. Аптон Багданов, Дмитрий Михеев, Иван Сыромятников, Сергей Сыромят, Игнат Петров, Даниил Сухоруков, Степан Каланников, Игнат Брежнев, Павел Шевляков, Ефим Партов, Иван Мацушкин, Сергей Мищеряков, Терентий Шапавал, Пифодий Черкашин» (надпись Лабинцев на обороте фотографии)

Прибытие казачьих частей в г. Вранье (Сербия), июнь 1921 г.

Генерал-майор В.Г. Науменко с дочерью Натальей среди казаков.
Крайево (Сербия), 1927 г.

Полковник Елисеев на Красавице.
Франция, 1925 г.

«На память г-ну полковнику Федору
Ивановичу Елисееву от Никиты
Ивановича сотника Дзюба, Атамана
имени ген. Зборовского станицы.
Сан-Франциско, 14 октября 1959 г.»

Генерал-лейтенант
М.А. Фостиков, офицер
1-го Лабинского генерала
Засса полка ККВ в
1908–1915 гг., начальник
Кубанской казачьей ди-
визии в г.Вранье
(Сербия), 1921 г.

Карта-побег

Кубанский Войсковой Атаман генерал Науменко (слева верхом) с казаками-джигитами. Сербия, 1920-е годы

Подковник Ф.И. Елисеев, командир 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ в 1920 году (на погонах шифровка Корниловского конного полка, в постоянные списки коего он был зачислен). Индия, 1936 г.

Войсковой штаб (слева направо): генерал-лейтенант М.А. Фостиков, генерал-майор М.К. Соломахин (стоит), полковник К. Булгаков, генерал-лейтенант А.Г. Шкуро, Войсковой Атаман генерал-майор В.Г. Науменко, генерал-майор В.М. Ткачев. Белград, 1943 г.

Войсковой праздник. Справа налево: дочь Н.В. Шабанова с Войсковой иконой, полковник Ф.И. Елисеев, полковник В.И. Третьяков, атаман Кубанской станицы в Нью-Йорке войсковой старшина Н.В. Шабанов, Кубанский Атаман войсковой старшина Б.И. Ткачев, начальник штаба ККВ войсковой старшина Г.Ф. Фенев, перед знаменщиками генерал-майор О.И. Лебедев. В гражданском зале храма, до Богослужения. 93-я улица, № Е-75, Н.-Йорк, 1960 г. Фото Н. Телятников

Весь второй этаж был отведен для курсов, а нижний — «для кандидатов», которых сюда доставили как арестантов, под замками в вагонах. Там же и арестованные гражданские лица, и кухня для всех.

Мы были уже за Уральским хребтом. Местность высокая. Холода здесь особенно сильные. Мы согревались лишь своим телом, дыханием, испарениями 30—40 тел да одеждой, у кого она была в достатке. Умыться было негде. Мы быстро загрязнились. Появились вши. Для пресечения этого в нашей камере постановили: проснувшись, каждый должен снимать свою рубашку и уничтожать вшей ногтями. Получалась веселая и забавная картина, чтобы не сказать грустная, когда 30—40 казачьих штаб-офицеров, сидя на нарах без рубашек, «бьют вшей». Но и это не помогало.

Мы еще никогда не испытывали такого ограничения свободы. Тюремный распорядок дня. В 8 утра чай. Конечно, без сахара. В 12 часов скудный обед. Часов в шесть — ужин. Потом проверка по фамилиям в общем коридоре, по камерам, выстраивающимся в две шерengi, и спать. Освещения никакого. И только духовная близость друг к другу, общие разговоры, частые шутки скрашивали наши мрачные дни заключения.

Радовал суточный наряд на кухню. Он начинался с 5 часов утра, когда весь город спал. Надо было приготовить пищу на полторы тысячи человек. За этот труд наряд хорошо питался, даже и мясом. Но он был суточным.

Прошел слух, что к нам помещают около 200 женщин-заложниц из Польши. Вначале мы не поверили этому, но это оказалось так.

Когда разбитая под Варшавой Красная армия начала отступать, были арестованы и вывезены в Россию женщины знатных польских фамилий. Теперь их препроводили сюда. Проходя мимо, видим их, размещенных прямо на полу, без кроватей. На них дорогие платья темных цветов, но уже сильно потрепанные, и никаких теплых вещей. Арестованы они были летом. Все молодые и красивые. Мы слышим их плач, горькие вздохи и какие-то умоляющие просьбы к часовому, но... чем может помочь часовой, «казенный человек»?..

Во всем длиннейшем здании не было уборной. Возможно, что их переделали в комнаты. Вот почему нас, для отправления естественных надобностей, партиями выводили во двор под охраной часового. Было стыдно и неприлично. Но еще было стыднее и неприличнее, когда этому способу должны были последовать и женщины. В таких случаях мы старались «не видеть этого». Часовые же вначале «гоготали» над женщинами, но потом и им было стыдно. Отворачивались и они, лишь торопя всех проделывать эту экзекуцию как можно скорее. Приняв во внимание глубокий снег во дворе, свирепый холод, нетруд-

но представить всю эту подлую картину и «следы» ее от полутора тысяч человек... Случились и роды. Нечеловеческий крик несчастных женщин, оглашавших здание, замурованное морозами, вызывал ненависть к власти.

Кубанский хор. Первый концерт

Хор образовался в Москве, в Бутырской тюрьме. Организаторами его были два брата Замулы, капитан и поручик нашего 4-го Кубанского пластунского батальона. Они из Анапы. Старший брат, капитан, окончил консерваторию. Случайно, и впервые, я услышал этот хор в Астраханских казармах, куда была переведена группа кубанских офицеров из Бутырки с генералами Абашкиным и Косиновым. Войсковой старшина Горбачев, сотник и адъютант 2-го Черноморского полка 1914 года, с которым я тогда подружился в майских лагерях под станицей Кавказской, дивный бас, знаток и любитель хорового пения, предложил мне войти в хор. Я согласился.

После вечерней переключки в широком коридоре идти спать в свою затхлую камеру было и рано, и тошно. Невольно образовывался кружок, и мы тихо запевали что-нибудь из песен черноморских казаков, как образных в своей грусти и в воинственности. На это тихое пение, как к огоньку, присоединялись ближайшие. Песни ширились. На противоположной стороне коридора устанавливалась тишина, и оттуда подходили уже колчаковцы, послушать и узнать — кто это так стройно поет?

Это было поначалу, а потом вошло в обыкновение — мы только начнем пение, как к нам присоединялись Горбачев, дивный баритон сотник Иодковский³⁵⁵ из штаба генерала Улагая, сильный второй тенор хорунжий Зебров, из заслуженных пластунских фельдфебелей, и другие, кто составлял в Москве хор Замулы. Этот хор не распался, но было так гнусно на душе, что было не до хора.

Приходили к нам и оба брата Замулы, слушали нас, но в пение не вступали. Парные часовые, стоявшие за замурованными морозом стеклянными дверьми, полуоткрывали их и затаенно слушали наше пение, явно неведомое им.

Старший Замула, регент, заинтересовался нашим пением и предложил делать спевки. Все охотно согласилось. Меня избрали администратором хора.

Как-то, после спевки, появилась мысль — дать здесь, для своих арестантов, концерт. Уполномочили Замулу и меня обратиться к комиссару. Он согласился и обещал выяснить «возможности», которые не

от него зависят. Скоро пришел ответ, что местная Чека дала право на концерт, но предварительно он должен ознакомиться с репертуаром песен, с их содержанием. Все песни были переписаны и представлены. И вот он вызывает меня и немного смущенно спрашивает:

— Можно ли в одной песне заменить слова вот эти — «пид московским караулом у тюрьмы»?

Я его понял и отвечаю:

— Можно заменить словами — «пид турэцкым караулом».

— Вот спасибо Вам!.. А то, знаете, того могут власти придраться, — радостно отвечает он.

В большой комнате, видимо бывшей церкви епархиалок, был устроен помост. Поставлены длинные лавки. Их заполнили все слушатели курсов, свободный от наряда караул со своим начальником, орангутанговского вида человеком, при котором уже была одна заложница-полька, ставшая его «наложницей». Неприятный он был тип: высокий, лицо рябое, злое, рот до ушей, длинные руки — горилла в образе человека.

Вошли и «почетные гости», человек пять членов Чека. Вошли твердой поступью, «достойно» своего властного положения сих мест. Как они были одеты? На каждом длинная доха до пят, охваченная широким желтым кожаным поясом. На поясе маузеры в длинных желтых кобурах, но не на боку, а на животе. Все при шпорах. На головах кожаные черные шлемы с острыми шишаками. На них, спереди, красная суконная звезда в ладонь шириной.

Доха — это сибирская верхняя одежда. Она имеет покрой нашего тулупа — широкая и длинная. Верх покрыт шкурой волка или собаки, шерстью наружу, а с внутренней стороны — мех. Шерстью наружу потому, что и в дождь, и в снег влага (вода) скатывается вниз по жесткой волчьей щетине и собачьей шкуре и не проникает вовнутрь. Лучшая и дорогая доха считается из волчьей шкуры, которую трудно достать. Крестьяне же носят (шьют) ее больше из собачьей шкуры, как более доступной.

И вот надо только представить вид этих пяти человек, крупного роста, в демонических головных уборах...

Если бы подобные фигуры появились на улицах наших станиц, то люди разбежались бы в стороны с криками: «Черти!.. черти идут!» А собаки завывали бы от страха... Таков был вид этих чекистов, наших «почетных гостей», в руках которых находилась наша судьба.

Какие были лица, глаза, лоб, рот, подбородок у этих людей — ничего не было видно. Все было закрыто «шлемами», надвинутыми до самых глаз, с опущенными бортами по шее и щекам. Виден был у каждого только нос и орбиты глаз.

Вошли, сели в первом ряду, вытянули ноги вперед и замерли, положив руки на колени. Позади них поместился весь караул.

Первое отделение нашего концерта дали офицеры колчаковской армии, поставив какую-то веселую, игривую шутку, закончившуюся дружными аплодисментами всех. Чекисты не аплодировали. Следующее отделение — наш хор.

Около 40 человек выстроились по голосам в гимнастерках, в сапогах. И хотя все было на нас не первой свежести, но, зятанные поясами, мы держали себя по-воински, даже по-офицерски.

— «Казачья молитва», — густым баритоном объявляет наш конферансье, стройный сотник Иодковский.

Ой, Ты Боже Мылосэрдный,
Боже щирый и прэщэдрый,
Прославляем Твою мылость,
Боже!.. взглянь на нашу щирость! —

тихо полилось со сцены, призывая к молитве тех, кто густой, темной толпой сидел позади чекистов и караула.

Дай нам, Боже!.. Дай из нэба,
Дай чого нам бильше трэба... —

просим мы Всевышнего в этой холодной и голодной красной тюрьме, и потом, словно потеряв свою веру в просьбу, вдруг кричащим аккордом к небу хор хватил во всю мощь своих голосов:

Дай нам мыру и покою,
Пид могуچهю рукою.

Я следил за чекистами — какое впечатление производит наше пение? И в эти минуты мне казалось, что они увидели в нас, офицерах Белой армии, попавших в такие жуткие условия, с установившейся кличкой «белые бандиты», людей, духовно стоявших выше них. Потому что так петь, так выражать в пении свою душу, так сохранить свою душу могут люди благородные и сильные духом.

Гудэ витэр вэзьмы в поли,
Рэвэ, лыст ломае,
Плаче козак молодэнький,
Долю проклынае, —

нежно зтянули мы следующую печальную казачью песню. Не знаю, что думали красные слушатели, но наши сотоварищи по заключению, вся толпа замерла, устремив сотни глаз на сцену, откуда в минорном тоне неслись эти жалобные слова.

Спели и еще несколько песен Черноморского казачества. Спели и «Закувала та сыза зозуля»... С воинственным призывом спели «Рэвуть стогнуть горы»:

Дэ ж вы славни Запорожци,
Сыны вольной воли,
Чом ныйдэтэ вызволяты —
Нас з тяжкой нэволи?!.

Все песни были явно контрреволюционные, с освободительным призывом «из неволи, из тюрьмы», в которой мы были. И как финальный призыв — Иодковский объявил последнюю песню «А вжэ лит бильш двисти, як козак в нэволи»:

Гэй-гэй!.. выйды долэ из воды,
Вызволь мэнэ козаченька из биды!..

Чекисты сидят молча, ничем не реагируя. Наше пение было так искренне, так вызывающе, что я, как администратор хора, подумал — а не придерутся ли они к этому? А хор продолжает с упреком:

С наризныць козацьких — сэрпы поробылы,
А гостри шаблюкы — на косы побылы, —

и вновь, ревом голосов, взалкал:

Гэй-гэй!.. вы козаки!.. молоди!
А дэ ж ваши коньчэнькы ворони?!

Мое сердце начинает сжиматься. Думаю — а вдруг вскочит на ноги кто из них и крикнет: «Стой!.. Кто это сочинил?.. Прекратить пение»

Кони наши в лузях,
А козак за плугом,
Гэй, ты козаче! Хопај ниж! (хватај нож)
Дэ побачишь ворижэнька — там и риж! —

оборвал хор резко свой последний куплет.

Зала молчит. Регент, капитан Замула несколько секунд смотрит на свой хор, будто не зная — что же ему делать? И потом, как всегда, неловко повернулся кругом и делает поклон всем слушателям, давая этим знать, что концерт окончен. И только после этого в рядах своих посылались довольно редкие и несмелые аплодисменты.

Песня призывала резать врагов казаков, в данное время красных конечно, но это открыто приветствовать нельзя было.

Чекисты и караул вновь молчат и сидят как мумии, не шелохнувшись, словно желая показать хору: «Ну, пойте, пойте... Послушаем еще вас... А там посмотрим — что с вами надо сделать»...

Чтобы стусевать неприятность, умный и тонко воспитанный сотник Иодковский оглашает следующую песню:

— «Пир у князя Гудала» из оперы «Демон» Лермонтова.

Из этого вновь выпирала контрреволюция! Бал?! Да еще у князя?.. Какого князя? Теперь ни балов, ни князей нет, а пленные казахи офицеры хотят вновь спеть что-то опасное?.. И хор под гробовую тишину, тихо, загадочно произнес-пропел дивные слова оперы:

Ноченка темная,
Скоро пройдет она.
Завтра же
С зоренькой
В путь нам опя-ать...

И потом воинственно заекотал:

Сядем на борзые, кони прекрасные!
Будем оружием на солнце блистать!
С бубнами!.. С плясками!.. С песнями!.. С громкими!
Завтра нас девушки будут встречать...

Русские слова, естественно, были более понятны красным слушателям. Даже прошла «усыпленность» чекистов, и они задвигались на своих стульях.

Но — довольно серьезных песен! Надо потешить души всех. Эта веселая песенка чисто украинского жанра, когда днепровские казаки, возможно состоя в польском королевстве, еще чумаковали в Крым за солью. В ней ярко выразилась доля чумачества бедного казака, и он не унывая, в своем природном юморе, всю вину в неудачах сложил на своего упряжного коня. На Кубани я ее нигде не слышал. И вот хор затянул печально:

Будо колысь — козаченько возыв силь та рыбу,
А тэпэр же, бидалага — тилькы сыру глыну...

Поясняя насмешку казака над своей горькой долей, весь хор игриво, монотонно зажурчал речитативом:

Силь взу, силь взу, горою, горою,
Конякою, конякою, рябою, рябою...

И потом, словно в последнем отчаянии своей неудачи, хор вскричал словами казака-чумака:

Гэй ну — сыва-грыва, ты коростява, паршива,
Краще б було мое дило, як бы тэбэ вовкы зылы!..
Гэй, ну!.. Гэй, ну!.. Гэй, ну-ну-ну-ну-ну!
Тпру-у-у-у, —

перешел хор в шутку, небрежно, и на все немзыкальные возгласы растворился в последнем слове «тпру-у».

Фурор был исключительный. Даже весело осклабились до того молчаливые чекисты. А наш комендант, человек-орангутанг, он так осклабился во весь свой широкий рот, как может смеяться только животное. Мы покорили власть и... с первого же выстрела. Занавес «от руки» — и мы приготовились к лезгинке.

Я никогда не танцевал лезгинку в гимнастерке. Этот классический кавказский танец можно выявить доподлинно только в черкеске. Генерал Хоранов не хотел выступать один, считая это несолидным для него, как генерала. У него большой багаж. Он одинок. Багаж — это все его богатство человека, не имеющего семьи. У него три черкески с бешметами. Ему позволили сохранить и иметь при себе седло и кинжал. Чтобы выступить вместе, он подарил мне свою старую серую дачковую черкеску, довольно потертую, и черный легкий кашемировый бешмет. Мы с ним одного роста, но он гораздо шире меня в плечах и в талии. То, что не одел бы на Кубани, — здесь это возможно.

Наша сцена открылась «биваком» — лежа, сидя, как кто хотел. Незменная песнь «Горе нам, Фези к нам, с войском стремится». Потом «гик», все вскочили на ноги и ударили в ладони, в такт. И автор этих строк выскочил вперед, как обыкновенный казачонок. Пройдя по кругу, я должен был пригласить Хоранова. Он входит в раж. Он по-настоящему, по-осетински, умело и звучно хлопает в ладони своих сильных рук, давая этим очень умелый темп. Пройдя раз-другой по сцене, делаю «па на когтях». Колчаковские офицеры поднимаются на ноги, желая рассмотреть воочию этот танец, мало кому ведомый из них. Пройдя еще полкруга, приглашаю манерою горца на танец Хоранова. И наш «Кавказский Уджуко», прикрыв глаза, легко, привычно, по-осетински изящно, словно балерина, пошел в свой тур танца.

Хоранов всегда танцевал лезгинку так красиво, стильно и изящно, что его в ней всегда, еще из Мерва, приятно было смотреть. Она у него природная. Ему тогда было 45 лет. Он широк в плечах, но легок в ногах. У него легкие «па на пальцах» («на когтях», как говорят казаки) и со многими комбинациями.

Фурор лезгинки был неописуем. Два раза вызывали на бис. Танцевали на примитивном помосте. Занавес задергивался рукой. Наш комиссар что-то докладывал чекистам. Те кивали, видимо, в знак одобрения.

И только весь хор сошел со сцены вправо, как к нам подошли все пять чекистов в своих страшных костюмах. Один из них, нужно полагать главный, произносит:

— Мы думали, что казаки как степные народы-полукочевники, а вы, оказывается, совершенно культурные люди... И мы впервые слышим такое интересное пение.

Мы слушаем молча. Слова эти были произнесены правильным, литературным языком и человеком, безусловно, интеллигентным.

Я хочу заглянуть в их души через их глаза, но под низким покровом шлема нельзя рассмотреть, что они думают. Под дохой и шлемом они выглядят страшными и недоступными. Лица без улыбок. Сжатые губы. Острый взгляд. Никаких лишних движений. Лица бритые и как будто интеллигентные. Возраст 30—40 лет. Это все, что я мог рассмотреть, определить в течение нескольких секунд. А старший из них продолжает, уже обращаясь к Хоранову и ко мне:

— Как это вы становитесь на пальцы?.. Не бойтесь, что они поломаются?

Разговорчивый Хоранов что-то ответил им «о лезгинке с детства и пальцы уже привыкли». Присутствующий комиссар все это слушает, но в разговор не вступает. Короткий поклон нам, и они ушли.

Концерт дал нам маленькое духовное удовлетворение, освежил наши мозги и сердца и дал пищу для приятных разговоров на несколько дней.

Но, как оказалось, мы завоевали симпатии властей. После этого нам разрешено было ходить в город, имея увольнительные записки от коменданта здания, которым являлся тот «широкоротый», он же и глава постоянной охраны. Стали выдавать сахар к чаю. Потом хор давал концерты в некоторых заводах в окрестностях Екатеринбурга. Наш регент, капитан 4-го Кубанского пластунского батальона Замула, не только приобрел здесь популярность как знаток хорового пения, но потом сделал себе на этом карьеру. Его вызовут в Москву. Так, и в жутких невзгодах, мы служили своему родному Кубанскому войску, песнями прославляя его славное имя.

А похвала врага есть лучшая похвала — как говорит мудрая пословица.

ТЕТРАДЬ ТРИНАДЦАТАЯ

Казаки за Уральскими горами

Наше концертное выступление в тюремном заточении, безусловно, понравилось красной власти. Через комиссара было запрошено — желаем ли мы давать концерты для рабочих на заводах, но бесплатно? За это администрация завода угостит нас хорошим ужином и «на дом» выдаст по одному фунту белого хлеба на каждого человека.

Соблазн был велик. Во-первых — мы можем побывать на воле несколько часов; во-вторых — хоть иногда наесться, как следует; а в-третьих — получить целый фунт хлеба на руки, да еще белого. Сопровождать нас на вечерние концерты будет «только один красноармеец с винтовкой». Мы дали согласие.

После одного концерта стоим на сцене при закрытом занавесе в ожидании положенного фунта белого хлеба. Ужина здесь нет. Кто-то позади обнимает меня рукой за талию и произносит:

— А-а!.. Попался?.. Я тебя сразу же узнал!

Оглядываюсь и узнаю Оренбургского Войска хорунжего Шеина, выпуска Оренбургского казачьего училища 1910 года. Неожиданность была полная и приятная. Он поведал, что в конце 1919 года Красная армия вытеснила их из Оренбурга. Армия Атамана Дутова отходила в степи, в Туркестан. Казаки пали духом. Было и холодно, и голодно. Куда идти? Он полковник и командир полка, состоявшего почти сплошь из его станичников. Решили не идти дальше. Уговорили и его остаться. Красные предложили полную амнистию. Отобрав у казаков только оружие, всех распустили по домам, не отобрав и лошадей. Главой Оренбургского красного края был его сверстник по училищу, подьесаул Каширин. Принял по-дружески и назначил сменным офицером в Оренбургское красное кавалерийское училище, сохранив при нем и его кровную кобылицу. Потом было распоряжение из Москвы — арест всех белых офицеров, лагеря и... сейчас на путях стоит их поезд — высылают куда-то в Сибирь.

Через несколько дней нам подали низкие разлапистые сани и повезли на один из металлургических заводов, за городом. Здесь мы впервые познакомились с заводской жизнью и рабочими. Наше пение их очаровало. Тишина стояла при выступлении, и каждая песня вызывала у них гром восторженных аплодисментов. Потом администрация говорила, что они впервые слышат здесь подобное пение, ранее им совершенно неизвестное.

Они знали — кто мы. И это вносило в их души и любопытство, и предупредительность, и желание обласкать нас. Мы уже отвыкли от мирной жизни и от людей в хороших костюмах. Нам удивительно было видеть новую администрацию богатейших уральских заводов, одетых в черные «тройки» и в галстуках.

На Кавказе мы привыкли видеть рабочих в простых сапогах, в неизвестного цвета «спиджаках», в косоворотках и с какими-то блинами-кепками на головах, почему и удивились, столкнувшись с администрацией завода, сплошь людьми интеллигентными, с инженерами и служащими меньших рангов.

Мы, офицеры, так далеко стоявшие от заводской промышленности, совершенно забыли, а некоторые из нас, может быть, и не знали, что все

они здесь живут и работают десятки лет, из поколения в поколение, все друг друга знают давно, всякий завод или фабрика есть самостоятельная единица, управляется учеными людьми, и, каково бы ни было «революционное равенство», в работе по специальности его быть не может.

Здесь мы получили очень вкусный мясной суп, в изобилии самую настоящую пшеничную кашу, заправленную коровьим маслом, и по фунту хорошо выпеченного белого хлеба. Ели за общим столом, подавали нам еду интеллигентные женщины, жены администрации завода.

После концерта бал, самый настоящий бал — с вальсом, венгеркой, полькой и остальными танцами. Танцующих из нас представили своим дамам, и некоторые так же танцевали «по-старому», на время забыв душевную тяжесть.

Через несколько дней на автомобилях нас повезли на какой-то очень богатый завод в лесу, принадлежавший раньше видному заводчику-староверу. Завод был величественный. У бывшего хозяина была даже семейная личная церковь. Администрация завода приняла нас особенно внимательно. Концерт прошел блестяще. После него накормили нас отлично. Начался бал. Мы стоим и наслаждаемся наблюдением за танцующими. Кто-то обращается ко мне и говорит:

— С Вами хочет познакомиться одна наша здешняя артистка, — и ведет меня к ней.

— Вы очень хорошо танцевали лезгинку... Я сама артистка, можете ли Вы научить меня? — встречает меня такими словами очень изящное молодое красивое существо.

Я соглашаюсь. Потом, в несколько уроков, научил ее. О ней потом.

Наших концертов было немного. Меж ними мы продолжали оставаться все в той же тюрьме и голодали. Днем, по отпускным запискам, ходили на базар-толкучку в поисках хлеба, менюю на сахар, который нам стали выдавать по несколько кусков в неделю. Редко кто ходил в город, в особенности старики. От нашей группы Кавказцев ходоками на толкучку были мы с хорунжим Долженко. Базар в узком переулке. Он кишит народом. Есть и примитивные лотки, но больше продается и меняется «из-под полы».

В один из дней я на толкучке. Неожиданно вижу в толпе казака-великана, который на голову выше всех в ней. Он в приличной, но потертой черной каракулевой папахе и в черкеске защитного сукна военного времени Конвоя Его Величества, подбитой мехом, с курпейчатой оторочкой по грудному вырезу черкески до пояса, как это принято у казаков и горцев Кавказа.

Столь неожиданная встреча здесь, несомненно, урядника Собственного Конвоя Императора Николая II, последнего Российского Госуда-

ря, расстрелянного красными в Екатеринбурге в июле месяце 1918 года, не могла меня не заинтересовать — как он сюда попал и зачем? Он блондин, без бороды, русые усики, широкоплеч, строен. Поворотами головы во все стороны, вижу, он активно ищет купить что-то. Сквозь толпу, приблизившись к нему на шаг, тихо, но внятно произношу:

— Здравствуй, брат-казак...

— Здравствуйте, — нерешительно отвечает он, подозрительно осматривая меня, одетого в паскудную шинель и солдатскую репаную шапку.

— Кубанец? — спрашиваю.

— Нет, терец, — отвечает он и активно рассматривает меня с головы до ног серьезными глазами.

— Конвоец? — допытываюсь, смотря ему прямо в глаза

— Да-а... А Вы кто?.. Откуда Вы это узнали, што я конвоец? — уже и он с интересом и любопытством спрашивает меня, вперившись в мое лицо, изучая его.

— Я, брат, кубанец... полковник, многих нас сюда сослали. Не бойся, говори смело все мне. И в доказательство своих слов отворачиваю полу шинели и показываю ему свои синие английские бриджи, полученные мной под Воронежем, перешитые «на очкур», как явный знак казака.

Убедившись в моей личности, он быстро оглянулся кругом, видя, что никому нет никакого дела до нас, склонился ко мне (ростом я был ему только до плеча) и быстро говорит:

— Ну, што, господин полковник?.. Што же дальше будет?.. Вот-то дожились!.. раньше своим мундиром гордились, а теперь вот все я отпорол с шубы-черкески конвойца, а вот Вы все же узнали, что я конвоец, — и, как бы передохнув от своей исповеди и глядя на меня, продолжил: — А Вы-то, господин полковник, в каком виде?! Ну, што это?.. На што это похоже?!

И он мне рассказал, что два эшелона кубанских урядников уже прошли Екатеринбург, а их эшелон третий, только что прибыл сюда, стоит на путях и разрешено «пробежать на базар». Всех направляют на восток от Уральских гор, на работы в соляных копях.

Расставаясь, мы крепко пожали руки. На душе было тепло, даже и в такой обстановке повидав брата-казака с родных мест.

Хорунжий Григорий Долженко был скромный и добрый человек. У него похвальная способность — незаметно для других все высмотреть и узнать, а потом рассказать нашей группе.

Придя как-то из города, он поведал нам, что на товарной станции имеется большая столовая с кухней, в которой кормят все проходящие эшелоны красноармейцев. Он уж был там, познакомился с главным поваром, который его накормил и просил заходить и дальше. Должен-

ко, конечно, скрыл, кто он. Повар — из пленных мадьяр и на родину возвращаться не хочет. После раздачи пищи от остатков может дать котелок супа или каши и на дом.

Как не воспользоваться таким случаем — и вдоволь покушать, да еще, может быть, в свою группу принести котелок гречневой каши? И мы с Гришей двинулись на раздобычу с котелками и в репанных шапках.

Мы там. Вместительная столовая. Высокая чугунная печь накалена докрасна. С холода — мы прямо к ней, чтобы отогреться. Повар-мадьяр, небольшого роста, широкоплечий, стоя на возвышении, большим ковшом разливает суп из громадного котла. Он как бы священнодействует при раздаче.

Стоим с Долженко у печи и греемся. Открывается дверь, и с холодным паром в столовую входят люди в шинелях, в шубах, в папахах. Несомненно — кубанские казаки. Чтобы не быть узнанными в столь паскудном виде, который мы имели с Долженко, отошли к стене. Вошедшие окружили печь погреться. Стоим и наблюдаем. Вновь открывается дверь, и входит новая группа. В шинели, в рыжей папахе, узнаю своего пулеметчика Корниловского конного полка по 1918—1919 годам, бывшего прапорщика Семена Дзюбу. Здоровый, рыжий, неуклюжий, но храбрый пулеметчик. Он из урядников-пластунов Великой войны. Войдя, Дзюба осматривается по сторонам. Чтобы не попасться ему на глаза, его командир, находящийся в таком позорном положении, поднял воротник шинели. А он, старый казачина-воин, сразу же узнал меня. Повернув в нашу сторону и подойдя, громко произносит:

— Здравия желаю, господин полковник. Как Вы здесь? — спрашивает коротко, привычно козырнув рукой.

— Не говорите громко и не называйте меня по чину, — тихо говорю ему, протягивая руку.

Коротко рассказав о своей группе, спрашиваю о прибывших. Это, оказывается, прибыл эшелон кубанских офицеров в младших чинах и урядников, которых ссылают куда-то за Урал.

Хорунжий Долженко принес новую весть: в монастыре, что против нашего епархиального училища, разместили эшелон урядников, высланных с Кубани. Немедленно же иду туда.

Монастырь огорожен белой стеной. В центре старинная церковь. Вхожу во двор. В нем, в тулупе, мрачно гуляет высокий казак в папахе. Увидев меня, казак вынул руки из рукавов тулупа и удивленно смотрит на меня.

— Лопатин?.. Вы ли это, дорогой? — радостно спрашиваю.

— Так точно, господин полковник... Это я. Здравия желаю! — бодро, по-старому отвечает он.

В 1913 году, когда я прибыл в город Мерв Закаспийской области молодым хорунжим в свой 1-й Кавказский полк, он был старшим урядником, помощником заведующего оружием, как окончивший Ораниенбаумскую школу (под Петербургом), куда командировались грамотные казаки со всех полков для прохождения курса по оружейному и кузнечному делу. По окончании ее они носили погоны как у юнкеров, но обшитые по краям желтой тесьмой. Лопатин был полковым подмастерьем, которого все знали. С полком он провел всю войну на Турецком фронте и в бытность мою полковым адъютантом был в моем подчинении.

Высокий, стройный блондин — в нем было что-то благородное от природы. Он сын урядника-конвойца станицы Архангельской.

От него узнаю, что с Кубани, из станиц, красные извлекали всех урядников и вот их, свыше 500 человек, высадили здесь и разместили в сараях монастыря.

— Я хочу посмотреть казаков, — говорю Лопатину.

— Не стоит, Федор Иванович, не интересно... Я и сам вышел отсюда, чтобы освежиться на воздухе, — вдруг отвечает он.

Но я хочу видеть своих казаков-урядников здесь, в изгнании, и мы входим в ближайший сарай. В мрачном бараке, в полутемноте, на полу (не было и нар) лежали, сидели, курили, громко разговаривали, кружками играли в карты люди в овчинных казачьих кожухах, в папахах — смуглые, небритые, давно не умывавшиеся. О чем они говорили, чего хотели, что думали, увидев эту картину, — не нужно было спрашивать. Мне это было понятно. Если мы, их офицеры, в неволе молча переносили всю тоску заточения, сознавая «свое участие в борьбе с красной властью», то что могли думать эти простые воины, оторванные от своих станиц, от хозяйства, от своих семейств, загнанные в неведомую для них северную даль России и, как животные, размещенные в нетопленых сараях без окон?..

Дом Ипатьева. Страшная весть

Мы не знали, чем было вызвано перемещение курсов в центр города, в харитоновский дворец, что на Воздвиженском проспекте. Этот дом-дворец и загадочная жизнь его хозяина, миллионера Харитонова, описана сибирским писателем Маминым-Сибиряком в его романе «Приваловские миллионы». От самого громаднейшего дома с белыми колоннами на длинной нижней веранде, как бы удерживающими на себе тяжесть второго этажа, с сосновой рощей позади, круто падающей вниз, где происходили (по роману) оргии купца Харитонова, веяло какой-то

таинственностью. Но самое главное — против харитоновского дома, буквально угол на угол, стоял дом инженера Ипатьева, в котором была расстреляна Царская Семья с самим Императором.

На трагический дом мы смотрели с ужасом. Были мы и в переулке, куда выходила та комната нижнего подвального этажа, где была уничтожена Царская Семья. Этот узкий, пустынный переулок круто падал вниз, к городскому пруду. Высокий забор в полтора-два роста человека, словно умышленно построенный так, чтобы посторонний глаз с улицы не мог видеть, что творится во дворе, закрывал сосновый бор, дышащий жуткой таинственностью.

Мы разговаривали с жителями о Царской Семье. Никто тогда не верил, что Семья Императора расстреляна. Они даже возмущенно говорили, что все это провокация красных. «Царь увезен... и он еще вернется», — заканчивали они свои слова.

О гибели Царской Семьи мы сами ничего тогда не знали, и я только за границей узнал все подробности.

В харитоновский дом, на курсы, вселили пятерых офицеров, прибывших из Архангельска. Узнав, что мы кубанские офицеры, они как-то странно, испуганно посмотрели на нас. Все они молодые поручики, подпоручики и один капитан лет под тридцать. Они саперы по образованию. Как-то в разговоре капитан спросил — знаем ли мы о судьбе тех кубанских офицеров, которые в количестве 6 тысяч были сосланы в Архангельск? Мы заинтересовались, и они рассказали.

«Прибывших в Архангельск в августе—сентябре 1920 года, их пачками грузили в закрытые баржи, вывозили куда-то вверх по Северной Двине и на каких-то пустырях расстреливали. Потом баржи возвращались, в них грузили следующих — и так пока не уничтожили все шесть тысяч... Караул состоял исключительно из пленных мадьяр-коммунистов», — закончили они свой жуткий рассказ.

Этот капитан саперных войск еще добавил, что по возвращении барж за новым нарядом на расстрел офицеров Кубанского Войска на полу и на стенах барж было много крови и даже вывороченных человеческих мозгов. В стенах находили прощальные записки к родственникам, полные смертельной жути. Расстреливали из пулеметов. (На вопрос Елисеева: «А как они сами остались живы?» — капитан ответил: «Мы — саперные офицеры. По назначению — мы трассировали могилы, вернее, просто рвы. Нам дали амнистию». — П. С.)³⁵⁶

Это были те кубанские офицеры и военные чиновники, которых красная власть вывезла во время десанта на Кубань. Три поезда арестованных мы встретили тогда в Москве. Расстреляны-уничтожены были все шесть тысяч. Увезены на север и как в воду канули. Узнав, что я

бежал за границу, из станиц и из Екатеринодара запрашивали меня жены увезенных, что я знаю о судьбе их мужей, так как никто не получил от них ни одной весточки³⁵⁷. Запрашивали, когда я жил уже во Франции и прошло около десятка лет с их гибели. И найдется ли когда-либо это жуткое место их упокоения?!

Заккрытие курсов. Концерт

Заккрытие курсов, которые в Екатеринбурге и не продолжались, порадовало нас лишь тем, что с этого дня будет решена наша судьба.

Кто-то «сверху» руководил программой вечера. Офицеры-колчаковцы дадут какой-то водевиль. Мы, кубанцы, — концертное отделение. Уведомлено было, что выступит известная балерина бывшего Императорского театра, проживающая в Екатеринбурге. Концерт-бал будет в театре музыкального общества имени Менделеева. Моя ученица, молодая женщина, жена писателя и артистка, хочет выступить на этом концерте в лезгинке вместе со мной. Понимая ее артистическое стремление, я соглашаюсь, но с условием, что она достанет соответствующие костюмы, что, по ее словам, вполне возможно.

И вот мы в «Уральском государственном хранилище», как оно официально называлось. В нем, действительно, очень много дорогих костюмов. Заведует ими старый костюмер, очень любезный.

— Не думайте, что это все специально сшитые для театра, — говорит он мне. — Это просто реквизировано у местной знати... И вот я, старый дурак, должен хранить чужие вещи и называть их «государственными».

Костюмы выбраны грузинские, белые, расшитые золотыми галунами. Черкеска с откидными рукавами. Все белое с золотом. Белая и косматая папаха. Моя ученица должна быть в чадре, с полузакрытым лицом.

Офицеры-колчаковцы хорошо сыграли что-то веселое. На сцене появились горцы в лесу. Они ждут Шамиля на молитву — сидя, лежа. И вот из-за кулис появляется Шамиль в длинной черкеске, в высокой папахе, перевязанной белой кисеей с длинными концами, спадающими вниз за спину. При его появлении все горцы быстро вскочили на ноги и почтиительно потупились перед ним.

«Шамилем» был есаул Константин Михайлопуло, сын полицмейстера города Екатеринодара. Удивительная личность, о которой нужно сказать.

Шутник, весельчак и озорник по натуре. Грек по рождению, но кубанец по предкам на Кубани, видимо, еще тогда, когда и не было Кубанского Войска. Окончил Екатеринодарское реальное училище и стал офи-

цером во время войны. Он чисто и красиво говорил по-черноморски, как на природном своем языке. Анекдоты и остроумие его были исключительны. Это был природный комик и имитатор. Выше среднего роста, стройный, в высокой черной папахе, с наклеенной бородой, он исключительно тонко изобразил Шамиля. Как человек хорошо воспитанный и грамотный — он умно и точно передал образ того, кого изображал.

По крови грек, он был светлым блондином с рыжеватым оттенком волос, и только сочные губы, правильный профиль лица и широкие глаза темного цвета выдавали в нем неславянское происхождение. Он нам всем нравился своей беззаботностью, добротой и товариществом.

И вот, когда Шамиль пропел несколько стихов, тихо, медленно вступал весь хор: «там-там-там-там» и, постепенно учащая темп, перешел в азарт. Первым в танец выбросился войсковой старшина Семейкин, потом черкес-корнет Махмуд Беданокоев, генерал Хоранов. За ними неожиданно из-за кулис выпорхнули мы, пара во всем белом. Зала гремела от аплодисментов. Лезгинку пришлось повторить еще два раза.

Выступление нашего Кубанского хора с апофеозом лезгинки имело исключительный успех. Мы знали, что оно может быть «последним» в нашей общей жизни, а дальше что будет с нами — мы не знали. И если говорить о «лебединой песне» Кубанской армии, оставленной на берегу Черного моря в апреле 1920 года, то с наболевшей душой ее исполнило ядро офицеров армии, волею судьбы заброшенное в горный Урал.

Мы сосланные, бесправные, поднадзорные в красной России, над которыми всегда висел «меч смерти»... В особенности сиротливо чувствовали себя офицеры Донского Войска. Оба гвардейца-артиллериста, окончив курсы в Москве, были назначены куда-то по артиллерии. Осталось девять. В заточении епархиального училища они разместились в одной камере с нашей группой, в которой, кроме 45-летнего генерала Хоранова, самым старшим штаб-офицерам было не свыше 35 лет, а молодым — от 28. Этого возраста были и донцы. Исключительная скученность на нарах с узкими проходами, холод, грязь, голод братали нас. Говорили обо всем. Они «красновцы». Атаман Краснов — их бог. Генерал Мамантов — величественный герой. Тихий Дон — их государство. Вне него жить и служить — не вмещается в их понятии. У них была своеобразная Войсковая гордость, о которой они не говорили, чтобы не расплескать свое святая святых. Красных они ненавидели как чужеродный элемент. Между собой жили дружно и чуть замкнуто от нас, кубанцев. Осознавая в душе признанное всеми казаками имя «старшего брата» — их было очень мало перед нами, кубанцами, чтобы иметь главенство в чем-либо в нашей жизни. Ко всему, что творилось на курсах, они относились иронически. И даже наш концерт интересовал их

постольку, чтобы еще раз послушать песни кубанских казаков, с которыми они так подружились. А после него все та же серая жизнь и невведение завтрашнего дня. Мы все, донцы и кубанцы, были птенцы из разоренного Казачьего гнезда, выброшенные в полную неизвестность.

Распыление. «Последнее прости» с братом

Курсы закрылись в середине декабря. Какая-то искрочка предстоящей «свободы» радовала нас, но какая она будет — никто не знал.

Нам объявили, что война с Польшей окончена, в Красную армию нас не поставят, а назначат на гражданские должности по специальностям полученного образования. Раздали короткие анкеты, в которых каждый должен указать, «на что способен и по какой специальности хочет получить место».

Какая может быть «специальность» у строевого офицера? Это поставило нас в тупик. Все же написали, «кто на что способен». Брат написал, что он «техник по образованию», а я — «спортсмен по гимнастике». Всех нас было 500 человек, и всем надо дать службу. И вот — началось.

В разные учреждения Уральского округа требовались опытные люди в канцелярии. В наш харитоновский дом приезжают председатели многочисленных учреждений, вызывают по фамилиям, знакомятся и тут же забирают к себе.

Как долгие и опытные адъютанты, были вызваны наши старые Кавказцы — полковники Удовенко и Гридин, получив должности главных секретарей в каких-то заводских учреждениях. Через несколько дней к нам пришел Удовенко и рассказал о запущенности в его канцелярии, которую он сразу привел в порядок.

Донского Войска подьесаул Карнаухов, умянга, бывший станичный учитель, получил должность секретаря окружного управления здравоохранения. Глава ее, женщина с высшим образованием, местная еврейка, имела богатую аптеку и, чтобы сохранить ее, записалась в партию. Так и поведала Карнаухову, передав ему даже печать своего учреждения.

Курьезов было много. Вдруг заходит к нам генерал Косинов, всегда бодрый, чисто выбритый, в неизменной своей длинной офицерской шинели защитного цвета и в крупной папаше черного курпоя — и громко, весело, еще не поздоровавшись ни с кем, выкрикивает:

— Господа-а!.. А я назначен в Чека жандармом!.. Снимаю мешочников с поездов!..

Любя и уважая этого маститого, сердечного, широкого по натуре генерала-казака, мы весело расхохотались. Смеется и он и тут же говорит,

что он «никого не снимает, а пропускает несчастных крестьян с их мешками». (Скоро все старики будут отпущены на Кубань, и в 30-х годах Косинов, бурная натура, будет расстрелян в Ростове.)

Как техника по образованию, брата назначили на Нытвинский завод, находящийся под Пермью. Он командирован туда один из нашей группы. Человек исключительной доброты, душа общества, которому так были необходимы рядом близкие ему люди, он единственный отрывался от нас и уезжал в такую даль от Екатеринбурга. И он, и я взгрустнули сильно. Предстоящая разлука сковала наши мысли.

День разлуки настал. Его поезд в Пермь отходит в 10 часов вечера. Все остающиеся в Екатеринбурге окружили «Андрей Ивановича», как называли его все. Его очень полюбили и донские офицеры. Все шутили, острили, желали ему счастливого пути. Брат улыбался, отвечал им на шутки, но я видел, как тяжело ему было расставаться со всеми нами и в особенности со мной. Его веселость была напускная. Я хорошо это видел и в его добрых глазах, и в его слегка перекошенном страдальческой гримасой лице. Я молчал и глубоко переживал эту разлуку. Сердце тосковало. Мы расставались против нашего желания, может быть, очень надолго. И как оказалось, мы расстались навсегда.

Брат, грустно и неловко распрощавшись со всеми за руку, подошел ко мне, к последнему. Подошел и остановился, боясь произнести слово «прощай». Боялся этого слова и я. Да и при всех я не хотел прощаться со своим братом.

— Я тебя провожу, Андрюша, — говорю ему, и мы вышли из двorca-казармы, прошли двор, вышли на улицу и остановились молча.

Стояли сильнейшие декабрьские морозы. А в тот вечер, как нарочно, шла сибирская пурга. Все крутило, завывало, морозило кругом и без того морозный горный Урал. Через 10 шагов уже не видно было человеческой фигуры. Я вышел в своем хорановском летнем кашемировом бешметике, чуть выше колен, и в маленькой шапчонке. Брат был одет в кургузый овчинный полушубок, в папахе, имея на плечах грубый серый строевой башлык. На сгибе локтя висело его самодельное ведро из жести, в которое был сложен весь его багаж. На улице пурга резко ударила нам в лицо, пошла под полы одежды и во все щели наших невзрачных костюмов. Мы стояли. Все было переговорено, и на душе образовался какой-то комок грусти, не позволявший говорить... Это всегда бывает так, когда расстаешься с дорогими для тебя существами, уезжающими, уходящими куда-то далеко, в неизвестность...

Брат, словно желая продлить час разлуки, стал очень медленно завязывать свой башлык поверх папахи. У него это получалось очень неловко. Он завязывал башлык, потом развязывал концы его, будто поправляя

их, и мы молчали. Ведро-цыбарка, как ценная валюта для обмена на хлеб у крестьян, стояло тут же, в снегу, и ждало. Наконец, брат, видимо, понял, что надо прощаться. Неловко, запутываясь в словах, он произнес:

— Ну... до свидания, Федя, — и, взяв меня за руку, обнял и неловко поцеловал в губы.

Его усы обледенели, и я почувствовал холодную влагу и усов, и губ. Разнявшись после объятия, он медленно взял ведро, положил его дужкою в изгиб локтя, стал вновь поправлять свой башлык грубого сукна, завязанный позади шеи, вздернул несколько раз головой, прилаживая башлык на шее, и вновь повторил:

— Ну... до свидания, Федя, — протянул мне руку.

— До свидания, Андрюша, — замогильным голосом ответил я ему.

Он освободил мою руку от пожатия, как-то вновь неловко повернулся «заездом» кругом и несмело шагнул вперед...

Спуск по Воздвиженскому проспекту к вокзалу, отстоявшему от харитоновского дома верстах в двух, начинался сразу и очень круто. Чтобы не поскользнуться по мерзлой дорожке, запурженной снегом, брат тронулся мелкими шажками, резко стуча по ней своими мерзлыми сапогами. Этот стук сапог очень четко воспринимался в моей груди и мозгах.

— Смотри не упали, Андрюша! — крикнул ему вслед.

— Ни-чи-во, иди домой, Федя, а то тебе холодно, — полуобернувшись, из ночной пурги ответил мне он. Это были его последние слова ко мне.

Но я не ушел. Я стоял у ворот на тротуаре и следил, пока темная фигура старшего брата совершенно скрылась внизу, в пурге, в ночи...

Хотелось еще стоять и смотреть вслед туда, куда скрылся так скоро от меня мой дорогой и любимый старший брат, войсковой старшина родного Войска и кровного 1-го Кавказского полка, нашего прадедовского полка. Но это было совершенно бесполезно. Пурга заволокла все кругом, и через улицу даже не видны были дома противоположной стороны. Я пронизал еще раз глазами печально ночную пургу, чем послал последнее приветствие удаляющемуся брату, и быстро вошел во двор. Это было 15 декабря 1920 года. С тех пор я его больше уже не видел на этом свете. Где, когда, при каких обстоятельствах он погиб в красной России — мне до сих пор неизвестно³⁵⁸. Это было наше с братом «последнее прости»!..

Жуткая трагедия. Но мы тогда с ним еще не знали, что в Таврии в июле месяце этого же года в бою, в Корниловском конном полку, погиб наш меньший брат Георгий, есаул, в 24 года от рождения. Смертельно раненный в шею, потерявший возможность говорить, он написал

записку есаулу Н.И. Бородычеву передать нам, также сослуживцам Бородычева, что он «умирает и никогда уже нас не увидит» (см. последний раздел книги. — П. С.).

Кому поведаю печаль свою, не излечимую и долгим временем?!.

Распыление продолжается

Регент нашего Кубанского хора, капитан Замула, хорошо зарекомендовавший себя как знаток хорового пения, телеграфно был вызван в Москву и немедленно выехал туда.

В Екатеринбурге существовал «совет меньшинств инородцев» при Уральском округе. У них были собрания по вопросам о своих народах. Туда был приглашен и генерал Хоранов, как юрист по образованию. И вот по ходатайству этого «совета меньшинств» перед Москвой — всех горцев Кавказа, сосланных сюда, отправили в Москву для назначения на службу в свои области. С ними выехал генерал Хоранов, корнет-черкес Беданов и другой прапорщик-черкес, что был с нами.

Когда мы были зачислены в Москве на курсы, то к корнету Беданову был приставлен комиссаром турок-коммунист, который не отлучался от него. А для чего — не знал и Беданов. Он мне жаловался, что этот турок, человек неинтеллигентный, его стесняет, но отвязаться от него невозможно. В штатском костюме рабочего — он смотрел на нас неприязненно своими черными глазами. И ни он с нами, ни мы с ним никогда не разговаривали.

Полковник Хоменко, женатый на черниговской помещице, имел за ней 400 десятин земли и, выйдя в резерв «по Войску», успешно и любовно занимался хозяйством и коневодством, о чем рассказывал нам. Как знаток лошадей — был назначен на какую-то должность по коневодству Уральского округа.

Полковник Евсюков, командир Линейной бригады, назначен в санитарную летучку, которая отправлялась в Крым. Мы ему позавидовали, что он будет работать и жить рядом с Кубанью. Назначение остальных кубанцев — не знаю.

Как-то на улице встретили полковника Земцева, бывшего начальника 4-й Кубанской казачьей дивизии. В длинной серой шубе-черкеске, в крупной черной папаше, в бороде, подстриженной по-черкесски, своим внешним видом он являлся анахронизмом здесь. Он только что вышел со службы из штаба Уральского военного округа, куда был назначен еще в Москве. Мы окружили его.

— Какая у Вас служба, Сергей Иванович? — задал кто-то вопрос.

— Обыкновенная, как офицера Генерального штаба, — ответил он спокойно. Погибнет и он потом, этот мягкий, приятный полковник Кубанского Войска старого закала.

Прибыл к нам «главный начальник спорта Уральского округа» по фамилии Кальпус. Он вызвал меня и полковника-донца В.Н. Богаевского. Богаевский в мирное время окончил в Варшаве Окружные гимнастическо-фехтовальные курсы, что и указал в своей анкете. Кальпус в длинной шинели, на поясе револьвер в желтой кожаной кобуре, на голове «чертов шишак» с красной звездой. Он заметил, что мы с Богаевским смущены его видом... Здоровается с нами за руку и сразу говорит, что он бывший прапорщик, служил в Оренбурге; знает хорошо Атамана Дутова, когда он был еще есаулом и помощником инспектора классов Оренбургского казачьего училища. У него родной брат — штабс-капитан колчаковской армии, которого он спас, и сейчас тот служит у него как инструктор-гиревик.

— Хотите поступить к нам инструкторами на курсы допризывников по гимнастике и фехтованию на эспадронах, полковники? — весело спрашивает он. — Я коммунист... но первым делом — я спортсмен. Прошу вашего согласия. У нас вам будет хорошо, — уговаривает он нас.

Своей веселостью и откровенностью он подкупил нас. Мы оба дали согласие. Он поясняет, что курсы находятся в большом селении Колчедан, в 100 верстах восточнее Екатеринбурга. За нами приедет начальник курсов, товарищ Плюм. Он бывший студент, интеллигентный человек, большой спортсмен и... беспартийный.

На второй день прибыл Плюм. Молодой человек не старше 25 лет, выше среднего роста, стройный, приятный, с хорошими манерами, с подкупающей улыбкой свежего лица и голубых бездонных глаз северного народа. Он эстонец, студент из Петрограда, где у него живут мать-вдова и сестра. Он в шинели и в фуражке безо всяких «красных отличий» на них. Он знал, кто мы.

— Я беспартийный. И ненавижу коммунистов. Вам у меня будет жить хорошо. Прошу мне верить, — закончил он.

Матросы с «Авроры». В селе Колчедан

Мы едем в товарном вагоне. По дороге Плюм рассказывает, что при наступлении армии генерала Юденича³⁵⁹ он с матерью и сестрой жил в Петрограде. Все ждали Юденича с нетерпением, и вдруг — отступление. Он до сих пор не может понять — что же случилось?! Юденич ведь занял уже Гатчину!.. Хотелось вернуться на родину. Все его родственники там. А родной дядя — министром в новой республике. Но

его не отпускают, дорожат как спортсменом. Он на «ты» и «за руку» с самим Подвойским, главой спорта в красной России, почему и «забронирован» от разных неприятностей. В правительстве Уральского округа у него много друзей-коммунистов, которые удивляются — почему он до сих пор не в партии? Говорит он искренне, хорошим литературным языком, слегка картавя, неясно выговаривая букву «р».

— Как Вас называть надо? — спрашивает Богаевский, не любящий, как я потом убедился, разных церемоний.

— Называйте меня просто по имени — Роберт... а по службе, если придется, — товарищ начальник, — ответил он.

Но мы его всегда называли потом по имени и отчеству — Роберт Иванович.

Наш поезд движется черепашью шагом. Ветка кончается в Шадринске. На Колчедан пересадка на станции Синерская. Она маленькая и полна народу. Из вагонов все ввалились в единственное помещение вокзальчика — с узлами, с мешками, с чайниками. Войдя, садились на пол, ложились, ели, пили чай, ругались злостно, пели песни.

По Дону гуляет, по Дону гуляет!
По Дон-ну гу-ляет казак мал-ладо-ой!.. —

вдруг слышим мы стройное пение молодежи.

— Ого-о!.. Нас вспоминают даже и здесь, — острит Богаевский и улыбается.

Доволен и я, потому что в такой дали от Дона, несмотря на всю контрреволюционность донского казачества, парни и девки так любовно поют эту донскую песню старых времен, не боясь никого.

Недалеко от нас едят и пьют чай четыре здоровенных матроса. Они с винтовками. Едят грубо, разговаривают громко, хохочут по-лошадному. Поели. Один из них, высокий, рыжий, затянул песню громко, нахально, по-кабацки. Публика притихла и слушает. А он, окрыленный этим, еще больше заржал в своей похабной песне, с размахами рук и хулиганскими телодвижениями. Хозяин буфета подходит и говорит ему, что в вокзале так громко петь не разрешается, здесь люди ждут поезда, отдыхают и им может быть это неприятно.

— Што-о?.. Нельзя пе-еть?.. Нам... матрос-сам?! Да мы-ы... да мы революцию для этава сделали, штобы дать всем свободу! И вот — нельзя петь? — вскочив со стула, возмущенно выпалил он это.

Все молчат и слушают этот диалог, а мы с Богаевским слушаем с любопытством, гадая — чем все это закончится? Наш Роберт Иванович молчит.

— А ты кто такой?.. Я хочу и буду петь! — рычит рыжий матрос.

— Тогда, товарищ, я должен заявить в станционную Чеку, — скромно отвечает ему буфетчик.

— Иди... заявляй!.. А мы никак ни боимся. Мы балтийские матросы. Мы были на самой «Авроре»! — рубит рыжий.

— Тогда не обижайтесь, я пойду, — вежливо отвечает буфетчик и ушел.

Минут через пять приходит начальник Чеки в подбористой шинели, при револьвере, в шлеме со звездой. Он заговорил с матросом также вежливо, сказав, что буфетчик прав... вокзал служит для отдыха людей, ожидающих поезда.

— Мы балтийские матрос-сы... мы с «Авроры»... едем к себе в отпуск... и нельзя петь песни, када хочешь? — начал вызывая все тот же рыжий матрос-детина.

Но начальник опять его остановил и сказал, что «революция окончилась, теперь идет строительство... и надо считаться со всеми гражданами, и вообще — он запрещает хулиганить здесь, и, если они его не послушаются, он их обезоружит и отправит для разбора дела в Чека.

Услышав это, матросы сразу же присмирели. Рыжий еще что-то крутил головой, но товарищи его успокоили, обещав начальнику Чеки больше этого не повторить.

Начальник ушел. В зале стало сразу тихо. Матросы также тихо заговорили между собой, явно оплеванные перед всеми.

— Сволочи... привыкли своевольничать, много их перебили мы на фронте... и еще вот остались... но, кажется, и им конец настал, — тихо говорит мне Богаевский.

Роберт Иванович улыбается, слыша слова Богаевского, и очень рад, что этих нахалов остановили.

Мы в Колчедане. Это очень большое и богатое волостное село. В центре — большая кирпичная школа. Напротив — женский монастырь с широким двором, в котором прочные деревянные постройки. Все в монастыре сделано добротно, продуманно, богато и по-хозяйски. В монастыре и помещались Уральские окружные спортивные курсы допризывников.

Начальник курсов Плюм на второй день, собрав всех инструкторов и строевых начальников, представил нас как «инструкторов спорта», пояснив, что оба «полковники Белой армии». Услышав это, все крепко жали руки, глядя нам прямо в глаза, кроме двух-трех человек, пожавших руки молча. То были коммунисты, ротные командиры из унтер-офицеров. Кроме Плюма, все инструкторы и курсанты жили по крестьянским хатам в Колчедане и в ближайших селах, в 2—3 верстах. Нас вселили в село Соколовка через речку на юг, у крестьянина Дмитрия Александровича Русанова. Когда нас ввели к нему в избу, он обедал с семейством.

— Вот вам квартиранты, — сказал ему наш проводник.

Хозяин безразлично посмотрел на нас, вытер рукой рот и ответил не торопясь:

— Ну, што ж, коль в избе поместимся, то валяй... спать будут на земле, а свою постелю не уступаю, — сказал, повернулся к столу и продолжал есть.

За столом сидят его рыжая жена, две дочки-невесты и мальчик лет двенадцати, умными глазами с любопытством рассматривающий нас. Изба Русанова считается одной из лучших в этом селе. Она чистая и светлая, но состоит только из одной комнаты. Сам он с женой Лушей спит на деревянной кровати, а дети — или на печке, или на каком-то ложе возле нее. Мы ободрили хозяина в своей неприхотливости: будем спать на полу, только бы он дал нам соломы и какое-нибудь рядом поверх.

Наш проводник ушел, и мы остались с глазу на глаз с хозяином. После некоторого молчания хозяин спросил нас:

— А откедава вы будете?

Ответили ему, что «издалека с юга России». Но это его не удовлетворило. Он юга не знает и продолжил:

— Есть адна Расея, а иде юх, а иде север — ета усе равно. Адна страна, — закончил он.

Его ответ нам понравился, но смотрит на нас он недружелюбно и как будто «фыркает» от недовольствия, что вселили к нему.

— Да Вы чего? — говорит ему Богаевский. — Будто бы недовольны, что нас к Вам прислали?.. Мы ведь не сами пришли!

— Ана, канешна, а все же, грябу иво мать, вас тут будет до пропасти красных!.. А ты, хрестьянин, все дай, ды дай! — зло отвечает он.

Нам это особенно понравилось. Мы теперь поняли — «кто он».

— Да Вы не беспокойтесь, хозяин. Мы белые офицеры, пленники, и сюда насильно присланы, — говорит Богаевский.

— Бел-лые?.. Значить, колчаковцы? — радостно спрашивает он. — Я сам у Колчака³⁶⁰ служил и вот вернулся зря в село, но Колчак придет иш-шо! Мы их всех тут живьем спалим, — уже совершенно откровенно выпалил он и повернулся к нам.

Услышав все это, мы сказали точно — кто мы. И подружились с ним крепко и искренне.

— Как Вас зовут? — спрашиваем, чтобы ближе сойтись с ним.

— В селе зовут Ляксандрович, а мая имя Митрий, — поясняет.

Он высокий, сухой, жилистый мужик со светло-рыжей бородой, лет сорока. На ночь нам щедро настлали соломы на полу, покрыли каким-то рядом, хозяева поделились своим подушками, и мы беззаботно заснули в крестьянской хате.

Состав спортивных курсов

Моя личная цель была — дожидаться весны, спада снега и... бежать. Бежать за границу, в Финляндию, как ближайшую страну от сих мест.

Весь состав курсов представлял собой спортивную полувоенную организацию, «батальон» до 400 человек молодежи, в него входили и два взвода сельских учителей и учительниц, которые, пройдя курс, должны преподавать гимнастику детям в школах.

У начальника курсов Плюма два помощника — Н.А. Русинов из Вятки и Н.Д. Науров из Ярославля. Оба бывшие студенты, по революционному безвременью не могущие продолжать свое образование.

Адъютант курсов — Г.Ф. Тарунин из Костромы. Окончив гимназию в своем городе во время Великой войны, был принят в армию на правах вольноопределяющегося 1-го разряда в артиллерию на Кавказский фронт и в свой город вернулся уже при большевиках. Умный, активный, с военной жилкой. Все эти трое непосредственных помощников Плюма были не только что не партийные — были русскими патриотами и к нам, двум казачьим полковникам Белой армии далекого от них юга, отнеслись очень внимательно. Мы все подружились.

Во главе батальона стоял бывший поручик Блинов, из Вятки. Ему было 25 лет. Добрый, видимо из учителей, не партийный. Он был учтив с нами, как с кадровыми офицерами Императорской армии, попавшими в такое ложное положение.

Батальон разбит на две или три роты. Ротными командирами были бывшие унтер-офицеры ближайших сел, партийные, с которыми мы совершенно не общались. Все инструкторы спорта числились «людьми штатскими», имели свои часы преподавания в гимнастических залах и подчинялись только начальнику курсов. Это были два разных мира, не доверяющие один другому. Вся администрация: Роберт, его два помощника и адъютант — были между собой на «ты», были очень дружны и при нас с Богаевским вели самые непринужденные разговоры о красной власти, критикуя ее.

Комиссаром курсов был бывший студент из Екатеринбурга, молодой человек с красивыми, печальными глазами. Мы заметили, что он избегал встречи с нами, и видели его только мельком. Из города, в гости к нему, приехала сестра-курсистка, стройная, красивая девушка. Здесь он пригласил нас на чай, познакомились, и он рассказал свою историю. Отец офицер, погиб на войне, средств к жизни у матери-вдовы нет... сестре надо учиться, чтобы обеспечить жизнь матери и учение сестры — он «записался в партию». Просил его понять, почему он избегал встречи с нами. Сестра слушала молча. Что случилось

потом, мы не знали, но он был снят с должности скоро и куда-то уехал.

Инструкторами были: по гимнастике — Г.В. Локтионов из Вятки, сын ученого. Окончив реальное училище, он «пристроился» сюда, как сказал мне, чтобы иметь время для подготовки в университет. При нем учебники, и он все свободное время и в гимнастическом зале занимался по ним.

Вторым инструктором был Б.В. Мушкиков. Третьим — В.И. Подтяжкин из Верхне-Уральска Оренбургского Войска. Оба были молоды и окончили курсы здесь. У Подтяжкина лицо и манеры казахи.

— Вы казак, Виталий? — спросил как-то его интимно.

— Мать казачка, — смущенно ответил он.

Я не стал уточнять его происхождение, но видел, что он был казак Оренбургского Войска. Так судьба заставляет людей кривить своей душой.

По гилям и гантелям был штабс-капитан артиллерии колчаковской армии Евгений Кальпус, брат главы спорта Уральского округа, прапорщика-коммуниста Кальпуса. Это был настоящий Аполлон, добряк, которого все любили и называли только по имени — Женя. Родители их имели богатую аптеку в каком-то приволжском городе, и, чтобы ее спасти, брат «записался в партию», как поведал нам этот Женя.

Инструкторами по французской борьбе были И.П. Калинин из Екатеринбурга, старый цирковой борец, добряк, цель которого — привезти из города «кое-что», обменять все у крестьян на муку, масло, яйца и содержать семью, проживающую в Екатеринбурге; вторым инструктором был Плюм, однофамилец Роберта Ивановича, из Прибалтики. Он преподавал и бокс. Рябой, некрасивый, он был скромный и добрый человек. Оба они профессионалы.

Инструкторов спорта, преподавателей и учебников не хватало. Начальник курсов выехал вновь в Екатеринбург и привез с собой полковника М.И. Дьячкова, бывшего знаменитого инструктора по сокольской гимнастике в Тифлисе мирного времени. Во время Гражданской войны он служил в азербайджанской армии. В 1920 году, когда Красная армия заняла Азербайджанскую республику, он был арестован, сослан на один из островов около Баку, потом переведен в Москву, в Бутырскую тюрьму, а оттуда присоединен к нашей группе кубанских офицеров.

Рассказывал потом — на этом острове около Баку находились некоторые офицеры Кубанского и Терского Войск. Среди них последний Атаман Моздокского отдела Терского Войска, полковник Д.А. Мигузов, которым был расстрелян вскоре с другими старшими казачьими офицерами.

К Истории нашего Войска, должен упомянуть это, так как он был командиром нашего 1-го Кавказского полка в Мерве с 1912 года, с полком вышел на Кавказский фронт и покинул его в апреле 1916 года.

Прибыло человек пять офицеров и военных чиновников колчаковской армии для канцелярской работы и преподавания истории и географии. Среди них командир Шадринского пехотного полка, полковник Головачев — выше среднего роста, широкий в плечах, подвижный, с прямым профилем крупного, красивого лица, с черными пронзительными глазами, выражающими его душевные страдания. Ему около 50 лет. Тюрьма его замучила. Он не ожидал, что его освободят. Он здешний командир полка, который «много жару дал красным», как сказал нам с Богаевским, почему и считал себя «обреченным на расстрел».

И вот — освободили и дали место лектора для курсантов по воинским уставам.

— Но не верю я им!.. Расстреляют!.. Обязательно когда-то расстреляют меня, они отлично знают, кем я был в армии адмирала Колчака, — печалился он нам, и его острые глаза забегали в своих глубоких впадинах, словно ища спасения.

Рассказав это, подчеркнул, что «рад освобождению... теперь хоть немного успокоится жена, еще молодая и красивая женщина». И он будет скоро расстрелян.

Урядник Лопатин «Богом молит» меня выручить их и устроить при курсах. Их пять человек станичников. Все бывшие опытные писари. При нем и младший брат.

Плюму рассказал все о них, насколько они будут полезны в его канцелярии. Добрый и благородный — он немедленно же выехал в Екатеринбург и всех привез с собой. Нас теперь здесь оказалось около 15 человек офицеров, чиновников и казаков белых армий. Это было приятно. Казаки, все урядники, взяты из станиц. Одеты они были в гимнастерки, в черные шаровары с красным войсковым кантом, в папахах и в строевых овчинных шубах-кожухах. Поселили их в нашем селе Соколовка. С ними мы жили очень дружно, но все это были только «этапы». Мечта казаков — вернуться на свою Кубань. Богаевский не имел планов. Я же ждал только весны, чтобы «исчезнуть из красной России».

Крестьянские настроения «за Колчака»

— Ну, грябу иво мать... хрясть их мать, дознаютца! — вдруг говорит нам Ляксандрович поздно вечером, придя откуда-то, сев за стол и куря сигарку.

— Чиво?... Кто дознается? — переспрашивает его Богаевский, любитель иногда «разыграть» нашего хозяина.

— Да ани-и!.. Камунары, — коротко бросает он.

У крестьян было два класса людей, «они» — это коммунисты и вообще представители власти, и «мы» — это все православные крестьяне.

— До чиво же они не дознаются? — продолжает Богаевский.

— Да корову-то мы уже зарезали!.. И уже разобрали ее, — бросает он.

— Какую корову?... И «как разобрали»? — допытываемся.

— Да ани, ляд им дать, вить запришають христьянам резать свой скот!.. Все на учете, вот мы и чередуемся — рас в неделю, аль реже, каровку-то, чью зарежем за селом в лесу, и мясо тут же разделим, а патом, через недельку-другую, следушшаго христьянина... Иде карова? — спрашивает власть, а мы и говорим, — сбёгла... Хватъ-мать, а мясо вже давно поели и концы в воду, — самодовольно заканчивает он.

— А никто не выдаст? — спрашиваем.

А он только резко кивнул куда-то вверх и, улыбнувшись, ответил:

— На все село только адин камунар, хто ж донесет?

— Ну а вот мы мы же чужие вам люди?... Ты сам, Митрий Лександрович, так смело все рассказываешь, — шутит Богаевский.

Он посмотрел на него с улыбкой, после глубокой затяжки густо пустил дым изо рта и с улыбкой ответил:

— Вы, Владимир Микалаич, и ты, Хведар Ваньч, свои люди... ахвицеры, мы знаем, што вы ефтова ни сделаете.

Наш Митрий Ляксандрович был отзвуком крестьян своего села.

— Ну, грябу иво мать!.. Матюгами рыли могилу! — зло выкрикнул он в одно из воскресений, войдя в хату и сев за стол, чтобы покурить.

— Какую могилу?... Кому? — спрашивает Богаевский, предчувствуя «новую историю».

— Да, камунару!.. Помёр аль сдох... Я и не знаю, как сказать. Ну и выслали нас мужиков, в Колчедан, рыть магилу яму... Да иш-шо иде?... На самой плош-шади возли церкви... да иш-шо в Вакресенья! — запальчиво произнес он эту тираду слов с особенной злостью. — Ну, мы и рыли ее, не лопатами, а матюгами, прости Господи. Но нинадолго! Вытряхнем усе, как придет Колчак, у пух разобьем все!

И, потрясая головой, уж и не знал, как выразить всю злобу крестьян на красную власть. Я слушаю его — только радуюсь такому настроению крестьян и уже не хочу разочаровывать его, что адмирал Колчак расстрелян красными, чтобы не ослаблять «их надежды».

Начал таять снег. Наша речка в Соколовке, отделяющая село от Колчедана, сломав лед, поднялась водою. Переправа на другой берег идет

только на маленьких лодках жителей. Приходилось и нам ждать okazji, чтобы идти на службу и возвращаться домой.

В один из дней вижу, как мужик отчаливает лодку от берега. Я бегу к нему и кричу:

— Дяденка-а!.. Пстой!.. Перевези меня!

Мужик с черной окладистой бородой, лет под сорок, зло посмотрел на меня и прорычал:

— Много вас будет тут камунаров, — и отчалил от берега, совершенно не обращая внимания на меня.

Чтобы воздействовать, я строго кричу ему. Это помогло. Он повернул лодку, толкнул ее багром к берегу и вновь зло проговорил-прорычал:

— Ну, садись, садись, хочь одного камунара утоплю, грябу иво мать (эта фраза не считалась пошлой среди крестьян, а употреблялась как поговорка-приказка).

Я быстро вскочил в лодку, сел и спрашиваю:

— Дяденька, а откуда ты взял, што я коммунар?

Тот злыми глазами, искоса, посмотрел на меня и буркнул:

— А куртка-то?

В те годы в советской России все партийные работники носили кожаные куртки, как наглядный знак принадлежности к коммунистической партии. Мою тужурку, покроя френча, из Персии, младшего брата Георгия, мне прислали сюда из станицы, как единственную теплую вещь. Она меня и подвела. Чтобы успокоить этого мужика, говорю ему:

— Ну, так Вы ошибаетесь, дяденька... Я не коммунар, а офицер Белой армии... и живу я у Митрия Александровича Русанова, может быть, слышал? — перехожу на «ты».

Он поворачивается ко мне всем телом, внимательно всматривается в мои глаза, испытывая-изучая — верить мне или нет?

— Слышал... Но только твоя тужурка таво... Снял бы ее лучше от греха.

И в течение трехминутной переправы он так «честил» советскую власть, как и придумать трудно. И он ждал возвращения Колчака.

— Все пойдем к нему! И уж не сдадимся, — рычал он.

Я и ему не сказал, что адмирала Колчака давно нет в живых.

Полковник Богаевский. «На разведке» в Екатеринбурге

Мы с ним очень подружились. Жили как братья. Он умный, рассудительный, огорченный судьбой — ко всему относился поверхностно. Окончил Новочеркасское военное училище и вышел хорунжим в 10-й Дон-

ской казачий полк, стоявший в Замостье Привисленского края. В Варшаве окончил окружные гимнастическо-фехтовальные курсы в мирное время, но потом спортом не занимался и «жег» жизнь бесшабашного офицера, о чем и рассказывал мне. Он моего роста, сухой, худой и на гимнастических снарядах ослабел в номерах. Я стал замечать, что он подружился с писарем-урядником Иваном Голованенко и по воскресеньям куда-то отлучается с ним. Ко мне пришел старший из казаков, урядник Лопатин, и с тревогой сообщил:

— Владимир Николаевич замышляет восстание против красных. Он с Голованенко каждое воскресенье ездит в соседнее село на совещание с крестьянами, чтобы поднять восстание. Иван неумный казак, но бодрит полковника. Прошу Вас, Федор Иванович, принять меры и отговорить их обоих от этой затеи, иначе мы все погибнем здесь.

Выслушав все, веря этому очень серьезному старому служаке, я вызвал своего друга на откровение. Он ничего не скрыл от меня, сказав:

— Секретные собрания бывают, в следующее воскресенье их приглашают вновь; от меня же скрыл, чтобы самому убедиться — насколько это серьезно?

— Каков ваш план? — спрашиваю.

— Напасть на курсы, перебить коммунистов и забрать все оружие курсов, где, по сведениям, находится до 400 винтовок, — отвечает он.

— А потом? — рублю ему.

— Потом?... Потом установить свою власть и ждать.

— Дорогой Владимир Николаевич!.. На второй же день сюда придут из Екатеринбурга красные бронепоезда и разобьют вас в тот же день. Запомните, что крестьяне не пойдут в леса. У них семьи, хозяйства. Ну а будут раненые — куда денете вы их? Чем будете перевязывать? Заголосят бабы, и мужики из своих сел никуда не пойдут! Я в это дело совершенно не верю и прошу оставить «заговор», как дело безнадешное, — закончил я.

Но он остался при своем мнении, обещав быть лишь осторожным и ждать весну. При этом вдруг наивно заявил:

— А если нас разобьют — мы уйдем на Дон.

— Из Шадринского уезда Екатеринбургского округа, с пешими крестьянами, через всю красную Россию да на Дон? — горько усмехнувшись, ответил ему и просил посмотреть на географическую карту, где находимся мы и где Дон. — Вас переловят как куропаток и перебьют, — внушаю ему, но он остался при своем мнении.

А спустя несколько дней с Голованенко поселились у одного крестьянина. Я остался один у нашего доброго Митрия Александровича.

— Владимир-то Микалаич, наверное, побрезговал маєю хваторою? — недовольно сказал он.

Я успокоил эту простую и неиспорченную христианскую душу, сказав, что тут у него тесно...

Урядник Голованенко из писарей, выше среднего роста, подбористый, молодецкий, красивый был казак. Даже щегольски одет во все казачье в те месяцы. Ненавидя красную власть, он легко поддавался влиянию полковника Богаевского.

Получил разрешение в отпуск на несколько дней в Екатеринбург. В городе остановился у одного из своих, служившего секретарем в учреждении и имеющего довольно удобную комнату. Рассказал ему первому из всех о побеге, прося помощи устроить документ. Он дал слово. Я доволен, посещаю старых друзей. Многих устроили на разную службу, но почти все старики еще не пристроены. Они живут бесплатно по разным советским государственным дряненьким гостиницам и бесплатно питаются в дрянных городских харчевнях.

Посетил полковника Хоменко, служащего при государственном коведовстве. В канцелярии у них холодно, хотя и топится чугунная печь. Он похудел. На плите стоит большой чайник. Это чай «для всех». Тут же и его начальство в шубах, в ушанках. Печально все. Им здесь довольны, разрешили выписать жену с грудным ребенком.

Поведал мне, что из Крыма приехала сюда жена полковника Дударя, дал адрес гостиницы, где она живет с мужем, и я спешу туда, чтобы повидать и поговорить с вестницей из нашего потонувшего мира, из стана Белой армии, которая, оставив Крым, уплыла в другие страны. Точно об армии генерала Врангеля мы ничего не знали.

Перед Великой войной 1914 года Иван Филиппович Дударь был старым сотником 1-го Таманского полка. Полк стоял в селении Каши возле Асхабада Закаспийской области. С нашим полком, стоявшим в Мерве, и 4-й Кубанской батареей составлял Закаспийскую отдельную казачью бригаду. В нее тогда входил и Туркменский конный дивизион, стоявший в Асхабаде.

Офицеры нашего полка говорили, что у сотника Дударя очень красивая жена. И вот, когда я вошел в их маленький номер, чтобы повидать одобрбригадника, с которым подружился, и его жену, увидел жуткую картину. Полковник лежал на узкой койке; есаул Костя Михайлопуло и хрупкая женщина, накинув на него шинель с головы до ног, навалились сверху и силой удерживали клокочущее тело Дударя, изо рта которого вырывалась белая пена.

— Подождите немного, Федор Иванович, это скоро пройдет! — быстро бросил в мою сторону Михайлопуло.

Я не знал, что полковник Дударь страдал хроническими припадками. Он действительно скоро отошел, был нормален и не помнит — что с ним было?

Познакомились. Жена его красива. Среднего роста, стройная, какая-то воздушная, с красивыми голубыми глазами. В ней было что-то ангельское. На ней хороший костюм, но сильно подержанный от времени. Разговорились. Муж с полком отступал на Туапсе, а она выехала из Новороссийска в Крым, в надежде, что и муж с полком будет переброшен туда. Узнав о капитуляции Кубанской армии, она осталась в Крыму, чтобы найти мужа в красной России и быть с ним. И вот нашла. Но в каком виде!.. Стройный мужественный блондин с открытым лицом, всегда спокойный — он неизлечимо болен. Работы нет. Денег нет. Они не знают — что их ждет впереди?.. Расстроенный вышел от них, вместо желанной радости. Дальнейшая судьба их мне неизвестна.

Вернулся из Екатеринбурга и узнал печальную новость — Р.И. Плюм отзывается в Москву и сюда уже прибыл новый начальник курсов, бывший поручик, партийный.

Наша Надюша

Трагическая страница... незаживаемая рана в моем сердце...

С начала нашего скитания по лагерям и тюрьмам красной России мы получали письма из станицы. Их писала Надюша всегда обстоятельно, с полной любовью к нам, братьям. Жаловалась на притеснения красной властью казаков и в особенности нашего семейства.

Как участнику отхода казаков на Черноморское побережье, по возвращении в станицу ее вызвали «в совет», допросили и в наказание заставили ходить по дворам и описывать количество зерна в амбарах у казаков. Писала она нам со слезами, как ей приходилось морально трудно исполнять эти обязанности над своими станичниками, которые ее хорошо знали и любили, считали героиней, ушедшей с казаками в поход.

На мольбы теперь бесправных казаков, в особенности казачек, она давала неверные сведения. Проверив, власть отстранила ее и назначила «переписчицей» в местный полк. Узнав, что она отходила с казаками «за Кубань, в горы», уволили со службы.

Летом из гор появился генерал Фостиков с казаками. Ее взяли «на учет», запретив выезд из станицы. Писала, что за невыполнение се-

мейством разверстки маслом, яйцами, молоком сидела несколько раз в подвалах хутора Романовского.

В октябре 1920 года в Москве получаем от нее ужасное письмо: «У нас все отбирают и выселяют в Архангельск! Помогите!» — беспомощно заканчивается письмо. Но чем мы с братом могли помочь, сами бесправные? Что случилось — неизвестно, но высылка в Архангельск была отменена.

Письма от Надюши прекратились. Получаю весточку от старшей сестры: «В один из дней, из Романовского, на тачанке прибыл председатель отдельской Чека, вызвал Надюшу и увез ее на допрос к себе, а через два дня вернулся с нею и сообщил бабушке и маме, что «Надя его жена»... Что было в семействе — описать трудно», — заканчивает свое короткое письмо старшая сестра.

«Ка-ак... такая ярая казачка... такая ненавистница красных, участница похода в горы с казаками... красные убили ее отца... разорили все хозяйство... нас сослали за Уральские горы... и она теперь замужем «за чекистом»! — жутью пронеслось в голове. Это было явное насилие и месть — заключил я.

Но вот письмо от Нади. Она просит меня не винить ее. Так случилось. Муж злой, ревнивый, жестокий. Расстрелял некоторых видных стариков станицы, в том числе и ее крестного отца, Алексея Семеновича Сотникова, бывшего атамана станицы. Он также отступал в горы с двумя своими старшими сыновьями-офицерами.

«На коленях просила пощадить хоть крестного отца», — пишет она. Не пощадил. «Упрекает меня вами, братьями-офицерами», — добавляет в письме. Дальше жалуется, что заболела какой-то непонятной для нее женской болезнью. Это было ее последнее письмо. Потом вообще все замолкло из родной семьи.

В Колчедане почта приходила в обеденное время. После долгого промежутка — письмо от старшей сестры. Вскрываю, читаю и не верю своим глазам:

«Дорогой любимый братец Федя. Грусть и тоска невыносимая... Ты, милый Федя, пишешь Наде поклон, а ее уже давно нет в живых, умерла 23 марта 1921 года. Муж заразил ее нехорошей болезнью, и она не выдержала, от горя и стыда застрелилась... Мы скрывали от тебя, чтобы не расстраивать, но теперь стало невыносимо лгать. Что переживают бабушка и мама — одному Богу известно. Успокойся, мой милый Федичка. Что произошло, того не воротишь. Так жаль и жаль. Твоя, всегда любящая, Маня».

Прочитав это, я был поражен и убит. Я окаменел. В глазах рябило. Я боялся пошевелинуться. Я боялся прийти в себя и взять в здравый

рассудок, что Надюша, такая жизнерадостная, веселая, задорная, такая всегда рассудительная, — она, в 18 лет от рождения, покончила с собой... У меня что-то оборвалось внутри. Я боялся взглянуть на письмо и еще раз прочесть роковые слова.

Бежать!.. Бежать из этой красной России, куда глаза глядят, но только не быть здесь и переживать беспомощно все преступления и варварство красной власти, с которой надо бороться. Эта борьба возможна лишь тогда, когда я буду свободен. Потом, уже за границей, я получил письма от ее подруг, что этот варвар заразил ее сифилисом... Узнав об этом от врача, неискушенная, чистая душа Надюши не перенесла позора и ужаса. После трагического объяснения с «мужем», когда он вышел из комнаты, она схватила его револьвер и пять пуль выпустила себе в живот. Ее привезли в бывшую Войсковую больницу, и она в мучениях на третий день умерла на руках обезумевшей матери с криками: «Спасите меня!.. Спасит-те!»

Станичный учитель писал мне, что в станице Надю считают героиней. «Она должна была застрелить его, этого изверга, а потом себя... тогда бы она была героиней», — ответил я ему с горьким сожалением случившегося.

Так жестоко погибнуть в свои 18 лет — зачем же было и родиться?!.

Кто же был этот варвар, погубивший невинную ее душу?! Он был пришелец на Кубань и был не только что коммунистом, а был начальником «особого отдела особого пункта» 9-й красной армии. Проклятие ему ото всего нашего семейства!

Отъезд из Колчедана

Я загрустил, зачах. Все удивлялись моему нездоровому лицу и убийственной сумрачности. Мне стало невмоготу пребывание «в стране родной», называемой «Российская Федеративная Социалистическая Советская Республика». Я боялся, что или задохнусь в ней, или сделаю безумный шаг, за который непоправимо пострадаю.

Бежать!.. скрыться из этой ужасной страны, возобновить борьбу против ненавистной красной власти явилось целью моей жизни. Но первым делом надо легально выехать из Колчедана. Обратившись к врачу курсов, сказал ему, что я болен, просил отправить в Екатеринбург в госпиталь. Посмотрев глубоко в мои глаза, не спросив ничего «о моей болезни» и не осмотрев меня, он выдал документ.

На другой день, 16 мая нового стиля, во время обеденного перерыва, в монастырском дворе, отозвав в сторону полковника Богаевского и

всех пятерых кубанских казаков, служивших на курсах писарями, сев на землю маленьким кружком, тихо говорят им:

— Ну, други мои верные, прощайте...

Те смотрят на меня и не понимают, что я им хочу сказать.

— Да, прощайте, завтра я уезжаю... уезжаю якобы в Екатеринбург по болезни, а оттуда — за границу. Я бегу, я не могу дальше терпеть эту муку. Извините меня, в особенности Вы, дорогой Владимир Николаевич (обращаясь к Богаевскому), что я ото всех вас это скрывал... Но я задумал бежать уже давно, а теперь, со страшной смертью сестренки, решил бежать как можно скорее. Бегу в Финляндию. Это ближайшая страна отсюда, — сказал и замолк.

— Правду ли Вы говорите, Федор Иванович? — удивленно спросил Богаевский.

Я снял фуражку и молча перекрестился. Он схватил мою руку, крепко жмет и короткими фразами, быстро произносит:

— Очень рад! Хорошо делаете, Федор Иванович! Дай Вам Бог успеха! А я в душе обижался на Вас, что Вы не хотите принять участие в нашем восстании. Теперь я Вас понимаю. Ваш план даже лучше нашего.

На эту тему я не стал говорить с ним, совершенно не веря в успех предполагаемого «крестьянского восстания». И погибнет он до начала его...

17 мая. Ненужные вещи заранее обменял на сухари. На мне только спортивный летний костюм защитного цвета: фуражка, гимнастерка и брюки внапуск на сапоги. Фанерный чемоданчик с сухарями, пара белья, кожаная тужурка и шинель лежат в углу. Два часа осталось до моего отправления на станцию. Что-то давит на душу. Весь горю... пробирает лихорадочная дрожь. Никогда не испытывал такого волнения. И неудивительно, я ставил на карту все.

Я просил казаков не провожать меня, чтобы не вызвать подозрения. Просил быть только одного из них, так как душа моя совершенно не выносила одиночества. Я никогда не забыл добрых серых глаз этого молодого казака, смотревших на меня так преданно, желавшего помочь мне всем, чем он мог.

Верные казаки! Верные без официальной присяги, верные по своему станичному воспитанию, верные по своей принадлежности к казачьему братству, родившемуся, выросшему и жившему в однородной казачьей стихии труда и военной службы.

Сложив свои вещи в товарный вагон, я сгорал нетерпением скорее тронуться в путь. Я боялся всего. Мне казалось, что все смотрят на меня и знают, что «я бегу», все молчат, не показывают виду, но с последним

звонком кто-то подойдет из них и арестует. Такова сила страха в своей беспомощности.

Я старался улыбаться. Улыбался и этот молодой казак, но моя улыбка была, видимо, с такой гримасой страха, что он старался закрыть меня от взоров других.

— Я не вернусь... Может быть, погибну в дороге, поклонись от меня Казачьей земле родной, — говорю ему урывками, чтобы никто не слышал нас. — А когда будешь на Кубани, обязательно приезжай в нашу станицу и расскажи нашим о моих последних минутах здесь.

— Хорошо, Федор Иванович, — с дрожью в голосе шепчет мне тихий по характеру меньшей брат-казак, — я все понимаю, не беспокойтесь, обязательно проеду в вашу станицу и повидаю Вашу маму... и все расскажу, — радуется он меня.

Минуты идут томительно. Все переговорено. И когда вышел начальник станции, когда народ гурьбою, стадом, чисто по-русски бросился в свои товарные вагоны, я не утерпел. Схватил руку казака и в суматохе быстро поцеловал его в губы. Он растерялся, покраснел и взял руку под козырек. И когда двинулся поезд, у меня стало как-то очень легко на душе, словно я перешагнул запрещенную черту, почему весело махал рукой из вагона грустно стоявшему на платформе единственному свидетелю с Кубани моего отбытия в полную и очень опасную неизвестность...

В 1923 году в Финляндии неожиданно получил письмо от молодого казака, который провожал меня «в побег» из Колчедана. Вот оно: «Дорогой Федор Иванович. Власти узнали о делах Владимира Николаевича и Ивана (то есть о заговоре против красной власти полковника Богаевского и урядника Голованенко. — Ф. Е.). После Вашего отъезда, в одну из ночей, их разбудили и отправили в Екатеринбург. Их там осудили, и они там «перевернулись» (то есть были расстреляны. — Ф. Е.). Та же участь постигла всех остальных, кто прибыл с нами в Колчедан (всех офицеров и военных чиновников белых армий, мобилизованных на спортивные курсы. — Ф. Е.). Весь командный состав расформировали за то, что не досмотрели. Георгий Федорович (адъютант курсов. — Ф. Е.) сослан на пять лет в лагеря. Нас не тронули. Теперь мы демобилизованы и живем дома. Хорошо, что Вы вовремя уехали. Иначе, как старший, Вы пошли бы за Владимиром Николаевичем... Посетил вашу станицу, был у Вашей Мамы и все ей рассказал о Вас... Вас я никогда не забуду. Ваш брат-казак (далее имя и фамилия)».

ТЕТРАДЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

«Студент»

Я в Екатеринбурге. С вокзала направляюсь к тому другу, который обещал мне устроить ложный документ.

— Федор Иванович, печать поставить не могу. Извините меня... я Вас понимаю, сочувствую побегу, но дать не могу, — вдруг огорашивает он меня.

— Да как же это так? — обомлев, отвечаю ему. — Вы же обещали... Я так надеялся на Вас.

— Обещал... не скрою, но потом раздумал и нашел, что не могу, — решительно, с расстановкой в последнем слове, произнес он.

Офицер он был умный и выдержанный. Его словам я верил, и то, что он мне сказал, я знал — изменений в его решении быть не может. Получилась «немая сцена». Он понял мои чувства и тихо, спокойно говорит:

— Федор Иванович... ну, представьте: я даю Вам поддельный документ на бланке того учреждения, в котором служу, ставлю на него печать этого учреждения, которое доверено мне... Вы едете на вокзал, и там Вас арестовывают... ведь чекисты знают нас всех в лицо! Вы полковник Елисеев Белой армии, а в документе и другая фамилия, и Вы совсем другой человек — предъявят Вам обвинение они. Что и почему?.. Куда Вы едете?.. Кто Вам выдал этот подложный документ?.. У кого хранится печать? — зададут они Вам вопросы. Значит, точно и немедленно же доберутся до меня, ведь я храню печать учреждения!.. Что они тогда со мной сделают?! — закончил он.

Доводы его были настолько логичны и правдивы, что я уже не мог настаивать, зная твердость его характера, а главное — риск, за который он может поплатиться головой.

— Но мы нашли другой выход, — вдруг говорит он. — Здесь я не буду, да и не могу сказать — какой именно выход «нашли».

То есть он с кем-то уже условился.

В епархиальном училище красная власть открыла Уральский государственный университет. Один из наших офицеров подружился с писарем университета — так я обозначаю этот случай. И этот писарь в канцелярии, на официальном бланке, напечатал удостоверение на одного из студентов первого курса, приложил печать, а подписи сделал уже я сам.

Было учтено все. Так как я ничего не знал из курса университета, написали, что я студент первого курса; второе — указали фамилию действительного студента этого курса, на всякий случай — если меня задержат где-нибудь в дороге и будет запрос в университет о существова-

нии такового в нем, писарь, через которого проходят входящие бумаги, ответит положительно. Кстати, имя студента было также Федор Иванович. Предусмотрено было и это, ежели в дороге встретятся знакомые и по привычке окликнут меня. В удостоверении сказано: «Предъявитель сего есть действительно студент 1-го курса Инженерно-лесного факультета Уральского Государственного Университета. Дано сие на предмет поездки в Олонецкую губернию с научно-практической целью. Отношение к военной службе: декретом Совнаркома от 13 августа 1920 г. пункт 5 об отсрочке для продолжения образования. Действительно до 15 августа 1921 года».

Самое главное сделано. Я с документом. Дальше ждать мне нечего. Надо скорее уезжать. Своим друзьям по заключению я не хотел показываться на глаза, чтобы не вызвать подозрения властей.

Уничтожил свой командировочный документ в госпиталь, и... мне стало немного страшно: я порвал нить своего происхождения и оторвался от того, кем я в действительности был. Такое перевоплощение не проходит гладко. В мозгах что-то говорит о преступлении и о том, что теперь надо быть в особенности начеку. Неправильный ответ, малейшее подозрение — и можно так запутаться, что тебя «распутают только в Чека». Несомненный конец — расстрел.

Надо ехать на вокзал, купить билет и уезжать. Но арестуют по подозрению, и об этом никто не будет знать. Прошу одного из заговорщиков проводить меня. Мы на вокзале, но, оказывается, чтобы купить билет, надо иметь разрешение из комендантского управления. Оно помещается в доме инженера Ипатьева, где была расстреляна вся Царская Семья.

Что делать?.. Это просто идти в ловушку к власти! Стремление к побегу было так велико, что иду на рискованный шаг, иду туда, где меня могут опознать — и тогда... прощай жизнь.

Как писал ранее — мы, 500 пленных офицеров, около месяца жили в харитоновском доме, который находился угол на угол с этим домом. Каждый выход в город был виден из окон комендантского управления.

Показательный случай. Полковник Евсюков, Линейной бригады, был замкнут и неразговорчив. В один из дней приходит из города и с улыбкой рассказывает:

— Стою я на углу улицы, ко мне подходит кто-то в штатском и показывает фотографический снимок. На нем узнаю себя на улице, в том же костюме, в котором нахожусь и сейчас. Удивленный, спрашиваю его: «Откуда он у Вас?.. И кто это меня снял?» Он ответил: «А вы думаете, мы за вами не следим?.. Всех мы вас фотографируем при случае». Сказал и отошел.

Услышав это, знавшие Евсюкова улыбнулись и не придали его словам никакого значения. Но теперь, когда я шел в канцелярию комендантского управления, вспомнил случай с Евсюковым и невольно подумал: теперь, по документам, я студент, а вдруг там покажут мой снимок, конечно с настоящей моей фамилией и чином? И не без боязни я подошел к этому жуткому дому. Наш Император с семьей вошел в этот дом и... не вышел. Мой же путь, если опознают, будет в Чека. О последствиях не нужно и догадываться... И я вошел.

Вход в парадную дверь низкий и прямо с улицы. Неширокий коридор и дверь налево. Она открыта. За письменным столом сидел кто-то. Молча предъявил документ. Глянув на меня, он молча дал мне фишку с печатью «на право выезда из города». Думаю, что это был дежурный писарь, для которого «все было безразлично».

Мы вновь на вокзале. Билет куплен до Петрозаводска Олонецкой губернии. Поезд формируется здесь. Он товарный, а когда будет отправлен — касса не знает. Уже вечер, я решил ночевать на вокзале. Расстались. Я избрал дальний уголок, нахлобучил на глаза фуражку, поднял воротник шинели, скрючился, как бы для сна, но сам ко всему прислушиваюсь, присматриваюсь. Ночь показалась длинной и очень холодной.

Наконец, поезд сформирован и подан. Объявлено: «Можно занимать места». Это объявление вывело меня из оцепенения. Забыв, кто я, схватив свои вещи, совершенно с советским «расхристанным» видом, как и все, словно дикарь, бросился я к вагонам. Что там творилось при посадке — трудно описать. Я знал лишь одно, что мне надо как можно быстрее вскочить в вагон и занять в нем место потемнее. Расталкивая всех, кто попадался мне по пути, благодаря своей силе и ловкости я был в вагоне в числе первых и сразу же юркнул на нижние нары, к стене вагона. Здесь была наибольшая темнота, и я знал, что контроль, обходя вагоны, не заинтересуется заглянуть в лицо тому, кто лежит у стены, в полутемноте.

Залез как зверь в нору от преследования сильного зверя и почувствовал некоторый покой. Лежу и молчу. Не тревожу и соседа, разыгрывая роль бесконечно уставшего человека. Оно так и было для меня.

К моей радости, через полчаса наш поезд, скрипя, тронулся с места. На душе сразу полегчало. Я незаметно перекрестился. Бог познается только в несчастье. Это я испытал на себе много раз, а во время этого бегства — в особенности.

На следующей станции контроль билетов. Мне было уже не страшно. Из темноты я подал свой билет и удостоверение, которые были «в полном порядке». Их быстро осмотрели и вернули мне без слов. «Ф-ф-у-у, пронесло, ну, теперь надо себя держать соответственно «студенту», — решаю я, и все же из своей норы еще не показываюсь на свет Божий.

На следующий день поезд остановился в Перми. Здесь впервые я вылез из своей норы, вышел из вагона и прошелся по платформе. Меня уже никто не знал. Гулял и думал — а ведь здесь также вышел из вагона наш брат Андрей... Подхожу к киоску, покупаю открытку и пишу ему на Нытвинский завод, подчеркнув, что я еду к Жоржу, к нашему младшему брату, который [как мы думали] с армией ушел за границу. Этим я показал, что бегу из красной России, и предлагал ему следовать за мной.

«Нет, я не офицер»

Мы уже под Вяткой. Здесь мне бояться некого. Я занял место на верхних нарах, у самого лошадиного оконца.

Возле какого-то городка поезд остановился, не доезжая до станции. В 100 шагах от полотна железной дороги деревенские бабы раскинули свои лотки с продуктами. Многие устремились туда, чтобы купить съестное. Побежал и я. И только купил, как свисток паровоза предупредил об отходе. Все бросились к вагонам. Бегу и я, обгоняя других. Никаких «сходцев» в вагонах не было, многие без посторонней помощи не могут влезть. Подскочил к вагону, оперся ладонями на его пол, присел, оттолкнулся и одним прыжком вскочил в него. В моем отсутствии в вагоне появился вооруженный караул в четыре красноармейца. Сняв свои треухи, они ели что-то из одного котелка. Винтовки их стояли рядом, у двери. Напуганная ворона куста боится. Вот и я. Ведь это военный караул! Кто он и что он — не знаю. Но они могут меня арестовать.

Увидев меня, все повернулись в мою сторону с каким-то вопросительным взглядом. Все парни молодые, крестьянские. Одному из них лет двадцать пять. Он был начальник их. Окинув меня с ног до головы взглядом, вдруг спрашивает:

— Вы, наверное, бывший офицер?

Холодок страха прошел по моему существу. Напустив на себя «безразличие», отвечаю встречно:

— Почему Вы так думаете?

— Да Вы так ловко вскочили в вагон, чисто по-офицерски. Так вольный человек сделать не может, — вдруг поясняет он.

Я вновь в душе ругаю себя за неосторожность. Стараясь быть спокойным, подличая сам перед собой, произношу ужасные слова:

— Нет... Я не офицер. Я студент... А гимнастику мы проходили в гимназии.

Видимо, я побледнел. Сам себя ведь не видишь. Красноармеец это заметил. Добрым тоном он говорит мне:

— Да Вы не бойтесь... Я младший унтер-офицер Великой войны и сразу же определил по ухватке, что Вы бывший офицер, — продолжает он, вижу, чувствую, говорит он сердечно, как человек, которому просто приятно было видеть бывшего офицера.

Но я решил не признаться и, к его неудовольствию, вновь отказался от своего офицерского положения, буквально, как апостол Петр отрекся от Иисуса Христа. Мне было стыдно, но иначе поступить я не мог. Таково чувство страха бесправного человека, бегущего от красной власти по подложному документу.

После Вологды путь продолжается к узловой станции Званка, где я должен пересест на поезд Мурманской железной дороги, идущий в самый северный город России, в Мурманск. Чувство одиночества, загнанность — неимоверны. С каждой большой станции я пишу письма в станицу, полные скорби и прощания. Пишу, что еду к Жоржу, давая им понять, что бегу за границу...

На какой-то станции долгая остановка поезда. В вагоне уже просторно. Мы сидим на скамейках. К нам влез «некто» в черных штанах внапуск на ботинки, в грязной серой рубаше, в неизвестного цвета кепке. Но на поясе у него, на портупее, висит стильная кавказская шашка в черной ножне и наган в черной кобуре кавказской работы. Шашка кривая. Рукоять из черного рога. Она очень изящная. Такие шашки носили на Кавказе только князья или благородные уздени. Она так не шла к этому «некто» в странном костюме, главное, невоенном костюме, к тому же с сухим, злым лицом, потертым, видимо, употреблением разных «излишеств». Он влез в вагон, окинул всех недружелюбным взглядом, сел и молчит. Я не сомневался, что он какой-то комиссар, бывший на Кавказе и там награбивший все это.

К вагону подошла группа женщин. Среди них старый-старый, совершенно «выцвевший» старик небольшого роста. Он весь белый — небольшая бородка во все стороны, лицо, брови, глаза. На вид просто святой. На нем длинная белая домотканая рубашка до колен, темно-синие портки с белыми продольными полосками. На ногах чистые белые онучи и новые лапти. В руках палка для ходьбы. Крестясь, расцеловал всех. Те также крестили его. При помощи мужчин его едва всадили в вагон. Он рад, он счастлив. С улыбкой обвел он нас всех своими добрыми глазами и перекрестился. Поезд тронулся. И он, и провожавшие набожно крестились, а он прочитал даже какую-то молитву. «Некто», видя это, досадливо и густо сплюнул в сторону, словно откушал чего-то очень горького. Потом снисходительно, ехидно вперившись своими глазами в старика, облокотившись на шашку, спрашивает:

— Куда едешь, старик?

— Я-то?..

— Да!.. Ты!.. Ты! — громко и недружелюбно, презрительно произнес он.

— Еду помолиться в нашем монастыре святому Миколай-угоднику. Давно, родимый, там не был. Ну вот, семья и спровадила меня. Так-то хорошо на душе стало, — отвечает этот весь белый от старости старик, с будто прозрачным своим, сухим телом.

После этих слов «некто» повел по нам своими серыми насмешливыми глазами и говорит всем наставительно:

— Пускай едет старый. Его уж поздно переучивать. Не стоит тратить силы. Но вот есть и молодые, подверженные этому искушению. Я бы их своими руками душил бы — вот так! вот так! — и показал руками, как он их душил бы.

Все молчат. Я нашел, что мне молчать — значит, боюсь и соглашаюсь с ним. И молчать было глупо. Почему, словно не слыша его слов, спрашиваю запросто, по-солдатски, называя его на «ты»:

— Где достал шашку?.. Кавказская она?

— Да-а... был и там... в Грузии. Тоже, бля-и восстали против советской власти. Так мы их накрошили. Ну вот и досталась там эта шашка на память.

Вижу, это опасный субъект. Надо подальше быть от него. И я был рад, когда пролета через два он покинул вагон. А скоро, на пригорке, показался и монастырь, куда ехал старик. Белого камня — он приятно манил верующего в свои объятия.

Карта. В Петрозаводске. Встречи с казаками

На станции Званка пересадка. Узнаю, что мой поезд на Мурманск пойдет через 18 часов. Я вступаю в последнюю губернию России — Олонецкую, которая граничит с Финляндией, целью моего побега. Но где пролегает граница — я не знаю. Надо найти карту России.

Иду по городу. Через открытые ворота одного двора вижу длинный дом на высоком фундаменте. Окна открыты, на стене замечаю географическую карту. Видимо, школа. Вошел во двор. Остановился и смотрю на дом. Вдруг слышу голос справа:

— Вы что рассматриваете, товарищ?

Поворачиваюсь и вижу мужчину лет тридцати пяти. Он в штатских брюках на ботинки, в белой рубашке без галстука и без головного убора. Лицо полунинтеллигентное, серые глаза активны.

— Я увидел в помещении карту. Я студент с Урала. Еду в командировку в Олонецкую губернию, но не знаю ее окраины. Как бы на исследовании не заблудиться. Вот и хотел посмотреть на карту. Это школа? Вы учитель? Позвольте зайти и посмотреть географическую карту?

— Нет, это не школа, — отвечает он и быстро, с ног до головы, осмотрел меня своими острыми серыми глазами, держа все время руки в карманах брюк. — Это штаб летучей бригады по вылавливанию разных контрреволюционеров, вредителей и дезертиров. А я начальник бригады, — заявил он.

— Очень приятно познакомиться, — отвечаю ему спокойно, а у самого холодок страха быстро пробежал по спине.

Он вылавливает разных дезертиров, а дезертир вот стоит перед ним и сам пришел в его штаб. Надо уходить. И уходить как можно скорее. Но уходить умно.

— Так у вас, может быть, есть такая карта? Я с Урала. И здешняя местность мне незнакома, — спрашиваю, а сам молю Бога, чтобы такой карты у него не было.

— Н-не-ет... такой карты нет. И я даже не знаю — есть ли она вообще? Помочь Вам не могу. Будьте сами осторожны, — отвечает он, а сам взглядом испытывает меня.

Вопрос исчерпан. Надо уходить. Он провожает меня до ворот, и я с ним говорю уже о погоде. Выйдя на улицу, пошел тихо к вокзалу, не оглянувшись ни разу, чтобы не показать виду, что я не тот, за кого выдаю себя.

Выскочил! Будь ты проклята, географическая карта красной России!

Поезд идет по сплошному лесу. В Петрозаводск прибыли днем. Это моя конечная станция, старый русский город. Беру извозчика и еду в советскую гостиницу. Она находится на улочке, впадающей в Онежское озеро. Заведующий проверил мои документы и отвел комнату «на трех человек».

В гостинице довольно чисто, я доволен. Отсюда до Финляндии чуть больше 100 верст. Ур-ра-а!.. Я почти у цели. А главное — в совершенно неведомом крае, где меня никто не знает и не узнает. Я спокоен.

Чтобы выехать из города, надо брать разрешение в городском совете. На завтра была суббота. Утром иду в этот совет. В приемной комнате густая толпа. В ней вижу типичного станичного парубка 16—18 лет. Он в бордовой плюшевой рубашке-бешмете под серой станичной курткой с красными петлицами, смугл лицом, на верхней губе пушок пробивающихся усов. Заключаю — он не только что кубанский казак, но он черноморский казак. Надо узнать — кто он и почему здесь?

В толпе незаметно протискиваюсь к нему и, как бы неожиданно, удивленно, спрашиваю:

— Что?... С Кавказа?

— Та с Кубани, — совершенно безразлично отвечает он и отвернулся от меня.

Меня это не удовлетворило. Получив право на выезд из города, ожидаю его у выхода.

— Так ты говоришь — с Кубани!.. Давно оттуда? Как там — спокойно? — закидываю удочку для начала разговора.

— Та було спокойно, а тэпэрь с гор выйшов якыйсь бандыт Хвостыков и опять стало ныспокойно, — лениво, нехотя, отвечает он.

«Бандит Фостиков» — это один из доблестнейших генералов Кубанского Войска, возмущаюсь я.

Я не уловил в его словах и в интонации голоса — считает ли он генерала Фостикова «бандитом» по красной терминологии или совершенно не знает, кто таков Фостиков? В данном случае мне важно узнать — как попал сюда молодой кубанский казак и что произошло на нашей Кубани, которую я покинул год тому назад? И хотя он не словоохотлив и мое приставание к нему с вопросами о Кубани ему, вижу, не нравится, из коротких ответов узнаю: его «батько» за невыполнение «продналога» сослан сюда, и он, сын, приехал сюда с постановлением станичного совета «освободить отца». Они станицы Павловской Ейского отдела. Я выражаю желание повидать его отца, так как «у меня есть родственники на Кубани», вру ему, но он отвечает: «Хай краще завтра батько прийде в собор. Вин ходэ в цэркву кажнэ воскресэння, там тоди и побачытэсь з ным».

На следующий день, в воскресенье, у городского собора жду встречи. Вижу вчерашнего хлопца и рядом с ним типичного черноморского казака с окладистой бородой, в тужурке, в папахе. Поздоровались. Старику, думаю, нет и 50 лет.

Служба окончена. Идем к ним. Живет он в комендантском управлении. Он свободен, но должен работать на берегу озера по погрузке и разгрузке пароходов. Когда мы подошли к управлению и я хотел распрощаться, чтобы не заходить в это опасное для меня учреждение, старик просит зайти к ним в гости и там поговорить.

Оказывается, сюда сослана и одна вдова-казачка за то же. Ей 45 лет. Щупленькая, в обыкновенной длинной станичной юбке с фартуком и с удивительно ласковыми нежными голубыми глазами. Она обязана стирать белье всем чинам управления, что и выполняет. Они оба не только одной станицы, но и соседи в ней. За ней также приехал сын-студент с постановлением станичного совета, ходатайствуя об освобождении.

Интерес свой к Кубани я объяснил тем, что там замужем моя сестра (вру им), а сам я студент из Екатеринбурга.

Как люди простые и также давно с Кубани, ничего особенного они мне не рассказали. Узнав, что сын вдовы студент, мне хотелось с ним встретиться. Он, конечно, о Кубани может мне больше рассказать. Он в городе и «скоро вернется» — сказала мать. Очень скоро появился молодой человек 25 лет, со смуглым, мужественным лицом, в студенческой тужурке, и поцеловал мать. Меня представили ему. Остро посмотрев на меня, он спросил:

— Откуда Вы?.. Кто Вы?

Его, видимо, удивило, что неизвестный человек вошел к ссыльным, сидит здесь с ними и о чем-то говорит.

— Студент Екатеринбургского университета, — отвечаю.

После некоторой паузы, вновь посмотрев на меня, спросил:

— Какого курса?.. Зачем сюда командирован?

— Первого курса. Командирован для исследования лесной подпочвенной растительности, — отвечаю так, как указано в моем документе.

Со стариками я сижу на одной длинной лавке, лицом во двор. Студент еще стоит, но против своей матери, а я сижу вдали от дверей. Мне показалось, что на мой последний ответ он улыбнулся. Сделав паузу, он вновь спрашивает-допрашивает:

— Если Вы студент 1-го курса, то как же Вас послали для изучения подпочвенных образований?.. Вы же в этом еще ничего не понимаете! А потом — почему Вас послали в Олонецкую губернию, когда на Урале лесов сколько хочешь?

Слушая его, я понял, что попал впросак. И если начну доказывать, то запутаюсь окончательно.

Отвечаю, что хочу просто попутешествовать... а наш университет, идя навстречу, дал мне на каникулы такую командировку.

Студент опять молчит, а я чувствую, что он совершенно не верит моим словам. Молчание становится тягостным. Я вновь проклинаю себя — зачем я вошел сюда? После новой длинной паузы вдруг студент говорит, смотря на меня:

— У Вас казачье лицо. Вы не казак ли, случайно?

Услышав это, я почувствовал, что скамейка подо мной будто зашаталась и мое тело немножко осело.

— У меня мать — казачка оренбургская, это ведь, близко к Екатеринбургу, — отвечаю и вижу, что мои лживые слова вызвали улыбку на лице студента.

Он даже как-то загадочно «шмыргнул» в нос и громко, насмешливо произнес:

— А мне кажется, Вы не только что казак, но Вы есть кубанский казак!

Студент «попал мне в самый глаз». Я чувствую, что и старик казак, и мать студента также видят во мне своего кубанского казака, но молчат, а студент, по своей несдержанности, буквально «ударил плеча».

Мои мысли о том, чтобы не растеряться и не выдать себя. Студент — природный кубанский казак, но, может быть, он сочувствует красной власти?.. Ну, возьмет да и выдаст. Стоит ему только крикнуть через двор в комендантское управление. И если я скрываю свое настоящее происхождение, то, видимо, неспроста!

— Это Ваше дело предполагать, что я кубанский казак, но я есть студент Екатеринбургского университета, — уже зло отвечаю ему, чтобы отбить охоту допрашивать меня.

— Та оставь, Ваня, чуловика... чего ты пристав до його? — вступилась за меня его мать.

И он меня «оставил». Наступило молчание, то неловкое молчание, когда становится тяжело на душе. Я нахожу, что мне надо уходить отсюда, и уходить немедленно. Молчание давит всех.

— Почему их до сих пор нет?.. Обещали быть к одиннадцати, а их нет, — тихо говорит студент своим, уже не обращая внимания на меня.

«Кого же они еще ждут?.. Как бы не попасть в новую неприятность», — думаю. Студент мне уж не нравится. И пока я так думал, в сенях послышались шаги и в комнату, с вопросом «можно?», вошли два человека. Они весело, радостно, как свои, за руку поздоровались со всеми, а здороваясь со мной, остро посмотрели в глаза. Они в холщовых серых гимнастерках при казачьих поясах, в галифе и в приличных сапогах. На головах спортивные летние кепки. Вид молодецкий, подтянутый. Сели и сразу же заговорили о Кубани.

— Почему же Пети нет? — спрашивают они.

Я вижу, что здесь состоится какое-то собрание знакомых людей. И эти двое явно кубанские казаки. Но кто они? Они так чисто одеты! Может быть, комиссары с Кубани? Чувствую, что попал словно в западню. Надо уходить как можно скорее, до прихода еще «какого-то Пети». Я хочу уйти и не знаю — как это начать.

— Извините, Вы будете полковник Елисеев? — повернувшись на лавке ко мне всем своим телом, спрашивает второй, хорошо сложенный мужчина лет тридцати.

Что-что, но такого прямого вопроса я никак не ожидал. Кто он — я не знаю. С самого начала своего замысла бежать за границу я твердо решил никому об этом не говорить, а получив подложный документ, так же решил твердо не признаваться, кто я в действительности.

— Нет, Вы ошиблись, — отвечаю.

— Да как же?.. Я Вас отлично знаю. Вы поднимали восстание в Кавказской в 18-м году и с конным отрядом прибыли в станицу Казанскую, а мы, тифличане, целою сотнею прибежали к вам с полковником Карягиным — помните? И я там был в своей сотне. Я хорунжий Саморядов³⁶¹. После восстания Вашего папу расстреляли красные. Потом я был у вас в Кавказской. Ваш дом на Красной улице. У Вас две или три сестренки. И два брата-офицера. А когда Вы командовали нашей 2-й дивизией, с Вами была одна Ваша сестренка, забыл, как ее имя. Она была в черкеске, с бритой головою, как говорили, после тифа. Всегда была с Вами впереди казаков, и все мы считали, что это Ваш младший братишка! — рассказал подробно этот хорунжий Саморядов, которого и я теперь узнал.

— Ваши предположения для меня очень странны, — отвечаю ему, а сам не знаю, хорошо ли я делаю или плохо.

И хорошо ли это выходит у меня, «незаметно» или очень искусственно? Одно я знал — кто бы они ни были, но свое подлинное имя я должен скрыть, так как по русской неосторожности, возможно от радости, они могли проговориться кому-то, что «здесь полковник Елисеев... он бежит в Финляндию». А власть, узнав, заставить указать — кто это полковник Елисеев?.. где он?.. И они, под страхом наказания, выдадут.

— А я хорунжий Сосновский³⁶². Наша 5-я Кубанская батарея была в вашей дивизии, — вдруг вторит высокий блондин с девичьим лицом. — И я Вас отлично знаю, господин полковник.

— Я с Урала, и то, что вы говорите, для меня все непонятное и чуждое, — отвечаю им и боюсь, что они встанут и скажут мне: «Да бросьте, господин полковник, отнекиваться... и не бойтесь!.. Расскажите — как Вы здесь?»

И тогда, может быть под влиянием чувств таких дорогих мне своих офицеров, мог и признаться. Но я сдержался. Все замолчали. Что они думали, не знаю, но после короткого молчания хорунжий Саморядов уже тихим голосом говорит:

— Интересно, где теперь генерал Морозов, что сдал нас?.. Говорят, что они (красные) его расстреляли. С ним сослали очень много полковников, и никто не знает — где они?

Эти слова Саморядова подкупили меня. Если бы в этот момент они вновь обратились ко мне, я, кажется, не выдержал бы и признался. И рассказал бы, что красные никого не расстреляли из группы Морозова, все живы, все на Урале, а генерал Морозов в Москве, в Академии Генерального штаба читает лекции.

Саморядов сказал это так искренне-жалостно, сочувствуя всем нам и болея за нас, что не могло быть сомнения — они оберегли бы меня

и здесь. Но я боялся студента. А потом... потом голос рассудка твердил мне — продолжать скрывать себя до конца.

— Ну, позвольте откланяться, мне нужно идти, — говорю им и умышленно начинаю прощаться со всеми за руку.

Все встали. Прощаясь, Саморядов и Сосновский глубоко посмотрели в мои глаза, как бы говоря: «Ну, признайтесь, господин полковник... порадуйте нас!»

Посмотрел и я глубоко в их глаза. И не признался. Спокойным шагом иду через широкий двор, не оглядываясь, зная, что они через окна смотрят мне вслед. Выхожу на улицу, иду тихо до первого угла, а потом, тяжело передохнув и как бы сбросив всю тяжесть пережитых минут, зашагал крупно, не оглядываясь, к себе в гостиницу.

Новый риск. Встреча с офицером-станичником

Утром следующего дня, в понедельник, иду в «совнархоз» Олонецкой губернии попытаться получить «открытый лист» до Олонца на право пользования почтовым трактом. Надо было запастись такими документами, по которым я направлялся в определенный пункт. Главное — ближе к финской границе. И может быть, там я смогу увидеть карту губернии, чтобы знать — где же проходит государственная граница?

Меня принимает председатель — приятный, интеллигентный блондин 30—35 лет, одетый в приличный костюм. Представляюсь, показываю свои документы и, как командированный с научной целью студент, прошу выдать мне открытый лист на почтовые прогоны до Олонца, до коего чуть выше 100 верст. Он куда-то звонит, приходит писарь, ему передается распоряжение, меня просит подождать здесь.

Я увидел карту, исследовал границу по ней и избрал путь на Тулмозерский завод, который стоял от границы в 6 верстах. Получив документ, спустился вниз.

Цель моего побега за границу была пробраться в Русскую Армию генерала Врангеля и продолжать вооруженную борьбу против красных для освобождения своего Отечества. Думалось тогда, что с весной Белая армия где-то высадится и перейдет в новое наступление. Я имел при себе черкеску, бешмет (подарок генерала Хоранова), папаху, бриджи на очкуре, пояс, но никакого оружия. Я не отдавал себе отчета, какому подвергался риску — по документу студента из Екатеринбурга иметь при себе полный костюм кубанского казака. Но теперь, когда я должен совершить свой путь пешком, по лесам, понял, что в случае ареста и обыска эти вещи выдадут меня «с головой». Куда же их деть? Оставить в гостинице невоз-

можно. Бросить в Онежское озеро еще опаснее. И я решил переслать их семье на Кубань через ссыльную казачку-вдову, мать студента.

Запаковав в мешочек, написав адрес, иду вторично в комендантское управление, зная, что в рабочий день вчерашних гостей-кубанцев не будет.

Казачка стирала белье чинам комендатуры. Во дворе никого. Увидев меня, быстро бросила стирку, на ходу вытерла руки о фартук и, обращаясь ко мне, так ласково, нежно произнесла с материнской улыбкой своих голубых глаз несколько слов:

— Идуть в хату... там Вам письмо йе.

«Письмо мне?... От кого же оно могло быть в такой дали от Кубани?» — думаю.

Вошли в хату, и она, чтобы не замочить это письмо своими еще влажными пальцами, держа его за уголок, передает и произносит, мягко улыбаясь, смотря мне в глаза:

— Нат-тэ тикы шо Вы ушлы, як прийшов вин йому розказалы про Вас... вин жалив шо нызастав Вас и напысав цэ просыв пэрэдать як Вы прыйдэтэ.

Не только безо всякой радости, но и с опаской беру письмо без адреса, вскрываю и читаю: «Дорогой Федя. Я задержался вчера и не застал тебя. Но тебя опознали. Не бойся. То наши люди, Кубанские казаки, хорунжие Саморядов и Сосновский. Я так жалел, что опоздал. Они не сомневаются, что это ты. И если это так, то обязательно зайди ко мне в управление Карельской коммуны и спроси меня. Я служу там переписчиком. Твой станичник, хорунжий *Петя* [следует фамилия]».

Сомнений не было. Это был мой станичник, которого я хорошо знал с малых его лет. Он моложе меня летами. Единственный сын у богатых родителей. Даже сватался за нашу Надюшу, но ему отказали.

Словно ничего не случилось, я передаю посылку, благодарю за внимание, прощаюсь и ухожу под ласковым взглядом кубанской казачки, всем своим существом и изболевшей душой понимающей меня, мое горе, мой риск.

Иду и нахожу управление Карельской коммуны. Заходить или нет? Ведь я вновь иду в пасть зверя!.. А вдруг там зададут вопрос — почему Вы спрашиваете сосланного сюда офицера Белой армии с Кубани, когда Вы сам с Урала? Кто Вы таков? И какая у Вас связь с ним? Но желание повидать и поговорить со своим станичником было настолько сильно, что я зашел.

Пройдя полутемный коридор, вошел в канцелярию. За столами сидят человек восемь в штатских костюмах и что-то пишут. Налево, за столом, сидит с лохматой шевелюрой один из них, и к нему, ближайшему, я обратился с вопросом:

— Можно ли видеть товарища (назвал фамилию станичника)?

Чин лениво посмотрел на меня и кивнул в сторону другого типа. Тот, также с кудлатой шевелюрой, быстро встал из-за стола, подошел ко мне, энергично взял меня под локоть и, произнеся лишь одно слово «пойдем», насильно, скорым шагом потянул в коридор.

«Арестован», — мелькнула мысль. И как только мы миновали дверь, слышу:

— Здравствуй, Федор Иванович. Я вывел тебя сюда, чтобы они ничего не знали. А теперь подожди здесь, я спрошу у председателя отпуск.

И только теперь в этом человеке с длинной шевелюрой я узнал бывшего чистенького, вежливого и всегда хорошо одетого в черкеску станичника.

Его отпустили сразу. Мы идем на его квартиру. По дороге он быстро рассказывает, что сюда, в Петрозаводск, сослано около 80 кубанских офицеров, больше молодежи. Сидели в лагерях. 1 мая их освободили. Как грамотных людей, рассовали по разным учреждениям. Живут на частных квартирах, получают паяк, но ежедневно, вечером, должны являться в Чека для контроля. Они часто встречаются, тоска по Кубани заедает всех. Вчерашнее мое появление произвело сенсацию.

— Тебя опознали, Федя, но ты вел себя так независимо, так хладнокровно, что и Саморядов, и Сосновский под конец усомнились — да полковник Елисеев ли это?!

Он же, 5 минут спустя, пришел туда, когда я вышел. Описав все мои приметы, он за глаза признал меня. Бросились искать меня по городу. Они догадались, что я бегу за границу. Искали везде, но никак не могли додуматься, что я остановился в казенной советской гостинице, где так строго проверяют документы.

Мы были несказанно рады нашей встрече и торопились к нему на квартиру, чтобы вдали от посторонних глаз поговорить по душам. Станичник мало знает о пограничных красных войсках, но слышал, что граница с Финляндией охраняется сильно. И только недавно туда направлены дополнительные войска. Из них никто не собирается бежать в Финляндию. Условились, что завтра он проводит меня за город.

Утром 29 мая, расплатившись в гостинице, зашел к нему, и мы вдвоем вышли за город, прошли версту по шоссированной дороге на Олоуцк, остановились и присели у обочины под кустом. Для пешего движения у меня оказался большой багаж. В чемодане пара белья, мука, сахар от станичника. В красной России купить было негде, и питание всяк возил с собой. Отдельно сумка сухарей. При мне широкая, длинная солдатская шинель с курсов, заменяющая бурку, на мне кожаная тужурка. Как офицер-пластун, он находит, что все мои вещи надо при-

способить для удобства движения в походе, который продлится несколько дней. Из шинели он делает «скатку через плечо». Сумку с сухарями приспособливает за спину, как «пластунский сыдир» (вещевой пластунский мешок). Но чемодан нужно нести в руках. Первый переход до карельского села Половинного насчитывает 24 версты.

Приспособили багаж, сняли его, вновь присели и говорим, говорим...

— Петя... ты единственный человек с Кубани, видящий теперь меня в последний раз, — говорю ему. — Дня через четыре-пять я должен перейти границу. Перейду ли я ее благополучно — не знаю... Но одно знаю, что, если меня поймают, расстреляют. Если ты прочтешь в газете через пять дней, что на границе пойман какой-то белобандит, хотевший перейти границу, и был расстрелян на месте, то это буду я. С последнего пункта я пришлю тебе открытку. В случае моей гибели сообщу в станицу родным.

Он смотрит на меня и говорит, что у меня «очень военный вид». Все защитного цвета, в сапогах и даже казенная военная фуражка. При этом быстро снимает свою темно-серую, клетчатую штатскую фуражку и надевает мне на голову, а мою берет себе.

— Ну вот!.. Это уже лучше... Возьми ее! — весело бодрит он меня.

Сердце больно ныло. Расставаться не хотелось, но расставаться надо было.

— Я пойду, Петя... не могу, извини. Не забудь мои слова. Ты единственный здесь человек с родины. Прощай, дорогой. Встретимся ли еще когда-либо?..

Мы крепко обнялись. Приспособив на себя ношу и еще раз пожав ему руку, я быстро зашагал вперед. На повороте оглянулся. Мой станичник, хорунжий-пластун стоял на том же месте и печально глядел мне вслед. Коротко махнув ему рукой, дескать, «прощай еще раз!» — я скрылся за поворотом.

Теперь я остался совершенно один, предоставленный собственной участи, собственным силам, совершенно неведомой судьбе...

В декабре 1964 года я получил письмо от одного станичника, что этот офицер-пластун, после ссылки, был отпущен в нашу станицу и рассказал кому надо о том, что я написал только что. Запоздалая радость...

В Карелии. Последний день в красной России

Первые пять верст я шел хорошо, легко, с подъемом, но потом мой багаж стал давать себя чувствовать. В особенности мешал чемодан с продуктами.

Мы, кавалеристы, не привыкли и не любили ходить. Натер ноги. И только к 10 часам вечера вошел в село Половинное.

Карельские села совершенно не похожи на русские. Это несколько рубленых деревянных домов, широко раскинутых вдоль дороги. В каждом селе есть «десяцкий». На его воротах висит крупная медная цепь с бляхой. Это внешний атрибут его власти. Я быстро нашел начальство села, показал свои документы, просил ночлега и двуколку на завтра для дальнейшего пути. Покушав, заснул как убитый.

Утром следующего дня на удобной двуколке с хорошей лошастью двинулся в следующее село Пряжское. Мой путь «для обследования лесной растительности» лежит к Тулмозерскому заводу, что на границе с Финляндией, потому я и веду себя соответственно с сельским десяцким.

Карелы, как и финны, имеют праздничные выезды на удобной рессорной двуколке в одну лошадь без дуги. Это и есть те «почтовые лошади», на пользование которыми я получил право в Петрозаводске, в губернском совнархозе.

Кучером была жена десяцкого. Карелы плохо говорят по-русски, а женщины почти совершенно не говорят, почему этот прогон прошел молча.

В Пряжском, получив новую двуколку, в тот же день доехал до села Мальга.

Я торопился как можно скорее добраться до финской границы и только там передохнуть.

Чем дальше я удалялся от Петрозаводска, тем села становились беднее. Шоссированная дорога на Олонецк отклонилась почти на юг, а мне надо двигаться на запад и по проселочным дорогам.

В селе Мальга у десяцкого не было двуколки, и он предложил мне везти мой багаж на лошади, а нам идти пешком. Пришлось согласиться. И мы, с лошастью в поводу, тронулись не дорогой, а кратчайшей тропинкой по лесу на село Краснозер. Этот карел оказался разговорчивым, ругал советскую власть, чем радовал мою душу.

В Краснозере привал у нового десяцкого. Я показал ему документ. Он молча вышел, запряг лошадь и отвез меня в следующее село Штекела. Село большое. Десяцкий был богатый карел. Он накормил меня и дал удобный кров на ночь. Узнав, кто я и куда еду, он говорит, указывая на мою кожаную тужурку:

— А эту сними, а то мужики в лесу топорами зарубят...

— Почему зарубят? — спрашиваю.

— Так ты же партийный... вот и зарубят, — твердит он.

Отвечаю ему, что я не партийный, а студент.

— А это-то... кожаная тужурка?... Рази мы не знаем, што ее носят только партийные?!

Доказал ему, что я не партийный. Поверил. Но добавил:

— Ну, смотри же, верю, а то они ведь разорили нас. Все берут у крестьян... А какой у нас хлеб?... Ведь живем в лесу! Лес не выкорчуеть — хлеба не получишь. Да и корчевание... его ведь годами делаешь! — поясняет он мне.

3 июня выехал в село Ведлозер. Оно лежит у берега озера того же названия.

Здесь я отдыхаю и пишу прощальные письма в станицу и в Петрозаводск станичнику, что я почти у цели.

К полудню следующего дня прибыл в село Палалахти, расположенное на высоком берегу Тулмозерского озера. Меня привезли прямо в какую-то «общественную квартиру», которую содержит вдова-карелка. У нее много детей. Почти все девушки. Ее фамилия Русских. Молодая и очень приятная старшая дочь лет двадцати четырех подходит ко мне и спрашивает — куда я еду? Отвечаю: студент, в командировке, еду осмотреть Тулмозерский завод. От нее узнаю, что финская граница от завода отстоит в 6 верстах. Чтобы разузнать все подробно, для их детей даю немного муки, сухарей и сахару-песку. Оказалось, что вся их семья — активные красные. Года два тому назад, когда финны заняли часть Карелии, они расстреляли их отца, председателя совета и ее мужа. Она теперь вдова, семья большая, но им помогает власть, как пострадавшим за революцию. На ней я вижу приличную широкую юбку, хорошую кофточку, а на ногах боксовые ботинки. Она одета почти погородскому. Я говорю ей, что по ее костюму не видно, чтобы семья нуждалась. Она, наивно кокетничая, поясняет, что финны-коммунисты и местные карелы часто ходят в Финляндию тайком и оттуда приносят контрабандой ситец, бокс, костюмы, ботинки и прочее, чего в Финляндии очень много, ну и дарят им, вдовам, или продают дешево.

— А не опасно проходить границу? — затаенно спрашиваю я, ласково улыбаясь, а сам весь напрягся, чтобы не пропустить ни единого ее слова, ни единой мимики ее лица.

— С нашей стороны нет, свои везде, но с финской — опасно. Финны злые, стреляют, но наши знают секретные дорожки, да и там есть у нас свои люди. Я часто получаю подарки, — закончила она бесхитростно.

Узнаю дальше, что в их селе стоит «центральный пост Чека». Чекисты часто заходят к ним в гости. И как нарочно, в это время зашел какой-то чин — высокий, сухой, широкий в плечах блондин, с жестоким рябым лицом и начальническими красными нашивками на рукавах гимнастерки. Хотя он не обратил на меня никакого внимания, но

его появление здесь мне не понравилось. А эта молодая вдовушка немедленно встала и как птичка подошла к нему. Я не мог слышать, о чем они говорили. Перебросившись несколькими фразами, он вышел, а «птишка» вновь подпорхнула ко мне и, облаканная моими подарками, вновь защебетала.

От нее узнаю, что прямо по главной дороге в Финляндию границу делает маленькая речка. На ней мост и там сильный «наш караул». По дороге до границы 18 верст. Дорога проходит мимо Тулмозерского завода, но на него не заходит. Почтовая двуколка ходит на Колозельгу, и, если я хочу побывать на заводе, надо слезть у поворота и уже пешком идти на завод, по шоссе, всего 2 версты. Завод разрушен, и там никого нет. Такое подробное ее щебетание пояснило мне все. Я был ей благодарен в душе. Но она не отходит от меня и кокетничает определенно, вводя в соблазн. Этого еще не хватало перед решительным и ответственным прыжком в полную неизвестность. Извинился, что мне некогда, надо писать свои научные наблюдения. Она ушла.

Свои наблюдения я умышленно записывал в тетрадь. В Петрозаводске у председателя губсовнархоза я попросил бумаги, чтобы сделать тетрадь для путевых заметок. Он дал мне отличную белую бумагу финских фабрик и, улыбнувшись, произнес: «Бумага ц а р с к а я». Я поблагодарил за любезность. Сделал тетрадь в 50 листов, на обложке которой демонстративно вывел надпись: «Тетрадь для заметок по Олонецкой губернии и Карельской советской республике студента Уральского Государственного Университета (далее моя новая фамилия)».

В ней ежедневно я делал «научные заметки» в советском духе на тот случай, если бы был задержан, для доказательства своей работы в командировке.

Как перед решительным боем, на ночь я выкупался в Тулмозерском озере, надел чистое белье, хорошо поужинал, весело поговорил с обеими хозяйшками-вдовушками, довольными моими подарками, и лег спать.

Утром 4 июня рассортировал свои вещи. С собой беру только шинель, кожаную куртку и сумочку сухарей. Все, что осталось съестного — мука, сухари, немного сахара, — уложил в чемоданчик. Я знал, что сюда уже не вернусь, почему, прощаясь, сказал, чтобы хозяйки, до моего прибытия, присмотрели бы за ним.

К 11 часам утра к их дому подъехала почтовая двуколка. Женщины удивились, что я беру с собой шинель, куртку и сухари, так как «по заданию» должен вернуться сегодня же назад. Поясняю, что на заводе может быть холодно, а нет, то на полянке раскину шинель, чтобы понежиться на солнышке и погрызть сухарики на лоне природы. На мои слова они весело улыбнулись, а когда двинулась лошадь, молодая вдово-

вушка крикнула вслед: «Да скорее возвращайтесь!» Я махнул ей рукой, что, мол, «конечно» — но сам знал, что не вернусь назад уже никогда.

Еду и волнуясь. Это моя последняя и решительная поездка. Сегодня я должен быть в Финляндии, или... дальше не хочу и думать. Я поставил свою жизнь на карту, это я знаю точно, потому я должен быть осторожным, энергичным, решительным.

Со мной какой-то попутчик. Он неразговорчив, я тоже. Завод виден издали. Навстречу идет двуколка. В ней цыганского типа молодой красноармеец. Проезжает и активно рассматривает меня, как нового и неизвестного человека здешних пограничных мест. Я его не боюсь, так как у меня все документы в полной исправности.

Вот мостик через речку. Дорога сворачивает влево, на юго-запад. Возница говорит, что здесь мне надо слезать, и указал на завод. Я его сам давно вижу. Он — моя исходная точка в неизвестность...

Слез. Иду по дороге к заводу. Вошел в раскрытые ворота. Все разрушено, был, видимо, и пожар, и стоят только кирпичные стены, двор порос травой. Вокруг ни души. Вижу пожарную вышку-каланчу. По винтовой лестнице быстро взбираюсь наверх и осматриваю кругом местность, стараясь глазами нащупать так желанную мне границу, но... насколько хватал глаз — кругом лес, пересеченная местность, не видно ни жилья, ни людей, никакого движения. Все — сплошное море леса. Боясь быть обнаруженным, сошел вниз и, пройдя на запад, скрылся в глухом лесу. С этого момента началась моя новая «одиссея» по лесным дебрям, в полной неопределенности и страхе.

Я заблудился. Встречи в лесу

Базируясь на солнце, я взял путь прямо на запад. 6 верст, думаю, пройду быстро. Вступив в лес, шагов через пятьдесят, почувствовал некоторую беспомощность. Стоят сплошные сосны. Меж ними заросли. Под ногами мягкий мох. Огибая сосны, кустарники, нахожу, что если мой путь будет продолжаться в таких зигзагах, то он удвоится. Через полчаса встречаю просеку. Свернул на нее, иду немного на север. Через час новая просека. По ней сворачиваю на запад. Просека упирается в речку и заканчивается. Иду вдоль речки. Через кусты вижу две спящие фигуры. Огибаю их украдкой и продолжаю свой путь.

Я иду и иду, базируясь на солнце, то есть иду, по-моему, на запад. Солнце уже свернуло с полудня, но по местности вижу, что нахожусь еще в России, так как не прошел никакого рубежа, определявшего государственную границу.

Слышу звуки топора. Останавливаюсь, прислушиваюсь. Иду дальше и вижу крестьян-карел, корчующих лес. Так хотелось подойти к ним и расспросить о местности. Но — обхожу их и иду дальше. Уже 5 часов вечера. Я в пути более 3 часов. Думаю, что прошел уже не менее 15 верст, но никакого намека на границу не вижу.

Начинает темнеть. Вот полянка и дорожка. Иду по ней и неожиданно натакиваюсь на высокого, сухого старика с длинной седой бородой, в длинной холщовой рубахе до колен, в таких же портках, в лаптях. Кто он? Странник, лесной человек — не знаю. В руках посох-палка. Солнце уже заходит за горизонт. Скрываться от встречи было уже поздно. Да и надо выяснить — где же я нахожусь?

Старик, увидев меня, осклабился и низко поклонился. Это мне понравилось.

— Где Тулмозерский завод? — спрашиваю.

К моему удивлению, он показывает рукой не на восток, а на юг.

— Сколько до него верст?

— Восемнадцать, — отвечает.

Я его не понимаю. Если я прошел 18 верст, то я давно должен быть в Финляндии. И боюсь его спросить: «Чья это земля?» А он, старчески улыбаясь, по моей кожаной тужурке думая, что я партийный, говорит урывками фраз:

— Ты пойди в село... Там совет... Там можно переспать.

— Где село?... чье?... какой совет? — забросал его будто бы «спокойно» вопросами.

— Да там... две версты отсюда... наше крестьянское село и в крайнем доме совет... Внучка тебя проводит, — сказал и крикнул своей внучке-подростку, которая от меня спряталась в кустарнике.

— Ты карел, дедушка? — спрашиваю.

— Да карел, карел, — отвечает.

— А где финская граница?

— Там далеко, восемнадцать верст, — ответил он и показал рукой не туда, где садилось солнце, а по перпендикуляру к нему.

Только теперь я понял, какую совершил ошибку, идя на солнце. Я забыл, что на Крайнем Севере солнце заходит не на западе, а на севере. Поэтому от Тулмозерского завода я взял направление не на запад, а на север. Пройдя 18 верст, я еще дальше отодвинулся от финляндской границы.

Своим ответом старик буквально «убил меня». Мне показалось, что эта моя ошибка непоправима и я не доберусь до границы вновь без дорог, да еще с наступлением ночи. Но останавливаться было нельзя, а главное, нельзя допустить, чтобы обо мне узнали в селе. Надо уходить

и уходить в лесную чащу как можно скорее. Я заговорил вновь о финской границе, но старик, сделав строгое лицо, говорит:

— Туда не ходи... Запрещено, там убивают.

Видимо, заключаю, случаи поимок были, как и убийств на границе. Но для меня иного исхода не было.

— Спасибо, дедушка, — говорю ему и, повернув прямо на запад, как указал он мне рукой путь к границе, двинулся туда.

Я вошел в новую и более густую чащу леса. Сознание, что мне предстоит пройти еще 18 верст, испугало. Пройду ли я их? Это ведь по прямой дороге 18 верст, а я должен пройти по лесу, зигзагами, встречая и препятствия.

Горькое сознание этого дало мне силу. И я, перекрестившись, двинулся. Заросли становились гуще и более дикие. Часа через два, уже с темнотой, уперся в речку. Она шумит, бурлит, но мелководна. По бережку, меж кустов, тянется тропинка. Я становлюсь на нее и иду вверх по течению. Дорожка извивается, потом уменьшается в своей «пробитости» и затем совершенно исчезает. Я в недоумении. Куда же идти? Я не хочу отрываться от речки, считая, что, идя по ней, я все же что-то найду — может быть, хату лесника или рыбака. Спускаюсь вниз и по бережку, по песку, по камням иду по ней. Речка, вернее ручеек, быстрая, но такая мелкая и витиеватая в своем течении, что приходилось пересекать ее, так как пологий берег часто переходил в обрывистый, на который не взобраться.

Я был счастлив тем, что попал в период белых ночей, иначе идти было бы невозможно.

Иду-иду, больше смотрю себе под ноги, выбирая дорожку, перескакивая с камня на камень, чтобы не мочить сапог. Вдруг, в полной ночной тишине, лес оглашается каким-то диким, неприятным, протяжным криком. Невольно остановился и вздрогнул. Что бы это значило? Во всяком случае, это не крик человека. Стою и прислушиваюсь. Крик повторился, и как будто ближе ко мне. Я нащупал свой перочинный ножичек и вынул из кармана. Его я нашел по дороге. Он совершенно не годен ни на что, так как его истертое от точения лезвие болтается в разные стороны. Я его подобрал как оружие, на всякий случай... Держа его в руках, двинулся вперед. Вдруг крик повторился так близко от меня и так дико гортанно, по-звериному, что я со страхом остановился, быстро поднял голову, стараясь как можно скорее увидеть этого зверя и, если понадобится, приготовиться к единоборству.

Я еще больше испугался, когда шагах в двадцати от себя увидел не зверя, а существо, похожее на человека. Это существо, увидев меня, остановилось. А я, весь напрягшись, тихо двинулся к нему.

Существо было в лыковой шляпе, в лыковой куртке, в рваных штанах, в лаптях. По лицу висели куски волос не то бороды, не то усов. Лицо не старое, но как бы «идиотское». За плечами лыковая сумка. В руках удилище и рыбацкая сетка. «Пародия на человека» смотрела на меня с полным безразличием, но не зло.

— Кто ты? — спрашиваю.

Он молчит, смотрит, словно не понимая моих слов.

— Кто ты?.. откуда?.. что делаешь?.. почему ты здесь? — тихо, с растяжкой спрашиваю его, познав, что этот убогий карел плохо понимает меня.

— Карел рыболов, — односложно отвечает.

— Почему ты кричал?

— Товарищ тоже рыболов, жду его, — отвечает.

Стоит ночь. Уже 10 часов. Кругом гробовая тишина леса. Их двое, а я один. Они в полном рублище, для них я одет очень богато. Завидная добыча. Как у рыболовов, у них должны быть ножи. В лесу без ножа жить нельзя. Я же безоружный. Они могут одолеть меня и из-за добычи прирезать... Свидетелями будут только глухой лес да вот эта речка. Надо уходить, пока он один. И уходить как можно скорее.

— Я заблудился, где твое село?.. Где граница? — спрашиваю.

На свое село он указал куда-то в сторону, а насчет границы пояснил:

— Иди прямо по реке... через нее будет бревно... это мост, еще надо идти три версты, перейдешь — иди сюда, — и указал рукой, по-моему, на юг. — Там будет поляна... и хата, там живут солдаты, но туда не ходи... они убивают, — закончил он все так же односложно, плохо зная русский язык.

Услышав все это, я начинаю холодно потеть от страха. Уже второй карел говорит мне, что на границе «убивают»... Значит, случаи были.

Двинулся, оглянулся и рукой спрашиваю — правильно ли я взял направление? Он незаметно кивнул, а когда я скрылся от его глаз, он вновь дико закричал по-лешему. Теперь хотя мне и не страшно от этого крика, но для слуха было очень неприятно.

Дервиш-рыболов оказался прав. Версты через три, где речка сузилась своими крутыми берегами, через нее было переброшено толстое, не очищенное от ветвей дерево. Впереди полянка-котловина, дальше горы и высокий лес. Моя дорожка сразу же окончилась у берега, и я вступил в густую заросль колючей травы, хлопнулся в воду выше щиколоток и побрел на юг.

Было так тяжело идти по этой водяной заросли. Главное, я боялся, уж не засасывающая ли эта тина? Погибнуть в таком положении —

меня пугало. Бреду нудно, тяжело. Вправо, у начинающейся окраины леса, расстилается дымок. Я безумно устал, издергался, ноги подкашиваются. Пойду к этой хатенке, кто бы там ни был, и отдохну. Если там красноармейцы, скажу «заблудился», решаюсь и на это, не видя впереди для себя выхода.

Иду, а дымок от меня удаляется. Вот и опушка леса, а... дымок уже рассеялся, и никакой здесь хатенки нет. Оглядываюсь назад, вижу дымок позади меня. «Это испарения от воды», — заключил. «А не галлюцинация ли от усталости?» — пронеслось в голове. Напрягаю силы, иду к лесу и ступил сразу же на каменистую почву просеки. Просека широкая, метров двадцать. По ней тянется хорошо пробитая старая дорожка для пешеходов. Просека запущена. Она прорезана между старыми очень высокими соснами. Уже на самой просеке выросли молодые сосны в 5—10 сантиметров в диаметре. Предполагаю почти уверенно, что это государственная граница между Россией и Финляндией.

Вступив на каменистую почву, мои сапоги сразу же «захлюпали». Остановился, разулся, вылил воду, выжал портянки, вновь обулся и двинулся вверх по просеке.

Сколько прошел я верст — не знаю. Вот уже 9 часов подряд без единой минуты отдыха я иду очень быстрым, торопливым шагом, и мне совершенно не хочется есть. Но зато жажда исключительная. Я прохожу частые и такие чистые родники, и вода в них так приятна. Я много пью, почему и потею. Я весь мокрый. Мокра и кожаная куртка. Суха только скатка шинели через плечо, которую часто меняю с одного плеча на другое. Мои сапоги кожи советской выделки, размокшие в воде, теперь, по каменному грунту, превратились в какие-то «шлепанцы». Я боюсь, что они перестанут мне служить...

Как ни прекрасны северные белые ночи, но это все же ночь. Природа спит. Хочется спать и мне. К тому же я очень устал физически и издергался нервами от осторожности и полной неизвестности. Если моя душа переполнена борьбой с природой для того, чтобы вырваться из «своей великой страны» и попасть в маленькую свободную Финляндию, то мой организм перенапряжен. Он требовал отдыха, сна. Но спать в лесу... Опасности леса, где редко ступала нога человека, где водились медведи, сплошь и рядом задиравшие насмерть не только карельских коров, но и людей, не позволяли остановиться. Просека тянется по перекатам. Иду и мечтаю — вот на вершине следующего переката увижу что-то конечное для меня. Но напрасно. За одним перекатом следовал следующий, и, как мне казалось, местность все поднималась и поднималась.

«А если заночевать на дереве?» — думаю. В таких рассуждениях остановился, поднял голову и ишу подходящую сосну, на которую мож-

но взобраться, примоститься на ее ветках и заснуть. Но сосны такие высокие, метров десять от земли, они без всяких веток, и только где-то высоко-высоко, своими зеленеющими макушками, они делали сплошную крышу, сквозь которую, думаю, не проглядывало и солнышко Божье. О ночлеге на них не могло быть и речи.

Ну, взойду на следующий перевал и, если не увижу выхода, буду звать о помощи.

— Гоп-го-оп! — резко, вызываяще, выкрикнул на следующем перевале.

Резкое эхо заговорило-ответило в разных местах леса. Стою и прислушиваюсь — будет ли ответ? Но — та же лесная мертвяще-сонная тишина продолжала оставаться кругом...

«Неужели нет и красной пограничной стражи здесь? А если она откикнется, скажу — заблудился, будучи командирован сюда «для изучения лесной растительности», как сказано у меня в документе, а переночевав у них, завтра приступлю вновь к побегу», — успокаивал себя. Постояв немного, сложив рупором ладони ко рту, еще громче вновь возопил: «Гоп-го-о-оп!» Но и на этот раз никто не ответил.

В отчаянии иду дальше. Передо мной очень высокий перекат. Ну, думаю, это должен быть «перелом». Вхожу на него. Дальше местность начинает понижаться, и вдоль широкой просеки я вижу нескончаемое небо, которое далеко-далеко впадает в какую-то пропасть. Я чувствую, что до этой пропасти я не дойду. Почему, сложив вновь ладони рупором, кричу изо всех своих сил: «Гоп-го-оп!.. Гоп-го-оп!»

Стою и жду спасительного ответа, от каких бы то ни было людей, от дьявола и даже от красноармейцев. Но вновь ничего...

Положение становилось критическим. Я словно всасываюсь в болото, из которого совершенно не было спасения. Но ночевать в лесу, с медведями, я совершенно не собираюсь.

«Что же дальше делать?» — остро колет мысль в голову. Вот и гибель так просто и так неожиданно. О возвращении назад не может быть и речи. Да и куда идти назад? Я должен идти только вперед, вперед... И, набравшись сил, головой, мозгами, сердцем заставив свои уставшие ноги в истоптанных сапогах работать, двинулся вперед по уклону.

Прошел, может быть, версту. Мою просеку, по диагонали с северо-востока на юго-запад, пересекает узкая пешеходная тропинка, очень старая, заросшая, но довольно пробитая в былом. Как дикарь, как американский индеец, моментально остановился и исследую ее. По ней, видимо, долго и много проходило людей когда-то. Могли ходить и теперь. Как бы то ни было, она должна вести к какому-то жилищу. Соображаю: влево может быть только Россия, а вправо — Финляндия, запад. Повернув направо, продолжаю путь.

Рубикон перейден. В Финляндии

Часы показали одиннадцать ночи. Но в природе светло. Я попал в счастливый период северных белых ночей. Светло так, что можно читать. Сердце человека — вещун. Это я испытал не раз на себе. В данном случае, когда я свернул направо, почувствовал, что ступил на землю Финляндии. Откуда-то взялась радость, энергия, и я ускорил шаг.

«Кто проходил, кто хаживал по этой торной тропинке в прошлом и проходит ли кто теперь?» — думал я, изучая ее, вьющуюся между деревьями. Она была, видимо, дорожкой контрабандистов. Но мне сейчас все равно. Я хочу, я должен встретить на своем пути «живое существо».

Выхожу на маленькую полянку меж высоких сосен. Посредине ее старая копейка сена, вся черная от времени. Верный признак — человеческое жилье недалеко. Но чья копна — русская или финская?.. Иду дальше. В преддверии неожиданных встреч зорко наблюдаю по сторонам. На тропинке вижу окурки папиросы. Схватываю его и рассматриваю — чей он? На мундштуке заметны латинские буквы. Да, конечно, папироса из Финляндии. В советской России почти все курят махорку, а для сигарет употребляют только газетную бумагу. Но окурки можно бросить контрабандист-финн и на русской земле. Но что граница близко, теперь я не сомневался. И что по этой дорожке-тропе хаживают люди и теперь — также ясно.

Иду дальше еще более бодро. И вдруг на траве, так заметно, словно «гора» — лежит коробка от спичек. Схватываю ее. Она пуста. На ней надписи только латинскими буквами. «Ур-ра! Ур-ра!» — не выкрикиваю, а только душой радуюсь и осматриваю ее с такой радостью и любопытством, как никогда не виданную мной драгоценность. Я держу в руках вещь заграничного изделия, которая теперь мне ясно говорила, что «здесь ступала нога иностранца»... и возможно, что это и есть уже Финляндия, о которой я так мечтал.

Я весело ступаю по дорожке, а она, словно для облегчения моей ходьбы, заметно опускается книзу и кажется более протоптанной. Я иду быстро и чувствую, что дышу каким-то новым и свежим воздухом — воздухом жизни. Сквозь поредевший лес показалась пашня, и я скоро увидел сизо-зеленые колосья ржи, потом живую изгородь. Ну значит, скоро будет и село. Вот дощатая клуня для сена, которую я видел в Финляндии в 1917 году, когда там стояли наши Кубанские полки. Вот и еще какие-то постройки. А вот и домик на полянке. А дальше озеро, окруженное со всех сторон горами с сосновым лесом. «Россия или Финляндия?» — размышляю.

Кругом мертвая тишина. Замедлив шаг, тихо подхожу к домику без ограды. Странно, что нет собак. Подойдя, заглядываю в окно. На полу вповалку спят мужчина и две женщины. Изучаю — кто они? Одежда на них фабричная, не самотканая, как я видел у карел. Осторожно стучу в окно. Спят. Стучу еще. Все как-то одновременно и быстро вскочили на ноги. Они спали не раздеваясь. Ко мне выходит пожилой мужчина в жилетке поверх рубашки, в подстриженной седой бороде, с седыми нависшими бровями и обе женщины, видимо мать и дочь. Они удивленно и любопытно осматривают меня с ног до головы. Сняв свой картуз, я поклонился им. Они ответили тем же.

— Это Финляндия? — спрашиваю.

Они смотрят на меня удивленно, переглянулись между собой, но ничего не ответили.

— Это Финляндия или Россия? — переспрашиваю.

— Чухна чухна, — отвечает старик.

Я знал, что «чухонцами» назывались финны, живущие под Петроградом.

— Чухна, чухна, — повторяет старик и смеется.

Я сбрасываю с себя шинель-скатку, мешочек с сухарями и кожаную куртку. Сказалась реакция — мне захотелось передохнуть. Каков был у меня вид — не знаю. Видимо, измученный, потому что обе женщины бросились в комнату и принесли мне большой кувшин холодного молока. Беру и выпиваю два больших стакана. Выпив, почувствовал утомление и сел на порожек у двери. Сижу и молчу. Молчат и они. Женщины показывают на кувшин с молоком, дескать, «пей!». Беру его и без стакана, безостановочно, выпиваю все, что там было.

Вынимаю кошелек, достаю одну бумажку в 250 советских рублей и даю им. Те со смехом отшатнулись от меня, как от зачумленного, и отрицательно замотали головами и руками. Я даю их старику. Но тот уже закурил свою трубку и добро, по-старчески улыбаясь, показывает руками, что этими деньгами можно лепить только стены, вместо шпалер. Я киваю ему, также улыбаясь, а женщины уже смеются. Я знаком указываю — лепите их на стену, и вручаю все же им 250 советских рублей, никому не нужных. Женщины осторожно и с улыбками взяли эту бумажку за уголок так, словно чтобы не запачкаться, и стали рассматривать ее.

Сижу и думаю: все же надо выяснить — где я? Старик понял меня. Они заговорили между собой, после чего старик, толкнув меня в плечо, вдруг ясно и отрывочно произносит русские слова, рукой указывая на восток:

— Там... моя брат пойдём она говори руська.

Я так обрадовался этой русской речи, что, вскочив на ноги, смеюсь и говорю:

— Харашо!.. пайдем твоя брат...

Он понял меня и весело смеется. Дочь бросилась в комнату и принесла отцу шляпу и сапоги. Он одет, и мы тронулись. На прощание, кивая, благодарю женщин, которые весело улыбаются.

Мы спустились к озеру и подошли к лодке. Что за вид! Что за красота! Что за воздух! Так вот откуда веяло на меня «дыханием жизни», когда я свернул с просеки на тропу. Дыхание жизни шло из этого божественного озера. Озеро — как гладь. В поперечнике 1 верста, а может быть, и меньше, а вдоль — около 2 верст, и погибает оно куда-то на север. У нашего берега осока низины, а дальше, вокруг всего озера, крутые берега с сосновым лесом. Озеро так тихо и спокойно, что от играющих рыб поверх воды слышен плеск.

На мое удивление, здесь нет никакого села. Живет в своем маленьком чистеньком домике вот этот старик с женой и дочкой. Видимо, рыболов. Гребет он веслами сноровисто. Лодка движется около берега, держа путь на восток. Через полверсты причалили к низкому безжизненному берегу. Вдали, в лесу, видна убогая хатенка. Мы направились к ней. В это время из лесного бора, с юга правее нас, вышел «одноглазый циклоп» — выше среднего роста, широкоплечий, костлявый мужчина без бороды. Правый глаз навывкате. На левом черный кружок, поддерживаемый шнурком через голову. В руках большой топор. Впечатление от него очень неприятное. Позади него мальчик лет двенадцати. Это был брат старика, но кто он — не знаю, как и не знаю — кто этот старик? «Может, контрабандисты?» — мелькнуло в голове. «Возьмут и зарубят», — ударила мысль у меня, затравленного человека. Они подошли к нам. Мальчик быстро снял свой картузик-блин, низко поклонился и надел его на голову. Это меня успокоило — у разбойника не может быть такое милое дитя. Братья поздоровались, перебросились словами. Их слова явно касались меня. Выслушав брата, «циклоп» произнес два слова: «Пойдем в хату». Сказано было по-русски довольно чисто, но глухо.

Мы в его хате. Она убога. Одна комната, печь, стол, лавка и деревянная кровать с жалкой постельной принадлежностью. Хозяин сел за стол. Жестом руки предложил мне сесть рядом. Его сынишка очень почтительно смотрит на меня и молчит. После молчания «циклоп» произносит:

— Кто ты такой?.. И зачем пришел сюда?

Голос его мрачный и какой-то замогильный. И тон, и постановка вопроса мне очень не понравились.

— Это Россия или Финляндия? — сам задаю ему вопрос, чтобы точно знать, где я.

— Финляндия, — одним словом отвечает он.

Мне стало легче на душе.

— Далеко отсюда русская граница?

— Полторы версты, — сказал и указал рукой на восток.

«Полторы версты — это плохо, это очень близко и еще небезопасно для меня, — констатирую в уме. — Надо быть осторожным. Могут и выдать».

— Я русский, пришел повидать сестру, она живет в Финляндии, — вру ему.

— В каком городе?

— В Сердоболе, — отвечаю, назвав ближайший город отсюда.

— Паспорт есть? — тянет за душу он.

Достаю свой документ и даю ему. Он надевает очки, склоняет голову на свой единственный глаз и долго смотрит на написанное в удостоверении Екатеринбургского университета. Не знаю, понял ли он, что там написано, или нет, но смотрел он долго. Вернув его мне, произнес:

— Харашо, ложись спать тут, а завтра мы пойдем с тобою на пост.

Это меня совершенно не устраивало. Я абсолютно не хотел ночевать здесь, в полутора верстах от советской границы. Кто они?.. А вдруг пошлют мальчика к границе и приведут красноармейцев... Нет-нет!.. Надо уйти отсюда. Его «косой глаз» мне очень не нравится. Да и почему он за полночь времени был в лесу и с топором? Черт его знает, что он думает?!

— А где пост? — спрашиваю.

— Четыре километра отсюда, — сказал и указал на юго-запад.

— Кто старший там? — задаю вопрос, чтобы знать, не о советском ли посту он говорит.

— Сержант, — все так же мрачно, глухо и односложно отвечает он.

Слова «километр» и «сержант» меня успокоили. В красной России этих слов еще не было. Я прошу его отвести меня на этот пост сегодня. К моей радости, он соглашается. Старик уходит домой, а мы идем к его лодке. Мальчик услужливо помогает отцу и мне.

Пересекли юго-восточный угол озера и причалили к сухому гористому берегу леса. Подъем высокий. Дорога не колесная. Через версту расстояния вышли на голое поле, где стояла крестьянская усадьба. Около одной постройки сидели три солдата без рубашек, хотя и шел уже второй час ночи. Светло. Солдаты ладонями били комаров на своем теле и при этом грубо произносили лишь одно слово: «Пергелле! (черт!)» Потом я узнал, что у финнов это ругательное слово, принятое во всех случаях.

Мой проводник сказал им несколько слов обо мне. Один солдат немедленно же пошел в комнату. Скоро оттуда показался очень молодой сержант в сером мундирчике. Он испытывающе строго посмотрел мне

в глаза. Я смотрю на него с полным сознанием своей невинности. Сержант жестом указал, чтобы я снял свой мешочек. Один солдат вынул из него мою тетрадь-дневник и документы. Увидев у меня часы, попросили отдать им. Кстати сказать, часы были настоящие, офицерские, большие, серебряные с крышкой, фирмы «Павел Буре». Когда все это сержант отнес в свою комнату, я понял, что мои вещи арестованы.

— Голоден ли? — спросил он через переводчика.

Я не ел ничего с 9 часов утра, и, несмотря на это, есть не хотелось. Но я ответил, что голоден. К моему удивлению, они быстро согрели кофе; белый хлеб, коровье масло, молоко были их щедрым угощением.

Проводник ушел. Сержант немного напыщенно-начальническим жестом показал мне на приготовленную солому с одеялом в их помещении — приказал лечь спать. Я лег и моментально заснул, словно провалился в бездну.

Ночью проснулся и вижу — возле меня, на своей кровати, сидит один солдат в шинели и держит свою винтовку между ног. «Эг-ге-е... да я арестован», — определил свое положение. Это было не только что не страшно, но и правильно. Кто я — они не знали. Может быть, шпион? Не чувствуя за собой никакого греха перед Финляндией, вновь крепко заснул.

Наутро почувствовал боль в ногах от долгой ходьбы. Но я бодрюсь и рад «новому утру моей жизни». Солдаты смеются и принесли мне кофе, молоко, белый хлеб, коровье масло, сыр. Всего вдоволь. Даже не все можно съесть. Кофе с сахаром. Дают папиросы, но я не курю. Все было вкусно, питательно и в таком изобилии, словно попал на другую планету. И стыдно стало за Россию. Такая великая держава — и пришла в полное ничтожество...

Сержант одет по форме. Он очень подтянут воински. На боку длинный маузер в деревянной кобуре-коробке. Показывает, чтобы я оделся в дорогу. Я одет. Он берет велосипед и, показав рукой куда-то на юг величественным жестом (при этом составил каблуки своих сапог вместе), командным голосом, глядя строго на меня, выкрикнул:

— Марз-з! (марш!)

На это я улыбнулся, и мы двинулись на юг. Он идет рядом со мной, держа свой велосипед руками, между нами. Куда меня он вел, я не знал. И не тревожился. Сильно ныли ноги. На мои советские сапоги стыдно было смотреть. Поджались каблуки. Все съехало вниз и беспомощно сидело на ногах. Сержант весело шагает, что-то насвистывает, изредка бросая на меня свой взгляд. Кобура его открыта, и маузер висит с противоположной от меня стороны. Между нами — велосипед.

Почему открыта кобура? Неужели для предосторожности против меня, если я наброшусь на него или захочу убежать?

После короткого привала я, словно незаметно, хотел начать идти с левой его стороны, то есть со стороны маузера, как он вдруг очень решительно, безо всякого намека на послушание с моей стороны, не злобным, но начальническим рычанием показал мне мое место правее его, за велосипедом.

«Молодчина сержант», — искренне подумал я и похвалил его в душе за отличное знание воинской службы и осторожность. Должен указать, что в независимой Финляндской республике воинская дисциплина была перенята из германской армии, как и форма одежды.

На фельдфебельском посту

Мы прошли 12 километров и прибыли «на фельдфебельский пост». Было еще рано, и самого фельдфебеля не было. Мой сержант, поздоровавшись за руку со всеми солдатами, разделся и стал с ними заниматься гимнастикой на снарядах и толканием ядра. Я сижу тут же, смотрю на них, удивляюсь и восхищаюсь. Они вежливы между собой и охотно занимаются спортом. Сержант, прошедший 12 километров с велосипедом, казалось бы, должен устать и отдыхать, а он вместо этого кувырчется на снарядах. Опытным глазом офицера наблюдаю все это, оцениваю и внутренне восхищаюсь финскими солдатами. Они словно дети. Сняв сапоги, босиком, по песку — занимаются вольным спортом. Все они молоды. Со стороны мне кажется, что и ядро толкнуть, и прыгнуть в длину я бы мог сильнее их. «Дай, — думаю, — попробую». Снял сапоги, подхожу к сержанту и прошу ядро. Тот удивленно, даже возмущенно, взглянул на меня, но ядро дал. Все солдаты насторожились. И я толкнул. Оно упало на полметра дальше, как толкали они. «Пэ́рр-гэл-лэ!» — слышу я вновь. Они по очереди хватают ядро, толкают, но моей дистанции достать не могут. Восхищенные — они просят меня толкнуть еще раз. Я толкаю его с разбегом, и ядро летит еще дальше. «Пэ́рр-гэл-лэ, сат-тана!» — выкрикнули они и ведут меня к яме с песком — прыгать с места в длину обеими ногами.

В их группе я прыгаю на равном положении спортсмена — установив рекорд и здесь. Они в восторге. Сержант побежал куда-то и возвращается с русской винтовкой (финская армия была вооружена русскими винтовками), что-то говорит и дает ее мне. Я понял, он хочет знать — военный ли я? Беру, привычным жестом нажимаю на скобу и вынимаю затвор. Потом, свернув курок и отделив его от затвора, быстро разобрал последний. «А-а-а!.. М-м-м!» — протянули они. Они не отпускают меня, ведут к параллельным брусьям. И когда я сделал на

них несколько номеров, потом «скобку» и закончил «стойкой на руках» — стал для них авторитетным спортсменом.

Неожиданно появился фельдфебель, по-фински — «паапели». Молодой человек лет двадцати пяти, в сизом офицерском мундире, в бриджах, в широком поясе, в отличных боксовых цетеольских сапогах. На голове сизая фуражка с высоким полем. На погонах золотой басон. Все солдаты вытянулись перед ним «в струнку». Мой сержант, босиком, быстро подошел к нему, почтительно вытянулся и доложил что-то, думаю, обо мне. Гимнастические игры сразу же прекратились. Сержант указал мне, чтобы я вошел в комнату, и скоро появился сам — в полном мундире, подтянутый по-юнкерски. Куда-то побежал солдат и скоро явился с молодой девушкой. Она вошла в канцелярию фельдфебеля, а потом ко мне в комнату и очень вежливо, тихо, скромно произнесла по-русски:

— Пашалюста идите сюта.

Я вошел. Там был и сержант. Он почтительно стоял сбоку, у стола. Фельдфебель сидел в кресле полубоком ко мне, предложив сразу же сесть на стул.

В финской армии фельдфебель совершенно не похож на русского фельдфебеля. Он со средним образованием, проходит специальную военную школу. Его мундир офицерский. Офицеры подают ему руку. Вообще, фельдфебель в армии — это величина, авторитет.

— Паапели Вас спрашивает — кто Вы и почему пришли в Финляндию? — был первый вопрос мне.

— Я офицер Белой армии... сидел год в лагерях у красных и теперь бежал от них, — ответил ей.

Фельдфебель вперился в меня глазами. Мой сержант также.

— Какой Ваш чин?

Мелькнула мысль скрыть чин до встречи с офицером, но потом все же сказал:

— Полковник.

Фельдфебель еще проникновенней вперился в меня глазами, чуть наклонился вперед с кресла и строго произнес:

— С-спион! — почему-то протянув букву «с».

Я так искренне улыбнулся на это и так бесцеремонно, что сразу же рассеял его подозрения.

— Что же Вы будете делать в Финляндии? — мягко, с акцентом переводит это дитя слова фельдфебеля.

— Я поеду в Русскую Белую армию в Сербию, чтобы продолжать борьбу с красными, — искренне говорю ей.

— Есть ли у Вас знакомые в Финляндии? — новый вопрос.

В 1917 году наша 5-я Кавказская (Кубанская) казачья дивизия стояла в Финляндии с мая по декабрь. В селе Уусикирка, что недалеко от Териок, стоял наш 1-й Кавказский полк месяца два. Моя сотня и я сам квартировали в дивной даче инженера П.Я. Светланова. Я назвал эту фамилию и видного там коммерсанта Молодовского.

— А не хотели бы Вы вернуться назад, в Россию? — жуткий вопрос.

— Я прошу тогда расстрелять меня здесь, так как, если меня отправят обратно, я буду расстрелян красными, — отвечаю серьезно, и лицо мое помрачнело.

Фельдфебель во все время допроса не переменял ни позы, ни тона. Одна официальность. Но зато сержант, услышав, что я полковник, пришел в полное смущение. Когда же меня отпустили и я «по-штатски» поклонился «паапели», то есть фельдфебелю, мой сержант повернулся ко мне лицом и отчетливо стукнул каблуками. Это мне понравилось. То было достойное и благородное воинское приветствие к чужому офицеру, да еще в таком виде и положении.

Меня отпустили. Я вышел к солдатам во двор. Сержант немедленно выехал на своем велосипеде к себе. Не прошло и 15 минут, как фельдфебель прислал мне от себя завтрак — рисовая молочная каша, белый хлеб, кофе, молоко, сахар. Всего было так много, что я не мог все съесть. Скоро он вышел ко мне и через переводчицу сказал, что меня на подводе отправят сегодня на офицерский пост в село Питкяранта, находящееся на берегу Ладожского озера, в 4 верстах отсюда.

Офицерский пост. В тюрьме. В лагере кронштадтских повстанцев

Поздно вечером 5 июня 1921 года меня доставили в Питкяранта. Это был старый русский военный пост, и довольно неуютный. Деревянные двухэтажные красные казармы, двухъярусные нары в них. Вселили к ранее бежавшим, коих было человек пятнадцать, больше красных финнов, вернувшихся домой. Русских было двое — таможенный чиновник из Олонца Михаил Аксенов и красноармеец Яшка. В горе — подружились. Аксенов с женой, она русская карелка, православная. Родители и сестра — финские граждане, в Хамине имеют два больших дома, люди богатые. Они мне потом помогут многим.

Вызвали на допрос. Высокий, стройный мужчина в штатском лет тридцати пяти, с правильными чертами лица, вежливо предложил рассказать «все о себе», главное — образование и военную службу. И когда услышал от меня, что весной 1919 года я был полковником и командиром Корни-

ловского конного полка, он удивился этому и попросил подробно рассказать о Южной армии генерала Деникина и казаках. Рассказал. Он внимательно слушал и записывал, задавая некоторые военные вопросы. Меня удивило, что штатский человек, а многое понимает в военном деле, почему осмелился спросить его: «Кто Вы?» И он запросто ответил:

— Я бывший штабс-ротмистр одного из кавалерийских полков Российской Императорской армии, но финн по рождению. И как знающий иностранные языки, главное финский, служил переводчиком при русском генерал-губернаторе в Гельсингфорсе.

Его откровение мне понравилось. И на мой запрос он успокоил, что меня не отправят обратно в красную Россию.

Через несколько дней карантина нас отправили в Сердоболь, где поместили в какое-то госпитальное учреждение. Всех постригли наголо. Все вещи отобрали и отправили для дезинфекции. Нас же всех проводили в горячую парную баню. Сделано было так, словно хотели «стряхнуть» с нас все, что мы принесли из красной России. Взяли кровь, меряют температуру, кормят 3 раза в день, кофе же 4 раза в день, и спим мы на отличных кроватях с белыми простынями и теплыми шерстяными одеялами. Врач и сестры наши начальники. Попали словно в рай. Он длился 3 дня. Потом в теплый солнечный день всех нас, при одном стражнике, привели на железнодорожный вокзал и, к удивлению, поместили в маленький тюремный вагон, по два человека в тесную клетку... В ней можно было только сидеть или стоять. Вверху окошечко с затуманенным стеклом, через которое ничего не было видно. Долго шел наш поезд, а куда — мы не знали. Поезд остановился. Отперта дверь. Кто-то протянул нам руку, и, не успели мы с красноармейцем Яшкой узнать, что с нами хотят сделать, как были мигом скованы рука за руку. В таком виде вывели нас из вагона и под охраной подвели к большому многоэтажному зданию, недалеко от вокзала Выборга. То была губернская тюрьма былой России.

Вошли в нее. Гробовая тишина. Часы показали 12 часов ночи. В специальном помещении приказали раздеться догола. Тщательный обыск и ощуп всего голого тела — в ушах, во рту и т. д. Все вещи отобрали, и всех нарядили в арестантские куртки, штаны и халаты с широкими белыми полосами на темном фоне сукна. На одном из верхних этажей открыли дверь, я вошел в маленькую одиночную камеру, щелкнул замок, и... я остался в одиночестве. В камере столик, стул и прикрепленная к стене кровать-доска. Матрац и подушка набиты соломой, шерстяное одеяло. Лег и крепко заснул. К вечеру следующего дня меня перевели в небольшую общую камеру, где размещены были «старые друзья по Питкяранта» — Аксенов, Яшка и один русский финн с взрослым сыном. Все это было для меня странно, непонятно и неприятно.

Мы были арестантами. Через несколько дней новые допросы в канцелярии. Режим не строгий, но изолированный. Кормили прилично, но «параша» у двери для всех и по очереди давила на душу. Ежедневно прогулка на 30 минут в тюремном дворе. Двор — это секторами разрезанный пирог. В центре, на вышке, — один стражник, наблюдающий, чтобы «все гуляли», но не садились бы у заборов. Заборы, разделяющие двор по секторам, — в два роста человека. Кто в другом секторе — увидеть невозможно. Нам, как не преступникам, по желанию, разрешалось работать возле кухни — пилить и рубить дрова.

Так прошел ровно месяц. Аксенов с женой освобождены и выехали на постоянное жительство в город Хамина, к родителям жены. Группу в 30—40 человек ведут в комендантское управление. Некоторых отправляют назад, в красную Россию. Я в панике. А вдруг меня тоже. Но — пронесло.

На маленьком моторном катере, с какими-то штатскими финнами, везут куда-то. Примитивная дощатая пристань. Выгружаемся и — что я вижу?.. На пристани, в замусоленных гимнастерках и штанах, в измятых грязных, больше белых, шапчонках, стоят молодые, явно кубанские казаки. Я прямо к ним с вопросом:

— Кубанцы?

Не зная, кто я, они несмело отвечают:

— Да... а Вы кто такие будете?

Эту встречу и жизнь кубанских казаков в Финляндии подробно описал Гавриил Солодухин в своей книге³⁶³, поэтому я не буду останавливаться в рассказе об этом. Я был помещен в лагерь кронштадтских повстанцев на небольшом островке около Выборга — Туркин-саари. После нового допроса, уже администрацией из кронштадтцев, меня поместили в офицерский барак, для которого была использована русская православная церковь на этом островке, где когда-то размещался небольшой гарнизон русских войск. И началась новая жизнь. И узнал я, что в Кронштадте служили в пехоте кубанские казаки, мобилизованные красными. Все они были очень молоды, рождения 1900—1901 годов. Их было там около 800 человек. Гарнизон Кронштадта — около 10 тысяч. Весь он ушел в Финляндию, но по амнистии несколько тысяч вернулось назад, в том числе и несколько сот казаков. Осталось их около двухсот. Многие уже на работах в селах. Офицеров гарнизона было около 40 человек. Скоро подружился со многими. Странно было то, что эти офицеры старались не иметь никакого общения со своими матросами и солдатами. Матросов же они просто ненавидели. Познакомился и с главой восставших, матросом Петриченко. Высокий, стройный, полуинтеллигентный. Он был старшим писарем на корабле «Петропавловск». С ним жена, также стройная, красивая и молодая.

Генерал Козловский³⁶⁴, брюнет с бородкой, маленького роста, приятный старик. В противовес сообщениям красных, восстанием руководил «матросский комитет», но не офицеры. Они были только техническими работниками.

На остров прибыл Выборгский губернатор. Чисто говорит по-русски. Я обратился к нему. И через месяц, хлопотами родичей Аксеновых, был освобожден из лагеря и выехал на работы в город Хамина, по-русски Фридрихсгам. 30 августа я стал свободен. Началась новая жизнь. Моя исповедь окончена.

О гибели брата в Корниловском полку. Необходимое разъяснение

(Первый раз младший брат Ф.И. Елисеева — Георгий, командир взвода Партизанского полка, был тяжело ранен летом 1918 года у горы Недреманной на Ставрополье; пуля пробила брюшину и застряла там. Во второй раз вновь ранен тяжело в составе Корниловского конного полка в январе 1919-го за Ставрополем, пуля осталась в бедре. В третий раз, 4 июля 1919 года под Царицыном, временно командуя 5-й сотней того же полка, тяжело ранен одновременно двумя пулями. — П. С.)

О его гибели приведу выдержки из письма полковника Я.И. Носенко, полученного мной в конце декабря 1924 года: «Дорогой брат по полку, Федор Иванович. Прости, что я начинаю прямо за Георгия Ивановича, хотя и знаю, что это Вам первое и тяжелое, но оно для Вас самое главное (я сохраняю стиль письма. — Ф. Е.).

В 1920-м году, когда мы прибыли в Крым без лошадей, с седлами в руках — из нас был составлен кадр Корниловского полка в Кубанской дивизии и сведены в одну сотню: 1-й взвод офицерский и три взвода казачьих. Командир сотни полковник Литвиненко, старший офицер сотни полковник Марков, я командовал 1-м офицерским взводом, полковник Мартыненко 2-м, есаул Бородычев 3-м и войсковой старшина Тюнин 4-м. Георгий Иванович Елисеев был отделенным в офицерском взводе.

Наступление началось 25 мая, и все время у нас было удачно и благополучно. Мы двигались вперед. 2-го июня, утром, наша Корниловская сотня при Уманском полку, выступила на подводах, т. к. мы были тогда еще без лошадей, из села Корниенко Таврической губернии на село Большая Белозерка и, не дойдя верст пять до него, встретились с пехотой красных, которая сильно сопротивлялась. Сначала мы было ее сбили и, как конники, быстро пошли вперед, но у противника подошел резерв, и он перешел в контрнаступление, а у нас, ввиду редких цепей,

и без резерва, как это всегда у нас было — сотня остановилась, залегла и открыла огонь, чем противника остановила. Но так как наша Корниловская сотня была впереди всех, а фронт до подхода конных частей нужно было выровнять — сотне было приказано отойти по одному на указанную линию.

Мой офицерский взвод переходил последним. День был жаркий. И когда все отошли и остановились — осталось нас трое: Георгий Иванович, войсковой старшина Дорошенко и я — еще не поднимались для перебежки, лежа стреляли по противнику — в это время пуля попала Георгию Ивановичу прямо в шею, пронизав ему горло, и он, на некоторое время, потерял сознание. Я приподнял ему голову, а Дорошенко тут же бинтом обмотал ему шею, и вдвоем взяли его под руки и начали вести. Он пришел в сознание, но идти не мог, и так как Георгий Иванович был все-таки внушительного роста, и как мы ни старались его поднять, чтобы ноги не волоклись по земле, все-таки не могли, а несли и ноги тянулись по земле до занятой в тылу позиции. Подошли еще два казака, тогда мы его понесли до лазаретной линейки, уже более удобной для него, и, когда положили на линейку, я попросил Дорошенко отвезти [Георгия] на перевязочный пункт.

Когда возвратился Дорошенко, то сказал, что Георгий Иванович даже один раз улыбнулся ему, но доктор посмотрел на рану и безнадежно покачал головой. (Улыбка перед смертью, уходя в потусторонний мир. Хотел жить.)

Полковой священник отец Александр Золотовский, его и всех наших раненых, поехал провожать, и перекочевали все раненые в село Корниенко, а 3-го июня переехали в село Петровское Таврической губернии, чтобы уезжать дальше в лазарет. Остановились на ночлег, и он в 9 часов вечера 3-го июня скончался. Похоронен 4-го июня полковым священником отцом Александром Золотовским в селе Покровском. Для поправки креста на могиле, заботами офицеров, был командирован сотник Ал. Матв. Козлов, который и сделал надпись на кресте.

Командир сотни полковник Литвиненко назначил комиссию для оценки и продажи вещей с аукционного торга. Были проданы следующие вещи: седло с прибором — 140 тыс. рублей, шуба — 15 тыс., шашка — 17 тыс., кинжал в черной оправе — 15 тыс., носки — 3 тыс., рубахи — 25 тыс., полотенце — 2,6 тыс., брюки — 21 тыс., куртка — 15 тыс., подметки и набойки — 6 тыс., бурка — 6 тыс. (возможно, ошибка. — П. С.), трензеля к седлу — 30 тыс. Всего на сумму 295 600 рублей знаками Вооруженных Сил Юго-Востока России. С согласия общества офицеров, ввиду неимения в то время еще денежного ящика у нас — как ближайшему товарищу Георгий Ивановича — передали на хранение сотнику

Алексей Матвеевичу Козлову, с условием — по возвращению на Кубань, эти деньги передать родным Георгии Ивановича.

Из суммы 295 600 рублей, выдано 13 тыс. рублей по акту есаулу Таранцову, которые Георгий Иванович был ему должен.

Шлю Вам свой искренний привет, уважающий Вас Я. Носенко».

Жуткое и историческое письмо во многих отношениях. Почтовый штамп показывает, что из Белграда оно было отправлено 21 декабря 1924 года. Кроме памяти о гибели брата, это есть и кусочек Истории Корниловского конного полка. Астрономические цены за вещи брата, которые, надо полагать, были обыкновенные, говорят о полном банкротстве валюты. Вот и вся короткая история.

А могилу брата, с двумя пулями в теле, теперь уже и не найти... Стройный богатырь-красавец с веселыми глазами, добряк, никогда не имевший врагов, которого все так любили, — и так погибнуть!..

* * *

Генерал В.Г. Науменко, бывший командир 2-го Кубанского конного корпуса на Черноморском побережье 1920 года, в эмиграции пишет:

«Не все имели возможность сесть на корабли. Части, бывшие на фронте, даже не были уведомлены о прибытии судов (в хутор Веселый, южнее Адлера, у самой грузинской границы. — Ф. Е.). Так погибли доблестные Лабинцы, честно державшие себя до конца, Корниловцы и многие другие доблестные части.

Здесь надо отметить недостойное поведение отдельных лиц командного состава. Из них особенно ярко проявил себя командующий 2-м Кубанским корпусом генерал-майор Хоранов, который категорически воспрещал уклонение от сдачи. Когда шесть полков направились к Грузинской границе, он догнал их и убедил вернуться.

Офицеры Корниловского (конного) полка имели возможность погрузить всех казаков; на берег моря, для подготовки этого, был послан офицер, но командующий полком полковник Безладнов категорически запретил это. Офицеры полка не могли сломить упорства. В результате только 27 офицеров, полковой священник, полковой врач и 120 казаков ушли самостоятельно и были погружены на один из английских кораблей. Если бы не упорство командира полка, то все Корниловцы могли быть погружены на этот корабль.

Были и другие лица командного состава, которые всемерно мешали погрузке кого бы то ни было, и на их душе тяжелый грех за гибель тысяч казаков»³⁶⁵.

Это писал генерал Науменко со слов других. Кто виновен в гибели Кубанской армии, я разобрал достаточно в своих предыдущих брошюрах.

О генерале Хоранове и его поведении я также подробно рассказал, но он никому, главное — «категорически», не воспрещал уклоняться от сдачи, как пишет В.Г. Науменко. Для этого он был недостаточно авторитетный, произведенный в генералы на том же Черноморском побережье, а 2-й Кубанский конный корпус принял только 15 апреля от самого генерала Науменко и за 4 дня до разыгравшейся трагедии Кубанской армии.

Никакие шесть полков не направлялись к грузинской границе, почему Хоранов и не «догнал их и убедил вернуться», как написано в этом Сборнике.

Хоранов тогда просто растерялся. Как окончивший пехотное военное училище, «скакать» он не любил, никогда не имел и в мирное время своей собственной под седло офицерской лошади; а по своему доброму характеру — никогда не насиловал даже душу рядового казака. Шесть конных полков, узкой лентой вытянувшихся по единственной дороге к Грузии в колонне по-три со своими обозами на несколько верст, как их можно было «убедить вернуться назад»? Вообще, этого случая совершенно не было. Добрый, слабовольный человек, одинокий, потерявший жену драматически, окрыленный недавно полученным чином генерала и должностью командира корпуса, по своему легко меняющемуся настроению — он решил лично остаться.

Но никого он не уговаривал «остаться» — ни офицеров, ни части корпуса, которые были в разных пунктах. Обо всем этом мной уже написано довольно подробно. Я с ним однополчанин по мирному времени 1913—1914 годов, когда он был подбесаулом в свои 39 лет от рождения, хорошо его знал и он дружил со мной.

Иное дело войсковой старшина Владимир Безладнов. Спешенным Корниловским конным полком шашек в четыреста он занимал последнюю сильную арьергардную позицию от моря, через шоссе к востоку. Никто тогда и не думал о могущей быть трагедии всей Кубанской армии. После отъезда генерала Бабиева в Крым я вновь вступил в командование 2-й Кубанской дивизией, осматривал с Безладновым их позицию и видел твердое настроение последнего — защищаться до конца.

Я знал хорошо Безладного, когда он был еще подбесаулом, а я у него также подбесаул, и помощник, и полковой адъютант, советник и доверительное лицо в Корниловском конном полку осенью 1918 года в Закубанье. В течение месяца жили, спали в одной комнате в станицах и неразлучны были в боях.

Добрый, компанейский, отличный полковой товарищ, храбрый офицер, а недостатки — недостаточно распорядительный, с упрямством черноморского казака, коим он был по рождению. Он сын офицера. По рождению, по воспитанию он — «городское дитя». Нужно полагать, что

только с производством в офицеры он «по-настоящему» столкнулся с казаками. Я видел — он с ними не умел разговаривать, не понимал их психологически. Для него казак был воин, и только. Но зато «приказ начальства» — это главное и подлежит безоговорочному исполнению. Так, по этой психологии, погибло 15 молодых казаков Константиновской станицы Лабинского отдела, мобилизованных красными и перешедших к нам, в Корниловский полк³⁶⁶.

Повторяю, что в полках никто не думал о возможной капитуляции Кубанской армии, когда до них дошел слух о начавшихся переговорах с красными. Полковник Дрейлинг, начальник штаба армии у Атамана Букретьова, на военном совете в Адлере подчеркнул, что переговоры надо затянуть дня на три, когда прибудут корабли из Крыма.

В естественном порядке и воинской дисциплины, и воинской морали Безладнов приказал своим офицерам до конца оставаться в полку с казаками и ждать нового приказа свыше, чтобы оставить свою арьергардную позицию и идти грузиться на корабли. Но приказа не последовало, как и не прибыли корабли. Да их и не думали присылать...

«Сам погибай, но товарища выручай», — твердо говорит один из параграфов Устава внутренней службы Императорской армии, на котором твердо, священно воспитана была Российская армия. Всякий приказ начальника подлежал точному и немедленному исполнению. Вот те причины, как и личное упрямство Безладнова, толкали его требовать от своих офицеров «не покидать полк».

Все говорило против Безладнова, чтобы он лично ждал снисхождения себе от красных! Первопоходник. Старейший корниловец. Командир сотни во 2-м Кубанском походе и последний командир Корниловского конного полка. И он остался. Остался и был расстрелян красными в Екатеринодаре во время десанта из Крыма на Кубань. За верность воинской чести он погиб, до конца оставаясь со своими казаками.

Если в армии будут знать, что в самые трагические моменты начальники могут бросить своих подчиненных и спастись в одиночку, армия эта будет неустойчива в боях и морально больна. Это — психологический закон.

Есть легенда, что, когда Александр Македонский проходил со своими легионами по Аравийской пустыне, его воины умирали, не имея воды. Кто-то достал кувшин с водой и преподнес ему для утоления жажды, а он, выйдя перед легионами, сказал: «Не хочу утлаять своей жажды, если вы сами без воды!» И, подняв кувшин вверх перед собой, на глазах всех вылил воду на песок.

Адъютант Корниловского полка, есаул Алексей Матвеевич Козлов, гостивший в Нью-Йорке на Рождественских Святках, дружески рассказывал мне следующее:

«Корниловский полк занимал вторую аррьергардную оборонительную позицию южнее селения Хоста на Черноморском побережье и был непосредственно подчинен генералу Морозову. Командир полка, войсковой старшина Безладнов, получив уведомление от генерала Морозова о капитуляции Кубанской армии, собрал нас, офицеров, и заявил, что он лично остается с полком, но кто хочет выехать в Крым — препятствий чинить не будет. Произошло разногласие. Чтобы положить предел ему — Безладнов предложил отойти тем, кто решил уехать. Их набралось ровно половина наличного состава офицеров полка. Вторая половина решила остаться с казаками. После этого Безладнов подошел к нам, расцеловался с каждым, и мы, в ту же ночь, выехали в Адлер», — закончил он. Это, коротко, «другая версия».

Сколько было тогда офицеров в полку, сколько выехало в Крым и сколько осталось с казаками — за давностью времени выяснить трудно. Перечислю лишь старших в чинах, коих видел и с коими перенес «лагерное и тюремное заключение» в красной России. Одних только штаб-офицеров было шесть человек, а именно: войсковые старшины — Безладнов В. (командир полка), Трубачев А. (его помощник), Лебедев П., Друшляков Ф., Козлов И. и Ростовцев И.

Есаулы — Воропаев³⁶⁷, Дзюба К. и Дзюба С., Бэх А. Фамилии младших офицеров не помню.

Гражданскую войну я начал в Корниловском полку, в коем пробыл 9 месяцев, являясь самым старшим офицером полка у полковника Бабиева; из них 3 месяца командовал полком, назначенный Бабиевым же, ставшим генералом и начальником дивизии. Всех офицеров полка знал отлично. За эти 9 месяцев в полку было убито 8 офицеров и 25 ранено. Фамилии их, пункты и даты гибели и ранений помещены в брошюре 14-й об этом храбром авангардном полку³⁶⁸. За это время сам был ранен четыре раза, последнее ранение 27 апреля 1919 г. — в должности командира полка. Все в конных атаках. С полком, в тяжелых наступательных боях, почти без патронов, с Бабиевым, прошел Закубанье, Ставрополье и часть Астраханской губернии. При мне на Маныче в апреле 1919 года все офицеры произведены были в следующие чины «за выслугу лет на фронте и за боевые отличия» по достоинству. Щедрый и доброжелательный генерал Бабиев охотно зафиксировал мои на них представления. По представлению Бабиева, за боевые отличия сам произведен в есаулы, а 12 апреля 1919 года — в чин полковника.

Вот почему Корниловский конный полк, его трагический конец, мне не безразличен, о чем для Войсковой Истории ведаю.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ПАМЯТКА 1-ГО ЛАБИНСКОГО ГЕНЕРАЛА ЗАССА ПОЛКА ККВ, ЕГО КОМАНДИРЫ В ВЕЛИКОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНАХ

сост. П.Н. Стрелянов (Калабухов)

Старшинство с 1842 г. Полковой праздник общий с Войском.

25 марта 1841 г. — сформирован Лабинский казачий полк из казаков четырех станиц Кавказской Линии и нижних чинов Тенгинского и Навагинского пехотных полков.

14 февраля 1845 г. — назван: 1-й Лабинский полк Кавказского Линейного Казачьего Войска (вместе со 2-м Лабинским полком входит в состав 2-й бригады).

1 августа 1870 г. — сформирован трехкомплектный 6-й полк Кубанского Войска, названный Лабинским.

24 июня 1882 г. — переформирован в три отдельных полка (по одному в каждой очереди) с сохранением наименования первоочередному Лабинский полк Кубанского Казачьего Войска.

24 мая 1894 г. — назван: 1-й Лабинский полк Кубанского Казачьего Войска.

26 августа 1904 г. — назван: 1-й Лабинский генерала Засса полк Кубанского Казачьего Войска.

Знаки отличий:

1) полковое Георгиевское знамя «За отличие при покорении Западного Кавказа в 1864 году» — пожаловано 20 июля 1865 г.;

2) знаки отличия на головные уборы «За штурм крепости Геок-Тепе 12-го января 1881 года» в 5-й и 6-й сотнях — пожалованы 4 июня 1882 г.;

3) белевая тесьма на воротнике и рукавах мундиров нижних чинов — пожалована 6 декабря 1908 г.

Вечный шеф генерал Засс — с 26 августа 1904 г.

Засс Григорий Христофорович, барон — р. 29 апреля 1797 г., из дворян Курляндской губ., воспитывался в частном учебном заведении, юнкер Гродненского гусарского полка (10.07.1813), участвовал в Заграничном походе (до 1815), награжден знаком отличия Военного ордена, корнет Чугуевского уланского полка (11.1813). Службу проходил в Псковском кирасирском (1816), Нижегородском драгунском (1820), 43-м Егерском и Навагинском пехотном полках (1826), участвовал в Русско-турецкой войне (1828—1829), командир Моздокского казачьего полка (11.1830), в делах против горцев, полковник (07.1832), командующий Батаалпашинским участком (06.1833), Кубанской Линией (10.1834), генерал-майор (01.1936), награжден золотой саблей с надписью «За храбрость», орденом Св. Георгия IV класса (29.11.1837), командующий правого фланга Кавказской Линии, устроитель Лабинской линии, генерал-лейтенант (12.1840). В Венгерской кампании начальник авангарда 3-го пехотного корпуса (1849), в отставке (1850), в запасе по Кавказской армии (1864), генерал от кавалерии (03.1877), умер 4 декабря 1883 г.

Командиры полка в Великой войне 1914—1918 гг.:

Июль 1914 — март 1915: полковник **Александр Фердинандович Рафалович** — р. 15 августа 1861 г., окончил 3-е Александровское военное училище, полковник, командир 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ в Персидском походе (1909—1912). В Великой войне командир того же полка (до 05.1915), награжден Георгиевским оружием (17.05.1915), командующий 2-й бригадой 1-й Кавказской казачьей дивизии, генерал-майор (15.06.1915), начальник 3-й (Сводной) Кубанской казачьей дивизии в корпусе генерала Баратова (1915—1917). Умер в Брюсселе (Бельгия) 26 апреля 1932 г.

Июнь 1915 — май 1916: полковник **Александр Васильевич Носков** — р. 15 ноября 1870 г., окончил Вольскую военную школу, Ставропольское казачье юнкерское училище (1890), Академию Генштаба (1903), полковник (1911). В Великой войне командир 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ (1.06.1915—05.1916), начальник штаба 5-й Кавказской казачьей дивизии, генерал-майор (1916), начальник штаба 4-го Кавказского армейского корпуса (с 25.03.1917).

Август 1916 — май 1917: полковник **Александр Григорьевич Блазнов** — р. 24 июля 1867 г., казак ст. Ермоловской ТКВ, сын офицера, окончил 1-й Московский кадетский корпус, 3-е Александровское военное училище (1889), офицер 1-го Кизляро-Гребенского полка

ТКВ, в Русско-японской войне, есаул за боевые отличия, инструктор кавалерии Персидской казачьей Е. В. Шаха бригады (1908—1914). В Великой войне полковник, командир 3-го Кизляро-Гребенского полка (с 9.08.1915), 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ (08.1916—05.1917), командующий 1-й бригадой 3-й Кубанской казачьей дивизии на Персидском фронте (06.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, в Войсковом правительстве ТКВ (1919), генерал-майор. В эмиграции в Китае, умер в Харбине 28 февраля 1937 г.

Июнь 1917 — январь 1918: полковник **Петр Степанович Абашкин** — р. 19 декабря 1868 г., казак ст. Лабинской ККВ, сын офицера, окончил Александровское Кубанское реальное училище, в службе с 1887 г. в 1-м Лабинском полку, окончил Ставропольское казачье юнкерское училище (1890), Офицерскую кавалерийскую школу, командир дивизиона того же полка в Персидском походе (1909—1912). В Великой войне войсковой старшина, награжден мечами к Св. Анне II ст., орденами Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом, Св. Станислава II ст. с мечами, полковник, командир Ейского (на 04.1917), 1-го Лабинского генерала Засса (24.06.1917) полков. Атаман Баталпашинского отдела ККВ (1918—1920), генерал-майор (8.09.1919), лагеря (1920—1922), умер в Ростове после допросов 7 января 1934 г.

В Гражданской войне: полк организовался в мае 1918 г. в восстании казаков Лабинского отдела против большевиков, сформирован в июне и вошел в состав Отряда полковника А.Г. Шкуро, а в июле — в Добровольческую армию. Во 2-й Кубанской казачьей дивизии до апреля 1920 г.

Командиры

Май 1918: есаул **Федор Солоцкий** (возм. **Владимир**) — казак ст. Владимирской ККВ, окончил университет за границей. В Великой войне окончил Николаевское кавалерийское училище, награжден орденами Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава и Св. Анны III ст. с мечами и бантом, Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом, Св. Станислава II ст. с мечами, командир сотни 2-го Лабинского полка ККВ, подьесаул (на 01.1917). После большевистского переворота член «Общества Спасения Кубани», вступившего в вооруженную борьбу с красными, руководитель восстания в Лабинском отделе, командир Лабинской бригады 2-й Кубанской казачьей дивизии Шкуро (06.1918), войсковой старшина, погиб под Ставрополем летом 1918 г.

Июнь—октябрь 1918: есаул **Дмитрий Максимович Козликин** — р. в 1880 г., казак Лабинского отдела ККВ. В Великой войне произведен в офицеры за боевые отличия (1915), сотник 1-го Хоперского Е. И. В. Великой Княгини Анастасии Михайловны полка ККВ (на 5.03.1917). Весной 1918 г. в восстании казаков Лабинского отдела против большевиков, подесаул, командир 1-го Лабинского полка в Отряде полковника Шкуро (06.1918), в Добровольческой армии и ВСЮР, войсковой старшина, командир дивизиона 1-го Лабинского полка (03.1920).

Октябрь 1918 — апрель 1919: полковник **Александр Петрович Шапринский** — р. 2 июня 1877 г., казак ККВ, окончил сотню Николаевского кавалерийского училища (1896), офицер 1-го Хоперского Е. И. В. Великой Княгини Анастасии Михайловны полка ККВ, в Собственном Е. И. В. Конвое (1900), есаул (на 1914), полковник, помощник командира Конвоя (с 16.04.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, командир 1-го Лабинского полка ККВ (31.10.1918), командир бригады 2-й Кубанской казачьей дивизии (12.1918—10.1919), генерал-майор (25.01.1919), в резерве чинов (21.03.1920). В эмиграции в Югославии, умер в Аргентине после 1948 г.

Апрель—октябрь 1919: полковник **Семен Семенович Жуков** — р. в 1872 г., казак ст. Воровсколеской ККВ, окончил Михайловский Воронежский кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища (1893). В Великой войне войсковой старшина, награжден Георгиевским оружием (31.05.1916), помощник командира 1-го Запорожского Императрицы Екатерины Великой полка ККВ (1.12.1916), полковник (4.03.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, командир 1-го Лабинского полка ККВ (04.—10.1919), командующий 2-й Кубанской казачьей дивизией (03.1920), пленен при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), лагеря.

Февраль—апрель 1920: полковник **Федор Иванович Елисеев**.

В Русской Армии, в Крыму, 4 сентября 1920 г. «Волчий» казачий полк (развернутый из Волчьего дивизиона имени генерала Шкуро) — командир полковник Г.И. Колков, был переименован в 1-й Лабинский полк. 30 сентября 1920 г. в бою под с. Шолоховом во время Заднепровской операции погиб генерал-лейтенант Н.Г. Бабиев. Полку, с именем которого он начинал службу, прошел Персидский поход и Великую войну, было приказано именоваться 1-м Лабинским генерала Бабиева полком.

Приложение 2

(к разделу «Старое видение», тетрадь 11-я)

**ОФИЦЕРЫ И УРЯДНИКИ СВОДНОЙ СОТНИ 1-ГО КИЗЛЯРО-ГРЕБЕНСКОГО ГЕНЕРАЛА ЕРМОЛОВА ПОЛКА ТКВ,
УЧАСТВОВАВШИЕ В ЮБИЛЕЙНЫХ ТОРЖЕСТВАХ
ПО СЛУЧАЮ 300-ЛЕТИЯ ДОМА РОМАНОВЫХ
(в мае 1913 г. в городе Костроме)³⁶⁹**

Командир полка полковник Рыбальченко Александр Григорьевич (ст. Кисляковская)

Полковой адъютант подъесаул Астахов Александр Гаврилович (ст. Луковская)

Командир 5-й сотни есаул Шаликов Иван Филиппович (ст. Гребенская)

Сотник Бирюлькин Николай Павлович (ст. Наурская)

Сотник Карин Виктор Григорьевич (ст. Шелкозаводская)

Хорунжий Томашевский Борис Дмитриевич (ст. Троицкая)

Хорунжий Старицкий Василий Михайлович (ст. Троицкая)

Подхорунжий Бугаев Федор Петрович (ст. Петропавловская)

Подхорунжий Кулебякин Иван Платонович (ст. Червленая)

Подхорунжий Малаев Виктор Агафонович (ст. Червленая)

Вахмистр Фролов Александр Николаевич (ст. Червленая)

Вахмистр Палашкин Леонтий Савельевич (ст. Червленая)

Старший урядник Андрюнькин Григорий Фокич (ст. Червленая)

Старший урядник Юсупов Алимхан Садыкович (ст. Гребенская)

Старший урядник Панков Никанор Степанович (ст. Дубовская)

Старший урядник Бирюков Иван Лаврентьевич (ст. Николаевская)

Старший урядник Нероев Хрисанф Константинович (ст. Дубовская)

Младший урядник Борщ Иосиф Андреевич (ст. Гребенская)

Младший урядник Лукьянцев Иван Андреевич (ст. Червленая)

Штаб-трубач Корытный Николай Харитонович (ст. Николаевская)

Приложение 3

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ 1-ГО ЛАБИНСКОГО ГЕНЕРАЛА ЗАССА ПОЛКА В ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ 1914—1917 ГГ.³⁷⁰

сост. П.Н. Стрелянов (Калабухов)

1914 г.

17 июля. В день объявления мобилизации полк квартировал: штаб полка и команды в колонии Еленендорф, 1-я, 3-я, 4-я и 5-я сотни в г. Баку, 2-я сотня на посту Белясувар, 6-я сотня на посту Деллагорд.

19 октября. В 5 часов утра через Ахбуласский перевал перешел в пределы Турции разъезд Сотника Бабиева на с. Мысун, Диадин и др.

26 октября. Есаулу Абашкину, Есаулу Венкову, Подъесаулу Подпорину³⁷¹, Подъесаулу Лопате³⁷². Командир полка приказал: 2-й, 4-й и 6-й сотням занять сторожевое охранение в пунктах, занимаемых сей-час Черноморским полком. Эти сотни должны выступить из Кара-ки-лиса под начальством Есаула Абашкина в 6 ? часов утра с проводниками для каждой сотни. <...> Есаулу Абашкину составить схему расположе-ния частей охранения для представления Начальнику Эриванского от-ряда Генерал-Лейтенанту Абациеву.

1915 г.

7 февраля. Полусотня 3-й сотни с Сотником Бабиевым была посла-на для разведки степени проходимости Клыч-Гядукского хребта. Дой-дя до села Кевах, полусотня спешила и далее продвигалась в пешем строю, оставив лошадей у селения, ибо лошади, измученные движе-нием по глубокому снегу, проваливались и не могли идти, их приходилось извлекать из сугробов с большим трудом. Движение возможно толь-ко в один конь и только по протоптанным тропам. Люди 3-й сотни

продвигались к хребту с большими усилиями, проваливаясь иногда по шею. <...>

В ночь с 11 на 12 февраля авангард Эриванского отряда овладел перевалом Клыч-Гядук, причем было захвачено 2 турецких горных орудия, около 200 снарядов, несколько пленных турецких пограничников.

В ночь с 8 на 9 июня, по приказанию начальника Отряда Полковника Рафаловича, 1-я, 3-я, 4-я и 5-я сотни со знаменем, при 3-х пулеметах, под начальством вр. командующего полком Войскового Старшины Абашкина, выступили в направлении на Ахмат, для захвата этого селения совместно с тремя ротами 261-го Ахульгского полка и 2 горными орудиями.

В 7 утра, правая застава была обстреляна конными курдами. На усиление был выслан взвод 1-й сотни с Прапорщиком Кн. Дадияни³⁷³. Подходя к высотам, головная застава Подъесаула Астафьева³⁷⁴ была обстреляна точечным огнем турецкой пехоты из окопов. Сотня спешила и вступила с противником в стрелковый бой.

3-я, 4-я и 5-я сотни с тремя пулеметами под начальством Войскового Старшины Абашкина наступала на Ахмат с севера. Местность, пересеченная глубокими оврагами с обрывистыми берегами, сильно затрудняла движение. На переход только одного оврага конница употребила около 3 с половиной часов. Часть конницы противника заняла высоту 7269. В 1 час дня пулеметы и цепи заставили противника очистить высоту 7269 и сейчас же заняли ее.

3-я сотня, парализовав обход конницы неприятеля, ловким маневром подошла к противнику и произвела конную атаку, изрубив до 50 башибузуков³⁷⁵, и таким образом очистила наш фланг и тыл. <...>

Полусотня 1-й сотни с Подъесаулом Астафьевым находилась на левом фланге всего боевого расположения отряда, ведя бой с превосходящими силами противника и находясь под его сильнейшим огнем. <...>

В бою принимали участие: Войсковой старшина Абашкин, подъесаулы Подпорин, Астафьев и Бабиев, сотник Лиманский 1-й³⁷⁶, хорунжий Федоров³⁷⁷, прапорщики Богдан, кн. Дадияни, Дейбель, подъесаул Борисенко³⁷⁸, священник о. Татаринов³⁷⁹.

28 июня. Во время атаки был ранен в ногу (пуля осталась в мышцах) командир 1-й сотни подъесаул Астафьев, убиты лошади подъесаула Таранова³⁸⁰ и прапорщика Дейбеля. Последний упал с лошади на большом аллюре, повредив себе ногу.

3 июля. Войсковой старшина Абашкин, отправив пулеметы заблаговременно к Пиран-каю, сам с дивизионом стал медленно отходить лавою под сильным ружейным и артиллерийским огнем противника,

подбирая раненых, отсталых и убитых пластунов и стрелков общей численностью до 45 человек. Вечером того же числа была получена телефонограмма, что отряды Генералов Воропанова³⁸¹ и Мудрого³⁸² овладели Копской позицией. Тогда же, для очищения Карабашерской долины от противника, был выслан дивизион под командой Войскового старшины Абашкина, который стал наступать лавою рысью. Противник, увидя лаву, стал отходить в окопы, часть противника, однако, была настигнута и уничтожена (изрублено до 50, взято в плен 34 чел.). Потери полка: убиты 7 человек, 2 пропали без вести.

4 июля. 1-я, 3-я и 5-я сотни при пулеметах под командой Войскового старшины Абашкина выступила в направлении на с. Тортон в голове всего отряда. 3-я сотня подбесала Бабиева в качестве разведочной производила разведку в направлении движения. Дивизион был обстрелян частым огнем с крутой каменной горы. <...>

Начальник отряда генерал Назарбеков³⁸³ выслал 1 сотню с двумя ротами стрелков под общим начальством Войскового старшины Абашкина в обход позиции противника. Отряд продолжал движение, но как только конница и группа начальников появилась на дороге, противник открыл очень частый огонь. Артиллерия обстреляла гребень. В скором времени противник стал покидать позицию — причиной этому было появление отряда Войскового старшины Абашкина с фланга. <...>

Силы противника определялись в 2—3 батальона при 2 орудиях. Отряд Войскового старшины Абашкина, очистив горы от противника, стал на перевале в 6 верстах к западу от Тортон.

«1915. 6 июля. № 53. Войсковому старшине Абашкину.

Ввиду изменившихся обстоятельств противник, переправившись через Евфрат, пытается обойти отряд генерала Воропанова, стараясь выйти на Коп. Оставайтесь на прежнем месте, ведя разведку на север и северо-запад, поддерживая связь с нашим отрядом.

Генерал Назарбеков»

«1915. 6 июля. Генерал-майору Назарбекову.

<...> За день убито и изрублено около 80 турок, из коих один офицер — штабс-капитан (посылаю петлицу). Взяты в плен 32 нижних чина и, кажется, офицер, поскольку говорит по-французски. Турецкие солдаты оказывают ему видимое почтение, однако он заявляет, что он не офицер, а простой солдат. <...> Потери: убит 1 урядник (выдающийся разведчик). Несколько ранено.

Войсковой старшина Абашкин».

«1915. 7 июля. Перевал Бейляджан. Начальнику колонны генерал-майору Назарбекову.

Доношу, что турки разбиты у Одонгора и Еифкалу <...>. Много их потонуло в Евфрате.

Войсковой старшина *Абашкин*».

«1915. 7 июля. Генерал-майору Назарбекову.

Прошу распоряжения Вашего Превосходительства о замене меня другим офицером, а мне разрешить выехать в Лятер в обоз полка 1 разряда.

После контузии 28 октября 1914 г. на Клыч-Гядуке мне в Кара-килисе 19 ноября 1914 г. была сделана трепанация большой берцовой кости; потом в России было вынуто 6 осколков кости и 19 января 1915 г. была произведена повторная операция (грануляция кости острой ложкой).

Не закончив окончательного лечения, выехал в полк, делая дорогой перевязки. В конце концов, рана совершенно затянулась и лишь зарубцевание осталось. Вчера, 6 июля, возвращаясь от Вашего Превосходительства к себе, я оступился и ушиб на месте операции голень. Кожа на месте шва лопнула, обнажив рану. Врач сделал перевязку. Боль эта особенно ощущается при движении рысью или галопом (наметом). Врач советует серьезно подлечиться, иначе при повторных ушибах (которых трудно избежать в горах) может образоваться воспаление костного мозга, а затем и ампутация.

Теперь, как не жаль оставлять любимого строя, я прошу освободить меня от него на некоторое время, чтобы залечиться.

Этим временем я мог бы исполнять обязанности помощника Командира полка по хозяйственной части. Ожидаю дальнейших распоряжений.

Войсковой старшина *Абашкин*».

Приложение — записка старшего врача 21-го Кубанского пластунского батальона, батальонного лекаря Озол: «На левой голени — рана длиной см. в 30».

25 сентября. Из Владикарса — в Джелаус, полк отошел на отдых.

28 сентября. В г. Карс — смотр Главнокомандующим и Наместником на Кавказе Великим Князем Николаем Николаевичем³⁸⁴.

29 октября. Молебн. Команда молодого пополнения, всего 145 конных и пеших нижних чинов — клятва, целование Евангелия, Креста и полкового Знамени. Парад.

27 ноября. На фронт. В полосе, ограниченной с севера линией р. Евфрата.

«1915. 29 ноября. Коменданту г. Кагызман.

Завтра прибывает в Кагызман 1-й Лабинский казачий полк и конно-пулеметная команда 2-й Кавказской казачьей дивизии. <...>

За Командира полка Войсковой старшина Абашкин».

11 декабря. Полк участвует в боях за Мелязгерт.

17 декабря. Согласно предписанию Начальника Санджанского отряда³⁸⁵, из Бастан-кая, под общим начальством Войскового старшины Абашкина, выступили 1-я и 3-я роты 8-го Стрелкового Кавказского полка и конный отряд: 1-я, 2-я, 3-я сотни 1-го Лабинского полка, взвод пулеметов и сотня добровольцев всадников Армянской дружины под командой Дро³⁸⁶.

В Мелязгерт пришли в 8 часов вечера. Собрав всех г.г. офицеров, Войсковой старшина Абашкин еще раз повторил задачу, возложенную на его отряд, и изложил план действий по выполнению его, а именно: пехоте, конный же отряд под личной командой Войскового старшины Абашкина пойдет на Дерик. <...>

Имея в сотнях белые саваны и белые чехлы на шапки, Войсковой старшина Абашкин решил их использовать, и приказал одеть в них разведчиков-казаков. Они должны были при наступлении идти впереди и снять без тревоги неприятельские сторожевки, дабы дать возможность отряду бесшумно войти в селения для захвата пленных. <...>

При выходе из Мелязгерта отряд сбился с дороги, пройдя 10 верст [за] 4 с половиной часа. Глубокий (в аршин) снег, туман, глубокие с отвесными берегами балки заставляли то и дело изменять направление. Высланные разъезды не могли найти дороги на Коп. Стало светло. Разъезд донес, что видит селение, которое принято было за Коп. Тотчас же, на рысях, была выслана 3-я сотня подьесаула Бабиева. Когда же выяснилось, что это не Коп, а Месджилет, Войсковой старшина Абашкин послал приказание командиру 3-й сотни подьесаулу Бабиеву повернуть левым плечом и атаковать Коп с восточной стороны, обязательно в конном строю, несмотря даже на огонь, проявив при этом всю дерзость конного налета. Бить противника приказано только лишь в крайнем случае, а главным образом захватить возможно больше пленных.

Направив части в атаку, Войсковой старшина Абашкин с остальными направился на северо-западную окраину с. Коп, для содействия атаке. Выяснилось, что Коп и окружающие селения заняты преимущественно курдами.

<...> ночной переход по глубокому снегу, пересеченной местности [дал] большое количество обмороженных (до 80 человек, особенно у пехотинцев).

«1915. 18 декабря. Генералу Певневу.

Сего числа, с рассветом, конница в составе 3-х сотен Лабинцев и сотни конных армян, всего 450 коней, под командой Войскового старшины Абашкина, произвела нападение в конном строю на с. Коп-Булат. Село было занято курдами числом до 300, из коих зарублено 40, а остальные попрятались и разбежались, живого взяли одного. Он показал, что в монастыре Калиса находятся 150 аскеров и 4 орудия.

1916 г.

Вр. командир 1-го Лабинского Начальнику Штаба Походного Атамана Генерала Засса полка при Его Императорском Величестве Войсковой старшина *Абашкин*».

Сведения о боевых действиях полка с 7 по 14 января 1916 г.

«РАПОРТ

7 января. На основании приказа Начальника Санджанского отряда, вверенная мне колонна в составе: 1-й, 2-й, 3-й сотен Лабинского полка и 4-х пулеметов конно-пулеметной команды 2-й Кавказской казачьей дивизии в 8 часов утра выступила из сел. Бастан-кая по направлению на сел. Султанли. <...> В 3 часа дня к колонне присоединилась 4-я сотня. <...> 2-я и 4-я сотни, под общей командой подьесаула Подпорина 1-го, без выстрела двинулись к селению и с расстояния 400 шагов бросились на «ура». Встретив сотни огнем, противник не принял удара и бежал.

8 января. Сел. Ширван-Шейх было занято противником числом свыше 150 человек, из них 50 конных гамидийцев³⁸⁷. 1-я и 3-я сотни под командой подьесаула Бабиева, охватив селение с флангов, бросились на «ура». Противник бежал к западу. Было зарублено 31 курдов.

9 января. В 8 часов утра, идя по ущельям в гору, лошади совершенно обессилили. Курды неотступно следовали по горам параллельно движению колонны. Назначение особых частей для оттеснения этих курдов еще более замедлило движение полка. Головные части колонны подошли на передовую около 2 часов дня. Перевал оказался занятым гамидийцами числом около 300 человек и, кроме этого, многочисленными курдами до 1000 человек. Для занятия перевала были назначены 2-я и 4-я сотни, подкрепленные затем 1-й сотней и пулеметной командой под общим начальством Войскового Старшины Абашкина. Продвигаясь к перевалу, наши цепи сблизилась с противником до 200 шагов. Нашими дозорами замечены были подходящие на помощь гамидийцам со

стороны Кома-Кара-геца 2 роты пехоты. Занимая весьма хорошую позицию и укрывшись за камнями, противник до 1000 человек держался весьма стойко и делал попытки перехода в наступление. Тем не менее, к вечеру, перевал был в наших руках. <...>

13 января. Вверенная мне колонна в составе всех 6-ти сотен 1-го Лабинского полка, совместно с конно-пулеметной командой 2-й Кавказской казачьей дивизии и 2-й Армянской дружиной выступили в 8 часов утра из села Кара-Кепри. 3-я сотня Подъесаула Бабиева и 1 ? роты 2-й Армянской дружины Дро при поручике Тер-Аветисове шли в авангарде. <...> Бои посотенно продолжались весь день. <...> На последней позиции у г. Хныса — уличные бои, захвачен склад артиллерийских снарядов. Противник имел 4 роты пехоты, эскадрон сувары (турецкая конница. — П. С.) и свыше 500 курдов. Взяли город, зарублено 327 солдат противника <...>».

«1916. 22 января. № 56. Подъесаулу Бабиеву.

Предписываю подробно изложить действия Ваши и вверенной Вам сотни под Кара-Кепри 12 сего января. В описании действий — подробно изложить Ваше личное управление сотней, от которого зависела успешная работа ея по пленению турецких офицеров и солдат. Укажите свидетелей, желательно и от Вашей же сотни, которые могли бы подтвердить Вашу распорядительность, отвагу, словом, Ваше непосредственное руководство сотней.

Войсковой старшина Абашкин».

«1916. 1 марта. Битлис. Подполковнику Шатилову.

В полку состоит: штаб-офицеров — 2, обер-офицеров — 27, чиновников — 4, священник — 1.

Полковник Носков».

«1916. 2 марта. Муи. Из штаба 4-го корпуса. Войсковому старшине 1-го Лабинского полка Абашкину.

<...> Доношу, что из лазарета всероссийского земского союза сообщено нам о смерти казака Чурилова 2-й сотни ошибочно. Казак живой. Диденко».

«1916. 4 августа. Командирам сотен. Требую проявить больше энергии.

5 августа. Войсковому старшине Суржикову³⁸⁸. Не вижу продвижения Вашей сотни.

Войсковой старшина Абашкин».

«1916. 5 августа. Начальнику отряда.

С полком остановился у селения Расулан. С господами офицерами выезжал на вершину. По зрительному наблюдению сужу, что нам осталось взять последние высоты перед Мушской долиной.

Войсковой старшина *Абашкин*».

«1916. 6 августа. Есаулу Лопата, Есаулу Подпорину.

Курдов за противника не считать — их можно только бить.

Войсковой старшина *Абашкин*».

«1916. 8 августа. Начальнику отряда.

Взято в плен еще 12 аскеров, по словам которых в Муше и его окрестностях сосредоточены 3 полка пехоты (№№ 17, 23, 24) при 15 орудиях.

Войсковой старшина *Абашкин*».

«1916. 8 августа. Начальнику конного отряда Генералу Назарбекову.

<...> Корнет Дейбель донес, что Черноморцы у Норшина задержаны и открыли огонь из пулеметов. Я иду далее, постараюсь охватить турок со стороны Бикласа. Было бы желательно подвезти артиллерию на случай, если противника окажется много, она облегчила бы работу сотен.

Войсковой старшина *Абашкин*».

«1916. 8 августа. Войсковому старишине Суржикову.

Вы уклонились слишком вправо. Поверните правым плечом, перейдите через речку и, снова повернув правым плечом, идите вверх по течению. Своим огнем и появлением с фланга Вы заставите противника скорее отойти.

Войсковой старшина *Абашкин*».

«1916. 8 августа. Начальнику отряда.

Из Муша в направлении Норшина идет конница, силою в эскадрон или больше. Севернее Муша тянется длинная кишка большой пехотной колонны. У села Хонан замечена пехота, сила которой не установлена, т. к. люди прячутся за камнями. Черноморцы ведут бой. Желательно придвинуть артиллерию к кургану.

<...> У отдельного дома, что севернее Муша, работает турецкий географ.

Войсковой старшина *Абашкин*».

«1916. 8 августа. Командиру 1-го Черноморского полка³⁸⁹.

Прошу спешно сообщить для доклада Начальнику отряда, занято ли Вами село Норшин. Если не занято, то сообщите, можно ли обстрелять Норшин артиллерийским огнем, не задев Ваших цепей.

Войсковой старшина *Абашкин*».

«8 августа. Начальнику отряда.

Наступление на Муш, сам нахожусь в Бикласе, возле артиллерийских позиций. Артстрельба по Мушу. Разъезды встречены пачечным огнем. Наступление вместе с Черноморцами. Селения вокруг Муша заняты турками, склоны гор — тоже заняты ими».

«8 августа. Начальнику конного отряда.

<...> После занятия мною Хонана сотни ходили в атаку. Аскеров много изрублено, взято в плен 16 человек. Много пленных захватить не пришлось, т. к. у самых предгорий сотни были встречены ураганным огнем турецкой пехоты. Из всех окрестных Мушу селений турки выбиты. Нахожусь в Хонане. Потери свои еще не выяснил, т. к. сотни не собраны. Ожидаю распоряжений.

Войсковой старшина *Абашкин*».

«9 августа. Пехотинцам-Георгиевцам (Георгиевского полка. — П. С.). Снять с занимаемых позиций не могу. Сообщите цели для обстрела артиллерийским огнем.

10 августа. 2-я сотня 1-го Лабинского полка под командой Подъесаула Баранова заняла Муш сегодня в 8.45.

11 августа. Командирам отдельных частей. <...> Задача всего отряда — упорно задерживать турок, ни в каком случае не отступать и ни в коем случае не давать туркам прорвать наш фронт или обойти с флангов.

Вр. Командир 1-го Лабинского полка
Войсковой старшина *Абашкин*».

1916. 5 октября. В штаб дивизии прибыл Командующий Кавказской Армией Генерал Юденич. Для встречи выстроены: 5 сотен Лабинцев, 4 сотни Черноморцев, 1-я и 5-я Кубанские казачьи батареи. <...> Командующий поблагодарил казаков за боевую службу.

1916. 22 октября. В перечне раненых в 1-м Лабинском полку: Войсковой Старшина Абашкин — контужен в голень левой ноги осколком артиллерийского снаряда при взятии Клыч-Гядукского перевала 30 октября 1914 г. <...> Подъесаул Бабаиев — кожное разрывное ранение живота 14 июля 1916 г.

1917 г.

Представлено 27 января 1917 г. Командующему Кавказской Армией.

Список Г.г. Штаб-офицеров 2-й Кавказской казачьей дивизии, удостаиваемых к назначению на должности командиров бригад и казачьих полков Кубанского и Терского Казачьих войск.

Командир 3-го Волгского полка полковник Герасим Вдовенко³⁹⁰ (старшинство 22 апреля 1914 г.) на должность командира бригады «вне очереди».

Командир 1-го Лабинского полка полковник Александр Блазнов (старшинство 6 мая 1914 г.) на должность командира бригады «по старшинству» (здесь и далее, в общих списках, имена Лабинцев выделены курсивом. — П. С.).

Помощник командира 3-го Кизляро-Гребенского полка Войсковой старшина Михаил Мигузов³⁹¹ (старшинство 6 декабря 1911 г.) на должность командира полка «вне очереди».

Помощник командира 1-го Лабинского полка Войсковой старшина Петр Абашкин (старшинство 21 октября 1914 г.) на должность командира полка «вне очереди».

Командир корпуса генерал-лейтенант *де Винт*³⁹².

«1917. 28 апреля. Начальнику 3-й Кубанской каз. дивизии генерал-майору Рафаловичу.

Ставка Верховного Главнокомандующего телеграфирует: отчисления полковника гр. Адлерберга назначить его место полковника Абашкина. Сообщено Главный Штаб (Командир Ейского полка ККВ Полковник гр. Адлерберг представлен к отчислению в резерв чинов Петроградского военного округа, по болезни)».

«1917. 27 июня. Хныс. Наштакор (телеграмма).

<...> Командир Ейского полка полковник Абашкин представлен на должность Командира 1-го Лабинского полка, на должность же Командира Ейского полка представлен Войсковой старшина Екатеринодарского полка Говорущенко. Благоволите распоряжением отношением полковника Абашкина командировании месту службы до получения приказа Армии и Флоту.

Полевой штаб Кавказской Армии. *Маслянников*».

«1917. 30 июня. Хныс. Наштакору.

<...> Приказом 24 июня Командир Ейского полка полковник Абашкин назначен Командиром 1-го Лабинского полка. *Наштадиб*».

«Начальнику 2-й Кавказской казачьей дивизии.

Главный Штаб от 22 июля 1917 г. сообщил, что за контузию 29 октября 1914 г. Полковнику 1-го Лабинского полка Абашкину пожаловано старшинство 1 год».

«1917. 23 июля. Хныс. Комкор.

Представляется список кандидатов: на дивизию — Нальгиев, на отдельную бригаду — Белый, повышение по Генеральному штабу — Шатилов, на бригаду — Аландер, на неотдельную бригаду — *Абашкин*, на командира полка — *Суржиков*.

Генерал-Майор *Кулебякин*».

«1917. 25 июля. Лир. Наштадив 2 Каз[ачьей].

Комкор приказал срочно телеграфировать: первое имена полковников *Абашкина Суржикова Федюшкина Бахолдина* второе старшинство в чине перечислить и полковника *Шатилова* третье кто имеет Георгиевский крест четвертое из перечисленных кто представлен вне очереди и кто по старшинству.

Штаб корпуса».

«1917. 26 июля. Из Лира. Хныс. Комкор.

Полковник *Шатилов Павел* старшинство 6 декабря 1914 (исправл. 1915). Полковник *Федюшкин Иван* старшинство 5 февраля 1916. Полковник *Абашкин Петр* старшинство 13 августа 1916. Войсковой старшина *Суржиков Алексей* приказом Армии и Флота 11 июля произведен боевые отличия полковники.

Полковник *Шатилов*».

«1917. 4 сентября. Начальнику 2-й Кавказской казачьей дивизии.

Рапорт. Представляя при сем наградной лист на есаула вверенного мне полка *Григория Подпорина*³⁹³, прошу Вашего ходатайства о производстве его за боевые отличия в чин Войскового старшины.

Командир 1-го Лабинского Генерала Засса полка полковник *Абашкин*.

За полкового адъютанта *Хорунжий Киселев*³⁹⁴».

Приложение 4

ВЫПИСКА ИЗ ПОСЛУЖНОГО СПИСКА КОМАНДИРА 1-ГО ЛАБИНСКОГО ГЕНЕРАЛА ЗАССА ПОЛКА ККВ ПОЛКОВНИКА ФЕДОРА ИВАНОВИЧА ЕЛИСЕЕВА

Сын природного казака станицы Кавказской. Родился 11 ноября 1892 г. По окончании 2-х классного училища поступил в Майкопское механико-техническое училище Императора Александра III.

В марте 1909 г., при Владикавказском кадетском корпусе, выдержал экзамен на права по образованию 2-го разряда и поступил вольноопределяющимся в 1-й Екатеринодарский Кошевого Атамана Чепеги полк 1 января 1910 г.

6 мая 1910 г. на полковой джигитовке учебной команды и лучших наездников от сотен получил первенство и Наказным Атаманом Кубанского Войска генерал-лейтенантом Бабычем³⁹⁵ награжден первым полковым призом — серебряными часами с надписью «За наездничество и джигитовку» с правом ношения в строю.

Командирован в г. Оренбург и по экзамену зачислен юнкером в Оренбургское казачье военное училище 27 сентября 1910 г. на трехгодичный курс.

В 1912 г. на состязании юнкеров сотни в гимнастике на снарядах получил первенство и награжден золотым жетоном, установленным по военно-учебным заведениям в 1909 г. за № 41, с правом ношения и по производстве в офицеры.

При переходе в старший 2-й специальный класс за знание службы и примерное поведение произведен в младшие портупей-юнкера с назначением взводным начальником 1 сентября 1912 г.

20 декабря 1912 г. произведен в старшие портупей-юнкера.

В 1913 г. на состязании юнкеров старшего курса в джигитовке получил первенство и награжден золотым жетоном с правом ношения и по производстве в офицеры.

По окончании курса военного училища Высочайшим приказом 6 августа 1913 г. произведен в офицеры, в чин хорунжего с назначением в 1-й Кавказский полк. 27 сентября того же года прибыл в полк в г. Мерв Закаспийской области и приказом по полку назначен помощником начальника учебной команды и делопроизводителем полкового суда.

Командирован в ст. Кавказскую в распоряжение Атамана Кавказского отдела, на время майских лагерей для льготных казаков и назначен начальником наезднической команды казаков приготовительного разряда 15 апреля 1914 г.

С началом военных действий в 1914 г. на войну вышел в должности младшего офицера, на Турецкий фронт.

2 ноября 1915 г. назначен полковым адъютантом. За выслугу лет на фронте Высочайшим приказом 16 мая 1916 г. произведен в чин сотника, со старшинством с 19 июля 1915 г.

За выслугу лет на фронте Высочайшим приказом в августе 1916 г. произведен в подьесаулы, со старшинством с 19 июля 1916 г.

26 марта 1917 г. назначен командиром сотни на законном основании.

За боевые отличия награжден всеми шестью боевыми орденами до Св. Владимира IV степени с мечами и бантом включительно, доступными обер-офицерскому чину.

5 октября 1916 г. в день Войскового Праздника под Карсом — на призовой джигитовке офицеров полка получил первенство и награжден золотым жетоном с надписью «За рубку и джигитовку». В 1917 г. в Финляндии, на таковом же Войсковом Празднике — награжден вторым золотым жетоном с тою же надписью.

Ввиду демобилизации армии, 8 декабря 1917 г. во главе первого эшелона полка выступил из Финляндии на Кубань, куда и прибыл 21 декабря того же года в ст. Кавказскую.

25 февраля 1918 г. власть перешла в руки большевиков в Кавказском отделе. 19 марта вспыхнуло «Кавказское восстание» и приказом по восставшему Стану № 1 — назначен был начальником всей конницы восставших. 24 марта, по подавлению восстания, скрылся.

8 июля вступил в Отряд полковника Шкуро и назначен командиром 1-й сотни Партизанского отряда.

5 сентября переведен в распоряжение Кубанского Войскового Штаба. 13 сентября 1918 г. прибыл на фронт в район станицы Михайловской Лабинского отдела, в Корниловский полк и назначен командиром 2-й сотни.

За выбытием полкового адъютанта убитым в конном прорыве 1-й Конной дивизии к станице Курганной — назначен временным полковым адъютантом.

25 декабря 1918 г. Командующим Добровольческой Армией генералом Деникиным за боевые отличия произведен в есаулы, со старшинством с 18 сентября 1918 г.

2 февраля 1919 г. начальником 3-й Кубанской казачьей дивизии генералом Бабиевым в селе Дивном Ставропольской губернии назначен командующим Корниловским конным полком.

Произведен в войсковые старшины, со старшинством с 18 сентября 1918 г.

Приказом Войскового Атамана генерала Филимонова по Кубанскому Войску 12 апреля 1919 г. произведен в полковники.

Полученные ранения в Корниловском полку:

1. 24 октября 1918 г., в чине подьесаула, командуя головными тремя сотнями полка под общим командованием полковника Бабиева — в атаке на пехоту красных под станицей Убежинской Лабинского отдела ранен ружейной пулей навывлет в правое плечо и до конца боя остался в строю.

2. 10 ноября 1918 г., в чине подьесаула, в бою под селом Константиновским Ставропольской губернии, в конной атаке на пехоту красных под пулеметным огнем — одной пулей разбита поясная пряжка, а второю — разбит бинокль, висевший на груди, и осколками стекла контужен правый глаз. Остался в строю.

3. 20 ноября 1918 г., в чине подьесаула, во время налета в тыл красных Корниловского и 1-го Линейного полков под общей командой полковника Бабиева на село Спицевка Ставропольской губернии — тяжело ранен пулеметным огнем в левую ногу под чашечку с повреждением большой берцовой кости и эвакуирован.

4. 26 апреля 1919 г., в чине полковника и командира Корниловского конного полка, брошенного генералом Бабиевым на пехоту красных у села Кормового Астраханской губернии — ранен навывлет в левое плечо и остался в строю. Корниловский полк, понеся тяжелые потери, захватил полностью всю красную пехотную дивизию, 4 полевых орудия и 13 пулеметов.

2 мая 1919 г., телеграммой Походного Атамана генерала Науменко вызван в распоряжение Войскового Штаба в Екатеринодар, куда и вы-
был из села Ремонтного Астраханской губернии.

12 мая 1919 г. назначен штаб-офицером в формируемый 3-й Уман-
ский полк полковника Гамалия, потом действовавший против «зеленых»
в районе г. Туапсе.

По личному желанию, Войсковым Штабом командирован в 3-й Кон-
ный корпус генерала Шкуро в Воронеж и 6 октября 1919 г., прибыв к
месту назначения, назначен помощником командира 2-го Хоперского
полка по строевой части 12-го того же октября.

18 октября назначен командиром 2-го Хоперского полка 1-й Кавказ-
ской казачьей дивизии. Отступая от Воронежа, севернее узловой станции
Касторная у села Алиса, конной атакой полка — захватил в плен баталь-
он пехоты красных.

15 ноября, по сведению 1-го и 2-го Хоперских полков в Сводно-
Хоперский — начальником 1-й Кавказской казачьей дивизии генералом
Шифнер-Маркевичем назначен командиром этого полка.

Севернее г. Валуйки, ночной конной контратакой Сводно-Хоперского
полка — захватил батальон пехоты красных и шесть пулеметов.

В районе Дебальцево, генералом Шифнер-Маркевичем назначен
начальником кадров 1-й Кавказской казачьей дивизии с задачей —
двигаться на станцию Матвеев Курган и дальше, по указанию генера-
ла Улагая — для формирования Кубанской Армии. Это было в сере-
дине декабря 1919 г.

Через Ростов, Батайск, с остановками в станицах Кушевской, Шку-
ринской, Уманской, Павловской — дивизия прибыла в станицу Ново-
Леушковскую и временно вошла в состав 2-го Кубанского корпуса
генерала Науменко, прибывшего сюда от Северного Донца для попол-
нения.

Дальнейшим распоряжением, с дивизией прибыл в станицу Невин-
номысскую Баталпашинского отдела и, сдав должность старшему в чине
полковнику Бочарову³⁹⁶ — приступил к ремонту своего 2-го Хоперско-
го полка, в должности командира которого утвержден на законном ос-
новании Командующим Кубанской Армией генералом Шкуро 15 янва-
ря 1920 г.

По личному желанию — вызван на фронт во 2-й Кубанский кон-
ный корпус генералом Науменко, на Маныч, куда и прибыл в село
Ивановка Ставропольской губернии и назначен на законном осно-
вании командиром 1-го Лабинского генерала Засса полка 6 февраля
1920 г.

За успешный бой полка против красной конной бригады, прорвавшейся в тыл корпуса под станицей Дмитриевской, генералом Науменко назначен временно командующим 2-й Кубанской казачьей дивизией 20 февраля 1920 г.

Во время ночного налета красных на станицу Кавказскую, одновременно с захватом железнодорожного узла станция Кавказская 16 февраля 1920 г. — во главе 1-го Лабинского полка настиг пехоту красных по шляху Кавказская—хутор Лосев и конной атакой полностью захватил в плен 443-й и 444-й полки 39-й красной дивизии и 18 пулеметов. Справка — приказ Кубанскому Войску № 170 от 20 февраля 1920 г.

22 февраля 1920 г., при наступлении красных на станицу Дмитриевскую — во главе 2-й Кубанской казачьей дивизии атаковал красных и полностью захватил советскую дивизию во главе с начальником дивизии, капитаном Генерального штаба.

После сдачи г. Сочи, ввиду малочисленности 3-й Кубанской казачьей дивизии — она была влита во 2-ю Кубанскую дивизию, с назначением начальником дивизии генерала Бабиева. Сдав должность — вернулся в свой 1-й Лабинский полк 10 апреля 1920 г.

Ввиду откомандирования генерала Бабиева в Крым — последним назначен вновь начальником 2-й Кубанской казачьей дивизии.

Во главе арьергардной 2-й Кубанской казачьей дивизии, Корниловским конным полком занимал последнюю позицию севернее Адлера Черноморской губернии и ждал транспортов на присоединение дивизии к Русской Армии в Крыму. Кубанская Армия, прижатая к морю и брошенная в самый тяжкий момент, вынуждена была сложить оружие. Считая своим моральным долгом разделить участь казаков, с которыми, отбиваясь, отступал от самого Воронежа, остался на берегу со своей дивизией, в самом конце апреля 1920 г.

В составе группы старших офицеров Кубанской Армии, численностью шесть генералов и около 80 штаб-офицеров, пройдя концентрационные лагеря и тюрьмы Екатеринодара, Ростова, Костромы, Москвы и Екатеринбурга, в начале мая 1921 г. из окрестностей Екатеринбурга бежал и 4 июня того же года перешел Русско-Финляндскую границу севернее г. Олонецка.

Приказом по Войску от 10 сентября 1922 г. за № 47, пункт 1-й — зачислен в резерв Войска.

В Финляндии, из кронштадтских повстанцев Кубанских казаков, организовал станицу, став их Атаманом с 1922 года.

Кубанским Войсковым Атаманом генералом Науменко — назначен его Представителем в Финляндии, для живой связи с «Белым центром».

Не подвергался наказаниям и взысканиям, сопряженным с ограничением по службе.

Настоящий подлинный послужной список подписан Кубанским Войсковым Атаманом генералом Науменко и начальником Походного Штаба полковником Соламахиным 12 ноября 1925 г. в Белграде, Югославия.

КОММЕНТАРИИ

¹ **Шкуро (Шкура) Андрей Григорьевич** — р. 7 февраля 1886 г., казак ст. Пашковской ККВ, окончил 3-й Московский кадетский корпус (1905), сотню Николаевского кавалерийского училища (1907), вышел хорунжим в 1-й Уманский бригадира Головатого полк ККВ, затем офицер 1-го Екатеринодарского Кошевого Атамана Чепети полка ККВ. В Великой войне в 3-м Хоперском полку ККВ, начальник Кубанского отряда особого назначения (12.01.1916), награжден орденами Св. Анны III ст. с мечами и бантом, Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», Георгиевским оружием (5.05.1915), Св. Анны II ст. с мечами, мечами и бантом к Св. Станиславу III ст., Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом (к 1.01.1917), с весны 1917 г. в корпусе генерала Баратова на Персидском фронте, войсковой старшина. В Добровольческой армии и ВСЮР, командир казачьего отряда в Батаалпашинском отделе ККВ (05.1918), начальник 1-й Казачьей (06.1918), 2-й Кубанской (07.1918), 1-й Кавказской (10.1918) дивизий, генерал-майор (30.11.1918), генерал-лейтенант (4.04.1919), командир 3-го Кубанского конного корпуса (4.05.1919), командующий Кубанской армией (01.—03.1920). В эмиграции во Франции, Югославии, во время Второй мировой войны начальник Резерва казачьих войск (5.09.1944). Выдан в Лиенце (05.1945), казнен в Москве 16 января 1947 г.

² **Науменко Вячеслав Григорьевич** — р. 25 февраля 1883 г., казак ст. Петровской ККВ, окончил Михайловский Воронежский кадетский корпус (1901), сотню Николаевского кавалерийского училища (1903), Академию Генштаба (1914), офицер 1-го Полтавского Кошевого Атамана Сидора Белого полка ККВ. В Великой войне старший адъютант, и. д. начальника штаба 1-й Кубанской казачьей дивизии, награжден всеми боевыми орденами до Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом включительно, Георгиевским оружием (22.04.1915), Генерального штаба подполковник (2.04.1917). Начальник Полевого штаба командующего войсками Кубанской области (28.11.1917), полковник (25.02.1918), первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, командир Корниловского конного полка (27.06.1918), начальник 1-й Конной дивизии (19.11.1918), генерал-майор (8.12.1918), зачислен в Генштаб (25.01.1919), Походный Атаман ККВ (1.02.1919), командир 2-го Кубанского конного корпуса (11.10.1919), в Русской Армии командир корпуса, конной группы (1920), о. Лемнос. Кубанский Войсковой Атаман (1920—1958), член Главного Управления Казачьих Войск (1944—1945), умер в Нью-Йорке 30 октября 1979 г.

³ **Алексеев Михаил Васильевич** — р. 3 ноября 1857 г., сын офицера, учился в Тверской гимназии, окончил Московское пехотное юнкерское училище (1876), Академию Генштаба (1890), офицер 64-го пехотного Казанского полка, в Русско-

турецкой, Русско-японской войнах, награжден Золотым оружием. В Великой войне генерал от инфантерии, награжден орденом Св. Георгия IV ст. (6.09.1914), начальник штаба Верховного главнокомандующего (18.08.1915), Верховный главнокомандующий (2.04.1917). Основоположник Добровольческой армии, первопоходник, верховный руководитель Добровольческой армии (с 18.08.1918), умер в Екатеринодаре 25 сентября 1918 г.

⁴ **Корнилов Лаур Георгиевич** — р. 18 августа 1870 г. в г. Семипалатинске, сын подхорунжего Сибирского Казачьего Войска, окончил 1-й Сибирский Императора Александра I кадетский корпус (1889), Михайловское артиллерийское училище (1892), вышел офицером в Туркестанскую артиллерийскую бригаду, окончил Академию Генштаба (1898), в Русско-японской войне за боевые отличия награжден орденом Св. Георгия IV ст. (08.09.1905), чином полковника, Золотым оружием (1907), военный агент в Китае (1.04.1907), генерал-майор (26.12.1912). В Великой войне начальник 48-й пехотной дивизии (с 30.12.1914), генерал-лейтенант (16.02.1915), бежал из плена, награжден орденом Св. Георгия III ст. (28.04.1915), командующий 8-й армией (с 29.04.1917), генерал от инфантерии (27.06.1917), главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта (10.07.1917), Верховный главнокомандующий (18.07.—29.08.1917). Главнокомандующий Добровольческой армией (с 5.12.1917), которую повел в 1-й Кубанский «Ледяной» поход, погиб под Екатеринодаром 31 марта 1918 г.

⁵ **Деникин Антон Иванович** — р. 4 декабря 1872 г. в г. Шпеталь Дольный Варшавской губ., окончил Ловичское реальное (1890) и Киевское пехотное юнкерское (1892) училища, Академию Генштаба (1899), в Русско-японской войне начальник штаба Забайкальской казачьей дивизии (28.10.1904), полковник, начальник штаба Сводного кавалерийского корпуса (08.1905), генерал-майор (06.1914). В Великой войне начальник 4-й стрелковой «Железной» дивизии, генерал-лейтенант (1916), награжден Георгиевским оружием (10.11.1915), орденом Св. Георгия IV (24.04.1915) и III (3.11.1915) ст., Георгиевским оружием с бриллиантами «за двукратное освобождение Луцка» (22.09.1916), командир 8-го армейского корпуса (с 9.09.1916), главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта (с 2.08.1917). Главнокомандующий Добровольческой армией (с 31.03.1918), главнокомандующий Вооруженными силами на Юге России (26.12.1918—22.03.1920). Умер в г. Энн-Эрбор (США) 7 августа 1947 г.

⁶ **Филимонов Александр Петрович** — р. 14 сентября 1866 г., казак ст. Григорополисской ККВ, окончил Киевский Владимирский кадетский корпус, 3-е Александровское военное училище (1885), Александровскую военно-юридическую академию (1904), двухлетний курс Археологического института и двухлетние курсы русской истории проф. С.Ф. Платонова. Атаман Лабинского отдела ККВ (07.1911), полковник. Председатель Кубанского правительства (05.1917), Кубанский Войсковой Атаман (12.10.1917—10.11.1919), первопоходник, генерал-лейтенант (1918). В эмиграции в Югославии, председатель Союза участников 1-го Кубанского похода, умер в г. Осеке (Хорватия) 4 августа 1948 г.

⁷ **Эрдели Иван Георгиевич** — р. 15 октября 1870 г., окончил Николаевский кадетский корпус (1887), Николаевское кавалерийское училище (1890), Академию Генштаба (1897), офицер А.-Гв. Гусарского Е. В. полка, генерал-майор, командир А.-Гв. Драгунского полка (1910). В Великой войне начальник 14-й кавалерийской дивизии (18.10.1914), награжден Георгиевским оружием (9.03.1915), генерал-лейтенант (1916), командир 18-го армейского корпуса (6.04.1917), генерал от кавалерии (18.06.1917), командующий Особой армией (12.07.1917). В Добровольческой армии, первопоходник, командир отдельной конной бригады, начальник 1-й Конной дивизии (06.1918), во ВСЮР главноначальствующий, командую-

щий войсками Терско-Дагестанского края (04.1919), начальник Владикавказского отряда (до 03.1920), в Русской Армии. В эмиграции во Франции, начальник 1-го отдела РОВС (29.06.1934), умер в Париже 7 июля 1939 г.

⁸ **Романовский Иван Павлович** — р. 16 апреля 1887 г. в г. Луганске, окончил 2-й Московский кадетский корпус (1897), Константиновское артиллерийское училище (1899), Академию Генштаба (1903), офицер Л.-Гв. 2-й артиллерийской бригады. В Великой войне генерал-майор, награжден Георгиевским оружием (13.10.1914), генерал-квартирмейстер ставки Верховного главнокомандующего (1917). Начальник строевого отдела штаба Добровольческой армии (12.1917), первопоходник, начальник штаба Добровольческой армии (02.1918), генерал-лейтенант (12.11.1918), начальник штаба, помощник главнокомандующего ВСЮР (01.1919—03.1920). Убит в Константинополе 5 апреля 1920 г.

⁹ **Покровский Виктор Леонидович** — р. в 1889 г., окончил Одесский кадетский корпус (1906), Павловское военное училище (1908). В Великой войне капитан, награжден орденом Св. Георгия IV ст. (3.08.1915), командир 12-го армейского авиаотряда (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, командир Кубанского отряда, полковник (01.1918), генерал-майор (03.1918), начальник 1-й Кубанской казачьей дивизии (07.1918—01.1919), командир 1-го Кубанского конного корпуса (1919), генерал-лейтенант (4.04.1919), командующий Кавказской армией (11.1919—03.1920), покинул Крым (05.1920). Убит в Болгарии 9 ноября 1922 г.

¹⁰ **Быч Лука Лаврентьевич** — р. в 1870 г. в ст. Павловской ККВ, окончил юридический факультет Императорского Московского университета, служил в «Восточном обществе транспорта по Волге и Каспийскому морю» (с 1900), бакинский городской голова (1912). В Великой войне начальник снабжения Кавказской армии (03.1917). Член краевой и законодательной рады, председатель Кубанского правительства (1917—1918), первопоходник, глава Кубанской делегации на Парижской мирной конференции (1919). В эмиграции, умер в Праге (Чехословакия) в 1945 г.

¹¹ **Рябовол Николай Степанович** — р. 17 декабря 1883 г., казак ст. Динской ККВ, сын станичного писаря, окончил Екатеринодарское Войсковое реальное училище, учился в Киевском Политехническом институте. В Великой войне окончил ускоренный курс Алексеевского инженерного училища (1915), прапорщик-сапер. Председатель Кубанской краевой и законодательной рады (09. и 11.1917), участник 1-го («Ледяного») и 2-го Кубанских походов, председатель краевой рады (08.1918), глава Кубанской делегации на Доно-Кубано-Терской конференции (06.1919), убит в Ростове 14 июня 1919 г.

¹² **Султан Шахим-Гирей** — р. в 1880 г. в ауле Кургоковском Батаалашинского отдела ККВ, окончил Ставропольскую гимназию, юридический факультет Харьковского университета, адвокат, товарищ председателя краевой и законодательной рады (с 1917). Первопоходник, член делегации для переговоров с гетманом Скоропадским и германскими властями на Украине (1918), глава делегации на Южно-Русской конференции (до 5.08.1919). После ноября 1919 г. выслан за границу, умер в Турции 22 ноября 1921 г.

¹³ **Скобцов Д.Е.** Три года революции и гражданской войны на Кубани. Париж, 1961. С. 80.

¹⁴ **Деникин А.И.** Очерки Русской Смуты: В 5 т. // Париж—Берлин, 1926. Т. 5. С. 199.

¹⁵ **Барон Врангель Петр Николаевич** — р. 15 августа 1878 г. в г. Ново-Александровске Ковенской губ., окончил Ростовское реальное училище и С.-Петербургский Горный институт (1901), вольноопределяющийся Л.-Гв. Конного полка, вы-

держал экзамен при Николаевском кавалерийском училище на чин корнета Гвардии (1902), в Русско-японской войне, окончил Академию Генштаба (1910). В Великой войне награжден орденом Св. Георгия IV ст. (13.10.1914), Георгиевским оружием (10.06.1915), полковник (11.12.1914), командир 1-го Нерчинского полка ЗаБКВ (с 8.10.1915), генерал-майор (13.01.1917), вр. командующий Уссурийской конной дивизией (с 23.01.1917), командующий Сводным конным корпусом (с 10.07.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, начальником 1-й Конной дивизии (30.10.1918), генерал-лейтенант (22.11.1918), командующий Кавказской Добровольческой армией (10.01.1919), главнокомандующий ВСЮР (с 22.03.1920), провел эвакуацию Русской Армии из Крыма (11.1920). Преобразовал армию в РОВС (1.09.1924), умер в Брюсселе 25 апреля 1928 г., перезахоронен в Свято-Троицкой церкви в Белграде (Югославия) 6 октября 1929 г.

¹⁶ *Врангель П.Н.* Записки: В 2 ч. // [Сб.] Белое Дело: Летопись Белой борьбы. Берлин, 1928. Т. 5. С. 108.

¹⁷ **Краснов Петр Николаевич** — р. 10 сентября 1869 г. в С.-Петербурге, казак ст. Каргинской Области Войска Донского, окончил Александровский кадетский корпус (1887), Павловское военное училище (1889), Офицерскую кавалерийскую школу, учился в Академии Генштаба (1 курс). Офицер А.-Гв. Атаманского полка, в Русско-японской войне. В Великой войне командир 10-го Донского казачьего генерала Луковкина полка, генерал-майор (11.1914), командир бригады в 1-й Донской казачьей, затем в Кавказской Туземной конной дивизиях, награжден Георгиевским оружием (25.07.1915), орденом Св. Георгия IV ст. (30.12.1915), начальник 2-й Сводной (1915), 1-й Кубанской казачьих дивизий (06.1917), командир 3-го кавалерийского корпуса (23.08.1917). Донской Войсковой Атаман (3.05.1918—2.02.1919), в Северо-Западной армии (09.1919). В эмиграции в Германии, Франции, во Второй мировой войне начальник Главного Управления Казачьих Войск (31.05.1944), выдан советским властям (28.05.1945), казнен в Москве 16 января 1947 г.

¹⁸ **Богаевский Африкан Петрович** — р. 27 декабря 1872 г., казак ст. Каменской Области Войска Донского, окончил Донской Императора Александра III кадетский корпус (1890), сотню Николаевского кавалерийского училища (1892), Академию Генштаба (1900), офицер А.-Гв. Атаманского полка. В Великой войне начальник штаба 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии, награжден Георгиевским оружием (10.11.1914), командир А.-Гв. Сводно-Казачьего полка, генерал-майор (03.1915), начальник штаба Походного Атамана всех Казачьих Войск (10.1915—04.1917), начальник 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии (1917). Первопоходник, командир Партизанского полка и 2-й бригады, в Донской армии, генерал-лейтенант (27.08.1918), Донской Войсковой Атаман (6.02.1919). В эмиграции, умер в Париже 21 октября 1934 г.

¹⁹ *Врангель П.Н.* Указ. соч. Т. 5. С. 117, 118.

²⁰ Там же. С. 130.

²¹ Там же. С. 131, 132.

²² **Плющевский-Плющик Юрий Николаевич** — р. 2 июня 1877 г., окончил Александровский кадетский корпус (1895), Константиновское военное училище (1898), вышел офицером А.-Гв. в 1-ю артиллерийскую бригаду, окончил Академию Генштаба (1905). В Великой войне полковник, командир 22-го пехотного Горьковского полка (12.1915), 2-й генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего. Первопоходник, генерал-квартирмейстер штаба Добровольческой армии (с 27.11.1918), штаба ВСЮР (01.1919—02.1920), генерал-майор (13.02.1919). В эмиграции в Югославии, Франции, умер в Париже 9 февраля 1926 г.

²³ Врангель П.Н. Указ. соч. Т. 5. С. 167, 168.

²⁴ **Топорков Сергей Михайлович** — р. 25 сентября 1881 г., казак ст. Акинтьевской Забайкальского казачьего Войска, подхорунжий, в Русско-японской войне награжден знаком отличия Военного ордена четырех степеней, произведен в офицеры (1904). В Великой войне полковник (20.09.1917), командир Чеченского, Татарского полков Кавказской Туземной конной дивизии. В Добровольческой армии и ВСЮР, штаб-офицер 1-го Кубанского (Корниловского) полка ККВ (06.1918), командир 1-го Запорожского полка ККВ (до 11.1918), 2-й бригады 1-й Конной дивизии, генерал-майор (11.1918), начальник 1-й Терской казачьей дивизии, командир 4-го, затем 2-го Кубанского корпуса, генерал-лейтенант (14.05.1919), в Русской Армии, командир Сводного корпуса в Крыму (1920). В эмиграции в Сербии, умер в Белграде 13 февраля 1931 г.

²⁵ **Скобцов Даниил Ермолаевич** — р. в 1884 г., казак ст. Урупской ККВ, окончил историко-филологический факультет Императорского Московского университета. Участник Великой войны. В Кубанском правительстве (1918), председатель Кубанской краевой рады (7.11.1919). В эмиграции в Сербии, Франции, умер в 1968 г.

²⁶ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 5. С. 288, 290.

²⁷ Врангель П.Н. Указ. соч. Т. 5. С. 117.

²⁸ **Крюков Федор Дмитриевич** — р. 7 февраля 1870 г., казак ст. Глазуновской Области Войска Донского, окончил Усть-Медведицкую гимназию, историко-филологический факультет Императорского Московского университета, преподавал в Орловском Бахтина кадетском корпусе. В Великой войне военный корреспондент, начальник отряда Красного Креста. Секретарь Донского Круга (1918—1920), эвакуирован на Кубань, умер в ст. Ново-Корсунской 20 февраля 1920 г. Соч.: Казачка; Родимый Край.

²⁹ **Елисеев Андрей Иванович** — р. в 1890 г., казак ст. Кавказской ККВ, окончил Майкопское техническое училище (1907). В Великой войне вольноопределяющийся, награжден Георгиевским крестом IV ст. (1915), окончил Телавскую школу прапорщиков, хорунжий 3-го Кавказского полка ККВ (на 12.1916). Участник восстания казаков в Кавказском отделе ККВ (03.1918), в Добровольческой армии и ВСЮР, войсковой старшина, помощник командира 1-го Кавказского полка при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), лагеря, работал на уральских заводах, приговорен к 10 годам концлагеря (12.11.1931), расстрелян в 1937 г.

³⁰ **Елисеев Георгий Иванович** — р. в 1896 г., казак ст. Кавказской ККВ. В Великой войне доброволец 2-го Сводно-Кубанского полка ККВ (1915), вольноопределяющийся 1-го Кавказского Наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (07.1916), окончил Тифлисское военное училище (1917), хорунжий 2-го Черноморского полка ККВ. Командир взвода в восстании казаков в Кавказском отделе ККВ (03.1918), в Добровольческой армии и ВСЮР, в Партизанском полку (1918), сотник Корниловского конного полка (1919), в Русской Армии, есаулом того же полка тяжело ранен в Таврии, умер 3 июня 1920 г., похоронен в с. Покровском Таврической губ.

³¹ **Бабиев Николай Гаврилович** — р. 30 марта 1887 г. в Варшаве, в Царстве Польском, казак ст. Михайловской ККВ, окончил Бакинскую гимназию (1906), сотню Николаевского кавалерийского училища (1908), вышел хорунжим в 1-й Лабинский генерала Засса полк ККВ, в Персидском походе (1909—1912). В Великой войне командир сотни того же полка, награжден орденами Св. Анны III ст. с мечами и бантом, Св. Станислава II ст. с мечами, Св. Владимира IV ст.

с мечами и бантом, Св. Анны II ст. с мечами, Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость» (к 1.01.1917), войсковой старшина, командир 1-го Черноморского полковника Бурсака 2-го полка ККВ (09.1917). В марте 1918 г. в отряде полковника Кузнецова, в Добровольческой армии и ВСЮР, полковник (23.09.1918), командир Корниловского конного полка (13.10.1918), награжден орденом Св. Георгия IV ст. (3.11.1918, за отличия в Великой войне), генерал-майор (01.1919), начальник 3-й Кубанской казачьей дивизии (с 26.01.1919), генерал-лейтенант (18.06.1919), в Русской Армии командир Конного корпуса (с 16.07.1920), награжден орденом Св. Николая Чудотворца II ст. (10.09.1920), погиб в бою в Таврии у с. Шолохова 30 сентября 1920 г.

³² **Егоров Афанасий Ефимович** — р. в 1881 г., окончил Черниговское городское и Черниговское пехотное юнкерское училища (1901), Академию Генштаба (1912). В Великой войне капитан, старший адъютант штаба 2-й Заамурской пограничной пехотной дивизии. В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, начальник штаба 3-й Кубанской казачьей дивизии (с 10.03.1919), 2-го Кубанского конного корпуса (с 6.11.1919), в Русской Армии, начальник штаба Сводного (Конного) корпуса (с 28.04.1920), 1-го Армейского корпуса (10.1920), Генерального штаба генерал-майор. В эмиграции, командир 2-го полка Русского Корпуса (23.10.1941—4.01.1942), умер в 1957 г.

³³ **Фостиков Михаил Архипович** — р. 25 августа 1886 г. в ст. Баталпашинской ККВ, окончил Ставропольское реальное и Алексеевское военное училища (1908), вышел хорунжим в 1-й Лабинский генерала Засса полк ККВ, в Персидском походе (1909—1912) награжден орденом Св. Анны III ст. с мечами и бантом (1912). В Великой войне адъютант того же полка, командир сотни 4-го Сводно-Кубанского (Ставропольского) полка (с 1915), награжден орденами Св. Анны III ст. с мечами и бантом, Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава III ст. с мечами и бантом, Св. Станислава и Св. Анны II ст. с мечами, Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом (1916), Георгиевскими крестами IV и III ст., войсковой старшина (1917), окончил 1-й курс Академии Генштаба (03.1918). В Добровольческой армии и ВСЮР, командир 1-го Кубанского полка ККВ (8.07.1918), генерал-майор (5.06.1919), начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии (по 02.1920), командующий «Армией возрождения России» на Кубани (май—октябрь 1920), в Русской Армии генерал-лейтенант, награжден орденом Св. Николая Чудотворца II ст. (17.10.1920), о. Лемнос, командир Сводного Кубанского корпуса, в Сербии начальник Кубанской казачьей дивизии (по 12.06.1921), умер в Белграде 29 июля 1966 г.

³⁴ **Рафалович Александр Фердинандович** — р. 15 августа 1861 г., окончил 3-е Александровское военное училище, полковник, командир 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ в Персидском походе (1909—1912). В Великой войне командир того же полка (до 05.1915), награжден Георгиевским оружием (17.05.1915), генерал-майор (15.06.1915), начальник 3-й (Сводной) Кубанской казачьей дивизии в корпусе генерала Баратова (1915—1917). Умер в Брюсселе (Бельгия) 26 апреля 1932 г.

³⁵ **Булавинов Александр Павлович** — р. ок. 1887 г., казак ККВ, окончил 3-й Московский кадетский корпус, Александровское военное училище (1908). В Великой войне командир сотни, есаул 3-го Лабинского полка ККВ (4.03.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, помощник командира 1-го Лабинского полка (04.1919—02.1920). На 1921 г. в Тифлисе.

³⁶ **Сахно** — казак ст. Тихорецкой ККВ, из учителей. В Великой войне окончил 2-ю Тифлисскую школу прапорщиков (1916), хорунжий 3-го Кавказского полка ККВ, награжден орденами Св. Станислава III ст. с мечами и бантом,

Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость» (на 12.1916). В Добровольческой армии и ВСЮР, командир сотни 1-го Лабинского полка, помощник командира того же полка, войсковой старшина при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920).

³⁷ **Баранов Лука Кононович** — р. ок. 1890 г., казак ст. Спокойной ККВ, окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1911), вышел хорунжим в 1-й Лабинский генерала Засса полк ККВ, в Персидском походе награжден орденом Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом (11.12.1911). В Великой войне подьесаул, командир сотни, награжден орденами Св. Станислава и Св. Анны III ст. с мечами и бантом (к 8.01.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, войсковой старшина, помощник командира того же полка (01.1920), плен при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), лагеря.

³⁸ **Бобрятин Минай Петрович** — р. в 1894 г., казак ст. Владимирской ККВ. В Добровольческой армии и ВСЮР, есаул, командир сотни 1-го Лабинского полка, погиб в бою у ст. Дмитриевской 24 февраля 1920 г.

³⁹ **Луценко Михаил Данилович** — р. ок. 1890 г., казак ст. Попутной ККВ. В Великой войне урядник, окончил 1-ю Тифлисскую школу прапорщиков (1916), награжден орденом Св. Станислава III ст. с мечами и бантом, хорунжий 1-го Кавказского Наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (4.03.1917). В отряде подьесаула Солоцкого в восстании казаков Лабинского отдела на Кубани весной 1918 г., в Добровольческой армии и ВСЮР, есаул, командир сотни 1-го Лабинского полка (04.1920), в Русской Армии. В эмиграции, умер во Франции в 1929 г.

⁴⁰ **Ковалев** — казак Лабинского отдела ККВ, в Великой войне урядник 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ. В Добровольческой армии и ВСЮР, командир сотни того же полка, есаул (1920). В 1921 г. переброшен на Кубань, командир боевой группы, погиб в бою с красными в 1922 г.

⁴¹ **Меремьянин 1-й, Василий Семенович** — р. ок. 1898 г., казак ст. Константиновской ККВ. В Добровольческой армии и ВСЮР, командир сотни 1-го Лабинского полка, сотник (04.1920), тяжело ранен в бою под ст. Кавказской 25 февраля 1920 г., эвакуирован в Крым, где и умер.

⁴² **Сапунов** — казак ст. Ново-Александровской ККВ, в Великой войне урядник-пулеметчик 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ. В Добровольческой армии и ВСЮР, есаул, начальник пулеметной команды того же полка (1920).

⁴³ **Севостьянов Сергей** — р. ок. 1886 г., казак ст. Кавказской ККВ, сын урядника Собственного Е. И. Конвоя, в службе вольноопределяющимся в одном из пластунских батальонов ККВ (1909), учитель. В Добровольческой армии и ВСЮР, сотник, адъютант 1-го Лабинского полка ККВ, расстрелян красными в г. Армавире в 1920 г.

⁴⁴ **Щепетной Николай Кириллович** — р. ок. 1895 г., казак ст. Попутной ККВ, окончил учительскую семинарию. В Добровольческой армии и ВСЮР, командир сотни 1-го Лабинского полка ККВ, есаул (04.1920).

⁴⁵ **Лаптев** — казак ст. Михайловской ККВ, в Великой войне урядник 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ. В Добровольческой армии и ВСЮР, хорунжий того же полка (1920).

⁴⁶ **Диденко** — казак ст. Михайловской ККВ, в Великой войне урядник 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ. В Добровольческой армии и ВСЮР, хорунжий того же полка (1920).

⁴⁷ **Маховицкий** — казак ст. Михайловской ККВ, в Великой войне урядник 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ. В Добровольческой армии и ВСЮР, хорунжий того же полка (1920).

⁴⁸ **Копанев Михаил** — казак ст. Константиновской ККВ, в Добровольческой армии и ВСЮР, сотник 1-го Лабинского полка (04.1920). В эмиграции в Париже (на 1925).

⁴⁹ **Конорез Иван** -- казак ст. Урупской ККВ, в Добровольческой армии и ВСЮР, сотник 1-го Лабинского полка (04.1920).

⁵⁰ **Шопин** — казак ст. Упорной ККВ, из урядников Великой войны. В Добровольческой армии и ВСЮР, хорунжий 1-го Лабинского полка (04.1920), в Русской Армии. В эмиграции, сержант 1-го Кавалерийского полка Иностранного легиона французской армии, погиб в Сирии.

⁵¹ **Меремьянин 2-й, Александр Еремеевич** — казак ст. Константиновской ККВ. Во ВСЮР, хорунжий 1-го Лабинского полка ККВ, убит в бою под ст. Кавказской 25 февраля 1920 г.

⁵² **Гончаров Дмитрий Иванович** — р. ок. 1880 г., казак Лабинского отдела ККВ, окончил Батапагинское городское училище. В Великой войне награжден Георгиевским крестом IV ст. (1915), окончил 4-ю Тифлискую школу прапорщиков (1916), награжден орденом Св. Станислава III ст. с мечами и бантом, хорунжий 1-го Кавказского Наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (4.03.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, сотник 1-го Лабинского полка (02.1920).

⁵³ **Косинов Георгий Яковлевич** — р. 9 августа 1871 г., казак ст. Ладожской ККВ, окончил Кубанскую учительскую семинарию, Ставропольское казачье юнкерское училище, Офицерскую кавалерийскую школу. В Великой войне помощник командира 2-го Екатеринодарского полка ККВ (1916), полковник, командир 1-го Кавказского Наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (1917). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, командир 1-го Кубанского конного полка (1918), начальник 4-й Кубанской казачьей дивизии, генерал-майор (1919), начальник 1-й Кубанской казачьей дивизии при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), лагеря, расстрелян в Ростове в 1930-х гг.

⁵⁴ Письмо генерала М.А. Фостикова полковнику Ф.И. Елисееву от 10 июня 1962 г.

⁵⁵ Письмо генерала В.Г. Науменко полковнику Ф.И. Елисееву от 22 июня 1962 г.

⁵⁶ Письмо В.Г. Науменко Ф.И. Елисееву от 22 июня 1962 г.

⁵⁷ **Крыжановский Владимир Васильевич** — казак ККВ, окончил Ставропольское казачье юнкерское училище. В Великой войне войсковой старшина, награжден орденами Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава II ст. с мечами, мечами и бантом к Св. Станислава III ст., Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом, помощник командира 2-го Полтавского полка ККВ (на 01.1917). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, полковник (12.03.1918), командир 1-й бригады 1-й Кубанской казачьей дивизии, генерал-майор (8.12.1918), начальник той же дивизии (01.—09.1919), командир 1-го Кубанского корпуса (01.—02.1920), генерал-лейтенант, убит под с. Белая Глина 21 февраля 1920 г.

⁵⁸ **Веприцкий** — казак ст. Кавказской ККВ, сын офицера. В Добровольческой армии и ВСЮР, прикомандирован к Кубанскому Гвардейскому дивизиону, сотник, с февраля 1920 г. в 1-м Лабинском полку, убит в бою под с. Садовым в марте 1920 г.

⁵⁹ **Кравченко Афанасий Иванович** — р. ок. 1890 г., казак ст. Гиалинской ККВ, окончил Оренбургское казачье училище портупей-юнкером (1911), вышел хорунжим в 1-й Запорожский Императрицы Екатерины Великой полк ККВ. В Ве-

ликой войне подьесаул того же полка (на 1.12.1916). В Добровольческой армии и ВСЮР, командующий 1-м Запорожским полком ККВ (11.1918), полковник (27.01.1919), командир 1-го Кубанского полка ККВ (11.1919—04.1920), временный начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии (02.1920), в Русской Армии.

⁶⁰ **Семенов Григорий Михайлович** — р. 13 сентября 1890 г. в пос. Куранжа, казак ст. Дурулгуевской ЗабКВ, сдал экзамены при Читинской гимназии (1908), окончил Оренбургское казачье училище (1911), вышел хорунжим в 1-й Верхнеудинский полк ЗабКВ. В Великой войне офицер 1-го Нерчинского полка, награжден Георгиевским оружием (26.09.1916), есаул 3-го Верхнеудинского полка (1917). Начальник отряда и Маньчжурской особой дивизии, командир 5-го Приамурского корпуса (10.1918), командующий Восточно-Сибирской отдельной армией (12.1918), главный начальник Приамурского края (08.1919), командующий войсками Читинского (Забайкальского) военного округа (11.1919), главнокомандующий вооруженными силами Дальнего Востока (12.1919), главнокомандующий войсками Российской Восточной окраины (11.02.1920). Походный Атаман Уссурийского и Амурского Казачьих Войск (с 19.11.1918), Походный Атаман Забайкальского и Дальневосточных Казачьих Войск (с 23.04.1919), Войсковой Атаман Забайкальского Казачьего Войска (с 13.06.1919), Походный Атаман всех Казачьих Войск Российской Восточной окраины (30.04.1920), Походный Атаман всех Казачьих Войск Сибири и Урала (с 28.04.1921), генерал-лейтенант. В эмиграции в Китае, арестован под Дайреном (22.08.1945), расстрелян в Москве 30 августа 1946 г.

⁶¹ **Гамалий Василий Данилович** — р. 1 мая 1884 г., казак ст. Переяславской ККВ, окончил Оренбургское казачье училище (1911), вышел хорунжим в 1-й Уманский бригадира Головатого полк ККВ. В Великой войне командир сотни того же полка, награжден Георгиевским оружием (7.01.1916) и орденом Св. Георгия IV ст. (20.05.1916), подьесаул, командир партизанской Георгиевской сотни. В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, командир 2-го Кабардинского конного (1918), 3-го Уманского ККВ (1919) полков, в Русской Армии, командир конной бригады (1920). В эмиграции в Королевстве СХС, Франции, США, умер в г. Лейквуде (Нью-Джерси) 22 ноября 1956 г.

⁶² **Стопчанский Владимир Андреевич** — р. в 1870 г., казак ККВ, в службе с 1888 г., окончил Михайловское артиллерийское училище (1891), командир 3-й Кубанской казачьей батареи, 1-го Кавказского казачьего конно-артиллерийского дивизиона (13.07.1910), полковник (24.11.1912). В Великой войне командир 1-го Горско-Моздокского генерала Круковского полка ТКВ (11.06.1915), награжден Георгиевским оружием (7.01.1916), командующий 2-й бригадой 4-й Кавказской казачьей дивизии (с 31.08.1916), генерал-майор артиллерии (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, командир 2-й бригады 1-й Кубанской казачьей дивизии (до 11.1918), в резерве чинов ККВ, инспектор артиллерии 1-го Кубанского корпуса (1919), убит в бою под с. Белая Глина 21 февраля 1920 г.

⁶³ Из книги командира 20-й стрелковой дивизии красных Б. Майстраха // Кавказский Казак. Белград. 1938. № 44; Трагедия Казачества. Прага, 1934. Т. 4. С. 226, 227.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ В «Журнале военных действий Донской армии» здесь явная ошибка: не село Н.-П. Ставропольской губернии, а станция Ново-Покровская ККВ.

⁶⁶ Трагедия Казачества. Прага, 1934. Т. 4. С. 227.

⁶⁷ **Кротов Александр Павлович** — р. ок. 1872 г., казак ст. Терской ТКВ, сын офицера, окончил Владикавказскую военную прогимназию, Ставропольское казачье юнкерское училище. В Великой войне награжден орденами Св. Стани-

слава II ст. с мечами, Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом, Св. Анны II ст. с мечами, полковник, командир 3-го Запорожского полка ККВ (1915), командующий 2-м Кавказским полком ККВ (на 1.12.1916). В Добровольческой армии и ВСЮР, штаб-офицер Корниловского конного полка (1918), командир 2-го Лабинского полка ККВ (02.1920), плен при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), лагеря.

⁶⁵ **Бобряшев** — казак ККВ, в Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, командир 10-го Кубанского пластунского батальона, начальник формируемой 2-й Кубанской пластунской бригады, генерал-майор (02.1920), плен при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), лагеря. Умер в Москве в 1920 г.

⁶⁶ **Забей-Ворота Иван Иванович** — р. ок. 1887 г. на х. Романовском ККВ, окончил Оренбургское казачье юнкерское училище (1908), вышел хорунжим в 1-й Кавказский полк ККВ, полковой адъютант. В Великой войне подесаул, командир сотни 2-го Кавказского полка (к 1.12.1916). В Добровольческой армии и ВСЮР, старший адъютант (7.11.1918), помощник, затем атаман Кавказского отдела ККВ, полковник (02.1920).

⁷⁰ **Репников Владимир** — казак ст. Расшеватской ККВ, окончил Кубанскую учительскую семинарию, Ставропольское казачье юнкерское училище, Офицерскую кавалерийскую школу, командир сотни 1-го Екатеринодарского Кошевого Атамана Чепеги полка ККВ (12.1912). В Великой войне войсковой старшина, награжден орденами Св. Анны и Св. Станислава II ст. с мечами, Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом, Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», мечами и бантом к Св. Анне III ст., старший штаб-офицер, командир того же полка (11.1916). Полковник, Атаман Кавказского отдела ККВ (1917—1918).

⁷¹ **Польский** — казак ст. Успенской ККВ, урядник мирного времени. В Великой войне награжден Георгиевским крестом II, III и IV ст., за боевые отличия произведен в офицеры (22.01.1916), хорунжий 3-го Кавказского полка (на 12.1916). В Добровольческой армии и ВСЮР, есаул, командир Кубанского партизанского конного отряда (полка), полковник при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920).

⁷² **Толстов Фидан** — казак ст. Темижбекской ККВ, сын штаб-трубача Собственного Е. И. В. Конвоя. В Великой войне урядник 1-го Кавказского Наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ. В Добровольческой армии и ВСЮР, хорунжий Кубанского партизанского конного отряда (1920).

⁷³ **Жуков Михаил** — казак ст. Кавказской ККВ, окончил гимназию. В Великой войне окончил Оренбургское казачье училище, хорунжий, награжден орденами Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава III ст. с мечами и бантом, командир сотни 2-го Запорожского полка ККВ (на 1.01.1917). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, есаул, командир 2-го Партизанского конного отряда (02.1920).

⁷⁴ **Хоранов Валентин Захарович (Уджуко)** — р. 6 марта 1874 (1871) г., осетин ст. Ордоникской ТКВ, окончил Ставропольскую гимназию, Ярославский Демидовский юридический лицей, Киевское военное училище, вышел хорунжим в Кубанский пластунский батальон, перевелся в 1-й Кавказский Наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полк ККВ. В Великой войне помощник командира 2-го Кавказского полка (к 1.12.1916), полковник (4.03.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, командир 2-го Кубанского полка (1919), начальник 4-й Кубанской казачьей дивизии (02—03.1920), генерал-майор, командир 2-го Кубанского конного корпуса (с 12.04.1920) при капитуля-

ции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), лагеря, повторно арестован в 1929 г.

⁷⁵ **Товстик** — р. ок. 1890 г., казак ККВ, окончил Тифлисское военное училище (1911), офицер 2-го Черноморского полка ККВ (1914). В Великой войне командир сотни 3-го Черноморского полка, сотник (к 1.12.1915). Во ВСЮР, командир 1-го Кавказского полка ККВ, полковник (01.1920).

⁷⁶ **Хоменко Владимир Николаевич** — р. ок. 1885 г., казак ККВ, окончил 2-й Московский кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища. В Великой войне есаул, командир сотни 3-го Кавказского полка ККВ, награжден орденами Св. Станислава III ст. с мечами и бантом, Св. Станислава II ст. с мечами, Св. Анны III ст. с мечами и бантом (на 12.1916). В резерве по Войску, во ВСЮР полковник, командир 1-го Кавказского полка ККВ при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), плен, лагеря, назначен служить по коневодству в Уральский округ.

⁷⁷ Трагедия Казачества. Т. 4. С. 265.

⁷⁸ Кубанское Казачество. Париж. 1931. Декабрь. № 2.

⁷⁹ **Павлов Александр Александрович** — р. в 1867 г., окончил Николаевское кавалерийское училище (1887), вышел корнетом Л.-Гв. в Гусарский полк, в военной экспедиции в Китае (1900—1901), полковник за боевые отличия, командир 1-го Нерчинского полка ЗабКВ (с 05.1903), в Русско-японской войне, генерал-майор (09.1907). В Великой войне командир 2-й Сводной казачьей дивизии (08.1914), награжден Георгиевским оружием (28.09.1914), орденом Св. Георгия IV ст. (7.10.1914), генерал-лейтенант (09.1914), командир Отдельного Кавказского кавалерийского корпуса на Персидском фронте (03.—06.1917). В донских казачьих частях, командир 4-го Донского отдельного корпуса (12.1919—02.1920), член Кавалерской думы ордена Святителя Николая Чудотворца (19.09.1920). В эмиграции в Константинополе, умер в 1935 г.

⁸⁰ Трагедия Казачества. Т. 4; Голубинцев А.В. Русская Вандея: Очерки Гражданской войны на Дону 1917—20 гг. Мюнхен, 1959; Буденный С.М. Пройденный путь. М., 1958.

⁸¹ **Голубинцев Александр Васильевич** — р. 28 февраля 1882 г. в ст. Новочеркасской Области Войска Донского, окончил Новочеркасскую гимназию, Новочеркасское казачье юнкерское училище (1901), хорунжий 3-го Донского казачьего полка (1903). В Великой войне войсковой старшина (5.11.1916), командующий тем же полком (осень 1917). В восстании против большевиков (25.04.1918), в Донской армии (с 5.07.1918), полковник, командир 4-го конного отряда (07.1918—01.1919), начальник 5-й Донской конной дивизии (03.—06.1919), генерал-майор (30.11.1919), командир 14-й Донской отдельной конной бригады, командующий конной группой войск (08.1919—04.1920), в Русской Армии. В эмиграции в Болгарии, во Второй мировой войне вступил в РОА (1944), член ГУКВ при главнокомандующем ВС КОНР (03.—05.1945), заместитель Войсковых Атаманов восьми Казачьих Войск (кроме Донского, Кубанского и Терского) в Совете Казачьих Войск при ВС КОНР, лагеря в Германии (1945—1949), начальник Союза Андреевского флага (1953), умер в Нью-Йорке 19 апреля 1963 г.

⁸² Деникин А.И. Указ. соч. Т. 5. С. 318.

⁸³ **Шифнер-Маркевич Антон Мейнгардович** — р. 4 июня 1887 г. в г. Владикавказе, сын генерала, приписан в казаки ККВ, окончил Александровский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1907), Академию Генштаба (1913), офицер Л.-Гв. 2-й артиллерийской бригады. В Великой войне подполковник, начальник штаба 34-й пехотной дивизии, и. д. начальника штаба 7-го армейского корпуса. В Добровольческой армии (с 7.08.1918), начальник

штаба партизанской бригады Шкуро, 1-й Кавказской казачьей дивизии, начальник той же дивизии (с 05.1919), генерал-майор, начальник штаба 3-го Кубанского корпуса (09.1919—01.1920), командующий 1-м Кубанским корпусом (02.—04.1920), в Русской Армии начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии и отряда в десанте на Кубань (08.1920), начальник 2-й кавалерийской дивизии (09.1920). Умер в Галлиполи 21 января 1921 г.

⁸⁴ Трагедия Казачества. Т. 4. С. 273, 274.

⁸⁵ **Писарев Петр Константинович** — р. 17 декабря 1874 г., казак ст. Иловинской Области Войска Донского, сын офицера, окончил Атаманское техническое и Новочеркасское казачье юнкерское училища, хорунжий 5-го Донского казачьего полка (1899). В Великой войне награжден Георгиевским оружием (10.12.1915), полковник (6.08.1916), помощник командира 42-го Донского казачьего полка (1916—1917). Участник 1-го и 2-го Кубанских походов, командир Партизанского полка (06.—12.1918), генерал-майор (11.1918), командир бригады 4-й дивизии Крымско-Азовской Добровольческой армии (01.—04.1919), начальник 6-й пехотной дивизии 1-го Кубанского конного корпуса (06.—09.1919), генерал-лейтенант (08.1919), начальник Сводно-Гренадерской дивизии того же корпуса (09.1919), командир 4-го Кубанского конного корпуса (02.1920), в Русской Армии командир Сводного корпуса (04.—07.1920), 1-го армейского корпуса (08.—11.1920). В эмиграции в Сербии, Франции, председатель Союза участников 1-го Кубанского похода (1937), умер в г. Шелле под Парижем 22 декабря 1967 г.

⁸⁶ **Сулан Келеч-Гирей** — р. 15 марта 1880 г. в ауле Уяла, из черкесов Кубанской области, магометанин, учился в С.-Петербургской Ларинской гимназии (4 кл.), вольноопределяющийся 18-го драгунского Северского Короля Датского Христиана IX полка (09.1897), окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1901), вышел корнетом в 12-й Уланский Белгородский полк, полковой адъютант (1906), переведен в Кавказский запасный кавалерийский эскадрон (12.1907), окончила Офицерскую кавалерийскую школу (1911). В Великой войне командир сотни Черкесского конного полка (17.09.1914) Кавказской конной Туземной дивизии, полковник (1917). Первопоходник, командир Черкесского конного полка, генерал-майор (12.03.1918), в Добровольческой армии и ВСЮР, командир 2-й бригады 1-й Конной дивизии, начальник Черкесской конной дивизии (8.12.1918—04.1920), в апреле 1920 г. с остатками дивизии перешел грузинскую границу, выехал в Крым, откуда отправился на Северный Кавказ для организации белых отрядов. С весны 1921 г. в эмиграции, в конце Второй мировой войны вступил в командование Северо-Кавказской горской дивизией вермахта (05.1945), выдан англичанами большевикам, казнен в Москве 16 января 1947 г.

⁸⁷ **Безладнов Владимир Арсеньевич** — р. ок. 1890 г. в г. Екатеринодаре, сын офицера, окончил Екатеринодарское реальное училище (1910), сотню Николаевского кавалерийского училища (1912). В Великой войне подьесаул, командир сотни 2-го Екатеринодарского полка ККВ (на 1.07.1917). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, командующий Корниловским конным полком (09.—10.1918), войсковой старшина, в Кубанском учебном конном дивизионе (1919), командир Корниловского конного полка (1920), расстрелян красными в Екатеринодаре в августе 1920 г.

⁸⁸ **Лиманский Игнат Лукич** — р. в 1893 г., казак ККВ, в Великой войне прапорщик (02.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, есаул 3-го Сводно-Кубанского полка (12.1918), командир 2-го Сводно-Кубанского полка, полковник (03.1920), плен при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи

(04.1920), откуда бежал, поевал в «Армии возрождения России» генерала Фостикова (05.—10.1920), в Русской Армии в Крыму, о. Лемнос. В эмиграции в Сербии (на 09.1927).

⁸⁹ **Соламахин Михаил Карпович** — р. 9 июля 1888 г., казак ст. Некрасовской ККВ, окончил старшим портупей-юнкером Елисаветградское кавалерийское училище (1911), ускоренные курсы Академии Генштаба (1917), офицер 1-го Хоперского Е. И. В. Великой Княгини Анастасии Михайловны полка ККВ. В Великой войне командир сотни, награжден орденом Св. Георгия IV ст. (6.01.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, командир 2-го Кубанского Партизанского конного полка (1919), командир Хоперской бригады (03.1920). В эмиграции в Югославии, начальник штаба ККВ, Генерального штаба генерал-майор, в Русском Корпусе командир 5-й сотни 1-го Казачьего полка (11.09.1944), начальник Казачьего военного училища в Сев. Италии, в мае 1945 г. выдан в Лиенце, отбыл 10 лет лагерей, проживал в г. Апшеронске на Кубани, умер в 1967 г.

⁹⁰ **Колков Георгий Иванович** — р. в 1882 г., казак ККВ. В Великой войне окончил Тифлисское военное училище (4 мес.), прапорщик 1-го Хоперского Е. И. В. Великой Княгини Анастасии Михайловны полка ККВ (на 5.03.1917). С весны 1918 г. в составе отрядов Шкуро, есаул, в Добровольческой армии и ВСЮР, командир «Волчьего дивизиона» 1-й Кавказской казачьей дивизии (1919), затем в составе 3-й Кубанской казачьей дивизии, полковник (1920). В Русской Армии командир «Волчьего» полка, погиб в Крыму (до 10.1920).

⁹¹ К началу 1920 г. в боях на северо-востоке Кубани и Ставрополье 2-й Запорожский и 2-й Линейный полки составляли 2-ю бригаду 1-й Кубанской казачьей дивизии 1-го Кубанского корпуса. В части прибыло пополнение с Кубани, например, Линейный полк был шестисотенного состава. 1-й Кубанской казачьей дивизией командовал полковник Евсеев.

Евсеев Гавриил Гурьевич — казак ККВ, окончил Кубанскую Войсковую гимназию, Ставропольское казачье юнкерское училище. В Великой войне награжден Георгиевским оружием (24.02.1915), орденами Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом, Св. Владимира III ст. с мечами, мечами и бантом к Св. Анне III ст., полковник, командир 2-го Полявского полка ККВ (до 03.1916), 1-го Линейного генерала Вельяминова полка ККВ (с 31.03.1916). В Добровольческой армии и ВСЮР, начальник 1-й Кубанской казачьей дивизии (на 12.1920).

Или **Евсеев Иван Гурьевич** — казак ККВ, окончил Ставропольское казачье юнкерское училище. В Великой войне войсковой старшина, помощник командира 3-го Черноморского полка ККВ (до 10.1916), затем 2-го Таманского полка ККВ, награжден орденом Св. Анны II ст. и Георгиевским оружием (17.11.1916).

2-й Таманский полк со второй половины декабря 1919 г. входил в состав 3-й Отдельной Кубанской казачьей бригады.

⁹² **Улагай Сергей Георгиевич** — р. 19 октября 1875 г., из черкесов ККВ, окончил Михайловский Воронежский кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища (1897), офицер Кубанского (Варшавского) казачьего дивизиона. В Великой войне войсковой старшина, помощник командира 1-го Линейного генерала Вельяминова полка ККВ (с 17.07.1916), награжден орденом Св. Анны II ст. с мечами, Георгиевским оружием (3.01.1917), орденом Св. Георгия IV ст. (17.01.1917), полковник (4.03.1917), командир 2-го Запорожского полка ККВ (7.06.1917). Первоходник, командир Кубанского пластуного батальона, в Добровольческой армии и ВСЮР, начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии (22.07.1918), генерал-майор (12.11.1918), командир 2-го Кубанского корпуса (с 27.02.1919), генерал-лейтенант (1919), командующий Кубанской армией (14.02.1920), в Русской Армии командующий войсками в десанте на Ку-

бань (08.1920). В эмиграции в Югославии, умер в Марселе (Франция) 20 марта 1947 г.

⁹³ Приказ от 14 февраля 1920 г. // Трагедия Казачества. Т. 4.

⁹⁴ Там же. Т. 5. С. 313.

⁹⁵ 1 марта 1881 г., во время покушения на Императора Александра II, ординарец Государя унтер-офицер Собственного Е. И. В. Конвоя Косьма Мачнев получил 17 ран. По приказу Императора Александра III Мачневу была назначена пенсия в 150 рублей.

⁹⁶ Телеграмма послана на имя командира корпуса генерала Науменко // Трагедия Казачества. Т. 4. С. 264, 265.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Письмо Ф.И. Елисееву от 12 августа 1962 г.

⁹⁹ **Кононенко Никанор Александрович** — казак ст. Старокорсунской ККВ, в Добровольческой армии и ВСЮР, командир сотни Корниловского конного полка ККВ (1919—1920), есаул (03.1920), в Русской Армии.

¹⁰⁰ **Ростовцев Иван** — казак ст. Батуринской (Платнировской) ККВ. В Великой войне подхорунжий, полный георгиевский кавалер, прапорщик 2-го Кубанского пластунского Е. И. В. Великой Княжны Ольги Николаевны батальона (на 1.12.1916). В Добровольческой армии и ВСЮР, сотник, командир сотни Корниловского конного полка ККВ (1919), начальник пулеметной команды, войсковой старшина, плен при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920).

¹⁰¹ **Бэх Андрей** — казак ст. Незамаевской (Калниболотской) ККВ, окончил учительскую семинарию, урядник мирного времени. В Добровольческой армии и ВСЮР, прапорщик (1918), есаул Корниловского конного полка при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), бежал из плена, расстрелян красными в мае 1920 г.

¹⁰² **Тарарыкин Иван Иосифович** — р. ок. 1890 г., казак ст. Келермесской ККВ, урядник Собственного Е. И. В. Конвоя. В Великой войне окончил 3-ю Петергофскую школу прапорщиков (1915), офицер 2-го Линейного полка ККВ, особого отряда штаба 9-й армии, награжден орденами Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом (1916), в партизанском отряде Бичерахова на Персидском фронте (1917) и под Баку (1918), есаул, награжден орденом Св. Георгия IV ст. и Георгиевским оружием (награждения Бичерахова). Во ВСЮР полковник, помощник командира 2-го Хоперского полка (1919), командир 4-го Линейного (02.1920), 1-го Черноморского полков (03.1920). В эмиграции, в Русском Корпусе, умер под Нью-Йорком (США) в мае 1961 г.

¹⁰³ **Деникин А.И.** Указ. соч. Т. 5. С. 126.

¹⁰⁴ **Сердюк Степан Фомич** — р. ок. 1892 г., казак ст. Динской ККВ, окончил Кубанское Александровское реальное и Оренбургское казачье училища (1913), вышел хорунжим в 1-й Кубанский генерал-фельдмаршала Великого Князя Михаила Николаевича полк ККВ. В Великой войне подесаул, командир сотни 3-го Кубанского полка ККВ (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР войсковой старшина, вр. командующий 1-м Кубанским полком ККВ (02.1920), в Русской Армии, полковник. В эмиграции, в 30-х гг. жил в Чехословакии.

¹⁰⁵ **Савченко Назарий** — р. ок. 1892 г., казак ККВ, окончил Оренбургское казачье училище (1913), вышел хорунжим в 1-й Кубанский генерал-фельдмаршала Великого Князя Михаила Николаевича полк ККВ. В Великой войне подесаул, командир сотни 3-го Кубанского полка ККВ (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, войсковой старшина, вр. командующий 2-м Кубанским полком ККВ (02.1920), в Русской Армии, полковник. В эмиграции, умер в Югославии.

¹⁰⁶**Булавинов Алексей Николаевич** — р. в 1892 г., казак ККВ, окончил Кубанское Александровское реальное и Оренбургское казачье училища (1913), вышел хорунжим в 1-й Кубанский генерал-фельдмаршала Великого Князя Михаила Николаевича полк. В Великой войне поддесаул, командир сотни 3-го Кубанского полка ККВ (1917). В эмиграции (на 1930-е гг.).

¹⁰⁷**Боровик Сергей Александрович** — р. ок. 1893 г. в Екатеринодаре, казак ККВ, окончил Екатеринодарскую гимназию, Оренбургское казачье училище портупей-юнкером (1913), вышел хорунжим в 1-й Хоперский Великой Княгини Анастасии Михайловны полк ККВ. В Великой войне сотник 3-го Екатеринодарского полка ККВ, награжден орденами Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава III ст. с мечами и бантом (1916). В Добровольческой армии и ВСЮР, поддесаул штаба 1-й Конной дивизии, в Кубанском запасном конном полку (29.08.1918), штаб-офицер Войскового штаба, полковник, плен при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920).

¹⁰⁸**Ново-Александровская** — окружная станица Кубанского полкового округа Лабинского отдела ККВ. Отдел в военном отношении делился на два полковых округа: Лабинский (комплектовал 1-й, 2-й, 3-й Лабинские полки) и Кубанский (1-й, 2-й, 3-й Кубанские полки).

¹⁰⁹**Барон Арпсгофен Андрей Владимирович** — окончил Академию Генштаба, офицер Л.-Гв. 1-й артиллерийской бригады. В Великой войне начальник штаба 34-й пехотной дивизии, командир 61-го пехотного Владимирского полка (1915), награжден Георгиевским оружием (29.05.1916), начальник штаба 41-й пехотной дивизии (с 6.12.1916), генерал-майор (1917). Во ВСЮР, в резерве чинов при штабе главнокомандующего, генерал-лейтенант, начальник штаба 2-й Кубанской казачьей дивизии (13.07.1919—03.1920), в Русской Армии в отделе генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего до эвакуации из Крыма. В эмиграции в Румынии (на 1932).

¹¹⁰**Братчиков Дмитрий Иванович** — р. в 1884 г., казак ст. Усть-Лабинской ККВ. В Добровольческой армии и ВСЮР, сотник, обер-офицер для поручений штаба 2-й Кубанской казачьей дивизии (1918—1920). В эмиграции в Париже (на 1962).

¹¹¹**Говорущенко Сергей Дмитриевич** — р. 7 октября 1867 г., казак ККВ, окончил Ставропольское казачье юнкерское училище (1889), офицер 1-го Хоперского Е. И. В. Великой Княгини Анастасии Михайловны полка. В Великой войне войсковой старшина 4-го Сводно-Кубанского (Ставропольского) полка ККВ, командующий 3-м Хоперским полком (с 26.07.1917). Во ВСЮР командир 1-й бригады 2-й Кубанской казачьей дивизии, генерал-майор (10.04.1919), начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии (с 08.1919), вр. командир 2-го Кубанского корпуса. В эмиграции в Болгарии, умер в Ницце (Франция) 21 июня 1946 г.

¹¹²**Мамонов Петр Петрович** — р. 9 марта 1870 г., казак ККВ, окончил Ярославскую военную школу, Ставропольское казачье юнкерское училище, офицер 1-го Екатеринодарского Кошевого Атамана Чепеги полка ККВ. В Великой войне войсковой старшина Персидской казачьей Его Величества Шаха бригады. В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, командир 1-го Полтавского полка ККВ (3.01.1919), 2-й бригады 3-й Кубанской казачьей дивизии (02.1919), генерал-майор (18.06.1919), начальник 2-й, затем 3-й Кубанских казачьих дивизий (1919). Убит к северу от Царицына 27 сентября 1919 г.

¹¹³**Бичерахов Лазарь Федорович** — р. 15 ноября 1882 г., казак ст. Ново-Осетинской ТКВ, сын вахмистра Конвоя Императора Александра II, окончил 1-е Петербургское реальное и Алексеевское военное училища, сотник 1-го Горско-Моздокского генерала Круковского полка ТКВ в Персидском походе (1909—1912),

награжден орденом Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом. В Великой войне войсковой старшина, начальник первого Партизанского отряда на Персидском фронте (1916) и арьергарда Отдельного Кавказского Кавалерийского корпуса в 1918 г., награжден орденом Св. Георгия IV ст. Командир казачьих отрядов в Закавказье, генерал-майор (11.1918), во ВСЮР, генерал-лейтенант (1919). В эмиграции, умер в Ульме (Германия) 22 июля 1952 г.

¹¹⁴**Мигузов Дмитрий Александрович** — р. 26 октября 1864 г., казак ст. Горячеводской ТКВ, окончил Владикавказское реальное и 2-е Константиновское военное училища, вышел хорунжим в 1-й Волгский полк ТКВ (14.08.1884), командир 2-го Кизляр-Гребенского полка ТКВ (25.09.1910), полковник (6.12.1910). В Великой войне командир 1-го Кавказского Наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ, награжден орденами Св. Анны II ст. с мечами, Св. Владимира III ст., Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом, командир бригады 1-й Кубанской казачьей дивизии (8.02.1916), с 7.06.1916 в резерве чинов штаба Кавказского военного округа. Во ВСЮР, Атаман Кизлярского отдела ТКВ (с 8.04.1919), расстрелян красными около Баку в 1920 г.

¹¹⁵Трагедия Казачества. Т. 4. С. 273.

¹¹⁶Конвойцы заказывали себе большие сундуки, так называемые «под морозом». Этот сундук обшивался тонкой жестью разного цвета, и казалось, что по жести «как бы прошел мороз». Стоил он 27 рублей.

¹¹⁷**Маневский Георгий Константинович** — р. 28 марта 1882 г., казак ст. Царской ККВ, окончил 3-й Московский кадетский корпус (1900), сотню Николаевского кавалерийского училища (1902). В Великой войне награжден орденами Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», мечами и бантом к Св. Станиславу III ст., Св. Станислава и Св. Анны II ст. с мечами, мечами и бантом к Св. Анне III ст., Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом (1916), войсковой старшина, помощник командира 1-го Кавказского Наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, командир 2-го Линейного полка ККВ (6.03.1919), командир Линейной бригады 1-го Кубанского конного корпуса, временный начальник 1-й Кубанской казачьей дивизии, смертельно ранен в бою на Маньче 28 апреля 1919 г. Приказ о производстве в чин генерал-майора застал его в день смерти.

¹¹⁸**Миргородский Павел Григорьевич** — р. ок. 1868 г., казак ст. Брюховецкой ККВ, сын офицера, окончил Ставропольское казачье юнкерское училище, офицер 1-го Кавказского Наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ. В Великой войне войсковой старшина, командующий 3-м Кавказским полком ККВ (1914), награжден орденами Св. Анны II ст. с мечами, Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом, командующий 3-м Екатеринодарским полком ККВ (1916), полковник (1917). В августе 1920 г. сослан и погиб в Архангельской губ.

¹¹⁹Деникин А.И. Указ. соч. Т. 5. С. 319.

¹²⁰**Белоусов Григорий** — р. ок. 1890 г., казак ст. Кавказской ККВ, сын атамана х. Романовского, окончил Майкопское техническое училище, учитель. В Великой войне офицер 10-го Кубанского пластунского батальона. В Добровольческой армии и ВСЮР, сотник того же батальона (03.1920), расстрелян в числе 6 тыс. кубанских офицеров и военных чиновников на Сев. Двине в 1920 г.

¹²¹**Малышенко Николай Иванович** — р. 20 декабря 1882 г., казак ККВ, окончил 3-й Московский кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища, сманный офицер Оренбургского казачьего училища (1913—1914).

В Великой войне есаул, командир сотни 2-го Екатеринодарского полка ККВ (1.07.1917). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, командир 1-го Черноморского полка ККВ, полковник (1918), командир 2-й бригады 3-й Кубанской казачьей дивизии (1919), начальник отряда особого назначения, генерал-майор (1920). В эмиграции, представитель Кубанского Войскового Атамана во Франции (20—30-е гг.), член правления объединения Николаевского кавалерийского училища, умер в Париже 30 апреля 1947 г.

¹²²В ККВ состояло 11 конных полков в мирное время или 33 полка, по мобилизации, в военное. По комплектованию в отделах и полковых округах, к бывшему Черноморскому Казачьему Войску относились — Таманские, Полтавские, Запорожские, Уманские, Екатеринодарские и Черноморские полки, к бывшему Кавказскому Линейному Казачьему Войску — Хоперские, Кубанские, Кавказские, Лабинские и Линейные полки.

В Великой войне, в 1915 г., были сформированы еще четыре конных полка, по Высочайшему соизволению от 3 декабря 1916 г. получившие свои старые исторические наименования. По комплектованию в полковых округах они относились: Адагумо-Азовский (в основном) и Ейский полки — к черноморцам, Екатеринославский и Ставропольский — к линейцам.

¹²³**Венков Василий Кузьмич** — р. в 1872 г., казак ст. Чамлыкской ККВ, окончил Ставропольское казачье юнкерское училище. В Великой войне есаул 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ, в 1915 г. переведен в 4-й Сводно-Кубанский (Ставропольский) полк на Персидский фронт, награжден орденом Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом, войсковой старшина (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, командир 1-й бригады (Корниловский конный и 1-й Кавказский полки) 3-й Кубанской казачьей дивизии (1919), генерал-майор, в Русской Армии (1920), на о. Лемнос командир 1-го Сводно-Кубанского полка. В эмиграции в Югославии, умер в г. Нише 28 июля 1931 г.

¹²⁴Названные офицеры на Великую войну 1914 г. вышли: П.С. Абашкин — есаулом (за отличие в первом же бою, 21 октября 1914 г., произведен в войсковые старшины), В.К. Венков — подесаулом, Н.Г. Бабиев и М.А. Фостиков — сотниками.

¹²⁵**Шкуро А.Г.** Записки Белого Партизана. Буэнос-Айрес, 1961. С. 124, 125.

¹²⁶**Косульников Андрей Алексеевич** — казак ТКВ, сын военного чиновника, учился в Петербургской гимназии. В Великой войне награжден Георгиевским крестом IV ст., окончил Екатеринодарскую школу прапорщиков (1916), хорунжий 1-го Кавказского Наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, сотник, полковой адъютант 1-го Лабинского полка (04.1920).

¹²⁷**Ткаченко Владимир Николаевич** — р. в 1888 г., казак ст. Михайловской ККВ, окончил сотню Николаевского кавалерийского училища (1909). В Добровольческой армии и ВСЮР, войсковой старшина, командир сотни Кубанского Войскового конно-учебного дивизиона (1918—1919), помощник командира 1-го Лабинского полка (02.1920), полковник, плен при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920).

¹²⁸**Агоев Константин Константинович** — р. 2 апреля 1889 г., казак ст. Ново-Осетинской ТКВ, сын урядника, окончил сотню Николаевского кавалерийского училища (1909), Офицерскую гимнастическо-фехтовальную школу (1913), офицер 1-го и 2-го Волгских полков ТКВ. В Великой войне награжден Георгиевским оружием (24.02.1915), орденом Св. Георгия IV ст. (18.11.1917), войсковой старшина, помощник командира 1-го Волгского Е. И. В. Наследника Цесаревича полка ТКВ. Командир отряда в Терском восстании, полковник, в Доб-

ровольческой армии и ВСЮР, командир 1-го Терского казачьего полка (1918), 2-й бригады, начальник 1-й Терской казачьей и Терско-Астраханской дивизий (1919), в Русской Армии, генерал-майор (4.05.1920), командир Терско-Астраханской казачьей бригады, о. Лемнос. В эмиграции в Югославии, Франции, Терский Войсковой Атаман (1952—4.04.1970), умер в Стратфорде (США) 21 апреля 1971 г.

¹²⁹В эмиграции генерал Науменко сообщал полковнику Елисееву: «Прочтя свой дневник после открытия против меня кампании (начатой «вольными казаками» — сепаратистами. — П. С.) на основании этой фразы, я прочел запись, что действительно я ее сказал [на кургане], но с предпосылкой, что в Грузию мы будем иметь возможность уйти в случае неудачи общей. В статье же Вашей (статья Ф.И. Елисеева «Лабинцы» в одном из казачьих журналов. — П. С.) получилось, что еще в Кавказской я бросил мысль о какой-либо борьбе и направился в Грузию» // Письмо В.Г. Науменко (Бавария) Ф.И. Елисееву (Париж) от 24 февраля 1949 г. (архив составителя).

¹³⁰**Орфенов Михаил Николаевич** — ротмистр гусарского полка (1916), в Добровольческой армии и ВСЮР, командир 1-го Кавказского полка ККВ (с 31.01.1919), полковник, погиб под Царицыном (1919), похоронен в ст. Тифлисской ККВ.

¹³¹**Растегаев Михаил Петрович** — р. ок. 1890 г., казак ст. Некрасовской ККВ, окончил 1-й Московский кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища, офицер Кубанского (Варшавского) казачьего дивизиона. В Великой войне подесаул 1-го Кавказского Наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка (1917). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, в Марковских частях (08.1918), полковник (01.1919), командир 1-го Кубанского Партизанского казачьего конного полка, генерал-майор (1919), командир Кубанской бригады (03.1920), в Русской Армии, галлиполиец, умер в Париже 6 июля 1961 г.

¹³²**Калугин Степан Егорович** — р. 26 декабря 1867 г., казак ст. Ладожской ККВ, окончил Кубанскую учительскую семинарию, Ставропольское казачье юнкерское училище, Офицерскую кавалерийскую школу. В Великой войне награжден орденами Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава II ст. с мечами, мечами и бантом к Св. Анне и Св. Станиславу III ст., Св. Анны II ст. с мечами, Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом, войсковой старшина (1916), вр. командующий 1-м Кавказским Наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полком ККВ (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, командир 1-го Кавказского полка ККВ, в бою тяжело ранен (1919), плен (1920), лагеря. Убит красными на Кубани в 30-х гг.

¹³³**Сменов Михаил Евдокимович** — р. ок. 1890 г., казак ст. Ладожской ККВ, фельдфебель Кубанского пластунского батальона, окончил Оренбургское казачье училище (1914). В Великой войне награжден орденами Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава и Св. Анны III ст. с мечами и бантом, Св. Станислава и Св. Анны II ст. с мечами, Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом (1916), подесаул 3-го Екатеринодарского полка ККВ. Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, командир сотни Корниловского конного полка, полковник (1920). В эмиграции в Сербии, во Франции, умер в Париже 24 июня 1976 г.

¹³⁴**Серафимович Михаил Павлович** — р. в 1886 г., казак ст. Тифлисской ККВ. В Великой войне есаул 10-го Кубанского пластунского батальона, награжден орденом Св. Георгия IV ст. (30.12.1915). В Добровольческой армии и ВСЮР, пол-

ковник, командир 5-го (6.03.1919), 1-го (09.1919) Кубанских пластуных батальонов, генерал-майор (1920), в Русской Армии, о. Лемнос, командир 4-го Кубанского стрелкового полка (1921). В эмиграции, в составе Кубанского Алексеевского военного училища в Болгарии (на 1925).

¹³⁵Азурев К.В. Разгром белогвардейских войск Деникина. М.: Воениздат, 1961. С. 184, 185.

¹³⁶Там же. С. 194, 195.

¹³⁷Деникин А.И. Указ. соч. Т. 5. С. 320.

¹³⁸**Секретев Александр Степанович** — р. 8 августа 1881 г., казак ст. Нижне-Чирской Области Войска Донского, сын офицера, окончил Донской кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища (1901), офицер Л.-Гв. Атаманского полка. В Великой войне полковник, командир 24-го Донского казачьего полка. В Донской армии, командир 1-го конного полка (1918), генерал-майор, командир бригады, 2-го Донского отдельного корпуса, начальник 9-й Донской конной дивизии (1919), командир 4-го Донского корпуса (02.1920), конной группы, генерал-лейтенант (03.1920), в Русской Армии. В эмиграции в Болгарии, в 1922 г. уехал в СССР, арестован в 1930 г., расстрелян в Москве в 1931 г.

¹³⁹Деникин А.И. Указ. соч. Т. 5. С. 320.

¹⁴⁰Там же. С. 321.

¹⁴¹Там же. С. 319.

¹⁴²**Кутепов Александр Павлович** — р. 16 сентября 1882 г., окончил Архангелогородскую гимназию, Петербургское пехотное юнкерское училище (1904), в Русско-японской войне в 85-м пехотном. Выборгском полку, за боевые отличия переведен Л.-Гв. в Преображенский полк (1907). В Великой войне награжден орденом Св. Георгия IV ст. (26.09.1916), Георгиевским оружием (14.03.1917), полковник, командующий Л.-Гв. Преображенским полком (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, командир 3-й офицерской, Гвардейской роты (11.1917), первопоходник, командир Корниловского полка, бригады, 1-й пехотной дивизии, генерал-майор (12.11.1918), командир 1-го армейского (13.01.1919), Добровольческого (12.1919) корпусов, в Русской Армии генерал-лейтенант (23.06.1919), командующий 1-й армией (08.1920), генерал от инфантерии (20.10.1920). В Галлиполи командир 1-го армейского корпуса, начальник РОВС (с 29.08.1928), убит в Париже 26 января 1930 г.

¹⁴³**Сидорин Владимир Ильич** — р. 3 февраля 1882 г., казак ст. Есауловской Области Войска Донского, окончил Донской Императора Александра III кадетский корпус, Николаевское инженерное училище (1902), в Русско-японской войне офицер 2-го Восточно-Сибирского батальона, окончил Академию Генштаба (1910), офицерскую воздухоплавательную школу (1910). В Великой войне и. д. начальника штаба 102-й пехотной дивизии (1915—1917), награжден Георгиевским оружием (04.07.1915), орденом Св. Георгия IV ст. (26.08.1916), полковник (15.08.1917), начальник штаба 3-го Кавказского армейского корпуса (до 09.1917). Начальник штаба Походного Атамана Донского Войска (с 12.1917), участник Степного похода (02.1918), генерал-майор (05.1918), командующий Донской армией (02.1919—03.1920), генерал-лейтенант (02.1919), командир Донского отдельного корпуса (03.—04.1920). В эмиграции в Чехословакии, Германии, умер в Берлине 20 мая 1943 г.

¹⁴⁴**Кельчевский Анатолий Киприанович** — р. 19 января 1869 г., окончил Псковский кадетский корпус, Константиновское военное училище (1891), Академию Генштаба (1900), профессор. В Великой войне командир 6-го Финляндского стрелкового полка, генерал-майор (07.1915), награжден орденом Св. Георгия IV ст. (1.09.1915), Георгиевским оружием (10.12.1915), генерал-квартирмейстер

штаба 9-й армии, командующий 9-й армией, генерал-лейтенант (09.1917). В гетманской армии (1918), в Донской армии (с 22.11.1918), начальник штаба Донской армии (02.1919—03.1920), начальник штаба Донского корпуса (04.1920), снят с должности. В эмиграции в Германии, главный редактор журнала «Война и мир», умер в Берлине в 1923 г.

¹⁴⁵Деникин А.И. Указ. соч. Т. 5. С. 320.

¹⁴⁶Майстрах Б. Маныч—Егорлыкская—Новороссийск: Действия Красной армии против Деникина на Кавказском фронте в 1920 г. М., 1929. С. 153.

¹⁴⁷Збронский Александр Родионович — р. 9 августа 1885 г., казак ст. Некрасовской ККВ. В Великой войне окончил 2-ю Тифлисскую школу прапорщиков, хорунжий (1917). Первопоходник в 1-м Кубанском конном полку, в Добровольческой армии и ВСЮР, командир сотни Корниловского конного полка (1918), атаман своей станицы, командир сотни 2-го Запорожского полка (01.1919), 2-го Кубанского Партизанского полка (09.1919), начальник гарнизона ст. Некрасовской (02.1920), есаул, командир сотни Корниловского конного полка (03.1920), о. Лемнос. В эмиграции в Сербии, с 1924 г. во Франции, умер в Париже 26 октября 1937 г.

¹⁴⁸Письмо подхорунжего И.Г. Васильева полковнику Ф.И. Елисееву от 7 апреля 1963 г. (США).

¹⁴⁹Пржевальский Михаил Алексеевич — р. 5 ноября 1859 г., приписан к ККВ, окончил Полтавскую военную гимназию, Михайловское артиллерийское училище (1879), Михайловскую артиллерийскую академию, Академию Генштаба (1888), офицер А.-Гв. 2-й артиллерийской бригады. В Великой войне начальник 1-й Кубанской отдельной пластунской бригады, генерал-лейтенант, командир 2-го Туркестанского армейского корпуса, награжден орденом Св. Георгия IV ст. (13.01.1915) и III ст. (11.12.1916), Георгиевским оружием (17.05.1915), командующий Кавказской армией (03.1917), главнокомандующий Кавказским фронтом (31.05.—12.1917), генерал от инфантерии. Во ВСЮР, командующий белыми войсками в Закавказье, о. Лемнос. В эмиграции в Югославии, умер в Белграде 13 декабря 1934 г.

¹⁵⁰Письмо подхорунжего М.Г. Енина полковнику Ф.И. Елисееву от 8 апреля 1963 г. Кортланд, штат Нью-Йорк.

¹⁵¹Шляхов Антон Иванович — р. ок. 1880 г., казак ККВ, окончил сотню Николаевского кавалерийского училища. В Великой войне награжден орденами Св. Станислава III ст. с мечами и бантом, Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава и Св. Анны II ст. с мечами, Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом (1916), командир сотни, есаул 1-го Линейного генерала Вельяминова полка ККВ (на 03.1917). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, командир 1-го пластунского батальона (29.08.1918), полковник, командир 1-го Хоперского полка ККВ (01.—10.1919), командир бригады 2-й Кубанской казачьей дивизии (02.1920), вр. командующий дивизией, генерал-майор (03.1920). В эмиграции, в Югославии (на 1945).

¹⁵²Гетманов Иван Васильевич — р. ок. 1887 г., казак ст. Николаевской ККВ, окончил Оренбургское казачье училище (1908). В Великой войне командир сотни, есаул 2-го Кубанского полка ККВ, награжден орденами Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом, Св. Станислава III ст. с мечами и бантом, Св. Станислава и Св. Анны II ст. с мечами (на 01.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, командир того же полка (03.1920).

¹⁵³Гетманов Михаил Демьянович — р. в 1891 г. в ст. Барсуковской ККВ, сын генерал-майора, окончил Владикавказский кадетский корпус (1909), сотню Николаевского кавалерийского училища (1911), вышел хорунжим в 1-й Кавказ-

ский Наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полк ККВ. В Великой войне сотник 2-го Кавказского полка ККВ (на 1.12.1916). Первопоходник, во ВСЮР и Русской Армии, полковник, командир Сводно-Кубанских полков (1919), командир Кубанской Войсковой автомобильной сотни, галлиполиец. В эмиграции, в составе Кубанского Алексеевского училища в Болгарии (1925), генерал-майор, до 1945 г. в Югославии, в лагерях в Германии до 1949 г., умер в Нью-Йорке 26 января 1978 г.

¹⁵⁴**Кокунько Петр Иванович** — р. 10 июня 1851 г., казак ст. Должанской ККВ, сын офицера, окончил Кубанскую Войсковую гимназию, учился в С.-Петербургском университете и Технологическом институте, окончил Александровское военное училище (1878), преподаватель Ставропольского казачьего юнкерского училища, окончил Академию Генштаба (1888), помощник командира 1-го Хоперского Е. И. В. Великой Княгини Анастасии Михайловны полка ККВ, командир 1-го Линейного генерала Вельяминова полка ККВ, генерал-майор (1910), Атаман Ейского отдела ККВ, генерал-лейтенант (1916). Член Кубанской краевой рады (1917), глава делегации по хранению Войсковых регалий (с 02.1920). В эмиграции в Югославии, умер в г. Земуне близ Белграда 10 июня 1939 г.

¹⁵⁵**Певнев Александр Леонтьевич** — р. 23 ноября 1875 г., казак ККВ, окончил Михайловский Воронежский кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища (1894), вышел хорунжим в 1-й Екатеринодарский полк ККВ, окончил Академию Генштаба (1900), полковник (1909), командир 1-го Линейного генерала Вельяминова полка ККВ (27.07.1910—1.01.1914), генерал-майор (1914). В Великой войне командир 1-й бригады 2-й Кавказской казачьей дивизии (1914), начальник штаба 5-й Кавказской казачьей дивизии (20.01.1916), 2-й оберквартирмейстер Главного управления Генштаба (4.07.1916). Служил в РККА, репрессирован.

¹⁵⁶**Драгомиров Владимир Михайлович** — р. 7 февраля 1867 г., окончил Пажеский корпус (1886), вышел Л.-Гв. в Семеновский полк, окончил Академию Генштаба (1892), начальник штаба 42-й пехотной дивизии (1901), в Русско-японской войне начальник штаба 12-го (09.1904), затем 1-го армейского корпуса (02.1905), командир 147-го пехотного Самарского (06.1905), затем Л.-Гв. Преображенского полков (06.1906), начальник штаба Киевского ВО (08.1912), генерал-лейтенант (05.1913). В Великой войне начальник штаба 3-й армии, награжден орденом Св. Георгия IV ст. (6.09.1914), командир 8-го (12.1914), 16-го армейских корпусов (10.1916), в отставке (08.1917). В эмиграции в Сербии, председатель Русского общества офицеров Генштаба, умер в г. Зелунце 29 января 1928 г.

¹⁵⁷**Сухомлинов Владимир Александрович** — р. 4 августа 1848 г., окончил Николаевское кавалерийское училище (1867), вышел Л.-Гв. в Уланский Его Величества полк, окончил Академию Генштаба (1874), в Русско-турецкой войне подполковник, награжден орденом Св. Георгия IV ст. (31.01.1878) и Золотым оружием (1878), командир 6-го Лейб-драгунского Павлоградского полка (1884), начальник Офицерской кавалерийской школы (1886), командующий войсками Киевского ВО (1904—1908), генерал от кавалерии (1906), начальник Генштаба (12.1908), военный министр (03.1909—06.1915), генерал-адъютант (1912), арестован в т. ч. «за государственную измену» (1916), освобожден по амнистии (1918). В эмиграции в Финляндии, Германии, умер в Берлине 2 февраля 1926 г.

¹⁵⁸**Раковский Г.Н.** В Стане Белых. Константинополь, 1920. С. 196.

¹⁵⁹**Стариков Терентий Михайлович** — р. 8 апреля 1880 г., казак ст. Ектериненской Области Войска Донского, окончил Новочеркасское казачье юнкерское училище (1902), Офицерскую фехтовальную школу, хорунжий 2-го Донского казачьего полка (1903). В Великой войне войсковой старшина (09.1916),

помощник командира 5-го Донского казачьего полка (1917). Участник Степного похода, в Донской армии командир отрядов, генерал-майор (1918), командующий группой войск 1-й Донской армии (02.—04.1919), начальник 7-й Донской конной дивизии (05.1919), генерал-лейтенант, командир Сводного корпуса, вр. и. д. командующего 4-м Донским отдельным корпусом (03.1920), в Русской Армии. В эмиграции, в Сербии, Чехословакии, председатель совета журнала «Вольное Казачество» (1929—1930), умер в Праге 11 декабря 1934 г.

¹⁶⁰Раковский Г.Н. Указ. соч. С. 197.

¹⁶¹**Запольский Всеволод Федорович** — в Великой войне Генерального штаба полковник, первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, командир 4-го Кубанского пластуного батальона (1918—1919), генерал-майор (1919), командир 2-й Кубанской пластуной отдельной бригады (10.1919—02.1920), убит под Туапсе в 1920 г.

¹⁶²**Мельниковский В.** Черноморская Трагедия // Казачьи Думы. Печатный орган Атаманов Дона, Кубани и Терека. София. 1924. 15 февраля. № 9. «В. Мельниковский» — литературный псевдоним В.Г. Науменко (фамилия его матери).

¹⁶³**Рудько Вениамин Исаевич** — казак ККВ, окончил 2-й Московский кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища, вышел хорунжим в 1-й Запорожский Императрицы Екатерины Великой полк ККВ. В Великой войне есаул (7.02.1917), командир сотни того же полка. В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, командир 2-го Запорожского полка ККВ (с 23.10.1919), командир 2-й бригады 4-й Кубанской казачьей дивизии, в Русской Армии командир Запорожского полка (с 04.1920), о. Лемнос. В эмиграции в Сербии, командир 2-го Сводно-Кубанского полка (1921—1925), умер в Нише (Югославия) 9 апреля 1941 г.

¹⁶⁴**Букретов Николай Андрианович** — р. 6 апреля 1876 г. в Тифлисе, из горских епреев-кантонистов, приписан к ККВ, окончил Тифлисское реальное (1894) и Алексеевское военное училища (1896), Академию Генштаба (1903), офицер 15-го гренадерского Тифлисского полка. В Великой войне полковник, начальник штаба 2-й Кубанской пластуной бригады (1914), награжден орденом Св. Георгия IV ст. (2.02.1915), генерал-майор, начальник той же бригады (1915). В Добровольческой армии, командующий Кубанской армией (01.1918), в отставке, в Кубанском правительстве (1918—1919), Кубанский Войсковой Атаман (01.—04.1920). В эмиграции в Грузии, Турции, США, умер в Нью-Йорке 8 мая 1930 г.

¹⁶⁵Трагедия Казачества. Т. 4. С. 294.

¹⁶⁶Раковский Г.Н. Указ. соч. С. 192, 193.

¹⁶⁷Новое Русское Слово. Н.-Йорк. 1984. 2 ноября.

¹⁶⁸**Ажигоев Пшемаф** — р. ок. 1890 г., из черкесских дворян, окончил Майкопское техническое училище. В Великой войне корнет Черкесского конного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник 2-го Черкесского конного полка (1920). В эмиграции во Франции, умер в Париже 10 сентября 1963 г.

¹⁶⁹**Дейнега Лев Минич** — р. в 1891 г., казак ст. Черниговской ККВ, окончил Оренбургское казачье училище (1912). В Великой войне в 1-м Уманском бригадира Головатого полку ККВ, командир партизанской сотни, награжден Георгиевским оружием (7.01.1916), орденом Св. Анны II ст. с мечами, подвесаул (на 03.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, войсковой старшина, командир 2-го Линейного полка ККВ (на 29.10.1919), полковник, командир Линейной бригады (1920), в Русской Армии генерал-майор, начальник 1-й Кубанской казачьей дивизии (11.1920), о. Лемнос. В эмиграции в Югославии, умер в г. Кладово 20 апреля 1947 г.

¹⁷⁰Кубанское генерала Алексея военного училище — образовано в 1917 г. из Екатеринодарской школы прапорщиков. Участвовал в 1-м Кубанском походе, воссоздано после взятия Екатеринодара в августе 1918 г., присвоено имя генерала Алексея 8 ноября 1919 г. В десанте на Кубань 113 юнкеров стали георгиевскими кавалерами (08.1920), о. Лемнос, последний выпуск в Болгарии 1 сентября 1922 г.

¹⁷¹Кубанско-Софийское военное училище — учреждено в начале 1918 г. на Кубани из 1-й Киевской Софийской школы прапорщиков.

¹⁷²**Морозов Николай Аполлонович** — р. в 1879 г., окончил Псковский кадетский корпус (1897), Павловское военное училище (1899), Академию Генштаба (1905), офицер гвардейской пехоты. В Великой войне полковник, командир 1-го Кавказского стрелкового полка. В Добровольческой армии и ВСЮР, преподаватель Кубанского военного училища, помощник начальника Войскового штаба ККВ (01.1920), генерал-майор, командир Кубанской пластуной бригады, начальник Кубанского правительственного отряда (03.1920), командующий Кубанской армией при капитуляции под Адлером — Сочи (04.1920), лагеря, направлен преподавать в Академию Генштаба в Москве, затем профессор Военно-политической академии в Ленинграде, осужден на 5 лет по делу «Весна» в 1931 г.

¹⁷³**Лещенко Владимир Андреевич** — р. в 1872 г., окончил Кубанское Александровское реальное училище, сотню Николаевского кавалерийского училища (1894), Академию Генштаба (1905). В Великой войне полковник (19.02.1916), командир 1-го Кубанского генерал-фельдмаршала Великого Князя Михаила Николаевича полка ККВ (6.08.1916), 1-го Уманского бригадира Головатого полка ККВ (на 20.06.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, начальник Войскового штаба ККВ, генерал-майор (1920), в Русской Армии. В эмиграции, умер в Югославии до 1945 г.

¹⁷⁴**Лунев** — казак ст. Михайловской ККВ, в Великой войне урядник 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ. Станичный атаман, во ВСЮР, хорунжий того же полка (1920).

¹⁷⁵**Чашевои Константин Ефимович** — казак ст. Кубанской ККВ, окончил Темиргоевскую гимназию, Тифлисское военное училище (1914). В Великой войне командир сотни 3-го Екатеринодарского полка ККВ, награжден орденами Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава и Св. Анны III ст. с мечами и бантом, Св. Станислава II ст. с мечами, Георгиевским оружием (5.11.1916), подесау. Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, во 2-м Сводно-Кубанском полку, полковник (4.01.1919), в Пластунском корпусе генерала Морозова (03.1920). В эмиграции в Чехословакии (на 1963).

¹⁷⁶**Гулыга Иван Емельянович** — р. 26 августа 1857 г., казак ст. Незамаевской ККВ, окончил Ставропольское казачье юнкерское училище (1877), Академию Генштаба (1899), командир роты Ставропольского казачьего училища (1888), в Русско-японской войне начальник штаба Уссурийского отряда, командир Хунгунского пехотного полка (1904—1905), командир 15-го Сибирского стрелкового полка (1906), атаман Кавказского отдела ККВ (03.1912), генерал-майор (6.12.1912). В Великой войне начальник 2-й (07.1914), затем 1-й Кубанских отдельных пластуных бригад (02.1915), награжден Георгиевским оружием (7.11.1916), командир Терско-Кубанского пластуного корпуса (10.1917), генерал-лейтенант (1.10.1917). Командующий Кубанской армией (17.01.—14.02.1918), первопоходник, во ВСЮР вр. и. д. начальника 8-й Донской казачьей дивизии (05.1919), в резерве офицеров Генштаба (1920). В эмиграции, умер в Югославии в июне 1936 г.

¹⁷⁷**Посевин Фрол Яковлевич** — р. ок. 1891 г., казак ст. Усть-Лабинской ККВ, вольноопределяющийся 1-го Екатеринодарского Кошевого Атамана Чепеги полка (1909), окончил Оренбургское казачье училище портупей-юнкером (1912). В Великой войне подесаул, начальник пулеметной команды 1-го Линейного генерала Вельяминова полка ККВ, награжден орденами Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава и Св. Анны III ст. с мечами и бантом, Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом, Георгиевским оружием (16.10.1916), Св. Станислава II ст. с мечами (на 12.1916). Первопоходник, вр. командир Улагаяевского пластуного батальона (1918), полковник, член Кубанской законодательной рады (1919—1920).

¹⁷⁸**Прохода Федор** — р. ок. 1891 г., казак ККВ, в службе вольноопределяющимся 1-го Екатеринодарского Кошевого Атамана Чепеги полка (1910). В Великой войне прапорщик. В Добровольческой армии и ВСЮР, сотник, командир сотни Кубанского пластуного батальона Правительственного отряда (03.1920).

¹⁷⁹**Мельниковский В.** Черноморская Трагедия // Казачьи Думы. Печатный орган Атаманов Дона, Кубани и Терека. София. 1924. 20 февраля. № 20; *Науменко В.Г.* Кубанский Исторический и Литературный Сборник. Орангбург (США). 1962. Май—июнь. № 16.

¹⁸⁰**Бурык** — из казаков ККВ, окончил приют принца Ольденбургского, Алексеевское военное училище. В Великой войне подесаул, командир сотни 3-го Таманского полка ККВ (на 1.03.1917). Первопоходник, полковник, командир 2-го Уманского полка ККВ (01.—10.1919), начальник «Гайдамацкой» дивизии (03.1920).

¹⁸¹**Закладный Николай Леонтьевич** — р. в 1867 г., казак ст. Крымской ККВ, окончил Ставропольское казачье юнкерское училище (1891), офицер Черноморского конного полка ККВ (1892). В Великой войне адъютант штаба 3-й Сводно-Кубанской дивизии, есаул Ейского полка ККВ (05.1917), комендант штаба Отдельного Кавказского кавалерийского корпуса на Персидском фронте. Первопоходник, во ВСЮР и Русской Армии, последний атаман Ейского отдела ККВ, генерал-майор (1920), в десанте на Кубань (08.1920). В эмиграции в Югославии, умер в г. Сплите 18 мая 1938 г.

¹⁸²**Жуков Андрей Семенович** — р. 16 ноября 1875 г., казак ст. Воровсколеской ККВ, окончил Михайловский Воронежский кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища, офицер 1-го Хоперского Е. И. В. Великой Княгини Анастасии Михайловны полка ККВ, в Собственном Е. И. В. Конвое (1900), есаул, адъютант Конвоя (1912). В Великой войне командир Л.-Гв. 1-й Кубанской сотни, полковник, умер (застрелился) на фронте в июне 1916 г.

¹⁸³**Жуков Георгий Семенович** — казак ст. Воровсколеской ККВ, окончил Михайловский Воронежский кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища, Офицерскую кавалерийскую школу, офицер 1-го Кубанского полка ККВ, в Собственном Е. И. В. Конвое (на 8.03.1899). В Великой войне помощник командира 3-го Екатеринодарского полка ККВ, награжден мечами к ордену Св. Станислава II ст., орденами Св. Анны II ст. с мечами, Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом (1916), полковник, командир 1-й бригады 5-й Кавказской казачьей дивизии (1917). Расстрелян красными после подавления восстания в Кавказском отделе ККВ 24 марта 1918 г.

¹⁸⁴**Кочергин Петр Семенович** — р. ок. 1872 г., казак ст. Белореченской ККВ. В Великой войне войсковой старшина, командир 1-й Терской казачьей батареи, награжден Георгиевским оружием (7.01.1916), полковник, командир 2-го Кавказского казачьего конно-артиллерийского дивизиона (на 15.01.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, командир артиллерийского дивизиона 2-й Кубанской казачьей дивизии (03.1920), пленен при капитуляции Кубанской армии

под Адлером—Сочи (04.1920), лагеря, направлен для преподавания в училище РККА.

¹⁸⁵**Мистулов Эльмурза Асланбекович** — р. 16 сентября 1869 г., казак-осетин ст. Черноярской ТКВ, сын ротмистра, окончил Ставропольское казачье юнкерское училище (1890), вышел хорунжим в 1-й Волгский полк ТКВ, в военной экспедиции в Китае (1900), в Русско-японской войне подвесаул Терско-Кубанского полка, награжден орденами Св. Анны III ст. с мечами и бантом, Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом, Св. Станислава и Св. Анны II ст. с мечами, Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», Золотым оружием (1905), орденом Св. Георгия IV ст. (25.02.1907), командир 2-го Суиженско-Владикавказского полка ТКВ в Персидском походе (1913), полковник (6.05.1914). В Великой войне командир 1-го Кавказского Наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (31.03.1916), награжден мечами и бантом к Св. Станиславу III ст., орденом Св. Владимира III ст. с мечами, командир 2-й бригады 1-й Кубанской казачьей дивизии (20.12.1916), генерал-майор (01.1917), командир Отдельной Кубанской казачьей бригады в Персии (11.1917). Командующий войсками Терского Войска (8.07.1918), погиб (застрелился) в ст. Прохладной 9 ноября 1918 г.

¹⁸⁶**Ле(и)твиненко Илларион Васильевич** — р. ок. 1894 г., казак ст. Раевской ККВ, окончил Кубанское Александровское реальное училище. В Великой войне окончил Тифлисскую школу прапорщиков (май 1915), мл. офицер 1-й сотни 2-го Полтавского полка ККВ (на 01.1917). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, сотник, командир сотни Корниловского конного полка (04.1919), в Русской Армии полковник, командир того же полка (05.1920), орден Св. Николая Чудотворца II ст., умер от ран в Константинополе в ноябре 1920 г.

¹⁸⁷См.: *Елисеев Ф.И.* С Корниловским конным. М.: АСТ, 2003.

¹⁸⁸В своей тетради, написанной в 1966 г. в Нью-Йорке, полковник Елисеев дает характеристики примерно 100 офицерам, служившим в 1-м Кавказском полку ККВ с начала XX в. и в двух войнах. О В.З. Хоранове и его ордене там говорится: «По мобилизации [1914 г.] — вышел во 2-й Кавказский полк и «дал слово», что «с сотнею войдет в Берлин и получит офицерский Георгиевский крест». Как все случилось — не знаю. Но Георгиевский крест он надел лишь в 1920 году, за Туапсе, накануне гибели всего Белого Дела, но — он его тогда «получил» за Германскую войну. В общем — Хоранов после Туапсе произведен был в генералы, командовал 4-й Кубанской дивизией и надел «за Германию» офицерский Георгиевский крест» // Архив составителя.

¹⁸⁹См.: *Стрелянов (Калабухов) П.Н.* Неизвестный Поход. Казаки в Персии в 1909—1914 гг. М., 2001.

¹⁹⁰На 8 января 1917 г. подвесаул А.К. Баранов состоял командиром 6-й сотни 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ // Списки офицерам Штаба Походного Атамана при Его Императорском Величестве за 1915—1917 гг. (РГВИА. Ф. 2007, оп. 1, д. 75).

¹⁹¹**Науменко Трофим** — казак ст. Терновской ККВ, в Великой войне ст. урядник 1-го Кавказского Наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, хоружий 1-го Лабинского полка (03.1920), плен при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920).

¹⁹²**Кононенко Григорий Андреевич** — казак ККВ, окончил Кубанское Александровское реальное училище, сотню Николаевского кавалерийского училища. В Великой войне награжден орденами Св. Анны III ст. с мечами и бан-

том, Св. Станислава и Св. Анны II ст. с мечами, Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом, Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», мечами и бантом к Св. Станиславу III ст., войсковой старшина, помощник командира 1-го Екатеринодарского Кошевого Атамана Чепеги полка ККВ (на 12.1916). Первопоходник в 1-м Конном полку, в Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, командир 1-го Черноморского полка (02.1920), плен при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), убит у ст. Усть-Лабинской в 1920 г.

¹⁹³**Логвинов Борис Васильевич** — р. ок. 1894 г., казак ККВ, сын офицера, окончил сотню Николаевского кавалерийского училища (1914). В Великой войне тяжело ранен, хорунжий 2-го Хоперского полка ККВ (на 1.02.1917). Во ВСЮР, войсковой старшина, штаб-офицер штаба 2-го Кубанского конного корпуса, в 1-м Лабинском полку (1920), плен при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920).

¹⁹⁴Генерал Арпсгофен продолжил затем службу в Русской Армии, в штабе главнокомандующего. 26 сентября 1920 г. он прибыл на пароходе из Крыма в Гагры, и в с. Пыленкове встретился с генералом Фостиковым, командующим «Армией возрождения России», сражавшейся весной—осенью 1920 с большевиками в юго-восточной части Кубани и предгорьях Кавказа. На содержание частей Фостикова, отошедших на Черноморское побережье, генерал Арпсгофен привез из ставки около 50 миллионов рублей // Дневники генерала М.А. Фостикова. (Архив составителя.)

¹⁹⁵В Великой войне (с осени 1915 г.) 1-ю бригаду 5-й Кавказской казачьей дивизии составляли входившие ранее в Закаспийскую отдельную казачью бригаду: 1-й Таманский генерала Безкровного и 1-й Кавказский Наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полки ККВ.

¹⁹⁶**Колесников Иван Никифорович** — р. 7 сентября 1860 г., казак ст. Ищерской ТКВ, окончил Владикавказскую прогимназию, Ставропольское казачье юнкерское училище, Офицерскую кавалерийскую школу, хорунжий (3.12.1880) 1-го Горско-Моздокского полка ТКВ, полковник (18.02.1912), командир 2-го Горско-Моздокского полка (12.07.1912). В Великой войне временный командир бригады 1-й Терской казачьей дивизии (22.08.—6.12.1914), командир 1-го Запорожского Императрицы Екатерины Великой полка ККВ (30.04.1915), затем 1-й бригады 5-й Кавказской казачьей дивизии (8.02.1916), награжден Георгиевским оружием (24.02.1915) и орденом Св. Георгия IV ст. (23.05.1916), генерал-майор (22.10.1916), начальник 1-й Кубанской (7.07.1917), затем 3-й Кубанской (12.1917) казачьих дивизий. В Добровольческой армии (с 4.03.1918) и ВСЮР, командующий войсками ТКВ (25.10.1918), начальник 4-й Терской казачьей дивизии (28.02.1919), умер в январе 1920 г.

¹⁹⁷**Трубачев Александр Дмитриевич** — казак ст. Родниковской ККВ, окончил сотню Николаевского кавалерийского училища (05.1914). В Великой войне офицер 2-го Лабинского полка ККВ, награжден орденами Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава и Св. Анны III ст. с мечами и бантом, Георгиевским оружием (24.02.1915), Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом, Св. Станислава II ст. с мечами, подъясаул (на 1.01.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, помощник командира Корниловского конного полка (1919—1920), войсковой старшина при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), лагеря, бежал.

¹⁹⁸**Марков Николай** — казак ККВ, из учителей. В Великой войне окончил 2-ю Тифлисскую школу прапорщиков (1916), офицер 2-го Запорожского полка ККВ, награжден орденом Св. Станислава III ст. с мечами и бантом, сотник (4.03.1917). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, помощник ко-

мандира Корниловского конного полка ККВ (1919—1920), войсковой старшина (04.1920), в Русской Армии.

¹⁹⁹**Мартыненко Емельян Федорович** — р. в 1890 г., казак ст. Старокорсунской (Плосской?) ККВ. В Великой войне урядник 5-го Кубанского пластуна Е. И. В. Великого Князя Бориса Владимировича батальона, полный Георгиевский кавалер (04.1915), хорунжий (1917). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, начальник пулеметной команды Корниловского конного полка (1919), войсковой старшина (04.1920), в Русской Армии. В эмиграции в Югославии во 2-м Сводно-Кубанском полку, полковник (1925), в 1-м Казачьем полку Русского Корпуса (на 5.04.1945), умер в г. Патерсоне (США) 28 июля 1980 г.

²⁰⁰**Козлов Иван Матвеевич** — казак ст. Дмитриевской ККВ, на Великую войну вышел подхорунжим 1-го Кавказского Наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ. В Добровольческой армии и ВСЮР, помощник командира Корниловского конного полка (1919), войсковой старшина (03.1920), плен при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), расстрелян красными в тюрьме.

²⁰¹**Друшляков Федор Матвеевич** — казак ст. Ильинской ККВ, урядник Собственного Е. И. В. Конвоя. В Великой войне окончил 3-ю Петергофскую школу прапорщиков (1916), хорунжий 2-го Запорожского полка ККВ, награжден орденом Св. Станислава III ст. с мечами и бантом (на 1.01.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, командир сотни Корниловского конного полка ККВ (1919—1920), войсковой старшина (03.1920), плен при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), лагеря.

²⁰²**Лебедев Пантелеймон Михеевич** — казак ст. Лабинской ККВ, вахмистр конвоя Наместника на Кавказе. В Великой войне окончил Тифлисскую школу прапорщиков (1916), начальник партии партизан Особого отряда штаба 9-й армии (26.05.1916), хорунжий 2-го Екатеринодарского полка ККВ (на 1.07.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, командир сотни Корниловского конного полка ККВ (1919—1920), войсковой старшина при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), лагеря, бежал.

²⁰³**Кононенко Аким Александрович** — казак ст. Старокорсунской ККВ, первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, войсковой старшина Корниловского конного полка (04.1920), в Русской Армии.

²⁰⁴**Тюнин Александр Алексеевич** — казак ст. Некрасовской ККВ, вольноопределяющийся 1-го Екатеринодарского Кошевого Атамана Чепеги полка ККВ (1912). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, есаул Корниловского конного полка (04.1920), в Русской Армии, войсковой старшина, награжден орденом Св. Николая Чудотворца II ст. В эмиграции в Сербии, в 1-м Казачьем полку Русского Корпуса (на 17.01.1945), в 15-м Казачьем кавалерийском корпусе, полковник, выдан в Лиенце (05.1945).

²⁰⁵**Носенко Яков Иванович** — р. ок. 1888 г., казак ст. Елисаветинской ККВ. В Великой войне урядник-пластун. Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, есаул Корниловского конного полка (04.1920), в Русской Армии, о. Лемнос. В эмиграции в Югославии, командир 5-й Корниловской сотни 2-го Сводно-Кубанского полка (1931), в Русском Корпусе, полковник, в США, умер в г. Фриходе (США) 29 августа 1971 г.

²⁰⁶**Бэх-большой** — казак ст. Незамаевской ККВ. В Добровольческой армии и ВСЮР, есаул Корниловского конного полка (04.1920).

²⁰⁷**Дронов Георгий Иванович** — казак ст. Усть-Лабинской ККВ, в Великой войне прапорщик 3-го Екатеринодарского полка ККВ (15.02.1916). В Доброволь-

ческой армии и ВСЮР, есаул Корниловского конного полка (04.1920), в Русской Армии. В эмиграции во Франции (на 1959).

²⁰⁸**Козлов Алексей Матвеевич** — казак ст. Дмитриевской ККВ, в Добровольческой армии и ВСЮР, есаул, адъютант Корниловского конного полка (04.1920), в Русской Армии. В эмиграции, в США (на 01.1965).

²⁰⁹**Иванов Иван Андреевич** — казак ст. Михайловской ККВ, урядник 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ. В Великой войне хорунжий того же полка, награжден орденами Св. Станислава и Св. Анны III ст. с мечами и бантом, тяжело ранен (на 01.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, есаул, командир сотни Корниловского конного полка (04.1919), штаб-офицер для поручений при начальнике 3-й Кубанской казачьей дивизии, полковник (03.1920).

²¹⁰**Шеховцов Филипп Иосифович** — р. в 1890 г., казак ст. Михайловской ККВ, урядник 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ. В Великой войне произведен в офицеры за боевые отличия. В Добровольческой армии и ВСЮР, хорунжий, командир сотни Корниловского конного полка (02.1919), штаб-офицер для поручений при начальнике 3-й Кубанской казачьей дивизии, полковник (03.1920), в Русской Армии, о. Лемнос. В эмиграции в Югославии, командир 7-й Корниловской сотни 2-го Сводно-Кубанского полка (1931), умер в г. Панчево 13 августа 1932 г.

²¹¹**Шинкаренко Николай Всеволодович** — р. в 1890 г., окончил Михайловское артиллерийское училище (1910). В Великой войне командир эскадрона 12-го уланского Белгородского полка, награжден Георгиевским оружием (7.02.1916), подполковник 1-го конно-горного артиллерийского дивизиона. В Добровольческой армии и ВСЮР, в отряде есаула Чернецова, командир отряда во 2-м Кубанском походе, полковник, командир полка Сводно-Горской дивизии (1918), командующий Кабардинской конной дивизией (1919), генерал-майор (1920), в Русской Армии, начальник Туземной дивизии, награжден орденом Св. Николая Чудотворца II ст. В эмиграции в Сербии, Франции, добровольцем армии генерала Франко в Испании (1936—1939), лейтенант. Сотрудничал в журнале «Часовой» под псевдонимом Н. Белогорский, погиб в Сан-Себастьяне 21 декабря 1968 г.

²¹²**Ишутин Андрей** — казак ст. Ильинской ККВ, из урядников. В Добровольческой армии и ВСЮР, хорунжий, начальник команды связи Корниловского конного полка (1918), в штабе 3-й Кубанской казачьей дивизии (1919), есаул (1920).

²¹³**Гришин Федор Николаевич** — р. в 1887 г. в Тамбове, окончил ускоренный курс Академии Генштаба (1917), штабс-капитан. В Добровольческой армии и ВСЮР, причислен к Генштабу, начальник штаба 3-й Кубанской казачьей дивизии (1919), полковник (1920), в Русской Армии, награжден орденом Св. Николая Чудотворца II ст., о. Лемнос. В эмиграции в Сербии, состоял в резерве чинов Кубанской казачьей дивизии (на 09.1927), в Русском Корпусе. Умер в Бостоне (США) 5 февраля 1981 г.

²¹⁴**Преображенский Дмитрий Васильевич** — р. ок. 1880 г., окончил кавалерийский взвод Иркутского пехотного юнкерского училища. В Великой войне офицер гусарского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, командир 2-го Полтавского полка ККВ (6.03.1919), командир бригады, командующий 2-й Кубанской казачьей дивизией (04.1920).

²¹⁵**Елисеев Ф.И.** Лабинцы и последние дни на Кубани // Кубанское Казачество. Париж. 1931. № 2. С. 17.

²¹⁶**Муравьев Всеволод Вениаминович** — казак ККВ, окончил 3-й Московский кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища, вышел хорунжим в 1-й Екатеринодарский Кошевого Атамана Чепеги полк ККВ. В Вели-

кой войне награжден орденами Св. Станислава II ст. с мечами, Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», Св. Анны II ст. с мечами, Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом, войсковой старшина 2-го Полтавского полка ККВ (на 01.1917). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, командир 1-го Екатеринодарского полка (1918), командир бригады (03.1919), начальник 1-й Конной (Кубанской) дивизии (10.12.1919), генерал-майор (9.12.1919), начальник 1-й Кавказской казачьей дивизии (01.1920), в Русской Армии, помощник командующего «Армией возрождения России» генерала Фостикова (08.1920). Убит в Варне (Болгария) в 1921 г.

²¹⁷**Лопатин Иосиф Филиппович** — казак ст. Расшеватской ККВ, окончил Кубанское Александровское реальное училище, сотню Николаевского кавалерийского училища (1914). В Великой войне полковой адъютант 1-го Таманского генерала Безкровного полка ККВ, награжден орденами Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава и Св. Анны III ст. с мечами и бантом, Св. Станислава и Св. Анны II ст. с мечами, Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом, подъесаул (на 01.1917). В отряде полковника Кузнецова (03.1918), в Добровольческой армии и ВСЮР, есаул Корниловского конного полка (1918—1919), в Кубанском конном учебном дивизионе (1919—1920), войсковой старшина, арестован в Екатеринодаре во время десанта на Кубань (08.1920), расстрелян в числе 6 тыс. кубанских офицеров и военных чиновников на Сев. Двине в 1920 г.

²¹⁸**Мальчевский Николай Тимофеевич** — окончил 4 класса Ставропольской гимназии, Ставропольское казачье юнкерское училище. В Великой войне войсковой старшина, помощник командира 1-го Черноморского полковника Бурсака 2-го полка ККВ (1916), награжден орденами Св. Станислава и Св. Анны II ст. с мечами, Св. Георгия IV ст. (15.10.1916). В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник (23.09.1918), командир Кубанского конного учебного дивизиона (1919—1920), генерал-майор (1920), плен при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), лагеря.

²¹⁹**Федоренко Николай** — казак ст. Славянской ККВ, окончил Ейское реальное и Ставропольское казачье юнкерское училища. Подъесаул 1-го Уланского Бригады Головатого полка ККВ (на декабрь 1911). В Великой войне полковник, старший штаб-офицер 2-го Уманского полка ККВ, награжден орденом Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом (на 1.01.1917). В Добровольческой армии, командир Корниловского конного полка ККВ (с 7.09.1918), погиб в бою под ст. Михайловской на Кубани 13 сентября 1918 г.

²²⁰**Каме(я)нский Всеволод** — казак ККВ, окончил Михайловский Воронежский кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища. В Великой войне награжден орденами Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава и Св. Анны II ст. с мечами, командир сотни, есаул 1-го Таманского генерала Безкровного полка ККВ (на 1.01.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, войсковой старшина, вр. командующий Корниловским конным полком (1918), помощник командира 1-го Полтавского полка ККВ (05.1919).

²²¹**Черножуков Николай Николаевич** — р. ок. 1890 г., казак ст. Усть-Лабинской ККВ, окончил Кубанское Александровское реальное и Тверское кавалерийское училища (1911), вышел хорунжим в 1-й Черноморский полк ККВ. В Великой войне подъесаул 3-го Черноморского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР, командир сотни Корниловского конного полка, тяжело ранен (10.1918), в Русской Армии, о. Лемнос. В эмиграции в Югославии (на 03.1964).

²²²**Удовенко Василий Иванович** — р. ок. 1884 г., казак ст. Батаалашинской ККВ, окончил 3-й Московский кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища (1904), вышел хорунжим в 1-й Екатеринодарский Ко-

шевого Атамана Чепеги полк ККВ, полковой адъютант (1910). В Великой войне есаул того же полка, награжден орденом Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом, переведен во 2-й Екатеринодарский полк (29.08.1916), командир сотни. В Добровольческой армии адъютант Корниловского конного полка, погиб в бою у ст. Курганной 18 сентября 1918 г.

²²³**Дейбель** — в Великой войне прапорщик 17-го драгунского Нижегородского Его Величества полка, прикомандирован к 1-му Лабинскому генерала Засца полку ККВ (1915), младший офицер 5-й сотни, награжден орденом Св. Станислава III ст. с мечами и бантом, корнет (на 01.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, офицер для поручений при штабе 3-й Кубанской казачьей дивизии, ротмистр (1920).

²²⁴**Дрейлинг Роман Константинович** — сын офицера, окончил Пажецкий корпус, Академию Генштаба (1908). В Великой войне полковник Л.-Гв. Конно-Гренадерского полка, начальник штаба 13-й кавалерийской дивизии. Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, начальник штаба 1-й Конной дивизии, в распоряжении Атамана ККВ (с 7.10.1918), помощник начальника Кубанского генерала Алексева военного училища (с 11.11.1919), начальник штаба Кубанской армии (04.1920). В эмиграции в Югославии, преподаватель Высших военно-научных курсов, член правления Союза Первопоходников, вывезен в СССР (09.1945), умер в лагере в Мордовии в 1945 г.

²²⁵**Мальцев Павел Васильевич** — р. ок. 1890 г., казак ст. Келермесской ККВ, окончил Кубанскую учебную семинарию, Оренбургское казачье училище портупей-юнкером (1911), вышел хорунжим в 1-й Екатеринодарской Кошевого Атамана Чепеги полк ККВ. В Великой войне офицер 2-го Екатеринодарского полка, начальник особого отряда штаба 9-й армии, награжден Георгиевским оружием (20.11.1915), есаул (на 01.1917). Первопоходник, комендантский адъютант Екатеринодара (1918—1919), войсковой старшина, командир 2-го Хоперского полка (1920).

²²⁶**Сидоренко Всеволод Константинович** — р. 22 марта 1868 г., казак ККВ. В Великой войне награжден орденом Св. Анны II ст. с мечами (1916), командир 17-го Кубанского пластунского батальона, полковник (02.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, командир 7-го Кубанского пластунского батальона (30.08.1918), командующий Кубанской пластунской бригадой (1919), генерал-майор, командир Кубанского учебного пластунского батальона (на 04.1920).

²²⁷**Певнев 2-й, Сергей Иванович** — р. 16 октября 1886 г., казак ст. Таманской ККВ, сын офицера, окончил 3-й Московский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1906). В Великой войне есаул, старший офицер 1-й Кубанской казачьей батареи (на 1.01.1917). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, командир 1-й Кубанской казачьей конной батареи (9.07.1918—04.1919), полковник, командир Кубанской учебной конной батареи при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), лагеря, направлен в штаб Петроградского ВО, преподавал в училище РККА, расстрелян (1937).

²²⁸Это сравнение, как и вывод генерала Шифнер-Маркевича, — неправомерны и наивны. Казаки никогда не отождествляли себя с крестьянами. Репрессии же против казаков начались сразу после капитуляции Кубанской и части Донской армий; в последующие два десятилетия советской властью казачество России было практически полностью уничтожено.

²²⁹**Поволоцкий Сергей Алексеевич** — казак ст. Нефтяной ККВ, сын офицера, окончил Владикавказский кадетский корпус (1916), сотню Николаевского кавалерийского училища (1917), хорунжий 1-го Кавказского Наместника Ека-

теринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ. В Добровольческой армии и ВСЮР, есаул того же полка (1920). В эмиграции, сержант 1-го Кавалерийского полка Иностранного легиона французской армии, погиб в Сирии.

²³⁰**Клерже Александр Иосифович** — сын офицера, окончил Тифлисский кадетский корпус, Елисаветградское кавалерийское училище (1915). В Великой войне хорунжий 2-го Полатского полка ККВ, награжден орденами Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава и Св. Анны III ст. с мечами и бантом (на 01.1917). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, в Корниловском конном полку (1918—1920), войсковой старшина (1920), плен при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), лагеря, бежал. В эмиграции в Румынии (на сентябрь 1923 г.).

²³¹**Шатилов Павел Николаевич** — р. в 1881 г. в Тифлисе, окончил 1-й Московский кадетский корпус, Лажеский Е. И. В. корпус (1900), вышел хорунжим Л.-Гв. в Казачий Его Величества полк, в Русско-японской войне в 4-м Сибирском казачьем полку, окончил Академию Генштаба (1908). В Великой войне полковник (6.12.1915), командир 1-го Черноморского полковника Бурсака 2-го полка ККВ (с 16.12.1916), награжден Георгиевским оружием (3.01.1915), орденом Св. Георгия IV ст. (9.06.1915), и. д. генерал-квартирмейстера штаба Кавказской армии, генерал-майор (1917), орден Св. Георгия III ст. (27.03.1918 за отличия в Великой войне). В Добровольческой армии и ВСЮР, начальник 1-й Конной дивизии, командир 4-го конного корпуса, генерал-лейтенант (05.1919), начальник штаба Кавказской армии (06.1919), помощник главнокомандующего Русской Армией (22.03.1920), начальник штаба Русской Армии (21.06.1920—1922). Генерал от кавалерии, начальник 1-го отдела РОВС во Франции (1924—1934), умер под Парижем 5 мая 1962 г.

²³²В 1927 г. во Франции на имя начальника 1-го отдела РОВС, генерала от кавалерии П.Н. Шатилова поступили обвинения от полковника Ф.Н. Гришина и войскового старшины А.В. Кирия (из сверхсрочных фельдфебелей), выдвинутые последними против начальника Армейской рабочей группы в г. Виши полковника Ф.И. Елисеева. Ему вменялось в вину: «агитация частей дивизии за сдачу красным» на Черноморском побережье, отобрание там «казенных денег у генерала Бабиева и попытка ареста его со штабом» (?!), «самочинное объявление себя начальником 2-й Кубанской казачьей дивизии».

Полковник Елисеев потребовал расследования с участием свидетелей тех событий: генерал-майора В.Г. Науменко, полковников М.К. Соломахины и И.А. Лиманского, а также начальника Кубанской казачьей дивизии генерал-майора В.Э. Зборовского. 16 ноября 1927 г. генерал Шатилов в письме Елисееву «с большим для себя удовлетворением спешил заявить, что возводимые на Вас обвинения не подтвердились», «в выступлении второго лица есть то, что называется «клеветой», против него принимаются меры» // Переписка полковника Ф.И. Елисеева. (Архив составителя.)

²³³Врангель П.Н. Указ. соч. Т. 5. С. 276.

²³⁴Деникин А.И. Указ. соч. Т. 5. С. 347.

²³⁵Врангель П.Н. Указ. соч. Т. 5. С. 304—306.

²³⁶Трагедия Казачества. Т. 4. С. 478.

²³⁷Там же. С. 435.

²³⁸Деникин А.И. Указ. соч. Т. 5. С. 351.

²³⁹Трагедия Казачества. Т. 4. С. 142, 143.

²⁴⁰**Калинин Николай Петрович** — р. 21 октября 1884 г., казак ст. Каменской Области Войска Донского, окончил Донской кадетский корпус, сотню

Николаевского кавалерийского училища (1904), два курса Академии Генштаба (1912), в Русско-японской войне в 17-м гусарском Черниговском полку. В Великой войне командир эскадрона того же полка, награжден орденом Св. Георгия IV ст. (19.05.1915), Георгиевским оружием (24.01.1917), старший адъютант штаба 5-го кавалерийского корпуса (11.1916—02.1917), 40-го армейского корпуса, подполковник (1917). С 1918 г. в Донской Армии, генерал-майор, командир бригады 1-го Донского отдельного корпуса (1918), начальник 11-й Донской (03.—05.1919), 2-й Донской (03.—08.1920) конных дивизий, врид командира Сводного корпуса (03.—07.1920), командир Донского корпуса (10.10.—12.12.1920), генерал-лейтенант (18.06.1920), о. Лемнос. В эмиграции в Сербии, Франции, умер в Париже 23 октября 1949 г.

²⁴¹ Казачьи Думы. София. 1924. 5 февраля. № 19.

²⁴² **Болховитинов Леонид Митрофанович** — р. в 1871 г., окончил Алексеевское военное училище (1892), Академию Генштаба (1898), вышел в 14-й гренадерский Грузинский генерала Котляревского полк, в экспедиции в Китае (1900—1901), в Русско-японской войне, награжден Золотым оружием. В Великой войне генерал-квартирмейстер (1914), начальник штаба Кавказской армии (1915—1916), генерал-лейтенант, командир 1-го армейского корпуса (06.1917). В Добровольческой армии разжалован в рядовые за службу у большевиков (1918), восстановлен в чине (1919), член Кубанского правительства по военным делам (1920), в Русской Армии инспектор классов Кубанского Алексеевского военного училища, о. Лемнос. В эмиграции, застрелился в Болгарии в 1927 г.

²⁴³ **Иванис Василий Николаевич** — первопоходник, подпоручик 4-й, затем 1-й Офицерской батареи, председатель Кубанского правительства (с 01.1920), и. д. Кубанского атамана (04.—12.1920). В эмиграции в Сербии.

²⁴⁴ Трагедия Казачества. Т. 4. С. 481.

²⁴⁵ Там же. Т. 4. С. 483, 486.

²⁴⁶ **Ногаец Борис Михайлович** — р. ок. 1895 г., казак ст. Холмской ККВ, окончил Кубанское Александровское реальное училище, 2-ю Тифлисскую школу прапорщиков (01.1916). В Великой войне хорунжий 2-го Екатеринодарского полка ККВ (на 1.07.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, в Кубанском Гвардейском Дивизионе, есаул (04.1920), расстрелян красными в Екатеринодаре в августе 1920 г.

²⁴⁷ **Ногаец Евгений Михайлович** — р. 3 марта 1893 г., казак ст. Холмской ККВ. В Великой войне офицер 1-го Екатеринодарского Кошевого Атамана Чепеги полка ККВ (до 1916), хорунжий Л.-Гв. 5-й Сводной сотни Собственного Е. И. В. Конвоя (02.1917), в Кубанском Гвардейском Дивизионе (05.1917). Во ВСЮР и Русской Армии, есаул, в десанте на Кубань тяжело ранен (08.1920), в госпитале в Константинополе (1920—1921). В эмиграции, в Дании офицер при Государыне Императрице Марии Федоровне, умер в Буэнос-Айресе (Аргентина) 8 апреля 1977 г.

²⁴⁸ **Бедановок Махмуд** — закубанский черкес, в Добровольческой армии и ВСЮР, корнет Черкесского конного полка (1918), за отъездом старших офицеров возглавил Черкесскую конную дивизию при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), плен, лагеря.

²⁴⁹ Трагедия Казачества. Т. 4. С. 487—491.

²⁵⁰ Кубанский Календарь. Белград: Изд. об-ва «Вольная Кубань». 1931. С. 54.

²⁵¹ Автор говорит здесь о малой вероятности ухода в «бело-зеленые» казаков, состоявших непосредственно в частях на Черноморском побережье в дни капитуляции Кубанской армии. Между тем в апреле—мае, в горах, генерал Фостиков приступил к организации отрядов, выросших затем в многотысячную «Армию

возрождения России» и боровшуюся с красными на территории трех указанных отделов. В ее полках находились также казаки и офицеры, «прошедшие капитуляцию». Подробно об этом в данной же серии см.: Дневники казачьих офицеров. Генерал М.А. Фостиков. М., 2004.

²⁵²**Несмашный Константин** — р. ок. 1895 г., казак Баталпашинского отдела ККВ, сын офицера, окончил Владикавказский кадетский корпус, в Великой войне сотню Николаевского кавалерийского училища, сотник 3-го Хоперского полка ККВ, награжден орденами Св. Станислава и Св. Анны III ст. с мечами и бантом (к 1.01.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, войсковой старшина, помощник командира 1-го Кубанского полка при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), лагеря.

²⁵³Имеется в виду седло знаменитого на Кавказе работой своей мастерской казака ст. Баталпашинской ККВ Калаушина.

²⁵⁴Казачьи Думы. София. 1924. 24 февраля. № 20.

²⁵⁵**Елисеев Ф.И.** Трагедия Кубанской Армии // Вольное Казачество. Прага, 1929.

²⁵⁶**Земце(о)в Сергей Иванович** — р. 5 октября 1872 г., казак ККВ, окончил Владимирский Киевский кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища (1892), Академию Генштаба (1899), полковник (6.12.1912). В Великой войне командир 1-го Сунженско-Владикавказского генерала Слепцова полка ТКВ (с 11.02.1914), командир 1-й бригады 4-й Кавказской казачьей дивизии (25.01.1917). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, начальник 2-й Терской казачьей дивизии (02.1919), начальник 4-й Кубанской казачьей дивизии при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), плен, лагеря, направлен в штаб Уральского военного округа, репрессирован.

²⁵⁷**Храмов Иван Иванович** — р. ок. 1892 г., казак ст. Бжедуховской ККВ, окончил Кубанское Александровское реальное училище (1911), Оренбургское казачье училище (1913), вышел хорунжим в 1-й Кавказский Наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полк ККВ. В Великой войне сотник 3-го Кавказского полка, награжден орденами Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава и Св. Анны III ст. с мечами и бантом (на 12.1916). В Добровольческой армии и ВСЮР, войсковой старшина, помощник командира 1-го Кавказского полка, плен при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), лагеря, сослан на Урал, работал счетоводом, приговорен к 10 годам концлагерей (16.08.1937).

²⁵⁸Согласно правилам, приложенным к Высочайшему приказу по Военному Ведомству 1915 г. № 681 и приказу Кубанскому Казачьему Войску о льготных производствах 1919 г. № 505 чин подбесаула в ККВ был отменен.

²⁵⁹Здесь автор ошибается. О численности офицерского корпуса Русской Императорской армии и количестве мобилизованных красными офицеров, в том числе Генерального штаба, см.: Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 1999.

²⁶⁰**Васюков Яков** — р. ок. 1891 г., казак ст. Усть-Лабинской ККВ, окончил мл. портупей-юнкером Оренбургское казачье училище (1912), вышел хорунжим в 1-й Линейный генерала Вельяминова полк ККВ. В Великой войне награжден орденами Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава и Св. Анны III ст. с мечами и бантом, Св. Станислава и Св. Анны II ст. с мечами (вторично), прикомандирован к 3-му Хоперскому полку ККВ (на 12.1916), затем подбесаул 2-го Екатеринодарского полка ККВ (1917), окончил ускоренный курс Академии Генштаба (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, есаул 1-го Екатеринодарского полка (1918), временный командир того же пол-

ка при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи, где назначен на штабную работу в РККА (04.1920).

²⁶¹**Евсюков Иван** — казак ст. Ханской ККВ, подхорунжий 1-го Линейного генерала Вельяминова полка ККВ. В Великой войне полный георгиевский кавалер, за боевые отличия произведен в чин прапорщика (9.04.1916), хорунжий того же полка, награжден орденом Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость» (на 12.1916). В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, вр. командующий Линейной бригадой при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), плен, лагеря, направлен работать по санитарному ведомству в Крым.

²⁶²**Семенихин Гавриил Захарович** — р. ок. 1892 г., казак ст. Безкоробной ККВ, окончил 6 классов Лабинской гимназии, Оренбургское казачье училище портупей-юнкером (1913), вышел хорунжим в 1-й Таманский генерала Безкровного полка ККВ. В Великой войне подьесаул 3-го Таманского полка ККВ (8.02.1917), окончил ускоренный курс Академии Генштаба (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, войсковой старшина при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), бежал, в «Армии возрождения России» генерала Фостикова (05.—10.1920), в Русской Армии в Крыму, о. Лемнос. В эмиграции во Франции (на 30-е гг.).

²⁶³**Мельников Александр Павлович** — р. ок. 1892 г., казак ст. Батаалпшинской ККВ, окончил гимназию, Оренбургское казачье училище (1913), вышел хорунжим в 1-й Кавказский Наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ. В Великой войне награжден орденами Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава и Св. Анны III ст. с мечами и бантом, Св. Станислава II ст. с мечами, Св. Анны III ст. с мечами и бантом (вторично), подьесаул 1-го Линейного генерала Вельяминова полка ККВ (4.03.1917). Командир партизанского отряда во 2-й Кубанской казачьей дивизии генерала Шкуро (1918), есаул, в Добровольческой армии и ВСЮР, заболел тифом при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920).

²⁶⁴**Маглиновский Иван Васильевич** — р. в 1891 г., казак ст. Брюховецкой ККВ, окончил Владикавказский кадетский корпус (1911), сотню Николаевского кавалерийского училища (1913). В Великой войне награжден орденами Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава III ст. с мечами и бантом, Св. Станислава II ст. с мечами, подьесаул 1-го Кавказского Наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, есаулом погиб под Саратовом в 1919 г.

²⁶⁵**Красковский Сергей** — казак Лабинского отдела ККВ, учился в Императорском Московском университете. В Великой войне окончил сотню Николаевского кавалерийского училища (1915), сотник 2-го Лабинского полка ККВ (4.02.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, помощник командира того же полка, войсковой старшина при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), лагеря.

²⁶⁶**Дзюба Константин** — казак ст. Старокорсунской ККВ, из урядников Великой войны. В Добровольческой армии и ВСЮР, хорунжий, начальник пулеметной команды Корниловского конного полка (1918), есаул при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920).

Дзюба Семен — казак ст. Старокорсунской ККВ, из урядников-пластунов Великой войны. В Добровольческой армии и ВСЮР, хорунжий Корниловского конного полка (1918), есаул при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), плен, лагеря, сослан за Урал.

²⁶⁷**Чепе(и)га Захарий Алексеевич** — р. в 1726 г. в Черниговской губ. В службе с 1750 г. казаком Кисляковского куреня Востока запорожского низового, Войсковой полковник (10.1769), Войсковой Атаман (3.07.1788), в Турецкой кампании награжден орденом Св. Георгия IV ст. (12.12.1788) и чином бригадира, за взятие Измаила орденом Св. Георгия III ст. (25.03.1791), переселился с Черноморским Войском на Кубань (1792), основатель Екатеринодара (1793), генерал-майор в Польской кампании (1794), умер в Екатеринодаре 15 января 1797 г. 1-й Екатеринодарский полк ККВ с 1904 г. носил имя Кошевого Атамана Чепеги.

²⁶⁸**Головатый Антон Андреевич** — р. в 1732 г. (по другим данным, 1744 г.) в Полтавской губ., сын малороссийского старшины, учился в Киевской бурсе, вступил в Запорожскую Сечь (1757), полковой старшина, Войсковой писарь (1764), в Русско-турецкой войне (1768—1774). Войсковой судья Войска верных казаков (Черноморского), во второй турецкой войне 1787 г. подполковник, за взятие укрепленного острова Березань награжден орденом Св. Георгия IV ст. (12.12.1788), командир Черноморской гребной флотилии, высадил десант под Измаилом, уничтожил 90 судов турецкого флота, награжден Измаильским крестом (1791). «Устроитель» Черноморского Войска на Кубани, и. д. Кошевого Атамана ЧКВ (1794—1796), командир бригады в Персидском походе (1796—1797), избран Кошевым Атаманом ЧКВ и утвержден Императором Павлом I в год своей смерти (1797). 1-й Уманский полк ККВ с 1904 г. носил имя бригадира Головатого.

²⁶⁹**Котляревский Тимофей Терентьевич** — записан в казаки Запорожской Сечи (1760), участвовал во второй Русско-турецкой войне (1787—1791), Войсковой писарь (1789), чин подполковника за штурм Измаила (1790), в 1791 г. сражался в рядах Русской Армии за Дунаем. Переселился с Черноморским Войском на Кубань (1792), Войсковой Атаман ЧКВ (27.06.1797), генерал-майор, в отставке (1799), умер 18 февраля 1800 г., похоронен в Екатеринодаре.

²⁷⁰**Бурсак Федор Яковлевич** — р. в 1750 г., из дворян Харьковской губернии, учился в Киевской семинарии, в службе казаком (1764), в первой Русско-турецкой войне состоял в Запорожской коннице (1768—1774), во второй войне (1787—1791) полковым есаулом участвовал во взятии Очакова (1788) и штурме Измаила (1790), награжден Измаильским крестом, чином капитана (1791). Войсковой Атаман ЧКВ (1799—1816), в делах против горцев, генерал-майор (17.02.1808), умер в 1827 г., похоронен в Екатеринодаре.

²⁷¹**Безкровный Алексей Данилович** — р. в 1785 г., в службе рядовым казаком (с 1800), в делах против горцев (1802—1811), хорунжий (1808), Л.-Гв. в Черноморской сотне (с 11.1811), в войне 1812 г. награжден золотой саблей с надписью «За храбрость», в Конвое (1813—1817) Императора Александра I, полковник (1818) за отличия в Отечественной войне, командир 9-го Казачьего конного полка (1821). Командующий войсками Черноморской Линии (1821), Войсковой, затем Наказной Атаман ЧКВ (27.09.1827—12.11.1830), командовал Таманским отрядом при осаде и штурме турецкой крепости Анапа, генерал-майор (1828), награжден орденом Св. Георгия IV ст. (1.07.1828), участвовал в 13 кампаниях и 100 сражениях (на 1.01.1929), умер 9 июля 1833 г. 1-й Таманский полк ККВ с 1904 г. носил имя генерала Безкровного.

²⁷²**Зава(о)довский Николай Степанович** — р. в 1788 г., в службе рядовым казаком (с 1800) в делах против горцев, в Отечественной войне 1812 г. произведен в офицеры за боевые отличия, дважды ранен, сотник Л.-Гв. Черноморской сотни, командир эскадрона Л.-Гв. Казачьего полка (1825), командир черноморских полков при взятии Карса и Ардагана, генерал-майор (1828), с 11 ноября 1830 г. Наказной Атаман ЧКВ, в экспедициях против горцев (1830—1842), награжден орденом Св. Георгия IV ст. (3.12.1834), генерал-лейтенант (1840), командующий

войсками на Кавказской Линии и в Черномории (с 1.01.1848), генерал от кавалерии (1852), умер в походе 9 ноября 1853 г., похоронен в Екатеринодаре.

²⁷³**Рашпиль Григорий Антонович** — р. 26 сентября 1801 г., из дворян ЧКВ, в службе казаком (1814), юнкер, корнет А.-Гв. Черноморского эскадрона (1821), командир того же эскадрона (1830—1840), в Персидских походах (1826—1828), в Польской кампании (1831), вышел генерал-майором в ЧКВ (16.04.1841), начальник Войскового штаба (7.07.1841), в делах против горцев (1841—1852), награжден орденом Св. Георгия IV ст. (17.12.1844), и. д. Наказного Атамана ЧКВ (1842—1852), генерал-лейтенант (3.04.1849), состоял при Отдельном Кавказском корпусе (1855).

²⁷⁴**Кухаренко Яков Герасимович** — р. в 1799 г., сын полковника ЧКВ, окончил Екатеринодарское училище (1814), в службе сотенным есаулом в 4-й конно-артиллерийской роте с 1814 г., хорунжий (1823), в Русско-турецкой войне участвовал в 14 сражениях с турками и черкесами под Анапой (1828—1829), в делах против горцев (в 1830-х и в 1852—1856), командующий 9-м конным полком (1834), полковник (1846), награжден орденом Св. Георгия IV ст. (26.11.1851), и. д. Наказного Атамана Азовского казачьего Войска (1851), генерал-майор (1853), и. д. начальника Войскового штаба, и. д. Наказного Атамана ЧКВ (1852—1856), начальник Нижнекубанской кордонной линии (1861—1862), умер в плену у горцев в сентябре 1862 г., похоронен в Екатеринодаре.

²⁷⁵**Пивень Александр Ефимович** — р. 16 июня 1872 г., казак ст. Павловской ККВ, окончил Екатеринодарское духовное училище, собиратель фольклора, станичный атаман. В Гражданской войне своими выступлениями мобилизовал казаков против большевиков, в Крыму (1920), о. Лемнос. В эмиграции, в Югославии сотрудник казачьих журналов, в конце 30-х гг. в Германии, религиозный философ, умер в г. Дармштадте (Германия) 7 апреля 1962 г.

²⁷⁶Трагедия Казачества. Т. 4. С. 481.

²⁷⁷Кубанский Исторический и Литературный Сборник. 1962. Май—июнь. № 16.

²⁷⁸Деникин А.И. Указ. соч. Т. 4. С. 58.

²⁷⁹**Гейман Александр Александрович** — р. 26 августа 1866 г., казак ст. Геймановской ККВ, окончил Тифлисский кадетский корпус, 3-е Александровское военное училище (1885), Офицерскую стрелковую школу (1912). В Великой войне полковник 11-го Кубанского пластунского батальона, командир 14-го, 8-го, 2-го Е. И. В. Великой Княжны Ольги Николаевны Кубанских пластунских батальонов, награжден орденом Св. Георгия IV ст. (23.05.1916), генерал-майор (1916), начальник 3-й Кубанской отдельной пластунской бригады (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, командир Майкопского отряда, начальник 2-й Кубанской пластунской отдельной бригады (11.1918—11.1919), генерал-лейтенант (30.11.1918), член Кубанской краевой рады. В эмиграции, умер в старческом доме в г. Великая Киекинда (Югославия) в 1939 г.

²⁸⁰Деникин А.И. Указ. соч. Т. 4. С. 59.

²⁸¹**Репников Дмитрий Васильевич** — р. ок. 1870 г., казак ст. Расшеватской ККВ, окончил Ставропольскую гимназию, Ставропольское казачье юнкерское училище, Офицерскую кавалерийскую школу. В Великой войне награжден орденом Св. Георгия IV ст. (7.01.1916), войсковой старшина, старший штаб-офицер 1-го Кубанского генерал-фельдмаршала Великого Князя Николаевича полка ККВ (5.12.1916), командующий Ейским полком ККВ (с 31.07.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник (23.09.1918), командир 1-го Таманского полка ККВ (4.11.1918), командир 2-й бригады 2-й Кубанской казачьей дивизии, генерал-майор (24.12.1918), начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии

(4.04.1919), в Русской Армии, о. Лемнос. В эмиграции в Сербии, командир 1-го Сводно-Кубанского полка (1925), в конце Второй мировой войны, при вступлении Красной армии в Югославию, застрелился в г. Нише в 1945 г.

²⁸²**Павличенко Иван Диомидович** — р. 21 июня 1891 г., казак ст. Шкуринской ККВ, в службе казаком в 1-м Запорожском Императрицы Екатерины Великой полку ККВ (с 1910), в конвое Наместника на Кавказе (1911). В Великой войне награжден Георгиевской медалью IV ст. (1915), старший урядник, окончил 1-ю Тифлисскую школу прапорщиков (май 1915), хорунжий партизанской сотни (на 17.08.1916), два раза контужен, награжден орденами Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава и Св. Анны III ст. с мечами и бантом, Св. Станислава и Св. Анны II ст. с мечами, Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом, сотник 1-го Запорожского полка (на 14.03.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, командир того же полка (20.04.1919), командующий 2-й бригадой 1-й Конной дивизии, генерал-майор (2.07.1919), временный начальник 3-й Кубанской казачьей дивизии, в Русской Армии, о. Лемнос. В эмиграции в Сербии, Перу, умер в Бразилии 9 августа 1961 г.

²⁸³**Успенский Николай Митрофанович** — р. 19 декабря 1875 г., казак ст. Каладжинской ККВ, окончил Ставропольскую гимназию (1894), Михайловское артиллерийское училище (1897), Академию Генштаба (1905), офицер 1-го Лабинского генерала Заса полка ККВ. В Великой войне полковник (12.1914), командир 1-го Хоперского Е. И. В. Великой Княгини Анастасии Михайловны полка ККВ (с 4.09.1915), начальник штаба 4-й Кубанской казачьей дивизии (24.01.1917), командующий Кубанской казачьей отдельной бригадой на Персидском фронте (19.06.1917). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, генерал-майор (18.12.1918), начальник 1-й Конной дивизии (23.05.1919), врлд командира 4-го Кубанского корпуса (с 06.1919), в распоряжении Кубанского Атамана (с 23.10.1919), член Кубанского правительства, преподавал в Кубанском Алексеевском военном училище, Кубанский Войсковой Атаман (11.—12.1919). Умер от тифа в Екатеринодаре 17 декабря 1919 г.

²⁸⁴Трагедия Казачества. Т. 4. С. 481.

²⁸⁵**Масловский Евгений Васильевич** — р. в 1876 г., окончил Тифлисский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Академию Генштаба (1906). В Великой войне полковник, и. д. генерал-квартирмейстера штаба Кавказской армии, награжден Георгиевским оружием (17.05.1915), командир 153-го пехотного Бакинского полка (04.1916), генерал-майор, награжден орденом Св. Георгия IV ст. (10.06.1916), генерал-квартирмейстер штаба Кавказского фронта, начальник 39-й дивизии (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, командир Приморского отряда в Новороссийске (09.1918), начальник штаба 3-го армейского корпуса (11.1918), начальник штаба войск Терско-Дагестанского края, войск Северного Кавказа (1919), в Русской Армии, начальник штаба 2-й армии (08.—09.1920). В эмиграции, в Болгарии, Франции, умер в г. Ментоне (Франция) 29 января 1971 г.

²⁸⁶**Масловский Е.В.** Мировая война на Кавказском фронте 1914—1917 гг. Париж: Возрождение. 1933. С. 93.

²⁸⁷**Леонтович В.К.** Первые бои на Кубани: Воспоминания. Мюнхен, 1923. С. 20, 21.

²⁸⁸**Деникин А.И.** Указ. соч. Т. 5. С. 77, в примечании.

²⁸⁹Здесь автор ошибается. За время Гражданской войны многие старшие казацкие офицеры утверждались станичными сборами в звании «почетных стариков» — высшей казачьей награды. В архивах, в приказах ККВ по Войсковому штабу сохранилось множество тому свидетельств.

²⁹⁰**Толстов Владимир Сергеевич** — р. 7 июля 1884 г., казак ст. Гурьевской УКВ, сын Наказного Атамана ТКВ, окончил сотню Николаевского кавалерийского училища (1905). В Великой войне подьесаул 5-го Уральского казачьего полка, награжден орденом Св. Георгия IV ст. (11.12.1915), полковник, командир 6-го Уральского казачьего полка (1917). В казачьих войсках против большевиков (1918), Войсковой Атаман УКВ (03.1919), командующий Уральской отдельной армией (04.1919—01.1920), генерал-майор, увел остатки армии в Персию (05.1920) и затем в Месопотамию (05.1921). В эмиграции, председатель Правления Казачьих Войск, генерал-лейтенант (1922), умер в Сиднее (Австралия) в 1956 г.

²⁹¹Здесь говорится о проекте договора, предусматривающего совместные действия ККВ и горцев против большевиков в случае ухода Добровольческой армии с Кубани и Кавказа и признания Антантой советской власти. За подписанный проект договора члены кубанской делегации на Парижской мирной конференции (1918—1919) были обвинены главным командованием в измене, а А.И. Кулабухов, добровольно вернувшийся в Екатеринодар, был предан военно-полевому суду и повешен генералом Покровским 7 ноября 1919 г.

²⁹²**Каппель Владимир Оскарович** — р. в 1881 г. в г. Белеве, сын офицера, окончил 2-й кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1900), Академию Генштаба (1913). В Великой войне подполковник, начальник штаба 37-й пехотной дивизии. Командир добровольческого партизанского отряда на Восточном фронте (06.1918), командир бригады, объединенной группы Поволжского фронта (08.1918), полковник (09.1918), командир Сводного корпуса, генерал-майор (11.1918), командир 1-го Волжского армейского корпуса (01.1919), Волжской группы 3-й армии (07.1919), командующий 3-й армией и Московской группой армий (11.1919), главнокомандующий Восточным фронтом (12.1919), генерал-лейтенант, награжден орденом Св. Георгия IV (22.06.1919) и III (12.09.1919) ст. Умер у разьезда Урей 26 января 1920 г.

²⁹³**Кослякин Анатолий** — р. ок. 1900 г., казак ККВ, окончил Кубанское Александровское реальное училище. Во ВСЮР, хорунжий 1-го Екатеринодарского полка ККВ при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), расстрелян красными в Екатеринодаре в августе 1920 г.

²⁹⁴**Бородычев Никифор Иванович** — казак ККВ, из вахмистров мирного времени. В Великой войне георгиевский кавалер, произведен в офицеры за отличия, хорунжий 2-го Кавказского полка ККВ (на 12.1916). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, есаул Корниловского конного полка (1920), о. Лемнос, войсковой старшина. В эмиграции в Югославии, умер в США 6 октября 1966 г.

²⁹⁵**Маслов Федор** — казак ст. Темижбекской ККВ, из студентов, в Великой войне хорунжий (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, сотник Кубанского партизанского конного отряда (полка) при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920).

²⁹⁶**Бойко Андрей Миронович** — казак Лабинского отдела ККВ, окончил Баттапашинское городское и Тифлисское пехотное юнкерское училища, Академию Генштаба. В Великой войне подьесаул 2-го Кубанского полка ККВ, награжден двумя орденами Св. Анны III ст. с мечами и бантом, Св. Анны III ст., Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава и Св. Анны II ст. с мечами, прикомандирован к штабу 10-й армии (на 1.01.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, начальник штаба войск генерала Шкуро (03.—04.1920), плен при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), лагеря, арестован в Москве в 1920 г.

²⁹⁷**Борисов Павел Андреевич** — не казак, в Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, командир Полтавской бригады при капитуляции Кубанской армии под Адлером — Сочи (04.1920), лагеря, бежал в Крым, в Русскую Армию.

²⁹⁸**Дударь Иван Филиппович** — казак ККВ, окончил Екатеринодарскую гимназию, Харьковский университет, Киевское военное училище, вышел хорунжим в 1-й Таманский генерала Безкровного полк ККВ. В Великой войне есаул, награжден орденами Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», Св. Анны III ст. с мечами и бантом, мечами и бантом к Св. Станиславу III ст., Георгиевским оружием (3.01.1917), Св. Станислава и Св. Анны II ст. с мечами, помощник командира 2-го Таманского полка (на 01.1917), войсковой старшина (4.03.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, командир 2-го Полтавского полка при капитуляции Кубанской армии под Адлером — Сочи (04.1920), лагеря.

²⁹⁹**Богдан Павел Андреевич** — казак ст. Уманской ККВ, из урядников, в Великой войне награжден Георгиевскими крестами III и IV ст., произведен в офицеры за боевые отличия, награжден орденами Св. Анны и Св. Станислава III ст. с мечами и бантом, Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом, сотник 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ (14.02.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, временный командир 1-го Уманского полка при капитуляции Кубанской армии под Адлером — Сочи (04.1920), лагеря.

³⁰⁰**Ратимов Александр** — казак ККВ, в Великой войне войсковой старшина 1-го Уманского бригадира Головатого полка ККВ (06.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, командир 3-го Запорожского полка ККВ (1919), плен при капитуляции Кубанской армии под Адлером — Сочи (04.1920), лагеря.

³⁰¹**Бобр(я)шев Иван Иванович** — р. в 1871 г., казак ст. Ново-Троицкой ККВ. В Великой войне есаул 1-го Запорожского Императрицы Екатерины Великой полка ККВ, переведен в 3-й Сводно-Кубанский (Ейский) полк ККВ (9.06.1915), награжден Георгиевским оружием (7.01.1916), войсковой старшина (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, комендант г. Майкопа, пленен при капитуляции Кубанской армии под Адлером — Сочи (04.1920). Расстрелян в Москве в апреле 1931 г.

³⁰²**Майборода Георгий** — казак ККВ, окончил Ставропольское казачье юнкерское училище. В Великой войне подьесаул 3-го Линейного полка ККВ (1915), награжден орденами Св. Станислава и Св. Анны III ст. с мечами и бантом, Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом, командир сотни, есаул 1-го Екатеринодарского Кошевого Атамана Чепеги полка ККВ (20.05.1916). Во ВСЮР, полковник, командир 1-го Таманского полка ККВ при капитуляции Кубанской армии под Адлером — Сочи (04.1920), лагеря.

³⁰³**Захарьин Иван Петрович** — казак ст. Лабинской ККВ, в Великой войне командующий 2-м Лабинским полком ККВ, полковник (30.07.1914). Пленен при капитуляции Кубанской армии под Адлером — Сочи (04.1920), лагеря.

³⁰⁴**Захаров Иван** — казак ст. Прочноокопской ККВ, окончил Кубанскую войсковую гимназию, Ставропольское казачье юнкерское училище. В Великой войне войсковой старшина, помощник командира 1-го Сводно-Кубанского полка ККВ (05.1916), полковник, командир 3-го Кубанского полка (01.1917). Весной 1918 г., в Армавире, бежал из-под расстрела красных, бросившись в р. Кубань. Пленен при капитуляции Кубанской армии под Адлером — Сочи (04.1920), лагеря, сослан на Урал, в Екатеринбург.

³⁰⁵**Колесник Иван Калинович** — казак ст. Анапской ККВ, окончил Анапское городское училище, Тифлисское пехотное юнкерское училище. В Великой войне подьесаул, награжден орденами Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», Св. Анны III ст., командир сотни 1-го Черноморского полковника Бурсака

2-го полка ККВ (на 12.1916). В Добровольческой армии и ВСЮР, временный командир 2-го Черноморского полка при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), лагеря.

³⁰⁶**Богомазов Иван** — казак ст. Ханской ККВ, окончил Эриванскую учительскую семинарию, учитель. В Великой войне окончил 2-ю Тифлисскую школу прапорщиков (1915), сотник 3-го Линейного полка ККВ (1917). Во ВСЮР, войсковой старшина, временный командир 1-го Линейного полка при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), лагеря.

³⁰⁷**Семейкин Яков Петрович** — казак ст. Ильинской ККВ, на Великую войну вышел вахмистром, подесаул 2-го Кавказского полка ККВ (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, войсковой старшина, временный командир 3-го Уманского полка при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), лагеря.

³⁰⁸**Березлев** — казак ст. Ханской ККВ, окончил Константиновское артиллерийское училище. В Добровольческой армии и ВСЮР, войсковой старшина, командир 2-го Кубанского казачьего пластунского артиллерийского дивизиона (08.1919), затем Кубанской конной батареей при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), лагеря, направлен для преподавания в училище РККА.

³⁰⁹**Москаленко Анатолий Федосеевич** — казак ст. Новотитаровской ККВ, в Великой войне есаул 1-го Черноморского полковника Бурсака 2-го полка ККВ, награжден орденом Св. Станислава II ст. с мечами, курсовой офицер 3-й Тифлисской школы прапорщиков (1916). Во ВСЮР, войсковой старшина при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), лагеря.

³¹⁰**Лама(о)нов Петр Антонович** — р. 29 июня 1881 г., казак ст. Кавказской ККВ, сын офицера, окончил 3-й Московский кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища (1902), вышел хорунжим в 1-й Кубанский полк ККВ, затем служил в конно-пограничной страже в Закавказье. В Великой войне есаул 1-го Кавказского Наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ, награжден орденами Св. Станислава II ст. с мечами, Св. Анны III ст. (на 1916), командир 30-й Особой Кубанской казачьей сотни (с 1.07.1917). Первопоходник, во ВСЮР, интендант 2-го Кубанского корпуса при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), лагеря, погиб в плену в Пензе в 1920 г.

³¹¹**Певнев 1-й, Константин Иванович** — р. ок. 1885 г., казак ст. Таманской ККВ, сын офицера, окончил Константиновское артиллерийское училище. В Великой войне есаул, старший офицер 1-й Кубанской казачьей батареей (на 1.01.1917). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, командир 5-й Кубанской казачьей конной батареей (30.08.1918), полковник, командир Кубанской казачьей конной батареей при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), лагеря, направлен в штаб Петроградского военного округа, преподавал в училище РККА.

³¹²**Колонна-Валевский Владимир Константинович** — казак ККВ, окончил Ставропольское казачье юнкерское училище. В Великой войне войсковой старшина, награжден орденами Св. Станислава и Св. Анны II ст. с мечами, Св. Анны III ст., старший штаб-офицер 3-го Кавказского полка ККВ (на 12.1916). Полковник, плен при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), лагеря.

³¹³**Кунаковский Андриан Андреевич** — казак ст. Расшеватской ККВ, старший урядник 1-го Кавказского Наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ. В Великой войне окончил Горийскую школу прапорщиков, хорунжий 2-го Хоперского полка (на 01.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, войсковой старшина, командир сотни 1-го Кавказ-

ского полка при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), лагеря.

³¹⁴**Додоухов** — казак ст. Уманской ККВ, окончил 3-й Московский кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища. В Великой войне сотник 3-го Уманского полка ККВ, награжден орденом Св. Анны III ст. (на 01.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, есаул, командир обоза 2-го разряда 1-го Кавказского полка при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), лагеря.

³¹⁵**Богацкой Иван Матвеевич** — казак ККВ, окончил Усть-Лабинскую учительскую школу, Оренбургское казачье училище. В Великой войне командир сотни, подъесаул 2-го Екатеринодарского полка ККВ (к 1.07.1917). Во ВСЮР, войсковой старшина Кубанского учебного пластунского батальона, плен при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), лагеря.

³¹⁶**Бойко Петр Яковлевич** — казак ККВ, офицер-пластун, в Великой войне окончил ускоренные курсы Академии Генштаба (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, войсковой старшина Кубанского учебного пластунского батальона, пленен при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), лагеря, направлен в штаб пехотной дивизии РККА.

³¹⁷**Схино** — р. в Екатеринодаре, иногородний, приписан в казаки, окончил Кубанское Александровское реальное училище. Во ВСЮР, войсковой старшина Кубанского учебного пластунского батальона, пленен при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), лагеря.

³¹⁸**Валуцкий Иван Андреевич** — казак ст. Казанской ККВ, подхорунжий 1-го Кавказского Наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ. В Великой войне награжден Георгиевскими крестами II, III и IV ст., за боевые отличия произведен в офицеры (8.03.1916), хорунжий 3-го Кавказского полка, награжден орденом Св. Станислава III ст. с мечами и бантом (на 12.1916). В Добровольческой армии и ВСЮР, войсковой старшина, помощник командира 2-го Полтавского полка при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), лагеря.

³¹⁹**Михайлопуло Константин Дмитриевич** — р. в Екатеринодаре, казак ККВ, сын офицера, окончил Кубанское Александровское реальное училище (1914). В Великой войне окончил Тифлисское военное училище, вышел в 13-й Кубанский пластунский батальон, подъесаул, обер-офицер для поручений штаба 3-й Кубанской пластунской бригады (09.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, командир сотни 1-го Екатеринодарского полка (1918), в Екатеринодарском конном запасном полку, есаул (1919), адъютант, временный начальник штаба 2-й Кубанской пластунской бригады при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), лагеря. В 1920—1930-е гг. на советской службе, арестован (6.11.1930), 5 лет лагерей, вторично арестован в Томске (3.07.1937), расстрелян.

³²⁰**Петин Алексей** — казак ст. Новопокровской ККВ, из учителей. В Добровольческой армии и ВСЮР, войсковой старшина 4-го Кубанского пластунского батальона при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), лагеря.

³²¹**Закрепа** — казак ККВ, окончил Елисаветградское кавалерийское училище по 2-му разряду (1911), вышел хорунжим в 4-й Кубанский пластунский батальон. В Добровольческой армии и ВСЮР, войсковой старшина, пленен при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), лагеря.

³²²**Богаевский Владимир Николаевич** — казак Области Войска Донского, окончил Новочеркасское казачье училище (1910), вышел хорунжим в 10-й Донской казачий полк, окончил гимнастическо-фехтовальные курсы в Варшаве. Во

ВСЮР, полковник, в 4-м Донском конном корпусе при капитуляции под Адлером—Сочи (04.1920), лагерь, сослан на Урал, при подготовке восстания расстрелян красными в Екатеринбурге в 1921 г.

³²³**Мамантов Константин Константинович** — р. 16 октября 1869 г. в С.-Петербурге, зачислен в войсковое сословие в ст. Раздорскую Области Войска Донского (1900), окончил Николаевский кадетский корпус (1888), сотню Николаевского кавалерийского училища (1890), офицер Л.-Гв. Конно-Гренадерского полка, в Русско-японской войне в 1-м Читинском полку ЗаБКВ. В Великой войне полковник, командир 19-го, 6-го Донских полков, командир бригады 6-й казачьей дивизии (1917). В Донской армии, участник Степного похода, командующий войсками ряда донских округов (04.1918), генерал-майор (7.05.1918), командующий Восточным фронтом, командующий 1-й Донской армией (23.02.1919), командир 2-го Сводного казачьего корпуса, генерал-лейтенант (1919), командир конной группы (11.1919), командир 4-го Донского отдельного корпуса (07.1919—02.1920), умер от тифа в Екатеринодаре 1 февраля 1920 г.

³²⁴**Долженко Григорий Архипович** — казак ст. Петропавловской ККВ, окончил вахмистром Кубанское Алексеевское военное училище (двухгодичный курс), хорунжий в штабе Кубанской армии при капитуляции под Адлером—Сочи (04.1920), лагерь.

³²⁵**Дроба(ы)шев Александр Исидорович** — казак ст. Архангельской ККВ, студент Московского сельскохозяйственного института. Во ВСЮР, хорунжий в штабе Кубанской армии при капитуляции под Адлером—Сочи (04.1920), лагерь, бежал. В эмиграции, в Румынии (на 1923).

³²⁶**Ермолов Федот Иванович** — казак ст. Расшеватской ККВ, в Великой войне урядник 1-го Кавказского Наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, награжден Георгиевскими крестами III и IV ст., хорунжий 2-го Кавказского полка (1919), плен при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), лагерь, сослан на север.

³²⁷**Сорокин Иван Лукич** — р. в 1886 г. (?), казак ст. Петропавловской ККВ, окончил военно-фельдшерскую школу. В Великой войне награжден Георгиевскими крестами III и IV ст., окончил 2-ю Тифлисскую школу прапорщиков (1915), сотник 3-го Линейного полка ККВ (1917). Главнокомандующий Северо-Кавказской красной армией, вр. командующий 11-й армией, арестован и убит большевиками в Ставрополе 3 ноября 1918 г.

³²⁸**Скобелев Михаил Дмитриевич** — р. 17 (29) сентября 1843 г. в С.-Петербурге, сын генерал-лейтенанта, окончил Академию Генштаба (1868), подполковник в Хивинском походе (1873), ликвидировал Кокандское восстание (1876), военный губернатор и командующий войсками Ферганской обл. (с 1876). В Русско-турецкой войне начальник штаба Сводной казачьей дивизии, командир Кавказской казачьей бригады при втором штурме Плевны (июль 1877), в августе командовал отрядом под Ловчей, начальник 16-й пехотной дивизии при блокаде Плевны, занял с войсками Сан-Стефано (февраль 1878). Командир 4-го арм. корпуса (1878—1880), командовал второй Ахал-Текинской экспедицией (1880—1881). Генерал-адъютант (1878), генерал от инфантерии (1881), награжден орденом Св. Георгия IV ст. (1873), III ст. (26 ноября 1875) и II ст. «за покорение Ахал-Теке» (14 января 1881), умер в Москве 26 июня 1882 г. В честь Скобелева названа одна из станиц ККВ.

³²⁹С началом Великой войны во 2-ю Кавказскую казачью дивизию входили: 1-й Лабинский генерала Засса, 1-й Черноморский, 3-й Черноморский полки ККВ и 3-й Волгский полк ТКВ; 1-я и 5-я Кубанские казачьи батареи.

³³⁰**Абази́ев Дми́трий Константи́нович** — р. 3 декабря 1857 г., из осетин ТКВ, православный, в службе с 1877 г., в Русско-турецкой войне ординарец генерала Скобелева, награжден знаком отличия Военного ордена II, III, IV ст., прапорщик (25.02.1878), выдержал экзамен при Виленском пехотном юнкерском училище, награжден золотым оружием в Ахал-Текинской экспедиции (1881), сотник Горско-Моздокского конного полка, корнет А.-Гв. Терского эскадрона Собственного Е. И. В. Конвоя (6.05.1884), помощник командира Конвоя, полковник (6.04.1903), в Русско-японской войне командир Уссурийского казачьего полка (1904—1905), генерал-майор (1905), генерал-лейтенант, начальник 2-й Кавказской казачьей дивизии (9.10.1912). В Великой войне награжден орденом Св. Георгия IV ст. (10.06.1916), командир 6-го Кавказского армейского корпуса (14.06.1916). В Добровольческой армии, командир Кавказского Туземного конного корпуса (26.02.1918), генерал от кавалерии (30.09.1918). В эмиграции, умер в Белграде 4 июня 1936 г.

³³¹**Туска́ев Алекса́ндр Дани́лович** — р. 30 ноября 1873 г., казак ст. Новоосетинский ТКВ, окончил Ставропольское казачье юнкерское училище, офицер 1-го Горско-Моздокского полка ТКВ (1900), в Собственном Е. И. В. Конвое (13.07.1902), есаул, командир А.-Гв. 4-й Терской сотни (10.08.1910), полковник, помощник командира 1-го Волгского полка ТКВ (26.08.1912). В Великой войне командир 3-го Волгского полка ТКВ (1914), командир 2-го Сунженско-Владикавказского полка ТКВ (06.1916), убит на позиции в Карпатах 30 сентября 1916 г.

³³²**Артифе́ксов Леони́д Алекса́ндрович** — казак ТКВ, окончил Тифлисскую гимназию (1907), Алексеевское пехотное училище (1909), вышел хорунжим в 1-й Сибирский Ермака Тимофеевича полк СибКВ. В Великой войне сотник пулеметной команды 2-й Кавказской казачьей дивизии ККВ, награжден орденом Св. Георгия IV ст. (29.07.1918, за отличия в Великой войне). В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник Корниловского конного полка (1918), командир 1-го Линейного полка ККВ (1919), в Русской Армии генерал-майор (1920). В эмиграции, умер в Сербии 3 июня 1926 г.

³³³**Калити́н Петро́ Петрович** — р. 30 октября 1853 г., из дворян Псковской губ., приписан в казаки ст. Ессентукской ТКВ, учился в Нижегородском Аракчеевском кадетском корпусе (5 кл.), доброволец в отряде генерала Скобелева в Ахал-Текинской экспедиции, выдержал офицерский экзамен при полевом штабе действующих под Хивой войск и за боевые отличия произведен в офицеры; в чине штабс-капитана 1-го Туркестанского стрелкового батальона награжден орденом Св. Георгия IV ст. (27.07.1881), командир Туркменского конного дивизиона, командир 1-го Волгского полка ТКВ (05.1899), генерал-майор (1903), командир 2-й бригады 2-й Сводной казачьей дивизии, начальник Забайкальской отдельной казачьей бригады (1906). В Великой войне начальник Сибирской отдельной казачьей бригады (1914), командир 1-го Кавказского армейского корпуса, награжден орденом Св. Георгия III ст. (17.05.1915), генерал от кавалерии. В эмиграции, во Франции, умер в Париже в 1928 г.

³³⁴**Никола́ев Андре́й Миха́йлович** — р. 18 июля 1858 г. в ст. Павловской ОКВ, окончили Михайловское артиллерийское училище, Офицерскую артиллерийскую школу, Михайловскую артиллерийскую академию, в Русско-японской войне награжден золотым оружием (1905), генерал-майор (2.06.1910). В Великой войне начальник 5-й Кавказской (1915—1916) и 2-й Кубанской казачьей дивизий (1916—1917), генерал-лейтенант (21.07.1915).

³³⁵**Диденко Анато́лий Миха́йлович** — р. 28 июля 1874 г. в г. Пскове, окончил Псковский кадетский корпус, Константиновское военное училище (1894),

Академию Генштаба (1902). В Великой войне начальник штаба 123-й пехотной дивизии, генерал-майор. В гетманской армии (1918), начальник штаба 8-го корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР, участник Екатеринославского похода (11.—12.1918), преподаватель, начальник Кубанского Алексеевского военного училища (01.1919—1920), арестован в Екатеринодаре во время десанта на Кубань (08.1920), в плену в Москве, служил в РККА (1923).

³³⁶**Ермоленко Евдоким Иванович** — казак ККВ, в Великой войне командир сотни 1-го Екатеринодарского Кошевого Атамана Чепеги полка ККВ, четырежды ранен (08.1914—08.1915), награжден Георгиевским оружием (9.03.1915), орденами Св. Станислава и Св. Анны II ст. с мечами, Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом, мечами и бантом к Св. Анне III ст., Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», войсковой старшина (на 12.1916), командирован в Екатеринодарскую школу прапорщиков командиром конной сотни. В Добровольческой армии и ВСЮР, командир того же полка (07.—08.1918), командир Корниловского конного полка (12.08.1918), за ранением назначен в распоряжение Войскового правительства (17.09.1918), начальник Кубанского Алексеевского военного училища (на 01.1919), полковник, помощник начальника училища (1920), арестован в Екатеринодаре во время десанта на Кубань (08.1920), расстрелян в числе 6 тысяч кубанских офицеров и военных чиновников на Сев. Двине в 1920 г.

³³⁷**Вербубский Леонтий** — казак ККВ, окончил сотню Николаевского кавалерийского училища, вышел хорунжим в 1-й Екатеринодарский Кошевого Атамана Чепеги полк ККВ. В Великой войне награжден орденами Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава и Св. Анны III ст. с мечами и бантом, Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом, Св. Станислава и Св. Анны II ст. с мечами, подесаул того же полка (1916), командирован в Николаевское кавалерийское училище. В Добровольческой армии и ВСЮР, есаул, в Кубанском Алексеевском военном училище (1920), арестован в Екатеринодаре во время десанта на Кубань (08.1920), расстрелян в числе 6 тысяч кубанских офицеров и военных чиновников на Сев. Двине в 1920 г.

³³⁸**Демяник Евгений Владимирович** — казак ст. Славянской ККВ. В Великой войне подхорунжий, награжден Георгиевскими крестами III и IV ст., Георгиевской медалью IV ст., за боевые отличия произведен в офицеры, награжден орденами Св. Станислава и Св. Анны III ст. с мечами и бантом, Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава и Св. Анны II ст. с мечами, сотник 2-го Полтавского полка ККВ (на 01.1917). Первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, в Корниловском конном полку (1918), есаул Кубанского конного учебного дивизиона (1920), арестован в Екатеринодаре во время десанта на Кубань (08.1920), расстрелян в числе 6 тысяч кубанских офицеров и военных чиновников на Сев. Двине в 1920 г.

³³⁹**Скорородов Владимир Степанович** — р. 20 июня 1881 г., казак ст. Щедринской ТКВ, сын офицера, окончил Тифлисский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1902), офицер 2-й Терской казачьей батареи, в Русско-японской войне, 1-й старший офицер батареи (с 17.09.1912), есаул (1913). В Великой войне войсковой старшина, командир 1-й Терской казачьей батареи (с 26.04.1916), награжден Георгиевским оружием (24.01.1917). Во ВСЮР, полковник, в Кубанских артиллерийских частях, арестован в Екатеринодаре во время десанта на Кубань (08.1920), расстрелян в числе 6 тысяч кубанских офицеров и военных чиновников на Сев. Двине в 1920 г.

³⁴⁰**Пучков Александр Григорьевич** — казак ст. Николаевской ККВ, учился в Ставропольской классической гимназии, окончил Ставропольское казачье юнкерское училище. В Великой войне командир сотни, награжден орденами Св. Анны

III ст. с мечами и бантом, Св. Станислава II ст., мечами и бантом к Св. Станиславу III ст., Св. Анны II ст. с мечами., Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», мечами к Св. Станиславу II ст., Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом, войсковой старшина, помощник командира 1-го Кавказского Наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (на 01.1917). Полковник, лагеря, сослан на Урал (1920).

³⁴¹**Авильцев Владимир Николаевич** — казак ст. Каладжинской ККВ, окончил Екатеринодарскую гимназию, Ставропольское казачье юнкерское училище. В Великой войне есаул, награжден орденами Св. Анны и Св. Станислава II ст. с мечами, командир сотни 1-го Кавказского Наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (на 01.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, лагеря, сослан на Урал (1920).

³⁴²**Удовенко Михаил Иванович** — р. ок. 1882 г., казак ст. Батапащинской ККВ, окончил 3-й Московский кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища (1902), вышел хорунжим в 1-й Кавказский полк ККВ, полковой адъютант. В Великой войне есаул, награжден орденами Св. Станислава II ст. с мечами, мечами и бантом к Св. Станиславу III ст., Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом, старший адъютант штаба Закаспийской отдельной казачьей бригады (1914—1915), штаба 5-й Кавказской казачьей дивизии (1916—1917). В Добровольческой армии, полковник, лагеря, сослан на Урал (1920).

³⁴³**Гридин Иван Никифорович** — р. в 1881 г., казак ст. Новорождественской ККВ, окончил Киевское пехотное училище (1908), адъютант 1-го Кавказского Наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ (до 1915). В Великой войне переведен во 2-й Сводно-Кубанский (Екатеринославский) полк ККВ (9.06.1915), войсковой старшина (на 1917). Во ВСЮР, полковник, в «Армии возрождения России» генерала Фостикова (1920), лагеря, сослан на Урал. Начальник оперативного отдела штаба Приволжско-Уральского военного округа (05.1921), технический руководитель Уралплана (1921). Арестован НКВД в 1938 г., умер 23 сентября 1938 г.

³⁴⁴**Штригель Евгений Петрович** — р. в 1876 г., офицер-воспитатель Владикавказского кадетского корпуса. В Великой войне полковник, награжден орденами Св. Анны и Св. Станислава II ст. с мечами, Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом, помощник командира 3-го Полтавского полка ККВ (на 1.12.1916), командир 3-го Линейного полка ККВ (1917). Во ВСЮР, командир 3-го Кавказского полка ККВ (с 10.1919), в плену в Москве (на 1920).

³⁴⁵**Безладнов Яков Афанасьевич** — р. ок. 1875 г., казак ККВ, полковник. В Добровольческой армии и ВСЮР, командир 2-го Кубанского казачьего конно-артиллерийского дивизиона (1919), в плену в Москве (на 1920).

³⁴⁶**Черник** — р. ок. 1875 г., казак ККВ, в Великой войне войсковой старшина, командир 6-й Кубанской казачьей батареи (1916). В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, в плену в Москве (на 1920).

³⁴⁷**Горбачев** — казак ККВ, сотник 2-го Черноморского полка ККВ, полковой адъютант (1914). Во ВСЮР, войсковой старшина, в плену в Москве (на 1920).

³⁴⁸**Дьячков Михаил Иванович** — полковник, бывший воспитатель Тифлиского кадетского корпуса, служил в азербайджанской армии, в плену в Москве (на 1920).

³⁴⁹В феврале—марте 1920 г., не получив никаких распоряжений из Екатеринодара на случай отступления, атаман Батапащинского отдела, генерал-майор П.С. Абашкин с семьей отправился вслед за войсками, через горные перевалы. Спустя два месяца, когда Кубанская армия на Черноморском побережье капиту-

лировала, генерал Абашкин вернулся и был арестован (семейный архив составителя).

³⁵⁰**Ка(у)лабухов Владимир Николаевич** — р. 14 июня 1890 г., казак ст. Ново-Покровской ККВ, окончила Кубанское Александровское реальное и Елисаветградское кавалерийское (1912) училища, вышел хорунжим в 1-й Запорожский Императрицы Екатерины Великой полк ККВ. С 1914 г. офицер 1-го Кавказского Наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ, в Великой войне награжден орденами Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава и Св. Анны III ст. с мечами и бантом, Св. Станислава и Св. Анны II ст. с мечами, Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом, подесаула, командир сотни (1916), полковой адъютант (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, есаул 1-го Кавказского полка ККВ (1919), старший адъютант атамана Баталпашинского отдела. Умер от тифа в декабре 1919 г., похоронен в ст. Ново-Покровской в ограде Николаевской церкви.

³⁵¹**Кулабухов Алексей Иванович** — р. 15 марта 1880 г., казак ст. Ново-Покровской ККВ, окончил Ставропольскую духовную семинарию (1901), учился в Императорском Юрьевском (Дерптском) университете, священник, член Кубанской рады (1917—1919). Первопоходник, член Кубанского правительства по внутренним делам (1918), член делегации на Парижской мирной конференции (1918—1919), повешен генералом Покровским в Екатеринодаре 7 ноября 1919 г. за якобы подписанный договор с горскими народами. В действительности был подписан лишь проект договора, предусматривающий совместные действия ККВ и горцев против большевиков в случае ухода Добровольческой армии с Кубани и Кавказа.

³⁵²Член Кубанской краевой рады всех созывов М. Кулик писал: «Мне в известной степени было понятно отношение командования армии к группе Черноморцев Рады, арестованных и высланных за границу. Да, они критиковали командование, некоторые из них сильно тянули к Украине, проявляя свои демократические и федеративные настроения, все это, с точки зрения единонеделимого командования, [ничего], кроме вражды и злости, не вызывало.

А вот за что поплатился своей жизнью член Рады, священник А.И. Кулабухов, мне до сих пор непонятно. Никакой самостоятельностью никогда не увлекался. Принадлежал к числу линейских Кубанцев, украинцам не родственник и никаким уклоном к украинству не страдавший. Был он крепким казаком, чтившим казачьи обычаи и традиции, казачье народовправство. В договоре, им подписанном и послужившим официальной причиной его казни, ни одного пункта, направленного против России, не было, да и вообще-то этот «договор» был не больше, как клочок бумаги.

Другого объяснения, что он стал случайной жертвой в заранее задуманном плане командования — потряхнуть Раду, я не нахожу. Случай с его приездом в Екатеринодар, как раз перед тем, как командованием была намечена операция, дало командованию лишнюю карту в руки, а для такого исполнителя плана, каким был генерал Покровский, одна (да и больше) человеческая жизнь ничего не стоила.

Портрет А.И. Кулабухова, нарисованный впоследствии некоторыми кубанскими деятелями, как борца за Кубанскую самостоятельность, громившего и командование армии, и Атамана ген. Филимонова на заседаниях Законодательной Рады в октябре 19-го года, совершенно не отвечает истине. А.И. Кулабухов приехал из Парижа в начале ноября, к заседаниям Краевой Рады, на которых он и сделал доклад (и ознакомил Раду с содержанием договора дружбы, в котором, даже с увеличенным стеклом, нельзя было найти никакого «предательства» и «измены» России. Нужно было нарочитое желание придать этому договору харак-

тер «предательства» и «измены», а у командования армии этого желания оказалось с избытком). Я этот доклад слышал и никаких «громов» по адресу командования и Атамана Филимонова я, да и никто другой не слышали. Законодательная Рада, в то время, не заседала.

Человек погиб, как жертва случайности, что ничуть не умаляет величины этой Кубанской жертвы» // Казак. Информационный листок Кубанской канцелярии. Хартфорд (США). 1977. Апрель—июнь № 292. С. 33, 37.

³⁵³**Носов** — казак ст. Архангельской ККВ, из учителей, в Великой войне офицер 3-го Кавказского полка ККВ. В Добровольческой армии и ВСЮР, есаул, в плену в Москве (на 1920).

³⁵⁴**Мельников** — казак Батаалпашинского отдела ККВ, окончил Екатеринодарскую школу прапорщиков. В Добровольческой армии и ВСЮР, хорунжий 1-го Хоперского полка ККВ (12.1919), в плену в Москве (1920), сослан в Холмогоры Архангельской губ. Бежал за границу, в эмиграции во Франции (на 1931).

³⁵⁵**Иодковский Аполлон Николаевич** — р. 12 марта 1893 г. в ст. Лабинской ККВ, окончил Майкопское реальное училище (1910), учился на юридическом факультете Императорского Московского университета. В Великой войне окончил сотню Николаевского кавалерийского училища (1.06.1915), офицер 1-го Линейного генерала Вельяминова полка ККВ, награжден орденами Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава и Св. Анны III ст. с мечами и бантом (на 12.1916), сотник (1917), член первой Кубанской краевой рады (1917). Первопоходник, тяжело ранен под Екатеринодаром (28.03.1918), есаул (05.1919), помощник командира конвойной сотни при Войсковом штабе (1919—1920), плен при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), лагеря. Работал в Институте государства и права, умер в Москве 15 апреля 1981 г.

³⁵⁶**Полковник Ф.И. Елисеев**. Плачь, Кубань, о своих сынах // Новое Русское Слово. Н.-Йорк. 1986. 8 августа.

³⁵⁷В нашей семье в 1920 г., от моего двоюродного деда, офицера-артиллериста А.Н. Абашкина, сосланного в числе 6 тысяч кубанских офицеров в Архангельскую губ., получили единственную и последнюю весточку, написанную на бересте. — Примеч. сост.

³⁵⁸В 1931 г. А.И. Елисеев судебным заседанием Коллегии ОГПУ будет обвинен по ст. 58/13, 10 и 14 и заключен в концлагерь сроком на 10 лет; ОСО при НКВД СССР пересмотрит дело, срок сократят до 1937 г. Затем, вместе со старшим сыном, они будут расстреляны.

³⁵⁹**Юденич Николай Николаевич** — р. 18 июля 1862 г. в Москве, окончил 3-е Александровское военное училище (1881), Академию Генштаба (1887), офицер Л.-Гв. Литовского полка. В Великой войне начальник штаба, командующий Отдельной Кавказской армией (с 17.01.1915), генерал от инфантерии, награжден орденом Св. Георгия IV ст. (13.01.1915), III ст. (4.08.1915) и II ст. (15.02.1916) за взятие Эрзерума, главнокомандующий Кавказским фронтом (04.—31.05.1917), в распоряжении военного министра. В Белом движении главнокомандующий войсками на северо-западе России (1919). В эмиграции во Франции, умер в Каннах 5 октября 1933 г.

³⁶⁰**Колчак Александр Васильевич** — р. 4 ноября 1874 г., сын генерал-майора морской артиллерии, окончил Морской кадетский корпус (1894), участвовал в граничных плаваниях, в Русской полярной экспедиции Э.В. Толля на шхуне «Заря» (1900—1902), в Русско-японской войне, в Порт-Артуре ранен, попал в плен. Награжден большой золотой Константиновской медалью Императорского Русского географического общества (1906), в составе морского Генерального штаба, в минной дивизии (1912), флаг-капитан штаба командующего Балтийским флотом.

В Великой войне капитан 1-го ранга, командир минной дивизии (09.1915), награжден орденом Св. Георгия IV ст. (2.11.1915), контр-адмирал (10.04.1916), командующий морскими силами в Рижском заливе, вице-адмирал и командующий Черноморским флотом (28.06.1916), в отставке (06.1917). В САСШ участвовал в намечавшейся Дарданелльской операции союзников, вернулся в Россию, военный и морской министр правительства Директории в Омске (4.11.1918), 18 ноября — Верховный правитель и Верховный главнокомандующий, адмирал, награжден орденом Св. Георгия III ст. «за освобождение Урала» (20.04.1919), предан союзниками и чехословаками, арестован в Иркутске (15.01.1920), расстрелян по приказу из Москвы 7 февраля 1920 г.

³⁶¹**Саморядов** — казак ст. Тифлисской ККВ, из урядников, в Великой войне произведен в офицеры (1917), участвовал в восстании казаков Кавказского отдела ККВ (03.1918). Во ВСЮР, хорунжий во 2-й Кубанской казачьей дивизии, арестован летом 1920 г., лагеря, сослан в г. Петрозаводск (на 1921).

³⁶²**Сосновский** — казак ККВ, во ВСЮР, хорунжий 5-й Кубанской казачьей батареи, арестован летом 1920 г., лагеря, сослан в Петрозаводск (на 1921).

³⁶³**Солодудин Г.** Жизнь и судьба одного казака. Н.-Йорк, 1962.

³⁶⁴**Козловский Александр Николаевич** — р. 5 августа 1864 г., окончил Киевский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1884), Офицерскую артиллерийскую школу, Михайловскую артиллерийскую академию. В Великой войне генерал-майор, и. д. инспектора артиллерии 1-го Туркестанского армейского корпуса. Член штаба обороны крепости во время Кронштадтского восстания (3.03.1921). В эмиграции в Финляндии, в Гельсингфорсе, пропал без вести в 1931 г.

³⁶⁵Кубанский Исторический и Литературный Сборник. Орангбург (США). 1962. Май—июнь. № 16. С. 22.

³⁶⁶См.: Елисеев Ф.И. С Корниловским конным. М., 2003. С. 308—311.

³⁶⁷**Воропаев** — казак ст. Некрасовской ККВ, в Великой войне урядник Собственного Е. И. В. Конвоя. В Добровольческой армии и ВСЮР, хорунжий Корниловского конного полка (1918), есаул при капитуляции Кубанской армии под Адлером—Сочи (04.1920), лагеря.

³⁶⁸Елисеев Ф.И. Указ. соч.. С. 597—600.

³⁶⁹Эсадзе Б.С. Памятка Гребенца. Петроград, 1916.

³⁷⁰Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Журнал военных действий 1-го Лабинского генерала Засса полка. Ф. 15134, оп. 1, д. 6, лл. 1 об., 10; д. 7, л. 7; д. 13, л. 4; д. 14, лл. 6, 8, 31 об., 39, 44, 45 об., 57; д. 16, лл. 14, 22; д. 18, лл. 2—30, 34; д. 27, лл. 18—21, 23, 26, 29, 31; д. 30, лл. 16, 26, 30; д. 37, л. 209.

Штаб Мелазгертского отряда. Ф. 14980, оп. 1, д. 6, лл. 4, 375, 483 об., 484, 484 об.

Журнал военных действий Евфратского отряда. Ф. 14990, оп. 1, д. 1; д. 6, л. 4.

Штаб 4-го Кавказского армейского корпуса. 1914—1918. Ф. 2300, оп. 1, д. 14, лл. 50, 57; д. 472, лл. 78, 504, 530, 535; д. 476, л. 443; д. 477, л. 183; д. 489, лл. 79, 81.

Штаб Походного Атамана при Его Императорском Величестве. 1915—1917 гг. Ф. 2007, оп. 1, д. 57 (5), лл. 230, 231, 235; д. 75.

1-й Кавказский кавалерийский корпус. 1915—1918 гг. Ф. 2320, оп. 1, д. 140, л. 417.

³⁷¹**Подпорин Иван Яковлевич** — казак Лабинского отдела ККВ, офицер 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ, в Великой войне награжден орденом Св. Станислава и Св. Анны II ст. с мечами, Св. Анны IV ст. с надписью «За

храбрость», Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом, мечами и бантом к Св. Станиславу и Св. Анне III ст., войсковой старшина, младший штаб-офицер того же полка (на 01.1917).

³⁷²**Лопата Платон Иосифович** — р. в 1866 г., казак ст. Лабинской ККВ, окончил Ставропольское казачье юнкерское училище (1888), офицер 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ, в Персидском походе (1909—1912) награжден орденом Св. Анны III ст. с мечами и бантом (11.12.1911). В Великой войне награжден орденами Св. Станислава и Св. Анны II ст. с мечами, мечами и бантом к Св. Владимиру IV ст. и Св. Станиславу III ст., есаул, командир сотни того же полка (на 01.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, командир 2-го Кубанского полка (09.1918—1919), в Русской Армии (1920), о. Лемнос. В эмиграции в Болгарии, в составе Кубанского Алексеевского военного училища (на 1925).

³⁷³**Князь Дадияни** — в Великой войне офицер 17-го драгунского Нижегородского Его Величества полка, прикомандирован к 1-му Лабинскому генерала Засса полку ККВ, корнет (1916), убит 21 июня 1916 г.

³⁷⁴**Астафьев** — казак Лабинского отдела ККВ, в Великой войне подесаул, командир сотни 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ (06.1915), убит под г. Муш в августе 1916 г.

³⁷⁵**«Башибузуки»** — в военных сводках название разноплеменных кавказских горцев, входивших в состав Турецкой армии.

³⁷⁶**Лиманский 1-й, Михаил Григорьевич** — казак Лабинского отдела ККВ, офицер 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ, в Великой войне подесаул, командир сотни того же полка, награжден орденами Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», Св. Анны и Св. Станислава III ст. с мечами и бантом, во 2-м Кавказском казачьем авиаотряде (на 01.1917).

³⁷⁷**Федоров Владимир Алексеевич** — казак Лабинского отдела ККВ, офицер 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ, в Великой войне подесаул, награжден орденами Св. Станислава и Св. Анны III ст. с мечами и бантом, Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом, Св. Станислава II ст. с мечами, начальник команды связи того же полка (на 01.1917). Полковник, в эмиграции, выдан советским властям в Лиенце в 1945 г.

³⁷⁸**Борисенко Иван Васильевич** — казак ст. Кардоникской ККВ, в Великой войне подесаул, начальник конно-пулеметной команды 2-й Кавказской казачьей дивизии (1915), награжден орденом Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом, умер в 1916 г.

³⁷⁹**О. Татаринев Феодор** — полковой священник 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ в Великой войне, награжден орденом Св. Анны III ст. с мечами (13.03.1916).

³⁸⁰**Таранов Иван Михайлович** — казак Лабинского отдела ККВ, офицер 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ, в Великой войне награжден орденами Св. Анны и Св. Станислава II ст. с мечами, Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом, мечами и бантом к Св. Анне III ст., есаул того же полка (на 01.1917), убит в Гражданской войне.

³⁸¹**Воропанов Николай Николаевич** — р. 8 сентября 1854 г., окончил Чугуевское пехотное юнкерское училище (1877), вышел офицером в 81-й пехотный Апшеронский полк, генерал-майор (1906), начальник 2-й Кавказской стрелковой бригады (1911). В Великой войне начальник 66-й пехотной дивизии, генерал-лейтенант (1915), инспектор запасных войск Кавказской армии (12.1915—1917).

³⁸²**Мудрый Матвей Михайлович** — р. 9 августа 1855 г., окончил Полтавский окружной пансион (1874), Тифлисское пехотное юнкерское училище (1877), ко-

мандир 5-го Кубанского пластуна батальона (1900), полковник, вышел в отставку генерал-майором (1907). В Великую войну принят на службу тем же чином (9.01.1915), начальник 4-й Кубанской отдельной пластуна бригады, умер 1 августа 1916 г.

³⁸³**Назарбеков Фома Иванович** — р. 4 апреля 1855 г., армянин, из дворян Тифлисской губ., окончил 3-е Александровское военное училище (1876), вышел офицером в 13-й Лейб-грендерский Эриванский полк, в Русско-турецкой войне (1877—1878), полковник 14-го грендерского Грузинского генерала Котляревского полка (1902), в Русско-японской войне награжден золотым оружием, генерал-майор в отставке. В Великой войне командир бригады 66-й пехотной дивизии (11.1914), начальник 2-й Кавказской стрелковой дивизии и Азербайджанского отряда (1915), награжден орденом Св. Георгия IV ст. (7.01.1916), командир 7-го отдельного Кавказского армейского корпуса в Персии (01.1917), командир Армянского корпуса (12.1917). Главнокомандующий войсками Армянской республики (1918—1920), генерал от инфантерии (1919), в 1921 г. арестован, в концлагере, умер в Тбилиси 19 февраля 1931 г.

³⁸⁴**Великий Князь Николай Николаевич-мл.** — р. 6 ноября 1856 г., окончил Николаевское инженерное училище (1873), Академию Генштаба (1876), офицер Л.-Гв. Гусарского полка, награжден орденом Св. Георгия IV ст. (16.06.1877), генерал-адъютант (1894), генерал от кавалерии (1901), Верховный главнокомандующий Русской Армией (1914—1915), награжден орденом Св. Георгия III ст. (23.09.1914), II ст. за взятие Перемышля (9.03.1915), Наместник на Кавказе, главнокомандующий Отдельной Кавказской армией (09.1915—02.1917). После отречения Государя Императора вновь назначен Верховным главнокомандующим, но под давлением Временного правительства оставил должность. В эмиграции в Италии (1919), Франции, умер в г. Антибе 5 января 1929 г.

³⁸⁵Начальником Санджанского отряда согласно приказу по 4-му Кавказскому корпусу от 29 ноября 1915 г. был назначен генерал-майор Певнев.

³⁸⁶**Дро (Канаян) Драстамат Мартиросович** — р. 1 мая 1883 г. в г. Игдырь, окончил русскую гимназию в Ереване, поступил в военное училище (1904), в 1908 г. переехал в Баязет, глава партии «Дашнакцутюн», руководил переброской оружия из России. В Великой войне на Кавказском фронте начальник 2-й Армянской дружины, действовавшей совместно с Закаспийской отдельной казачьей бригадой (1914), затем со 2-й Кавказской казачьей дивизией. Комиссар Армянского корпуса (1917), командующий войсками прикрытия (1918), военный министр республики Армения (11.1920), с февраля 1921 г. в выступлениях против советской власти, с 1928 г. в эмиграции в Румынии, Ливане, во Второй мировой войне организовывал набор легионеров в Германии, умер в г. Бостоне (США) 8 марта 1956 г.

³⁸⁷Курды-хамидие -- призывались в турецкую армию на тех же основаниях, как и казаки, выставляя конные полки и батальоны легкой пехоты; форма одежды кавказская.

³⁸⁸**Суржигов Алексей Иванович** — р. ок. 1870 г., казак ст. Николаевской ККВ, окончил Ставропольское казачье юнкерское училище, офицер 1-го Кавказского Наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка ККВ, есаулом переведен в 1-й Лабинский генерала Засса полк ККВ (1913). В Великой войне командир сотни (1915), награжден орденом Св. Анны II ст. с мечами, Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом, Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», помощник командира полка (на 01.1917), полковник (11.07.1917), командир 1-го Кубанского полка ККВ, расстрелян красными на ст. Ладожская летом 1918 г.

³⁸⁹1-м Черноморским полковника Бурсака 2-го полком ККВ тогда вр. командовал полковник П.Н. Шатилов.

³⁹⁰**Вдовенко Герасим Андреевич** — р. в 1867 г., казак ст. Государственной ТКВ, окончил Владикавказское реальное и Ставропольское казачье юнкерское училища (1888), офицер 1-го Кизляро-Гребенского полка ТКВ, 1-го Волгского полка ТКВ (1909). В Великой войне войсковой старшина того же полка, награжден Георгиевским оружием (24.02.1915), полковник, командир 3-го Волгского полка (1916), командир бригады 4-й Кубанской казачьей дивизии (1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, начальник Моздокской линии в Терском восстании (1918), генерал-майор (01.1919), генерал-лейтенант (13.03.1919), Терский Войсковой Атаман (03.1919—1945), в Русской Армии. В эмиграции в Югославии, вывезен в СССР (1945), умер в тюрьме в 1946 г.

³⁹¹**Мигузов Михаил Андреевич** — р. 4 августа 1874 г., казак ст. Марьинской ТКВ, окончил Михайловский Воронежский кадетский корпус, сотню Николаевского кавалерийского училища (1895), подесаул 1-го Сунженско-Владикавказского генерала Слепцова полка ТКВ (1.06.1904), офицер-воспитатель Тифлисского кадетского корпуса, подполковник. В Великой войне войсковой старшина 1-го Горско-Моздокского генерала Круковского полка ТКВ (17.09.1915), помощник командира 3-го Кизляро-Гребенского полка ТКВ (8.06.1916). В Добровольческой армии и ВСЮР, полковник, с 1920 г. в эмиграции, умер в Югославии.

³⁹²**Де Витт Владимир Владимирович** — р. 15 февраля 1859 г., окончил 2-е Константиновское военное училище (1879), вышел офицером в 5-ю гренадерскую батарею, окончил Академию Генштаба (1887), начальник штаба 15-й пехотной дивизии (1900), командир 12-го пехотного Велико-Луцкого полка (1903), в Русско-японской войне командир бригады, начальник штаба 2-го Сводного стрелкового корпуса, награжден золотым оружием (1906). В Великой войне начальник 39-й пехотной дивизии, генерал-лейтенант, командир 4-го Кавказского армейского корпуса (12.1915), награжден орденом Св. Георгия IV ст. (10.06.1916), врио командующего Кавказской армией (06.—09.1917), генерал от инфантерии (09.1917).

³⁹³**Подпорин Григорий Яковлевич** — казак Лабинского отдела ККВ, офицер 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ, в Великой войне есаул, командир сотни того же полка, награжден орденами Св. Анны IV ст. с надписью «За храбрость», Св. Станислава и Св. Анны III ст. с мечами и бантом, Св. Станислава и Св. Анны II ст. с мечами, убит под г. Моссулом в 1917 г.

³⁹⁴**Киселев Иван Денисович** — казак Лабинского отдела ККВ, в Великой войне урядник, награжден Георгиевской медалью IV ст., Георгиевским крестом IV ст., произведен в офицеры за боевые отличия, хорунжий 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ (на 09.1917).

³⁹⁵**Бабич Михаил Павлович** — р. 22 июля 1844 г. в ст. Нововеличковской ККВ, из дворян ККВ, окончил Михайловский Воронежский кадетский корпус, юнкер Тарутинского великого герцога Ольденбургского полка, отчислен в полки ККВ. В Кавказской войне награжден знаком отличия Военного ордена IV ст., произведен в прапорщики (1864), участник Русско-турецкой войны (1877—1878), Ахал-Текинской экспедиции (1880—1881), командовал армейскими полками, генерал-майор (6.05.1899), военный губернатор Карсской обл. (1906—1908), генерал-лейтенант (22.04.1907), начальник Кубанской обл. и Наказной Атаман ККВ (1908—1917), генерал от инфантерии (17.11.1914). Зарублен красными под Кисловодском в августе 1918 г. В апреле 1919 г. перезахоронен в Екатеринодарском войсковом соборе.

³⁹⁶**Бочаров Павел Григорьевич** — р. в 1869 г., казак ст. Усть-Джегутинской ККВ, окончил Батаалпашинское городское училище, Ставропольское казачье юнкерское училище (1891). В Великой войне помощник командира 2-го Хоперского полка ККВ (на 1.02.1917), полковник (4.03.1917). В Добровольческой армии и ВСЮР, командир 1-го Хоперского полка, 1-й Хоперской бригады (05.1919), 2-й бригады 1-й Кавказской казачьей дивизии (с 22.11.1919), в Русской Армии, о. Лемнос, генерал-майор. В эмиграции, в составе Кубанского офицерского дивизиона в Югославии (1925), до Второй мировой войны там же.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

ЛАБИНЦЫ

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ

Кубанская армия	13
В своей станице	19
Полковой командирский выезд	22
У генералов Науменко и Фостикова	27
В 1-м Лабинском полку	31
Офицерский состав 1-го Лабинского полка	33
2-й Кубанский конный корпус. Начальники	35
Полковой врач и полковой казначей	38
Трагическая гибель генерала Крыжановского со штабом	41
На рубеже Войсковой земли. Станица Успенская	42
В станице Дмитриевской	46
В станице Кавказской. Похвальные дела	48
Конная атака 1-го Лабинского полка у хутора Лосева	50

ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ

Положение на фронте в начале февраля	59
В Кавказской. 6-я сотня	61
«Ведьма». В пулеметной команде. Станичники	67
Набег красных на станицу Темижбекскую	71
«Последнее прощанье»	74
Одна ненормальность. Полковая пулеметная команда	78
Прорыв красной конницы	81
Штаб-трубач Василий Диденко	87

ТЕТРАДЬ ТРЕТЬЯ

Командиры 1-го и 2-го Кубанских полков	92
Конная атака Лабинцев под Дмитриевской	94
Начальник штаба дивизии генерал Арпсгофен	102
Полковник Хоранов	105

Жена конвойца. Сестренка Надюша	107
Тост полковника Булавинова. Бой в станице Ильинской	109
Новая неудача. День 25 февраля	112
Бой у хутора Лосева	116
Полковник Миргородский	118

ТЕТРАДЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Последняя атака	120
Приезд генерала Улагая	124
Офицеры 1-го Лабинского полка	128
Почему Лабинцы были таковыми?	130
Новые офицеры полка	133
Прощание казака	134
Выступление корпуса в станицу Тифлисскую	137
«Мы идем в Грузию»	139
В станицах Тифлисской и Ладожской	142
Положение на фронте	145
Переправа через Кубань	147

ТЕТРАДЬ ПЯТАЯ

В станице Ново-Лабинской	150
За Лабой-рекой. В черкесском ауле	151
Пополнение 2-й дивизии офицерами	155
«Зеленые»	157
Боевые курьезы за рекой Белой. Полковник Шляхов (разность мнений)	159
4-й Донской казачий корпус	162
В станице Бжедуховской	163
Казачьи корпуса отходят на Туапсе	165
Черкесская конная дивизия. Черкесы ужинают	167
В станице Черниговской. Двор Дейнеги	171
В станице Кабардинской. Правительственный отряд	173
В Хадыженской. Генерал Бабиев	174
Калмыки-дзюнгарцы. Начало голода	175
Гойтхский перевал. 4-й Донской (Мамантовский) корпус	177
Отход черкесов. Их духовный вождь. Жуткая новость	179

ТЕТРАДЬ ШЕСТАЯ

На станции Индюк. Хорунжий Меремьянин 1-й	181
На Лысой горе. «Зеленый»	182
Гибель сотника Веприцкого	184
Генерал Шляхов и полковник Посевин	186
Учащаяся молодежь. Произвол	188
Гайдамаки. Отряд генерала Закладного	191
Печальный день нашей дивизии	192
Ночь. Повторное назначение на дивизию	196
Святая Пасха в селе Лазаревском	199

Воинская этика. Казачья слабость	202
Генерал Хоранов. Полковое братство	204
В Сочи. Войсковой старшина Баранов	206
Опять в своем полку. Войсковой старшина Ткаченко	208

ТЕТРАДЬ СЕДЬМАЯ

Поощрение от Атамана Букретова. В 1-м Черноморском полку	209
Войсковой старшина Логвинов. Обед с дамой	211
Две дивизии — в одну. Генерал Бабиев	213
Награждения в полку	217
Черкесская земля. «Именные» пулеметы	220
Корниловцы и Лабинцы. Визит генералов	222
Опять отход. Новость. Генерал Шинкаренко	223
Уход генерала Бабиева	226
У Корниловцев. Полковник Лиманский	229
Полковник Дейнега. Оставление Сочи	231
Генерал Морозов. На позиции у Корниловцев	233
Военный совет	235
Жуткие минуты в полку	245

ТЕТРАДЬ ВОСЬМАЯ

Решение офицеров 1-го Лабинского полка	247
Офицеры-корниловцы. В Адлере, у Атамана Букретова	249
В стихии беспомощности	252
Я вновь начальник дивизии. Пароходы ушли	254
Что предшествовало «миру с красными»?	256
Атаманский полк. День 21 апреля	259
Генерал Морозов и красные комиссары	261
Трагикомический случай с комиссарами	264
Конный разъезд и батальон красных	265
Скорбные мысли и события дня	269
Ультиматум красных	272

ТЕТРАДЬ ДЕВЯТАЯ

В последний поход	275
Первая анкета. «Забытый» телефон	277
Сдача оружия. Мираж в море	279
Отобрание лошадей	281
«И еще не прокричит петух трижды»	283
Перед красными начальниками	286
Действие казачьей песни	288
В Туапсе	291
Георгиевские кресты	295
В поезде на Армавир. В Белореченской	297
В станице Рязанской	301
В станице Старокорсунской	303
В Екатеринодаре	305

ПОБЕГ ИЗ КРАСНОЙ РОССИИ

ТЕТРАДЬ ДЕСЯТАЯ

Оглянемся назад — как это было?	313
Первые дни «за проволокой»	318
Наша бабушка	321
Красный командир	323
Кубанский съезд Советов	325
О сотнике Веприцком. Наш лагерь	327
По дороге в Чека и на поезд	330
Опрос	333
Офицерский список	335
Ростовский лагерь	338
Станичник красного главкома	340
Казаки — георгиевские кавалеры и конвойцы	342

ТЕТРАДЬ ОДИННАДЦАТАЯ

В Москве	344
Генерал Певнев	345
В Костроме. В ЧК	348
В костромской тюрьме. Польские солдаты	351
В Запасном полку. Его командир и офицеры	353
Старое видение	354
Вновь в Москве. Плачь, Кубань, о сынах своих	356
Еще одна встреча со своими	358
Новая анкета. Наша жизнь в Москве	360
Направление офицеров в военные училища	363

ТЕТРАДЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

Одно жуткое предупреждение	364
Красные командиры	366
И еще кубанские офицеры в Москве	368
На военно-политических курсах	371
Наши лекторы — Верховский, Готовский, Войцеховский	373
Массовый арест. Нас везут на восток	376
Мы «у цели». В Екатеринбурге	382
Новое заточение. Заложницы	384
Кубанский хор. Первый концерт	386

ТЕТРАДЬ ТРИНАДЦАТАЯ

Казаки за Уральскими горами	392
Дом Ипатьева. Страшная весть	397
Закрытие курсов. Концерт	399
Распыление. «Последнее прости» с братом	401
Распыление продолжается	404
Матросы с «Авроры». В селе Колчедан	405

Состав спортивных курсов	409
Крестьянские настроения «за Колчака»	411
Полковник Богаевский. «На разведке» в Екатеринбурге	413
Наша Надюша	416
Отъезда из Колчедана	418

ТЕТРАДЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

«Студент»	421
«Нет, я не офицер»	424
Карта. В Петрозаводске. Встречи с казаками	426
Новый риск. Встреча с офицером-станинником	432
В Карелии. Последний день в красной России	435
Я заблудился. Встречи в лесу	439
Рубикон перейден. В Финляндии	445
На фельдфебельском посту	450
Офицерский пост. В тюрьме. В лагере кронштадтских повстанцев	452
О гибели брата в Корниловском полку. Необходимое разъяснение	455

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>Приложение 1.</i> Памятка 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ, его командиры в Великой и Гражданской войнах	463
<i>Приложение 2</i> (к разделу «Старое видение», тетрадь 11-я). Офицеры и урядники сводной сотни 1-го Кизляро-Гребенского генерала Ермолова полка ТКВ, участвовавшие в юбилейных торжествах по случаю 300-летия Дома Романовых (в мае 1913 г. в городе Костроме)	467
<i>Приложение 3.</i> Боевые действия 1-го Лабинского генерала Засса полка в Великой войне. 1914—1917 гг.	468
<i>Приложение 4.</i> Выписка из послужного списка командира 1-го Лабинского генерала Засса полка ККВ полковника Феодора Ивановича Елисеева	479
Комментарии	487